В. Н. ИПАТЬЕВ

ЖИЗНЬ ОДНОГО ХИМИКА

ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ II: 1917—1930

НЬЮ ИОРК

1945

В. Н. Ипатьев
(1942 г.)

В. Н. ИПАТЬЕВ

ЖИЗНЬ ОДНОГО ХИМИКА

ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ II: 1917—1930

НЬЮ ИОРК

1945

ПАМЯТИ НЕИЗВЕСТНОГО ХИМИКА

Автор.

The English edition of the MEMOIRS by V. N. IPATIEV, now being prepared, will be published by the Stanford University Press and edited by the Hoover Library of War, Revolution and Peace, which has the exclusive right to publish my *Memoirs* in all languages except Russian—on the conditions laid down in our agreement.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

1917—1921

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Последние дни февраля 1917 года в Петрограде были очень тревожны, так как начались забастовки на разных заводах, изготовляющих военное снаряжение. 22-го февраля военный министр Беляев созвал совещание из начальников Главных Управлений; он пригласил также и меня, как председателя Химического Комитета. Цель этого заседания была совершенно непонятна, — разве только для сообщения нам, что мы находимся накануне больших беспорядков, которые могут привести к развалу всего государства. В своей речи Беляев выявил себя вполне растерянным человеком, совершенно не знающим, что предпринять ему самому, и что мы должны делать при развивающихся непредусмотренных событиях. Насколько он был растерян можно было заключить из того, что он предложил развести мосты, чтобы воспрепятствовать проникновению рабочих из Выборгского района и Петербургской стороны в центр города; ему тотчас-же заметили, что реки скованы льдом и эта мера не имеет никакого смысла.

В воскресенье, 25-го февраля, я возвращался домой вечером около 11 часов от академика архитектуры Григория Ивановича Котова, который жил в доме музея барона Штиглица. На улицах была полнейшая тишина, и, кажется, ничто не предвещало событий, которые на другой день разыгрались на улицах Петрограда. Утром в понедельник, 26-го февраля, я был вызван по телефону дежурным писарем моего Химического

Комитета, находившегося на Песках, рядом с казармами Волынского и Егерского и др. полков. Он мне передал, что в гвардейских полках началось восстание, и что находящийся на службе Химического Комитета полк. Шнегас, который шел на работу, остановлен солдатами и избит, а возможно, что и убит. Писаря Химического Комитета предлагали мне не приезжать на службу и остаться дома. Я приказал шоферу поставить автомобиль в гараж, а сам решил пойти пешком в Главное Артиллерийское Управление, которое находилось на другой стороне Невы. Я совершенно спокойно прошел через Литейный мост, на котором народа не было больше, чем в обыкновенное время, и, придя в Управление, прошел прямо к начальнику А. А. Маниковскому для выяснения создавшейся обстановки. Занятия в Управлении шли своим чередом, и в зале заседаний, напротив кабинета начальника, шло очередное заседание II отдела Комитета под председательством генер. Якимовича.

А. А. Маниковский сам не знал, что происходит в городе, и его телефонные звонки не помогли ему выяснить картину происходящих беспорядков. Но по мере того, как стали прибывать в Управление различные служащие, стало выясняться, что уже многие воинские части вышли из повиновения, а некоторые офицеры убиты. В Управление пришел английский военный аташе полк. Нокс, который тоже подтвердил о начавшихся больших беспорядках в городе. Через некоторое время начали доноситься звуки выстрелов, все учащавшиеся, и сильный гул приближающейся толпы.

Когда из окон второго этажа Управления стала видна двигающаяся толпа, я вместе с полк. Ноксом спустились в вестибюль узнать, что происходит на улице. В это время солдаты с выстрелами ворвались в вестибюль и начали отбирать холодное оружие офицеров Управления. Так как я, как генерал, имел шпагу, не имеющую никакого боевого употребления, то солдаты ее не взяли. Произведенными выстрелами в приемной комнате был случайно убит один штатский японец, который пришел в Управление по военным заказам; я и Нокс увидали

первую жертву революции, он лежал на полу обливаясь кровью. В тот момент я совсем не думал, что другая шальная пуля легко могла отправить меня по той же дороге, куда ушел и японец. Мы вышли из главного под'езда Управления на Литейный проспект и увидали, что он весь был запружен толпой. К нам подошли солдаты и несколько рабочих. Судя по хорошей одежде и по разговору их нужно было считать высоко квалифицированными рабочими одного из больших петербургских заводов. Я не могу припомнить всего разговора, который имел место, но помню, что Нокс спросил их, что они думают делать дальше, на что получил очень неопределенный ответ.

Я вспоминаю тоже, что я на их запрос указал, где находится дом министра внутренних дел Протопопова, и они решили направиться по этому направлению. Мой разговор с рабочими и солдатами произвел на них такое впечатление, что они пришли к заключению, что я могу быть им очень полезен для организации дальнейших революционных действий. Один из рабочих, как сейчас помню его красивое симпатичное лицо, прямо настаивал: «возьмем генерала с собой». Легко понять мое изумление и даже ужас, когда я услыхал такое предложение; конечно, я поспешил незаметно ускользнуть назад, в здание Управления, пользуясь случаем, что их внимание в это время было приковано к разговору с полк. Нокс.

Я должен здесь снова напомнить, что в то время сильнейшее недовольство захватило все слои русского общества не только в тылу, но и на фронте. Как я уже сообщал ранее, при моем разговоре в Пскове, в штабе Северо-Западного Фронта, с ген. Болдыревым, последний мне прямо заявил, что «в случае революции мы, офицеры и солдаты, будем на ее стороне». Я чувствовал тогда, что так далее продолжаться не может, что атмосфера была накалена до последней степени. Все были особенно возмущены царицей Александрой Федоровной, — ее вызывающим поведением в отношении назначения самых бездарных и недостойных лиц на должности министров. Все знали, что Государь был безвольным человеком и что его супруга делала с ним, что хотела. Достаточно было даже небольших

стачек рабочих или бунта в одном из запасных батальонов, чтобы волнения мгновенно распространились на все слои населения.

Революционное настроение было у всех, — начиная с верхов интеллигенции и до последнего мужика. Я помню свои разговоры с крестьянами деревни Собельниково, моим соседями по хутору в Калужской губернии. Все они в один голос заявляли мне о своем крайнем недовольстве войной и спрашивали, когда же она кончится; они особенно чувствовали тяжесть войны летом в 1916 году, когда был об'явлен призыв до 40-летнего возраста и в деревне должны были остаться одни старики и женщины. Такой отсталой стране, какой являлась совершенно не подготовленная к войне Россия, ведение громадной войны на два фронта представляло громадные трудности. В особенности надо принять во внимание, что, как русский народ, так и инородцы, не понимали целей войны, и потому считали, что жертвы, ими приносимые, совершенно излишни. Что я мог сказать своим соседям, когда я сам считал, что продолжение войны угрожает полным развалом государства, и что неумелый способ ее ведения, несомненно, должен вызывать крайнее раздражение во всех слоях населения? На их вопрос я отвечал вопросом же: а как ее кончить? Ведь разрывая с союзниками и заключая мир с Германией, мы можем впоследствии очутиться снова в очень тяжелом положении, — не говоря о том, что все принесенные громадные жертвы пропадут даром. Но деревня во время революции, начавшейся в Петрограде и Москве, а потом и в других городах, молчала. Она выжидала событий, и до зимы в ней наружно было все спокойно. Февральская революция как бы не всколыхнула еще деревни, хотя, несомненно, что вопрос о приобретении помещичьей земли был главным лозунгом крестьян: деревня только ждала удобного момента, когда будет можно безнаказанно взять ее в свои руки.

Когда рабочими и солдатами мне было сделано предложение принять активное участие в революционных действиях, то, приняв во внимание, что я в политических делах никогда не принимал участия и не имел никакой политической программы,

я сразу решил незаметно скрыться. Из Управления, которое уже было занято солдатами, беспорядочно стрелявшими в потолок и стены, я решил выйти задним ходом на двор, а потом через калитку на одну из улиц, прилегающих к Литейному проспекту, и пробраться домой. Но ворота Управления были заперты, и мне пришлось пройти на двор Орудийного Завода (он находился рядом с Г. А. У.), откуда после долгих поисков я нашел выход наружу. Теперь надо было решить, как мне пробраться домой; переход через Неву по Литейному мосту был немыслим, так как он весь был запружен восставшими. Оставалось перейти Неву по льду, и потому, я направился на Набережную к Гагаринскому переезду. Здесь случилось событие, которое, может быть, спасло мою жизнь, так как появление на улице перед восставшей толпой генерала представляло громадную опасность: в этот день было убито не менее 10 генералов и много офицеров. Выйдя из Орудийного завода я встретил солдата Ромашева, вестового моего сына, Димитрия, который был убит на войне под Вильной. Ромашев любил моего сына, был с ним во всех боевых делах и привез его тело в Москву, после отступления наших войск от Вильно. Бог послал мне этого человека, только благодаря которому я и смог пробраться домой. Мы решили идти через Неву по Гагаринскому переезду и выйти к Медицинской Академии. С Литейного моста нас заметили и пустили по нас несколько выстрелов; мы добрались до другого берега и увидали на Набережной, у Военного Госпиталя и Военно-Медицинской Академии, громадную толпу солдат и рабочих. Протискиваясь через эту толпу с Ромашевым, который держал меня за руку, я был несколько раз останавливаем и допрашиваем: «куда идешь, отдай оружие». На эти вопросы, Ромашев отвечал: «веду генерала в Академию, где он служит профессором, там разберут». Я со своей стороны, показывая мою шпагу, смеясь добавлял: «Возьмите это оружие, которое годится только мешать уголь в камине».

По приходе в Академию, я явился немедленно к начальнику ген. Чернявскому, который был с другими служащими и

профессорами в канцелярии, и рассказал ему все виденное и слышанное. Я предупредил, что переход через Литейный мост крайне опасен, и лучше переждать до другого дня, чем пускаться сейчас в опасный путь. В это время я узнал, что ездовые солдаты, прикомандированные к Артиллерийскому Училищу, на обязанности которых лежал уход за лошадьми, отказались повиноваться начальству и не позволили юнкерам запрягать лошадей в орудия: от генерала Хабалова, коменданта Петрограда, был дан приказ батареям Артиллерийских Училищ с боевым комплектом выехать в центр города для усмирения восставших воинских частей и рабочих. Это приказание по указанной выше причине не могло быть выполнено. Но если бы даже батареи и выехали бы из Ломанского переулка (Выборгская сторона), то они далеко бы не уехали, так как вся Нижегородская улица была запружена рабочими и солдатами.

Я вспоминаю впечатление, которое мой рассказ произвел на начальника Академии и других коллег. Они сочувствовали восставшим, и начальник Академии сказал, что это позор иметь министров подобных Протопопову и Маклакову. Большинство из чинов Академии и Училища сознавали, что произошли события громадной важности и что невозможно остановить начавшееся революционное движение. Его дальнейший поступательный ход обеспечивался тем, что у правительства, не пользующегося доверим страны, не было никакой силы, так как войско было на стороне восставших, а полиции было слишком мало, чтобы оказать серьезное сопротивление. Конечно, находились отдельные чудаки, которые говорили, что «это ерунда» и что у правительства достаточно сил, чтобы усмирить этот бунт. Они скоро поплатились за такое легкомыслие. Одним из таких был заслуженный профессор Артиллерийской Академии Николай Александрович Забудский. Когда я его предупредил не ходить домой, так как ему приходилось перейти через Литейный мост, то он мне на это возразил: «Глупости, вот мой приятель, ген. Мрозовский в Москве не позволит бунтовать, разом все прекратит», — и несмотря на мой и других коллег совет остаться в Академии, он около 5 часов вечера

отправился домой. На мосту он был убит, и тело его было найдено только через несколько дней.

События разыгрывались с невероятной быстротой, и уже на другой день никто не сомневался, что старому строю пришел конец. Описывать весь ход событий я не нахожу нужным, так как это уже сделано многими, а только приведу свои переживания и предчувствия относительно будущего моей родины.

В продолжении трех дней я не выходил за стены Академии, и весь ход событий в городе я узнавал от моих сослуживцев по Химическому Комитету, главным образом от Георгия Георгиевича Кокинаки, который занимал у меня должность юрисконсульта и был из либерально настроенных молодых людей. Он светло смотрел в будущее, и его душа радовалась перемене государственного строя; он старался всеми силами успокоить меня, говоря, что все это движение только на пользу стране, — несмотря на то, что это совершается в такое тяжелое для страны время. Мой помощник по химической лаборатории, ген.-майор проф. Николай Михайлович Витторф имел со мной беседу на другой день после начавшегося восстания. Николай Михайлович с самых ранних лет был приверженцем Плеханова, и мы, его коллеги, знали его образ мыслей по политическим вопросам. Хотя он самым лойяльным образом выполнял свой долг перед родиной и был безукоризненно честным человеком, но в душе был республиканцем и считал, что республика должна быть осуществлена в России. Вот пример, который должен быть поставлен перед большевистским режимом: при царском режиме в Военной Академии генерал в глубине своей души не сочувствует самодержавному строю, но, патриот своей страны, все свои силы отдает на пользу родины. Никто из служащих в Академии не позволил себе сделать донос на этого человека, так как, с одной стороны, считали за позор всяких шпионаж, и, с другой, знали, что Н. М. никогда не позволит нарушить данную им присягу.

Что касается до меня, то я, с самых моих юных лет, по складу своего характера, ненавидевший всякое насилие и издевательство, никогда не был приверженцем самодержавия. Мне

всегда представлялось, что конституционная монархия для России являлась бы наилучшим образом правления. На заданный мне вопрос Витторфом, как я смотрю на создавшееся положение и какой образ правления надо установить в настоящее время, я ответил ему, что, пожалуй, при настоящих условиях, для успокоения рабочих и крестьян, единственное, что можно предложить — это об'явить в России республику. Я мотивировал свое решение тем, что последние Романовы дискредитировали себя в глазах народа и что ни один из них не приемлем; что же касается до плана назначения брата царя, Михаила, регентом, — до совершеннолетия неизлечимо больного наследника, — то эта комбинация мне представлялась не очень целесообразной, так как вел. кн. Михаил по своему характеру и подготовке не был в состоянии навести порядок и сам не хотел занять столь высокий пост; с другой стороны, представлялось очень трудным осуществить полное изолирование подрастающего наследника от родителей. Мои размышления целиком совпали с Н. М., но и он, в свою очередь, согласился со мной, что переход к новому образу правления в такой отсталой стране, какой является Россия, где мало образованный народ совершенно не уясняет себе разницу между различными образами правления и не знаком даже с элементарными понятиями о политических свободах, чреват большими трудностями, в особенности во время войны, от которой устал весь народ.

На другой день после нашего разговора, было получено известие, что царь отрекся от престола за себя и за своего сына и предложил своему брату Михаилу стать русским царем. В скором времени было образовано Временное Правительство, в которое вошли, главным образом, кадеты, октябристы и А. Ф. Керенский от социалистов-революционеров. Как известно, еще раньше образования этого правительства создался другой орган, «Совет рабочих и солдатских депутатов». Его появление обусловливалось тем, что импульс революционному движению был дан рабочими и солдатами, которые, конечно, хотели получить больше прав и привилегий для себя. Лидеры социалисти-

ческих партий, как показывает история революции, хотя и не были организаторами февральского восстания, но после его успешного завершения, стали во главе Исполнительного Комитета Совета. В сущности, образовалось новое правительство Российской Республики, — более авторитетное, чем Временное Правительство во главе с кн. Львовым, Милюковым, Гучковым и др. Российское Государство вступило в эпоху двоевластия, — от которого, конечно, нельзя было ожидать никакого добра, ни для успешного окончания войны, ни для успокоения страны и введения жизни в нормальное русло.

Я, с самого начала революции, несмотря на уверение моих молодых помощников, что все образуется и что порядок в армии и в стране скоро водворится, ни на одну минуту не сомневался, что России придется пережить ужасное лихолетье, и что будут принесены громадные жертвы, — гораздо большие, чем это имело место на войне. Первое, что подтвердило мои опасения, это было приказ № 1, изданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов (автором его был штатский человек, присяжный поверенный Н. Д. Соколов), который отменял отдание чести между чинами армии и предлагал образовать выборные комитеты.

Этот приказ сразу нарушил всякую дисциплину в армии. Я вспоминаю, как 4-го марта, в первый раз после восстания, я пошел пешком в Химический Комитет и по дороге, у Таврического сада, встретил солдата Преображенского полка с каким-то штатским; солдат не только не отдал чести, а самым наглым образом стал издеваться надо мною и говорить своему спутнику непристойные слова. Я не стану спорить, что успехи революционного восстания могут вызвать сильное головокружение с потерей понятия о всяком приличии; но попробуйте поставить себя на место военного человека, прослужившего более 30 лет на военной службе, глубоко убежденного, что без строгой дисциплины не может существовать никакое войско, и тогда вы поймете, какое томящее чувство охватило мое существо. Это чувство родилось не от глупых оскорблений

солдата, а от сознания, что наша интеллигенция не с'умела воспитать и подготовить наш народ для понимания государственных задач. Я нисколько не хочу защищать тех, которые, будучи поставлены во главе государственного правления, привели страну к такому развалу. Военачальники, которые в угоду союзников заставляли русский народ нести непосильные жертвы и в ненужных боях отправляли на тот свет десятки тысяч, должны были понести достойную кару. Я отлично понимаю, что эта ненужная бойня возбудила гнев солдат и крестьян, и когда этот гнев достиг высокого напряжения, то он неминуемо должен был разразиться в форме такой бури, равной которой по силе проявления не было во всей истории человечества.

Я не виню солдат за их неуважительное отношение к офицерам. С одной стороны, лидеры революционных партий внушали им подобное обращение, а, с другой стороны, многие офицеры не умели заслужить к себе надлежащего уважения. Отношения солдат к офицерам зависели, главным образом, от личных качеств последних. К моему сыну солдаты относились, как к родному отцу, несмотря на то, что ему было 22 года. Точно также в моем Химическом Комитете я имел очень большое число нижних чинов солдат и матросов. Кроме того, я имел до 40 военных писарей. Во все время революции, как февральской, так и октябрьской, я встречал самое корректное к себе отношение, и перед передачей этого комитета в Артиллерийский Комитет все писаря просили меня сняться вместе с ними и с другими служащими; эта фотография сохраняется у меня до сих пор. Кроме того, солдаты Химического Батальона в первые дни революции проявили большую заботу обо мне и справлялись неоднократно, не надо ли принять какие-либо меры.

В подтверждение сказанного интересно привести здесь письмо одного бывшего писаря Химического Комитета, который, узнав из газет о праздновании 35-летия моей научной деятельности, прислал поздравление, которое тронуло меня до глубины души; я позволю себе привести его здесь:

Уважаемый Владимир Николаевич!

Шлю свое искреннее поздравление Вам с 35-летним юбилеем Вашей научной деятельности с далекой Шевченковщины и желаю Вам бодрости в дальнейшей Вашей научной деятельности на пользу нашей отечественной Советской химии.

Десять лет (будет в августе сего года, — 1927), как я ушел из Химического Комитета при Г. А. У., во главе которого стояли Вы, В. Н. и все-таки, несмотря на это время, — у меня сохранилась самая лучшая память о Вас.

Пресса последний год давала частенько вести о достижениях Советской Химической Промышленности, — каждый раз не забывая упомянуть Ваше имя. В «Правде» за 11 число я прочитал заметку о Вашем юбилее и спешу выразить свою радость.

Я не химик, меня Вы не знаете, так как я был очень маленьким Вашим сослуживцем, всего лишь писарем Общей Канцелярии, больше сталкивался с Пужай, Кокинаки, Ивановским. В августе 1917 года я был командирован на Южный Полигон в команду Бобовникова, откуда выехал в декабре после окончания постановки опытов и за ликвидацией Полигона, — следовательно, мне трудно изложить все Ваши заслуги в органической и минеральной химии. Но кроме того, что Вы были гордостью нашей, как научная сила, Вы, Владимир Николаевич, своей простотой и отзывчивостью завоевали симпатию личную у бывших нижних чинов, что в памятное «Николаевское» время было редкостью.

Мы все видели, что Вам больше подходил сюртук академика, чем мундир генерала, но это было не в Вашей воле.

Так пусть же не ослабевает Ваша энергия на благо советской химической промышленности, для которой Ваши силы так нужны.

С приветом

Ф. М. Ковтюх.

Разложение армии началось с первых же дней революции. Я понимал, что лидеры крайних левых партий сознательно старались ускорить этот процесс, так как после уничтожения полиции и армии, пролетариат, обладая громадным количеством военного снаряжения, мог стать полным хозяином страны. Но

я не мог понять поведения людей умеренно-либерального образа мыслей. Меня в особенности поразил разговор с одним очень видным горным инженером, Пальчинским, который был приглашен А. И. Гучковым в его помощники по управлению Военным Министерством. Мне пришлось познакомиться с Пальчинским в первые дни революции, так как он заменял военного министра в Особом Совещании по Обороне, где я постоянно бывал, как председатель Химического Комитета. Пальчинский сказал мне, что он много слышал о моей деятельности, очень рад со мной познакомиться и надеется, что я принесу еще больше пользы родине в такое ответственное время. «Я полагаю», сказал он, «что Вы передовой человек и будете приветствовать отмену чинопочитания и отдания чести солдатами офицерам». «Нет», был мой ответ, и я стал доказывать ему, что эта мера есть подрыв дисциплины в армии и что с таким лозунгом далеко не уедешь. «Вы не знаете духа военной службы и не можете понять всего вреда, который принесет эта мера для армии. Помяните мое слово, придет время, когда отдание чести и чинопочитание будет восстановлено в той же степени, как это существовало и в царской армии. В особенности надо принять в соображение отсталость нашего народа, и внушение ему вежливости и уважения к знанию надо прививать, а не уничтожать».

Подобные речи в устах царского генерала, хотя и профессора, и академика, тогда не производили никакого впечатления, но с Пальчинским мне много раз приходилось встречаться во время большевиков, и много раз мы вспоминали этот наш разговор. Он убедился, что новая Красная Армия должна была иметь дисциплину еще более строгую, чем при царском режиме (впоследствии в нее были введены офицерские чины и чинопочитание, как это было и ранее).

Не могу не отметить того хорошего впечатления, которое производил на меня Пальчинский за все время нашего знакомства. При симпатичной наружности, он был полон энергии, а его способность красочно и красноречиво выражать свои мысли и убеждения, подкупали в значительной степени его

собеседника. Он обладал ораторским талантом, но должен признать, что он им часто злоупотреблял; в Особом Совещании по Обороне, где надо было говорить кратко, вследствие накопления массы дел, требующих разрешения, он увлекался своим красноречием и говорил без конца. С уходом Гучкова с поста военного министра, Пальчинский удержал свой пост помощника министра, и впоследствии, в коалиционном правительстве Керенского, был одно время министром, хотя не проявлял особой деятельности. Мне еще придется впоследствии говорить о Пальчинском.

После образования Временного Правительства жизнь во всех учреждениях тыла стала мало по малу входить в свое русло. Первое задание Особого Совещания по Обороне началось с того, что все члены Совещания приветствовали М. В. Родзянко, который вынес на своих плечах всю тяжесть первых дней революции и способствовал успокоению и образованию Временного Правительства. Председателем Особого Совещания по Обороне был назначен Пальчинский, товарищ военного министра Гучкова. Последний ни разу не был в Совещании, так как был, главным образом, занят урегулированием взаимоотношений офицеров и солдат, а также чисткой командного состава в армии, главным образом, генералов, командующих дивизиями и корпусами. Деятельности Особого Совещания не была очень интенсивна, так как чувствовалось, что едва ли война будет продолжаться долгое время.

После отречения царя и образования Российской Республики в конце первой недели революции, начальник Главного Арт. Управления ген. А. А. Маниковский собрал в Конференц Зале всех чинов Управления, начиная с писарей и подведомственных учреждений, и обратился к присутствовавшим с речью, продолжавшейся около часа. Обладавший способностью красно говорить, Маниковский не отличался твердостью в убеждениях и мог переменять оные довольно легко, в зависимости от обстоятельств, при которых ему приходилось действовать. Не сдерживаемый никакими преградами, в этой речи он выявил всю свою беспринципную натуру в самой непри-

глядной форме и показал себя настоящим демагогом, забывшим полностью то, что он проповедывал своим подчиненным сослуживцам незадолго до начала революции. Главным мотивом его речи была не столько радость, что царь отказался от престола и в нашем отечестве воцарилась республика, сколько желание в самых резких выражениях и в неприличной форме обрисовать личность царя и его супруги. Эта речь была расчитана на покорение сердец писарей, нижних чинов и прикомандированных к Г. А. У. чиновников военного призыва, мало знакомых с тем военным воспитанием, которое получили кадровые офицеры.

Едва ли нашелся бы среди академиков-артиллеристов кто-нибудь другой, кто получили бы столько царских милостей, как Маниковский. Он был счастливым карьеристом, но его карьера создавалась не введением в нашу артиллерию его изобретений, а уменьем, благодаря хорошо подвязанному языку, втереться в доверие начальства и использовать обстановку в свою пользу.

Отдавая в ноябре 1916 года в приказе по Г. А. У. от имени Государя благодарность чинам Управления, Маниковский не пожалел похвал «обожаемому монарху» и «вождю русской армии» и настаивал на том, чтобы чины удвоили свою энергию «на пользу Царю и Отечеству». А теперь я слушал из его уст ругательства по отношению к человеку, который дал ему столько почестей и ласки (он мне передавал, что Царь поцеловал его в ноябре, когда он был последний раз в Ставке). Я испытывал такое негодующее чувство и такую тоску, какую можно ощущать только в том случае, когда вы были обмануты дорогим человеком, которому вы всецело верили. В моей голове никак не могло умещаться такое лицемерие, проявленное в такой форме, и такая быстрая перемена своих убеждений. Я вполне бы понял, если бы Маниковский, не касаясь семейной и личной жизни царя, которого он еще недавно предлагал боготворить, сделал бы суровую критику всего нашего государственного строя и засилья при дворе безответственных личностей, не позволяющих правильно развиваться нашей стране, и

нарисовал бы возможности быстрого улучшения жизни всех трудящихся; такая его речь вполне отвечала бы существующей обстановке и была бы вполне понятна в устах генерала Его Величества. Как у меня, так и у других присутствовавших, сложилось убеждение, что Маниковский старается делать дальнейшую карьеру в новой обстановке. Я ранее знал, что он постоянно имел мечту сделаться военным министром, и она не оставляла его ни на одну минуту. Когда один раз, в начале осени 1916 года, я ехал в ставку, то он просил меня позондировать почву относительно назначения нового военного министра, ввиду предстоящего ухода ген. Шуваева, позволившего себе сказать в Государственной Думе некоторые фразы, не совсем угодные для высших сфер. Я помню, я дал ему условную телеграмму из Ставки, гласящую, что его опасения относительно предполагаемого кандидата на этот пост не основательны. Однако, и его надежды не оправдались, и после Шуваева был назначен самый бездарный офицер Генерального Штаба, генерал Беляев, товарищ Маниковского по Артиллерийскому Училищу, с которым он был на ты и которого он трактовал, как полуидиота.

Так как А. И. Гучков во время войны, будучи членом Особого Совещания по Обороне и председателем Центрального Военн.-Пром. Комитета, близко познакомился с Маниковским, то он назначил его своим товарищем; ген. Новицкий и инженер Пальчинский были также назначены товарищами военного министра. На этом посту Маниковский закончил свою военную карьеру, будучи арестован на короткое время во время октябрьской революции. На место Маниковского начальником Главного Арт. Упр. был назначен его помощник ген. Лехович.

Не прошло и несколько дней после начала революции, как некоторые члены возбудили вопрос о необходимости ревизии деятельности моего Химического Комитета и его переформирования в зависимости от перемен формы государственного правления. Главным инициатором такой ревизии, по моему убеждению был начальник II отдела комитета, ген. И. А. Крылов, мой товарищ по Артиллерийской Академии, который

ранее (одно время) самостоятельно заведывал удушающими газами. Ему было неприятно состоять под моей командой, — хотя при формировании Химического Комитета от меня зависело пригласить его или нет. Я отлично знал его слабые познания по химии, но пригласил его в Комитет, не желая обидеть тех профессоров, которые работали с ним во время войны и привыкли к нему. Я самым корректным образом относился к нему, всегда щадя его самолюбие, но, конечно, для пользы дела никогда не позволял ему увлекаться несбыточными планами и быть одураченным хитрыми спекулянтами, желавшими нажиться во время войны.

Было назначено специальное заседание Химического Комитета, на которое были приглашены несколько лиц от различных учреждений Земского Союза, Воен.-Пром. Комитета и от рабочих. Присутствовавший рабочий (Бройде) был представителем рабочих завода Воен.-Пром. Комитета, изготовляющего противогазы. Во время продолжительного заседания выяснилось, что деятельность Химического Комитета во все время его существования протекала совершенно нормально и никаких деффектов, за исключением мелочей, не было обнаружено. Замечательное слово сказал проф. доктор медицины В. К. Анреп, который был представителем от Главного Санитарного Управления; он подчеркнул, какую трудную и беспримерную работу пришлось совершить Химическому Комитету, чтобы снабдить армию противогазами и наладить в стране новые отрасли химической промышленности.

В результате была констатирована полезная деятельность Комитета и принято пожелание о продолжении его деятельности в том же направлении, как это велось и до сих пор, — с той только разницей, что было введено в его состав несколько представителей от некоторых учреждений и рабочих.

Вследствие назначения ген. Алексеева Верховным Главнокомандующим, на место начальника Штаба был назначен ген. Деникин. Мне по своей должности пришлось поехать в Ставку представиться Начальнику Штаба и доложить о последней деятельности Комитета, — подобно тому, как я докладывал

ген. Алексееву. Ген. Деникин, выслушав мой доклад и задав некоторые вопросы, сказал мне, что жалеет, зачем его взяли с фронта, так как новая должность не совсем ему по душе. На меня он произвел очень симпатичное впечатление, но мне не пришлось более иметь с ним дела, так как это был мой последний визит в ставку (в мае 1917 года).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ

Не моя цель анализировать события с момента образования Временного Правительства до его падения. Но каждый здравомыслящий гражданин, не будучи пророком, мог предсказать, что двоевластие не могло долго продолжаться. Временное Правительство (как его называли, буржуазное) было составлено из людей, хотя и честных, но не имевших понятия о том, что такое власть. Они не понимали, как надо действовать на массы восставших рабочих и солдат, чтобы направить жизнь в более или менее нормальное русло.

Оставляя в стороне хитроумные рассуждения, которые приводят некоторые (Троцкий и др.) революционеры, можно определенно сказать, что у Временного Правительства не было никакой физической силы, которая могла бы поддержать все его распоряжения. В Петрограде весь гарнизон был на стороне Исполнительного Комитета, а созданная милиция не имела никакого значения. Дисциплина в армии на фронте разлагалась не по дням, а по часам, так как крайние левые партии не теряли ни одной минуты, чтобы вести пропаганду среди солдат фронта об окончании войны и о скорейшем наделении крестьян помещичьею землею. Уже через два месяца наиболее видные министры, Милюков и Гучков, видя полное бессилие Правительства, покинули свои посты. Ставший во главе правительства А. Ф. Керенский был также обречен на полную неудачу, так как по своему характеру был способен более говорить, чем действовать.

А между тем настроение умов, как в городе, так и в деревне, было вовсе не в пользу крайней большевистской программы. Мне пришлось за это время бывать в деревне и говорить с крестьянами; их лозунги оставались те же самые: поскорее Учредительное Собрание, наделение землей на приемлемых условиях и уравнение в правах с другими гражданами. Я вспоминаю также разговоры с ними, когда уже воцарилась большевистская власть и с них стали брать натурой хлеб, они жаловались мне на притеснения новой власти и говорили: «разве мы царя сместили? Нас не спрашивали, это господа его убрали». Про население городов и говорить нечего; здесь все стояли за демократическую республику. Но не было большого государственного человека, который с'умел бы спасти страну от захвата власти кучкою людей, которые в угоду своим утопическим воззрениям, не останавливаются ни перед какими преградами.

Пропаганда большевистских лозунгов стала организованной и усиленной с момента приезда в Петроград Ленина и его приверженцев, которые в начале апреля прибыли из Швейцарии, проехав через Германию в запломбированном вагоне. В. И. Ленин, как умный революционер и демагог, знал, чего он хочет и как поставленной им цели достигнуть. Восставшему пролетариату, крестьянам и солдатам надо было дать такие лозунги, которые для них были бы самыми дорогими: долой войну, отбирай землю у помещиков и грабь награбленное. Что могли выставить против таких обещаний другие партии, не имеющие в своем распоряжении никакой физической силы, — в то время, как большевики обладали ею всецело.

Я много раз задавал себе вопрос: Ленин и его ближайшие сотрудники, верили ли они в то время искренно, что выполнение их политической программы действительно принесет всему трудящемуся народу то счастье свободы, то материальное и моральное удовлетворение, о которых они так яростно кричали во всех уголках нашей обширной, но во всех отношениях отсталой страны? Ведь каждому здравомыслящему человеку было ясно, что программа большевиков не только не даст

счастливой жизни, но приведет к результатам, как раз обратным. На самом простом примере можно доказать всю безрассудность демагогических приемов большевиков: если рабочие на каком-либо заводе бастуют и требуют прибавки содержания, то их требование может быть удовлетворяемо до тех пор, пока предприятие может сводить концы с концами. Никакое предприятие не может работать в убыток, так как возникает вопрос: кто будет покрывать этот убыток? Если рабочие заявляют, что некоторые директора заводов и инженеры получают слишком много, то пусть они подсчитают, какая придется им прибавка на душу, если будет снижено содержание указанным заправилам до той цифры, которую установили большевики? Результат получится смехотворный. То же самое получится и с землей, если помещичью землю разделить между всеми крестьянами. Обидно, что подобные возражения приводили и в 1917 году, но опиум большевистской пропаганды настолько отравлял рабочих, что они ни о чем другом не захотели и слышать. В. И. Ленин, как наиболее умный из них, уже через 3-4 года увидал, что с своими догмами он далеко не уедет и после восстания рабочих и матросов в Петрограде и Кронштадте, в начале 1921 года, отступил с коммунистических позиций, сознавши свои политические ошибки и провозгласивши НЭП (новую экономическую политику). С тех пор коммунистическая утопия мало по малу исчезает, и в то время, когда я пишу эти строки, от коммунизма остались одни ножки да рожки.

Центр пропаганды большевиков помещался в особняке балерины Кшесинской на Петербургской стороне. Из беседки, выходящей на Дворянскую улицу и Кронверский проспект, и днем, и вечером произносились речи Лениным и его соратниками, которые призывали свергать Временное Правительство и прекратить войну. Хотя в Исп. Ком. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов влияние большевиков в то время было ничтожным, тем не менее этот «правительственный орган» не делал ни малейшей попытки остановить эту пропаганду, которая разлагала армию в то время, когда страна находилась в состоянии войны. Про Временное Правительство не приходится здесь

и говорить: оно было бессильно ликвидировать это гнездо большевистской пропаганды.

Деятельность моего Химического Комитета протекала по инерции довольно сносно, хотя, конечно, революционная атмосфера порождала разные эксцессы, на преодоление которых приходилось без нужды тратить и время, и энергию. Некоторые из лиц, привлеченные к деятельности в Химическом Комитете, желавшие выслужиться перед новым начальством, и недовольные решениями Химического Комитета, стали, вопреки установившемуся порядку, обращаться прямо к помощнику военного министра, Маниковскому, с просьбой отменить то или иное постановление Комитета и утвердить их программу. Конечно, каждый служащий имел право приносить жалобу и критиковать деятельность Комитета, но такие жалобы должны были быть направлены в Главное Артиллерийское Управление, которому был подчинен Комитет, причем последний должен был быть осведомлен о сути такой жалобы. Без соблюдения подобных условий в учреждении создается беспорядок, нарушающий всю правильную работу.

Один из подобных случаев, припоминаю, был возбужден лаборантом Петроградского Университета Мацюлевичем, который, принимая активное участие в деятельности Глобинского завода, долженствующего изготовлять фосген, был очень недоволен постановлением Химического Комитета о ликвидации этого предприятия, — хотя было ясно, что завод не будет давать какую-нибудь продукцию. Кроме того, необходимо иметь в виду, что этот завод находился около Кременчуга, — в таком месте, которое делало наблюдение за ним очень затруднительным. Маниковский, не разобрав дело, как следует, приказал отменить постановление Комитета и выработать такие условия, которые позволили бы приступить к производству фосгена. Однако, несмотря на такое приказание помощника военного министра, до прихода большевиков завод не дал ни одного пуда фосгена, а после их воцарения все заводы, изготовлявшие удушающие газы, были немедленно же остановлены.

В одну из моих поездок в Москву мне пришлось ехать в

одном купэ с следователем по особо важным делам (фамилию не могу вспомнить), который был членом Особой Верховной Следственной Комиссии под председательством князя Голицына (недавно умершего здесь в Соед. Штатах). Он мне рассказывал некоторые интересные подробности относительно допроса разных царских министров, и между прочим сообщил мне, что в комиссию была вызвана также и А. М. Вырубова. Следствие установило, что она не находилась с Распутиным в интимных отношениях, так как медицинское исследование вполне точно установило, что она осталась девушкой.

Летом 1917 года мне пришлось бывать на хуторе в Калужской губернии и беседовать с моими соседями-крестьянами по поводу происшедших событий. Настроение у них было приподнятое, но более или менее спокойное, и мои отношения с ними были очень хорошие. Они мне помогали убрать хлеб, и я им уступил все зерно на семена по 3 рубля за пуд, хотя рожь в то время стояла на рынке уже 20-25 рублей.

После того, как А. И. Гучков отказался быть военным министром, на этот пост был назначен А. Ф. Керенский, который впоследствии сделался и Верховным Главнокомандующим. Та и другая должность совершенно не подходили к этому человеку. За его безконечные речи, как в тылу, так и на фронте, его прозвали «главноуговаривающим». Он совершенно не понимал, что армия находилась в полном развале без всякой дисциплины, без уважения к своим начальникам. Армия устала от 3-летних боев, и до революции насчитывалось более миллиона дезертиров. С такой армией вести наступление было невозможно, — тем более, что с неприятелем началось братание, и немцы предлагали нашим солдатам прикончить войну и заключить сепаратный мир.

Несмотря на то, что последнее наше наступление на Стоходе было неудачным и мы понесли болшие потери, Керенский, для поднятия духа армии и успокоения в стране, решил начать в июне новое наступление на австрийском фронте. Хотя первые дни наши войска и имели некоторый успех, эта затея потом окончилась полной неудачей и мы зря понесли большие потери.

При таком состоянии армии и тыла единственное спасение состояло в том, чтобы удерживаться на закрепленных позициях, и тайно внушить каждому бойцу, что революционное правительство не потребует от армии больше ненужных жертв и что вопрос о земле, который наиболее всего интересовал солдат из крестья, будет безусловно разрешен в их пользу. Конечно, очень легко критиковать действия Временного Правительства, не зная всех обстоятельств дела, но лично тогда я был твердо убежден в том, что мы должны были оставаться пассивными участниками войны, и союзники должны были понять, что больной организм не может проявить активных действий. Если наши иностранные политики и полагали, что мы должны в первую голову думать о наших обязанностях и договорах с союзниками, то не надо было позволять им забывать, что это может относиться лишь к условиям, когда страна находится в нормальных условиях. Если некоторые из власть имущих и заявляли, что пассивное отношение России к военным действиям повлечет за собой позор для всей страны и что мы не получим после войны знаменитых Дарданел, то какое значение могли иметь эти рассуждения, когда возникал вопрос о жизни или смерти всего государства? Ведь еще во время войны некоторые пророки предсказывали, что после этой войны России, быть может, придется воевать с кем-нибудь из союзников. Впоследствии мы действительно могли убедиться в том, что дипломатические хитросплетения могут привести ко всяким взаимоотношениям между странами. После Версальского договора мы стали дружить с Германией и стали на точку зрения Бисмарка, который всегда говорил, что между Россией и Германией должны быть дружеские отношения.

После наступления, организованного Керенским и окончившагося неудачей, мы стали пассивными участниками войны. Вскоре началось беспорядочное бегство солдат с фронта, что привело к полной дезорганизации железнодорожного транспорта, и без того находившегося в очень печальном состоянии.

Большевистская пропаганда, искусно ведомая Лениным, Троцким, Зиновьевым, Каменевым и др., в течении двух месяцев

собрала под их знамена значительное количество рабочих и отчасти солдат, и потому штаб большевиков решил сделать первое боевое выступление 2-го июля для свержения Временного Правительства. Я возвращался вечером с Петербургской стороны домой и мне пришлось идти пешком, так как всякое движение было приостановлено и на улицах раз'езжали броневики с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими. В Петрограде в то время командующим войсками был генерал Половцев, в распоряжении которого состояло несколько сотен казаков, некоторые пехотные части и вызванная с фронта кавалерийская дивизия, которой командовал мой ученик по Училищу и Академии, ген. Милович. Эти воинские части были против большевистского движения, и в течении двух дней принудили к сдаче большевиков, заняли Петропавловскую крепость и главную квартиру большевиков в доме Ксешинской. Многие лидеры большевиков были арестованы и посажены в тюрьму; в числе их были Троцкий, Каменев и другие. Ленин и Зиновьев избегли ареста и первый из них скрылся в частной квартире на Петербургской стороне. Ген. Половцев предлагал в то время очистить Петроград от большевиков и навести полный порядок, но Временное Правительство, состоявшее, главным образом, из социалистов разных наименований и инспирируемое военным и морским министром Керенским, не пожелало такой меры, дабы не подорвать свой престиж в левых кругах, забывая о положении, в каком находилась вся страна, и о необходимости для ее спасения забыть о своих амбициях. Настроение в столице было сильно против левых партий, в особенности против большевиков. В Исполнительном Комитете их влияние было ничтожно, а солдаты, которые охраняли тюрьму, предлагали, как мне передавали, взять на мушку главнейших лидеров большевиков.

Какую неприязнь питали в это время к большевикам даже простые люди, можно судить по одному маленькому эпизоду, случившемуся в моем присутствии: во время большевистского бунта все мосты через Неву были разведены. Я прогуливался на плацу перед зданием Артиллерийской Академии и когда

подошел к запертым воротам около угла Химической Лаборатории Академии, то заметил просто одетую женщину-работницу, которая стояла недалеко от меня, намереваясь войти в калитку Пиротехнической Школы. Она заметила на тротуаре мужчину, по виду рабочего, с ожесточенным выражением лица ругавшего начальство, которого она по интуиции признала за большевика, занеся ногу в калитку, она прокричала: «мерзавцы». Мужчина крикнул ей в след: «Кто мерзавцы?» «Ты и подобные тебе», — ответила она и захлопнула калитку.

Подавление бунта большевиков сильно отразилось на настроении воинских частей в Петрограде; об этом можно было судить по взаимно-отношениям между солдатами и командным составом. Начальник Артиллерийского училища, ген. Карачан, после усмирения большевистского бунта собрал всех нижних чинов Училища и произнес речь, в которой ругал большевиков и обещал накладывать строгие наказания за всякое нарушение дисциплины. Насколько я вспоминаю, такие наказания действительно были наложены на некоторых нижних чинов, которые вели большевистскую агитацию. Добавлю, что такое поведение начальника Училища не прошло ему даром: через две или три недели, после октябрьского переворота, он был убит, и его тело было найдено недалеко от Артиллерийского Училища.

По поводу выступления большевиков, вина которых усугублялась тем, что их выступление имело место во время войны, назначено было следствие. В то время во главе Министерства Юстиции стоял П. Н. Переверзев, недавно умерший в Париже. Временное Правительство поручило ему разобрать все детали восстания и назначить строжайшее следствие. Но следствие, им организованное, велось очень медленно и затянулось на долгое время. Окончательное решение вопроса было впоследствии передано Павлу Николаевичу Малянтовичу, известному московскому адвокату, который в последние дни жизни Временного Правительства стал министром юстиции. Малянтович, насколько я мог убедиться из моих разговоров с ним во время моего прежнего знакомства, был скорее всего социал-рево-

люционер, и в общественных кругах царило убеждение, что он сможет доказать Правительству, какой вред приносят большевики своей пропагандой армии и стране. Но каково было разочарование во всех кругах и слоях общества, когда Малянтович дал раз'яснение Правительству, что акт большевиков 3-го июля нельзя подводить под бунт во время военных действий и что посаженные в тюрьму главари восстания должны быть выпущены на свободу. Временное Правительство, состоявшее почти целиком из социалистов разных толков, оказалось настолько не понимающим ужасного положения, в котором очутилась страна во время происшедшей революции, что вынесло опасное решение оставить весь этот инцидент без всякого внимания и выпустить арестованных на свободу. Мне представляется, что никакие оправдания поведения этого мягкотелого Правительства не могут иметь места; у всякого, кто вникает в эту историю должно возникнуть возмущение и он, несомненно, сделает только один вывод: какое право имели подобные люди брать в свои руки власть в такое ответственное время, если они понятия не имели о том, что такое власть и в чем заключается управление страной. Единственный раз за все время своего существования Временное Правительство имело возможность показать свой авторитет и повернуть руль на правильный путь, — но оно не воспользовалось этой возможностью.

Помимо того, что восстание было подавлено и многие вожаки были арестованы, большевистская партия насчитывала очень малое число членов, и ее влияние в Исполнительном Комитете имело скорее отрицательное значение. Первые выступления и речи Ленина производили впечатление, что они являются каким то бредом сумасшедшего человека, совершенно оторванного от жизни России и не отдающего себе отчета в проведении программы диктатуры пролетариата, т. е. главным образом беднейших крестьян и рабочих, совершенно не культурных и ничего не понимающих в политических вопросах. Бездарные члены Временного Правительства смеялись над речами Ленина и считали, что тезисы, проповедуемые им,

ничего страшного для них не представляют, так как для выполненя их не найдется надлежащего количества последователей. Но Ленин знал, что он проповедывал и чего хотел. Он стоял головой выше всех своих соратников и имел твердый характер, не шатался из стороны в сторону. Он отлично понял всю обстановку в России, — как в тылу, так и на фронте, — и отдавал себе отчет, что Временное Правительство в тылу не имеет достаточной физической силы для поддержки своих постановлений, а армия на фронте больна неизлечимой болезнью: падением дисциплины.

Лозунги Ленина, которые проповедывались по всем углам русской земли, чтобы привлечь на сторону большевиков миллионы крестьян, солдат и рабочих, были так просты и понятны для них, что они готовы были не задумываясь признать Ленина своим вождем и безусловно исполнять его приказания. Ленин обещал безвозмездно дать крестьянам землю помещиков, рабочим — все, что раньше принадлежало господам буржуям, а стране — немедленный мир, и, следовательно, прекратить войну. Народ был загипнотизирован подобными обещаниями, и наивный пролетариат готов был верить каким-угодно мечтам, не будучи в состоянии подвергнуть их критическому анализу. В июле дело большевиков переживало критический момент и кто знает, как бы повернулось дело революции, если бы Временное Правительство оказалось на высоте своего положения и приняло решительные меры, т. е. если бы оно издало временные постановления относительно войны, земли крестьянам, условий работы на заводах и т. д., которые успокоили бы рабочих и выбили бы оружие из рук большевиков. Все эти постановления были бы утверждены Учредительным Собранием, которое должно было быть собрано в самый кратчайший срок после первых дней революции. Но Временное Правительство, не поняв, какую победу оно одержало в июле, не использовало ее результатов. а известно, что победа ничего не стоит, если враг не уничтожен до конца и если ему дают время, чтобы собраться с силами и начать новую борьбу. Временное Правительство, не использовав своей победы, сыгра-

ло как нельзя лучше в руку большевикам. Оно выказало полную несостоятельность к управлению массами и свою слабость. С этого момента его авторитет стал неуклонно падать и никакие меры, им предпринимаемые, — вроде Московского Совещания или петроградского Предпарламента, — не только не способствовали его укреплению, а, наоборот, только выявляли его полную неспособность. Наоборот, большевики, руководимые Лениным, который своим лейтмотивом взял требования окончания войны и реальной помощи беднейшим крестьянам и рабочим за счет буржуазии, завоевывали все большие и большие круги пролетариата, готового снова вступить в борьбу со всеми буржуазными и теми социалистическими партиями, которые были привязаны к первым на основе экономических и капиталистических проблем. Пролетариат Петрограда тем охотнее вступал в ряды борцов за свою диктатуру, что был распропагандирован и убежден в том, что солдаты фронта не будут мешать его борьбе за установление в стране диктатуры пролетариата. Солдатам на фронте внушалось, что они должны признать власть пролетариата, так как они, большею частью сыновья крестьян, получат за это землю от помещиков; они должны требовать прекращения войны и спешить в деревню.

Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся коньюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противупоставить. История революции показывает, что эти лозунги принадлежат только одному Ленину, и он вбивал их в головы своим последователям-большевикам, которые мыслили до него совсем иначе. Такие люди, как Рыков, образованный, но мягкотелый Каменев и другие, в то время ужасались подобной проповеди Ленина и, конечно, если бы кто нибудь из них стал тогда во главе большевистского движения, то едва ли они могли бы выиграть борьбу.

Такого благоприятного момента для поворота руля правления страны на 180 градусов история никогда не знала. Но для того, чтобы такой переворот совершился, и чтобы в стране

воцарилась власть пролетариата, было необходимо, чтобы в распоряжении последнего находилась хорошо вооруженная сила, на которую он мог бы вполне полагаться. И действительно — пролетариат владел громадным количеством оружия, принесенного с фронта и находящегося в тыловых складах, которое вполне обеспечивало многочисленному классу крестьян и рабочих полную победу над очень немногочисленным классом невооруженной интеллигенции.

Хотя я никогда не занимался политикой и даже, к стыду моему, не видел большой разницы между социал-демократами и соцалистами-революционерами, но тем не менее, после июля, я окончательно убедился, что всякая борьба бессмысленна, и что единая власть над страной должна быть отдана тому человеку и его единомышленникам, которые своими лозунгами и обещаниями будут в состоянии успокоить эту раз'яренную стихию, могущую бессознательно разрушить всю страну.

Был ли в то время в России человек, который мог бы остановить начавшуюся в стране анархию? Какие лозунги он мог бы выдвинуть после обещаний большевиков? На какую физическую силу он мог бы расчитывать, если бы старался установить форму правления согласно постановлению Учредительного Собрания.

Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию (как это и подтвердил впоследствии жизненный опыт), но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 года, проведенный Лениным и Троцким, обусловил собою спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны. Мне часто приходилось, как в России, так и заграницей, высказывать свое убеждение, что я в 1917-1919 годах остался жив только благодаря большевикам. Слухи о варфоломеевых ночах в Петрограде не переставали распространяться, — и несомненно, что они имели бы место, если бы в стране оставалось Временное Правительство. Оно боялось пролить каплю крови, как заявлял Керен-

ский, — в то время, когда уголовные каторжники, выпущенные из тюрем, спокойно разгуливали по всем городам и селам России и безнаказанно творили убийства и грабежи.

А. И. Гучков в скором времени после занятия поста военного министра вызвал меня к себе и говорил относительно назначения меня начальником Главного Артиллерийского Управления. На это предложение я ответил безусловным отказом, так как при первой возможности предполагал вернуться к своей научной деятельности, сдавши кому-либо другому свои обязанности начальника Химического Комитета. А. И. Гучков передал мне всю переписку Верховного Начальника по Санитарной части, принца А. П. Ольденбургского со Ставкой, по поводу передачи мне всех дел по ведению противогазовых заказов. На окончательном докладе была подпись Государя: «Передать все дело о противогазах ген. Ипатьеву»... Вместо Маниковского начальником Г. А. У. был назначен ген. Лехович, бывший его помощником.

Ввиду неудовольствия поведением начальника Артиллерийской Академии, генерала В. Т. Чернявского, которое было выявлено, как нижними чинами, так и некоторыми преподавателями Академии, возник вопрос о замене его лицом более подходящим к создавшимся условиям. Конференция Академии, как высшего учебного заведения, получила право выбирать начальника из своей профессорской среды, и потому было назначено особое заседание для выбора сначала кандидатов, а потом из них и начальника Академии. Еще перед заседанием конференции многие профессора и преподаватели обратились ко мне с просьбой высставить кандидатуру на должность начальника, но я решительно отказался, так как знал, что один из моих коллег, профессор баллистики, ген. С. П. Петрович был бы не прочь занять эту должность. Кроме того, я никогда не стремился к занятию административных должностей, в особенности в такое переходное время, —да имея еще на своих

плечах и Химический Комитет. Поэтому, когда на конференции, при избрании кандидатов, несмотря на мой предварительный отказ, я все таки получил почти половину голосов, я официально снял свою кандидатуру и заявил, что ген. Петрович явится наилучшим начальником Академии, как по своему характеру, так и по своим моральным и научным качествам. Он был выбран единогласно и своею деятельностью на этом посту в течении нескольких лет принес Академии громадную пользу, о чем еще будет речь впереди.

В начале лета 1917 года на Динамитном Заводе около Кыштыма произошел взрыв, который разрушил большую часть завода. Временное Правительство послало комиссию под моим председательством выяснить причину этого взрыва. Мне эта поездка не особенно улыбалась, так как передвижение по железным дорогам в то время уже представляло большие затруднения. Но, с другой стороны, мне было очень приятно повидаться с братом Николаем, который жил в Екатеринбурге в своем доме и уже давно звал меня посетить его и познакомиться с его деятельностью. Доехал я до Екатеринбурга довольно благополучно, хотя на некоторых станциях, сравнительно близких от Петрограда мы слышали очень недружелюбные крики и ругательства со стороны солдат-дезертиров, которых поездная прислуга не желала взять в наш сибирский экспресс. В Екатеринбурге я провел в доме брата около двух дней. Его двухэтажный дом являлся одним из самых лучших особняков в городе; нижний этаж, в котором нижний край окон приходился почти на уровне земли, был занят под контору для строительных железнодорожных работ, которые брат производил в качестве подрядчика. Я подробно осмотрел все помещение дома, постройки и небольшой тенистый сад, в котором было приятно прогуляться и посидеть. Дом брата находился на большой Вознесенской площади и был угловым, а потому его легко можно было изолировать от других жилых помещений. Все эти обстоятельства и послужили основанием, почему он был выбран для убийства царя и всей его семьи. Когда я гостил у брата, царь находился еще в Царском Селе

и только спустя некоторое время вся царская семья была перевезена в Сибирь, в город Тобольск, где он жил до апреля 1918 года. Когда войска чехов стали угрожать Тобольску, то было решено перевезти царскую семью в Екатеринбург. Перед самой Пасхой 1918 года я получил письмо от брата, что ему дали приказание очистить его дом в 48 часов, и одновременно стали строить кругом дома семиаршинный ($3\frac{1}{4}$ метра) деревянный забор. Царь прожил в этом доме до 16 июля 1918 года, когда он и вся его семья были расстреляны по постановлению советской власти наемными убийцами в нижнем этаже дома.

Американский журналист Галибуртон, будучи в СССР в 1935 году, посетил Ипатьевский дом. Он разыскал одного из участников убийства царской семьи, Петра Ермакова (в прошлом уголовный преступник), который ему сообщил следующие подробности этого зверского деяния:

«Юровский, — рассказал Ермаков Галибуртону, — перед расстрелом категорически запретил мне и Ваганову стрелять в царя, ибо желал лично его убить. Он также взял на себя и убийство наследника. Мне пришлось убить императрицу, доктора Боткина, повара и лакея. Ваганов стрелял в великих княжен. Ольга и Татьяна лежали на полу в предсмертных муках. Две младшие великие княжны, Мария и Анастасия, лежали рядом с убитым доктором Боткиным. Царевич еще жил, и тогда Юровский добил его двумя выстрелами в голову. Когда заметили, что Анастасия еще подает признаки жизни, мы перевернули ее и она вскрикнула. Один из красноармейцев, пришедших к этому времени в подвал, нанес ей прикладом удар по голове и великая княжна Анастасия умолкла навеки».

Юровский был физическим выполнителем убийства. Интересно отметить здесь судьбу цареубийц: Свердлов внезапно умер (1919 г.); Медведев, начальник караула в Ипатьевском доме, растрелян войсками адмирала Колчака; Яковлев, который увез государя из Тобольска в Екатеринбург, погиб в 1935 году во время автомобильной катастрофы; Белобородов арестован и, повидимому, расстрелян; Войков убит в Варшаве.

Брат мне передавал, что Государь, узнав от своего камердинера Чемодурова, что этот дом принадлежит Ипатьеву, думал, что это моя собственность и потому нередко говорил камердинеру: «убери куда-нибудь подальше от глаз большевиков эти дорогие вещи, а то они их возьмут себе; вещи надо сохранить для генерала, он милый человек, я очень хорошо его знаю и ценю его работу». Государь, повидимому, оптимистически смотрел на будущее и не подозревал своего близкого конца.

Взрыв на Кыштымском динамитном заводе произошел вследствие сохранения в чанах промывных вод, которые содержали следы нитроглицерина и не были своевременно обезопасены. Никакого злого умысла не было обнаружено, и остальные отделы завода работали совершенно нормально.

Во время моего пребывания на Урале я посетил Кыштымские медно-плавильные заводы, владельцем которых являлась английская компания во главе с Урквартом и Ф. А. Ивановым. Порядок на заводах был образцовый, и мне было очень интересно ознакомиться с получением меди в ватержакетных печах. Коллектив рабочих пригласил меня на собрание и попросил изложить мою точку зрения на все события после падения царской власти. Настроение рабочих, насколько я мог заметить, было довольно спокойным и рассудительным. Достаточно сказать, что вместе со мной на митинге выступал даже священник, и он был выслушан совершенно спокойно; его речь была вполне тактичная и довольно содержательная. Без всякой подготовки я сказал краткую речь, где отметил, что я не политик, но что думаю всегда о пользе своей родине, которую люблю и для которой готов работать, какая бы власть не была в стране, что предлагаю делать и им. Чем хуже идет дело, тем прилежнее надо работать, чтобы его поправить, вот лозунг, который надо иметь в виду. Моя простая, но искренняя речь произвела хорошее впечатление, и рабочие выразили мне благодарность. В Екатеринбурге я едва мог попасть на Сибирский поезд и только благодаря протекции брата получил место

в вагоне столовой, почему прибыл в Петроград с большим опозданием.

В двадцатых числах сентября я по делам Химического Комитета должен был поехать в Донбас для открытия вновь выстроенного завода взрывчатых веществ (тринитроксилола) около станции Рубежной. Я помню, что со мной ехал также доктор С. Л. Рашкович, который принимал большое участие в фирме Кроте, строившей этот завод. В то время транспорт находился в таком состоянии, что нам пришлось ехать на тормазных площадках угольных вагонов, и несколько раз пересаживаться; 60-80 километров пути потребовало от нас целый день и около 11 часов вечера мы приехали на завод. Открытие завода произошло благополучно, и уже были получены первые партии нового взрывчатого тринитроксилола, в первый раз изготовляемого в большом масштабе. Мне пришлось сказать перед рабочими небольшую речь, в которой я призвал их к прилежной работе для выполнения поставленной нам задачи. Рабочие в общем отнеслись сочувственно к моей простой речи, но по окончании ее, когда я уходил с завода, я услыхал из открытого окна одного заводского помещения замечание одного рабочего: «Пой, пой, пока твое время». Для меня стало ясно, что пропаганда большевиков работает повсюду и, может быть, скоро мы будем свидетелями новой революции, которая поставить своей первой целью немедленное прекращение войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В двадцатых числах октября мне предстояло ехать по делам Комитета в Москву. За два или три дня до 25 октября я был вызван к следователю по особо важным делам для дачи свидетельского показания относительно злоупотреблений, которые имели место в правлении Верховного Начальника по Санитарной части, принца Ольденбургского, по поводу заказов

противогазовых масок для армии. Не успел я начать давать показания, как вошел курьер и об'явил, что Временное Правительство издало приказ прекратить занятия и расходиться по домам, так как в городе началось восстание, руководимое большевиками. Я едва успел проехать на автомобиле домой, так как Зимний Дворец, где находилось Правительство, был окружен восставшими солдатами, рабочими, а крейсер Аврора стоял на Неве против Зимнего Дворца. Вечером началась уже стрельба, и борьба продолжалась, как известно, до тех пор, пока не последовала сдача Временного Правительства; только Керенскому удалось ускользнуть из дворца.

На другой день после начала восстания, я, жена и дочь, которая ждала ребенка, решили выехать из Петрограда, так как родственники мужа моей дочери предлагали ей поселиться у них до возвращения ее мужа с войны, убеждая ее, что в Москве ей будет спокойнее родить, чем в Петрограде, где все время идут восстания и где можно ожидать также прихода немцев. На Николаевском вокзале, мы едва достали билеты, так как движение по железным дорогам могло каждую минуту остановиться. Мы выехали из Петрограда в вагоне 2-го класса нового устройства с твердыми сидениями и не разделенными на купэ, так что можно было обозревать всю публику, которая наполняла вагон. С большой опаской и медленно мы проехали путь до Любани, и с большим опозданием, к вечеру другого дня, мы прибыли в Москву, где на первый взгляд все было спокойно.

По приезде в Москву я и жена остановились в нашем доме, находящемся на Тверской, в Брюсовском переулке, № 6, в квартире, где жил мой дядя К. Д. Глики, который был управляющим этим домом. Моя дочь, Анна, отправилась на квартиру тетки ее мужа, Зинаиды Францовны Мамонтовой, которая жила очень близко от нашего дома, а именно на Никитской, в Большом Кисловском переулке (пешим ходом не более 5-6 минут). К вечеру того-же дня в Москве началось также восстание большевиков, и на другой день из дома нельзя было выйти, так как на улицах началась сильная пулеметная и ружейная

стрельба. На стороне Временного Правительства было очень мало войск, — главным образом, офицеры (прапорщики запаса) и юнкера. Они заняли Александровское Военное Училище и Кремль. Большевики заняли под главную квартиру генерал-губернаторский дом на Тверской. Брюсовский переулок находится между Никитской и Тверской; Никитская улица с ее переулками, Знаменка и Арбат, были заняты юнкерами, а Тверская и прилегающие к ней переулки и улицы были во владении большевиков. Пули с обеих сторон пролетали над Брюсовским переулком, и некоторые из них падали на дворе и в саду нашего дома. К ружейной стрельбе вскоре присоединилась и артиллерийский обстрел, и в продолжении $4\frac{1}{2}$ дней, и днем и ночью шла несмолкаемая канонада. В городе начались пожары, телефонное сообщение было прервано, и только отдельные смельчаки могли рано утром с большой осторожностью выходить из дома, чтобы купить в более безопасных частях города необходимую провизию. В нашем доме, имеющем 35 квартир, большой сад и двор с двумя воротами на улицу, было учреждено дежурство по вечерам и ночам. Нет надобности описывать наше подавленное состояние, которое мы пережили за эти 5 мучительных суток. Около стен нашего дома, находящегося во дворе, мы нашли несколько шрапнельных и ружейных пуль; их было много больше в саду, расположенном между двумя другими домами нашего владения.

Для обысков и отобрания оружия к нам приходили особые патрули, которые предупреждали нас, что если последует выстрел из наших владений, то будут взяты заложники и расстреляны. Один раз мы были напуганы приходом на наш двор около десятка вооруженных большевиков (в числе их была одна девица) под командой прапорщика запаса, который заявил нам, что из соседнего дома, помещающегося на углу Никитской и Брюсовского переулка, была открыта пальба по нашему дому в ответ якобы на наши выстрелы. Мы уверяли, что из нашего дома не было произведено ни одного выстрела, но они нам не поверили и открыли ружейную стрельбу по углу того соседнего дома с целью вызвать ответную стрельбу. По сча-

стью для нас, никакого ответа не последовало, хотя пули выпущенные с нашего двора разбивали окна и рамы подозрительного дома. Интересно отметить один маленький факт, который мы наблюдали у нас на дворе, когда вооруженный отряд пришел к нам: девица, которая находилась в этом отряде, вероятно никогда не держала в руках огнестрельного оружия, и один из вооруженных людей обучал ее у нас на дворе стрелять из револьвера. Несмотря на паническое настроение, которое нас обуяло, мы не могли, однако, без смеха наблюдать эту сценку, видя всякий раз испуганное лицо стрелявшей и ее неумелое обращение с оружием.

Кучка офицеров и юнкеров, в числе не большем 700, продержалась против нескольких десятков тысяч солдат в течении 5 дней, после чего было заключено перемирие, и сдавшиеся защитники Временного Правительства были выпущены на свободу. Печальное зрелище представляли из себя улицы центральной Москвы. Было совершенно невозможно ходить по тротуарам главных улиц, так как они были засыпаны осколками разбитых стекол окон и дверей магазинов и домов.

На другой день после победы большевиков с первым отходящим поездом я уехал один из Москвы в Петроград, оставив жену и дочь в Москве, в квартире Мамонтовой, на Большом Кисловском переулке.

В спальном купэ второго класса кроме меня были три пассажира: доктор-англичанин с женой и еще англичанка, женщина-врач, возвращавшиеся с юга России в Англию. Они были командированы на эпидемию сыпного тифа для изучения этой болезни. Они оказались очень милыми людьми, и их спокойный сдержанный характер в значительной степени способствовало временному успокоению моих нервов после ужасной пережитой недели в Москве. Но это путешествие омрачилось событием, которое дало мне лишнее доказательство того, какие неприятные последствия могут иметь место, если вступаешь в откровенные разговоры с незнакомыми людьми и рассказываешь им о том, о чем лучше было бы не говорить. Поздно вечером, примерно за два перегона до станции Бологое

к нам в купэ постучались в дверь; на мой вопрос, что надо, получился ответ: мы едем до Бологое, в поезде нигде нет места, нельзя ли присесть в вашем купэ? Мы решили открыть дверь, и к нам вошло два человека: один в офицерской, другой в солдатской форме. Они любезно извинились и присели на краю нижних мест. Офицер вступил со мною в разговор, спросил про события в Москве, а также полюбопытствовал узнать, кто я и мои спутники. На грех я сказал, что я военный, но вне службы ношу штатское платье. Скоро разговор прекратился, и я задремал. Я проснулся в тот момент, когда поезд тронулся со станции Бологое, но я тотчас же заметил, что пришедших к нам в купэ пассажиров уже не было. Когда на другой день утром я стал искать свой пиджак, который лежал в сетке надо мной, то оказалось, что его не было, а в сетке лежал только бумажник, в котором находились мои документы. Ясно, что кто то из приходивших к нам в купэ пассажиров украл мой пиджак; хорошо, что погода в Петрограде была теплая, и это не отозвалось на моем здоровье.

В мое отсутствие в Петрограде восстание большевиков окончилось полной их победой; юнкера разных Военных Училищ, единственно оказывавшие большевикам сопротивление, сдались при условии, что они будут выпущены на свободу. В моей казенной квартире, помещавшейся на дворе Артиллерийской Академии и Училища, во время моего отсутствия солдатами был произведен обыск в присутствии нашей служанки, причем было взято только холодное оружие и с моего письменного стола очень хороший большой перочинный нож. В Академии уже был назначен политический комиссар-рабочий с Арсенала, очень симпатичный человек, которому я рассказал все, что случилось в Москве, а также со смехом упомянул о первой экспроприации моего пиджака, как дань пролетарской революции. Академия и Училище находились на Выборгской стороне, в рабочем квартале Петрограда, и так как в них были великолепные залы, то первоначально большое количество митингов происходило в этих помещениях. Один или два раза приезжал на митинг и Ленин, но пробраться на митинг было

очень трудно, и потому мне не пришлось ни разу услыхать митинговые речи вождя революции.

В манеже Артиллерийского Училища был устроен склад боевой амуниции и снаряжения, и к нам на двор день и ночь приезжали грузовики, привозившие и отвозившие всякого рода оружие. Жизнь в Академии и Училище совершенно замерла, и мы все, живущие на казенных квартирах переживали очень тревожное состояние. Конечно, с первых же дней Октябрьской революции я, не дожидаясь распоряжения нового правительства, снял погоны со всех мундиров и пальто; но и без погон форменная одежда, в особенности генеральская, с красной подкладкой шинели сразу выделяла мою принадлежность к царской армии. Не имея возможности сразу достать необходимое количество штатской одежды, я был принужден носить военную форму, а эта последняя дразнила рабочих и солдат, подобно тому, как красный плащ раздражает быка, и побуждал их безнаказанно оскорблять нашего брата. Помню один раз в трамвае на Литейном проспекте мне пришлось подвергнуться длительному оскорблению со стороны каких то товарищей, которые увидав мою генеральскую форму, и приметив мой моложавый вид, стали издеваться, говоря: каких молокососов Николай производил в генералы, это все — его прихвостни, гадюки, что их жалеть, и т. п. Приходилось терпеть и не обращать внимания. Единственная моя служба в ноябре и декабре 1917 года заключалась в хождении в Химический Комитет и на заседания Физико-Математического Отделения Академии Наук. В Химическом Комитете деятельность почти совсем замерла, так как мы не могли получить донесений со всех заводов, нам подведомственных, а, кроме того, все уже сознавали, что войне конец. Началось повальное дезертирство с фронта, и на улицах Петрограда можно было наблюдать массы солдат, едущих домой с Северо-Западного фронта и из Финляндии. Солдаты шли по улицам в полном снаряжении, приходили на вокзалы и требовали немедленно поездов для отправки их домой, угрожая убийствами в случае отказа. Петроград представлял ужасную картину, в особенности было жутко по вечерам, так как улицы

были безлюдны, освещение было слабое, автомобилей и извощиков не существовало, а на улицах валялись трупы подохших от голода лошадей.

Высший персонал Химического Комитета в значительной части не сочувствовал большевистской революции и просил меня созвать митинг для обсуждения вопроса о прекращении занятий в Химическом Комитете и о присоединении к забастовке, которая была об'явлена служащими государственных учреждений. Я созвал такой митинг, дал высказаться некоторым ораторам (насколько помню, главным образом докторам газового и противогазового отделов) и затем об'явил, что никакой забастовки в Химическом Комитете быть не может, так как мы военные люди, не имеем права прекращать исполнение своих обязанностей в то время, когда страна находится в состоянии войны, и должны подчиняться тому правительству, которое в данный момент держит власть в своих руках и ответственно за все свои деяния. Несомненно, я навлек на себя неудовольствие большинства персонала Химического Комитета, но мое твердое решение и авторитет сделали свое дело, и мы продолжали свою деятельность, не бастуя ни одного дня, до полной сдачи Химического Комитета в Артиллерийский Комитет, которая последовала весной 1918 года, вскоре после заключения Брест-Литовского мира.

Я могу только отметить, что вскоре после Октябрьской революции в Химический Комитет был назначен большевистский комиссар Т. Слободский, молодой человек из комиссариата Внешней Торговли. По своему внешнему виду он не внушал того страха, какой в то время всегда связывался с представлением о большевике, как о человеке с страшными чертами лица, безапелляционными суждениями и твердым характером. Т. Слободскому было 28 лет от роду, он не был настойчив в своих взглядах, ничего не понимал в наше деле и мало им интересовался. По моему, он просто выполнял, как говорят, тот номер, какой ему достался. Я был с ним в самых хороших отношениях и он нисколько не мешал нашему делу. Ранней весной 1918 года он был командирован в Германию, где он был убит, — вероятно, совершенно случайно.

На первом заседании Физико-Математического Отделения Академии Наук некоторыми академиками также был поднят вопрос о признании большевистского правительства. Председательствовал президент Академии Наук, покойный А. П. Карпинский; вице-президентом в то время был математик В. А. Стеклов, а непременным секретарем — С. Ф. Ольденбург. Присутствующих членов Академии Наук было около 12-13 человек. Некоторые старые академики ратовали за то, чтобы мы выразили немедленный протест против захвата власти большевиками, политическая программа которых была совершенно неприемлема для подавляющего числа граждан. Я был в то время самым молодым академиком, недавно избранным, но, тем не менее, я решил высказать свое мнение для того, чтобы отвратить Академию от бесполезного выступления. Я стал на ту точку зрения, что в стране власть может перейти только в те руки, которые настолько сильны, что могут создать правительство, способное управлять страной. Если в стране найдутся силы, которые, видя полное недовольство масс этим правительством, будут в состоянии заставить существующее правительство капитулировать, то совершится переворот, и новые лица придут к власти. Мы, интеллигенты, представляющие тонкую прослойку в толще масс, не имея за собой никакой опоры, не должны в настоящее время делать каких-либо выступлений и еще более усложнять и без того тяжелое положение, — в особенности, принимая во внимание, что мы находимся в состоянии войны. Что касается отношения каждого из нас к большевистскому правительству, взявшему ныне власть в свои руки, то это наше «святая святых», и никто не заставляет теперь высказать нашу симпатию или антипатию к новой власти; и при царском режиме многие из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать. После такого обмена мнений прения были прекращены, и больше вопрос о порицании Советской власти никогда не поднимался, — за исключением некоторых выпадов академиков И. П. Павлова и Маркова; последний, получив как то

сапоги по ордеру, принес их на заседание и демонстрировал их полную непригодность, сопровождая при этом неуместными выражениями по отношению к советской власти.

В конце ноября 1917 года ко мне явился мой знакомый Н. А. Колодкин, который еще до войны 1914 года обращался ко мне за советом относительно постройки завода бертолетовой соли для снабжения ею наших спичечных фабрик. Он сообщил мне, что меня очень хочет видеть инженер-химик Лев Яковлевич Карпов, большевик, который теперь занимает, по поручению Ленина, пост начальника всей химической промышленности в России. Он специально приехал в Петроград, чтобы поговорить со мной и узнать о деятельности моего Химического Комитета. Наше свидание состоялось в Европейской гостинице в его комнате. Помню, какое странное зрелище представляла тогда эта гостиница. Она была битком набита народом, причем, главной массой посетителей были офицеры, которые под плащами имели на своих френчах погоны и, следовательно, являлись белогвардейцами, явными противниками большевистской власти; они собирались отправиться на юг к Корнилову для поднятия восстания.

Л. Я. Карпов*) сообщил мне, что он поставлен ныне во главе всей химической промышленности, и зная хорошо всю мою деятельность во время войны, теперь обращается ко мне с просьбой от имени правительства помочь организовать совместную работу для перехода военно-химической промышленности на мирное положение. Первое впечатление, которое на меня произвел большевик, с которым мне приходилось говорить о делах, было вполне благоприятное. Мы скоро стали обсуждать деловые вопросы. Я рассказал ему об организации Химического Комитета и об его отделениях в районах Европейской России. На его вопрос, мог ли бы я, вместе с моими сотрудниками помочь ему в деле организации химической промышленности после расформирования Химического Комитета. я ответил:

---

*) Лев Яковлевич Карпов окончил Московское Технческое Училище по хнмнческому отделению и был учеником моего брата, Л. А. Чугаева.

«Что касается меня, то я готов сделать все от меня зависящее, чтобы спасти созданную нами во время войны химическую промышленность. Что же касается до передачи персонала в распоряжение вновь образуемого Химического Отдела при Высшем Совете Народного Хозяйства, то для этого мне будет необходимо собрать заседание Совета Химического Комитета и там обсудить этот вопрос.

На этом наш деловой продолжительный разговор был окончен, и я обещал в скором времени дать ответ.

В непродолжительном времени, после октябрьского революции ко мне в Химический Комитет явился один английский гражданин, фамилию которого я затрудняюсь вспомнить (Ролль?), но которую всегда можно найти, так как он был владельцем известного нефтеперегонного завода в Петрограде, изготовляющего смазочные масла. Я сначала совершенно не мог понять цель его посещения, — в особенности потому, что он плохо говорил по-русски. Но вскоре я понял, что он пришел ко мне по секретному делу, —по поручению английского генерального консула и военного английского атташе. Английское правительство, ознакомленное через английскую миссию, которая была прикомандирована к моему Химическому Комитету в течение всей войны, с моей деятельностью по созданию военной химической промышленности в России, желало пригласить меня в качестве консультанта по разным химическим вопросам и также для того, чтобы я мог доставлять сведения относительно источников химического сырья в России и производительности мирных химических заводов, и т. п. Выслушав это предложение, я его немедленно отверг, мотивируя свой отказ тем, что Россия в недалеком будущем выйдет из состояния войны и, быть может, будет находиться в неприязненных отношениях с Англией; с другой стороны, я старался об’яснить ему, что мы имеем теперь новое социалистическое правительство, которое своим взглядом на вещи резко отличается от прежнего царского правительства. То, что считалось при царском режиме в порядке вещей, то в социалистическом государстве будет рассматриваться, как государственная измена. Я

привел ему пример с нашим профессором Артиллерийской Академии ген. Бринком, морским артиллеристом, который был у нас профессором внутренней баллистики. Он занимался проектированием орудий большого калибра для морской артиллерии. Английская фирма Виккерс (если мне не изменяет память) незадолго до войны предложила ему контракт на 5 лет по 60.000 рублей в год для того, чтобы он был у них главным консультантом. Ген. Бринку надлежало, в случае принятия им контракта, выйти в отставку и сделаться частным гражданином. Он так и сделал, и царское правительство не чинило ему никаких препятствий и, может быть, даже имело в виду пользу от такой работы, так как после 5 лет ген. Бринк, ознакомившись с деятельностью такой мировой фирмы, мог бы приобретенный им опыт приложить и для нашего орудийного производства. Ген. Бринк мог бы совсем уехать в Англию, и русское правительство не стало бы чинить ему каких-либо неприятностей или считать это за измену; каждому гражданину царской России предоставлялась возможность выбирать себе работу по своему желанию и ее выполнять там, где он найдет это наиболее для себя удачным. Царское правительство было убеждено, что уход некоторых деятелей заграницу не представляет большой опасности, так как всегда находилось много способных иностранцев, готовых идти на работу в Россию, ввиду благоприятных условий жизни в нашем отечестве.

Я дал понять пришедшему ко мне директору, что он предлагает мне очень опасную работу и, возможно, что большевистская власть будет считать меня изменником и мне придется понести высшую меру наказания. Он предложил мне подумать, об'яснив мне, что они не требуют от меня выдачи каких-нибудь военных или секретных тайн, и что это предложение в порядке вещей, и такие сведения будут собираться во всех странах; он обещал мне, что в непродолжительном времени, он посетит меня вместе с председателем английской миссии. Во время этого второго визита (вместе с офицером английской миссии) мне было указано, что за мою работу я буду получать 2.000 фунтов стерлингов в год, кроме расходов

на раз'езды, печатание материалов, и т. п. В заключение нашего разговора они предложили мне познакомиться с генералом Пул и консулом Локкартом. Никакого ответа на сделанное предложение я не дал. В течении января и февраля 1918 года я познакомился с указанными выше английскими представителями, но после разговоров с ними я окончательно убедился, что вся эта работа мне совсем не подходит и, кроме того, связана с большим риском; я должен был бы во всяком случае просить у большевиков разрешения взять эту работу, — иначе, я мог бы подвергнуться большой опасности, если бы все это раскрылось.

Впоследствии я не раз вспоминал об этом предложении, и мне пришлось пережить неприятные минуты, когда большевики разгромили через несколько месяцев английское посольство в Петрограде и арестовали консула Локкарта. Я опасался, что при обыске могли найти переписку с Лондоном относительно привлечения меня к указанному делу, и что при недоброжелательном отношении новой власти к царским генералам, легко могло случиться, что не поверили бы моим об'яснениям, а сочли бы мое поведение за государственную измену.

В январе 1918 года мною было созвано особое совещание Химического Комитета с приглашением многих профессоров химии, принимавших участие в химической обороне. На этом совещании я передал мой разговор с Л. Я. Карповым относительно участия Химического Комитета в работе по переводу военно-химической промышленности на мирное положение и по оказанию помощи дальнейшему развитию отечественной химической промышленности. Продолжительные прения по этим вопросам не дали вполне положительного результата, но из всего хода заседания я мог заключить, что в недалеком будущем удастся наладить совместную работу. Конечно, столь быстрая смена правительственной власти на новую советскую и неуверенность в ее солидности, не могли не влиять на умы людей, привыкших к старым порядкам, и не позволяли им быстро ориентировваться в создавшейся обстановке. Мои предположения вполне оправдались: перемена в настроениях моих

сотрудников происходила медленно, но ко времени ликвидации Химического Комитета, в июне 1918 года, можно было направить часть моих сотрудников в Артиллерийский Комитет ГАУ, а другую часть препроводить на работу в Химический Отдел Высшего Совета Народного Хозяйства, под начальство Л. Я Карпова.

Что касается меня, то я был назначен председателем особой комиссии при Химическом Отделе В.С.Н.Х. для демобилизации и мобилизации химической промышленности; Л. Я. Карпов вошел в нее в качестве члена; другими членами были проф. С. Ланговой, С. Д. Шеин, Л. Ф. Фокин и Филиппович (последний был назначен секретарем). Первое заседание комиссии происходило у меня на квартире в Москве, а затем заседания имели уже место в Химическом Отделе ВСНХ, помещавшемся в Златоустовском переулке, в доме бывшей Сибирской гостиницы. Для этих заседаний меня всякий раз вызывали телефонно из Петрограда, и мы обсуждали технические вопросы, связанные с демобилизацией военной химической промышленности, всегда при участии Карпова.

В декабре 1917 года состоялось преобразование Главного Артиллерийского Управления согласно тем директивам, которые обусловливались характером вновь образовавшейся советской власти. При ГАУ учреждался совет из 15-20 членов, который и решал все вопросы. Членами в этот Совет входили, главным образом, вновь назначенные начальники военных заводов или председатели заводских комитетов, — конечно, по большей части большевики или левые эс-эры (социалисты-революционеры). Для усиления технической мощи этого Совета, в него должны были войти представители рабочих всех военных заводов, два делегата от военных инженеров. Они должны были выбрать начальника ГАУ. Рабочие выбрали начальником Управления А. А. Маниковского, а членами Совета меня и Вадима Серг. Михайлова, который до революции был начальником Охтенского Завода взрывчатых веществ. Я был очень польщен таким избранием, так как видел, какое доверие питают ко мне рабочие, несмотря на мой генеральский чин.

Мне пришлось в течении 2-3 месяцев, до моего назначения в Военный Совет, бывать на этих заседаниях, и у меня осталось не худое впечатление о деловитости этого Совета, который сдерживал все революционные порывы рабочих и направлял работу заводов по надлежащему руслу. Это была очень не легкая задача и едва ли какому-либо другому органу удалось бы справиться с этим сложным делом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОЯ РАБОТА В ВОЕННОМ СОВЕТЕ

С конца 1917 года и в начале 1918 года, как известно, велись переговоры с немцами в Брест-Литовске о заключении сепаратного мира. Главным вдохновителем этих переговоров был Троцкий, который в то время возглавлял Комиссариат Иностранных Дел. Во время перерыва этих переговоров, когда Троцкий заявил: «Войны не вести, а мира не заключать», — в Петрограде было очень подавленное настроение. Ходили слухи, что немцы, которые были уже в Пскове, легко могут занять Петроград. Об этом говорили на улицах, и я сам был нередко свидетелем подобных толков, где прямо выражалась радость о приходе немцев и о водворении порядка и прекращении издевательства над мирными гражданами со сторны пролетариата. Петроград представлял тогда жуткую картину, в особенности по вечерам: улицы были пусты при очень слабом освещении и повсюду была грязь и неубранный снег, который почти сравнял тротуары с улицами.

Когда переговоры о мире снова начались, то большевикам пришлось пойти на большие уступки, чем это ранее предполагалось немцами; мы должны были уступить туркам Карскую область с крепостью Карс, столь доблестно взятую нами у турок в войну 1877 года. Эта область представляла большой интерес для нас, так как в ней находятся богатые мышьяковые руды, необходимые для производства мышьяковых препаратов,

как для мирной, так и военной промышленности. Совет народных комиссаров, обсудив предложенные условия мира, согласился заключить этот «похабный» Брест-Литовский мир. Как известно на основании исторических данных, В. И. Ленин особенно настаивал на немедленном заключении мира с немцами, так как ясно видел, что большевики не располагали армией, которая могла бы оказать хотя бы малейшее сопротивление врагу. Одна рота немцев заняла Псков, и, понятно, им не стоило бы больших усилий занять также беззащитный Петроград.

То заседание Совнаркома, где окончательно обсуждался вопрос о заключении мира с немцами, продолжалось всю ночь и было очень напряженным, — я знал это со слов одного из участников заседания , Н. И. Подвойского. Он был в то время комиссаром по военным делам, и вызвал меня к себе в комиссариат для обсуждения вопроса о дальнейшей деятельности Химического Комитета как раз на утро после этого исторического заседания Совнаркома. Мне пришлось очень не долго ждать его приема. Передо мною предстал человек, вид которого ясно говорил о проведенной им бессонной и напряженной ночи. Я никогда ранее не встречал его и никогда не слыхал об его революционной деятельности; мое первое впечатление от знакомства с ним говорило в его пользу и располагало к дальнейшим разговорам. Его внешность, его длинные волосы, его небрежное одеяние сразу выдавали его, как революционера, напоминающего слегка тип Марка Волохова из «Обрыва» Гончарова. Подвойский был первый большой большевик, член советского правительства, с которым мне пришлось говорить. Наш разговор начался с того, что Подвойский сообщил мне, что он был на заседании Совнаркома, которое продолжалось всю ночь и на котором было решено заключить сепаратный мир с Германией.

Таким образом мне первому удалось узнать эту новость, ранее, чем она была помещена в газетах и, понятно, что она произвела на меня удручающее впечатление вследствие постыдных условий, на которых был заключен этот мир. Россия

представляла из себя в то время совершенно разложившуюся страну, не способную ни на какое сопротивление, а полная неизвестность будущего еще более усугубляла мрачные мысли, которые витали в голове каждого любящего свою страну гражданина. Владычество немцев в случае занятия ими Петрограда тоже не сулило особых приятностей. Досаднее всего, что Временное Правительство само подготовило эту катастрофу. После февральской революции, когда страна уже обессилела после 3-х лет войны, надо было внушить армии, что мы будем вести только оборонительную войну, стараясь лишь оттягивать на наш фронт значительные силы противника и тем облегчать борьбу союзников. Вместо этого Временное Правительство всех составов, буржуазно-коалиционного и социалистического, хотело продолжать вести наступательную войну. По моему впечатлению, настроение моего собеседника, Подвойского, когда мы кратко обменивались мнениями о положении на фронте, было тоже не из веселых; повидимому, вся надежда большевиков базировалась на «Красной Гвардии», т. е. на вооруженных рабочих, численность которых увеличивалась с каждым днем во всех больших городах и промышленных центрах.

Подвойский выслушал мой доклад о деятельности и теперешнем состоянии Химического Комитета и сказал мне, что необходимо теперь же приступить к написанию его истории. Я на это ответил, что к этой работе уже приступил и прибавил, что через 2 или 3 месяца он будет ликвидирован и его функции будут разделены между ВСНХ и Артиллерийским Комитетом ГАУ. В общем он остался удовлетворенным моим докладом и выразил желание в будущем меня видать и добавил на прощанье, что мое имя ему известно уже давно; сидя в тюрьме, он изучал органическую химию по моему «курсу органической химии», причем заметил, что он написан очень понятным языком и легко усваивается.

Мне пришлось еще один раз видеть Подвойского на очень короткое время, так как он вскоре получил другое назначение и военный комиссариат перешел к другим лицам, о чем я буду

говорить ниже. Здесь упомяну только, что примерно года через два, во время одной из моих бесчисленных поездок из Петрограда в Москву, я встретил в поезде Н. И. Подвойского, занимавшего тогда пост председателя Комитета по Физической Культуре. Он пригласил меня в свое купэ и расспрашивал о моей деятельности. Я ему сказал, что мы имеем некоторые достижения и, что если мы будем продолжать нашу работу таким темпом, то наверстаем все потерянное за время революции. «Это будет очень малый успех», — сказал он, — «мы должны через несколько лет перегнать Америку в нашей химической промышленности». Я первый раз услыхал о таких планах развития промышленности из уст большевика. Имея большой опыт за время войны и зная весь наш бюрократизм, я счел за более рациональное промолчать и не угашать восторженных мечтаний последователя Маркса.

Вскоре после моего посещения Подвойского, 23 марта 1918 года, я был вызван по телефону из Мариинского Дворца (бывший Государственный Совет) с приказанием немедленно явиться по делам службы. Когда я вошел в зал заседания, то он был полон народа, а за председательским столом сидело около 10-15 человек, некоторые из коих в дореволюционное время принимали участие в Особом Совещании по Обороне. При входе в зал меня встретил мой товарищ Н. А. Бабиков, бывший управляющим делами в Совещании по Обороне, и предложил мне занять свободное место за председательским столом. Председатель мне ранее не был известен; после заседания он представился мне сам. Это был Ефраим Маркович Склянский, один из военных комисаров и ближайший помощник Л. Д. Троцкого. В то время было назначено 4 военных комисара: Троцкий, Склянский, Кедров и Механошин, причем главная руководящая роль во всех военных делах принадлежала, конечно, Троцкому.

Склянский был зауряд-врач, молодой человек, около 31-32 лет. В его ведение входила вся техническая часть военного комисариата и Военный Совет, которому было поручено об'единить все довольствующие Главные Управления: Артилле-

рийское, Инженерное и Интендантское. Другая часть функций Военного Совета, — главным образом, личный состав и административное управление, — была возложена на Н. А. Кедрова, врача по образованию и старого большевика (по возрасту он был не старше 40 лет). Что касается Механошина, очень молодого человека, то мне неизвестно, какие об'язанности он нес в военном комисариате; насколько помню, он очень скоро получил другое назначение.

После окончания заседания Склянский об'явил мне, в качестве уже окончательного решения правительства, что я назначаюсь председателем Технического Управления, вновь образованного при Военном Совете, и вхожу в состав последнего в качестве постоянного члена. Моя об'язанность состояла в наблюдении и направлении деятельности Военно-Технических Управлений, для чего начальники последних должны были иметь непосредственно со мной все деловые отношения и подготовлять при моей помощи все вопросы, которые должны быть проведены через Военный Совет для окончательного утверждения. В помощь мне был назначен управляющий делами военный инженер Мальчиковский (бывший подполковник), ранее мне неизвестный; кроме того Техническое Управление получило известный штат служащих.

Я старался всеми силами доказывать Склянскому, что я совсем не подготовлен к такой деятельности, что только в силу крайней необходимости я взял на себя во время войны об'язанность развить химическую промышленность для военных потребностей и, что моя деятельность по Химическому Комитету, главным образом, состояла в развитии технических процессов, которые я мог проводить в жизнь, благодаря моему знакомству с химией; другие отрасли военной техники не были мне достаточно знакомы, и потому я в большом затруднении взять на себя наблюдение и управление всеми техническими военными делами. На эти возражения Склянский ответил, что вопрос о моем назначении уже решен, что правительство знает, кого оно назначает на этот пост, и что на другой день приказ о моем назначении уже будет в «Инвалиде» (военный журнал).

Действительно, на другой день я прочитал в «Инвалиде», что я — председатель Технического Управления и член Военного Совета. Моими начальниками являются Склянский и Кедров.

Первое организационное заседание Военного Совета состоялось в Петрограде под председательством Кедрова. Он об'явил, что к 1-му апреля Военный Совет должен переехать в Москву, и что для этой цели будет назначен особый поезд, Был поднят вопрос о нахождении в Москве дома, где должен помещаться Военный Совет и Военно-Революционный Совет. Я указал, что очень удобным помещением для одного из указанных учреждений является Александровское Военное Училище. Было решено, что я поеду в Москву двумя днями ранее и обращусь к коменданту гор. Москвы, Г. Ягоде, причем Кедров, по моей просьбе, снабдил меня письмом к этому последнему, так как он меня, по всем вероятиям, не имел удовольствия знать.

По приезде в Москву я отправился к коменданту Ягоде, управление которого помещалось на Большой Никитской, в роскошном особняке Балина, который продал его А. И. Коновалову. Мне пришлось подождать некоторое время, так как Ягода отсутствовал; но как только он вошел в здание, я обратился к нему и изложил, какое поручение я имею ему передать. Он встретил меня очень недружелюбно (я был в штатском платье), но когда он прочитал письмо от Кедрова, то его обращение со мною стало более внимательным. На меня он произвел несимпатичное впечатление озлобленного человека, несмотря на свою молодость: ему нельзя было дать более 22-23 лет. Мое впечатление было таково, что не дай Бог попасть в лапки этого зверька, сознающего всю свою силу и свое безапелляционное положение. Наш разговор продолжался недолго, и он обещал исполнить данное мне поручение; и действительно оно было своевременно выполнено, и Военный Совет получил чудный дом князя Гагарина на Новинском и Смоленском бульваре. Как я и предполагал, Александровское Военное Училище было потом занято Военно-Революционным Советом.

Ягоду мне пришлось встретить еще один раз через 7 лет

на одном из секретных заседаний Реввоенсовета, куда я был приглашен для обсуждения вопросов по обороне Союза перед поездкой заграницу одной комиссии, куда я был назначен в качестве члена. Ягода был тогда членом коллегии ГПУ и в его наружности произошла большая перемена; он очень возмужал, пополнел и на его самодовольном лице ясно отражалось сознание собственного достоинства от занимаемого высокого положения. Он внимательно прослушал всю дискуссию, но не проронил ни одного слова во все время заседания.

Таким образом мне пришлось начать работу в Техническом Совете в Москве, но мне было разрешено ездить в Петроград, так как я был связан с Академией Наук и Артиллерийской Академией. В виду того, что проезд по железным дорогам представлял в то время громадные затруднения, я получил несколько предписаний за подписью Склянского на бланке Военного Совета, что я имею право бесплатно без всякой очереди ездить по всем железным дорогам в спальных вагонах, не беря билета. С таким предписанием я ездил несколько месяцев из Петрограда в Москву и обратно, и такое незаконное распоряжение исполнялось железнодорожниками, так как страна находилась в состоянии революции и никто не знал, кому какая власть принадлежала.

На первое время для организации Технического Совета, конечно, понадобилась усиленная работа, а, главное, надо было установить штаты Главных Управлений и порядок их докладов в Военном Совете. Как я сказал ранее, моими начальниками являлись Кедров и Склянский, которым я должен был ежедневно докладывать все текущие дела. Кедров принадлежал к числу чекистов и отличался большой жестокостью и суровостью. Достаточно было взглянуть на его черные глаза, горящие зловещим блеском, чтобы сразу определить необузданный и жестокий характер этого человека. Брюнет, высокого роста, неряшливо одетый, в высоких сапогах, постоянно с револьвером наружу. он своим взглядом наводил страх на всех подчиненных, — тем более, что он, — как тогда говорили, — сам лично расстреливал контр-революционеров. Впоследствии

это и оправдалось, — когда он был назначен в Архангельск, в качестве председателя Губ. Ч. К., для наведения порядка в этом городе после ухода англичан; он лично перестрелял там не мало народа. Лично ко мне он относился с должным уважением. На мое счастье его личным секретарем являлся мой ученик по Институту Гражданских Инженеров (его фамилию я забыл), тоже большевик, который имел ко мне большую симпатию. Он мне сказал, что Кедров спрашивал его мнение обо мне, и он ему ответил, что мне можно вполне доверять, так как вся молодежь Института относилась с большим доверием и уважением к профессору, который во всех случаях справедливо и душевно относился ко всем нуждам студентов.

За короткую мою деятельность в Техническом Управлении мне пришлось все-таки иметь больше сношений с Е. М. Склянским. Это был человек другого типа, чем Кедров. Он был мягок в обращении с людьми, — но в нем также чувствовалась достаточная доля высокомерия по отношению к нашему беспартийному брату. Совершенно другое его поведение можно было наблюдать, когда он находился в присутствии такого большевистского вождя, как Л. Д. Троцкого. Я мог наблюдать их взаимоотношения, когда один раз для решения организационного вопроса, Троцкий приехал в Военный Совет, в кабинет Склянского, куда был вызван я и управляющий делами Совета, Н. А. Бабиков. Мы заранее знали мнение Склянского по поводу обсуждаемого вопроса, которое шло в разрез с мнением Троцкого, но никаких возражений из уст нашего начальника мы не услыхали, и только мы вставляли в дискуссию свои замечания.

Это первый раз, как я увидел Троцкого.Ему было всего 38 лет, и его характерные черты лица запечатлелись у меня на всю жизнь. Несмотря на южный мягкий акцент, в нем чувствовалась настойчивая натура, переубедить которую едва ли представлялась возможность. Нельзя сказать, чтобы черты его лица были привлекательными, но они стушевывались, когда он начинал говорить и убеждать противника. Мне придется не раз говорить о нем, но мое первое впечатление было скорее

неблагоприятным. Такое неприязненное впечатление обусловливалось его беззастенчивым отношением к нам, офицерам, — в особенности к генералам, — царской армии; в большевистской печати он не раз высказывал в очень обидной форме свое недоверие и даже презрение. Его выпад против офицерства был настолько резок, что мой товарищ Н. А. Бабиков и другие, поступившие на работу в Военный Совет, подали Склянскому рапорты с просьбой отчислить их от занимаемых ими должностей. Инцидент был улажен благодаря Склянскому. В дальнейшем, при организации Красной Армии, Троцкий, несмотря на свои выпады против офицерства, однако, окружил себя старым генералитетом, помогшим ему провести все это дело в короткое время.

Вскоре после моего первого знакомства с Троцким в кабинете Склянского, я был приглашен на заседание по организационным вопросам управления армией в вагон поезда Троцкого на Александровском вокзале в Москве. Этот поезд Троцкого состоял из бывших царских вагонов. В одном салон-вагоне было назначено под председательством Троцкого заседание, на которое были приглашены следующие лица, — большей частью, генералы царской армии: я, мой товарищ, ген. Николай Александрович Данилов, ген. Н. А. Бабиков, начальник административного отдела Главного Артиллерийского Управления и начальники Инженерного и Интендантского Управлений. Уже перед самым заседанием нам стало известно, что ген. Данилов, не имевший в то время никакого назначения, был специально вызван из Петрограда для того, чтобы выслушать его мнение и предложить ему занять большой ответственный пост в Военном Совете. Во время заседания главное внимание было сосредоточено на речах Н. А., а мне пришлось только один раз высказать свое мнение относительно значения Технического Совета при Военном Совете, так как мой опыт по управлению химической промышленностью во время войны всецело подтверждал подобную организацию. Весь ход этого заседания оставил у меня определенное впечатление, что люди, которым правительством была поручена организация такого важного

дела, как построение армии в социалистическом государстве, не имели никакого определенного плана; их положение еще более отягощалось тем, что им приходилось обращаться по этим вопросам к специалистам, которым они мало доверяли.

После заседания я спросил Н. А. Данилова, правда ли, что ему предлагали занять ответственный пост по организации и управлению армией; на это он мне ответил, что он еще не дал никакого ответа, но обещал подумать и сообщить свое решение. Месяца через два я его встретил в Петрограде, и мы по товарищески разговорились о последних событиях, происшедших в его жизни. Он мне сказал, что он был вызван Троцким снова в Москву для окончательного ответа на сделанное ему предложение работать в Военном Совете, при чем ему было заявлено, что «Ильич» настаивает на том, чтобы Данилов был привлечен к работе в Красной Армии. Н. А. по наивности спросил Троцкого: а кто этот «Ильич»? Получив раз'яснение, он понял нетактичность своего вопроса, но было, конечно, уже поздно; вероятно, за это незнание большевистской клички вождя революции, а также за его отказ поступить на работу в Военный Совет, он был задержан в Москве и затем арестован ВЧК; он просидел два или три дня в тюрьме на Лубянке в Москве. Он мне сказал, что его настроение было в то время таково, что он не был в состоянии взять какую-либо службу у большевиков, так как незадолго перед этим они рассстреляли двух его сыновей. Впоследствии Н. А. был профессором военной истории и стратегии в Военной Артиллерийской Академиях.

Вскоре после моего назначения начальником Технического Совета, я был вызван по телефону известным московским фабрикантом Н. А. Второвым, который просил меня принять его и поговорить о делах. Как уже было указано мною ранее, я очень ценил созидательную работу Н. А. и его деятельность во время войны для насаждения у нас отечественной химической промышленности. Я просил его заехать ко мне в Военный Совет, где мы могли спокойно обсуждать интересующие его вопросы в моем кабинете. Через несколько дней наше

свидание состоялось, и из разговора с ним я сразу понял, какие вопросы его тревожат и какова цель его посещения. Это был апрель 1918 года, когда в воздухе уже носились определенные слухи, что большевики национализируют всю промышленность, что бывшие владельцы будут изгнаны, а заводы будут отданы в управление рабочим-коммунистам. На такого выдающегося организатора, каким являлся Н. А., такая перемена должна была произвести, конечно, удручающее впечатление, так как он предчувствовал, что будет выбит из коллеи своей многогранной кипучей жизни и будет обречен, в лучшем случае, на пассивную роль маленького работника. Мне представляется, что у таких организаторских натур, каким был Н. А., главная горечь при отнятии у них созданного ими большого дела обусловливается не потерей состояния, а сознанием того, что он стал ненужным, что вся его работа не только не оценена достодолжным образом, а, наоборот, признается вредной, эксплоататорской, направленной только к своей личной выгоде, а не для государства. Будучи богатым человеком и еще не старым, он мог бы спокойно передать дело наследникам или другим людям и стать буржуем в полном смысле слова, наслаждаться жизнью в России или заграницей на проценты с нажитого капитала. Но была ли возможна подобная метаморфоза для такого человека, каким являлся Н. А. в нашей стране? Конечно, нет. Его натура не позволила бы ему отказаться от его деятельности, и если бы правительство брало бы почти все доходы с его предприятий, оставив ему только право вести дело, то я уверен, что он ни на минуту не задумался бы продолжать свое дело с таким же рвением, как это он делал ранее. У меня напрашивалось сравнение чувств и переживаний, которые должен испытывать делец-организатор той или другой отрасли промышленности, когда у него отнимают его деньги, но оставляют в его руках созданное им дело, — с тем состоянием, которое будет чувствовать человек науки, сделавший в ней интересные открытия, когда его лишат чинов, орденов и состояния, но предоставят возможность продолжать его научные исследования. Я не вижу здесь никакой разницы в

переживаниях. Организаторский талант людей должен быть ценим в жизни государства не менее, чем творческий талант в науке и технике, и только близорукостью и демагогическими приемами можно об'яснить изгнание и расстрел многих талантливых русских людей, виной которых было лишь их буржуазное происхождение.

В. И. Ленин как то изрек знаменитую фразу: «Дайте мне хорошего специалиста, который обещает честно работать, так я не променяю его на десять коммунистов, которых заслуга состоит в том, что они поступили в партию». А разве с'уметь организовать дело не есть очень редкая специальность?!

Вся речь Второва сводилась к одному вопросу: что делать? Как вести себя далее при создавшихся условиях? Я видел на его измученном лице, какую драму приходилось ему пережить, и понял, что деньги играли здесь самую незначительную роль. Он сказал мне, что пришел ко мне по старой привычке, спросить моего совета и услышать от меня, которого он уважал и считал за правдивого человека, с твердыми убеждениями, ответ на мучившие его вопросы. Он спрашивал меня, какие шаги ему надо теперь же предпринять, которые, по моему мнению, будут наиболее соответствовать тому революционному течению, по которому движется наша страна. Я постарался успокоить его, как мог, и указал ему, что он должен продолжать свою работу для страны безостановочно, так как только в этом я вижу и цель жизни, и средство успокоения нервной системы; а если национализация произойдет, то тогда мы увидим, что делать. Мне представляется, — кончил я, — что такой человек, как Вы, не может и не должен быть оставлен без дела. Я привел в пример себя и повторил ему тоже самое, что я сказал на заседании Академии Наук. Я предложил ему обращаться ко мне в тяжелые минуты жизни, заверив, что я всегда буду готов помочь ему в его деловых затруднениях. К сожалению, моя помощь оказалось ненужной: через несколько дней (кажется, через три дня) об был убит в своем кабинете в деловом дворе каким то маньяком, по совершенно непонятным причинам. Несмотря на революцион-

ное время, рабочие его заводов устроили своему хозяину, без всякого принуждения со стороны кого-либо, многолюдные торжественные похороны и тем доказали свое глубокое уважение к этому большому русскому человеку, имя которого должно быть внесено в историю русской промышленности.

Чтобы иллюстрировать, как большевики-комисары, поставленные во главе Военного Ведомства, решали важные организационные вопросы, я опишу два случая, которые мне были хорошо известны, так как мне пришлось принять участие в их отмене.

До моего приглашения в Военный Совет, при эвакуации правительства и всех главных управлений из Петрограда, по Военному Ведомству был дан необдуманный приказ о переезде главных военных управлений не в Москву, а в другие города Европейской России; так Главное Инженерное Управление должно было переехать в Ростов-на-Дону, а Главное Артиллерийское — в Самару; Военная Академия Генерального Штаба была отправлена в Екатеринбург. Первые эшелоны ГАУ уже следовали в Самару, когда я, вступив в исполнение своих об'язанностей в Военном Совете, узнал о таком распоряжении. Я тотчас же обратился к Е. М. Склянскому и, получив подтверждение о таком приказе, доказал ему полную нелепость такого распоряжения. Главные Управления должны были быть там, где находится высшая власть военного ведомства, а не за тысячи километров от нее. Мне было вполне понятно, почему начальники Главных Управлений убедили народных военных комисаров разместить свои управления подальше от Москвы: они полагали, что на юге России и по Волге служащие не будут испытывать продовольственных и жизненных затруднений. Я предложил послать телеграммы о приостановке эвакуации Главных Управлений в назначенные города, о переброске всех оставшихся в Петрограде эшелонов сразу в Москву, где для этих управлений должны быть найдены соответствующие помещения.

Народные военные комисары согласились с моим предложением, и соответствующие распоряжения были тотчас-же

сделаны. Но этот новый приказ пришелся не по нутру Главным Управлениям, и через два дня в Москву явился ко мне на квартиру А. А. Маниковский, начальник ГАУ, который не застав меня дома, оставил на моем столе записку, написанную карандашом на целом листе писчей бумаги, где он порицал мою деятельность по этому вопросу и настаивал на том, чтобы я повлиял на отмену этого приказа. Он сказал мне, что немедленно отправится по начальству и постарается уговорить комисаров оставить Артиллерийское Управление в Самаре. В оставленной записке он иронически писал: «этот переезд Главных Управлений в Москву нужен для лиц, делающих карьеру и желающих греться в лучах восходящего солнца». Конечно, я опять отправился к Склянскому, и узнав от него, что Маниковский убеждал его отменить приказ, стал еще сильнее настаивать на оставлении в силе сделанного распоряжения, указав, что еще неизвестно, какие события могут разыграться в местностях, столь удаленных от столицы. При личном свидании с Маниковским, я заявил ему, что остаюсь при прежнем решении и не могу признать целесообразность приводимых им доводов о нахождении Главных Управлений вне Москвы.

В этом вопросе я одержал полную победу, но за то в другом деле, об эвакуации Военных Академий из Петрограда, я встретил громадные затруднения, и возможно, что я бы его проиграл, если бы не совершились события, которые поневоле заставили Академии остаться на своем прежнем месте.

Как я уже заметил ранее, Военная Академия Генерального Штаба была эвакуирована в Екатеринбург по приказанию Троцкого на основании доклада начальника Военно-Учебных Заведений Дзевалтовского. Я получил также бумагу от Склянского, что Дзевалтовский настаивает на перенесении и Артиллерийской Академии в Казань. Я об'яснил сначала, что Артиллерийская и Инженерная Академии ранее никогда не подчинялись Главному Управлению Военно-Учебных Заведений, а находились в ведении своих Главных Управлений. С другой стороны, я находил, что такой переезд Академии совершенно не рационален и представит, кроме того, большие затруднения

относительно перевозки их лабораторий и оборудования. В этой борьбе приняли большое участие и начальства Академий, которые просили меня — ни в коем случае не уступать в этом вопросе.

Склянский сначала соглашался со мной, что Академии надо оставить в Петрограде, но потом под влиянием давления со стороны Военного Совета, а также, под влиянием разговоров с моим товарищем по Академии, проф. А. В. Сапожниковым, стал уступать им в этом вопросе; в конце он предложил мне лично обратиться к Троцкому и изложить ему все дело. Получить аудиенцию у этого всесильного комиссара в то время представляло громадные трудности. Наконец, мне был назначен день и час моего доклада, но когда я явился, то мне пришлось ждать часы; через каждые четверть часа секретарь Троцкого уверял меня, что прием состоится через несколько минут. Когда мне стало ясно, что здесь идет издевательство надо мной, то я заявил секретарю, что я ждать больше не буду, так как я тоже не праздный человек. Тогда он немедленно провел меня в кабинет, но только не к Троцкому, а к Механошину. Я понял, что по этому вопросу Троцкий не хочет говорить со мною, но для очистки совести направил меня к комиссару, который в этом деле ничего не понимает и, конечно, ничем не может быть полезен. Я доложил Механошину вкратце суть дела и просил все это передать Троцкому для наложения на мою просьбу соответственного заключения.

Я был прав, когда предполагал, что мое посещение приемной всесильного комисара послужило поводом для издевательства над бывшим профессором и академиком, носившим по долгу службы военный мундир. На другой день после моего посещения в газете «Правда» появился фельетон, посвященный травле бывших военных, и, между прочим, содержащий насмешливое описание моего посещения кабинета Троцкого. Там указывалось, что академику пришлось часами высиживать в приемной для получения аудиенции и добавлялось: «так и надо с ними поступать». Через несколько дней т. Склянский передал мне всю переписку об эвакуации Артиллерийской Академии в

Казань с удивительною надписью Троцкого, свидетельствующей о полном непонимании им этого серьезного дела. Я не могу привести целиком все строчки этой резолюции, но следующие слова врезались мне в память: «Академия должна обслуживать армию, а потому она должна быть по возможности ближе к расположению армии».

Получивши такое распоряжение, мне ничего не оставалось делать, как предложить начальнику Академии в указанный краткий срок привести этот приказ в исполнение, но предварительно надо было испросить большие суммы денег для переезда и сделать распоряжение об отыскании подходящего помещения в Казани. Я полагал, что это займет продолжительное время, а надвигающиеся тучи на Востоке, возможно, помешают исполнению этого нелепого плана. Так оно и случилось, и через две недели Казань была занята Чехословаками и белыми, а вывезенная из Москвы часть золотого запаса попала им в руки. Хорошо был бы положение Академии в Казани; по всем вероятностям, ее постигла бы та же участь, что и Военную Академию Генерального Штаба в Екатеринбурге: после занятия Екатеринбурга белыми, всем профессорам пришлось прекратить свою деятельность и уехать в Сибирь и далее, а Артиллерийская Академия и поныне сидит в Петрограде и принесла не малую пользу делу развития военной техники Красной Армии.

Чем более я углублялся в дела Технического Совета, тем яснее и яснее видел, что я совершенно не гожусь для этой деятельности, и потому окончательно решил, что мне надо так или иначе избавиться от этой должности. На мое счастье Л. Я. Карпов стал настаивать на том, чтобы я посвящал больше времени разработке вопросов, связанных с демобилизацией и мобилизацией химической промышленности. Я тогда попросил его написать Склянскому, что я очень нужен для работы в Химическом Отделе ВСНХ. Я воспользовался этим случаем и стал доказывать Склянскому, что я буду гораздо более полезен на другом амплуа, чем на этой канцелярской работе в

Военном Совете, и что я, как ученый, не могу и не должен забрасывать науку. Сначала мои доводы не имели успеха, но потом, когда я указал на Маниковского, как на специалиста, который с большим успехом может заменить меня, я был освобожден с занимаемой должности, но с обещанием, с моей стороны, что я всегда приду на помощь, когда это потребуется.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МОЙ ХУТОР В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Таким образом в конце июня 1918 года я был освобожден от должности в Военном Совете и получил возможность на месяц уехать в деревню в Калужскую губернию, на Угру, на свой хутор, где находилась моя семья. Приехавши на хутор, я узнал, что семья моего брата Льва Александровича Чугуева, которая жила в доме нашего имения в Матове (5 верст от нашего хутора на Угре) по требованию сельского совета должна была покинуть дом и перебралась в наш хутор на Угре. Еще весной этот совет постановил, что урожай с полей, которые были обработаны и засеяны моими сыновьями, будет принадлежать нам; иначе они не стали бы сеять яровых. Но, конечно, крестьяне не выполнили своего обещания и взяли себе весь урожай, предоставив нам сжать хлеба с 2-3 десятин только для пропитания нашей семьи. Своим сыновьям я сказал, чтобы они не препятствовали брать из нашего инвентаря на хуторе все, что потребует сельский совет, так как теперь власть принадлежит им, а мы их слуги. При посещении нашего хутора председателем волостного совета я обратился к нему с вопросом, может ли моя семья и семья Чугуевых проживать на хуторе в течении всего года и не будет ли отобран от меня хутор в ближайшее время. Комиссар ответил мне, что так как я пользуюсь среди крестьян хорошей репутацией и никогда не

был эксплоататором*), то нет никаких оснований мне опасаться, что я буду принужден покинуть хутор. Принимая все это в соображение, я решил дом-дачу на хуторе, который не был годен для жилья зимой, приспособить для зимнего жилья обеих семей. Это стоило мне больших денег и забот, так как производить строительные работы в то время представляло уже большие затруднения.

Во время моего пребывания на хуторе мне пришлось беседовать с моими старыми знакомыми относительно новой советской власти. Помню, нашу беседу с зажиточными крестьянами-земледельцами деревни Карокиной, братьями Ахрамеевыми. Я поздравил их и сказал, что теперь они будут ответственны за организацию новой жизни в России и что власть целиком принадлежит им. «Не подгадим, — отвечали они, — верно, теперь наша власть». Через год или полтора, когда мне пришлось их встретить снова в один из моих приездов на хутор, то на мой вопрос, как идут дела, они дали ответ уже совсем иным тоном: «От этой саранчи житья нет», — причем я отлично понял, кто эта саранча, которая забирала у них почти весь хлеб, не давая за него цены, соответствующей ценам на другие предметы первой необходимости.

Интересен также один разговор моего соседа по хутору, доктора медицины Леонида Николаевича Зубкова, который владел небольшим имением в 200 десятин около села Ярлыково. Это был замечательно добрый человек, лечивший всех крестьян даром и дававший им даром и лекарства. Крестьяне его очень уважали и любили. Он поселился в Калужской губернии за 7-8 лет до революции, купив это имение у адмирала Чихачева. Он окончил два факультета Московского Университета, химический и медицинский. По химии он работал у проф. Марковникова, а после окончания медицинского факультета был асси-

---

*) Имение в Матове (около 300 десятин) было приобретено мною во время войны, за 2 года до революции. Оно принадлежало Сухотину, который разорил его и должен был продать его за долги. Я никогда помещиком не был и купил имение с переводом долга (Тульскому Банку) на свое имя по просьбе моего старшего сына Димитрия, убитого на войне.

стентом у знаменитого доктора Захарьина. Он был прекрасный врач, но очень любил сельское хозяйство и приобрел имение, конечно, не для дохода, а исключительно для насаждения культуры в деревне. В свое имение он вложил очень много денег и ввел массу полезных усовершенствований. Конечно, соседние крестьяне, на основании предоставленного им права, заявили претензию на его имение. Но крестьянам пришлось разочароваться, так как из этого имения и соседних хуторов был образован совхоз, а село Ярлыково не получило земельной прирезки.

При разговоре с крестьянами Зубков сказал: «У меня взяли все за один раз, а с вас будут брать постоянно». «Не может быть», — ответили они ему, — «теперь наша власть». «Поживете — увидите, я в этом уверен», — закончил Зубков. Впоследствии крестьяне убедились, насколько был прав Зубков.

Ленин и Троцкий отлично понимали, что с их лозунгами «грабь награбленное» и «уничтожай помещиков и господ», они найдут миллионы соратников, не имеющих ни умственного, ни имущественного багажа; они знали, что эти люди пойдут за ними на любую авантюру в надежде получить многое, но ничем не рискуя, так как им нечего было терять. Эти массы были вооружены, а остальное население и трудолюбивые крестьяне, кормильцы страны, не имели в своем распоряжении никакого оружия и должны были молчать, так как в противном случае расправа с ними, как показывали примеры, была самая жестокая. На моих глазах в Медынском уезде, Калужской губернии, — там, где у меня был хутор, — несколько волостей осенью в 1918 году возмутились большевистскими порядками и произвели восстание. Оно было быстро подавлено, но не просто поркой зачинщиков, как это производилось в былое царское время, а двумя способами: расстрелами и также поркой. Комиссар Семенов (жил в Полотяном заводе) расстрелял 110 человек*), а председатель Волостного Совета Виноградов драл

*) В это число попали и лица, не имевшие никакого отношения к крестьянскому движению.

беспощадно нагайкой и мужиков, и баб. А сколько таких восстаний было на Руси, одному Богу известно.

Ленин понимал отлично, что бедняков и батраков больше, чем зажиточных крестьян, и что если им дать власть, то они с'умеют расправиться с «кулаками», причем, вероятно, умышленно не было дано точного раз'яснения, что такое из себя представляет «кулак». Создание «комитетов бедноты» в деревнях сразу расслоило население на два лагеря, и жизнь трудолюбивым крестьянам, как мне не раз пришлось наблюдать над своими соседями, стала куда хуже, чем при царском режиме. Кулаков в настоящем смысле этого слова в деревнях было очень мало; они были все на перечет, и ограничение их власти можно было бы только приветствовать. Но для победы пролетариата этого было мало. Необходимо было умалить значение в деревне трудящихся, мало-мальски зажиточных крестьян.

Я приведу здесь также, как пример произвола «комитета бедноты», случай со мною, — из за моего хутора. Этот хутор был создан и культивирован на глазах у всех крестьян лично мною и моими сыновьями, которые работали в поле, как самые простые работники. Земля хутора была приобретена у крестьян по баснословно дорогой цене; им она была не нужна и заброшена, так как владельцы жили за рекой и им трудно было ее разделывать. На эти деньги крестьяне купили себе значительно большее количество земли по соседству. Я истратил на хутор массу денег и труда и старался показать крестьянам выгоду употребления плугов, севооборота и применения сельскохозяйственных машин, которые они могли бы купить целой деревней для своего употребления. Хутор имел всего 4-5 десятин в каждом из 6-ти полей и полученную рожь и овес я отдавал крестьянам на семена на обмен. Во время революции отношение ко мне и сыновьям соседних крестьян было самое хорошее, добрососедское, и они постоянно приходили ко мне побеседовать; я старался всегда их успокоить и говорил, что при всяком режиме надо работать и работать. Но вот одному из членов «комитета бедноты» товарищу Николаеву (22-23-летнего возраста) понадобилось показать власть. «Я», —

говорил он, — «генерала в тюрьме сгною». Во-первых, он наложил на меня налог в 100.000 рублей, а потом в мое отсутствие явился к нам на хутор и приказал моей жене и семье Чугаевых сначала в двух-дневный срок, а потом (смилостивился) — в течении 6 дней покинуть хутор, оставив все имущество, кроме самого необходимого носильного платья.

Я в это время был уже в Петрограде. Получив телеграмму, я, конечно, немедленно поехал в Москву и направился в те учреждения, которые могли остановить эти безрассудные деяния, так как я имел бумагу за подписью Рыкова, чтобы моей жене предоставили право проживать на хуторе вместе с малыми внуками. После моего посещения Н. И. Крестинского, который в то время был комисаром финансов, я получил от него бумагу в Калужский губернский совет об изменении несообразной суммы налога и предложении об исполнении ему донести. Что же касается оставления хутора за мной, то последовала телеграмма от Петровского, заместителя председателя ЦИК'а, что такие полезные для советской власти работники, как академик Ипатьев и профессор Чугаев, не могут быть выселены из занимаемых им помещений в провинции; что касается количества земли, которую они могут возделывать, то это определяется теми декретами, которые установлены советским правительством для всех граждан РСФСР.

Я прибыл с копией такой телеграммы на хутор, как раз в то утро, когда приехал Николаев, чтобы выселить наши семьи с хутора. Конечно, он знал о телеграмме Петровского, но он сделал вид, как будто не знает ничего о телеграмме из Москвы. Когда я ему показал копию телеграммы, то он заявил, что при таком обороте дела он ничего не имеет против нашего житья на хуторе. В следующую ночь мы были разбужены пожаром: горел наш курятник, — несомненно, это было дело кого-либо из членов «комитета бедноты». Интересно заметить, кто такой был товарищ Николаев. Девушка, Вера, которая с малых лет жила и работала у нас на хуторе, и семье которой мы всегда помогали, когда увидела Николаева, в первый раз приехавшего на хутор в качестве комисара по земельным делам Медынского

уезда, сразу признала его и сказала: «это — Пашка, который перед революцией был посажен в острог за хорошие дела».

Во избежание дальнейших нападений со стороны местных властей по совету Москвы нам было предложено передать хутор в управление специально присланному лицу, — с тем, однако, чтобы хозяйство вел мой сын, Владимир, как специалист в этом деле. Мы согласились на это, но вышло еще хуже, так как присланный гражданин Иван Иванович Макаров, не имевший понятия о хозяйстве, стал разыгрывать роль хозяина и интриговать. Оказалось, что этот суб'ект, бывший кадет, шел против большевиков, а потом к ним примазался. Но он был в очень скором времени раз'яснен и убран с этой должности и отправлен в Москву по огородному делу. Наш же хутор передали под начальство соседнего совхоза в Ярлыкове, а сына сделали простым рабочим и ему уже пришлось работать и жить в Совхозе. В результате пришлось опять хлопотать, чтобы хутор вернули нам, так как при безалаберном ведении хозяйства в Ярлыковском совхозе совершенно нельзя было правильно вести хозяйство на хуторе.

В августе 1920 года, благодаря моим хлопотам в Москве и после рассмотрения дела в Калужском губернском Земотделе, мне был снова возвращен хутор и было приказано возвратить всю отобранную скотину. Последняя находилась в таком состоянии, что одну лошадь пришлось вести на телеге, а другая была так надорвана, что в скором времени подохла. Больших усилий стоило сыну привести хутор снова в надлежащий порядок, — в особенности, принимая во внимание очень засушливый и неурожайный год. В это время семья Чугаевых решила нас покинуть после трех-летней совместной жизни и отправилась в Вологодскую губернию и поселилась в 40 верстах от города Вологды в одном монастыре. Их притягивало туда, с одной стороны возможность лучшего питания, и возможность Льву Александровичу более часто посещать свою семью: он должен был приезжать из Петрограда читать лекции по химии в Вологодском Молочном Институте. Л. Я Карпов, который был учеником Л. А. по Московскому Техни-

ческому Училищу выхлопотал для них товарный вагон-теплушку, который был подан на станцию Тихонова Пустынь. После трогательного прощанья семья Чугаевых, состоявшая из пяти человек, 16 июня была переправлена с нашего хутора на станцию Тихонова Пустынь (около 20 километров от нашего хутора). Мой сын Владимир оказал им большую помощь для доставки их на станцию и посадил в вагон. Их путешествие продолжалось около двух недель, пока они добрались до места их будущего жительства, оказавшегося для них впоследствии роковым.

Впоследствии мне еще придется вернуться к описанию тех бедствий, которые пришлось испытать нашему хутору, который был нам всем дорог, потому что был создан исключительно трудами всей нашей семьи и в самое трудное время помог семье пережить наиболее голодные и холодные годы революции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Во время моего пребывания на хуторе, в Москве произошло восстание левых эс-эров, причем был арестован Дзержинский; но оно было быстро подавлено, так как во главе левых эс-эров стояли люди, не достаточно энергичные и не имевшие авторитет среди пролетариата. В августе было совершено покушение на жизнь В. И. Ленина: стреляла в него Дора Каплан, принадлежавшая к партии с.-р. Пуля попала в шею, не могла быть извлечена и потому положение было очень опасным. Перед этим событием в Петрограде были убиты Володарский и Урицкий. Все эти убийства были совершены социал-революционерами и страшно обозлили большевиков. Когда было совершено покушение на Ленина, то в Петрограде было дано распоряжение арестовать и расстрелять до 600 офицеров. С этой целью представители Чека ходили по домам и спрашивали у дворников, кто из офицеров живет у них. Таким образом в

одну ночь было собрано, как говорили, 550 офицеров, армейских и флотских; они были посажены на баржу и вместо расстрелов, во избежание расхода патронов, потоплены в Финском Заливе около Кронштадта. Из нашей артиллерийской академии в эту ночь были убиты два профессора — ген. Брикс и Никитин, совершенно никакого отношения к политике не имевшие. С этих пор начался неописуемый террор со стороны Чека, и в особенности положение офицеров стало крайне опасным, так как по самому пустяковому доносу можно было отправиться к праотцам. Ввиду того, что мне приходилось по долгу оставаться в Петрограде, а потому я также мог легко быть подвергнут аресту и расстрелу, то т. Склянский дал мне специальную карточку к Позерну, который был правой рукой Зиновьева. На этой карточке было написано, что я являюсь необходимым работником для совтского правительства, и потому мне должна быть оказываема помощь и содействие во всех случаях и событиях моей деятельности. Подобная-же карточка была дана мне также и Н. П. Горбуновым, который был в то время секретарем у Ленина и председателем Научно-Технического Совета, куда я был приглашен членом в научный комитет. Эти карточки были всегда со мною, но должен заметить, что мне не пришлось кому либо их показывать.

Жизнь в Петрограде была монотонной. С каждым днем город все более и более пустел; продовольственный кризис обострялся. Народ буквально голодал. В результате строгих правил, торговля на рынках и из-под полы почти совсем прекратилась. Ввиду отсутствия топлива началась ломка деревянных домов, — в особенности на Петроградской стороне, где образовались громадные пустыри, которые, вероятно, не застроены и поныне. Вследствие недоедания, холода и сырости в квартирах, начались эпидемии, и сыпной тиф распространялся все более и более. К 1918 году в Петрограде осталось только 700.000 жителей.

Моя работа в Петрограде заключалась в посещении два раза в месяц заседания Академии Наук. Весной 1918 года в Академии Наук был поднят вопрос о командировании акаде-

миков на юг с разными поручениями. Насколько я помню, цель этих командировок заключалась в том, чтобы дать возможность академикам прожить тяжелое время в более благоприятных условиях. Мне и другим академикам было дано предписание отправиться на юг России. Я не воспользовался этой командировкой, но академик В. И. Вернадский поехал и затем, после занятия Юга белыми, уехал заграницу, где прожил несколько лет в Праге и в Париже; только через несколько лет (6—7) он вернулся в Петроград обратно в Академию Наук.

В Артиллерийской Академии я должен был читать лекции один раз в неделю (2 часа); на лекции приходило 5—7 человек, причем и я, и слушатели должны были сидеть в шинелях и полушубках, так как помещения Академии почти не отапливались. Что касается химической лаборатории, то уже в ноябре 1918 года она перестала функционировать, так как полопались все водопроводные трубы и прекратилась подача газа; не было и дров, чтобы отапливать помещения. В таком состоянии Академия просуществовала и весь 1919 год; положение служащих в Академии, а, вероятно, и в других учреждениях Советской республики, можно было уподобить состоянию инвалидов на пенсии, причем размер последней определялся для всех без исключения таким рационом, чтобы только не умереть с голода. Насколько положение с продовольствием было ужасно можно судить по тому, что из 45 членов Академии Наук в один год умерло семь. А. М. Горький первый обратил внимание Ленина на то ужасное состояние, в котором находятся ученые в Советской России, так как без их работы невозможен никакой прогресс в стране, то Горький настаивал на необходимости немедленно принять меры, чтобы сохранить от вымирания хотя бы эту малочисленную группу граждан. Первое пособие было оказано 40 членам Академии Наук: с начала 1919 года им стали выдавать ежемесячно «паек»: 45 фунтов хлеба, два фунта крупы, два фунта сахара, один фунт какого-нибудь масла и немного других продуктов. Это было большое благодеяние для академиков. Через несколько месяцев правительство постановило выдавать ежемесячный паек всем зарегистрированным

ученым, причем звание ученого обусловливалось имением печатных научных трудов. Паек, кроме указанных выше предметов, содержал еще мясо и небольшое количество жиров, и был достаточен для одного человека. Паек в Петрограде выдавался в Доме Ученых (бывший дворец вел. князя Владимира Александровича). В назначенный день (ученые были разбиты на группы и каждой группе назначался особый день) приходилось идти за пайком, причем в зимнее время для доставки его мы пользовались небольшими санками, а летом — особыми тележками; у кого таких приспособлений не было, тем приходилось носить паек на спине. По крайней мере года два в Петрограде можно было видеть знаменитых ученых, путешествующих с пайками за спиной. Эта благоразумная мера безусловно спасла жизнь многим даровитым ученым, принесшим впоследствии большую пользу стране.

Впоследствии ученые, на основании их научных заслуг, были классифицированы и разбиты на группы, причем в пятую, — высшую, — группу входили ученые только с мировым именем; понятно, что эта группа была самой малочисленной. Для такой классификации ученых существовала особая центральная комиссия (ЦКУБУ*) в Москве, которая и делала расценку научным заслугам всех русских ученых. Конечно, были некоторые неправильности в оценке, но в общем надо признать, что разделение ученых на эти пять групп было сделано довольно справедливо. Такая классификация ученых была сделана сначала для того, чтобы оказать ученым также и денежную помощь в форме выдачи им некоторой суммы денег в золотой валюте. Действительно, в первое время были сделаны выдачи в золотых рублях, причем я, по пятому разряду получил, насколько помню, около 70 рублей; последняя группа получала, кажется, по 10 рублей. Потом вместо золотых рублей стали выдавать советскими знаками, а потом с улучшением содержания ученым, это дополнительное вознаграждение (как его называли: «золотой дождь») было прекращено. Кроме того, для ученых на

*) Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

курортах были предоставлены особые помещения, причем Комиссия ЦКУБУ определяла, кто из ученых может в данное время использовать это право на отдых и лечение.

В то время, когда в Петрограде текла монотонная и бездельная для нашего брата жизнь, в стране шла гражданская война, краткие сведения о которой мы могли получать из газет, — главным образом, из «Петроградск. Правды». Дела большевиков в начале были очень плохи, так как они были окружены со всех сторон: на юге — армией Деникина, на востоке — армией Колчака, на севере — армией Миллера. К лету 1919 года вся Украина была занята деникинцами, которые дошли до Курска и Орла.

Однажды утром, в начале января 1919 года, ко мне на квартиру в Артиллерийской Академии явился один гражданин с письмом от бывшего главного управляющего Юзовскими заводами, инженера А. Свицына и сообщил мне, что ему дано очень важное поручение непременно доставить меня в ставку Деникина. В пришедшем ко мне человеке я сразу узнал рабочего со вновь выстроенного под моим председательством завода азотной кислоты около Юзовки. Этот рабочий один раз весной уже приезжал с юга в 1918 году и привез мне в Москву в подарок от рабочих Юзовского Азотного Завода два пуда пшеничной муки. Когда я прочитал письмо, то действительно увидал, что меня немедленно вызывают на Юг и предлагают очень ответственный и высокий пост у белых. Когда я спросил, каким образом он провез письмо, то он ответил, что письмо было завернуто в темную бумагу и вложено в хлеб. Что касается моего перехода через фронтовую полосу, то посланный об'яснил мне, что мне и моей жене нечего опасаться, так как все подготовлено и он ручается за полную безопасность. Он добавил, что если я не поеду, то для меня будет очень плохо и впоследствии, когда Деникин возьмет Москву, по всем вероятностям, я буду расстрелян. Я категорически отказался от этого предложения, так как наперед предвидел, на основании всех сведений, которые имел в своем распоряжении, что белое

движение обречено на полный провал, так как люди, стоящие во главе, главным образом военные, совершенно не понимают, что такое гражданская война и как надо вести ее, и вдобавок, являются очень плохими администраторами. Ни один из участников белого движения не мог претендовать на звание государственного деятеля, могущего взять все в свои руки и дать такие лозунги, которые заставили бы население примкнуть к этому движению. Ведь гражданская война есть борьба лозунгов, и чьи лозунги более приемлемы в данный момент, на той стороне и будет победа. Превосходство в вооружении и военной подготовке имеет гораздо меньшее значение для одержания победы в гражданской войне, чем гипноз и воодушевление народных масс, инспирируемых заманчивыми перспективами нового государственного строя, согласного с теми понятиями и иллюзиями, которые породили революционное движение. История гражданской войны в Соединенных Штатах в 1861—1865 годах показала на примере, что победа была не на стороне южных штатов, а на стороне севера, потому что их лозунги воодушевляли каждого честного гражданина и невольно заставляли его стать на их защиту.

К Деникину я все же чуть не попал: в июле 1919 года Химический Отдел В. С. Н. Х. командировал меня в качестве председателя Комиссии по демобилизации и мобилизации химической промышленности, в Харьков для того, чтобы разрешить некоторые вопросы по химической промышленности, — а в особенности обследовать состояние коксобензольных заводов. Если мне не изменяет память, предписание за подписью Карпова, который был также членом президиума ВСНХ, было мне дано от 16-го июня. Если бы я выехал на следующий же день, то я еще успел бы приехать в Харьков до занятия его белыми; через несколько дней я бы очутился в руках Деникинского правительства и, конечно, не был бы выпущен обратно, в результате чего моя дальнейшая судьба сложилась бы совершенно иначе...

*
**

Начиная с весны 1919 года в Петрограде стали циркулировать слухи о появлении партизанских белогвардейских отрядов под предводительством князя Авалова и других, которые делали нападения на города и села Псковской и Петроградской губерний. Слухи об успехах армий Деникина, Дутова и Колчака достигли также Петрограда и сеяли надежду на возможность свержения Советской власти, которая уже тогда не пользовалась симпатиями народонаселения Петрограда. Население города все более уменьшалось, — главным образом, от сыпного тифа. Каждый день по утрам можно было видеть транспортирование трупов из больниц на кладбища на платформах трамваев. За недостатком гробов трупы сваливали в общую могилу. Дело с продовольствием находилось в ужасном состоянии. Приехавшему в Петроград нигде нельзя было найти не только обеда, но даже с'есть кусок хлеба и выпить стакан чая. Чтобы получить обед в столовой, надо было проделать такую бюрократическую волокиту, что ни у кого не являлось охоты производить эти хлопоты, — тем более, что в результате он получал тарелку супа, похожего сскорее на помои от мытья тарелок после обеда, чем на с'едобную жидкость. Один или два рынка самочинно открывались на некоторое время, но как только на них начинал появляться в более или менее значительном количестве провиант из деревни, милиция, под предводительством Чека, делала облаву и забирала всю провизию в свою пользу. Народ терпел голодовку в размерах, совершенно несравнимых с тем недостатком продуктов, который ощущался в Петрограде в последние месяцы войны перед самой революцией.

Положение в Петрограде стало особенно тревожным, когда в октябре 1919 года неожиданно развернулось наступление ген. Юденича. Мы узнали об этом из газет лишь после того, как Юденич занял Ямбург. Наступление шло очень быстрым темпом, и через несколько дней белая армия заняла Лигово, Царское Село, т. е. находилась в 16—20 километрах от Петро-

града. Красная Армия почти не оказывала сопротивления и отступала к Петрограду. Все были уверены, что Юденич вступит в Петроград. В то время никто не знал, какими силами он располагает, и будет ли в состоянии удержать город. Настроение советской власти было очень подавленное, а главный ее представитель, Зиновьев, до того перепугался, что переселился из своей квартиры в заготовленный поезд, стоявший на путях Николаевской дороги, и был готов в любой момент бежать в Москву. Красные военные власти собрали всех военных и поручили поставить временные батареи в различных частях города и вне его, а также устроить баррикады на площадях и улицах. Для артиллерийской обороны был назначен бывший полковник Г. А. Яковлев*), — профессор артиллерии в Академии, очень знающий артиллерист и энергичный человек. Как он выполнил поставленную ему большевиками задачу, я судить не берусь, так как только бегло видел возведенные им батареи, но одно могу сказать, что, судя по некоторым разговорам со мной, он находился в контакте с белым движением и, повидимому, заранее знал о наступлении белых на Петроград. В то время в Артиллерийском Училище (бывшем Михайловском) преподавал тактику полк. генерального штаба Линдквист, который, как оказалось впоследствии, тоже был на стороне белых.

Казалось, дело большевиков висело на волоске, но из Москвы был прислан председатель Военно-Революционного Совета Л. Троцкий, которые безусловно спас дело революции и не дал Юденичу завладеть Петроградом. С его приездом началось отступление белых, и в течении двух-трех недель вся армия Юденича была изгнана с территории РСФСР. Заслуга Троцкого перед большевиками неоценима, и она не должна была бы быть никогда забыта. Он много раз спасал почти безвыходное положение на фронтах, и это он достигал не при помощи своих военных талантов, а исключительно своим уменьем, авторитетным словом зажигать сердца своих едино-

*) Мой бывший ученик по Арт. Академии, сделавший прекрасную работу по катализу.

мышленников, убеждая их лучше идти на смерть, чем погубить дело революции.

Своим красноречием, он действовал не только на товарищей, но и на нашего брата военного. Один мой ученик, очень талантливый артиллерист, занимавшийся всю жизнь очень опасным делом, снаряжением снарядов разных калибров новыми взрывчатыми веществами, — полк. Андрей Андреевич Дзержкович, рассказывал мне, что ему пришлось не раз присутствовать при речах Троцкого, когда он должен был путешествовать в поезде Троцкого по фронтам во время гражданской войны. Он сам по себе замечал магическое действие речи Троцкого, а также видел, какое впечатление она производит на красногвардейцев и их начальников, бывших царских офицеров. Чувствовалось, что он подкупал их своей искренностью и убеждал во что бы то ни стало совершить то дело, которое должно послужить на пользу стране и для ее спасения. И люди шли на смерть с мужеством и убеждением, что они служат правому делу. Можно ли после этого верить, что личность не играет главной роли в исторических событиях, а все принадлежит массам, как это утверждал Л. Н. Толстой в романе «Война и Мир»?

Позднее мы узнали, с какими негодными средствами начал свой поход на Петроград ген. Юденич; в его распоряжении было всего 15,000 человек, — к тому же очень плохо обеспеченной как продовольствием, так и боевым снаряжением. Эта авантюра повлекла за собой ужасные репрессии в Петрограде со стороны большевиков. Масса народа была расстрелена, как только были обнаружены малейшие улики не только в участии, но даже в сочувствии белому движению. Первыми пострадали офицеры, принимавшие участие в обороне Петрограда. Яковлев, Линдквист и многие другие были расстреляны. Мне передавали, что участие в белогвардейском движении полк. Яковлева и других было обнаружено, потому что был найден список лиц, которые должны были стать во главе Управления, когда будет взят Петроград: Яковлев был намечен на пост военного министра.

Пришлось опасаться репрессий и мне, так как и со мной ранее был случай, подобный Яковлеву. В Петрограде образовался Институт по экономическим исследованиям РСФСР, который помещался на Невском проспекте. В этот Институт членами входили все находящиеся в Петрограде люди, которые в прежнее время принимали то или другое участие различных отраслях промышленной и экономической жизни России. В обсуждениях различных технических и экономических вопросов принимали участие люди, как Тимирязев, бывший министр торговли и промышленности, Комов, один из директоров товарищества Бр. Нобель, Е. Каратыгин, Марья Федоровна Андреева (б. супруга Горького), Изнар*) и другие. Я был также приглашен членом в химическую секцию этого Института. Однажды летом 1919 года перед наступлением Юденича я был вызван по моему домашнему телефону г. Изнаром, который сообщил мне, что желает поговорить со мной по весьма серьезному делу, и что лучше всего было бы иметь разговор в Институте Экономических Исследований. Я согласился придти туда в назначенное время. Из разговора выяснилось, что положение большевиков очень критическое, и в скором времени надо ожидать их падения, так как наступления Деникина и Колчака развиваются очень успешно, и не сегодня, так завтра, надо ожидать наступления и на Петроград. Я сам хорошо знал, что советское правительство, будучи окружено со всех сторон белыми, находилось в очень трудных условиях; тогда уже ходила крылатая фраза Троцкого: «Мы мертвы, только некому нас похоронить». В виду такого положения большевиков группа бывших промышленников и чиновных людей, собравшись для обсуждения вопроса о будущем правительстве, единогласно решила предоставить портфель министра торговли и промышленности мне, как лицу аполитичному, вполне честному и неподкупному, а кроме того, зарекомендовавшему себя превосходным администратором и знатоком химической промышленности. Я был крайне удивлен таким предложением и, побла-

---

*) Изнар был родственником А. И. Гучкову и был его заместителем по Центр. Воен.-Пром. Комитету.

годарив за лестную характеристику и предложение, наотрез отказался от этой чести, так как всегда предполагал будущую свою жизнь посвятить науке, и только в особых случаях приходить на помощь российской промышленности. Я помню, что вскоре при новом свидании я просил Изнара ни в коем случае не заносить моего имени в список будущих кандидатов в министры, так как это, с одной стороны, все равно бесполезно, ибо я не пойду на эту должность, а, с другой стороны, опасно, так как подобные списки могут повредить вообще всем намеченным кандидатам. Я точно предчувствовал, что подобные списки могут попасть в руки большевиков. Из этого ясно, почему после ухода Юденича, мне не раз приходила в голову мысль, не окажется ли мое имя в каком-нибудь кандидатском списке на высокую должность после падения большевиков.

Нашествие Юденича на Петроград имело роковые последствия для семьи моего коллеги, проф. А. В. Сапожникова. Сам он в это время был по делам службы на стеклянном заводе Ритинга (около 50 километров от Петрограда), и в виду занятия этого завода белыми не мог возвратиться домой. В это время один из его сыновей покинул Петроград и отправился в стан белых. После отступления белых он попал в руки красных и давал сбивчивые ответы на допросе. Это вызвало подозрение, и он был арестован. Вскоре был арестован также его брат. Как в доме проф. Сапожникова, также и в лаборатории Института Путей Сообщения, был сделан обыск. Во время обыска служитель лаборатории заявил Чека, что в стене лаборатории, по приказанию сыновей проф. Сапожникова, замуравлено оружие. Когда оружие было действительно найдено, то братья Сапожниковы были расстреляны. Их мать от потрясения потеряла рассудок и долго не могла придти в себя. Что же касается самого А. В., то он, конечно, попал под сильное подозрение и через месяц или два был арестован. На его счастье он был в очень хороших дружеских отношениях с большевичкой Александрой Михайловной Колонтай, которая была в то время народным комиссаром и могла оказать существенную помощь. А. М. Колонтай попросила Горького помочь реабилитации

профессора, который, по своим работам и опыту, был крайне необходим для советского правительства: в то время А. В. Сапожников вел очень большую работу в Институтской лаборатории по предохранению шпал от быстрой порчи пропитыванием их различными веществами; он был также членом Технического Комитета Комисариата Путей Сообщения и еженедельно ездил в Москву на заседания. Горький обещал исполнить эту просьбу и, вероятно, при свидании с Лениным рассказал ему всю историю, которая случилась с профессором. В результате такого ходатайства Ф. Дзержинский лично доложил Ленину о деле Сапожникова и тогда было решено его помиловать, причем Ленин произнес такие слова: «Пускай профессор готовит снадобье против порчи шпал на пользу советов». Об этом разговоре Дзержинского с Лениным было напечатано в одном из выпусков журнала «Молодая Гвардия».

А. В. Сапожникову пришлось просидеть в тюрьме на Шпалерной в течении нескольких месяцев; после освобождения в 1920 году он был восстановлен во всех правах и продолжал со свойственной ему энергией свою профессорскую деятельность в Артиллерийской Академии. Мне придется не раз еще возвращаться к событиям, которые имели место в дельнейшей жизни моего коллеги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ И ЕЕ «ПОЛИТРУКИ»

С самого начала советской власти, в Артиллерийскую Академию, которая была теперь полностью отделена от Артиллерийского Училища, был назначен политический комиссар («политрук»), который вместе с начальником Академии решал все вопросы, касающиеся жизни Академии. В конференции обсуждались только учебные вопросы. В состав конференции входили все профессора и преподаватели и особо выбранные лица от служащих. За промежуток времени с 1917 по 1930 г.г.

переменилось не менее 7 «политруков», причем 3 были латыши, один — евреем, один — грузином и только один — русским. К ним иногда назначались еще помощники, которые, однако, большой роли не играли и предназначались для малоответственной работы.

Первый комиссар Академии, латыш, был очень приличным человеком и с своей стороны делал все, чтобы наладить правильную жизнь в Академии. Он был около 2 лет комиссаром, и наступление Юденича произошло во время его пребывания в Академии. Хотя со стороны Академии, во время похода Юденича, была проявлена полная лояльность к советской власти, тем не менее на верхах решили сменить комиссара, как малодеятельного и не досмотревшего, что среди преподавателей Академии находились лица, которые имели сношения с белыми. Мы все, начиная с начальника, очень сожалели об уходе этого комиссара, который очень много помог Академии наладить занятия в лабораториях, снабдив их электричеством, водой и топливом. С осени 1919 года начались уже занятия по качественному и количественному анализу в химической лаборатории. К сожалению, я не могу вспомнить фамилию этого комиссара.

После него был назначен комиссаром тов. Ковингонт, — личность, на которой следует остановиться несколько больше для того, чтобы было можно понять, при каких обстоятельствах приходилось работать нашему брату, далекому от политики и желавшему только пользы своей стране. По всем данным Ковингонт был одним из деятелей петроградской Чека или во всяком случае человеком, очень близким к этому учреждению. Уже его наружность производила отталкивающее впечатление. Он всегда носил военную форму, ходил по большей части в шинели и с револьвером, был среднего роста и очень молод. Выражение его лица не всегда можно было распознать, так как он носил пенснэ с дымчатыми стеклами, но если удавалось поймать взгляд его злобно-пронизывающих глаз, то можно было сразу же составить впечатление об его далеко не привлекательной натуре, которой нельзя было никаким образом ока-

зывать доверия. По моему, со стороны Чека было большой ошибкой назначать на ответственные должности политических комиссаров подобных людей, которые при первом же знакомстве возбуждали презрение и недоверие, и заставляли быть с ними настороже. Он был прислан, чтобы навести порядок, так как верхи были недовольны деятельностью нашей Академии. Он сразу стал в оппозицию начальнику Академии, показывая всеми своими распоряжениями, что он здесь главное лицо.

Очень скоро после нашего знакомства, он обратился ко мне не то с просьбой, не то с приказанием выдать ему из лаборатории значительное количество спирта, получение которого по тогдашним временам было связано с большими трудностями. Это требование он мотивировал необходимостью использовать спирт для автомобиля, так как отпускаемое горючее было очень плохое и к нему надо прибавлять алкоголь. Я ответил, что мы получаем для лаборатории очень мало спирта, но небольшое количество я все же смогу ему дать, — на условии, что он даст мне письменное предписание с указанием, для какой надобности спирт ему нужен, так как в то время существовали очень строгие правила относительно расходования этого продукта, производство которого в РСФСР сократилось в очень сильной степени. За незаконную продажу винного спирта полагалась смертная казнь.

С начала функционирования химической лаборатории с осени 1919 года мы имели право требовать отпуск спирта через Петроградский Совет Народного Хозяйства, так как лаборатория по поручению правительства, — производила многие исследования по порохам и врывчатым веществам, для чего этот продукт был необходим. Сначала небольшие количества спирта и эфира мы получили с Охтенского Порохового Завода, но затем нам было указано, что нам лучше всего обратиться в Казанский Пороховой Завод, который имеет большие запасы спирта и эфира. Зная, что комиссар очень охотится за спиртом и поможет нам, я испросил у академического начальства разрешение послать в Казань одного лабораторного служителя, снабдив его нужными бумагами для перевозки этих веществ

в отдельном товарном вагоне (теплушка) для нужд военной Академии по изготовлению порохов и взрывчатых веществ. Бумаги были составлены в таком духе, что их неисполнение грозило железнодорожному начальству большими неприятностями. Понятно, для исполнения такого сложного и деликатного поручения необходимо было выбрать человека, не только толкового, но и надежного, которому можно было доверить столь соблазнительный товар, подверженный очень легкой утечке и испарению, — по-просту говоря, умелой спекуляции. Наш выбор пал на одного молодого служителя, очень исполнительного и старательного, не пьющего, который, по наведенным справкам, оказался одним из владельцев известной фирмы Корниловых, изготовлявшей стеклянные и фарфоровые изделия. При отправке такой экспедиции я предполагал, что шансы на успех очень малы, так как транспорт находился в ужасном состоянии, в чем я вскоре убедился и лично, — когда мне пришлось ехать самому в командировку в Казань, о чем я скажу ниже.

Здесь невозможно описать все те затруднения, которые пришлось испытать Корнилову, чтобы добраться до Казани, получить там товар и переправить его в Петроград. Меньше всего препятствий он встретил на заводе, потому что служащие завода, как инженеры, так и рабочие, меня знали и относились ко мне с большим уважением. Но обратный путь в теплушке с товаром, для проводника был связан с опасностями для жизни. На переезд из Казани в Петроград потребовалось около 2 месяцев времени. Мы долго ничего не знали о судьбе Корнилова, когда он неожиданно явился в лабораторию и потребовал послать подводу для получения груза. Доставка его в лабораторию была также не легка, ибо надо было сделать это с строгой тайной, чтобы не вводить в соблазн тех, кому об этом не надлежало знать. Спирт и эфир помещались в железных многоведерных больших бочках и перенос их с подводы в соответствующее изолированное место лаборатории требовал затраты большой физической силы. Несмотря на все затруднения мне и моему помощнику, проф. Витторфу, двум

лаборантам, Корнилову и возчику удалось исполнить эту операцию поздно вечером таким образом, что кроме означенных лиц никто не узнал, какой груз был принят в лабораторию. Полученного алкоголя нам хватило на два года, причем должен признаться, что не весь алкоголь пошел на научные исследования; часть перепала на личные нужды перечисленных лиц, так как полуголодное существование служащих и их семей понуждало их изыскивать какие угодно средства, чтобы не умереть с голоду. Иногда с риском для жизни доставались необходимые жизненные припасы, а потому люди, имевшие в руках бутылку спирта, — хотя и знали, что им угрожает за спекуляцию со спиртом, — тем не менее пускали этот товар в оборот. За одну бутылку спирта можно было достать громадное количество самого разнообразного провианта, и потому спекуляция спиртом шла в широчайшем масштабе по всему РСФРС.

Но тов. Ковингонт из полученного спирта не получил ни одной капли; ко времени доставки спирта он был уже смещен с должности комиссара. Произошло это событие при следующих обстоятельствах. Всякой шпане, примазавшейся к коммунистической партии, для получения престижа в партии было необходимо показать свою деятельность, главным образом, нахождением контр-революции в том учреждении, куда он был назначен. Эти люди совершенно не думали, что подобными поступками они разрушают работу с трудом налаженного аппарата и причиняют громадный вред республике. Им до этого не было никакого дела, ибо шкурный вопрос для них был дороже всего. В большинстве случаев вследствие их безграмотности и полного непонимания ими дела, жертвами делались совершенно невинные люди, которые честно исполняли свою работу, но не умели втирать очки и подлизываться к подобным хамам. Ковингонт своей жертвой выбрал начальника Академии С. П. Петровича, человека никогда никакой политикой не занимавшегося, в высшей степени честного и скромного, которого уважали и ценили до последних дней его жизни все комиссары, перебывавшие у нас в Академии. Ковингонт донес

в Чека, что в Артиллерийской Академии очаг контр-революции, и что начальник ее главный руководитель. Я узнал об этом, потому что в химической лаборатории Академии в феврале 1920 года был произведен тщательный обыск. Проходя мимо лаборатории в 6 часов вечера, я заметил, что наружная дверь была приоткрыта. Зная, что в это время лаборатория должна быть заперта, я поинтересовался узнать причину нарушения этого правила. Когда я вошел в лабораторию, то увидал, что в кабинете проф. Сапожникова несколько лиц производят тщательный обыск, и за неимением ключей от столов и шкафов взламывают замки, и даже влезают на верх печей, чтобы узнать не хранятся ли там какие-либо документы; в это время проф. Сапожников был арестован и находился в тюрьме на Шпалерной. Тов. Ковингонт находился среди присутствовавших, и потому я обратился к нему с вопросом о причинах подобного обыска, и должен ли я оставаться теперь в лаборатории или я им не нужен и могу уйти. На это я получил ответ, что Чека будет делать обыск по всей Академии и квартирам, и что я должен оставаться в лаборатории, и что после кабинета Сапожникова будет обыск у меня в кабинете и моей лаборатории, а также в кабинете и других преподавателей. Хотя в моем кабинете и моей лаборатории не было безусловно ничего подозрительного, что могло бы наводить малейшую тень на мою нелояльную деятельность по отношению к советской власти, тем не менее я испытывал некоторое неприятное чувство, подвергаться подобной операции, — тем более, что еще впереди предстоял обыск в квартире, к которому я не был совершенно подготовлен. Ведь для Чека ничего не стоило придраться к какому-нибудь пустяку, чтобы обвинить вас в контр-революции. Как на квартире, так и в лаборатории имелись маленькие запасы муки, крупы, сахара и мыла, правда измеряемые только фунтами, но хранение части этого запаса в моем кабинете, в лаборатории могло вызвать со стороны Чека и комиссара некоторое издевательство, переносить которое в моем положении было бы не совсем приятно. Но тем интеллигент и отличается от простолюдина, что его ум найдет выход при всяких трудных

обстоятельствах, что обыкновенно бывает не под силу последнему. Когда представители Чека подошли к моему лабораторному столу и стали его обыскивать, то я охотно отворял им ящики и шкафы, на полках которых были уставлены всевозможные банки и склянки с химическими препаратами. Среди них были полутвердые жиры и мыло, полученные мною за мою консультацию на заводе Салолин, то я считал своим долгом предупредить, что прошу товарищей осторожно обращаться с этими препаратами, так как среди них остались после войны некоторые вещества ядовитого и взрывчатого характера. «Вы вероятно, товарищи, знаете мою деятельность во время войны по изготовлению взрывчатых удушающих средств, и многие препараты еще хранятся здесь, а потому будьте осторожны», сказал я.

Эти слова так подействовали на чекистов, что они тотчасже прекратили обыск и не стали даже его делать в других комнатах моей лаборатории. По окончанию обыска в лаборатории, который продолжался более 2-х часов мне сказали, что я свободен, и чекисты с комиссаром отправились делать обыск у начальника Академии, проф. Петровича. Этот обыск продолжался с 9 часов до 4-х часов ночи, и, конечно, ничего не было найдено, обличающую контр-революцию, но чекисты взяли бриллиантовые вещи, все серебро, — вероятно, за труды по обыску. На другой день (это было воскресенье) были обысканы квартиры профессоров и преподавателей Академии, но у меня в квартире почему-то не было обыска. Может быть, причиной было, что я, по просьбе начальника, уступил одну комнату в моей квартире помощнику политрука. Это был совершенно невежественный человек, прямо из деревни, умеющий только читать и безграмотно писать. Я старался его воспитывать и сам убирал его комнату, потому что он никогда этим не занимался, а Jeanne Bruand, наша старая француженка, гувернантка моих детей и наш друг, наотрез отказалась не только убирать комнату этого политического просветителя русского народа, но даже и входить в его комнату. Она говорила ему, что он должен беречь электрическую энергию и гасить лам-

почки после своего ухода, и чтобы он брал пример с профессора, который и ранее всегда учил своих детей беречь казенное имущество. Видно мои наставления политруку пришлись ему по сердцу, и так тронули его душу, что он дал обо мне удивительно лестный отзыв, и комиссару и начальнику, за что я, вероятно, получил привилегию не быть подвергнут обыску. На прощание он также написал мне замечательное письмо, когда уезжал с квартиры: к сожалению, письмо это находится в числе моих бумаг в Ленинграде и потому я не могу привести его полностью. Одно только могу вспомнить, в конце письма он просит принять от него подарок оставшиеся неизрасходованные 11-12 поленьев дров за мое доброе и гостеприимное отношение к нему.

Через день после обыска в Академии, начальник был арестован и препровожден сначала на Гороховую, а потом переведен в тюрьму на Шпалерную. Мне, как старшему профессору, пришлось к великому моему прискорбию вступить в исполнение обязанностей начальника, имея такого приятного во всех отношениях комиссара. Первым его действием было передать мне список слушателей Академии, которых он полагает немедленно исключить, как совершенно неблагонадежный элемент. Я тотчас же задал ему вопрос: кто дал распоряжение об исключении этих лиц, на что получил ответ, что это распоряжение Выборгского районного комитета партии. Тогда я попросил его дать мне выписку из постановления этого комитета, но на это он мне ответил, что это дело секретное и такой выписки я получить не могу. Тогда я стал стараться возможно далее оттянуть исполнение этого, ни на чем не основанного безрассудного приказания, и спустя несколько дней стал уговаривать его не исключать, по крайней мере, слушателей последнего курса Академии, которым оставалось только 4 или 5 месяцев, чтобы окончить Академию. Я мотивировал ему мою просьбу тем, что Троцкий в печати не раз поднимал вопрос об увеличении технического образования в Красной Армии, и будет рассержен, если мы проделаем подобную операцию, лишив армию столь необходимых для нее артиллеристов-инжене-

ров. Я поймал его на том, что он не справившись с мнением районного комитета партии, согласился со мной не исключать 10 или 11 человек из последнего курса. Этого только мне и надо было, так как я имел полное доказательство тому, что Районный Комитет партии здесь не при чем, а все дело его личная затея, чтобы выслужиться перед Чека. Зная, что без моей подписи не может быть уволен из Академии ни один слушатель, я стал оттягивать время и предложил ему совместно со мной обсудить поведение каждого слушателя, а также и его успеха и выбрать таких, каких не будет жалко удалить из Академии.

На мое счастье в это время приехал из Москвы от Главного Управления Военно-Учебных Заведений комиссар для ревизии всех военных школ в Петрограде. К сожалению, я не могу вспомнить его фамилию (помню, что он был армянин и много слышал обо мне), но он произвел на меня хорошее впечатление, и я ему откровенно рассказал, что творится в Академии, и что начальник Петрович арестован совершенно невинно. Конечно, я ему сообщил и о желании комиссара удалить некоторых слушателей, но что я упорствую, не зная, за что их хотят удалить. Он мне посоветовал позвонить помощнику комиссара по управлению военно-учебными заведениями в Петрограде, тов. Симонову*), и об'яснить мою точку зрения на весь этот вопрос. Я немедленно соединился с указанным комиссаром и рассказал ему всю обстановку дела, получил от него распоряжение никого не увольнять, ничего не говорить Ковингонту о нашем разговоре с ним, а в конце нашего разговора он сообщил мне, что он завтра-же пришлет новое лицо в качестве помощника Ковингонта, которого я должен осведомить обо всем случившемся в Академии.

На другой день в Академию, действительно, прибыл новый помощник Ковингонта. Это был студент Петроградского уни-

---

*) В скором времени он был убит белыми на фронте, когда белые атаковали поезд на Юге России и перестреляли всех коммунистов.

верситета, математик, мой ученик, грузин, очень симпатичный человек. После моего об'яснения с ним, он, вероятно, донес, куда надо, о том, что происходит в Академии, и через несколько дней Ковингонт был убран, а вновь прибывший помощник вступил в исполнение обязанности комиссара Академии и, понятно, мы все свободно вздохнули, освободившись от подобного суб'екта. Конечно, Ковингонт сказал мне на прощание, что он очень сожалеет расстаться со мной, которого он очень уважает, но что ему приходится покинуть этот маленький пост, так как он получает большое назначение на Юг — в Харьков. Но не прошло и двух месяцев после его ухода из Академии, как мы прочитали в газетах об'явление от Чека, что всякий, кто распознает тов. Ковингонта, тот имеет право немедленно расстрелять на месте. Вот с каким комиссаром приходилось нам, ученым мужам, иметь дело.

В это же время мне приходилось хлопотать за Петровича. Я направился к Горькому, который в то время жил на Кронверкском проспекте, в Петрограде. Меня он принял очень ласково, но сказал, что не защитник всяких генералов. Я об'яснил ему, что генеральство здесь не при чем, что Петрович — профессор баллистики в Академии, а таких специалистов у нас в республике более нет, но мои доводы не произвели надлежащего эффекта; тогда я был мало известным человеком, и он наотрез отказал что-либо сделать.

От Горького я отправился в особое учреждение, которое имело целью оказывать содействие ученым. Главным секретарем состоял доцент Петроградского Университета Апатов, физик по специальности. Достаточно было взглянуть на физиономию этого ученого, чтобы вывести почти безошибочное заключение, что его скорее всего можно было охарактеризовать, как дельца по всяким житейским вопросам, чем кабинетного ученого. Я вовсе не хочу критиковать его ученые познания, потому что я никогда не говорил с ним о научных вопросах, но с первых же фраз я понял, что попал куда надо для того, чтобы достигнуть благоприятных результатов для

Дом Н. Н. Ипатьева в Екатеринбурге (Свердловск), в котором была убита царская семья

нашего начальника. Когда я ему рассказал всю историю, то он сейчас же соединился по телефону с Чека, вызвал председателя Бакаева и об'яснил ему, что без вины арестован начальник Академии, и что я, от лица всей Академии ручаюсь, что он ни в чем не виноват. Бакаев обещал пересмотреть все дело и освободить его в случае его невиновности. Через несколько дней начальник был освобожден; он просидел в общем около двух недель и жил в одной камере вместе с уголовным преступником, посаженным за убийство; товарищ по несчастью сначала принял его очень сурово, а потом почувствовал большую симпатию к Петровичу, и они расстались друзьями.

Моя жизнь в конце 1919 года и начала 1920 года была очень однообразна и бездеятельна. Я жил в казенной квартире, но в виду недостатка дров приходилось ютиться в маленькой комнатке рядом с кухней, которую я предоставил нашей бывшей гувернантке. Обе комнаты отапливались одной плитой, которая служила также для приготовления нашей скудной пищи. Температура в моей комнате с вечера была около 7-8 град., а к утру доходила до 4-5 град. Mademoiselle Jeanne готовила утром обед из супа с овощами или капустой, иногда с соленой рыбой, и жареного картофеля и различных каш. Вечером мы ели сухую рыбу (воблу), хлеб и чай. Целый день она была на уроках, а я навещал разные учреждения Академии Наук, Артиллерийский Комитет и др., более для разговоров, чем для дела. За исключением двух лекций в неделю, я ничего не делал; работать в лаборатории было невозможно, — и, в сущности говоря, я и многие мои коллеги и товарищи по Артиллерийскому Управлению были как бы пенсионерами, получая скудное пропитание, одинаковое для всех, согласно принципам настоящего коммунизма. За это время я много читал, а в особенности штудировал историю России по Соловьеву и польского историка Валишевского о царствовании Екатерины II. Иногда вечером, лежа в постели я думал, почему я, полный сил и энергии гражданин, могущий принести большую пользу своей стране не только с научной точки зрения, но также и для практического налаживания химической про-

мышленности, должен бездельничать и быть на положении пенсионера. Отчего, думал я, не пойти к Ленину, не высказать ему свои переживания и не предложить свои силы для работы по соей специальности, столь необходимой в то время для нашей разрушенной страны. Несомненно, не только он, но и другие большевики, как интеллигенты, так и рабочие, были знакомы с моей деятельностью во время войны. Но меня удерживало от такого шага сознание, что они не поверят искренности моего желания получить работу и будут искать, быть может, другую причину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В 1919 ГОДУ

В конце 1919 года я получил из Москвы телеграмму из Высшего Совета Народного Хозяйства за подписью члена Президиума тов. Г. И. Ломова с предложением отправиться в Казань для обследования и ревизии мыловаренного и свечного завода, бывшего Братьев Крестовниковых. Я должен был немедленно выехать в Москву для получения инструкций от Главжира. В то время вся промышленность РСФСР управлялась при помощи «Главков», которые об'единяли все заводы по данной отрасли промышленности. Главжир об'единял все масляные, мыльные и свечные заводы республики. Управление Главка помещалось на Большой Дмитровке в Москве, и его председателем был не безизвестный по революционной деятельности товарищ Таратута. В Москве я узнал, что со мной поедет инженер Машкелейсон, которого я знал еще до войны; он работал по отвердению жиров в обществе Салолин и был еще до войны директором Нижегородского Масляного Завода, а при большевиках он был переведен в Петроград и назначен директором Петроградского Завода «Салолин». Я был очень рад, что поеду вместе с этим инженером, ибо, с одной стороны, было удобнее вдвоем ехать в это трудное путешествие, а,

с другой стороны, я знал его, как знающего инженера, хорошо понимающего процесс отвержения жиров (насыщение растительных жиров водородом в присутствии катализатора).

В то время не существовало правильного расписания поездов на железных дорогах, и при покупке билетов нам сказали, что поезд в Казань уйдет вечером, но в котором часу, этого определить не могли и советовали приехать поранее. Когда я приехал на Казанский вокзал, то моему взору представилась картина, напомнившая грешников в аду. Вокзал был переполнен народом, который помещался на полу, так что пробраться через эту массу народа представляло большие затруднения. Люди жили здесь по несколько дней; многие были больны сыпным тифом и находились в безпамятном состоянии; среди живых лежали трупы. Воздух был так ужасен, что вызвал приступы тошноты.

Мы имели место в международном спальном вагоне, найти который было нелегко. Из Москвы поезд вышел около 12 часов ночи. Шли очень малой скоростью, так как паровозы отапливались дровами не первого качества. Расстояние между Москвой и Казанью — 750 километров; мы прошли его в 5 суток, т. е. делая в сутки около 150 километров. На станциях стояли часами; так, в Сергаче мы простояли около 5 часов, вследствие недостатка топлива на станции и неисправности паровозов. В нашем спальном вагоне уборная была в неисправности и без воды; умываться приходилось на стоянках, причем воду мы брали из паровоза и мыли лицо и руки тут же, на свежем воздухе. Чтобы питаться в дороге и привести с собой некоторый провиант для семей, мы взяли из Москвы несколько фунтов соли и несколько кусков мыла, так как знали, что на деньги в провинции ничего нельзя купить; продукты можно было получать только в обмен, причем самыми ходовыми товарами были соль и мыло; деревня в особенности нуждалась в соли, которую туда совсем не доставляли, и за маленький стаканчик соли можно было получить фунт, а то и больше, свежего сливочного масла или целую жареную курицу; производя такой обмен, мы недурно питались всю дорогу.

В Казань мы приехали поздно вечером совсем измученными, так как нам не приходилось раздеваться в виду холода в вагоне и отсутствия постельного белья. Со станции мы сначала направились в лучшую гостинницу, но когда вошли в отведенную нам комнату, то решили, что в ней нельзя оставаться, так как она была не натоплена, а некоторые стекла в окнах были разбиты. Поэтому я решил, несмотря на позднее время, поехать в заводскую контору и там переночевать, расчитывая, что она будет по крайней мере натоплена. Мои предположения оправдались. Контора помещалась в здании, в котором были также и жилые помещения для служащих. На наше счастье одна большая комната была свободна; из нея несколько дней тому назад выехали жильцы. Но она была полна сору и без мебели. Я попросил достать щетку, и мы первым делом занялись уборкой и проветриванием. Окончив это занятие, мы стали разыскивать кровати; с большим трудом нам удалось найти только одну железную кровать, не только без матраца, но и без досок. Инженер Машкелейсон заявил, что он будет спать на полу. На мое счастье, в канцелярии нашелся толстый картон, который мог заменить доски. Постелив картон, я отлично выспался, укрывшись великолепным романовским барашковым полушубком, который был неизным моим спутником за годы революции, — с 1917 до 1921. Он был особенно хорош тем, что вшам и другим насекомым было очень затруднительно заползать ко мне.

На другой день заводское начальство соблаговолило дать нам два тюфяка, набитых сеном, но второй кровати так и не нашлось. Что же касается питания, то с ним в Казани дело тогда обстояло много лучше, чем в столицах; рынки в Татарской республике были открыты, и крестьяне привозили в город свои излишки для обмена на необходимые им товары. Мы провели несколько дней на заводе, сделали полный экзамен всем производствам, которые часто останавливались за недостатком сырья. Попутно было нами в подробности осмотрено отвердение растительных жиров, которое было установлено Крестовниковыми еще до войны, при чем их способ несколько

отличался от способа, принятого на заводах Салолина и Саломас (последний был на Кавказе около Екатеринодара). Персонал заводоуправления состоял большей частью из старых служащих, и они нам сказали, что многие инженеры и техники по приказанию белых должны были уйти с ними.

Во время моего пребывания в Казани я свиделся с проф. Казанского Университета Арбузовым, который жаловался мне на тяжелое положение, создавшееся в Университете, и на невозможность продолжать научные исследования вследствие недостатка средств и невозможности достать необходимые препараты и аппараты из заграницы за неимением валюты.

Обратный путь нам пришлось совершать не в спальном, а в так называемом «штабном вагоне», который представлял из себя вагон третьего класса с нарами в три этажа. Мы взяли места на нижних нарах. Так как по дороге было много больных сыпным тифом, то мне приходилось быть очень осторожным, ибо я еще не имел этой болезни; Машкелейсон уже перенес тиф, и потому ему не надо было принимать никаких предосторожностей. Я имел с собой бутылку с ксилолом, которым я опрыскивал те места, где мне приходилось сидеть или лежать; кроме того я обвязал руки, ноги и шею лентами, пропитанными черной ртутной мазью' при прикосновении к такой ленте насекомые погибали.

Наше путешествие из Казани в Москву продолжалось 4½ дня и было также утомительно и опасно. Один раз наш поезд остановился среди поля, и паровоз отправился за двадцать километров за водой, так как иначе он не мог бы дотащить поезд до ближайшей станции. Мы простояли три часа в поле и боялись, что нас занесет снегом, потому что началась мятель. Пришлось переживать очень неприятные минуты при подобной обстановке. В наш вагон приходили самые разнообразные личности, — иногда такие, которые наводили страх на других пассажиров. Я помню, на одной станции вечером к нам вошли четыре человека, одетые в военную форму, с ружьями и револьверами, и заняли нижние нары рядом с нами. Вид у них был беглых каторжников, и судя по их разговору, они

были совершенно необразованными и некультурными личностями. Старший из них во время выпивки и закуски пытался об'яснить своим товарищам, что означает название аристократ: это прозвище дается человеку, который крадет для себя, и он потому архибестия — вор, а демократ, это — человек, который крадет для рабочего народа. Подобная философия долго не давала нам заснуть, но по счастью рано утром они покинули вагон. По дороге мы запаслись разным провиантом, выменивая продукты на мыло, которое мы получили в подарок от Казанского завода из старых запасов. Нам посчастливилось провезти каждому по 20 фунтов пшенной крупы, и по большому хлебу, — конечно, потому, что мы были в штабном вагоне; у пассажиров других вагонов несколько раз делали обыски, и, конечно, все отобрали, несмотря на то, что они везли не больше, чем мы, и исключительно для пропитания своих семей.

По приезде в Москву мы сделали доклад в Центрожире. Результатами нашей поездки остались довольны и спросили меня, какое вознаграждение я желаю получить за это милое путешествие. По своей скромности я потребовал не менее 2000 рублей за сутки (в то время едва ли можно было купить на рынке 1 пуд муки), но от такого моего желания Таратута пришел в уныние, и прежде чем согласиться на такое вознаграждение, запросил свое начальство, начальника Главхима и члена президиума ВСНХ тов. Карпова. Последний ему ответил, что академик Ипатьев запросил очень мало и о такой сумме нечего и разговаривать. Понятно, что после этого я получил просимое. Но мне не суждено было сразу вернуться в Петроград, так как Главное Артиллерийское Управление попросило меня осмотреть Калужский и Малоярославский склады военных припасов. Я обрадовался этой командировке, так как мог проехать к своей семье на Угру и провести некоторое время в спокойной обстановке. В это время мой сын Владимир состоял рабочим в Ярлыковском Совхозе, к которому был присоединен также и наш хутор. Сын жил в совхозе и иногда после работы к вечеру приезжал домой на хутор. Управление совхозом находилось в руках человека, не имеющего

никакого понятия о сельском хозяйстве, и потому в совхозе был полный беспорядок. За свои познания по сельскому хозяйству сын был сделан старшим рабочим и ему приходилось быть ответственным за все беспорядки в совхозе и за плохое исполнение рабочими их обязанностей. Иногда он приходил домой в сильно подавленном настроении и со слезами на глазах описывал свое тяжелое положение. Я, как мог, утешал его и говорил, что надо терпеть, так как после взятия от нас хутора он является единственным кормильцем матери и детей дочери; за свою работу в совхозе Владимир получал паек на всех членов семьи. Он просил меня, нельзя ли как-нибудь вернуть хутор обратно в наше владение, на что я ему сказал, что сейчас надо подождать, а как только будет удобный момент, я снова подниму этот вопрос.

Хотя я имел право на внеочередную посадку в любой поезд, мое обратное путешествие из деревни в Москву было сопряжено с большими приключениями и могло осложниться серьезной болезнью. Когда я приехал на станцию Тихоновую Пустынь (157 километров от Москвы по Киево-Воронежской ж.-д.), то узнал, что неизвестно, когда пойдет поезд в Москву. На станции скопилась масса народа, которая ожидала посадки уже второй день. Я совершенно не знал, что мне делать, но в это время подошел товарный поезд, шедший до станции Нара (60 километров от Москвы), который вез провиант для рабочих текстильных фабрик в Наре. Все вагоны были заперты и только из полуоткрытых дверей одной теплушки выглядывал один рабочий. Я решил доехать с этим поездом до Малоярославца, где я надеялся сесть в поезд местного сообщения. После долгих переговоров, узнав из моего документа, что я командированный, рабочий сжалился надо мной и втащил меня в вагон. В нем находились только четыре человека, а половина вагона была наполнена мешками с мукой и крупой. Вагон обогревался печкой, употребляемой в вагонах-теплушках, и было очень приятно сесть около нее и согреться после долгого пребывания на морозе. Рабочий рассказал мне, что они семером отправились на юг за поисками провианта для завода и

вот уже около 6 недель в дороге; их осталось только четыре, так как двое умерли от тифа, а третьего, больного, оставили, где-то на станции для лечения. Не очень веселые мысли бродили у меня в голове, когда я слушал эти рассказы в течении тех 6-7 часов, пока мы добрались до Малоярославца!

Здесь на станции никто не знал, когда пойдет поезд в Москву, и я должен был искать новую случайность, которая помогла бы добраться до Москвы. В это время ударила сильная оттепель, и я, будучи в простых валенках, без кожаных подошв, легко мог промочить себе ноги. Но счастье благоприятствовало мне: я узнал, что пришел какой-то поезд, который стоит на запасном пути и должен скоро отправиться в Москву, но он дойдет только до Товарной станции, отстоящей в 1½—2 километров от станции пассажирской. Я отправился на розыски. Поезд состоял только из товарных запертых вагонов, но в хвосте был прицеплен небольшой вагон III-го класса. На тормозной площадке стоял человек, — повидимому, начальник поезда, который (тоже после долгих просьб) согласился взять меня, предупредив, что у него в вагоне вряд ли найдется место для спанья. Этот поезд шел с лесозаготовок и был гружен дровами, а товарищ, с которым я разговаривал, имел должность контролера по лесозаготовкам, и означенный вагон был предоставлен в его распоряжение. Я был несказанно рад влезть в этот вагон, потому что мои валенки промокли насквозь и ноги были холодными, как лед. Первым долгом я попросил разрешения разуться, чтобы высушить валенки и согреть ноги у горячей печурки, которая обогревала вагон. У огня, кроме хозяин, сидели еще два товарища, которые оказались членами Калужского Губернского Совета, оба коммунисты, еще очень молодые люди. Контролер по лесозаготовкам взял их в свой вагон, так как они ехали в Москву в Центральный Исполнительный Комитет по делу. У огня началась оживленная беседа на различные злободневные темы. Когда они узнали, кто я, то разговор принял более откровенный характер и в конце перешел на религиозные темы. Образование моих собеседников было ниже среднего, и, как

у большинства тогдашних молодых коммунистов, в их разговоре ясно обнаруживались заученные фразы, почерпнутые или из митинговых речей, или из многочисленных брошюр, поверхностно трактующих разнообразные социалистические вопросы. Я не постеснялся провести параллель между основами христианского учения и коммунизма и указал, что они поклоняются также своему богу и являются в гораздо большей степени рабами своей коммуны, чем мы, грешные буржуи, христиане. Вряд ли мои слова производили большое впечатление, ибо они верили только своим пророкам, которые сулили им рай земной; к нам, которые, по их мнению, занимались раньше их эксплоатацией, они не питали никакого доверия. Ночь мне пришлось провести в отделении вагона на половину наполненном дровами и довольно прохладном. В Москву мы прибыли рано утром. Надо было идти около 1½ километра по мокрому снегу до пассажирской станции, а затем пешком на квартиру моей дочери в Брюсовском переулке. Надо было удивиться, как я после такого путешествия, не схватил воспаления легких или другой серьезной болезни.

В начале 1920 года мне пришлось с'ездить один или два раза в Москву по делам; в одну из этих поездок я хлопотал о выдаче принадлежащих нам бриллиантовых и серебряных вещей, которые еще во время войны были сданы на хранение в Петрограде в Сохранную Казну. От своего брата, Чугаева, я узнал, что все подобные вещи из Петрограда были отправлены в Москву и помещены в Сохранную Казну, которая помещалась в особом здании в Анастасьевском переулке, на Тверской. Он сообщил мне, что ему удалось в январе получить все свои вещи обратно. Когда я приехал в марте в Москву и явился в отделение Комиссариата Финансов, помещавшееся в Рыбном переулке, на Ильинке, то заведующий этим делом Гоз сказал мне, что я опоздал, и что теперь он может дать разрешение только на производство оценки моих вещей в моем присутствии. В то время существовало правило, что вещи могут быть выданы владельцу только в том случае, если они будут оценены не свыше 25.000 советских руб-

лей, что в переводе на золото, составляло не больше 200—500 руб. Когда я с выданным мне разрешением пришел в Сохранную Казну немного позднее 12 часов, то чиновник сказал мне, что я пришел поздно, так как по субботам это учреждение запирается в 12 часов, и предложил мне придти в понедельник.

Выходя из учреждения, я познакомился с одним человеком, который пришел по тем же самым делам, но тоже немного запоздал. Из беседы с ним я узнал много интересного, и он мне дал совет как поступить, чтобы они сделали оценку ниже 25,000 рублей. Он сообщил мне, что оценщики и коммунисты из Чека, которые приставлены для наблюдения за правильностью операций, при вскрытии ящиков с драгоценностями позволяют, за известную мзду, осторожно украсть ценные вещи, чтобы обесценить содержимое ящика. Они называли эту операцию «обескровить», причем за это разрешение украсть у самого себя, они брали деньгами или же вещами из взятых ценностей. Я пришел прямо в ужас, услыхав о подобных деяниях, и сразу подумал, что здесь может быть провокация, которая приведет меня к позорному столбу, если я последую сделанному предложению. Вторичная встреча с этим гражданином убедила меня, что здесь нет места провокации и что все дело в том, чтобы хладнокровно и умело провести подобную операцию. Но так как ценность всех вещей была не настолько велика, чтобы рисковать своим положением, а, может быть, и жизнью, то я уклонился от этого совета и предпринял другие шаги, которые привели к благоприятному исходу. Что же касается до моего нового знакомого, то он благополучно проделал эту операцию и получил все, что желал. В скором времени все эти проделки хозяев этого учреждения были раскрыты и десять человек, в том числе и тот клерк, который присутствовал при вскрытии ящиков, были расстреляны. Из Сохранной Казны было разворовано вещей на десятки миллионов золотых рублей, о чем было обнародовано в прессе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ГОНТИ)

В начале мая 1920 года из Москвы приехала комиссия из трех лиц для обследования главной Центральной Химической лаборатории (быв. Центральная Лаборатория военного ведомства), а также Опытного Химического Завода на Ватном Острове. Комиссия состояла из Л. Я. Карпова, председателя химического отдела ВСНХ, био-химика Б. Збарского и члена коллегии Научно-Технического Отдела (НТО) тов. В. Переверзева. Центральную лабораторию обследовали Збарский и Переверзев, а Карпов — Опытный Завод. Эти обследования были вызваны, вероятно, жалобами на непродуктивность этих учреждений и надо было решить вопрос, оставить их функционировать или же совсем прикрыть. По приезде в Петроград Збарский и Переверзев имели со мной обстоятельный разговор об истории возникновения этой лаборатории, об ее деятельности во время войны и теперешнем состоянии. После осмотра, состоялось заседание комиссии, на котором мне было предложено взять на себя обязанности директора. В особенности на этом настаивал Л. Я. Карпов, хорошо знавший меня по моей работе в ВСНХ, в комиссии по демобилизации промышленности. Я ответил, что в принципе я готов взять на себя эту трудную обязанность, но необходимо обсудить все детали относительно задач этого учреждения и решить, какие права я буду иметь по управлению, так как мне было известно, что в нем царствует полная анархия вследствие малого авторитета ее директора Г. А. Забудского. Тогда Карпов мне предложил тотчас же поехать в Москву, чтобы там разрешить все вопросы. В этот же день с последним поездом, отходящим из Петрограда, в отдельном вагоне, в котором приехал Карпов с своей комиссией, я отправился в Москву.

Поезд шел один день и две ночи и во время этого долгого путешествия мне пришлось во время интимных бесед ближе

познакомиться с Карповым. Это продолжительное общение подтвердило мое прежнее впечатление, что Лев Яковлевич хороший человек, которому можно верить и вести совместную работу. Единственным его недостатком была любовь к спиртным напиткам, которые несомненно подрывали его здоровье, хотя он никогда не манкировал и очень ревностно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Во время этого путешествия Борис Ильич Збарский, который чувствовал, повидимому, ко мне симпатию, так как уговаривал меня взять на себя обязанность директора, очень помог мне в двух моих личных делах. Когда я ему рассказал историю моего хутора, то он посоветовал мне обратиться к Карпову за помощью, причем прибавил, что он сам ранее ему коротко расскажет об этом деле. Когда я при удобном случае начал разговор с Л. Я. о моем детище-хуторе, то он взял бумагу и написал письмо к С. П. Середе, комиссару Земледелия, в котором просил его оказать содействие о возвращении мне хутора. Он особенно охотно решил написать это письмо, так как узнал, что на хуторе живет, кроме моей семьи, также и семья моего брата, Л. А. Чугаева, который был его профессором в Московском Техническом Училище и которого он очень уважал и ценил, как большого химика. Он только что виделся с Чугаевым в Ленинграде и вместе с ним и Климовым обсуждал вопрос о судьбе Опытного Химического Завода. При этом разговоре я решился попросить Л. Я. помочь мне также в получении моих драгоценностей из Сохранной Казны. Он тотчас же откликнулся и на эту просьбу и написал письмо Чуцкаеву, который был помощником комиссара финансов. Таким образом, эта поездка в Москву была сопряжена с большими хлопотами, как по отношению моей дальнейшей служебной деятельности, так и относительно устройства моих личных дел.

После обсуждения вопроса о Центральной лаборатории было постановлено назначить меня директором, назвав ее, по моему предложению, Государственным Институтом Научно-Технических Исследований, — ГОНТИ, — и предоставил мне самые широкие права по управлению: увольнять и принимать

на службу персонал, закрывать нежизненные отделы и открывать новые и т. п. Приказ был подписан А. И. Рыковым и председателем Научно-Технического Отдела (НТО) Н. М. Федоровским. Кроме того, мне было обещан отпуск надлежащих средств и пайков для служащих и некоторые другие льготы. Так как мое назначение директором несомненно должно было быть неприятным ее прежнему директору, Г. А. Забудскому, то я настоял на том, чтобы ему написали специальную бумагу, в которой, с одной стороны, благодарили его за его прежнюю деятельность, а, с другой стороны, делали его почетным и непременным членом Совета, который я намерен был сохранить при Институте для обсуждения всех научных и технических вопросов. Я просил также, чтобы помощником ко мне назначили проф. Л. А. Чугаева. Все мои пожелания были исполнены.

5-го или 6-го мая я вступил в исполнение обязанностей и немедленно собрал первый Совет Института. Нечего и говорить, что мое появление в качестве назначенного, а не выборного директора, вызвало большие неудовольствия со стороны членов старого Совета, и они не постеснялись высказать свои неудовольствия по поводу нарушения старого устава и внезапного увольнения заслуженного проф. Забудского. В особенности сильно протестовал И. А. Крылов, который был помощником директора и рассчитывал в будущем сделаться таковым. Мне передавали, что ревизия Центральной Лаборатории была назначена в результате доносов о мало продуктивной ее деятельности. Конечно, я предвидел все эти нападки, но, имея в руках такой мандат и зная хорошо состав персонала лаборатории, я предполагал, что буду в состоянии побороть все препятствия и вдохнуть живую душу в это одряхлевшее учреждение.

Я отлично знал, что такому лицу, как Забудский, никогда не удастся поставить подобную лабораторию на должную высоту и привлечь для работы в особенности по химии лучшие силы. Многие хорошие химики на его предложение поступить в лабораторию отвечали отказом, потому что знали, что они

не будут в состоянии продолжать научную работу, а в научно-технических исследованиях не получат необходимых указаний от Забудского, авторитет которого расценивался очень низко. Не надо забывать, что Центральная лаборатория военного ведомства была открыта для работы только во время войны, осенью 1914 года, и что многие молодые химики и лаборанты попали в нее совершенно случайно, а потому состав ее за очень малым исключением не соответствовал поставленным ей задачам. Эти задачи были очень широки, так как должны были обслуживать все нужды армии (т. е. все Главные Управления: Артиллерийское, Инженерное, Интендантское и Воздухоплавательное), что заранее можно было сказать, что вся эта многогранная организация ни в коем случае не будет в состоянии выполнять столь разнообразные поручения в том масштабе, как это предполагалось Военным Министерством. Как это было указано ранее, я не принимал никакого участия в составлении проекта такой лаборатории, и причина этому, конечно, должна быть приписана нежеланию Забудского разделить лавры основателя новой лаборатории со мной и тем самым не уменьшить своей заслуги перед отечеством.

На первом же заседании Совета я совершенно откровенно указал, что я никогда не искал счастья быть директором Института, а, наоборот, меня просили не отказаться взять на собя эту трудную обязанность; я заранее видел, что придется сделать многие коренные изменения и тем навлечь на себя очень неприятные нарекания*). Я решил с самого начала оставить только двух помощников: одного по научно-технической части, — Н. Ф. Дроздова, а другого по хозяйственной, — Н. П. Демидова. Что-же касается И. А. Крылова, который был третьим помощником у Забудского, то я предназначил его заведывать вновь открываемым аналитическим отделом. До моего прихода в Институте были следующие отделы: Неорганический, Органический, Пороховой и Взрывчатых веществ, Пищевой, Интендантский, Электро-технический, Воздухоплавательный, Двигательный. Присылаемые в лабораторию

*) Проф. Л. А. Чугаев отказался быть моим помощником.

обыкновенные химические анализы производились в каждом отделе и отнимали очень много времени, а потому в отделах мало уделяли времени для научных исследований. Кроме того, очень трудно было контролировать при таких обстоятельствах научную работу, так как всегда находилась отговорка, что отдел был занят анализами.

Присмотревшись к работе Интендантского отдела, я пришел к заключению, что его деятельность сводится к нулю и при том составе персонала, который там имелся, нельзя было ожидать какой либо пользы и в будущем, поэтому он был в скором времени ликвидирован. Что касается Пищевого отдела, во главе которого стоял проф. Л. М. Лялин, то хотя я не был доволен работой этого отдела, но по целому ряду причин было решено пока оставить его в том виде, как он находился до моего прихода. Помощник начальника отдела находился в очень натянутых отношениях с начальником, и потому мне часто приходилось разбирать разные столкновения между ними. В скором времени, однако, помощник оставил Институт, и так как он был главным работником в отделе, то пришлось волей неволей ликвидировать и этот отдел.

Пищевой отдел был полезен Институту в отношении связи с различными продовольственными учреждениями, и мы могли за производимые исследования получать не деньгами, которые ничего не стоили, а некоторыми продуктами, которые дружески делили между сотрудниками, принимавшими участие в работе. Так, например, к нам обратился один уполномоченный коммисариата продовольствия с просьбой выработать наилучший тип жестянок для консервов, а также выяснить влияние различных масел и жиров на стенки консервных банок. Мы потребовали для таких исследований известное количество жиров и некоторых продуктов для опытов, как плату за нашу работу. Другой пример — использования пищевого отдела для благосостояния нашего института особенно характерен. Военный коммисар Л. Д. Троцкий, озабоченный хорошим приготовлением пищи для вновь организованной Красной Армии, обратился в наш Институт с предложением создать

курсы кашеваров, где последние могли бы научиться изготовлять наиболее питательную и вкусную пищу из тех продуктов, которыми снабжается армия. Хотя, по правде сказать, эта задача относилась к ведению скорее Продовольственного Института, чем нашего, тем не менее мы, обсудив вопрос, ухватились за это предложение и согласились организовать подобные курсы. Я лично не принимал никакого участия в этом деле, а назначил заведывать курсами моего помощника Дроздова с привлечением по его усмотрению тех лиц, которые могли бы своими знаниями помочь толковому ведению дела. Надо было организовать чтение самых популярных лекций по различным предметам, касающихся кулинарного искусства. Из разных частей армии к нам были присланы кашевары в количестве около 50 человек, а органы продовольствия стали снабжать Институт по нашим требованиям разными продуктами, которых, конечно, хватало не только для изготовления пищи для пропитания кашеваров, но также и для наделения пайками лиц, принимавших участие в обучении последних.

Переходя к научно-технической деятельности Института, мы должны были констатировать, что она едва-едва теплилась. Конечно, главная причина заключалась в том, что персонал не был обеспечен материально и больше приходилось думать о нахождении продуктов и дров для содержания себя и своей семьи. Хотя мне и обещали отпустить 200 пайков для институтских служащих, но, несмотря на огромную переписку, ничего из этого обещания не вышло и никаких пайков не было дано. Вторая причина малой продуктивности работы Института заключалась в том, что негде было достать химических препаратов, а также аппаратов для всех отделов Института. О выписке упомянутых предметов из заграницы нечего было и думать, так как ни одному из исследовательских учреждений не отпускалось ни одной копейки валюты. В одном из заседаний Совета мною был поднят вопрос о слабой научной деятельности отделов Института. Все выступавшие по этому вопросу указали на одну и ту же причину: ни за какие деньги нельзя было достать в Петрограде самых простых предметов

для научной работы. Стеклянная химическая посуда, которую до революции изготовлял завод Риттинга и которая конкурировала по качеству с заграничной, стала выделываться так небрежно, что стаканы и колбы лопались при стоянии, а в пробирных цилиндрах было опасно производить опыты. Заведующие отделами заявили на Совете, что если так будет продолжаться, то они будут принуждены подать в отставку. В особенности горячо восставал против этих порядков М. Ракузин, который по предложению из центра был принят в Институт для продолжения своих био-химических исследований. Этот маленький оригинальный человек, известный в нефтяной промышленности по своей книге «Полиметрия нефти», во время революции был сильно болен и разбит параличем; кроме того он болел астмой, вследствии чего, когда говорил с сильным воодушевлением, то прямо задыхался и можно было опасаться, что он каждую минуту может умереть. На этом заседании он произнес такую реплику о порядках, воцарившихся в высших учебных заведениях и исследовательских институтах, что дальнейшие ораторы отказались от своих речей, и было постановлено, чтобы я немедленно поехал в Москву и предпринял решительные шаги.

А в то счастливое время еще можно было критиковать советские порядки. Правительство Ленина все таки прислушивалось, хотя и немного, к общественному мнению высокоинтеллигентных людей, и за выступающими с протестом личностями еще стояли организации, которые могли их поддержать. Я в точности исполнил постановление Совета, поехал в Москву и доложил обо всем в заседании Научно-Технического Отдела, который был в то время возглавляем коммунистом, Николаем Михайловичем Федоровским. До революции Н. М. был оставлен при Московском Университете для подготовки в дальнейшем к профессорской деятельности по кафедре минералогии. Все мои доводы были выслушаны очень внимательно, не встретили никаких возражений, но что мог сделать Научно-Технический Отдел, когда он сам не обладал средствами, чтобы помочь делу?

В 1920 году промышленность Российской Республики продолжала ухудшаться. Донецкий бассейн главный производительный центр находился в полуразрушенном состоянии и почти что бездействовал, а начавшаяся вскоре война с Польшей потребовала особого снабжения армии всеми необходимыми предметами, и, конечно, нельзя было обращаться к правительству об особом снабжении институтов необходимыми для них аппаратами и химикалиями. Н. М. Федоровский в частной со мной беседе (ранее мне никогда не приходилось встречаться с ним) с благодушным видом задал мне вопрос:

— Что, Владимир Николаевич, Вы, наверное, удивляетесь нашей бестолковщине и, пожалуй, эта азиатчина Вам представляется ужасной?

Я никогда в своей жизни не любил болтать о вещах, изменить течение которых было выше моих сил; тем более тут, при первом знакомстве с человеком, на котором красовался ярлык коммуниста, вести откровенную беседу у меня совсем не было желания. Я ему вежливо ответил:

— Что делать, мы не в силах изменить исторический ход событий, а теперь надо жить и работать, насколько хватит сил при данных обстоятельствах.

Федоровский вскоре вместе с профессором А. А. Эйхенвальдом были командированы в Берлин, чтобы образовать особое бюро для связи российской науки и техники с заграницей под названием «Бинт», о котором мне придется говорить впоследствии.

Все дела по Научно-Техническому Отделу сосредоточивались в ее коллегии, председателем которой был М. Я. Лапиров-Скобло. Нельзя сказать, чтобы деятельность этого Отдела была продуктивной в течении 1920-1921 годов, хотя он и стал обрастать целым рядом ученых и технических учреждений, которые искали поддержки во всесильном в то время ВСНХ. Но, конечно, в то время, когда еще не окончилась гражданская война и война с Польшей, нельзя было и требовать, чтобы уделялось много внимания развитию науки и техники. В этом отношении весь 1920 и начало 1921 года были самыми тягостными во все время революции.

Здесь будет не безинтересным привести мое участие в заседании президиума ВСНХ весной 1920 года, куда меня вызвали по настоянию Л. Я. Карпова по поводу обсуждения вопроса о коксобензольной промышленности. В то время ВСНХ помещался в доме бывшей Сибирской Гостиницы, в Златоустовском переулке, и заседание Президиума происходило в небольшом помещении, переполненном приглашенными лицами, которым большей частью приходилось стоять. Председательствовал А. И. Рыков и первыми вопросами на повестку были поставлены: коксобензольные заводы и суперфосфатные заводы, изготовляющие удобрительные туки. Вероятно, большинству присутствующих лиц было хорошо известно мое участие в развитии коксобензольной промышленности и то значение, которое я придавал этой отрасли индустрии в деле обороны страны. Моя речь о необходимости всеми силами привести эти заводы в полный порядок и наладить производство разрушенное во время гражданской войны, видимо произвело впечатление, как на председателя, который был поставлен во главе обороны Республики, так и на членов Президиума и присутствующих, так как несмотря на возражения и предложение отложить это дело до более благоприятного момента, было постановлено образовать коммисию для обследования этих заводов и для изыскания средств с целью их полного восстановления. Мы увидим ниже, что хотя такое постановление и состоялось, но, через год, мне, как члену президиума ВСНХ, снова пришлось спасать эту промышленность и бороться с невежеством в понимании важнейших задач государственной промышленности.

Но обсуждение другого вопроса о суперфосфатных заводах и фосфоритах сопровождалось такими репликами со стороны Рыкова, что невозможно было удержаться от смеха. Дело в том, что С. Д. Шеин, который в то время возглавлял Об'единение Волжско-Камских Заводов, пригласил для защиты развития фосфоритной промышленности профессора минералогии Московского Университета, Якова Владимировича Самойлова, хорошо знающего местонахождения этих минералов

и их качества. В своей речи, — очень интересной, но более пригодной для технической аудитории, проф. Самойлов рассказывал о крайней необходимости организовать усиленную перевозку фосфоритов на сернокислые заводы для переработки их в суперфосфаты. Когда Рыков спросил его, сколько вагонов потребуется для означенной перевозки, то профессор, забыв, вероятно, в какое время мы живем, не только заявил невероятное число вагонов, но еще добавил: «чем больше, тем лучше». Надо было видеть ярость на лице Рыкова и последовавшие после речи ругательства и сопоставить с растерявшимся от испуга профессором, чтобы понять и трагизм, и комизм всей происшедшей сцены. Рыкову, которому приходилось с громадным трудом доставать чуть ли не каждый лишний вагон для перевозки продовольствия и боевых припасов для армии, речь профессора показалась чуть ли не за насмешку, и он, не зная еще в то время научных заслуг Самойлова, наговорил ему в пылу гнева массу неприятных слов и, прекратив обсуждение, снял вопрос с повестки дня. После этого инцидента я, проф. Самойлов и Шеин тотчас же покинули зал заседания. Никаких средств для передвижения у нас не было' мы пошли пешком, и я с Шеиным дорогой все время старались успокоить разволновавшегося профессора, который, вероятно, в первый раз в своей жизни присутствовал при подобном неуважении к своей профессорской персоне. В особенности было неприятно Шеину, по инициативе которого и был приглашен Самойлов и которого он не предупредил о характере Рыкова. Впоследствии я и Самойлов не раз со смехом вспоминали наше первое знакомство и его незабываемое выступление перед ВСНХ.

Жизнь ГОНТИ протекала в течении 1920 года очень тихо и, кроме самых обыкновенных работ, никаких особых исследований не было произведено. Лично мне пришлось участвовать летом в работе по очищению фарватера Большой и Малой Невки от разрушенных барж, которые забаррикадировали проходы судов через мостовые пролеты. Организовать эту работу поручил мне Петроградский Совет Народного Хозяйства, председателем которого был Судаков, бывший рабочий,

кажется, Путиловского Завода, и представитель от рабочих в Военно-Промышленном Комитете во время войны. Для этой цели я пригласил Семена Петровича Вуколова, начальника Лаборатории Взрывчатых Веществ Морского Ведомства, моего хорошего приятеля, которого я знал, как химика, с первых годов моего поступления в члены Химического Общества. С. П. пригласил еще своего помощника Мусселиуса и мы вчетвером (еще один наш соучастник, фамилию которого я не могу вспомнить, был назначен Судаковым), произвели полную очистку фарватеров. За эту работу нам были обещаны хорошие пайки, а, главное, по полторы сажени дров из напиленных из разбитых барж. В наше распоряжение был дан буксир «Манюра» и мы при помощи изготовленных зарядов из тротила занимались взрывами барж, застрявших у мостов. Эту операцию мы производили по вечерам, когда вследствие малого движения по мостам можно было на время его прерывать, не нарушая нормальной жизни. При взрыве баржи осколки дерева, —иногда довольно большие, — летели по разным направлениям и могли, конечно, убить или ранить проходивших по мосту. Наше искусство в разрушении судов заключалось в том, чтобы с затратой меньшего количества взрывчатого вещества взорвать баржу так, чтобы легко потом можно было очистить пролет моста от полученных от взрыва остатков. Для этой цели нам приходилось искать на барже подходящего места для закладки фугаса. Это была самая трудная задача, потому что ходить по барже, которая была наполовину затоплена и сильно разрушена, представляло большие затруднения и можно было легко свалиться в воду. Подобное и случилось со мною. Отыскивая подходящее место для фугаса, я ступил на доску, покрытую соломой, и провалился в воду, так как она не выдержала моего веса и переломилась. Мы находились далеко от дома, и потому мне пришлось долгое время быть мокрым, и, хотя в кочегарке я и старался высушиться, но все-таки приехал домой мокрым и озябшим. По счастью, я отделался сильной зубной болью и должен было пойти к врачу, чтобы вытащить зуб, на корне которого образовалась пульпа.

И здесь мне не повезло, так как мой постоянный дантист Ф. Ф. Шварц эмигрировал в Эстонию, а вместо него практиковал его брат, очень неискусстный врач, не крепкого сложения и к тому же на несчастье хворавший две недели дизентерией. Два раза он принимался тащить зуб, но у него не хватало уменья и силенки его вытащить; слезы градом текли из моих глаз и только мое терпение к физической боли позволяли мне настаивать на удаление зуба в третий раз, что и было, наконец, сделано доктором после небольшой передышки. Невольно припомнился бессмертный Чехов с его рассказом: «Хирургия».

Поручение мы с Вуколовым выполнили блестяще и получили хорошие пайки за три месяца и дрова. Во время одной из этих операций Судаков с Биржевого моста наблюдал нашу работу, и она ему так понравилась, что он продложил нам отправиться вместе с другими членами Петроградского Совета Народного Хозяйства на пароходе вверх по Неве и испробовать применение взрывчатых веществ для срезания деревьев в лесах, где ведутся лесные заготовки. Вероятно, Судакову понравилось также и глушение рыбы при взрыве баржи: рыба, которая находилась около баржи после взрыва всплыла на поверхность воды и ее легко можно было подбирать; впоследствии многие из рыб оживали. Наши матросы, а также и посторонняя публика с берега, следили за нашими взрывами и на лодках бросались подбирать рыбу и иногда имели хорошую добычу.

В одно воскресенье в августе мы отправились на пароходе вверх по Неве в следующей компании: Судаков, Евдокимов, ближайший помощник Зиновьева, Рыбаков, член ПСНХ и заведующий лесозаготовками Петроградского района, Беге, начальник Петроградской Чеки и еще два партийных коммуниста. Мне и Вуколову пришлось провести целый день в обществе советских сановников, которым принадлежала власть в Петроградском районе, и хотя мы держались в стороне, но волей-неволей пришлось услыхать и воспринять те мысли, которые наполняли умы наших властителей. Они мало стеснялись нас в своих разговорах и подшучивали друг над другом,

в особенности над Рыбаковым, когда показывали ему плывшие по реке случайные поленья дров или деревянные обломки. Наиболее солидным и остроумным из них был Евдокимов, бывший рабочий. Его некрасивое и поражающее своей суровостью и жестокостью лицо выдавало сильный характер и природный ум, и это, до некоторой степени, подкупало в его пользу. Представитель Чека Беге, латыш (был впоследствии руководителем Торгпредства в Берлине, и мне пришлось не раз иметь с ним дело), был довольно мрачным суб'ектом и мало принимал участия в разговорах.

Наши опыты по валке леса при помощи фугасов были успешны только на 50 процентов, и мы были ими недовольны. Но Судаков, наиболее симпатичный из всех них, очень любезно успокаивал нас и заявил от лица всех присутствующих, что они вообще очень довольны нашей работой, — в особенности работой по очистке фарватера. Было уже около 6-ти часов вечера, когда мы тронулись в обратный путь и мы с Вуколовым решили попробовать сделать взрыв на Неве, чтобы оглушить и поймать немного рыбы. На наше счастье после взрыва на поверхность воды всплыла лососина около 15-20 фунтов, которую мы и предложили товарищам в подарок, что доставило им по тогдашним временам большую радость.

Осенью 1920 года мне пришлось с'ездить в Москву вместе с проф. А. П. Курдюмовым по вопросу по постройке алюминиевого завода в Карелии (около Кандалакши), для чего надо было использовать течение реки Виг и получить достаточную водяную силу. Разрешение этого вопроса всецело зависело от электрического комитета, председателем которого был Глеб Максимильянович Кржижановский. Мне тогда впервые пришлось познакомиться с этим человеком, который впоследствии был назначен председателем Госплана. Хотя принципиально Комитет согласился с нашим проектом и необходимостью получения в этом месте дешевой электро-энергии, но наши старания не привели к положительным результатам и алюминиевый завод гораздо позже был построен на юге, за счет энергии Днепростроя.

Став во главе ГОНТИ, я решил при первой возможности начать свои прерванные научные исследования по катализу при высоких давлениях. Я уже говорил ранее, что в Артиллерийской Академии в то время по целому ряду причин нельзя было начать научные работы, а потому я решил перенести из моей лаборатории в Академии насос и некоторые аппараты высокого давления в Институт и начать работать; к этой работе я привлек двух моих ассистентов Андрея Климентьевича Андрющенко и Николая Арсентьевича Клюквина. Благодаря тому, что при Институте была приличная механическая мастерская и во главе ее стоял знающий слесарь Селезнев (бывший моряк), мне удалось наладить всю аппаратуру и с осени начать работу. Главная проблема, которую я поставил себе, это была деструктивная гидрогенизация органических соединений, — в особенности ароматических — с многими ядрами, чтобы изучить их распад на более простые одноядерные молекулы без выделения угля. Я начал эту работу с нафталина и моим сотрудником был Н. А. Клюквин. Андрющенко я дал тему относительно восстановления угольной кислоты и ее солей в муравьиную; эта работа законченная им через 4 года (1924) послужила ему темой для диссертации для получения звания штатного преподавателя Артиллерийской Академии. Кроме того, я предложил органическому отделу сделать опыты полимеризации ацетилена под влиянием активированного угля, как это было указано Н. Д. Зелинским. Но работы в Институте шли очень медленным темпом и должен сознаться, что за полгода работы я с Клюквиным получили только первые указания относительно разрыва одного кольца нафталина с образованием бензола и его гомологов. Причиной этой медленности была невозможность выполнять опыты, требующие больших давлений и высоких температур.

Ввиду недостатка средств и топлива, все вообще научные работы в ГОНТИ шли черепашьим шагом и не было никакой возможностью вдохнуть живую душу в это учреждение. Дрова отпускались нам в самом незначительном количестве и их хватало для отопления только главнейших помещений Инсти-

тута. Чтобы снабдить Институт топливом было решено командировать Н. П. Демидова, моего помощника по хозяйственной части, в Новгородскую губернию и раздобыть там хоть небольшое количество каменного угля, не обладавшего, однако, как нам было известно, хорошими качествами. После продолжительного ожидания прибыл, наконец, новгородский уголь, о котором извощики, перевозившие его с вокзала, остроумно замечали: «Что-же у Вас на дворе мало что-ли земли, если Вы ее возите издалека?». И на самом деле уголь оказался совершенно непригодным...

За это время мне удалось написать несколько работ и их напечатать в виде брошюр (а именно: «История Химического Комитета при Главном Артиллерийском Комитете», «Туруханский графит», «Каталитические явления в природе» и «Крекинг пиронафта») при помощи Научного Химико-Технического Издательства, в редакции которого я состоял членом.

Это издательство было создано во время образования Научно-Технического Отдела при ВСНХ, еще в 1918 году, — по инициативе Н. П. Горбунова, который в то время был назначен первым председателем Отдела. Для возглавления этого издательства Горбуновым был приглашен инженер-химик Рижского Политехнического Института Макс Абрамович Блох, который во время войны также принимал активное участие в одном издании, которое имело в виду опубликовать обзор разнообразных источников сырья в России. Я познакомился с Блохом еще во время войны, когда он обратился ко мне с просьбой поддержать это издание. М. А. произвел на меня хорошее впечатление, я оказал ему необходимое содействие и с тех пор началось наше дружеское знакомство.

Когда Горбунов обратился к Блоху с просьбой взять на себя заботы о Научном Химико-Техническом Издательстве, то последний не сразу согласился, а счел необходимым придти ко мне и просил моего совета. Он заявил мне, что затрудняется дать положительный ответ, так как не разделяет убеждений большевиков и их подхода к работе, и опасается всевозможных конфликтов, которые могут привести к печальным для него

последствиям. Надо прибавить, что М. А., хотя и обладал большой настойчивостью в проведении различных дел, тем не менее обладал мнительным характером, был очень боязлив и любил жаловаться на свою печальную судьбу. Но по моим наблюдениям я знал его за честного человека, которому можно было верить и в трудные минуты можно откровенно излить свое негодование по поводу совершающихся вокруг нас возмутительных явлений. Я пользовался его полным доверием, и он не стеснялся также открывать свою душу и часто не был осторожен в своих выражениях.

Когда М. А. Блох изложил мне свои опасения относительно работы с большевиками, я ему ответил, что мы не имеем никакого права отказываться от работы, которая будет направлена для культурных целей и послужит в частности для развития химических познаний. Кроме того, я указал ему, что мы еще не знаем, как проявит себя новая власть и быть может она создаст очень благоприятные условия для научной и технической работы, как только закончит организацию правительственных учреждений и начавшуюся тогда гражданскую войну. После долгих разговоров на эту тему М. А. отправился к Горбунову и дал свое согласие стать во главе Н. Х.-Т. И.

Издательство помещалось на Колокольной улице, 7, и оставалось там в течении нескольких лет (около 8-9 лет). Хотя оно было государственным учреждением, тем не менее оно находилось постоянно под угрозой быть выселенным, как это практиковалось большевиками с разными учреждениями, и всякий раз, когда Изданию угрожала эта опасность, Блоху стоило неимоверных усилий доказать вред подобного деяния. В конце концов Издательство было переведено в другое помещение: Проспект 25-го Октября (Невский), № 100, где мне приходилось также бывать в последние годы моего пребывания в СССР. В Редакционную Коммиссию входили члены: академик Ферсман, Лялин, Хлопин, я и некоторые коммунисты. Коммунисты должны были просматривать все рукописи и книги для перевода и только после их одобрения рукописи могли быть напечатаны. Конечно, Издательство не оправдывало расходов,

и ему приходилось выхлопатывать субсидии от правительства через Научно-Технический Отдел ВСНХ, что представляло для Блоха всякий раз большие затруднения.

Моя «Органическая химия» была издана Научно-Техническим Издательством три раза и дала издательству хороший доход; но после моего от'езда заграницу, насколько я знаю, эта книга более не печаталась, несмотря на то, что она была вся раскуплена.

Большим конкурентом для Н. Х.-Т. И. являлось «Техническое Издательство», также состоявшее в ведении НТО ВСНХ, но которое издавало книги по различным областям техники и проделывало это с большим успехом, так как во главе его стоял большой знаток печатного дела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ

В течении всего 1920 года я принимал участие в качестве консультанта на одном маленьком кооперативном заводе, выделывавшем сахарин. Как известно в то время в республике был страшный недостаток в сахаре, и народонаселение получало по карточкам этот продукт в самых минимальных дозах, а иногда по целым месяцам этот пищевой продукт совершенно не выдавался. Поэтому многие предприниматели ухватились за изготовление суррогата-сахарина, сообщающего сладкий вкус (в 400 раз слаще сахара), но не имеющего питательных свойств. В Петрограде в нескольких местах начали приготовлять сахарин и продавали его по очень высокой цене.

Главным владельцем маленького завода на Охте, изготовлявшего сахарин, был г. Габаев, грузин, с которым я познакомился в январе 1918 года. Он был доверенным лицом одного очень богатого грузина, Хочетария, который постоянно жил в Тифлисе и имел нефтяную концессию в Персии. Один из моих работников по Химическому Комитету во время войны, —

главным образом по кислотным заводам, — инженер Картвелов, познакомил меня с этим богатым грузином, который, зная мою деятельность во время войны, искал знакомства со мной и хотел предложит мне быть у него консультантом. Для переговоров он пригласил меня на завтрак в Европейскую гостиницу, где я и познакомился с его доверенным Габаевым. В результате переговоров он предложил мне быть в контакте с Габаевым и при первой возможности приехать в Тифлис для окончательных переговоров и решений.

Из-за гражданской войны я не смог поехать на Кавказ, и я совершенно забыл об этом новом знакомстве. Осенью 1919 года я был вызван к телефону г. Габаевым, и он просил меня поговорить с ним об одном деле. При нашем свидании он об'яснил мне, что все его компаньоны по химическому заводу просят меня быть консультантом по изготовлению сахарина. Он сказал мне, что у них работает молодой химик, Волынкин, очень способный и изобретатель нового способа изготовления сахарина, и что моя помощь будет для них также очень полезна. Он обещал мне хорошее вознаграждение и в придачу еще сахарин. Я попросил его устроить мне осмотр завода и ознакомить с условиями работы прежде, чем я дам свое согласие вступить в дело. После моего знакомства с делом я согласился стать консультантом только при условии, что на завод будет приглашен мой очень способный сотрудник по Химическому Комитету И. Н. Аккерман, который в то время случайно был в Петрограде и не имел работы. Мои условия были приняты, и я вступил в должность консультанта этого кустарного предприятия, помещавшегося на Охте, на задворках бывшего дровяного склада, на берегу Невы. Было бы интересно описать все перепитии этого завода и указать, с какими трудностями приходилось бороться, чтобы наладить самую примитивную аппаратуру и достать простейшие химикалии. Проходили дни пока можно было достать в различных серкретных местах какие-нибудь краны или насосы и т. п. Всей хозяйственной частью завода ведал молодой человек (21 года) В. В. Петров, обладавший изумительной энергией, находчи-

востью и недюжинными коммерческими способностями. Он был сыном военного врача В. В. Петрова, старшего врача Павловского Военного Училища. Во время войны В. В. был командирован ко мне в Химический Комитет, где принимал участие в противогазовом отделе. В. В. Петров был племянником профессора литературы Петрова, который был учителем русского языка у наследника Алексея Николаевича. Несмотря на примитивное устройство аппаратуры, но благодаря изобретательности Волынкина удалось наладить производство, и на деньги, вырученные от продажи сахарина, не только амортизовать затраты, но и получить достаточный доход, вследствие чего завод мог просуществовать около 2 лет. Но главному владельцу этого предприятия не удалось увидать расцвета последнего, так как его самого большевики отправили к праотцам уже в конце 1919 года. Я приведу некоторые события из его жизни, которые, с одной стороны, осветят причину его расстрела, а, с другой стороны, покажут, каким опасностям подвергался тогда каждый из нас при всяком неосторожном поступке или при знакомстве с личностями, которые за свои деяния считались врагами народа.

Вскоре после моего приглашения быть консультантом на заводе по изготовлению сахарина, Габаев пригласил меня к себе в гости на обед. Я помню, что мне не хотелось заводить близкое знакомство с человеком, которого я мало знал, но когда он сказал мне, что меня очень хочет видеть его жена, которая много наслышана о моих подвигах, то я очень заинтересовался узнать, кто она. Тогда я получил ответ, что она — бывшая жена военного министра В. А. Сухомлинова, который дал ей развод, а сам он находился в Финляндии, куда ему удалось пробраться тайно от большевиков. Легко понять, что желание поговорить и кое-что узнать от этой роковой женщины пересилило все опасения, которые невольно рождались в моей голове, и я дал согласие придти на обед.

В царской России всем была известна скандальная история женитьбы легкомысленного Сухомлинова на Екатерине Александровне, первый муж которой, богатый киевский помещик

Бутович, не хотел давать ей развода, так как не был ни в чем виноват перед своей супругой. Дело дошло до Государя, и Синод, вопреки всем установленным бракоразводным законам, все таки развел супругов. Е. А. имела громадное влияние на своего супруга и своим поведением, несомненно, создавала ему очень плохую репутацию. Кроме того, она не брезговала различными неблаговидными способами, чтобы доставать деньги для роскошной жизни. В последние годы перед войной она имела своим любовником богача-нефтянника г. Х., который давал ей крупные суммы, переводя их в банке на ее имя. Я помню очень остроумную карикатуру, в юмористическом журнале «Стрекоза» на чету Сухомлиновых: стоит корова с лицом г. Х., ее держит пожилой русский мужик (Сухомлинов), корову доит молодая красивая баба. Прохожий спрашивает: «хорошо ли молоко?» и получает ответ: «не худое, попахивает только керосинцем!»

После февральской революции Сухомлиновой было опасно держать деньги в банке на свое имя, и она обратилась к своему хорошему знакомому из банковского мира за советом, что ей делать. Знакомый посоветовал перевести деньги на имя другого лица, которому она хорошо доверяет. Так как у Е. А. в тот момент подходящего лица не нашлось, то банковский ее знакомый предложил ей познакомиться с находившимся случайно в банке господином Габаевым, которого он мог ей рекомендовать, как лицо, заслуживавшее доверия. Таким образом состоялось знакомство, за которым последовал перевод всех денег В. А. на имя Габаева, а затем развод и в конце концов бракосочетание.

Обладая хорошими средствами, чета Габаевых поселилась в роскошной квартире на Захарьевской, и несмотря на сильный продовольственный кризис, имела возможность доставать не только необходимые с'естные припасы, но и редкие деликатесы и великолепные вина. Такого обеда, которым они меня угостили, я уже давно не ел. Сама хозяйка, как женщина, произвела на меня чарующее впечатление. Великолепно сложеннная, несколько выше среднего роста, блондинка с выразительными большими

серыми глазами, великолепными волосами и с хорошо сохранившимся цветом лица для своего, вероятно, 45-летнего возраста, она несомненно могла привлекать к себе внимание многих мужчин. Ее речь была очень привлекательна и сразу обнаруживала большое уменье и привычку вести и направлять разговоры на интересные темы. Но вместе с тем нельзя было отделаться от чувства, что это — властная женщина, знающая цену жизни, способная на разнообразные авантюры, и не останавливающаяся ни перед какими препятствиями, чтобы достигнуть поставленной цели. Несомненно, что Габаев мог занять место мужа только при особо сложившихся обстоятельствах революции, и, конечно, он был слишком для нее маленький человек, могущий исполнять разве только ее поручения на подобие приказчика; понятно, он не мог дать ей того положения, которое она занимала, будучи женой военного министра. Многие светские женщины, подобные Ек. Ал., во время революции пристраивались в качестве жен к видным большевикам, занимавшим высокое положение, и хотя и не играли особой роли в делах своих мужей, но получали удовлетворение своему тщеславию и пользовались всеми благами жизни.

Мне пришлось быть в гостях у Габаевых два раза: второе приглашение я принял потому, что Ек. Ал. по телефону сказала мне, что у ней будет ее хорошая подруга, А. Вырубова, которая в то время еще жила в Павловске. Как было устоять против искушения познакомиться с такой исторической личностью, и я, конечно, согласился провести вечер в этой интересной компании. Но, к сожалению, мне не пришлось увидать Вырубову, так как она была нездорова, позвонила в моем присутствии по телефону и сообщила, что у ней сильно повышенная температура, и она не может рисковать выйти из дома.

Во время моих посещений Габаевых я узнал, что он занимается разными коммерческими делами и не только в Совдепии, но ведет дела и с Финляндией: в виду недостатка бумаги, он закупал бумагу в Финляндии и продавал ее большевикам, зарабатывая на этом громадные деньги. Этот человек был

далек от всякой политики и достаточно было короткого знакомства, чтобы открыть в нем натуру торговца, ставившего себе целью нажить побольше денег. Его кругозор был слишком узок для того, чтобы быть способным на какую-нибудь политическую или общественную деятельность. Очень скоро после моего посещения Габаевых, — не более, чем через месяц, — он был арестован Чекой, обвинен в шпионстве для Финляндии и расстрелян. Ек. Ал. тоже вскоре была арестована и отправлена в начале 1920 года в Москву. Об этом ее аресте я узнал гораздо позднее от одной моей знакомой, Z., которая рассказала мне про свое знакомство с Сухомлиновой в Московской тюрьме, куда она была посажена без всякой вины.

Я позволю себе привести некоторые подробности относительно моего знакомства с Z., потому что она сообщила мне некоторые подробности своих приключений во время революции, которые характеризуют деятельность Чека в Москве, возглавляемой в то время всесильным Ф. Э. Дзержинским. Z. была уроженкой Таганрога и приехала в Петербург совсем молодой девушкой. Она была в полном смысле красавица и кроме того, обладала большой привлекательностью. Ее образование не шло далее четырех-классного городского училища, но она обладала природным умом и способностью схватывать на лету и усваивать все, что могло послужить для ее самообразования. Такая красивая привлекательная девушка, приехавшая в веселый Петербург не замедлила пойти по тому скользкому пути, который составляет удел многих девушек, попавших в омут столичной жизни. Я не знаю подробностей первых годов ее петербургской жизни (это было в начале этого столетия) и не будучи знаком с ней, я, однако, слышал ходячие сплетни о появившейся на горизонте полусвета очень интересной красивой женщине, которой молва дала название Настя Натурщица, потому что она работала в мастерских известных художников в качестве натурщицы, обладая удивительной фигурой и красотой лица. Таких женщин полусвета, обладавших особой привлекательностью и умевших держать себя в высшем кругу веселящегося Петербурга в то время насчитывалось очень

немного, — известностью пользовались только три и им были даны специальные клички. Понятно, что многие кавалеры из аристократических обществ старались познакомиться с подобными особами и весело провести время.

К счастью для нее Z. познакомилась с князем Павлом Николаевичем Долгоруким, членом Государственной Думы. Он был очень богатым человеком и давал деньги для партийных организаций, но по складу своего характера и ума не мог играть выдающейся роли в кадетской партии, членом которой он числился (его брат, Петр Николаевич, был товарищем председателя первой Госуд. Думы). Z. с первого же дня произвела на него чарующее впечатление; он сначала влюбился в нее, а потом это чувство перешло в настоящую любовь. Он предлагал ей выйти за него замуж, но Z. ответила ему отказом, мотивируя его тем, что она не рождена быть княгиней. Будучи значительно моложе его, она относилась к нему с громадным уважением, и их связь продолжалась многие годы, пока она не встретила в Москве, перед самой войной 1914 года, одного богатого австрийского гражданина, за которого она и вышла замуж.

Несмотря на то, что она уже стала женой австрийского гражданина, она была три раза арестована Чекой. В последний раз она была посажена в Пересыльную тюрьму, где о ней забыли, а потом была переведена в Бутырскую тюрьму, где она просила 3½ месяца. В течении этого времени ее три раза водили на Лубянку, в Чека, на допрос. Ее допрашивали в коллегии Чека, и сам Дзержинский предлагал ей работать для Советской власти: Z. категорически отказалась и Дзержинский заявил ей, что за ее отказ она не будет освобождена и будет гнить в тюрьме. «Кто скорее сгниет, Вы или я, это еще неизвестно», ответила Z. И она оказалась права: вся коллегия Чека, ее судившая, уже «выведена в расход», а Z. до самого начала войны благополучно жила со своим мужем в Берлине. За нее хлопотало австрийское посольство, и после суда она была освобождена, так как не было обнаружено с ее стороны никакой вины.

Князь Павел Долгорукий два раза пытался вернуться в Россию, которую очень любил. Первый раз он был остановлен на границе, его не опознали и вернули в Польшу. Во второй раз он пробрался через границу и добрался до Харькова. Он укрывался у своего друга, но потом был арестован в 1927 году, и после убийства Войкова в Варшаве, казнен вместе с другими (20 человек).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МОЯ РАБОТА В ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Осенью 1920 года мне пришлось принимать участие в ревизии завода взрывчатых веществ в Саблино, станция Николаевской железной дороги, в 40 кил. от Петрограда. Завод этот до революции принадлежал компании Виннер; его директором был Метальников, которого я знал еще до войны по делам этого завода. После официального приказа Петроградского Совета Народного Хозяйства явиться в определенное время для исполнения вышеуказанного поручения, ко мне тотчас же явился Метальников и об'яснил в чем дело. Он продолжал оставаться заведующим заводом, но имел помощником партийца Сорокина из рабочих, который сделал на него донос, что он умышленно вредит производству завода и разбазаривает заводское имущество. Метальников был в высшей степени взволнован и сказал мне, что по тогдашним временам за подобные деяния на военном заводе ему грозит расстрел; с другой стороны, он указал мне, что тов. Сорокин жулик и пьяница и вся ссора с ним разгорелась вследствие того, что он не давал ему спирта для пьянства.

Комиссия, в которую я был назначен для разбирательства этого дела, состояла из трех членов: Авдеева, Рябинина и меня. Авдеев — здоровый парень средних лет, был хорошо известен в партийных кругах Петрограда, а также

Москвы, так как приехал вместе с Лениным в запломбированном вагоне. Он был назначен заведующим пороховыми и взрывчатыми заводами на Охте и держал эти учреждения в надлежащем страхе и порядке. Он на меня произвел впечатление рассудительного парня, с которым хотя и надо было быть очень осторожным, но можно было свободно высказывать свои деловые соображения; Авдеев был назначен председателем нашей комиссии, а Рябинин был председателем химического отдела ПСНХ.

При моем знакомстве с Рябининым, он об'яснил мне, что он был под моей командой во время войны, в химическом батальоне, и сохранил обо мне хорошую память. До революции он был маленьким подрядчиком по бетонному делу и жил на Охте вместе с своей семьей; он был очень молодым, 26—30 лет, и поступил в партию после Февральской революции; мне придется впоследствии дать несколько более подробную его характеристику, так как некоторое время я работал с ним в ПСНХ, в химическом отделе, будучи его заместителем.

Мы провели целый день в Саблине на пороховом заводе и допрашивали обе стороны, а также сделали полную ревизию всего производства. В результате наша комиссия нашла завод в надлежащем порядке, обвинения, выдвинутые Сорокиным, признала необоснованными, а потому вынесли Метальникову оправдательный приговор. Как я узнал впоследствии, Сорокин вскоре был смещен и назначен на другую работу, но и Метальников не долго оставался на своем посту и был заменен партийцем.

За свое участие в этом деле я получил щедрый подарок от ПСНХ: три или четыре фунта простого мыла. По тем временам, это было дороже всякого денежного вознаграждения. С этого времени меня начали приглашать для участия в обсуждении некоторых химико-технических вопросов, которые возникали в Петроградском Совете Народного Хозяйства (ПСНХ). Один раз пришлось обследовать деятельность бывшей Петербургской химической лаборатории, которая изготовляла различную парфюмерию, туалетные мыла и т. п.;

другой раз пришлось сделать очень ответственную экспертизу по одному производству, в котором принимал большое участие бывший мой сотрудник инженер Картвелов. Вскоре после этого я был назначен сделать экспертизу о взрыве на Саблинском заводе взрывчатых веществ, который причинил смерть одному рабочему. Здесь интересно отметить, с какой бестолковостью и бесцеремонностью отдавались приказания высшим начальством нашему брату. Во второй половине дня я был вызван по телефону с приказанием немедленно прибыть в ПСНХ. Когда я приехал, то узнал, что я вызван только для получения приказания прибыть на другой день утром на двор ПСНХ, чтобы отправиться на автомобиле с другими членами комиссии в Саблино (около 45 километров от Петрограда). Хотя заранее можно было предвидеть, что вследствие выпавшего обильного снега нам не придется добраться на автомобиле до завода, тем не менее председатель ПСНХ П. И. Судаков лично выбрал этот способ передвижения. По шоссе до Гатчины мы доехали благополучно, но когда свернули на дорогу в Колпино, то начались беспрестанные остановки от нанесенных сугробов, и нам всем приходилось вылезать и откапывать дорогу. Мы потратили около 4 часов, чтобы проехать несколько километров и, выбившись из сил, принуждены были вернуться к вечеру назад. Только через два дня мы получили приказание поехать на завод по Николаевской железной дороге. Взрыв произошел в отдельном небольшом здании, где приготовлялась смесь для бикфордова шнура, причем был убит один рабочий, находившийся в этом здании.

Эти обращения ко мне за различными консультациями для ПСНХ все учащались. Так как председатель Химического Отдела ПСНХ, Рябинин не обладал никакими химическими познаниями, кроме разве практического приготовления бетона, то президиум ПСНХ решил пригласить меня на постоянную работу, предложив мне быть заместителем Рябинина. Получивши такое предложение, я решил посоветоваться с председателем Производственного Отдела, Петром Аркадьевичем Бачмановым, которого я лично не знал, но о котором я много

слышал, как об очень деловом человеке. Во время войны он был избран председателем Совета С'ездов Торговых и Промышленных предприятий Петрограда, что несомненно указывало на его большие административные способности. Он окончил Юридический Факультет С.-Петербургского Университета и состоял юрис-консультом ряда механических заводов. Будучи очень способным человеком, он хорошо изучил состояние петроградской промышленности, как до войны, так и во время войны, и потому приглашение его в Президиум ПСНХ было в высшей степени рациональным и полезным для налаживания расстроенной во время революции промышленности.

Мое первое впечатление при знакомстве с П. А. было очень благоприятное для него. Его симпатичные черты лица, его простота в обращении и правильность его суждений о создавшейся обстановке полностью располагали к откровенной беседе и внушали доверие к его словам. После нескольких минут разговора мне казалось, что мы были уже давно знакомы, и я был доволен, что обратился к нему за советом ранее, чем решиться взять какую-либо должность в ПСНХ. Он дал мне вполне определенный совет взять должность заместителя председателя Химического Отдела, так как Президиум постоянно встречает затруднения при решении многих химических вопросов, которые не освящаются надлежащим образом в Химическом Отделе. Я сказал ему, что я всегда был против административной деятельности и что все мои мысли направлены в сторону научных исследований; к тому же я уже достаточно нагружен; кроме лекций (2 часа в неделю) в Артиллерийской Академии, я, после настойчивых просьб, взял на себя чтение лекций по органической химии (3 часа в неделю) в Лесном Институте, где сначала временно замещал проф. Бирона, находившегося в Сибири, а потом был избран ординарным профессором; моя должность директора ГОНТИ отнимала у меня также много времени. Мне совершенно не улыбалось взять на себя новые обязанности, — все это я об'яснил Бачманову и просил его передать Судакову, что я

готов помочь Химическому Отделу во всякое время, но прошу его не назначать меня на штатную должность.

После этого разговора я был вызван Судаковым вместе с Рябининым, и они оба просили меня не отказыватьсся от предлагаемой должности и помочь им в это трудное время. Судаков предложил мне бывать на службе в удобное для меня время, не нарушая хода моих других дел, и дать ему знать, какое вознаграждение я пожелал бы взять за свою работу. В то время по должности директора Института я получал около 40,000 в месяц, и Рябинин мне предложил получать половину этого оклада. Но я, памятуя, что мука стоила более 2000 руб. за пуд и что многих продуктов вообще нельзя достать в Петрограде, предложил платить мне не деньгами, а пайком. После долгих переговоров я стал получать от ПСНХ паек вместо жалованья, и был очень доволен, так как в паек входило мясо, масло, сахар и даже прекрасный сыр, — продукты в то время очень дорогие на вольном рынке. Но, кажется, этот паек я получил только 2 или 3 раза, так как в начале 1921 года произошла резкая перемена в моей деятельности и центр тяжести всей моей работы был перенесен в Москву.

Имея в своем распоряжении автомобиль, — правда очень старой конструкции, — я мог организовать работу свою таким образом, что рано утром я приезжал в Институт, а после 12 часов ехал в ПСНХ, где оставался до 4-х часов дня. Лекции в Лесном у меня бывали по вечерам, а в Артиллерийской Академии я имел 2 лекции один раз в неделю. Для выяснения различных химических вопросов мне пришлось побывать почти на всех химических заводах Петрограда, включая также и резиновый завод «Треугольник». Между прочим, на этом заводе проф. Б. В. Бызов производил опыты по получению искусственного каучука из нефти и мне приходилось время от времени знакомиться с полученными им результатами. В экспертизе этих опытов принимал также участие профессор Технологического Института Михаил Михайлович Тихвинский, — большой друг Л. Я. Карпова, а также и мой.

В декабре 1920 года Рябинин по делам Химического

Отдела ПСНХ отправился в Москву и по возвращении привез целый ряд новостей относительно событий в ВСНХ. Самая главная новость заключалась в том, что Л. Я. Карпов безнадежно болен и что его кончина ожидается в недалеком будущем. Рябинин был у него и рассказал мне, что Л. Я. предложил своим коллегам после его смерти пригласить меня на пост председателя Химического Отдела ВСНХ. Передавая мне это, Рябинин, однако, прибавил, что они употребят все усилия, чтобы не выпустить меня из ПСНХ.

Л. Я. Карпов, действительно, скоро умер, — от гнилокровия, которое явилось результатом злоупотребления алкоголем. Эта страсть к алкоголю в нем развилась в особенности за последнее время и редкий день, когда он не был в сильном градусе. Мне не пришлось быть на похоронах Л. Я., но они отличались большой торжественностью и урна с его пеплом были замурована в Кремлевской стене.

После смерти Л. Я. коллегия Главхима состояла из 5 или 6 членов и в нее входили следующие лица: С. Д. Шеин, Таратута, Иванов, Гришечко-Климов и председатель Профессионального Союза Рабочих Химиков Корчагин (последний был плотником на одном из химических заводов). Председателем коллегии был временно назначен Гришечко-Климов; он не был партийцем, но считался сочувствующим коммунизму.

Мне приходилось в это время несколько раз ездить в Москву; в одну из таких поездок, профессор Рижского Политехнического Института К. К. Блахер обратился ко мне с предложением вступить в Кооперативное Химическое Общество, разрешенное правительством, которое поставило себе целью изготовлять различные химикалии, а также химические реактивы для научных и технических лабораторий. Эта организация получила название «Кооперахимия», и я, познакомившись с составом ее членов, среди которых были химики, рабочие и специалисты по кооперации, согласился войти членом в Технический Совет. Несмотря на то, что этой организации пришлось выдержать очень много нападений со стороны советской власти с целью захватить в свои руки и

это маленькое учреждение, тем не менее она просуществовала до самого моего последнего от'езда заграницу, т. е. до 1930 года. Я принимал деятельное участие в этой организации и оставался членом Совета даже тогда, когда был членом Президиума ВСНХ (конечно, с разрешения Президиума). Председателем Технического Совета был проф. Московского Университета Вл. Сер. Гулевич, в высокой степени достойный человек и ученый, работать с которым было только одно удовольствие. Секретарем Совета был А. П. Шахно, инженер, очень исполнительный и осторожный человек, с которым мне пришлось много работать по НТО, о чем я расскажу ниже.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ И РОЖДЕНИЕ НЭП'а

1921 год явился для меня переломным годом, так как в течении его произошли события, которые резко изменили направление всей моей деятельности. В Институте в начале этого года не произошло никаких серьезных перемен. Я старался упорядочить хозяйство Института и завести полную отчетность в расходовании материалов. Я приказал ежемесячно собирать хозяйственный комитет для проверки расходуемых сумм и материалов. Во главе хозяйственного дела я поставил Н. П. Демидова, моего товарища, бывшего генерала, командира 1-ой Гвардейской бригады и бывшего в полковничьем чине флигель-ад'ютантом у Николая II. Прежде он был очень богатым человеком, помещиком и был приглашен Г. А. Забудским в начале войны в качестве помощника по хозяйственной части. Н. П. не пошел с бригадой на войну, потому что страдал в то время ревматическими болями и принужден был выдержать курс лечения. Его помощником по хозяйственной части был Н. Кудрявцев, приглашенный также Забудским. До войны он был военным писарем в Главном Штабе и, после сдачи экзáмена на классный чин, был произведен в военные

чиновники. Обладая довольно привлекательной наружностью и имея развязные манеры, присущие лицам, прошедшим писарскую муштру, он обладал способностью покорять женский пол и потому с'умел жениться на состоятельной девушке, принесшей ему очень хорошее приданое. Я несколько раз видел его жену, маленького роста, но очень энергичную и горячую, с красивыми живыми глазами, которая была бы еще более привлекательной, если бы не имела хромоты, сильно ее уродовавшей. Чета Кудрявцевых занимала хорошую казенную квартиру, имела очень хорошую обстановку, меха и бриллианты. В этой квартире сосредоточивались все сплетни, касающиеся всех живущих в других квартирах Института.

Когда я принял Институт, то Забудский сильно рекомендовал мне Н. Кудрявцева, как очень распорядительного и хозяйственного человека, и сообщил мне, что за все время управления Лабораторией он был им очень доволен. Мне не понадобилось много времени, чтобы оценить этого малого, как полезного работника для хозяйственных дел, — в особенности в то революционное время, которое нам приходилось переживать. Чтобы достать какой-нибудь предмет, надо было иметь способность не только пронюхать, где подобный предмет находится, но также суметь, завести знакомство с теми людьми, в ведении коих он состоит и каким-то манером, втереться в их дружбу и доверие. В этом отношении Кудрявцев не имел себе равного. Он буквально знал весь Петроград, начиная с Чеки и до служащих в распределительных магазинах, благодаря чему он везде мог раздобывать различные предметы, которые без протекции нельзя было получить, несмотря на все старания. Его отношение ко мне было безукоризненное, он исполнял мои приказания не за страх, а за совесть, и не было случая, чтобы он имел неудачу при исполнении моих поручений. В то время, в дни расцвета военного коммунизма, взятка играла громадную роль и за некоторые предметы можно было достать что угодно. Взятки процветали во всех областях народного хозяйства, и самые суровые меры наказания, вплоть до расстрелов, не оказывали никакого влия-

ния. Именно тогда сложилась характерная поговорка: «Рука берущего да не оскудеет».

В приеме взяток и их давании тогда были грешны безусловно все россияние, — даже такие, которые до революции считались кристально честными. Правильно, что социальные условия создают такие преступления, которые при других условиях жизни не считаются за деяния, достойные наказания. Но не всякий смертный мог вручить взятку власть имущему, — в особенности коммунисту. Когда, например, Институту понадобился спирт, то Кудрявцев мне заявил, что если из 14 ведер спирта, два будут отданы при его приеме лицу, от которого зависит эта выдача, то спирт будет получен; в противном случае мы получим ничтожное количество и придется много раз в течении долгого времени повторять хлопоты. Обладание же большим количеством этого драгоценного товара, имеющего малый об'ем и легко переносимого к месту своего назначения, играло, пожалуй, самую важную роль при обмене на остальные вещи. Главная забота о поддержании Института в минимальном порядке для выполнения хотя бы текущих исследований, заключалось в снабжении его топливом, а достать дрова без надлежащей смазки было невозможно.

Когда заведующий хозяйственной части излагает перед начальником все эти соображения и настаивает на их исполнении для спасения учреждения, а не для вашей личной пользы, то положение становится особенно трудным. Тем не менее я заявил, что разрешения на подобные комбинации я не дам, и что на приход должно быть записано то количество спирта, которое будет доставлено в Институт. До меня не касается, какая сделка будет иметь место при отпуске спирта со склада, и он рискует собою, если обнаружится какая-либо неправильность. С другой стороны, я не избежал некоторого подозрения, что может быть никакой взятки и не надо было давать при этом требовании, а известное количество спирта прямо будет удержано самим получателем. Во всяком случае я не счел возможным принимать какое-либо участие в подобных делах, и впоследствии много раз хвалил себя за это, так как после

моего ухода было возбуждено дело о разных кражах в Институте, но ни у кого не было ни малейших данных для обвинения против меня.

Как я указал выше, моим помощником по хозяйственной части Института был мой товарищ Н. П. Демидов, и он был назначен мною председателем Хозяйственного Комитета. Тотчас же после моего назначения директором, между Демидовым и Кудрявцевым начались ссоры на почве хозяйственных дел, и я поручил моему заместителю, проф. Дроздову, принять участие в разборе всех пререканий между означенными лицами и делать мне время от времени доклады. Кудрявцев отлично понимал, что Демидов мешает ему во многих случаях распоряжаться по своему произволу, и потому он задумал постараться под каким-нибудь предлогом удалить его из Института. Так как гражданская война еще не окончилась, и в войсках ощущался недостаток в офицерах, то в прессе был поднят вопрос об из'ятии из различных гражданских учреждений бывших офицеров для отправки их в Красную Армию. Кудрявцев быстро сообразил, что этим обстоятельством можно воспользоваться, чтобы избавиться от Демидова. На основании всех данных, которые мне удалось собрать, он написал анонимное письмо в Петроградский Штаб Красной Армии, где указывалось, что в Институте скрываются бывшие офицеры и генералы и что необходимо обратить на это внимание. Специально указывалось на особо приятельские отношения, существующие между бывшим генералом Демидовым и директором Института. Из Штаба Петроградского Округа была получена бумага относительно откомандирования бывших офицеров, служащих в Институте, в распоряжение Штаба. Кроме того, я получил предписание явиться лично в штаб для раз'яснения некоторых вопросов. В то время я не знал о существовании анонимного письма, присланного в Штаб. Когда Н. П. Демидов узнал о приказе Военного Комиссариата отправить на военную службу бывших офицеров, служащих в гражданских учреждениях, то он, сильно расстроенный, явился ко мне и стал просить меня дать ему отпуск по болезни, выписав его в

приказе задним числом. Несмотря на долгие его настаивания и даже просьбы по телефону его супруги, я категорически отказал, и поставил ему на вид, в какое положение он меня ставит подобной незаконной просьбой.

Как верно правило, что натура всякого человека познается тогда, когда над ним случится беда и он очутится в таком положении, что ему угрожают тяжелые последствия. Благородные натуры ограничиваются просьбой к своим друзьям помочь им, и предлагая меры для своего спасения, выбирают такие, которые не могут повредить спасающему; эгоистические же натуры поступают обратно. Н. П. принадлежал к числу таких эгоистических натур, и ниже мне придется еще раз подчеркнуть эту особенность его натуры, хотя он был моим приятелем со школьной скамьи Артиллерийского Училища. Я не имел с ним никаких недоразумений при обычных условиях жизни. Когда же мне в Штабе показали анонимное письмо относительно порядков в ГОНТИ, то я почувствовал полное удовлетворение относительно моего правильного и справедливого решения. По счастью для Демидова, он по своему возрасту не мог быть командирован на фронт, и из Института был откомандирован только один инженер, Знаменский, который с большим удовольствием принял это назначение; впоследствии выяснилось, что ему удалось бежать из РСФСР.

Однажды утром управляющий делами К. А. Видин доложил мне, что меня очень хочет видеть гражданин Таганцев. Я вспомнил, что у меня был учеником студент Петроградского Университета, Таганцев, который одно время работал у меня в Лаборатории Артиллерийской Академии по ходатайству репетитора Академии Н. М. Беляева. Он был племянником г-жи Таганцевой, основавшей в Петрограде замечательную женскую гимназию, где училась моя дочь; г-жа Таганцева была близкой родственницей известного сенатора Таганцева. Когда я поздоровался с ним, то оказалось, что это был, действительно, мой бывший ученик; он об'яснил мне, что пришел ко мне за какой-то небольшой справкой. Пока наводили эту справку, Таганцев рассказал, что во время войны он был

прапорщиком в 1-ой гвардейской артил. бригаде и встречался с моим сыном Дмитрием. В настоящее время он получает некоторые сведения из заграницы от своих товарищей и между прочим достал из кармана несколько номеров эмигрантской прессы и предложил мне ознакомиться с ней. Этого короткого *разговора мне было достаточно, чтобы понять необходимость* быть очень осторожным с этим человеком. Из вежливости я проглядел его газеты, но возвращая прибавил, что я политикой не занимаюсь и вообще очень занятой человек, давая ему понять, что аудиенция закончена.

В это самое время в мой кабинет вошел Н. П. Демидов. Когда он, знакомясь, произнес свою фамилию, то Таганцев спросил, не его ли сын был в той же 1-ой бригаде. Получивши утвердительный ответ, Таганцев попросил записать его адрес, так как он хотел бы его повидать. Думал ли Н. П. Демидов, сообщая адрес своего пасынка (сына его жены от прежнего брака и им усыновленного), что он вовлекает его в политический кружок, который находился в контакте с эмигрантскими кругами и который несомненно действовал во вред Советской власти? Через несколько месяцев Чека раскрыла деятельность этого кружка, и 21 человек, в том числе и молодой Демидов, в сентябре 1921 года были подвергнуты расстрелу без всякого суда. Возможно, что молодой Демидов не принимал никакого активного участия, но достаточно было в записной книжке Таганцева найти его адрес, чтобы подвергнуть аресту, — а потом расстрелу. Какую драму пришлось пережить и матери, и отчиму, которые были убеждены в его невиновности и собрали все доказательства, что их сын не принимал никакого участия в политических делах и был казнен совершенно невинно.

Почти в то же время помощник библиотекаря Артиллерийской Академии Упорников сообщил мне, что меня очень хочет видеть мой бывший ученик по Артиллерийскому Училищу полковник ген. штаба Дессино. Он мне ничего не сказал о причине свидания, но очень просил его принять. Предполагая, что он вероятно будет просить меня похлопотать о поступле-

нии на какую-нибудь службу, я назначил ему время приема у себя на казенной квартире в Артиллерийской Академии. Я всегда отличался большой памятью на лица и сразу признал в нем своего бывшего ученика, хотя не видал его очень долгое время. Наш разговор быстро принял откровенный характер, и потому он без всяких осторожностей приступил к изложению цели своего посещения. Он заявил мне, что он не боится говорить со мной откровенно, потому что верит моему благородству и что наш разговор останется в тайне; он прибавил, что заграницей мое имя в разнообразных кругах пользуется громадным уважением и меня считают за безусловного честного человека. На мой вопрос, каким образом он приехал сюда из заграницы, куда он эмигрировал с приходом Советской власти, он мне ответил, что приехал на законном основании, согласно полученному из РСФСР разрешению. Я не знаю до сих пор, говорил ли он мне правду или нет, но тогда я не обратил на этот вопрос особого внимания и старался только понять, насколько серьезно все то, что он мне излагал. Я усвоил себе, что в Европе и в Америке, после неудачных попыток свержения советской власти Деникиным, Колчаком, Врангелем и др., никто не верит в возможность найти в эмигрантских кругах такое лицо, которое могло бы в настоящее время начать движение за освобождение России от большевиков. Но он мне дал довольно ясно понять, что если бы я взялся за организацию такого движения, то я мог бы рассчитывать на полную поддержку со стороны заграницы, в особенности английских и американских кругов, как в моральном, так и в материальном отношении.

Я был очень удивлен этим разговором и определенно заявил ему, что я не принадлежу к числу людей, могущих делать политику и что в жизни меня всегда интересовала только наука; если я и взялся организовать химическую промышленность, то лишь потому, что не мог отказаться, когда страна находилась в состоянии войны и каждый должен был нести трудовую повинность, не разбирая, нравится ли она ему или нет. Что же касается его намеков на мою пригодность

для новой роли спасителя страны, то я заявил, что считаю необходимым честно выполнять ту работу, которая возложена на меня новой властью, и совершенно не имею желания бороться с ней тайным образом, так как это не свойственно моей натуре. На этом наш разговор был прерван и мой гость, видя мое твердое решение не пускаться ни в какую авантюру, любезно распрощался со мной. В скором времени я узнал из газет, что Чека раскрыла заговор против Советской власти, в котором принимал большое участие Дессино; его разыскивали, тщательно, но безрезультатно, так как ему и некоторым другим удалось пробраться через границу...

В Петрограде в это время положение с продовольствием и отоплением дошло до критического состояния. Распоряжением Чеки были закрыты все рынки, которые время от времени самочинно открывались в разных частях города и существование которых продолжалось до тех пор, пока милиция с разрешения Чеки, — нуждаясь, вероятно, в продовольствии, — делала облавы и конфисковывала все продукты в свою пользу. Подвоз продовольствия в Петроград при помощи мешечников совершенно прекратился потому, что были сделаны заставы по всем дорогам, и, кроме того, железнодорожное сообщение совершенно расстроилось и без особого разрешения нельзя было куда-нибудь поехать. Запасы топлива на железных дорогах ограничивалось только одним днем. Вследствие такого состояния Петрограда рабочие почти всех заводов об'явили забастовку и на митингах, устроенных ими без разрешения коммунистического начальства, пред'явили целый ряд требований. Мы опять стали свидетелями появления на улицах Петрограда броневиков, пулеметов и кавалерийских частей; неорганизованная как следует забастовка была в очень короткое время совершенно ликвидирована. Но недовольство рабочих установившимися порядками, конечно, не улеглось, так как ничего не переменилось к лучшему. На одном из митингов в Народном доме, где были собраны рабочие разных заводов, выступал с успокоительной речью сам Зиновьев и доказывал все преимущества советского режима для рабочих:

«В какой стране, — говорил он, — найдете вы такие блага, которые даны всем трудящимся в РСФСР? Жилище, пропитание, обучение, лечение, передвижение и зрелища, — все даром!»

«Есть такое учреждение, — крикнул с места какой-то рабочий, — в аду!»

Краса и гордость революции — матросы в Кронштадте также поняли, что они обмануты большевиками, и так как их положение было не лучше положения петроградских рабочих, то и они выступили с целым рядом требований о коренном изменении невыносимого режима, созданного большевиками. Выступление рабочих не было согласовано с кронштадтцами и произошло за две недели до выступления матросов, и для власти было легче подавить порознь эти два восстания. С другой стороны, матросы начали свое восстание в начале марта, когда лед на Неве и на взморье был еще достаточно крепок, а потому Красная Армия могла аттаковать Кронштадт по льду.

Для нас, мирных жителей, восстание Кронштадта было совершенно неожиданным. Я помню, что я ехал с лекций из Лесного Института, и сразу заметил большое оживление в городе: на стенах домов были расклеены печатные об'явления, извещавшие о восстании матросов и солдат в Кронштадте. В об'явлении говорилось, что во главе восстания стоит начальник артиллерийской крепости, бывший ген. Козловский, контрреволюционер, враг народа, и что его и других изменников советской власти ждет смертная казнь. Конечно, никто не верил, что восстание могло быть организовано офицерами; наоборот, эти матросы приказали Козловскому и другим офицерам командовать восставшими частями. По дошедшим до нас тогда слухам, мы узнали, что матросы, признавая необходимость сохранения советов, требовали, чтобы эти советы выбирались бы закрытой баллотировкой из всех граждан, а не только из одних коммунистов; было выставлено также требование об отмене продразверстки, заградительных отрядов и т. п. Все требования взбунтовавшихся матросов были

симпатичны для петербуржцев, и всем было досадно, что волнения среди рабочих не совпали с восстанием в Кронштадте. Петроград был об'явлен на военном положении, и жители должны были сидеть по домам с 8 час. вечера до 6 утра. Зиновьев, как присуще было его характеру, совсем потерял голову и, донося обо всем в Москву, просил немедленной помощи. Положение в Петрограде создалось очень тяжелое, и мы, мирные обыватели, не забыв еще большевистской мести и расстрелов после нашествия Юденича, предугадывали, что после подавления восстания, нам придется снова пережить полосу террора над совершенно невинными людьми. Я был убежден, что этот бунт будет скоро подавлен, и старался доказать многим своим оппонентам, что опрокинуть большевиков, которые в течении 3½ лет с'умели выиграть гражданскую войну и организовать сильную власть в стране, не так-то легко.

Из Москвы был прислан на помощь Петрограду Л. Д. Троцкий, которому были даны диктаторские полномочия. В течении более двух недель мы слышали непереставаемую стрельбу из больших судовых орудий, а также из полевых пушек и пулеметов. Вся жизнь в городе приостановилась, и все помыслы были направлены на ожидание вестей из Кронштадта.

Интересно было наблюдать растерянность многих коммунистов, — в особенности тех, которые занимали ответственные места. Так, в ПСНХ председатель Химического отдела, мой начальник Рябинин, имел совершенно растерянный вид и что то бормотал, когда обращались к нему за приказаниями. У него было такое выражение лица, как будто он уже приговорен к смерти и приведение приговора в исполнение только временно отложено. В разговорах с ним чувствовалось, что он не прочь уступить восставшим и постараться уладить весь инцидент мирным путем. На основании моих наблюдений, Рябинин вошел в партию не по убеждению, а исключительно из рассчета. Он мне сам рассказывал, что у него на Охте в доме сохранился прежний уклад жизни, и его жена, очень

религиозная женщина, соблюдает все церковные посты и празники и в их спальне находятся иконы. Таких коммунистов как Рябинин, насчитывалось в партии громадное количество и мне приходилось очень часто выслушивать чистосердечные признания, почему мой собеседник записался в члены партии. Помню, один раз, рано утром, в вагоне на пути в Калугу, я встретил знакомого проводника и разговорился с ним. Конечно, темы были у всех одни и те же: так как это было в самом начале Нэп'а то он по секрету спросил меня, — правда ли, что коммунизм скоро кончится и что все пойдет по старому? Я, конечно, заинтересовался, почему он так думает и получил ответ:

«Знаете, у меня семья, дети, прокормиться на жалованье невозможно, я и записался в партию; да и другие мои товарищи сделали также, мне и нельзя было оставаться в стороне, а то совсем удалят со службы. Вот теперь, после Нэп'а, я и опасаюсь, как бы нашего брата, после уничтожения коммунизма, не подвергли бы суровым наказаниям».

Я от души рассмеялся над наивностью моего собеседника, и, понятно, постарался успокоить его, сказав, что на наш век этой власти хватит.

А сколько надежд и предсказаний относительно свержения большевиков высказывалось во время Кронштадтского бунта! Две недели жизни в напряженном состоянии при неумолкаемой стрельбе, в царстве нелепых слухов и сплетней, довели нервную систему у всех жителей Петрограда до ужасного состояния, и все не чаяли дождаться какого-либо конца. Несомненно Троцкому всецело принадлежит заслуга в организации подавления бунта и установления порядка в Петрограде. Войска, которые должны были аттаковать крепость по льду, были одеты в белые плащи; они незаметно подошли к Кронштадту и сломали сопротивление осажденных. Но к моменту взятия Кронштадта там оставалось уже мало защитников, так как громадное число матросов, солдат и рабочих (их насчитывали тысячами) пробрались по льду в Финляндию, которая разрешила им перейти границу. Так закончились вос-

стания матросов и рабочих, этих пионеров октябрьской пролетарской революции, без помощи коих немыслимо было бы воцарение советской власти в России.

После подавления восстания у большинства жителей почувствовался сильный упадок духа. Отлично помню, что я не разделял общего настроения, что все потеряно и что мы не увидим в будущем какого-либо просвета в нашей мрачной жизни. Наоборот, я возражал пессимистам и старался доказать, что советская власть не может не считаться с двумя весьма серьезными восстаниями ее же приверженцев. Я полагал, что у Ленина тогда же родилась мысль о подготовке новых позиций, на которые можно было бы отступить с боевых высот военного коммунизма. Далее держать жизнь страны в таких тисках коммунизма стало для партии уже не под силу, — в особенности, принимая во внимание, что гражданская и польская война закончились и что надо было строить мирную жизнь. Восстание рабочих в Петрограде и матросов в Кронштадте сыграли роль Deus ex machina в военном коммунизме, и он должен был так или иначе рухнуть и преобразоваться в иные формы для производства новых экспериментов над русским народом. Нам было неизвестно, какое количество людей было казнено в Кронштадте, — но в Петрограде мы не ощущали каких-либо особых репрессий. Это можно было об'яснить только сознанием власти, что зажим дошел до предела и что надо сделать какие-то изменения в образе правления страной, чтобы сделать условия жизни мало-мальски приемлемыми для народа.

Так оно и случилось. Глава партии Ленин увидал, что необходимо резко повернуть руль вправо и отказаться хотя бы на время от тех доктрин коммунизма, которые были господствующими во время гражданской войны. Как умный лидер, он увидал, что для спасения своей партии надо признаться перед массами, что им и его приверженцами были сделаны некоторые ошибки, которые необходимо коренным образом исправить. Что было возможно во время гражданской войны, при полном окружении белогвардейцами, и что оправдывалось

в глазах народа необходимостью освобождения от оков рабства капиталистов и царского режима, то становилось только вредным после наступления мирной обстановки. Ленин, как умный человек, понял, что после Кронштадтского восстания, надо умело покаяться в своих ошибках и дать такие условия жизни, что народ мог бы вздохнуть после пережитых им ужасных страданий от холода и голода. В своей знаменитой статье, появившейся в «Правде», Ленин приносит покаянную в том, что они во многом «просчитались» и ставит об этом в известность не только свою партию, но и весь народ. Он называет пережитое время «военным коммунизмом» и оправдывает его введение в жизнь народную, как что-то необходимое для победы в гражданской войне. Он обращается к своему ближайшему помощнику А. И. Рыкову и дает ему те директивы, которые надо теперь проводить в жизнь, чтобы наладить народное хозяйство. Он предлагает назвать новую хозяйственную программу коммунистической партии — Новой Экономической Политикой (НЭП) и немедленно начать проводить ее в жизнь. В своей статье, которая есть ни что иное, как програмная речь для дальнейшей деятельности коммунистической партии, он предлагает советскому правительству заменить продразверстку, ненавистную для крестьянства, денежным продналогом, разрешить свободную торговлю в городах и свободу передвижения, отменить заградительные отряды, которые боролись с мешечниками, дать возможность крестьянам арендовать у соседей землю и в помощь себе нанимать батраков для обработки арендованной земли.

Я не могу припомнить всех тех мер, которые предлагал Ленин в указанной статье, но и приведенного достаточно, чтобы понять, какой сдвиг произошел в уме Ленина после неудачного опыта военного коммунизма. Несомненно в умах и других видных коммунистов, ближайших помощников Ленина, рождались различные предположения относительно улучшения условий жизни на началах марксизма. Нельзя обойти здесь молчанием ту меру, которую предлагал тогда Троцкий, тогдашний глава Красной Армии, победитель белогвардейского

движения. Упоенный военными победами и уверенный в своем влиянии на умы пролетариата, он предлагал использовать красноармейцев после прекращения гражданской войны, как рабочую силу для промышленных предприятий и для налаживания жизни всех видов народного хозяйства. Его предложения нисколько не отличались от мер, которые были введены ген. Аракчеевым для военных поселений столет тому назад, в царствовании Александра I-го, и которые привели, как известно, к бунту крестьян, к убийству любовницы Аракчеева, Анастасии Минкиной и, в конце концов, к уничтожению этой нелепой затеи. Надо только удивляться, как могли рождаться подобные мысли в XX-ом веке в головах людей, которые кричали и кричат, что они несут факел свободы для человечества и призваны разорвать те оковы, которые были надеты на пролетариат капиталистами и помещиками. Насколько я помню, эта нелепая мера Троцкого едва ли была применена на практике в сколько нибудь широких размерах, так как некоторые коммунисты даже в прессе позволили себе высказаться против нее.

Ленину, стоявшему несомненно головой выше всех своих партийных товарищей, нелегко было провести новую программу НЭПА. Когда она была внесена в Политбюро (главное ядро партии, состоящее из 7-9 человек и решающее все важнейшие вопросы политики партии, а также главные хозяйственные вопросы), а затем в Центральный Комитет партии, то Ленин остался в меньшинстве. Получив такое голосование, Ленин заявил, что он отказывается быть лидером партии и уходит в отставку. Говорят, что около суток Советская Россия была без правительства, и только спустя некоторое время Ц. К. партии согласился принять НЭП, и Ленин восторжествовал. Несомненно, все поведение Ленина в этих условиях рисует его, как человека сильной воли, умевшего правильно оценивать обстоятельства и находить правильное решение при самых трудных условиях политической жизни. Его заслуга перед партией неоценима, и другого такого руководителя партия не имела за все время своего существования. Для меня, пишущего эти строки, всегда была не приемлема вся программа

коммунистической партии уже по одному тому, что я не терплю никакого насилия. Но я должен сказать совершенно беспристрастно, что поведение Ленина за все время его жизни протекало по строго обдуманному плану. На каждом его поступке можно было видеть, что этот поступок логически был связан с лозунгами партии и служил для ее укрепления. Пример его отношений к Троцкому очень характерен. Ленин расходился с ним по многим вопросам еще до водворения власти большевиков в России; по своим политическим воззрениям Троцкий не принадлежал исключительно к большевистской партии. Читая его автобиографию нельзя вынести определенного суждения относительно его политической программы, — одно можно нашему брату про него сказать, что он прирожденный революционер. Но несмотря на все разногласия и жалобы на него со стороны его врагов, — главным образом, Сталина, — Ленин хорошо понимал, что Троцкий более, чем кто-либо, способен благодаря своей энергии и пониманию обстановки выполнить ту программу, которая вела к полной победе октябрьской революции.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОТА В ПРЕЗИДИУМЕ ВСНХ

1921—1927

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВСНХ

В скором времени, приблизительно в начале апреля, стали циркулировать слухи, которые, кажется, нашли отражение и в прессе, что советская власть хочет обратиться к выдающимся инженерам и ученым страны, чтобы наметить необходимые меры для приведения в порядок разрушенной промышленности и выработать план ее развития. Эти слухи, конечно, сопровождались язвительными комментариями по отношению советской власти со стороны лиц, которые принадлежали к промышленным кругам: большевики умеют только разрушать, — говорили они, — но создать ничего не могут, а поэтому надо использовать старых инженеров и ученых, поставив их в хорошие условия и потребовать от них конкретных указаний, что надо сделать, чтобы все виды промышленности и земледелие были подняты на высоту, удовлетворяющую современным требованиям. Если-же избранные инженеры и ученые не будут в состоянии в назначенный срок выполнить утвержденный план, то они будут преданы суду и их ожидает тогда суровая кара. В Петрограде этим слухам не придавали особого значения. Но ранней весной мне пришлось поехать в Москву по делам Института и там члены коллегии Химического Отдела ВСНХ, Таратута и Шеин, обратились ко мне с просьбой присутствовать на заседании Президиума ВСНХ и высказать свое мнение по вопросу о преобразовании ВСНХ. По их словам, в правительстве сложилось определенное убеждение, что существование главков очень вредно отражается на развитии

промышленности и мешает проявлению инициативы отдельными заводами. Так, напр., Главжиру были подчинены все мыльные и масляные заводы, находящиеся в РСФСР, а управление главка помещалось в Москве и через него должно было итти снабжение заводов сырьем. Существовало громадное число главков: Глав-рыба, Глав-щетина, Глав-кожа, Глав-лес, Глав-крахмал, Глав-спирт, Глав-спички и пр. В президиуме ВСНХ было решено уничтожить «главкизм» и вместо главков создать Главные Управления по специальным отраслям промышленности. Но прежде, чем создать такие управления, надо было наметить, какие производства должны были входить в данное управление и выработать штаты для всех видов управлений. Классификация химических производств должна была быть выработана Главхимом и представлена в Президиум ВСНХ для рассмотрения и утверждения. Что же касается разработки штатов, то для этой цели была создана особая Штатная Комиссия под председательством В. М. Свердлова, брата бывшего председателя ВЦИК, который умер в 1919 году.

Мне пришлось выступить в Президиуме ВСНХ прежде всего по поводу состава будущего Химического Управления. Председательствовал Милютин (Рыков был болен). Членами президиума состояли Сыромолотов (с Урала, по профессии штрейгер; как говорили, он был в коллегии Район. Совета Урала в Екатеринбурге, которая постановила убить царя и всю царскую семью), Смилга, Богданов, Свердлов, Ломов, Ногин, Середа и др. Последние шесть членов президиума были люди с образованием выше среднего и производили хорошее впечатление; с некоторыми из них мне приходилось работать и о них я скажу впоследствии. Нельзя сказать, чтобы заседание велось в большом порядке; в зале заседания находилось много народа из различных главков и каждый хотел высказать свой взгляд по поводу новой организации. Словоохотливость проявлялась и у членов президиума, и они часто перебивали друг друга и тем нарушали правильное обсуждение поставленных вопросов. Мне пришлось выступить два раза: один раз по записи, а другой раз на запрос президиума. Насколько было

возможно, в короткой речи, я старался об'яснить принципы правильной классификации видов промышленности; кое-что из приведенных мною данных было принято в соображение при дальнейшем обсуждении вопроса.

На другой день пришлось принять участие в заседании Штатной Комиссии, где разбирался вопрос о штатах Главного Химического Управления. Главным докладчиком был С. Д. Шеин, большой приятель Свердлова по питейной части, и потому дело шло довольно гладко и мне пришлось вставить только несколько реплик. Большие споры возникли при обсуждении организации Научно-Технического Отдела ВСНХ; докладчиком по этому вопросу был член коллегии НТО — М. Я. Лапиров-Скобло, который не согласился с постановлением Штатной Комиссии и остался при особом мнении. Вследствие такого оборота дела было постановлено передать вопрос о НТО в особую комиссию, где мне также пришлось принять участие, причем я там познакомился с М. М. Новиковым, ректором Московского Университета, который через год был выслан из РСФСР по постановлению ВЦИК'а заграницу.

Через очень короткое время, в начале мая, уже в Петрограде, от знакомого инженера, я случайно узнал, что Ленин назначил меня членом вновь учрежденной Плановой Комиссии, задачей которой была планировка всей государственной промымшленности. Он сказал мне, что еще вчера прочитал это постановление ВЦИК и поздравил меня с высоким назначением. Это учреждение получило сокращенное название Госплан. В него было назначено 35 членов специалистов по всем видам промышленности; председателем был поставлен Глеб Максимилианович Кржижановский. На другой день я убедился из газет, что, действительно, получил такое высокое назначение, но не могу сказать, чтобы я особенно обрадовался, так как отлично отдавал себе отчет, что новая работа возьмет громадное количество времени и оторвет меня опять от моих научных исследований. С другой стороны, для выполнения моих обязанностей по Госплану я должен был проводить значительное количество времени в Москве. Мне пришлось в скором

времени опять отправиться в Москву для представления по начальству и выяснения своих обязанностей. По прибытии в Москву я получил приглашение занять и другую ответственную должность: инженер Иванов, который служил ранее на Треугольнике и был специалистом по каучуку, явился ко мне утром на квартиру в Брюсовском переулке и заявил, что ему поручено доставить меня в Главное Химическое Управление, где мне предложат стать во главе коллегии последнего. Он нарисовал мне картину полной разрухи, которая царствует в Главхиме, так как со смертью Л. Я. Карпова, каждый член коллегии хочет играть главенствующую роль и не хочет считаться с мнением других членов Коллегии. Отношения обострились между членами до того, что они даже не подавали друг другу руки. Председательствующий в Коллегии Гришечко-Климов не пользовался авторитетом в химической промышленности, а потому был не в состоянии направить деятельность Главхима по правильному пути. Другими членами коллегии были: Таратута (коммунист), Иванов (коммунист), С. Д. Шеин (сочувствующий коммунист), Корчагин (коммунист), председатель Всероссийского профессионального Союза Химиков; шестого члена я не помню.

В самом начале нашего разговора с Ивановым я спросил, почему они обращаются ко мне, когда у них в коллегии имеется С. Д. Шеин, химик-инженер, который во все время советской власти стоял близко к химической промышленности, образовал очень крупное об'единение Волжско-Камских химических заводов, председателем которого он был назначен с первого же дня его возникновения. Иванов ответил, что остальные члены коллегии, а в особенности Корчагин и Ц. К. химиков никоим образом не согласятся на это назначение, и чтобы мне в этом убедиться, то самое лучшее поговорить с Корчагиным. Я, конечно, не дал никакого ответа Иванову, а после разговора с ним отправился к С. Д. Шеину, которого хорошо знал еще во время войны (см. т. I, стр. 462). Он мне подтвердил все, что мне рассказал Иванов о настроениях в коллегии и заявил, что, конечно, такая коллегия совершенно невозможна, и ее состав

необходимо изменить, пригласив людей, хорошо понимающих задачи химической промышленности. Я со своей стороны задал ему вопрос, согласился ли бы он взять на себя возглавление Главхима, задачи которого он понимает лучше, чем кто-либо другой, так как он был ближайшим другом покойного Карпова и все время близко соприкасался с разными отделами химической промышленности. Из его ответа мне стало ясно его большое желание стать во главе Главхима, и когда он не только выразил мне свое окончательное согласие, но и попросил меня похлопотать об его назначении, то я тут-же, в его кабинете, написал официальное письмо в Президиум ВСНХ, рекомендуя назначить С. Д. Шеина председателем Коллегии Главхима.

После моей беседы с Шеиным, я имел по этому делу продолжительный разговор с председателем Ц. К. Химиков, Корчагиным. Корчагин, простой плотник, мало-образованный, но не лишенный природного ума, не стесняясь в выражениях обрисовал недостатки Шеина и наотрез отказался содействовать назначению Шеина на это место. Чтобы я мог лучше убедиться в отношении Ц. К. Химиков к назначению Шеина, Корчагин предложил мне поговорить с его заместителем и с членами коллегии ЦК и выслушать их мнение. Я не поленился пойти в Ц. К. Химиков, так как в то время профессиональные союзы играли очень значительную роль, и без их согласия почти что невозможно было назначить кого-либо на ответственную должность. В коллегии Ц. К. Химиков я выслушал совершенно идентичное мнение о Шеине, причем было указано, что он, кроме своеволия в делах, непригоден еще и потому, что предается пьянству и непозволительным кутежам.

При втором свидании с Шеиным я передал ему неблагоприятные отзывы о возможности его назначения на указанную должность, но тем не менее я прибавил, что если он хочет продолжать борьбу, то я согласен поговорить о нем с некоторыми членами Президиума ВСНХ, которых я знал. Получив его согласие и на это, я обещал ему дальнейшее содействие в его карьере.

Госплану был отведен дом на Воронцовской улице, в доме, который до революции принадлежал, кажется, Вогау. Из Петрограда со мной приехал также П. А. Бачманов и проф. М. Л. Шателен, также назначенные членами Госплана. Заместителем Кржижановского был назначен П. Осадчий, профессор электротехники и директор Петроградского Электротехнического Института. По химии, кроме меня, был приглашен профессор технологии Высшего Московского Технического Училища, С. Ланговой, а консультантом С. Д. Шеин. По всем отраслям техники и энергетики было назначено 35 членов и консультантов; Госплан разделялся на несколько секций, которые рассматривали детально все вопросы по планированию промышленности; окончательное решение выносил Президиум Госплана, который состоял из нескольких членов, назначенных особо. В первый, Ленинский призыв Госплана попал консультантом профессор Рамзин и инженер Александров, воскресивший старую идею устройства плотины на Днепре, чтобы электрофицировать Донецкий бассейн и сделать Днепр судоходным.

Г. М. Кржижановский пригласил нас, петроградцев, на специальное вечернее заседание, где развил перед нами план будущей деятельности Госплана, указав на громадное значение государственного планирования. Г. М. производил очень симпатичное впечатление и очень оптимистически смотрел на будущее развитие промышленности. Среднего роста, с большими открытыми выразительными глазами, живой в движениях и в речи, примерно 50-летнего возраста, своими убежденными разговорами он внушал доверие своим собеседникам и приковывал их внимание. До революции он был электрическим инженером, и за свои революционные деяния был сослан в Сибирь. С Лениным он был очень близок с давнего времени. При помощи Кржижановского Ленин решил осуществить электрофикацию, дав коммунизму крылатое определение: коммунизм, это — Советы плюс электрофикация.

Его заместитель, П. Осадчий, представлял из себя совершенно другой тип: это был деловой человек. Профессор, хо-

рошо знающий свою специальность, он в то же время был настоящим чиновником, хорошо знакомым со всей бюрократической волокитой. При царском режиме он был начальником Управления Почт и Телеграфов, где необходимо было иметь чиновничьи навыки, чтобы управлять такой широкой отраслью государственного хозяйства. Он был на хорошем счету в министерстве внутренних дел, в состав которого входило Управление Почт и Телеграфов, и имел высокий чин действительного статского советника. Мне представляется, что нельзя было сделать лучшего выбора на место заместителя Председателя Госплана. Несомненно, Г. М. знал Осадчего ранее по Техническому Совету Главного Электротехнического Управления, куда Осадчий был приглашен с самого начала его образования. Осадчий был вполне уравновешенный по характеру человек, прекрасный оратор, не говорящий красивых фраз, но умеющий с апломбом высказывать необходимые в данный момент идеи и с такой легкостью и настойчивостью, что слушатели невольно проникались доверием к искренности его речи. Такое впечатление он произвел и на Ленина, когда Г. М. представил его, как будущего своего заместителя.

Я познакомился с Осадчим только в Москве, когда был назначен членом Госплана, и первое впечатление, которое я получил при встрече с ним, осталось без изменения до конца моего знакомства с ним. Я понял сразу, что с ним надо быть очень осторожным и уметь предугадывать ответы, если хочешь ему задать тот или другой вопрос или обратиться к нему с какой-нибудь просьбой. Сухость и сдержанность его натуры проявлялись не только в деловых отношениях, но и в обычных товарищеских беседах, и это удерживало от желания поделиться с ним какими-либо сомнениями и переживаниями. Давая подобную характеристику, я вовсе не хочу, однако, сказать ничего плохого, касающегося его товарищеских отношений с нами, коллегами по науке; он был всегда корректен, вежлив, предупредителен, и что касается до меня лично, то за все время нашего знакомства мы находились в самых хороших дружеских отношениях и в некоторых случаях он оказывал

мне особое внимание, уважая меня, как ученого и давая мне иногда очень полезные советы.

Кржижановский и Осадчий были антиподами в деловой обстановке и с точки зрения работы Госплана они хорошо дополняли друг друга. Мы с самого начала почувствовали, что условия работы в Госплане будут вполне приемлемы для нас, но, конечно, трудно было установить, в какие формы выльются наши отношения с комиссариатами, обслуживающими промышленность материально. В смысле обеспечения, члены Госплана были сразу поставлены в особо-благоприятные условия. Мы должны были получать по 1 миллиону рублей денежными знаками в месяц и кроме того великолепный паек продуктами на всю семью; затем было об'явлено, что нам будет выдана материя (сукно и бумажные ткани) и обувь, также на всю семью, что и было выполнено впоследствии. Нам, членам Госплана, живущим в Петрограде, были выданы особые железнодорожные билеты, как их называли «Вциковские», т. е. билеты, которые давались только членам ВЦИК'а; эти билеты давали их владельцам право вне всякой очереди получать спальные места в международных вагонах на всех железных дорогах безвозмездно.

Покончив все дела с Госпланом, я должен был явиться в Президиум ВСНХ, чтобы переговорить относительно приглашения занять место председателя коллегии Главного Химического Управления. В это время в Москве происходил ежегодный с'езд Советов Народного Хозяйства. Как заместитель председателя Химического Отдела ПСНХ, я был приглашен на этот с'езд и выслушал некоторые доклады о состоянии промышленности за 1920 год. Доклады производили удручающее впечатление; некоторые производства совершенно прекратились; в особенности плохо обстояло с металлургической промышленностью: вместо 290 милл. пудов чугуна, произведенного в 1913 году, в 1920 году было получено только около 9 милл. пудов. Исходя из этой цифры, легко вывести заключение о состоянии всей металлической промышленности в стране. Докладчиком по металлургической и металлической

промышленности был П. А. Богданов, который настаивал, чтобы я скорее отправился в Президиум ВСНХ для переговоров, указав, что мне придется говорить, вероятно, не с Рыковым, который был болен, а с его заместителем, Г. И. Ломовым. Я должен еще добавить, что С'езд Советов Народного Хозяйства, обсудив доклады и приняв резолюции, должен был выбрать новых членов Президиума ВСНХ. В то время коммунистическая партия старалась проводить в хозяйственную жизнь демократические начала.

ВСНХ в Москве помещался на Варварской площади (ныне названной именем т. Ногина), в Деловом Дворе. Это здание было построено Н. А. Второвым и занимало большую площадь; до революции в нем была гостиница, ресторан и многочисленные помещения, приспособленные для контор разных торговых и промышленных предприятий. Дом был построен очень солидно, со всеми современными усовершенствованиями.

Я имел продолжительную беседу с членом Президиума Георгием Ипполитовичем Ломовым относительно моего приглашения встать во главе химической промышленности всего Союза. Он знал, что я получил назначение в Госплан и заявил мне, что это не только не будет мешать, но, напротив, моя связь с этим учреждением будет очень полезна. Мое первое возражение по поводу моего назначения председателем Главхима основывалось, главным образом, на том, что за три года революции я был далеко от деловых кругов и потому я не знал тех людей, с которыми придется вести работу по организации химической промышленности; да и люди, работающие ныне в этой промышленности, также меня не знали. Совсем иное дело было управлять промышленностью во время войны, когда я постепенно подбирал к себе в помощь таких людей, которых хорошо знал и был уверен, что они в состоянии справиться с возлагаемыми на них обязанностями. На это я получил ответ, что советское правительство отлично знает, кто я, знает мои убеждения и мое отношение к делу и потому считает, что я являюсь самым подходящим человеком для организации химической промышленности при новых экономиче-

ских условиях, которые в настоящее время установлены для всей индустриальной жизни страны; мне будет дано полное право набирать людей и их увольнять, и в своих мероприятиях я найду полную поддержку со стороны Президиума ВСНХ. Тогда я задал вопрос о моем отношении к Президиуму ВСНХ и буду ли я иметь право решающего голоса при обсуждении вносимых мною химических вопросов, и не лучше ли было для пользы дела назначить меня и членом Президиума, подобно тому, как это имело место с покойным Карповым. Ломов на это мне ответил, что в настоящее время вопрос о составе Президиума разбирается в правительстве, и что очень возможно, что председатели главнейших отраслей промышленности войдут членами в состав Президиума.

Помня свое обещание, данное мною С. Д. Шеину похлопотать за него относительно назначения его председателем коллегии Главхима, я сделал Ломову предложение относительно его приглашения на это место вместо меня. Я ему привел все данные, которые могли бы послужить в пользу назначения Шеина на этот пост. Я еще не успел окончить всех доводов в его пользу, как получил категорический ответ, что С. Д. Шеин никоим образом не может занять этого поста по целому ряду причин. Прежде всего С. Д. ненадежный работник, так как подвержен сильному пьянству и в такой момент, когда надо восстанавливать разоренную гражданской войной химическую промышленность, никто из правительства не склонен доверить ему такое ответственное дело. Ломов мне рассказал, что несколько времени тому назад, чтобы отвлечь его от кутежей и предоставить ему возможность пожить в другой обстановке, Шеин был командирован в Латвию, в Ригу, вместе с комиссией, которой было поручено обсудить целый ряд вопросов о взаимных отношениях, касающихся химической промышленности Латвии и СССР. Комиссия проработала около месяца, но С. Д. продолжал и там вести очень разгульную жизнь, издержав на кутежи все командировочные деньги, так что даже не мог привезти ни жене, ни сыну никакого подарка. Он прибавил, что против назначения Шеина будет также и

профсоюз химиков и многие общественные деятели. После такой характеристики мне ничего не оставалось делать, как отказаться от своего протеже. Я не дал определенного ответа на сделанное мне предложение и попросил Ломова дать мне время подумать. Я просил его, во избежании будущих недоразумений, передать А. И. Рыкову все мои опасения и вообще весь наш разговор во всех деталях.

По правде сказать, после разговора с Ломовым я ушел в очень подавленном настроении. Меня страшило взять на себя такую тяжелую обязанность, — да еще в обстановке, когда мне придется иметь близкое общение с людьми, убеждения которых во многом расходятся с моими.

Я отправился в профсоюз химиков, чтобы познакомиться с мнением его руководителей о будущей деятельности Главхима, а также для того, чтобы похлопотать за Шеина. Я предполагал, в случае моего согласия занять место председателя Главхима, пригласить С. Д. Шеина сделаться моим заместителем. Но все мои доводы в пользу Шеина оказались недостаточными, и коллегия профсоюза химиков категорически высказалась против назначения его на какую либо должность в Главхиме:

«Мы его хорошо знаем со всех точек зрения, и ему не верим, несмотря на то, что он кричит везде, что он сочувствует коммунизму».

Из разговоров с разными лицами, работавшими в Химотделе ВСНХ, из коих некоторые были моими сотрудниками по Химическому Комитету, я убедился, что обстановка складывается так, что мне нельзя отказываться от предлагаемого места и что необходимо только использовать момент и настаивать на предоставлении мне достаточных полномочий для решения разных вопросов в химической промышленности без бюрократической волокиты. Тогда еще можно было обольщаться мыслью, что при создавшемся социалистическом строе возможно избежать бюрократизма, и без боязни за свое будущее, решать самолично, после надлежащего обсуждения в коллегии, вопросы, которые не терпят отлагательства.

При вторичном моем разговоре с Ломовым я узнал, что Рыков безусловно настаивает на моем назначении, и что все другие члены Президиума считают, что мне нельзя отказываться от такой работы на пользу Союза. В конце концов, я дал свое согласие, но только при одном условии, что я буду полноправным членом в Президиуме при решении всех химических вопросов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕЗИДИУМ ВСНХ И ГЛАВХИМ

После этих разговоров я отправился в Петроград и стал ожидать дальнейшего развития событий. Мне не пришлось долго ждать ответа: в конце мая я получил бумагу за подписью Председателя Народных Комиссаров В. И. Ленина (Ульянова), что я, по постановлении ВЦИК, назначен членом Президиума ВСНХ и председателем Главхима. П. А. Богданов, назначенный вместо А. И. Рыкова председателем ВСНХ, в другой бумаге предлагал мне немедленно же явиться в Москву для исполнения возложенных на меня обязанностей. Таким образом я становился фактическим членом советского правительства, — несмотря на то, что я был беспартийным, никогда не занимался политикой и в то-же время не разделял догматов единственной в то время политической партии (коммунистической), которая должна была направлять всю жизнь страны по тому руслу, которое более всего оправдывалось с марксистской точки зрения. Но вступая в то время на такую административную работу, я твердо верил (я не отказываюсь и теперь от этого), что, будучи большим патриотом своей родины, я с'умею принести пользу на том поприще, где требуются мои знания и опыт, а не мои политические убеждения. Ведь и при царском режиме в правительстве были люди, которые не сочувствовали самодержавию, а между тем были полезными государственными деятелями. Важно, чтобы государственному деятелю оказывали полное доверие, считая его за честного, неподкупного и

правдивого человека, не боящегося сказать правду в глаза и честно предостерегающего от всяких ошибок, которые могут принести вред делу.

В то время я не знал, каким образом я стал членом Президиума ВСНХ одновременно с моим назначением председателем Главхима. Только спустя несколько лет я узнал, что я был выбран в члены Президиума на бывшем в то время с'езде делегатов Советов Народного Хозяйства. Как я уже указал ранее, в то время члены Президиума ВСНХ выбирались с'ездом Советов Народного Хозяйства и затем выборы утверждались ВЦИК. Несмотря на то, что после окончания войны прошло более трех лет и за это время я не занимал никаких административных должностей, мое имя, повидимому, пользовалось большой популярностью, как среди рабочих, так и в деловых кругах, почему я и был предложен с'ездом в члены Президиума ВСНХ громадным большинством голосов. Об этом мне рассказывал один из делегатов с'езда, Д. С. Гальперин, который был представителем от Белорусской республики и с которым впоследствии мне пришлось не мало работать в различных областях химической промышленности.

Президиум ВСНХ в то время состоял из следующих членов: председатель — П. А. Богданов; заместитель председателя — И. Т. Смилга; члены — В. Куйбышев, С. П. Середа, Сапронов, А. Долгов, П. Судаков, Эйсмонт, Бумажный, Гольцман и я; насколько помню, было назначено 10 членов; в скором времени была назначен еще Краснощеков. П. Судаков и Сапронов почти не принимали участия в работе Президиума; деятельными членами являлись Смилга, Куйбышев, Середа, Долгов и Эйсмонт. Секретарем Президиума был назначен Н. И. Новиков. Из состава Президиума только я и А. И. Долгов были беспартийными, а остальные являлись старыми революционерами, имеющими большие заслуги перед коммунистической партией.

Первые заседания Президиума были посвящены организационным вопросам. Самым важным отделом ВСНХ был про-

изводственный отдел, который обсуждал все планы восстановления и дальнейшего развития промышленности. Во главе этого отдела был поставлен А. И. Долгов; своим главным помощником он пригласил П. А. Бачманова, который в то время был назначен членом Госплана. Кроме того в этот-же отдел был приглашен консультантом С. Д. Шеин. Дело в том, что С. Д. Шеин был товарищем Богданова и Долгова по Московскому Техническому Училищу, и они, будучи дружны между собой, во всех делах помогали друг другу. В особенности Богданов сильно протежировал Шеину и, несомненно, желал, чтобы Шеин встал во главе химической промышленности: он хотел отблагодарить его за то, что Шеин, будучи председателем Об'единения Волжско-Камских Заводов, пригласил Богданова на работу в качестве инженера. Смилга стоял во главе Главтопа, т. е. главного управления, ведующего всеми видами топлива, как то — нефтью, углем и пр. Куйбышев, не будучи специалистом по технике, получил в свое управление Главэлектро. П. А. Богданов удержал за собой Военно-технический отдел ВСНХ, т. е. управление всеми заводами, которые должны были изготовлять снаряжение для армии и флота. Эйсмонт получил в свое ведение финансовую и экономическую часть ВСНХ. На меня было возложено, кроме, конечно, химической промышленности, наблюдение за деятельностью Главного Управления Пищевой промышленности, куда входили: табак, спирт, сахар и т. п. Наблюдение за деятельностью Научно-Технического Отдела ВСНХ, который ведал исследовательскими Институтами, было поручено А. И. Долгову. Таким образом наблюдение и управление всей промышленностью СССР было распределено между 5 членами Президиума, и легко себе представить, какой труд был возложен на каждого из нас, — в особенности, если принять в соображение, что вся промышленность находилась в разрушенном и дезорганизованном состоянии. А. И. Долгов, как и я, был членом Госплана, что тоже отнимало значительное количество времени ввиду необходимости два раза в неделю присутствовать на дневных заседаниях промышленной секции.

На первом же заседании Президиума ВСНХ был поднят вопрос, как организовать Главные Управления промышленности. На основании моего опыта управления промышленностью во время войны и видя недостатки коллегиального управления, которое применялось в бывшем Химическом Отделе ВСНХ, я смело предложил следующую организацию: во главе каждого управления должен стоять ответственный начальник, имеющий двух заместителей одного по технической части (специалист), а другой по административной (непременно партийный коммунист). Для обсуждения вопросов в каждом управлении учреждается Технический Совет, в который входят все заведующие отделами данного Управления и особо приглашенные консультанты, могущие дать полезные советы по их специальности. Этот Совет имеет совещательных характер, на его заседаниях ведется журнал, в который вносится окончательное мнение Совета по каждому обсужденному вопросу. Первым, кто поддержал меня, был Смилга, который вполне разделил мою точку зрения и так умело доказал правильность наших взглядов, что Президиум согласился на такую организацию. Это была большая перемена в умах партийных людей, так как до того времени титул «начальник» нигде не был допускаем в гражданских управлениях.

Для своего Химического Управления я предложил Президиуму двух кандидатов на должность моего заместителя: военного иинженера Иллариона Николаевича Аккермана, моего бывшего ученика и наиболее талантливого моего сотрудника по Химическому Комитету во время войны, и Сергея Дмитриевича Шеина, кандидатуру которого я выставлял в первую очередь, т. к. по своей прежней работе он хорошо знал состояние промышленности за последнее время. Что касается другого заместителя, коммуниста, то выбор его я предоставлял всецело профсоюзу химиков. Мое предложение С. Д. Шеина моим заместителем по Главхиму встретило большую поддержку в Президиуме со стороны Богданова, а также и Долгова, но громадную оппозицию со стороны профсоюза и партийных кругов. Вследствие такого оборота дела, сформирование Глав-

хима затянулось, дело доходило до Оргбюро, и мне пришлось в защиту Шеина по телефону говорить с Молотовым, который по партийной линии ведал назначениями высших должностных лиц. Несмотря на все хлопоты, Шеину не удалось стать моим заместителем и, к большому моему удовольствию, на эту должность был назначен Аккерман. Вторым моим заместителем был назначен Шварц, молодой человек, 25-28 лет от роду, со средним образованием, окончивший реальное училище, на первый взгляд симпатичной наружности, но, конечно, ничего не понимавших в химической промышленности.

Очень серьезным был вопрос о выборе подходящего управляющего делами Главхима. Бывший управляющий делами Химотдела, Карасик (коммунист), совершенный юнец (21-22 лет), обратился ко мне с заявлением, что он назначается ко мне управляющим делами. Я ему вежливо дал понять, что без моего согласия никто не может быть назначен ко мне в Управление; так как мое первое знакомство с ним сразу убедило меня в полной его непригодности к занятии столь важной должности, то я ему категорически заявил, что я не могу согласиться поставить его на такую ответственную работу. Я ему по дружески посоветовал идти учиться, так как он несомненно имеет способность стать впоследствии хорошим инженером или техником, а административные места никогда от него не уйдут; будучи технически образован, он принесет гораздо больше пользы на административном месте, чем при настоящем состоянии его образования. По счастью для него, он послушался моего совета и действительно отправился в Харьков учиться. О нем мне придется позднее сообщить очень интересные данные, когда он после окончания высшего технического образования, вернулся в Главхим. Он очень благодарил меня за мой добрый совет идти учиться, — а я, когда познакомился с ним поближе, со своей стороны благодарил Бога, что не взял его в свое время в Главхим.

На должность управляющего делами я пригласил инженера Ануфриева, которого знал ранее, во время войны, как очень порядочного и делового человека. Ему с самого начала

пришлось нести громадную организационную работу и суметь установить хорошие отношения с Шварцем. Последний, как и все коммунисты того времени, желал играть первенствующую роль в каждом учреждении, хотя и ничего не понимал в том деле, которое ему было поручено. Шварц стал пробовать не только вводить свои административные порядки, не посоветовавшись со мною, но в один прекрасный день отменил одно мое распоряжение. Ануфриев подробно сообщил мне о всех приказаниях моего заместителя, и потому я был в полном курсе всех деталей жизни Главхима. Когда мне было доложено об отмене моего приказания, я вызвал к себе Шварца, дал ему соответствующее наставление и предложил отменить сделанное им приказание. Это так хорошо на него подействовало, что впоследствии между нами не выходило никаких недоразумений.

В состав Главхима вошли главным образом служащие бывшего Химического Отдела ВСНХ, причем многие из них были моими сотрудниками по Химическому Комитету, и некоторые работали во время войны в Центральном Промышленном Комитете. Из наиболее видных работников я могу назвать Василия Степановича Киселева и Владимира Павловича Кравеца. В Главхиме были образованы отделы по различным отраслям химической промышленности, как то по основной химической промышленности: краскам, жирам, коксобензольной и т. д. Главхим помещался в здании бывшей Сибирской гостиницы в Златоустовском переулке и занимал более половины всего здания; мой кабинет помещался в верхнем этаже, в той комнате, которую занимал Рыков, будучи председателем Президиума ВСНХ и где происходили также заседания этого Президиума. В самом непродолжительном времени был образован Технический Совет, и я пригласил С. Д. Шеина принять участие в его заседаниях в качестве консультанта Главхима.

Ил. Н. Аккерман явился моим деятельным помощником; он обладал большими административными способностями и умел внушить к себе уважение со стороны всех сотрудников Главхима. Но, конечно, всякий выдающийся из молодых беспар-

тийный инженер вызывал большую зависть со стороны партийных коммунистов, и последние искали благоприятного случая, хотя бы и ничтожного по своему значению, чтобы оклеветать его перед высшим начальством и донести в Чека. Донос был сделан на Аккермана по поводу его участия в одном маленьком кустарном частном предприятии, изготовлявшем мыло. До введения НЭП'а многие граждане занимались кустарным изготовлением различных предметов первой необходимости, и свои изделия выменивали на другие предметы, — главным образом на пищу. Кустарное производство мыла в то время в особенности процветало, так как правительство почти совсем не снабжало им граждан. Аккерману удалось очень удачно наладить производство мыла, и до поступления на работу в Главхим польза от этого производства составляла главную статью его дохода. Насколько я помню, донос на Аккермана был сделан одним из лиц, работавших в Московском Совете Народного Хозяйства, который не долюбливал Аккермана за критику его действий. Аккермана обвинили в спекуляции, и меня уведомили из Чека, что он будет скоро арестован. Я ответил резким протестом, указав, что при таких обстоятельствах я не могу взять на себя ответственность за быстрое оздоровление разрушенной химической промышленности, и что обо всем этом я немедленно доложу Президиуму ВСНХ. При первом же свидании с председателем Президиума Богдановым я изложил ему все это дело и просил его переговорить с начальником Особого Отдела Чека Мессингом. Тогда-же в моем присутствии произошел разговор Богданова с Мессингом, в котором председатель Президиума ВСНХ довольно резко подтвердил неосновательность подобного ареста, и дело Аккермана было прекращено.

Кроме Совета при Главхиме, который обсуждал все организационные вопросы, продолжал также функционировать Технический Совет, учрежденный покойным Карповым при Химическом Отделе ВСНХ. Этот Технический Совет должен был рассматривать все вопросы, касающиеся разных химических производств с технической точки зрения. Председателем этого

Технического Совета был назначен профессор технологии Московского Технического Училища С. А. Ланговой, а его заместителем были я и С. Д. Шеин. Членами в этот совет входили покойный Л. Я. Карпов, А. Н. Бах, Збарский, Филипович и другие. Секретарем этого комитета был Александр Павлович Шахно, бывший профессор Томского Политехнического Института. Этот технический Совет заменил собою комиссию по демобилизации и мобилизации химической промышленности, председателем которой я состоял со дня ее возникновения. Технический Совет собирался раз в месяц, и его заседания происходили во временном помещении химической лаборатории Химического Отдела ВСНХ, в частном доме в Армянском переулке. Эта лаборатория была организована Карповым для разрешения текущих технических вопросов химической промышленности. Директором этой лаборатории был назначен Алексей Николаевич Бах, а его помощником, Борис Ильич Збарский. Впервые с этими личностями мне пришлось познакомиться до моего назначения членом Президиума ВСНХ, во время заседаний Технического Комитета, на которые меня приглашали телеграммой каждый месяц из Петрограда; мне удавалось бывать только на некоторых более важных заседаниях, так как сообщение Петрограда с Москвой в 1918-1920 годах представляло большие затруднения.

А. Н. Баха я знал еще до войны 1914 года, как биохимика, по некоторым его статьям, которые были напечатаны в журнале Русского Физико-Химического Общества. Он был эмигрантом, жил все время в Женеве и по своим политическим убеждениям принадлежал к партии «Народной Воли». В Женеве он работал по биохимии в своей приватной лаборатории, и его работы по энзимам были известны среди биохимиков; в особенности интересна была его работа по оксидазе. Он был женат на русской и имел дочь, которая унаследовала от отца химические способности. После опубликования мною работ по совместному действию катализаторов, т. е. промоторам, А. Н. Бах прислал мне очень любезное письмо, в котором указывал на выдающееся значение открытого мною действия

промоторов (т. е. веществ, помогающих действию катализаторов) и, соглашаясь с моими об'яснениями, заметил, что мы оба пришли к одному и тому заключению, хотя в своих исследованиях шли по разным путям. Я тотчас-же ответил на его письмо, и с этих пор началось наше заочное знакомство. В 1918 году во время большевиков А. Н. Бах приехал в Россию и, по предложению Л. Я. Карпова, стал организовывать указанную выше химическую лабораторию. Мне передавали, что он вывез из Швейцарии собственную лабораторию и продал ее советскому правительству (об этом мне сообщил один из сотрудников Химического Института имени Карпова). Организованная им химическая лаборатория исполняла по мере возможности все поручения Химотдела ВСНХ и ее нахождение в Армянском переулке продолжалось до осени 1922 года, когда она была переведена в специально для нее оборудованное здание, находящееся на Воронцовом Поле и принадлжавшее ранее Вогау.

Когда химическая лаборатория Химотдела переехала в новое здание, заседания Технического Совета стали происходить в новой лаборатории. А. Н. Бах отвел маленькую комнату для канцелярии Совета. Сам А. Н. Бах имел квартиру при лаборатории в Армянском переулке, и мое первое знакомство с ним состоялось в конце 1918 или в начале 1919 года. Первый разговор с ним произвел на меня хорошее впечатление; я видел в нем серьезного ученого, и его внешность располагала в его пользу. Он был тогда около 60 лет от роду, среднего роста с большой седой бородой, интересный собеседник и симпатичный по своим убеждениям, насколько можно было судить по тем отрывочным разговорам, которые мне пришлось с ним вести. Повидимому, я произвел на него также хорошее впечатление, потому что в один из моих приездов из Петрограда на заседание Техникесокго Совета, он перед заседанием позвал меня к себе в кабинет и рассказал, какое горе он и его семья переживали в то время: брат его жены, был арестован где-то в Сибири и приговорен местной Чека к расстрелу, о чем семья Баха была уведомлена по телеграфу; так как А. Н.

был хорошо известен многим большевикам по своей революционной деятельности (он был знаком по Женеве с Троцким, был очень дружен с Карповым; вероятно, его знал также и Ленин), то он надеялся спасти своего шурина*); но, несмотря на все просьбы, Ленин не согласился его помиловать, и шурин Баха был расстрелян. Передавая мне все эпизоды этого инцидента, А. Н. без всякого стеснения так резко отзывался о Ленине, что можно было только удивляться той смелости, которую он обнаружил в своем разговоре со мной. Я никогда не мог забыть этого разговора, и он часто приходил мне на память, когда я наблюдал А. Н. при других обстоятельствах его деятельности. Не надо забывать, что человеческому существу свойственно забывать глубочайшие раны и переживания и приспособляться к самым разнообразным условиям жизни. Видное общественное положение и хорошие материальные условия, дающие возможность предоставить семье спокойную, полную довольства жизнь, изглаживают из памяти обиду и все прежние страдания. Мне придется не раз еще возвращаться к описанию моих отношений с А. Н., — тогда с большей полнотой обрисуется его характер.

Когда я был назначен членом Президиума ВСНХ и начальником Главхима, то на одном из заседаний Технического Совета, Бах сказал мне, что он тоже принимал участие в этом назначении, сказав кому надо о моих достоинствах и о моей благонадежности в политическом отношении. Конечно, последнее надо было понимать в том смысле, что я буду честно относиться к исполнению своих обязанностей, и не буду вредить советской власти.

Ко времени моего назначения в Президиум ВСНХ шла усиленным темпом постройка Химического Института, которому предназначалось название Карповского (в память умершего Л. Я. Карпова). По своей должности, я должен был принимать участие в этой постройке, — главным образом, помогая получению разных строительных материалов, доставать кото-

*) Червен-Водали, член правительства адм. Колчака, был расстрелян по приговору Револ. Трибунала в Омске вместе с Клафтоном, Шумиловским и др.

рые в то время представляло большие затруднения. Главное участие в этой постройке принимал Б. Збарский; знакомство его с видными большевиками, а главным образом с А. Н. Рыковым, значительно облегчало дело доставки необходимых материалов на место постройки. Для снабжения лаборатории необходимыми аппаратами и реактивами, которых в то время нельзя было достать в РСФСР, было отпущено большое количество валюты и для их закупки был командирован в Германию Б. И. Збарский

В то время химическая лаборатория, которую возглавлял Бах, находилась в непосредственном ведении Президиума ВСНХ. По должности члена Президиума, я должен был наблюдать за ее деятельностью, но, конечно, фактически не имел никакой возможности вмешиваться в ее работу, так как Бах был persona grata и всегда мог обжаловать мое решение прямо А. Н. Рыкову, который очень ему благоволил. Я помню один факт, который произвел на меня очень неприятное впечатление; он касался распределения приборов, выписанных из заграницы, между Институтами Научно-Технического Отдела (НТО). Дело происходило, когда Карповский Институт был уже отстроен и, по обоюдному соглашению, передан в ведение НТО, председателем которого я уже был назначен. Я получил от Баха бумагу, в которой он предлагал мне отдать все выписанные из заграницы приборы (кажется, для электрических измерений) только вверенному ему Институту, а не распределять их между другими Институтами НТО. В бумаге указывалось, если я поступлю иначе, то об этом будет доложено Рыкову, который не замедлит решить это дело в его пользу. Мне ничего не оставалось делать, как отдать этому привилегированному учреждению все приборы, так как я никогда не пробовал без особой нужды расшибать свой лоб об стену.

Начиная с лета 1921 года, в различных областях СССР были образованы районные Госпланы, которые должны были планировать местную промышленность и вносить свои предположения о развитии общегосударственной промышленности

в Госплан СССР. В Петроградский Госплан были назначены Осадчий, Шателен, Бачманов и я. Мы имели несколько заседаний Петроградского Госплана, и мне пришлось познакомиться с Иваном Никитичем Смирновым, который был переведен из Сибири в Петроград и был назначен также членом Петроградского Госплана. В Петрограде он оставался не долгое время, был переведен в Москву и назначен членом Президиума ВСНХ. Он производил на всех нас, беспартийных членов, очень хорошее впечатление, как своими выступлениями, так и уменьем схватывать сущность дела и формулировать окончательное решение по обсуждаемым вопросам. Я не могу припомнить сейчас каких-либо важных постановлений Петроградского Госплана, и я уделил очень малое время для работы в этом учреждении, так как скоро мне пришлось уехать заграницу, а после приезда в СССР я вообще перестал участвовать в работе Госплана.

Во время одного из закрытых заседаний Президиума ВСНХ был поднят вопрос об упорядочении хозяйства в совхозах в смысле снабжения их надлежащим количеством сельско-хозяйственных машин и удобрительными туками. На основании данных, сообщенных Семеном Пафнутьевичем Середой, тогдашним народным комиссаром земледелия, было констатировано, что хозяйство в совхозах ведется крайне неумело и самым бесхозяйственным образом. Во время обсуждения я попросил слова и высказал довольно смелые предложения, как поправить дело: плохое хозяйство в совхозах, как мне удалось наблюдать в Калужской губернии, где находился мой хутор, обусловливалось, главным образом, тем, что назначенные советской властью управители совхозами не имели ни малейшего представления о сельском хозяйстве и потому не пользовались никаким авторитетом. Я предложил использовать для правильной постановки дела в совхозах бывших управляющих большими имениями и частью хороших хозяйственников-помещиков, назначив для контроля за их действиями особых партийцев, подобно тому, как это практиковалось в Красной Армии, где на службе было много офицеров царской армии,

к которым были приставлены политруки, ведавшие политической жизнью в военных частях. С. П. Середа первый подверг критике мое смелое предложение. Политическая обстановка в деревне была в то время такова, что впускать туда старую интеллигенцию, конечно, было совершенно не по пути советской власти. Конечно, мое предложение не было принято и, по счастью для меня, не было занесено в протокол заседания и дальше стен Президиума не пошло.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОЯ ЗАПИСКА О РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Самым большим делом в моей первоначальной деятельности в Президиуме ВСНХ была подача Богданову особой докладной записки о дальнейшем развитии промышленности.

Как было сказано мною выше, доклады о состоянии советской промышленности на последнем С'езде Советов Н. Х. раскрыли ужасную картину. Возникал вопрос, что надо предпринять, чтобы восстановить деятельность заводов и ввести в них усовершенствования, установленные на западе. Так как золотой запас был совершенно недостаточен, чтобы мы могли тратить его на покупку нужных машин заграницей, где мы потеряли всякий кредит, то надо было стараться вовлечь в дело восстановления советской промышленности иностранный капитал. Я считал, что легче всего мы сможем это сделать при участии бывших иностранных владельцев, которым перед революцией принадлежало громадное число заводов и фабрик в разных частях Империи. Так как, вследствие отмены права собственности в СССР, бывшим иностранным владельцам их прежние заводы никоим образом не могли быть возвращены в собственность, то надо было искать других путей для привлечения их к налаживанию промышленности во вновь создавшихся условиях. Задача была очень трудная и опасная, так как решение, наиболее рациональное при создавшейся обста-

новке, хотя оно и имело своей целью исключительно пользу для страны, могло очень печально кончиться для составителя подобного проекта.

Моя докладная записка подробно разбирала все обстоятельства дела и предлагала, как наиболее выгодную для СССР меру, отдачу бывшим иностранным владельцам их заводов в арендное долгосрочное пользование с тем, чтобы они за свой счет и кредиты иностранных банков могли не только привести их в кратчайший срок в полный порядок, но и ввести все новейшие усовершенствования, согласно последним требованиям техники. В докладную записку впервые было введено слово: реституция, — понимая под этим термином временное восстановление права владельца на его предприятии. Для выполнения такого деликатного и важного дела я предлагал отправить заграницу компетентное лицо, которое имело бы право вести переговоры с прежними владельцами; я указывал, что лучше всего командировать меня, так как бывшие заграничные владельцы будут вести со мной переговоры с полным доверием, так как все они очень хорошо меня знают по моей деятельности во время войны.

Эта записка была прочитана П. А. Богдановым, и он решил переслать ее копию председателю Госплана Г. М. Кржижановскому для ознакомления. В результате было решено созвать общее открытое заседание обоих Президиумов, — ВСНХ и Госплана, — и на этом заседании мне было предложено сделать подробный доклад. Так как было решено торопиться с обсуждением этого вопроса, а мне надо было уезжать в отпуск на две недели, то заседание было назначено вечером, накануне моего от'езда на мой хутор.

Моя записка возбудила огромный интерес. Зал заседаний Госплана был переполнен многочисленной публикой из всех отделов Госплана; присутствовало также много видных деятелей химической и металлургической промышленности. В своей речи я указал, что мы можем, конечно, и своими средствами восстановить промышленность, собирая исподволь необходимые средства заграницей, но все это требует долгого времени.

Мое предложение поехать заграницу для переговоров с бывшими владельцами, вызвало серьезные возражения. В особенности сильно возражал один из присутствовавших партийных коммунистов (судя по внешности, армянин), фамилию которого я не помню. Он без всякого стеснения заявил, что все это придумано мною для того, чтобы поехать заграницу и что, если мне это так хочется, то проще было бы откровенно заявить об этом кому следует и я, несомненно, получил бы командировку с научной и технической целью. Это заявление было поддержано еще некоторыми коммунистами, и мне пришлось дать решительный отпор. Я указал, что поездка заграницу при подобных обстоятельствах не обещает быть приятной, так как мне придется испрашивать у каждого бывшего владельца его милостивого разрешения для беседы с ним и, может быть, получать неприятные отказы. Порою, возможно, придется униженно ожидать ответа в передней. С этим нельзя сравнить мои прежние поездки заграницу, — правда, очень редкие, так как я никогда не стремился туда ездить, несмотря на многие приглашения. Я предложил себя для этой поездки только потому, что, по моему убеждению, бывшие владельцы, еще не остывшие от гнева из-за потери своей собственности, согласятся разговаривать со мной, так как им памятна моя деятельность во время войны и мое справедливое отношение к ним. Я охотно откажусь от этой тяжелой для меня поездки, и пусть исполнение этой деликатной и трудной задачи будет возложено на другое лицо. Повидимому, мои доводы убедили собрание, что в моем предложении не скрывается какая-нибудь задняя мысль, и оно решило довести до сведения правительства постановление соединенных Президиумов о желательности сделать осторожную попытку вступить в переговоры с бывшими иностранными владельцами о привлечении их к работе по восстановлению их заводов. Заседание закончилось в два часа ночи, и победа была на моей стороне.

Рано утром я уехал в отпуск на хутор на автомобиле вместе с дочерью и моим другом и учеником Г. Г. Годжелло. Интересно отметить, что расстояние от Москвы до хутора

(около 200 километров) мы покрыли в 7 часов, причем семь или восемь раз меняли покрышки шин: настолько плоха была резина наших заводов.

Через две недели после моего возвращения из отпуска, Г. Г. Годжелло и Л. Ф. Фокин, сообщили мне, что тотчас-же после заседания в Москве стали циркулировать слухи, будто я выступил с контр-революционными предложениями о реституции прав владельцев заводов, и что я являюсь как бы новым Корниловым. Но все обошлось для меня благополучно, и когда результаты общего заседания Президиумов были доложены правительству, то последнее решило командировать меня заграницу, чтобы начать переговоры с бывшими владельцами относительно восстановления их заводов.

В Президиуме ВСНХ мною был возбужден другой важный вопрос: о приведении в порядок коксобензольной промышленности. Некоторые заводы потерпели большие аварии во время гражданской войны и требовали ремонта; другие, начатые постройкой во время войны, — напр., Рубежанский завод, — были недостроены, но масса материалов, труб, соединительных частей, кранов и т. п., находились на складах коксобензольной промышленности в Донецком бассейне. Член Президиума И. Т. Смилга, согласно донесению своего представителя по топливу в Донецком бассейне, Баженова, предложил использовать вышеуказанный материал для нужд топливной промышленности. Я резко протестовал против такого предложения и просил отложить решение до следующего заседания Президиума, пока я не представлю материал, доказывающий нелепость подобного образа действий. К назначенному для этой цели заседанию я выписал из Донецкого бассейна представителей коксобензольной промышленности Лидера, Годжелло и других и с цифрами в руках доказал, что от разбазаривания наших запасов топливо выиграет лишь ничтожно, а коксобензольная промышленность, столь важная для обороны страны, на долгое время останется в полном бездействии. Оборона страны была тем козырем, который спас коксобензольную промышленность от разрушения.

В сохранении этой промышленности мне помог Ю. Л. Пятаков, который в то время занимал большое место в Донецком бассейне и в один из своих приездов в Москву, осенью 1921 года, познакомился со мной, придя в Главхим вместе с Г. Г. Годжелло, который в то время входил в состав Московской конторы коксобензольной промышленности. Я очень просил Пятакова не разрушать, а укреплять этот вид промышленности, так как ее продукция является необходимым сырьем и для красочной и военной промышленности. Пятаков произвел на меня очень хорошее впечатление своей деловитостью и напомнил о совместной моей работе с его братом, Л. Л., погибшим в Киеве во время нашествия Петлюры.

Осенью, перед моим от'ездом заграницу, ко мне явился один коммунист из Сибири, с Кузнецкого бассейна, и принес образчик соды, который он получил из соляных озер, называемых там «Петуховскими». Он рассказал мне, что эти озера имеют очень значительное количество растворенной соды, и после летнего периода, когда значительное количество воды из озер испаряется, то большие количества соды выпадают из раствора и потому ее можно собирать на берегах в осеннее время. Он сообщил мне, что, кроме этих озер, имеются еще и другие, которые тоже богаты содой. Нахождение соды в озерах не представляло новизны, но было интересно узнать, насколько чиста сода, выделяемая из Петуховских озер. С этой целью я проделал анализ доставленных образчиков, и в результате было установлено, что сода из Петуховских озер совершенно не содержит сернокислых солей, являясь в этом отношении чуть ли не единственным примером. Я сделал доклад Президиуму ВСНХ и испросил небольшие средства для организации добычи соды из Петуховских озер и для постройки там самого простого завода. Президиум согласился с моим предложением, так как при громадном дефиците соды всякие способы ее добывания, в особенности в отдаленных частях Союза, представлялись тогда вполне целесообразными. Но для отпуска средств на это производство, необходимо было постановление Совета Народных Комиссаров, и потому Богданов

предложил мне получить свидание с В. И. Лениным для личного доклада об этом деле, — тем более, что я, как лицо, вошедшее в состав правительства, должен был ему представиться.

Сговорившись с секретарем Совнаркома Фотиевой о времени приема, я, вместе с делегатом из Сибири, посетили главу советского правительства. Это была первая моя личная встреча с В. И. Лениным. Как часто случается, что фотографические снимки создают неправильное представление об их оригинале! Когда я увидел Ленина, то я не мог признать в нем ту личность, которую рисовал себе по его многообразным фотографическим снимкам. Портреты Ленина изображали скорее величественную фигуру с темными волосами, обладающую настойчивым и выдержанным характером. На самом деле к нам вышел небольшого роста человек, со светло-рыжеватой шевелюрой и небольшой бородкой; его немного раскосые глаза и выдававшиеся скулы несколько напоминали татарский тип, но по его простым манерам и по всему обращению нельзя было не признать в нем обычного русского интеллигента. Живость его глаз и речи производили впечатление, что перед вами умный человек, несомненно наделенный недюжинными способностями, не лишенный проницательности и хитрости. Во всяком случае, первое же знакомство с ним вызывало симпатию к нему, а его простота в обращении располагала к спокойному, деловому разговору.

Он принял нас в своем деловом кабинете, который входил в состав его квартиры, находившейся в здании бывших судебных учреждений в Кремле. Его квартира, кроме кабинета, состояла из двух-трех комнат и была обставлена очень простою мебелью. После того, как я и мой спутник доложили все обстоятельства дела, Ленин согласился нам помочь и велел направить дело в Совет Народных Комиссариатов. В конце доклада Ленин поинтересовался узнать от сибирского делегата о положении дела в Сибири, а мне сказал, чтобы я перед от'ездом заграницу, непременно пришел к нему, так как он хочет дать мне некоторые директивы.

Наше свидание продолжалось около 40—50 минут, и это первое знакомство с Лениным вселило в меня какую-то уверенность, что при дальнейших с ним деловых разговорах, я буду в состоянии без всякой опаски высказывать свои убеждения и взгляды. Вопрос о добыче соды из Петуховских озер в Совнаркоме был решен в положительном смысле.

Другой раз мне пришлось наблюдать В. И. Ленина в качестве председателя Совнаркома, когда разбирался, кроме одного дела, касающегося моей специальности, еще очень важный вопрос, а именно первый бюджет СССР. Здесь я убедился, что Ленин хороший председатель, умеющий схватывать сразу главную мысль докладчика и направлять обсуждение по правильному пути, не позволяя ораторам много разглагольствовать. В то время еще находился в силе Михаил Ларин-Лурье (его имя я знал по «Русским Ведомостям», где он прежде сотрудничал) и его остроумные замечания шли в разрез с предложениями составителя бюджета, Преображенского. Ленин не давал долго говорить Ларину и предоставил ему, для его второго выступления, только 3 минуты. На это Ларин заявил, что, чем больше Вы дадите мне времени для высказывания моих идей, тем значительнее будут сокращены расходы и тем сильнее выиграет бюджет в своей целесообразности. Но Ленин не хотел его долго слушать, да и в самом деле излишние рассуждения навряд-ли могли помочь финансовым операциям, когда страна имела колоссальную инфляцию и не имела ни малейшего представления о хозяйственном рассчете национализованных промышленных предприятий, находившихся при том в полном развале. Интересно было замечание Струмилина, члена Госплана по Экономической секции, что, по его статистическим подсчетам, крестьяне при советской власти платят налогов менее, чем при царском режиме. Это заявление очень обрадовало Ленина, и он принял его на веру, хотя я очень усумнился в этих данных, так как мне было очень хорошо известно, что налоги с каждой души при царском режиме вместе с земским обложением составляли не более 3-4 рублей,

при цене ржи 70—80 коп. за пуд и ситца — 12—14 коп. за аршин; при советской же власти продналог с крестьянина и другие натуральные повинности в то время были очень тягостны для крестьянина, — в особенности принимая во внимание совершенно недоступные цены на ситец, сапоги и пр.

Последний раз я видел Ленина за месяц до моего от'езда заграницу. Моя беседа с ним продолжалась более часа, и я с самого начала понял, что он знаком с моей запиской о реституции заводов. В начале Вл. Ил. спросил мое мнение о добывании спирта из фагнуса (верхнего слоя торфяников). Дело в том, что незадолго до моего приема Ленин имел доклад по поводу этого способа добывания спирта, который позволял сохранить картофель только для продовольственных целей. Этот способ был разработан проф. Мозером и В. П. Кравец, и они выпустили брошюру, в которой доказывали, что фагнус способен при обработке кислотами давать с хорошим выходом галактозу (сахаристое вещество), которая, будучи подвергнута брожению, превращается в спирт. В своей брошюре они сделали подсчет стоимости добывания спирта по новому способу и сравнили его со старым, причем оказалось, что новый способ выгоднее старого. Ленин, выслушав этот доклад (кто докладывал, я не знаю) и не запросив экспертов, положил резолюцию: «впредь картофель употреблять только для продовольствия, а добывание спирта установить по новому способу». Когда Вл. Ил. познакомился со мной ближе, то он решил спросить, что я думаю по поводу нового способа получения спирта. Эта брошюра мне уже была знакома; я проверил подсчеты, которые были в ней приведены, и убедился, что они не отвечают действительности: авторы взяли очень высокую цену картофеля, почему и получалось, что новый способ дешевле старого; кроме того, сбраживание галактозы представляет большие трудности и не всегда происходит гладко. Поэтому я мог в несколько минут доказать, что в виду недостаточности опытов, было бы преждевременно ставить получение спирта по новому способу в большом масштабе; сделанная же расценка и ее сравнение со стоимостью старого способа

вообще не выдерживает критики. Последнее обстоятельство было настолько очевидно, что Вл. Ил. вполне согласился со мной и сказал, что он даст распоряжение временно не приводить его резолюцию в исполнение. Такой подход к делу со стороны Вл. Ил., без всяких амбиций и обид, произвел на меня очень благоприятное впечатление, и я предложил В. И. во всяких затруднительных случаях по вновь возникающим химическим проблемам обращаться ко мне и, после обсуждения их в кругу экспертов, я буду немедленно сообщать ему исчерпывающее решение, как с технической, так и с экономической точек зрения. По этому случаю я понял, что могу совершенно откровенно и без опаски высказывать все свои мысли по поводу восстановления нашей промышленности.

Дальнейший мой доклад касался будущей моей деятельности заграницей и тех разговоров, которые мне придется там вести с бывшими заграничными владельцами предприятий, находящихся, главным образом, в Донецком бассейне. Дело в том, что многие заграничные промышленники хотели вести со мной переговоры по промышленным вопросам, касающимся, главным образом, химической индустрии. Так, наш торгпред в Берлине Б. С. Стомоньяков осенью 1921 года писал в Президиум ВСНХ о желательности скорейшего моего приезда заграницу, так как у него накопилось очень много химических вопросов, обсуждение которых было бы очень полезно произвести в моем присутствии. С другой стороны, приехавший из Англии наш полпред Л. Б. Красин в своем докладе Ленину, а также в Президиуме ВСНХ доказывал, что наступило время, когда мы должны вступить в переговоры и в деловые отношения с иностранными промышленниками для помощи нашей индустрии; в особенности он настаивал на отдаче в концессию Кыштымских медно-плавильных заводов, принадлежавших ранее английской компании, главным директором которой в России был Уркарт. Все эти вопросы были подняты во время моего разговора с В. И. и он предложил мне присылать ему лично рапорты из заграницы по мере того, как я буду собирать надлежащий материал и знакомиться с мнениями иностранных

капиталистов. Зная наперед, что заграницей ко мне будут обращаться мои старые знакомые и приятели, находящиеся на эмигрантском положении и враждебно относящиеся к советской власти, я спросил Вл. Ил., как мне поступать в подобных случаях. На это Вл. Ил. мне ответил, что, посылая меня заграницу с таким ответственным и деликатным поручением, советская власть вполне мне доверяет и что он мне дает carte blanche принимать кого угодно и вести с ними разговоры на разные темы, конечно, соблюдая надлежащий такт. Я заметил себе все мысли и замечания, которые Ленин сделал по различным возбужденным мною вопросам; при прощании он сказал мне, чтобы во всех затруднительных случаях я незамедлительно обращался лично к нему, — если нужно, даже телеграфировал.

Это была моя последняя встреча с Лениным, и мне не суждено было более разговаривать с ним вследствие наступившей его болезни, хотя, как увидим далее, во время облегчения его недуга, после моей вторичной поездки заграницу в 1923 году, он выразил желание, чтобы я совершенно за-просто навестил его вечерком и за чашкой чая рассказал ему мои мысли и заграничные впечатления.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В Госплане осенью 1921 года шла текущая работа по анализу всех отраслей промышленности, причем нам, членам Госплана, приходилось делать доклады о данном состоянии производства и о планах его дальнейшего развития. Конечно, я не в состоянии рассказать здесь, хотя бы и бегло, обо всех заседаниях Промышленной Секции Госплана, но могу сказать беспристрастно, что в общем эта работа была необходима и позволила наметить те меры, которые было необходимо при-

нять, чтобы направить развитие промышленности по верному пути. Но, конечно, во время этой работы критикам не из промышленного лагеря пришлось многому научиться и отказаться от своих фантазий. В качестве примера я расскажу историю обсуждения в Госплане вопроса о концентрации резиновой промышленности.

Во время войны, при эвакуации из Риги различных заводов, оборудование завода фирмы «Треугольник» было перенесено в центр России, но за недостатком сырья завод бездействовал во время первых лет революции. Петроградский завод «Треугольник», самый большой из резиновых заводов, все время продолжал свою деятельность, но в виду недостатка сырья, конечно, принужден был сократить свое производство. В Москве находился третий резиновый завод фирмы «Богатырь», производительность и оборудование которого были гораздо слабее, чем у «Треугольника». М. А. Ларин, который по назначению правительства принимал большое участие в трестировании промышленности, но никогда не бывал на указанных заводах и не имел представления об их оборудовании, сделал заявление в Госплане, что Главхим неправильно трестирует эту промышленность и что необходимо перенести весь завод «Треугольник» из Петрограда в Москву на «Богатыр» и образовать только один завод. Мне не раз приходилось бывать на обоих заводах и я отлично знал, какое оборудование имеется на обоих заводах. Мне не трудно было разбить предложение Ларина указав, что его предложение связано с постройкой нового завода в Москве, так как оборудование «Треугольника» ни в коем случае не может быть установлено на «Богатыре» в виду отсутствия на его территории подходящих высоких зданий.

Другой случай с выступлением Ларина в промышленной секции Госплана был еще более скандальным. Ему был кем-то прислан донос на неправильное распоряжение Главхима по поводу трестирования жировой промышленности. Вместо того, чтобы передать его мне для ответа, Ларин внес его прямо в заседание Секции со своим нелепым заключением. Я попросил

позволения приготовить исчерпывающий ответ на это заключение к следующему заседанию и получил на это согласие. По проверке оказалось, что приведенные в доносе данные представляют сплошную неправду. Чтобы не ставить Ларина в сугубо глупое положение в Промышленной Секции, я послал ответ Главхима ему лично с предложением взять обратно его заявление из Промышленной Секции. Дело, возбужденное Лариным, больше в Секции не разбиралось, и, насколько я помню, Ларин вообще больше не выступал в Госплане, — во всяком случае не выступал по химическим вопросам.

В Главхиме в то время шла очень большая работа по трестированию промышленности. Вместо бывших «главков» учреждались тресты, об'единяющие по несколько заводов, расположенных близко друг от друга, которыми можно было легче управлять и снабжать сырьем. Необходимо было организовать правления этих трестов, выбрать председателей и членов и урегулировать всю финансовую сторону. Избрание членов правления представляло иногда громадные затруднения, так как необходимо было их назначение согласовать с Президиумом ВСНХ, а также с профессиональным союзом химиков. Были такие примеры, что профсоюз отводил какого-нибудь члена правления, но при таком условии председатель треста не соглашался взять на себя управление трестом.

В особенности много затруднений встретилось с образованием Анилино-Красочного Треста, бывшего главка «Краска». Во главе прежнего главка находились приват-доцент Московского Университета Николай Александрович Козлов и Берков, бывший служащий в правлении филиала немецкой фирмы Бейер и Ко., главное управление которой находилось в Германии в Леверкузене около Кельна. С Козловым я познакомился уже во время революции, так как он предложил мне участвовать в заседании технического Совета, куда были приглашены также и другие профессора. Он произвел на меня впечатление очень энергичного человека, немного самонадеянного, очень молодого (ему было около 30 лет). Беркова я, как было упомянуто выше, знал во время войны, когда он, вместе с присяж-

ным поверенным Голдовским (юрист-консульт Бейера и Ко.) и членом Госуд. Совета Стишинским, посетил меня по делам реквизированного Московского завода красок, принадлежавшего фирме Бейер. По моему мнению, Берков был очень толковым человеком, способным вести коммерческие и финансовые операции треста. Главхим предложил кандидатами в Анилтрест следующих лиц: председателем — Н. А. Козлова, коммерческим директором — Беркова и членами правления — коммунистов Ильина и Эйхмана. Профсоюз заявил протест против назначения Беркова вместе с Козловым в Анилтрест; пришлось потратить много времени, пока не было достигнуто соглашение. Дело в том, что без Беркова Козлов не соглашался вступить в должность председателя.

Впоследствии оказалось, что профсоюз химиков был прав, возражая против назначения Беркова: года через два и Козлов, и Берков были преданы суду за нечестное ведение дела и мне пришлось выступать на суде в качестве свидетеля.

Из всех трестов, сформированных Главхимом, только этот один оказался неудачным. Оправдание в неудаче выбора правления треста можно было найти в трудности найти подходящих людей, так как производства красок к началу революции в России совсем не существовало, и все краски ввозились из Германии, примерно, на 80 миллионов рублей. Когда таможенный тариф на краски был сильно поднят, чтобы содействовать развитию национальной промышленности, то немцы, чтобы не потерять русский рынок, с'умели найти зацепки для обхода неумело составленного тарифа. Немецкие фирмы Байер, Фарбверке и Баденская анилиновая фабрика построили в Москве небольшие фабрики для приготовления красок, необходимых текстильной промышленности. Но главное производство в изготовлении красок составляет приготовление полупродуктов из сырых материалов, пошлина на которые была оставлена очень низкая, и потому немцы могли привозить в Россию полупродукты и посредством простой операции смешения получали необходимые краски. Перед нашим Анилино-Красочным Трестом стояла трудная задача наладить

изготовление основных полупродуктов надлежащего качества и с хорошими выходами. Во время революции в СССР совсем не было специалистов, которые могли бы поставить их производство, и Главхиму волей-неволей пришлось поставить во главе этого дела Козлова, хотя его молодость и неопытность несомненно порождали большие сомнения в его пригодности. Собственно говоря, в этом тресте был только один специалист — Роберт Карлович Эйхман (из волжских немцев), который долгое время был на службе в фирме Фарбверке и знал практически производство некоторых красителей; на его работу и было все упование со стороны Главхима.

К осени 1921 года организация трестов была закончена и им было предоставлено гораздо больше прав, чем бывшим главкам, — в особенности в отношении финансовых дел, так как они должны были работать на хозяйственном рассчете.

С введением НЭП'а возник важный вопрос об организации правильного функционирования Государственного Народного Банка, который должен был кредитовать промышленность. Для этой работы был приглашен старый финансист Н. Н. Кутлер, а директором Банка был назначен коммунист Шейнман, которому также была известна банковская деятельность, так как его отец имел банкирскую контору в Москве.

В Госплане разбирался также очень интересный вопрос о соотношении между заработной платой и количеством выработанной продукции. Один инженер-электрик Вашков, консультант Промышленной Секции Госплана, подсчитал, сколько производил в то время на заводе рабочий и сколько ему за это платило советское правительство; в заработную плату входило также и все натуральное довольствие и квартира, которые рабочий получал, причем все это было перечислено в золотые довоенные рубли. При сравнении оказалось, что производительность советского рабочего получается очень низкая по сравнению с довоенным рабочим, потому что рабочий пропорционально получает меньше заработанной платы. Этот подсчет не очень понравился начальству, и Вашков получил предостережение быть осторожнее в своих вычислениях.

В Президиуме ВСНХ был подвергнут обсуждению весьма серьезный вопрос, который был внесен по предложению самого Ленина. Дело заключалось в том, что американский коммунист Рид, большой приятель Ленина, сделал предложение относительно приезда американских рабочих из Соединенных Штатов со своим инструментом для производства работ в угольном районе Кузнецкого бассейна в Сибири, — главным образом, чтобы пустить коксовые печи для получения кокса и улавливания газов с целью добычи аммиака и ароматических углеводородов бензола, толуола, нафталина и пр. Рид имел намерение вести пропаганду в Америке относительно благоприятных условий работы в Советской России с целью, конечно, водворения в Соед. Штатах коммунистических начал. Как было указано выше, в Кузнецком бассейне во время войны мы стали развивать коксобензольное дело, и к концу войны первая батарея печей была уже почти готова, но во время гражданской войны все работы были приостановлены. Опытные рабочие из Америки да еще со своим инструментом, несомненно, помогли бы наладить в кратчайший срок эту важную отрасль промышленности и, казалось бы, Президиум должен был пойти навстречу этому предложению. Но при обсуждении оказалось, что в Россию приедут совсем не опытные рабочие и не инженеры, а какие-то случайные рабочие, ищущие хорошего заработка и, как говорили тогда, больше специалисты по портняжному делу, чем по коксобензольной промышленности. Мне лично, по поручению Президиума, пришлось говорить с представителем этой группы (Мр. Риддер), и я очень скоро убедился, что он не имеет ни малейшего понятия о том деле, за которое он и его группа берутся.

Обсуждение этого вопроса заняло два заседания и член Президиума Людвиг Карлович Мартенс, только что вернувшийся из Соед. Штатов, которому была известна вся подкладка дела, сообщил Президиуму, что эта группа рабочих вовсе не специалисты, а авантюристы, бывшие русские эмигранты, которые не прочь кое-что заработать в другой стране, так как в Америке в то время были плохие заработки. Мартенс был

идейным коммунистом, получившим образование в России, в Техническом Коммерческом Училище; он долго жил в Америке и прекрасно владел русским, немецким и английским языками. При первом же знакомстве он произвел на меня впечатление серьезного и правдивого человека, и я никогда не изменил о нем этого мнения; я скоро убедился в том, что он вступил в коммунистическую партию по своему глубокому убеждению, а не из-за каких-либо корыстных целей. Мне придется не раз вспоминать о деятельности его, когда он был приглашен мною в НТО. Я знаю, что по приезде из Америки, откуда он был выслан в 1921 году, как опасный коммунист, он доложил подробно Ленину о своей работе в Америке и после этого он, вместе со мной, был назначен членом Президиума ВСНХ.

Когда возник вопрос о приглашении американских рабочих, Ленин снова вызвал Мартенса. В заседании Президиума Мартенс сообщил, что он сказал Ленину о нерациональности приглашения рабочих не-специалистов на такое ответственное дело. Присутствовавший на заседании член Президиума Куйбышев, наоборот, твердо стоял на том, что необходимо исполнить желание Ленина и сделать этот опыт. Председатель Президиума Богданов, желая угодить Ленину, не очень возражал Куйбышеву и воздержался от подачи своего голоса; все остальные члены Президиума голосовали против приглашения подобных рабочих, сознавая, что от этой авантюры не будет пользы ни для промышленности, ни для пропаганды. Несмотря на такое решение Президиума ВСНХ, Ленин все же решил, что для пропаганды коммунизма необходимо пригласить около 300 человек рабочих из Соед. Штатов. Мне, как начальнику Главхима, пришлось иметь много разговоров с представителем этой группы относительно организации работ в Кузнецком бассейне, и уже с самого начала было видно, что дело будет идти черепашьим шагом, неумело, и что мы не получим желаемых результатов. Через год или 1½ пришлось послать особую комиссию инженеров из Главхима и треста Коксобензола для обследования причин аварий с коксовыми печами и плохого

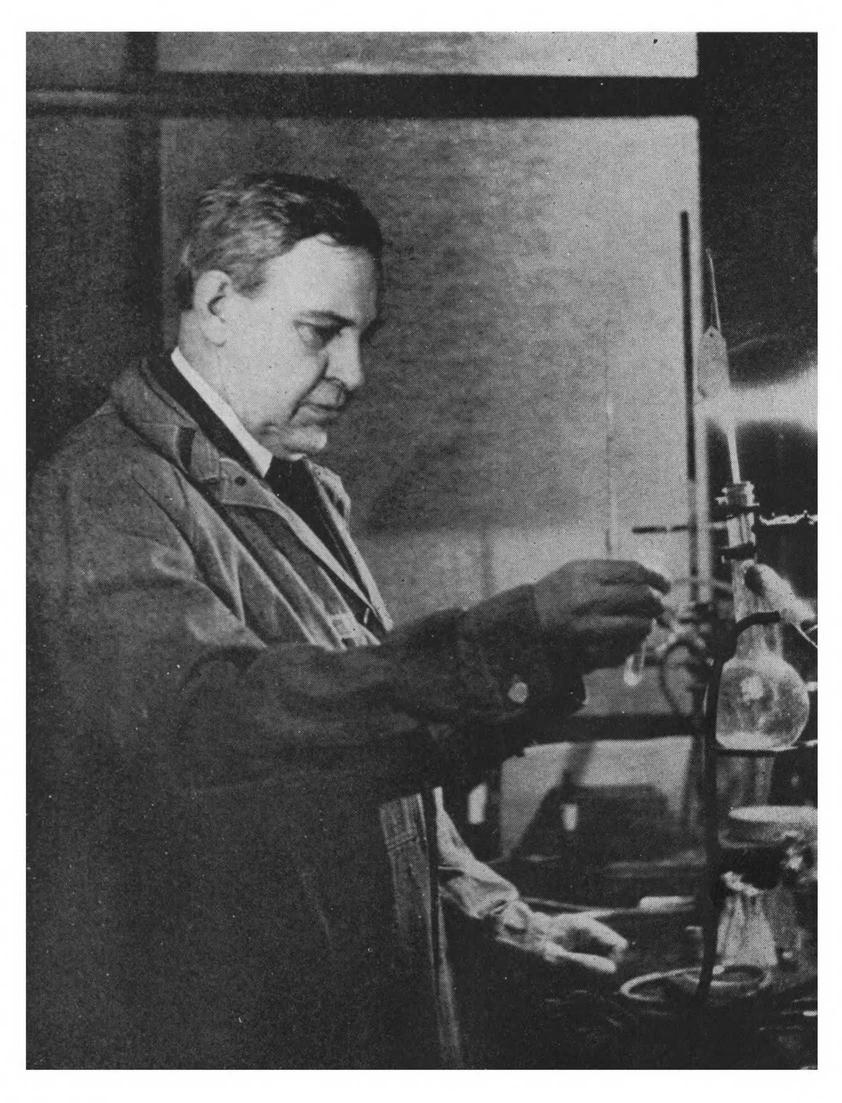
качества получаемого кокса. Комиссия обнаружила безобразное ведение производства, вследствие чего произошла порча коксовых печей, и констатировала плохие качества получаемого кокса. Вскоре пришлось ликвидировать всю эту затею и передать все коксовые печи в ведение треста, и только после этого было налажено первое в Сибири коксобензольное производство.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С КРАСИНЫМ

Другой серьезный вопрос был поднят в Президиуме Смилгой и касался вопроса об упорядочении внешней торговли. Как известно, с приходом к власти большевиков была введена монополия внешней торголи. Никто не мог покупать заграницей товаров или продавать свои без разрешения комиссариата Внешней Торговли, во главе которого был поставлен Леонид Борисович Красин, старый большевик и инженер-электротехник, друг Ленина и Кржижановского. Когда в 1921 году Англия признала Советскую Россию, Красин был назначен полномочным представителем (полпред) и наладил торговлю с Англией, учредив в Лондоне торговое представительство. Одновременно было организовано Торгпредство и в Германии. Такие торговые представительства СССР образовывались в тех странах, которые стали признавать де-юре (de jure) Советское правительство.

Красин часто приезжал в Москву и делал различные предложения правительству, чтобы завязать широкие торговые сношения с различными странами Европы. Одно из таких предложений касалось заказа в Швеции паровозов, изготовление которых в России почти совершенно прекратилось, а разрушенный транспорт требовал немедленного приведения его в порядок, как со стороны пути, так и подвижного состава. Красин не додумался ни до чего лучшего, как дать

В. Н. Ипатьев в лаборатории в Riverside
Universal Oil Products Co.
(1933 г.)

заказ промышленникам той страны, в которой не существовало производства паровозов. Но он доказывал, что заказ надо дать в Швеции, так как благодаря ему мы можем вступить в дипломатические сношения с этой страной, что будет очень важно для престижа советской власти. Ленин согласился с Красиным, и русское золото потекло в Швецию, чтобы там основать новое производство. Во главе этого дела был поставлен не безизвестный инженер путей сообщения Ломоносов, который лично представился Ленину и заверял его, что он всей душой сочувствует коммунизму. Ломоносов был командирован в Швецию, и под его наблюдением был выполнен заказ паровозов. Несмотря на свои симпатии к коммунизму, в СССР он не возвратился (я его видал в Германии).

Я помню, как многие передовые рабочие были возмущены заказом в Швеции и открыто заявляли: дали бы нам хоть часть нашего жалованья в золотых рублях, и мы бы день и ночь работали, чтобы восстановить паровозное хозяйство. До войны мы изготовляли в год более 1000 паровозов, но в 1921 году число их упало до ничтожных размеров и, конечно, не могло покрывать убыли паровозов.

В 1921 году Л. Б. Красин приехал в Москву и сделал доклад в Президиуме ВСНХ о своей деятельности заграницей, а в особенности в Англии, касающейся налаживания деловых сношений с фирмами, которые имели дело с Россией до и во время войны. Как сейчас я вспоминаю его речь, в которой он старался показать, что крупные промышленники, имевшие дело с Россией, ждут не дождутся, когда можно будет снова приступить к налаживанию промышленных дел с Советской Россией, и что они обивают пороги Аркоса в Лондоне, чтобы добиться свидания с ним и сделать очень выгодные для Союзов предложения. Дело в том, что еще до НЭП'а Совнарком под председательством Ленина издал декрет, которым разрешалось давать концессии иностранцам для установления разнообразных производств, а также и для разработки добычи руд и полезных ископаемых. Этот декрет, несомненно, имел в виду, с одной стороны, привлечение иностранных капиталов, а с

другой стороны, и искусных инженеров, у которых могли бы учиться молодые русские инженеры, так как предполагалось, что во всех этих концессиях советские тресты будут принимать также широкое участие. По этому декрету предполагалось создавать особые смешанные общества на половинных началах. Декрет о концессиях всколыхнул аппетиты иностранцев, и с тех пор началось паломничество многих иностранных промышленников и предпринимателей в Москву для изучения условий, на которых можно было бы получать подобные концессии. Заранее можно было предсказать, что из этих декретов ничего путного не выйдет, так как солидные фирмы вряд-ли решатся снова вкладывать капиталы в страну, где царствует невозможная бюрократическая волокита, которая в корне убивает всякое здоровое дело. В результате, в концессию была сдана только разработка золотых приисков в Сибири, на Лене, английской фирме Голдфильдс. Кроме этой, были сданы две-три мелкие концессии в роде: подшипниковой и карандашной, но они просуществовали очень недолгое время. Что-же касается концессии золотых приисков на Лене — Голдфильдс, то она кончилась ранее срока; долгое время шли споры относительно нарушения большевиками условий концессии, вследствие чего компания терпела большие убытки. В конце концов было достигнуто соглашение очень невыгодное для концессионеров, при чем они согласились получать свои деньги в продолжении двадцати лет небольшими суммами.

В Президиуме ВСНХ Красин сообщил о своих переговорах с английской фирмой, которая до революции имела большие заводы в Кыштыме на Урале для добывания меди посредством ватержакетных печей, которые мне удалось видеть во время войны 1914 года, когда я ездил на Урал по делу взрыва динамитного завода. Эту фирму возглавлял известный инженер Уркарт, который прожил в России долгое время и много сделал для развития медной промышленности в различных странах света. Красин указал, что нам не придется платить за убытки, которые понесла фирма Кыштымских заводов во время революции, и что Уркарт обещал вложить свои капиталы для

приведения завода в полный порядок. Он гарантировал определенную поставку меди советскому правительству, а часть продукции меди и серебра будет вывозить из СССР для покрытия расходов по производству и как прибыль от предприятия.

Перспективы, нарисованные Красиным были очень заманчивы; складывалось впечатление, что наше положение в Европе стало улучшаться и что в деловых иностранных кругах появился интерес вступить с советами в переговоры о возможности арендовать бывшие их заводы. Но когда, после заседания Президиума, мне пришлось беседовать с П. А. Богдановым, то П. А. ответил мне, что доброй половине того, о чем рассказывал Красин, он не верит и сомневается, что Уркарту так легко удастся получить концессию на выработку меди. Доклад о медной концессии на Урале был сделан Красиным в Совнаркоме под председательством Ленина и после дискуссии было предложено Красину в Лондоне вести дальнейшие переговоры с Уркартом и разрешить последнему приехать в Москву для знакомства с Лениным, а также посетить Урал для ознакомления с состоянием его бывших заводов.

Во время этого приезда Красина в Москву я должен был ему представиться и переговорить с ним о моей поездке заграницу и о моих планах относительно восстановления нашей советской промышленности при участии бывших иностранных владельцев, как это было изложено мною в моей докладной записке. Красин знал мою фамилию по моей деятельности во время войны, а также потому, что одно время я был приглашен консультантом по пороховым и взрывчатым делам в большую компанию Барановского, где он был членом правления. Один раз мне пришлось видеть его в заседании по поводу снабжения Тамбовского порохового завода соответствующим двигателем внутреннего сгорания. В то время Красин стоял во главе снабжения Красной Армии в самый разгар гражданской войны в 1919 году. Когда теперь я явился к нему с докладом по делу моей поездки заграницу, то заметил, что он забыл о знакомстве со мной; здороваясь он выразил удовольствие со мной познакомиться ближе и сказал мне, что он ознакомился с моей

запиской и вполне одобряет мои планы, но дал понять, что мои действия должны быть согласованы с ним и что моя штаб-квартира должна быть в Лондоне, откуда я могу раз'езжать по другим странам. Он прибавил, что очень хорошо, что я являюсь кавалером командорского Ордена Почетного Легиона, так как это может помочь в моих переговорах с французскими и бельгийскими промышленниками. В беседе со мной Красин был очень любезен и прост в обращении, без всякого бюрократического чванства. Он быстро усвоивал высказываемые мною мысли. Наш часовой разговор о различных вопросах, касающихся нашей промышленности, был для него крайне полезен, так как он не имел времени познакомиться с развитием промышленности после введения НЭП-а.

Во время нашей беседы политические вопросы не были затронуты, но по некоторым его фразам можно было понять, что он был марксистом. Как известно, Красин еще до войны принадлежал к партии большевиков, был в хороших отношениях с Лениным и Горьким и, благодаря своим связям, умел доставать деньги для партии. В то время у Красина секретарем был А. Ю. Горожан, с которым мне пришлось познакомиться еще во время войны и ближе сойтись во время революции. А. Ю. Горожан был инженер-технолог, химик, окончивший Петербургский Технологический Институт чуть ли не одновременно с Красиным, с которым он был на «ты». Он был также приятелем с профессором М. М. Тихвинским, а также знаком с Л. Ф. Фокиным. Состоял ли он в большевистской партии или нет я не знаю, но он несомненно помогал им во многих делах, а в особенности по изготовлению взрывчатых веществ, — главным образом, пикриновой кислоты и динамита. Ленин знал его фамилию, потому что во время моего с ним свидания Ленин спросил меня, хороший ли химик Горожан, на что я ему ответил, что он способный химический инженер и что я имел с ним много дел во время войны. Красин вскоре уехал в Англию и я увидался с ним уже в Лондоне, куда я приехал в конце декабря 1921 года.

В Президиуме ВСНХ вопрос о монополии внешней тор-

говли был обсуждаем со всех точек зрения; особое внимание было обращено на организацию более быстрой и экономной закупки заграничного оборудования для наших заводов. В виду того, что полпредства заграницей не могли иметь достаточного количества сведующих инженеров по всем отраслям промышленности, легко могло случиться, что будет заказано не то оборудование, которое требуется для данного треста. Конечно, тресты могли командировать своих экспертов в помощь торгпредству, но все-таки решающий голос будет принадлежать торгпредству, в особенности, если принять в соображение, что заграничная кон'юнктура ему будет гораздо лучше известна, чем прибывшему инженеру треста. С другой стороны, имея в виду громадную нужду в дорогом иностранном оборудовании, советское правительство не могло разрешить трестам свободно закупать заграницей необходимые им машины, так как мы не имели для этого достаточного количества валюты. Положение финансов СССР к концу 1921 года находилось в очень печальном состоянии, и наш золотой рубль оценивался в 100,000 советских рублей, а золотой запас дошел до очень малой суммы. Во избежание проволочек и бюрократизма, в Президиуме ВСНХ был поднят вопрос также о слиянии торговли и промышленности в один комиссариат, — подобно тому, как это имело место в нашем хозяйстве до войны при царском режиме. После двух заседаний, посвященных этим вопросам, Президиум единогласно вынес решение о целесообразности слияния комиссариатов ВСНХ и Внешней Торговли в один и о предоставлении трестам права делать в известных пределах закупки оборудования на заграничных рынках в виду крайней необходимости быстро восстановить нашу промышленность. Наибольшим защитником этой реформы являлся И. Т. Смилга. Постановление Президиума было отправлено в Совнарком, где, как увидим ниже, оно было отменено.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОЯ ПОЕЗДКА ЗАГРАНИЦУ С МИССИЕЙ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА

11-го декабря 1921 года, получив разного рода инструкции и поручения я выехал из Москвы заграницу. Мой путь лежал на Ригу, так как в то время не было налажено удобного сообщения через Польшу. Я ехал заграницу в подавленном настроении духа и не имел радужных надежд. Я был представителем побежденной страны и членом нового советского правительства, к которому относились тогда почти что с презрением, — и, кроме Германии и Англии, оно нигде не было признано. Но мое самолюбие должно было отступить на задний план. Желание помочь своей стране выбраться из тяжелого экономического положения придавало мне энергии выполнить возложенное на меня поручение.

Как члену правительства, мне дали особый дипломатический паспорт, но так как транспорт находился в печальном состоянии, то я получил место в купэ мягкого вагона, где, кроме меня, помещались еще три пассажира, из которых два оказались «американцами», а третьим был наш советский служащий, командированный от треста Главщетины для продажи щетины в Америке; этот товар мы экспортировали в Соединенные Штаты в довоенное время. Два мои соседа — «американцы» были евреи из России, уехавшие в Америку перед самой войной и потому хорошо говорившие по русски. Один из них приезжал в Россию, чтобы ангажировать хорошую балерину для зимнего сезона в Соединенные Штаты. Когда я ему упомянул о балерине Е. В. Гельцер, двоюродной сестре моей жены, то узнал, что он ее видел и говорил с ней, но, что она по своему репертуару не подходит для вкусов, царящих теперь в балетном мире Америки.

Насколько в 1921 году все было не налажено, можно судить по тому, что никому из пассажиров не выдавалось на ночь постельного белья, и только мне, в уважение моего положения, была дана одна простыня и подушка без одеяла, так

что ночь до Риги пришлось спать нераздетым. В Риге на советском открытом автомобиле я был доставлен в торгпредство, при котором находилось общежитие для советских служащих; в виду того, что все комнаты были заняты, первую ночь мне пришлось спать в проходной комнате без особых удобств. Я пробыл в Риге три дня и, конечно, заметил громадную разницу в настроениях, которые царили в Латвии по сравнению с нашими, советскими. Мне пришлось посетить моего хорошего знакомого г. Товбина, находившегося в связи с заводом Шеринга в Германии. У него я встретил инженера (латыша) Венгера, который был одним из технических директоров Тентелевского Завода и с которым мне пришлось иметь дело во время войны. Венгер за свои заслуги по Тентелевскому Химическому заводу и за долгую службу получил большую денежную награду и решил отдохнуть и поправить свое расшатанное во время войны здоровье. Втроем мы провели очень приятный вечер, вспоминая о пережитом во время войны и революции. Из Риги я выехал в Берлин уже в международном спальном вагоне со всеми удобствами и через полтора суток прибыл в Берлин. Под'езжая к Берлину, я разговорился с одним англичанином, пассажиром соседнего купэ, который долго жил в России и хорошо говорил по русски. Он имел в настоящее время дело в Риге и ехал в Лондон. Это был мой первый разговор заграницей на политические темы, и так как я довольно пессимистически смотрел на будущее моей родины, то он старался меня успокоить и предсказывал мне в недалеком будущем полное восстановление России, к которой он имел большую симпатию и верил в ее будущее могущество. Было очень приятно слушать подобные мысли от иностранца, в особенности от англичанина.

Так как мне рекомендовали в Берлине остановиться в Kurfürst Hotel, который находился около Zoologischen Garten, то я по окружной дороге добрался до Цоо и поехал в указанный отель на дрожках. Но в то время в Берлине было такое переполнение гостинниц, что нигде не было ни одной свободной комнаты. Мы перебывали в нескольких отелях, но все было

напрасно: я везде получал отказ, и был в ужасном затруднении.Меня выручил мой возница, который предложил поехать в маленький отель на углу Нюренбергер- и Курфюрстенштрассе. Здесь мне предложили комнату, которая предназначалась вероятно для прислуги, т. к. она была до того мала, что могла служить только для спанья, но никак не для того, чтобы проводить в ней день; в ней были только кровать и стул, на котором был кувшин с водой и таз. Но я рад был и такому помещению, тем более, что мне было предложено писать письма, читать и завтракать в особом салоне. Так как Товбин мне дал адрес в Берлине другого инженера Вайнова (эстонца), служащего на заводе Shering'a, который ранее революции работал на филиальном заводе Shering'a в Москве, то я не замедлил тотчас-же позвонить ему по телефону. Он очень обрадовался моему приезду в Берлин, и пригласил меня в тот-же день обедать с ним в русском ресторане Форстера. Когда он, заехав за мной, увидал, в каких условиях я был принужден жить, то он тотчас-же пообещал мне на другой день устроить меня в хорошем отеле Fürsthof Hotel на Potsdamer Platz'e, где у него был очень хороший знакомый, один из директоров этого отеля. Впоследствии я узнал, что отель, в котором я остановился по совету моего возницы, вовсе не предназначался для обслуживания приезжающих по делу людей, а служил только для любовных ночных свиданий; мне дали уединенную маленькую каморку, предназначенную действительно для прислуги, чтобы веселые ночные гости, приезжающие для развлечения, не мешали бы мне спать и своим весельем не внушали бы мне каких-либо подозрений относительно приютившего меня отеля. Вайнов на другой же день исполнил свое обещание, и я перебрался через два дня в один из лучших отелей в Берлине.

Тотчас-же по приезде в Берлин я явился в Торгпредство, которое помещалось в то время на Lützov Ufer. Во главе Торгпредства в то время стоял Борис Спиридонович Стомоньяков; его ближайшим помощником был Старков, инженер-электротехник, женатый на сестре Г. М. Кржижановского. Это

был очень обходительный человек, знающий свое дело, спокойного и очень общительного характера. Я не знаю, был ли он партийным, но во всяком случае он очень сочувствовал коммунизму и пользовался большим доверием в партийных кругах. Мне пришлось выяснять с ним все денежные дела, так как мой акредитив был на Лондон, и Берлинское Торгпредство могло дать мне деньги только взаимообразно. Деньги--же мне были крайне необходимы, так как надо было заказать себе приличное одеяние, ибо мой костюм, в котором я приехал заграницу, был совершенно неподходящ для появления на официальных приемах. На мое несчастье, в то время в Берлине нельзя было достать никакого костюма или пальто, а портные соглашались исполнить заказ не ранее, как через 2 или 3 месяца. Мои затруднения усложнялись еще тем, что я приехал в Берлин незадолго до Рождества.

Мое первое впечатление относительно Берлина было не в его пользу; он был гораздо неопрятнее по сравнению с довоенным временем. Публика на улицах была одета очень не важно, хотя в магазинах имелось достаточное количество товаров и цены не были высоки. Доллар тогда котировался около 50 марок, и для иностранцев, имеющих хорошую валюту, жизнь была недорога. Нужду испытывали, главным образом, чиновники и мелкие служащие, получавшие очень маленькое жалованье. Мне приходилось не раз слышать от мастеров в парикмахерской, что для них создались очень трудные условия жизни; заработок едва хватал только на одно пропитание.

Во время моего первого свидания со Стомоньяковым выяснилось, чем я мог быть полезен в Берлине для Торгпредства. Сам Стомоньяков, болгарин по происхождению, но получивший образование в России и потому прекрасно говоривший по русски, представлял из себя типичного министерского чиновника, строго исполнявшего приказания начальства. Он был подчинен непосредственно Красину и от него получал все директивы. Мне было поручено вести переговоры с немецкими фирмами, которые выразили желание получить концессии в СССР. В помощь мне был приставлен инженер Макодзюб, слу-

живший в Торгпредстве, специалист по лесному делу и до революции работавший в большой русской фирме по продаже леса в Англию. По своим политическим убеждениям он был социалистом-меньшевиком; очень скромный и даже боязливый человек, исполнительный и корректный в обращении, но совершенно не способный на какую либо инициативу. В химической промышленности он понимал очень мало, да мне и не надо было от него особой помощи, так как я мог свободно разобраться сам во всех предложениях, касающихся химических концессий, заявленных немецкими промышленниками.

Первые переговоры мне пришлось вести с большой немецкой фирмой Bayerishe Stickstoff Werke, которая занималась, главным образом, производством кальций-цианамида, имевшего большой спрос, как в Германии, так и заграницей, в качестве хорошего азотистого удобрительного средства. Во главе этого дела стоял д-р Никодем Каро, почетный профессор, который, работая вместе с д-ром Франк, еще перед войной открыл способ получения кальций-цианамида. Старый Франк умер, и Н. Каро, вместе с сыном Франка, возглавляли указанную фирму. В то время Каро имел партнера, очень молодого, но очень делового, Михаел, которому очень хотелось завязать сношения с Советской Россией.

Bayerishe Stickstoff Werke имели несколько заводов, изготовляющих, главным образом, кальций-цианамид, но кроме него они изготовляли также и другие неорганические соединения, азотную кислоту, аммиачную селитру, цианистые соединения и пр. Кальций-цианамид для своего приготовления требовал сначала получения кальций-карбида, который готовился в электрических печах из извести и угля при высоких температурах, а затем через кальций-карбид при известной температуре (около 900-1000 град.) пропускался азот, и в результате получался кальций-цианамид. Патент на это изобретение принадлежал Франку и Каро, и они утилизировали его не только в Германии, но продавали лицензии и для других стран. В других странах, как, например, в Швеции, существовали другие патенты для изготовления этого важного продукта,

но, конечно, достоинство каждого способа определяется его экономичностью и расходом энергии на каждую весовую единицу связанного азота. Хотя патент на изготовление кальций-цианамида принадлежал Франку и Каро, но мне пришлось слышать от многих в Германии, что первое наблюдение над поглощением азота карбидом кальция при высокой температуре было сделано в лаборатории Франка их ассистентом. В энциклопедии Ульмана определенно указывается имя химика, которому по праву должна была бы принадлежать честь этого открытия. Я не имею ввиду анализировать этот эпизод, — это должно быть сделано людьми, занимающимися историей развития химических процессов; но я счел нужным сообщить об этих слухах, чтобы указать, что маленькие химические люди, вероятно, нередко подсказывали замечательные наблюдения своим руководителям и хозяевам, которые из честолюбия скрывали историю того или другого открытия, приписывая себе полностью эту заслугу. Развитие производства кальций-цианамида в Германии обусловливалось тем обстоятельством, что при разложении его водяным паром под давлением азот из него выделялся в виде аммиака; этот аммиак в присутствии катализатора платины, можно было воздухом окислять в азотную кислоту, требование на которую во время войны было громадным, так как она являлась главным продуктом для изготовления взрывчатых веществ и пороха. Кроме того кальций-цианамид может быть использован также и для получения ядовитых цианистых соединений.

Как было указано выше, в России во время войны Химический Комитет приступил к постройке в Юзовке первого завода каталитического окисления аммиака воздухом и в то-же время разрабатывал проект завода кальций-цианамида. Прекращение войны и гражданская война помешали выполнению этих задач, но обе эти проблемы не переставали интересовать нас, и потому представлялось крайне интересным воспользоваться моим пребыванием в Германии и ознакомиться с этими процессами на заводах Bayerishe Stickstoff Werke. Я не переставал настаивать перед Президиумом ВСНХ, что наша

главная химическая задача на ближайшее время состоит в постройке заводов связанного азота, т. е. получения аммиака из элементов водорода и азота (способ Габера), а также и кальций-цианамида, который может быть употреблен в качестве удобрительного средства в мирное время; в военное-же время он может служить также и для получения аммиака, а, следовательно, и азотной кислоты.

Первое свидание мое с Каро состоялось вечером в присутсвии Макодзюба в его конторе. Здороваясь со мною, он начал сразу говорить по русски на вполне понятном диалекте, и об'яснил мне, что его отец до войны жил в Лодзи и был там довольно продолжительное время болгарским консулом, а потому Каро и научился русскому языку еще в детстве, и так как он любил читать русскую литературу, то он не утерял способности говорить и понимать по русски. Это в значительной степени облегчило мои переговоры с Каро, и Макодзюб с этой точки зрения был совершенно не нужен, но его присутствие было очень полезно, чтобы записать весь разговор по русски и по немецки, и немецкую копию представить в Bayerishe Stickstoff Werke.

Д-р Каро с самого начала заявил мне, что со мной он уже познакомился в Лондоне на 7-ом Международном Конгрессе по чистой и прикладной химии в 1909 году, где он впервые делал доклад о получении кальций-цианамида. Он был со мной очень любезен и заявил мне, что он, совместно со своим компаньоном Michael, был бы очень рад начать работу в России, так как он находил, что Германия и Россия должны находиться в дружбе ввиду многих общих интересов. Я с своей стороны указал ему, что немецкая техническая помощь для нас является крайне необходимой и перечислил те насущные вопросы, которые наиболее интересуют в настоящее время СССР. На прощанье он сказал, что он подумает о всех возбужденных мною проблемах и постарается в самом ближайшем времени устроить новое свидание и познакомить меня со своим компаньоном. В заключении он заявил мне, что он очень ценит мои работы по катализу и высоким давлениям и считает, что

они сделали эпоху в химии, так как с моей легкой руки стали применять высокие давления также и в промышленности.

После моего приезда в Берлин я позвонил в Далем, в Кайзер Вильгельм Институт, к профессору Ф. Габер, с целью узнать, когда я мог бы его повидать. Дело в том, что я по своей натуре был очень застенчивым человеком и никогда не напрашивался на знакомство. Но перед моим от'ездом заграницу я виделся с А. Е. Мозером, профессором Московского Технического Училища, который только что вернулся из заграничной командировки и сообщил мне, что Габер, узнав от него, что я скоро буду в Берлине, просил его сообщить мне, чтобы я непременно заехал к нему. На мой телефонный звонок проф. Габер любезно ответил мне, что будет очень рад видеть меня в этот-же день, в 6 часов вечера, и указал мне подробно маршрут в его Институт в Далеме. Было ровно 6 часов вечера, когда я поднялся на верх из подземной железной дороги; было очень темно, и я немного замешкался, чтобы лучше ориентироваться, как был окликнут одним господином, который спросил, не я ли профессор Ипатьев. На мой утвердительный ответ, он представился мне; это был сам профессор Габер, — и мы пошли к нему на квартиру. Такая личная встреча меня очень тронула и показала мне, что мои научные работы действительно оцениваются высоко, если такой выдающийся немецкий ученый идет на вокзал меня встречать. Наша дружеская беседа продолжалась не менее двух часов и касалась различных тем, но главным образом сосредоточивалась на вопросах, касающихся экономического состояния России. По его убеждению, Россия, как страна земледельческая, должна развить свое сельское хозяйство до совершенства и быть кормилицей всей Европы и поставлять всякого рода сырье; он был против широкого развития обрабатывающей промышленности, так как находил, что без помощи иностранной промышленности она не может подняться на такую высоту, чтобы конкурировать с западной индустрией. Я ему возражал в том смысле, что мы не думаем теперь о конкуренции, но для развития того-же сельского хозяйства нам необходимы и машины, и удобритель-

ные туки, и т. п., и эти предметы нам необходимо изготовлять у себя дома. Кроме того, для обороны такой громадной страны, какой является СССР необходимо озаботиться установкой современных методов получения азотной кислоты, а, следовательно, и аммиака, так как доставка чилийской селитры во время войны может совершенно прекратиться. Проф. Габер был очень любезен и пригласил осмотреть его лабораторию после Рождественских праздников, познакомил меня со своей молодой супругой и маленькой дочкой. Я очень благодарил его за внимание и сказал, что с большим удовольствием воспользуюсь его приглашением; но так как в самое ближайшее время я должен был уехать в Англию и Францию по делам промышленности, то я попросил позволения уведомить его, когда я вернусь в Берлин и установить время посещения его лаборатории. На прощанье он дал мне несколько рекомендательных писем к известным промышленникам, прося оказать мне содействие по осмотру немецких заводов. Это было мое первое знакомство с Габером, и при разговоре я заметил, что он не совсем здоровый человек: в нем замечалась какая-то нервность и было похоже, что он страдал какой-то внутренней болезнью; все время он пил газированную воду и говорил, что чувствует громадную жажду. Он сообщил мне, что собирается в далекое путешествие и намерен посетить Японию и Америку.

В Берлине я явился также к нашему полпреду Николаю Николаевичу Крестинскому. Полпредство помещалось в собственном доме, купленном у частного владельца около Ноллендорф Плац. Я довольно хорошо знал семью Крестинских; за два или три года до войны его брат, Владимир Николаевич, химик, окончивший Петербургский Университет, по моей рекомендации был принят в химическую лабораторию Охтенских Пороховых Заводов. Сестра-же полпреда, Варавара Николаевна, была моей ассистенткой в Женском Педагогическом Институте и одно время даже работала у меня в лаборатории. Николай Николаевич очень любезно меня принял, обещал полное содействие и сказал мне, что скоро приезжает его брат, Владимир

Николаевич, вместе с комиссией для закупки химических препаратов и химических и физических приборов. С своей стороны, я сообщил полпреду цель моей поездки заграницу и что я скоро должен буду уехать в Англию и Францию.

Второе мое свидание с д-ром Каро состоялось перед самым праздником Рождества и он познакомил меня с своим компаньоном Michael. Это был совсем молодой человек, лет 26-28, по виду энергичный и увлекающийся различными возможностями; впоследствии он показал себя большим дельцом и спекулянтом. Он владел большими средствами и имел несколько химических заводов в Германии. Свое большое состояние он нажил во время войны 1914 года, с’умев извлечь из отбросов различных руд, дорогие и необходимые для военного снаряжения металлы, как то — вольфрам, молибден и пр. Нужда во время войны в этих металлах была очень велика и и потому правительство охотно предоставило ему возможность наладить извлечение полезных элементов из отбросов. Благодаря умелой организации дела и приглашению опытных металлургов, ему удалось с выгодой провести извлечение этих дорогих металлов, и он из бедного предпринимателя стал богатым человеком. Во время нашей беседы, в присутствии также и Макодзюба, Каро поднял вопрос о желательности прочитать в Берлине несколько лекций о моих работах по катализу и высоких давлениях. Это было очень любезно с его стороны, я не возражал, и он, не долго думая, тотчас-же позвонил профессору Габеру и профессору Нернсту, который был в то время ректором Берлинского Университета, и спросил их мнение по этому поводу. Они оба ответили, что они будут рады организовать эти лекции и что лучше всего это будет сделать в Университете. Они обещали сговориться с проф. Шленком, который теперь возглавлял химический факультет в Университете, являясь заместителем Эмиля Фишера. Проф. Нернст просил, чтобы я зашел к нему в его кабинет в Университете после Рождественских каникул, предупредив его об этом заранее. Все это было записано г. Макодзюбом и передано Стомоньякову, который переслал эту записку в Президиум ВСНХ.

После деловых переговоров о возможности установки производства кальций-цианамида в СССР, Каро пригласил нас всех на обед в Отель Бристоль, и дружеская беседа затянулась на долгое время. После обеда Каро предложил мне, как только я вернусь из Франции, навестить его, и он устроит мне посещение их завода в Пистриц.

Перед моим от'ездом в Англию я познакомился в общих чертах с деятельностью одного советского учреждения, которое называлось «Бинт», т. е. Бюро Иностранной Научно-Технической Помощи для СССР. Это учреждение, как показывает само название, предназначалось для установления связи между нашими научными Институтами и заграничными и для собирания всевозможных научных сведений, полезных для научных исследований в СССР. Бинт был организован за год до моего приезда в Берлин Научно-Техническим Отделом ВСНХ, и для этой цели были командированы заграницу Н. М. Федоровский, исполнявший короткое время обязанности председателя коллегии НТО и его заместитель, профессор физики Александр Александрович Эйхенвальд. Ко времени моего приезда в Берлин, Бинт насчитывал около 100 сотрудников и намеревался расшириться еще далее, так как ставил себе все новые и новые задачи по обслуживанию наших Институтов. Бинт находился в связи с НТО. Главными помощниками Федоровского являлись инженер Ройтман (служившего ранее в нефтегазе в Петрограде) и А. Ф. Третлер, специалист по книжному делу, так как долгое время до революции работал в известной книжной фирме Риккер в Петрограде. Беглый осмотр этого учреждения показал, что затея обходится Советскому Правительству очень дорого, но, конечно, нельзя было еще сказать, насколько этот расход оправдывается той пользой, которую Бинт приносит российской технике и науке. К рассмотрению этого вопроса я вернусь впоследствии. Н. М. Федоровский об'яснил мне подробно, насколько важно это учреждение и пригласил к себе на обед. В то время он жил в Берлине со второй женой (латышкой) и имел уже от нее ребенка; его первая жена с ребенком была им оставлена в Москве. Мне

придется впоследствии вернуться к характеристике Николая Михайловича, когда я опишу мою деятельность в Научно-Техническом Отделе ВСНХ. Что-же касается ознакомления с деятельностью Бинта, то я отложил это дело до моего возвращения в Берлин из Англии, Бельгии и Франции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВСТРЕЧИ В ЛОНДОНЕ

Чтобы в’ехать в Бельгию и в Францию надо было получить разрешения от правительств этих стран, что представляло большие трудности, так как СССР не имел с ними дипломатических сношений. Необходимо было поручительство лиц, пользующихся известностью и доверием соответствующих правительств и, кроме того, точно указать деловую цель пребывания в этих странах. Поэтому из Берлина я обратился с просьбой о получении в’ездной визы к моим хорошим знакомым, с которыми мне пришлось работать в России во время войны по снабжению армии взрывчатыми веществами и химическими продуктами. Таким человеком во Франции был Иосиф Фроссар, мой уполномоченный по Московскому району, а в Бельгии — Гомон, директор Константиновских заводов, принадлежащих Бельгийскому Обществу. Визы для в’езда в эти страны я просил прислать мне в Лондон, так как я намеревался оставаться в Англии около месяца, и вообще Лондон должен был стать моей главной квартирой, и я находился в распоряжении Наркома Внешней Торговли — Красина, который в то время был также и нашим полпредом в Англии. Еще во время моего пребывания в Берлине я получил телеграфное уведомление от упомянутых лиц, что визы мне будут даны и что я получу их в Лондоне.

В Англию я отправился в последних числах декабря через Остенде. Ехал я с некоторым опасением, так как очень мало знал эту страну и кроме того, совершенно не знал языка.

Меня утешало, что мне на помощь должен был приехать инженер Л. Ф. Фокин, который немного знал английский язык и одно время даже жил и работал в Англии. С другой стороны, мои хорошие знакомые англичане Mr. Bennett и Godfrey, директора Невского Стеаринового завода в Москве, после начала революции уехали в Англию и жили в Лондоне. Mr. Godfrey я написал о дне моего прибывания в Лондон, и он был так любезен, что встретил меня на Victoria Station, отвез в Hotel Russell Square и первые дни принял на себя заботу о моем пребывании в Лондоне, пока не приехали Л. Ф. Фокин. Я с благодарностью и с теплым чувством вспоминаю Соломона Годлеевича Годфрей и его семью, которая отнеслась очень сочувственно к моему положению и во многом помогла мне ориентироваться в незнакомой мне обстановке. Они мне рассказывали все перипетии их от'езда из Москвы, где они на одном и том-же месте (угол Вознесенской улицы и Немецкой) прожили 36 лет и где родились их дети. Они потеряли все имущество и все деньги, которые они держали в русских ценностях, и им пришлось почти без средств прожить на севере Финляндии, на границе, в карантине около 90 дней, пока им не дали разрешение отправиться в Англию. Но за время своего пребывания в России они так полюбили эту страну и русский народ, что, несмотря на потерю всего своего состояния, нажитого честным путем, они сказали мне, что каждую минуту готовы вернуться обратно в Москву и забыть все перенесенные обиды и потери. И это приходилось слышать от всех иностранцев, проживших в России до революции несколько лет.

По приезде Л. Ф. Фокина, мы отправились к Красину для получения инструкций в нашей деятельности. Контора нашего полпреда помещалась в то время на Бонд стрит, и правой рукой его был товарищ Клышко, коммунист, который во время войны был чертежником на заводе Виккерса. Это был некончивший студент-технолог (кажется 2-х или 3-х курсов); Красин его пригласил в качестве первого советника Торгпредства. Сначала Клышко встретил нас не очень дружелюбно, но потом

при ближайшем знакомстве, когда узнал цель нашего приезда, он стал к нам относиться очень сочувственно.

Так как я находился в распоряжении Л. Б. Красина, то я не мог ничего предпринять, не испросив его согласия. В это время, в январе 1922 г., Ллойд Джорджем и Брианом был поднят вопрос о Международной Конференции, на которую должен быть приглашен и СССР. На этой конференции, которую было решено собрать в Генуе, должны были быть рассмотрены вопросы политические, экономические и торговые. СССР согласился принять участия в этой конференции и прислать делегацию из дипломатов и экспертов-техников. Открытие конференции было назначено на апрель. Ллойд Джордж говорил, что он надеется увидать на этой конференции Ленина и пожать ему руку. Но этому не суждено было исполниться, так как Ленин стал себя очень плохо чувствовать: он стал страдать бессонницей, общим недомоганием и выглядел очень изнуренным человеком. О нездоровьи Ленина я услыхал от И. Т. Смилги еще в Берлине, но в Лондоне я прочитал статью в «Times» одного американца, который приезжал в СССР для деловых переговоров и имел аудиенцию у Ленина; состояние здоровья Ленина он рисовал в довольно мрачных красках.

В Лондоне в то время находился наш преподаватель металлургии Артиллерийской Академии полк. Николай Тимофеевич Беляев. Он был моим учеником по химии, а по металлургии был учеником проф. Д. К. Чернова, к которому он относился с особым благоговением. Во время войны 1914 года он был командирован в Англию в помощь ген. Гермониусу, который ведал всеми приемками военного снабжения. После выхода России из Антанты, заказы были приостановлены. Гермониус уехал из Англии, и все дела передал Беляеву для их ликвидации. Так как Беляев категорически отказался признать власть большевиков, то он стал считаться эмигрантом и, конечно, советскому человеку без разрешения начальства, никаким образом нельзя было вступить с ним в какие-либо отношения. Кроме Беляева, в Лондоне проживал бывший член Госуд. Совета Филипп Антонович Иванов, который был дирек-

тором Кыштымских медноплавительных заводов на Урале на службе английской компании; во главе последней стал большой делец, известный в промышленном мире в Европе госп. Уркард; он тоже был в то время в Лондоне и, как уже было мною указано ранее, был в деловых переговорах с Красиным относительно взятия в концессию своих заводов на Урале. С Ф. А. Ивановым я был знаком в России по делам обороны, и когда он узнал из газет, что я приехал в Лондон, то тотчас-же явился ко мне в отель и пригласил меня к себе, а также передал просьбу Уркарда о его желании увидать меня и поговорить об интересующих его вопросах.

Хотя Ленин и дал мне полную свободу говорить и принимать каждого, кого я найду нужным, но я счел за благо переговорить с Красиным и получить также и от него разрешение, дабы не портить его дипломатической и экономической работы в Англии. Я заявил Клышко о необходимости получить продолжительную аудиенцию у Красина и вскоре ее получили. Эта беседа с Красиным продолжалась в течении не менее 2-х часов, так как, кроме указанных вопросов, был задет еще очень серьезный вопрос о положении Внешторга и об его взаимоотношениях с ВСНХ.

Как было указано ранее, после обстоятельного обсуждения вопроса, Президиум ВСНХ вынес единогласное решение ходатайствовать перед Совнаркомом СССР о передаче ему функций внешней торговли. В самом начале моего разговора с Красиным, я сообщил ему об этом постановлении, и он, приняв близко к сердцу это решение заявил, что немедленно отправится в Москву для того, чтобы не допустить проведения соответствующего декрета в Совнаркоме.

Дальнейшая беседа касалась организации нашего участия на Генуэзской конференции и программы моей деятельности в Бельгии и во Франции. О серьезных делах мне впервые пришлось говорить с Л. Б. Красиным. Как на меня, так и на Л. Ф. Фокина, разговор с Красиным произвел одинаковое неблагоприятное впечатление: в конце нашего разговора Красин высказал взгляды прямо противоположные тем, которые он

защищал в начале. Это было бы неудивительно, если бы дело шло о вопросах, в которых он не был экспертом. Но тот поворот на 180 градусов в его убеждениях, который мы наблюдали, касался как раз его переговоров с промышленными кругами и программы, которую надо составить нашему правительству для Генуэзской Конференции. В конце разговора между нами не было противоречий, и он принял ту схему переговоров с промышленниками, которую я наметил для Бельгии и Франции. В заключение нашей беседы я сообщил Красину о моем разговоре с Ф. А. Ивановым и о желании Уркарта меня видеть. Я просил дать мне указание относительно возможности принять эти приглашения и на это получил категорическое запрещение видеть Уркарта, но мне было позволено увидеться с Ивановым. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Красин и Уркарт поссорились, и между ними были прерваны всякие деловые переговоры, причем Красин сильно ругал Уркарта, обвиняя его в нарушении данного ему обещания держать все это дело в секрете и не изменять тех условий, на базе которых можно было бы выдать Уркарту концессию на Кыштымские заводы. Кроме того, я спросил Красина, не имеет ли он что-либо против того, чтобы я посетил моего ученика полк. Беляева. На этот мой вопрос он и также Клышко дали не только утвердительный ответ, но просили меня позондировать почву относительно передачи советскому правительству всех дел и денег, оставшихся в Заготовительном Русском Комитете. Н. Т. Беляев в то время продолжал возглавлять указанный Комитет и имел канцелярию, в которой приводилась в порядок вся отчетность для того, чтобы передать ее впоследствии или признанному всеми русскому правительству или же английскому правительству. Дело в том, что на руках Беляева находилась довольно крупные суммы денег, переведенных русским правительством во время войны Заготовительному Комитету; к нему же поступали неоплаченные счета английских компаний, выполнявших русские военные заказы. Большевики, конечно, хотели получить деньги в свои руки и расплату произвести по своему усмотрению. Многие заготовленные в

Англии предметы военного снаряжения не были доставлены в Россию в виду начавшейся революции, а часть военного снаряжения была, с согласия английского правительства, послана белым армиям для гражданской войны.

Н. Т. Беляев был очень рад меня видеть и пригласил меня к себе на завтрак и познакомил с своей женой и тещей. Он приобрел себе по случаю хороший дом на Queen Street, South Kensington, имел у себя дома небольшую металлургическую лабораторию и читал лекции в Университете по металлургии стали. Я с большим удовольствием вспоминаю нашу первую встречу, которая не была омрачена никакими деловыми разговорами. Но когда мне, по настоянию Красина и особенно Клышко, при втором посещении Беляева пришлось затронуть вопрос о передаче дел Заготовительного Комитета Торгпредству в Лондоне, то он категорически отказался от этого предложения и сразу переменил свое любезное ко мне отношение на официальное и даже несколько недоброжелательное. После этого я не встречался с ним до 1937 года, когда я уже будучи американским гражданином, приехал в Париж на Мировой Конгресс по нефти, и Беляев, узнав о моем приезде, пригласил меня и мою жену к себе на квартиру, где мы провели очень приятное время в дружеской беседе, вспоминая нашу жизнь и работу в старой России.

В Лондоне, когда проф. Доннан (Лондонского Университета) узнал о моем приезде, то тотчас-же приехал ко мне и пригласил меня на завтрак в отель Савой, а потом к себе в лабораторию и домой на обед. Он рассказывал мне очень много интересных вещей и предложил посетить МОНД Компанию, руководители которой также хотели познакомиться со мной, так как много слышали о моей деятельности во время войны. Во время этого визита владельцы компании интересовались, главным образом, моей деятельностью по организации химической промышленности в СССР и расспрашивали о тех перспективах, которые я рисую себе для дальнейшего ее развития. Конечно, я был очень осторожен и не позволил себе затронуть ни одного вопроса, который мог бы быть истолко-

ван не в пользу советского правительства, которым я был аккредитован.

Ф. А. Иванова я видел несколько раз и один раз был приглашен вместе с Л. Ф. Фокиным к нему на большой обед, куда были также приглашены русские инженеры, работавшие прежде на Кыштымских заводах и знакомые хорошо с ватер-жакетными печами для выплавки меди из руд. Ф. А. был в высшей степени интересной личностью. Он вышел из крестьянской семьи, свою дорогу пробил упорным желанием учиться и достиг очень высокого положения в промышленном мире на Урале. Он был директором самых больших медно-плавильных заводов Урала в английской концессии, где главным директором-распорядителем был Уркарт, с которым он был очень тесно связан, и тотчас-же после начала Октябрьской Революции вместе с ним эмигрировал в Англию. Насколько имя Ф. А. Иванова было уважаемо в промышленных кругах явствует из того, что он был от промышленников выбран в члены Госуд. Совета. Конечно, я не могу припомнить всех тех наших разговоров с ним, но они касались, главным образом, современного состояния нашей промышленности и возможности ее быстрого восстановления. Я ему передал мой разговор с Красиным относительно моего посещения Уркарта и просил передать последнему мое большое сожаление о невозможности его видеть.

Во время моего посещения Иванова, он мне показал письмо, полученное из Нью Иорка от очень влиятельного лица (я забыл его имя), который просил его узнать о судьбе некоторых больших русских химиков и в особенности обо мне, интересуясь, главным образом, тем, имею ли я возможность продолжать мою научную работу и не могу ли я перебраться в Америку, где я мог бы получить очень хорошие условия для научных исследований. Как ни заманчиво было подобное предложение, но я на-отрез от него отказался, так как тогда еще не задумывался над подобным вопросом и искренно желал все свои силы и знания употребить для восстановления нашей химической промышленности, а также и для продолжения научных исследований в своей стране. Много лет спустя, когда

я однажды был в Нью Иорке и посетил моего соотечественника И. И. Остромысленского, он мне подтвердил, что самая большая резиновая фирма в Соед. Штатах очень была заинтересована о моей судьбе и очень бы хотела пригласить меня еще в 1920 году для исследовательских работ в их лаборатории.

Англия одной из первых признала советское правительство, сделав это из чисто коммерческих соображений, и Ллойд Джордж произнес свою знаменитую фразу о том, что «торговать можно и с людоедами». Поэтому Красин создал в Лондоне особую организацию, которая была названа «Аркос» (Англо-русское общество) и предназначалась для коммерческих сделок между СССР и Англией. Это общество, которое впоследствии было заменено Торгпредством, в то время было очень солидной организацией, производившей миллионные операции. Во главе Аркоса стоял директор Соломон и правление, но к моему приезду в январе 1922 года произошла смена директоров, и вместо Соломона был назначен А. Квятковский, занимавший большой пост на Дальнем Востоке и зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны, как дельный человек в коммерческих операциях. Когда я познакомился немного ближе с деятельностью Аркоса, то убедился, что набранная публика была мало опытна в делах и делала непростительные ошибки, причинявшие государству большие потери. Многие товары, например, лес, они продавали с большим убытком, а некоторый товар, в виду невозможности его продать ни по какой цене и во избежании платы за простой нагруженных судов, приходилось просто бросать в море; так было поступлено, насколько помнится, с туруханским графитом.

Чтобы исправить положение и был приглашен Квятсковский. Узнав, что я в Лондоне, он захотел познакомиться со мной, как с членом правительства и как с человеком, который ведает химической промышленностью СССР; он приехал ко мне в Россель Отель, и мы отправились с ним завтракать в отель Савой; к завтраку был приглашен Фокин и еще один

г. Михайлов, не партийный, но об'явивший себя сочувствующим коммунистам и околачивавшийся около торгпредств различных стран. Квятковский, по своему наружному виду и по манере вести разговор, а также по размаху в заказе завтрака с дорогим шампанским, произвел на меня впечатление человека, имеющего привычки, присущие прежним дельцам дореволюционного периода. Я не могу судить, какую пользу принес он СССР, будучи директором Аркоса, но через некоторое время я услыхал, что он смещен с этой должности, арестован и предан суду и должен был отбывать наказание в тюрьме, но впоследствии был оправдан. Всю эту историю я слышал от инженера Ю. А. Горожан, который был личным секретарем и приятелем Красина и большую часть времени, когда Красин был нашим полпредом в Англии, он жил в Лондоне, а потому знал всю жизнь Аркоса. Горожан сказал мне, что Квятковский был порядочным человеком, все денежные операции проводил с ведома Наркомвнешторга, и хотя имел деньги на своем личном текущем счету, но делал это исключительно по деловым соображениям. Горожан защищал Квятковского перед ГПУ и очень порицал тех лиц, которые обвиняли его во взяточничестве и присвоении казенных денег.

Но в Аркосе, который насчитывал не одну сотню служащих, были, конечно, и деловые люди старого воспитания, которые своим опытом, несомненно, приносили пользу вновь образованному коммунистическому предприятию. Один из таких людей был инженер Лев Борисович Рабинович, окончивший Киевский Политехнический Институт, ученик проф. Тихвинского по химической технологии. До революции он проживал заграницей, большей частью в Англии, и был призван Красиным в качестве заведующего всем Нефтяным Отделом Аркоса. Это был один из самых главных отделов, так как продажа нефти и продуктов из нее добываемых представляла один из важных продуктов экспорта.

Так как меня и Фокина очень интересовал вопрос о сухой перегонке сланцев, имеющихся у нас в значительных количествах, то нам пришлось ближе познакомиться с Л. Б. Раби-

новичем, и он организовал нашу поездку в Шотландию для осмотра заводов, перерабатывающих сланцы в газолин, парафин и другие масла. Залежи сланцев находятся недалеко от Эдинбурга, и мы отправились туда вчетвером (Рабинович, Горожан, Фокин и я), заручившись заранее согласием компании, разрабатывающей эти сланцы, на ознакомление со всем производством. Ехали мы днем и имели отдельное купэ 1-го класса, где могли свободно обсуждать интересующие нас вопросы. Из разнообразных тем, которые мы подвергли обсуждению, одна врезалась в мою память, — и я считаю очень уместным во всех подробностях вспомнить об этой части нашего разговора.

Двое из нашей компании, — я и Фокин, — были беспартийными, а Рабинович и Горожан принадлежали к социалистическим партиям. Рабинович не был большевиком, но сочувствовал всем их национализациям и находил, что гораздо приятнее работать при настоящем социалистическом хозяйстве, чем быть во власти капиталистов.

«Вот, например, Вы, Владимир Николаевич, — говорил он, — работали прежде консультантом у компании Нобель, который загребал деньги в свой карман, свысока относился к Вашей работе и во всякое время мог выбросить Вас с работы, и никто не мог ничего с ним сделать; Вам и всякому служащему приходилось терпеть гнет от подобного хозяина. То ли дело в социалистическом государстве, где нет подобных хозяев, где поставленный во главе того или другого предприятия гражданин сознает, что он такой-же советский работник, как и Вы, что он должен идти рука об руку с Вами и использовать Ваши ценные знания не для своего личного обогащения, а для пользы всего государства. Вас не могут без причины удалить со службы, так как Вы находитесь под охраной профессиональных союзов. Подумайте серьезно о подобном порядке вещей, установившемся ныне в нашем государстве на новых началах, и я уверен, что Вы еще с большей энергией будете работать на пользу своей страны».

Я помню и смысл моего ответа:

«Ваша речь, Лев Борисович, с точки зрения логики непогрешима, и все в ней кажется так гармоничным и заманчивым, что с первого взгляда нельзя и возражать. Но я приведу Вам некоторые соображения, которые могут в значительной степени изменить ту чарующую перспективу, которую Вы изволили начертать. Во-первых, я вовсе не принадлежу к числу тех лиц, которые видят счастье в обладании большим капиталом; я совершенно не капиталист, я ученый, но не лишенный практических навыков и вдобавок оказался еще не плохим администратором, так как в течении 3-х лет, как Вам известно, управлял всей химической промышленностью России во время войны и, как говорят, управлял не плохо. Поверьте, что мне никогда не улыбалось кланяться в пояс богатым людям и хозяевам, и, по правде сказать, по своему характеру, я никогда не искал знакомства с богатыми людьми; я полагал, что между мною и ими не будет достаточно искренности и что поэтому мне лучше быть подальше от них. Ближе с ними я познакомился только во время последней войны, когда мне волей-неволей надо было иметь с ними дела и принимать их у себя в Химическом Комитете. За это время мне пришлось познакомиться с богатым человеческим материалом, как собственниками, так и служащими, и чтобы дать Вам правильный ответ на возбужденный Вами вопрос, я ни на одну минуту не могу забыть, что для правильной оценки предлагаемой социальной реформы необходимо иметь в виду характер среднего человека этой эпохи и со всех сторон обсудить: может ли он воспринять и работать спокойно при данных обстоятельствах, выполняя заманчивую социалистическую программу, предложенную небольшой кучкой людей, не имеющих ни малейшего опыта по управлению страной, которая веками выработала определенную систему уклада всей государственной жизни.

«Если Вы хотите сравнить службу у капиталистов со службой в социалистическом государстве, где впервые делается опыт социалистического строительства, и где власть принадлежит пролетариату, который по своему умственному

развитию в громадном большинстве случаев не может разобраться в сложных технических и экономических вопросах того или другого промышленного предприятия, то Вы должны принять во внимание еще одно обстоятельство. Не будучи в состоянии или не осмеливаясь критиковать заданную программу, все неудачи пролетариат будет сваливать на интеллигентный заводской персонал. Бедному инженеру придется расплачиваться за неисполнение заводом нелепых заданий, и он будет не только удален со службы, но, мне представляется, будет предан суду. Точно также ему придется сильно поплатиться, если он совершенно искренно предложит для пользы дела какое-нибудь усовершенствование в производстве, а оно, помилуй Бог, не удастся. С капиталистом у инженера простые счеты: если инженер пришелся не ко двору или принес убыток, капиталист его увольняет и тем дело кончается. В этом, по моему, будет заключаться существенная разница в положении специалиста у капиталиста или на службе пролетариата социалистического государства, принимая во внимание, конечно, умственное развитие современного русского пролетариата и общее направление всей политики большевистского правительства».

«Вы сильно преувеличиваете, — возразил мне Лев Борисович, — опасность для специалистов работать с пролетариатом, который поставлен во главе промышленных предприятий, — в особенности, принимая во внимание, что он, получив власть, будет осторожен в обращении с инженерами, которые согласились работать с ними, и кроме того, он должен учиться управлению у своих более квалифицированных товарищей. За ошибки, которые неизбежны во всяком деле, никто не будет наказывать тюрьмой, — это только принесет вред делу и вырвет из рук специалистов всякую инициативу».

Я ответил, что был бы очень доволен, если бы мои опасения не оправдались, но моя интуиция и мои наблюдения над отношениями между партийными товарищами и инженерами, не позволяют мне отказаться от своих опасений, и, конечно, время покажет, кто из нас был прав.

Спустя около 15 лет, мне пришлось снова встретиться с Л. Б. Рабиновичем, — тоже, в Лондоне, но при совершенно других обстоятельствах, чем это имело место в первую нашу встречу. Он подошел ко мне после одного окончания заседания нефтяных инженеров и, здороваясь со мной, спросил, не забыл ли я его. Я сразу узнал его, назвал его по фамилии и прибавил, что очень часто его вспоминал, как моего оппонента в нашем споре о предпочтительности службы инженера в Социалистическом Государстве.

«Да, — ответил он мне, — этот спор помню и я. Вы были тогда правы на все сто процентов».

Наше посещение заводов перерабатывающих сланцы было очень для нас полезным; мы ознакомились тогда с новым способом получения парафина и газолина, который целиком шел для автомобилей; но должен заметить, что качества получаемого таким путем газолина были ниже среднего.

Перед моим от’ездом в Бельгию я имел новое свидание с Красиным, который вернулся из Москвы, где он одержал в Совнаркоме полную победу, удержав все функции внешней торговли в своих руках. Неизвестно, какие разговоры он вел в Москве относительно дальнейших сношений с Уркартом, но только он обратился ко мне с просьбой постараться свидеться с Уркартом и наладить между ними снова деловые переговоры. Я, конечно, не замедлил снестись с Ф. А. Ивановым и в очень скором времени был принят Уркартом в его конторе вместе с Ф. А. Он прекрасно говорил по русски, что значительно облегчало нашу беседу. Он очень сожалел, что Россия попала в такое положение; он и его жена привыкли жить в российских условиях на Урале, очень тепло отзывались о русском народе и готовы были каждую минуту вернуться обратно. Когда я поднял вопрос о причине разрыва отношений между ним и Красиным, то он мне заявил, что причиной является сам Красин, и об’яснил, почему были прерваны переговоры. Со своей стороны, я постарался ему дать понять, что советское правительство желает возобновить переговоры и что я незамедлительно передам Красину его ответ. Тогда

Уркарт заявил, что он готов вступить в деловые сношения, если Красин возьмет на себя инициативу в их возобновлении.

После моего доклада Красину, он решил возобновить переговоры, и в результате были выработаны приемлемые условия для отдачи Кыштымских медных заводов на концессию английской компании. С этим проектом примерно через полгода, Красин отправился в Москву, и внес его на обсуждение Совнаркома. Ленин в то время оправился от первого удара и мог председательствовать в Совнаркоме. Однако, несмотря на все выгоды, которые рисовались для СССР от этой концессии, Совнарком отклонил ходатайство Красина и концессия не состоялась.

Мне пришлось еще раз повидать Уркарта, так как он пригласил меня на обед в свой дом. Мне пришлось познакомиться с его супругой, красивой и милой женщиной, которая очень тепло вспоминала о жизни в России. После обеда мы провели несколько часов в очень интересной беседе, во время которой Уркарт рассказывал, что в Англии многие люди, близко стоящие к промышленности, ценят мою научную и техническую деятельность, и что, если бы в СССР со мной что-либо случилось, то у меня найдется много защитников в Англии. Он метко обрисовал мне характер Ллойд Джорджа, с которым был в очень хороших отношениях и, отдавая должное его государственному уму, отметил такие черты его натуры, которые не говорили в его пользу. По поводу вопроса об оздоровлении нашей финансовой политики я высказал ему некоторые свои мысли, и он посоветовал мне по этому поводу обратиться к бывшему члену совета министерства финансов Грубе, который проживал в то время в Берлине, и спросить его совета относительно целесообразности моих предложений. Уркарт рассказал мне о своем посещении СССР, о поездке на Урал и о визите к патриарху Тихону, которому он передал привет от архиепископа Кентенберийского. О переговорах с Уркартом и о моих предположениях, касающихся некоторых финансовых вопросов, я написал в одном из отчетов, которые я время от времени посылал В. И. Ленину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЕЗДКА В БЕЛЬГИЮ

В конце января я и Фокин получили визы в Бельгию и отправились туда для переговоров с бельгийскими промышленниками, которые имели металлургические и химические предприятия в дореволюционной России. Г. Гомон, бывший директор Константиновских стекольных и химических заводов, жил в то время в Брюсселе и организовал нам свидания с целым рядом других лиц. Нам пришлось встретить директора правления Южно-Днепровских заводов в Кадиевке Ефрона, директоров Бельгийских Металлургических заводов в Енакиеве, директоров правления Коксовых печей, Коппе (директоров братьев Британ), директора г. Piette (Piron), правление Содовых заводов Сольвей, правление Банка Société Genervise, которое главным образом кредитовало бельгийские предприятия в России. и несколько других более мелких промышленников, работавших долгое время в России. Мы посетили также Льеж, где имели беседу с директорами правления Таганрогских Металлургических заводов, причем один директор (не могу вспомнить его фамилию) говорил мне, что он так полюбил нашу страну, прожив в ней 30 лет, что готов вернуться каждый час, и хотел бы, чтобы три его сына, тоже инженеры, и он сам были бы погребены на русской земле. Мы видели также новые коксовые печи завода Coquerille, построенные вместо печей, разрушенных немцами в 1914 году. При осмотре бельгийских заводов мы поражались той энергии, с которой были реставрированы в короткий срок разрушенные немцами металлургические заводы.

Мы пробыли в Бельгии немногим более двух недель и должны констатировать удивительно дружеское и гостеприимное отношение, которые проявляли к нам бельгийские директора и инженеры. От всех деловых разговоров с бельгийцами, мы вынесли впечатление об их общем сильнейшем желании возобновить работу на своих заводах даже при

создавшихся условиях в России. Когда я задавал вопрос, какой может быть для них интерес начать производство, если наш рубль совершенно не имеет никакой стоимости, то на это все они отвечали, что об этом нам не следует беспокоиться, так как в России всегда можно найти такой источник, который позволит сбалансировать их предприятия. Для возобновления заводов они были согласны дать новый кредит, который обещали им дать банки и соглашались снова вложить в русские дела, по приблизительному подсчету, около 500 миллионов бельгийских франков (золотом), если, как я предлагал, их заводы будут им отданы не в собственность, а в долгосрочную аренду. Не надо забывать, что в русские предприятия бельгийцы вложили громадные капиталы; по подсчетам банка, каждому бельгийцу (включая и детей) Россия была должна 500 франков. В банке Société Genervise нам показывали банковские книги и сказали, что все русские долги списаны за 1 рубль, и, несмотря на это, они готовы дать новые кредиты, — конечно, получив соответственные гарантии.

В обширном рапорте, посланном мною В. И. Ленину, мы изложили во всех подробностях все виденное и слышанное в Бельгии, сфотографировали условия, на которых бельгийские деловые круги были готовы взять концессии на бывшие их заводы и какой кредит банки готовы были вложить в предприятия, дабы в кратчайший срок восстановить все производства в Донецком бассейне, введя все усовершенствования в производство и соглашаясь на введение в правление наших директоров и инженеров. В этом рапорте, в котором не было недостатка в смелости, я высказывал также и свои мысли и указывал, что при помощи такого сотрудничества мы можем достичь в короткий срок полной реставрации наших заводов, согласно современным требованиям техники, а кроме того, получить хорошую школу для наших инженеров. Не нарушая принципа коммунистического учения о собственности, мы, отдавая заводы во временную аренду, выигрываем во времени, которое является незаменимым фактором в развитии культурных сил страны. Становиться на ту точку зрения, которая

существовала в до-революционной России, когда иностранцы являлись полными хозяевами создаваемых ими предприятий, я не мог, да и не хотел, так как считал это нецелесообразным. С другой стороны, если возобновление всех производств базировать на собственных технических силах, то я не сомневался, что мы и в этом случае будем в состоянии преодолеть все препятствия, но это потребует много времени; кроме того, в этом случае нам придется покинуть современное новое оборудование заводов, что будет стоить громадных денег (валюты), и не позволит создать опытных техников, которые так необходимы для нас, принимая во внимание эмиграцию значительного числа опытных инженеров заграницу. Этот рапорт был получен в СССР, потому что копию я видел в руках Чичерина и Литвинова, когда они ехали на конференцию в Геную, но был ли он прочитан Лениным я не знаю, так как ввиду его начавшейся болезни ему, вероятно, не давали знакомиться со многими деловыми бумагами.

С самого начала моего пребывания в Брюсселе я посетил инженера-технолога Пенякова, который был русским гражданином, несмотря на то, что Россию покинул около 30 лет тому назад и все время жил в Бельгии. Я познакомился с Пеняковым в Петрограде во время войны 1914 года, куда он приехал с целью помочь нашей химической промышленности своим опытом и знаниями. В Бельгии он имел свои химические заводы и был состоятельным человеком. В Петербурге мне приходилось часто встречаться с ним, так как он приходил нередко в Химический Комитет за различными справками и за моей помощью, когда не удавалось иным путем продвинуть то дело, которое он тогда вел: вместе с проф. Артиллерийской Академии Курдюмовым он работал по постройке аллюминиевого завода. Он вел большую дружбу с известным сенатором Гариным, с которым ежедневно встречался за завтраком в ресторане на Морской, и иногда сообщал мне интересные новости, узнанные им из первоисточника, которые он поверял только очень избранным лицам. Сенатор Гарин отличался большой честностью и всегда назначался правительством для обследования всяких темных дел и предприятий.

Когда я посетил Пенякова в его собственном доме, на Avenue Grand Armée, то узнал две вещи: во-первых он сообщил, что мой второй сын, Николай, живет недалеко от Брюсселя и учится в лучшем земледельческом институте в Жонблу, и что он сейчас-же сообщит ему о моем приезде, чтобы тот явился в назначенное мною время в мой отель. Другое сообщение касалось его ужасного горя, которое ему приходилось переживать вследствие болезни его второй дочери, которая в то время была при смерти. Несмотря на такое горе, он в кратких чертах сообщил мне, как попал мой сын в Бельгию, и как Пеняков помог ему устроиться в Институте для окончания его высшего образования.

Я постараюсь кратко описать приключения и жизнь моего сына Николая, который по своему характеру и убеждениям совершенно отличался от прочих членов нашей семьи. С самого детства и до конца жизни он отличался громадной религиозностью и повышенной нервностью, которая очень часто приводила его в угнетенное состояние, близкое до способности покончить все счеты с этой жизнью. В юности он не обладал особыми способностями, но брал прилежанием и памятью и средне окончил классическую гимназию. Он обладал хорошими способностями к музыке, но не проявлял особого интереса к какой-либо научной дисциплине и по окончании гимназии в 1914 году решил поступить в Университет, на юридический факультет. Его всегдашней мечтой было после окончания высшего образования поступить на военную службу, в один из гвардейских кавалерийских полков, где он надеялся найти себе товарищей, близких к его аристократическим замашкам. В этом он резко отличался от своих братьев, в особенности от старшего Дмитрия, который был как раз настоящим демократом и всегда дружил с товарищами по гимназии, родители которых являлись бедными тружениками. Когда по окончании гимназии Николай просил меня и мать отдать его в Пажеский Корпус или в Николаевское Кавалерийское Училище, то мы категорически воспротивились, указав ему, что прежде всего надо стать образованным человеком, а потом будет видно, какую карьеру он найдет наиболее для себя подходящей.

Начавшаяся мировая война изменила все планы, и вместо Университета Николай поступил в Николаевское Кавалерийское Училище для прохождения сокращенного курса. После окончания курса он вышел в Сумской Гусарский полк, одно время был в Тамбове в запасном батальоне, а потом был отправлен на фронт в Дикую Кавалерийскую Дивизию, которой командовал вел. кн. Михаил Александрович. Впоследствии он был ад'ютантом у командующего 5-й армией А. М. Драгомирова и оставался в этой должности до прихода большевиков. После октября 1917 года он отправился вместе с матерью на хутор в Калужскую губернию и был привлечен волостным советом в качестве военного руководителя для обучения деревенской молодежи военному делу. Это положение его очень тяготило, и после года такой жизни он решил снова отправиться на фронт, который был в то время на границе Великороссии и Украины, где хозяйничали немцы. Это было в декабре 1918 года, и с тех пор мы потеряли его из виду и не знали, был ли он убит, взят в плен или перешел на сторону белой армии.

Прошло около двух лет, и я через эстонское консульство получил в разное время два письма от какого-то бывшего моего ученика (а их у меня были тысячи), который очень тепло вспоминал меня и сообщил, что он продолжает заграницей высшее образование и уже имеет невесту, тоже русскую, дочь того человека, который принял участие в его судьбе и помог ему продолжать учение. Долгое время я не придавал значения этим письмам, как однажды меня осенила мысль, что это может быть письма от сына Николая.

Больше я не имел об нем никаких известий и только теперь Пеняков сообщил мне об его пребывании в Бельгии. Пеняков рассказал, что однажды он встретил молодого человека, угнетенный вид которого заставил его обратить на него внимание и спросить, что он здесь делает и почему он находится в таком ужасном состоянии. Тот об'яснил ему вкратце, как он попал в Бельгию, что у него нет никакой работы, что он хотел бы учиться, но, не имея возможности осуществить

свое желание на чужбине, ему вероятно ничего не остается, как покончить с собой. Когда Пеняков узнал, что он мой сын, то решил принять участие в нем и прежде всего посоветовал ему не предаваться такому малодушию и предложил ему зайти к нему на дом, чтобы обсудить вопрос об его дальнейшей судьбе. Когда Николай пришел к Пенякову, то последний сказал ему, что он так уважает его отца, что с большой охотой поможет ему учиться, будет ему давать денег на учение и прожитие, — с тем, что позднее, когда он окончит курс и поступит на работу, то сможет частями возвратить ту сумму, которая будет истрачена за время его пребывания в Институте; теперь же ему не надо беспокоиться о деньгах. Когда я приехал в Брюссель, сыну оставалось немногим более года, чтобы закончить курс в Институте. В Брюсселе от многих промышленников я слышал, что сын блестяще учится, профессора им очень довольны и что ему предстоит хорошая будущность. В особенности сердечно к нему относился профессор Пальманс, который поддерживал его в трудные минуты его жизни на чужбине.

В назначенное мною время Николай явился ко мне в отель и поведал мне вкратце все свои переживания, но благодаря своему характеру, был довольно холоден и называл меня на «Вы». Он мне рассказал, что он вращается в белогвардейских кругах, бывает у вел. кн. Елизаветы Маврикеевны, вдовы вел. кн. Константина Константиновича, близок с высшим духовенством и пр. Я не помню точно, видел ли я его еще раз перед получением от него длинного и странного письма, которое меня очень поразило. В этом письме он сообщал, что не может более видеться со мной, так как не может понять, каким образом такой ученый и большой человек, каким я являюсь, может оставаться в СССР и работать с разрушителями российского государства. Он дает мне совет немедленно прекратить мою деятельность и присоединиться к другому лагерю, в котором собрались люди, любящие свою страну и работающие для ее спасения. В письме он не только просил меня разорвать с большевиками, но умолял это сделать, не откла-

дывая ни на одну минуту. К сожалению, я не мог сохранить его письма, так как представлялось опасным иметь его при себе при переезде через границу и сохранять его в Москве; но помню, что в нем было очень много обидного по моему адресу за мою работу в Советской России, а кроме того, все его содержание доказывало полное непонимание того положения, в котором очутилась наша страна после войны и большевистского переворота. Я не ответил на это письмо и выжидал, пока у молодого человека не пройдет этот пыл негодования на мое поведение. Через несколько дней я получил от него короткое письмо, в котором он просил, чтобы я простил его за его послание и дал ему короткое свидание; я исполнил его просьбу и пригласил его в отель перед самым моим от'ездом. Наше примирение состоялось.

Я не могу судить о том, было ли первое письмо написано им самостоятельно или же оно было инспирировано некоторыми его друзьями из белогвардейского лагеря. Мне думается, что последнее мое предположение имеет некоторое основание, так как эмигрантская печать, а также бельгийская пресса в конце моего пребывания в Брюсселе начала усиленную травлю против меня, спрашивая правительство, на каком основании оно допускает в'езд подобных господ, продавшихся большевикам и посланных для того, чтобы проповедывать идеи коммунизма. Поход против моего приезда принял такие формы, что правительству пришлось сделать официальное сообщение такого содержания: «проф. Ипатьев, бывший генерал царской службы, приехал в Бельгию по ходатайству тех бельгийских промышленников, которые имели предприятия в России и работали в течении войны под руководством ген. Ипатьева на оборону страны совместно с союзниками. Приезд Ипатьева был разрешен для того, чтобы найти пути для возобновления деятельности заводов на концессионных началах с советским правительством. Всякая другая деятельность ген. Ипатьева, направленная во вред нашей стране, повлечет за собою немедленное изгнание его и лиц, его сопровождающих».

Надо заметить, что в то время в Бельгии только что пало

социалистическое министерство Вандервельде и вместо него был призван к власти консервативный кабинет. Как я узнал впоследствии, после моего от'езда было дано секретное предписание по минстерству иностранных дел о запрещении ген. Ипатьеву в'езда в Бельгию. Действительно, когда мне приходилось позднее проезжать через Бельгию во Францию, клерк в бельгийском консульстве в Берлине, прежде, чем дать мне транзитную визу, всегда спрашивал меня: вы тот ген. Ипатьев, кавалер Почетного Легиона, который в 1922 году приезжал в Бельгию? — и после моего утвердительного ответа прибавлял: «Вам в'езд в Бельгию запрещен, и если Вы останетесь хотя-бы на один день, то будете арестованы». Однако, несмотря на такое суровое запрещение, я в 1928 году летом по приглашению Д. А. Пенякова получил без всяких затруднений в'ездную визу и прогостил у него около недели.

Несмотря на последовавшее свидание с сыном и короткое об'яснение, мы расстались довольно холодно, так как отлично понимали, что наши убеждения сильно расходятся. Но зная его искренность и честность во всех поступках, я примирялся с этим фактом и любил его и как сына, и как благородного человека, заслуживающего полного уважения. Через 1½ года мне пришлось увидаться с ним еще раз в его короткой жизни, но наш разговор носил уже совешенно другой характер. После окончания курса в Институте, он приехал в Прагу, где жил его дядя Н. И. Ипатьев, мой брат, которого он очень любил и уважал. Узнав случайно, что я в Берлине, он решил навестить меня секретным образом и узнать подробности о матери, сестре и брате. Я был очень рад этому свиданию, и мы провели вместе целый день. Он сообщил мне, что, обдумывая все мое положение в СССР, он пришел к убеждению, что я поступаю совершенно правильно, что перед такими людьми, как я, надо преклоняться, так как вся моя деятельность направлена на благо моей страны, что собственно и должен делать каждый гражданин, любящий свою страну. О дальнейшей судьбе моего сына Николая мне придется говорить впоследствии.

Во время моего пребывания в Брюсселе Д. А. Пеняков

предложил мне посетить одного его хорошего знакомого, сенатора, и сделать маленькое сообщение о современном состоянии СССР перед членами ушедшего в отставку Бельгийского правительства, которое было возглавляемо Вандервельде. Я ответил Пенякову, что это предоставляется для меня очень опасным, так как одно лишнее мое слово может меня погубить по приезде домой. Пеняков уверил меня, что это собрание будет совершенно конспиративным, и я могу быть уверенным, что все присутствующие дадут мне свое честное слово, что они никому не скажут о том, что они услышат от меня; кроме того, я волен говорить только то, что я хочу, и умолчать о том, что я найду неудобным для сообщения. В пользу моего посещения меня подкупил рассказ Пенякова о том, что сенатор этот имел деловые сношения с Лениным (когда последний жил в Швейцарии) и взыскивал деньги с Ц. К. меньшевиков, когда произошел раскол социал-демократической партии. Деньги были взысканы и направлены Ленину, который послал сенатору благодарственное письмо (это письмо было мне показано сенатором, когда я был у него в гостях).

В назначенный вечер я с Пеняковым направились в дом сенатора, где уже собрались почти все члены ушедшего правительства вместе с Вандервельде. Так как последний плохо слышал, то меня посадили рядом с ним; с другой стороны сидел бывший министр торговли и промышленности (кажется, Вотерс), — весьма деловой человек, сделавший очень много для восстановления бельгийской промышленности после войны 1914 года. В течении трех часов мне пришлось отвечать на самые разнообразные вопросы по разным отраслям промышленности и экономической жизни страны, и коснуться краткой истории захвата власти большевиками. Я, конечно, оговорился, что никогда не занимался политикой и могу освещать факты с точки зрения обывателя, но в своих ответах, критикуя с деловой точки зрения действия советского правительства, я не мог не указать на то, что Ленин, поняв всю ситуацию страны и видя приближение полной анархии, с'умел околдовать народные массы, в особенности рабочих, многообещающими

лозунгами и тем самым спас в то время страну от страшного террора, размеры которого не могло-бы нарисовать самое пылкое воображение.

«Наверное я не сидел бы здесь и не рассказывал бы Вам историю нашей большевистской революции, — говорил я, — если бы в Петрограде в октябре, до воцарения Ленина, рабочие устроили бы настоящую Варфоломееву ночь; они на каждом митинге определенно заявляли на необходимость перерезать всю буржуазию, включая в нее и трудовую интеллигенцию».

Бывшие министры-социалисты сдержали свое слово, и мой визит к сенатору остался в полной тайне, но они очень благодарили меня за мое сообщение. В конце я указал на цель моего посещения Бельгии и сообщил, что Ленин, убедившись в ошибках, сделанных введением в стране военного коммунизма, проводит теперь новую экономическую политику во всех отраслях промышленности и тем самым значительно улучшил условия жизни в городах, а также положение земледелия, предоставив крестьянам различные льготы, позволяющие им разрабатывать большие посевные площади и нанимать батраков. Я выразил убеждение, что если развитие промышленности и земледелия пойдет по намеченному Лениным пути, то страна скоро оправится от гражданской войны и начнется ее быстрое культурное развитие, — в особенности, если мы получим надлежащую помощь со стороны Европы.

Обо всем этом тогда можно было мечтать, так как никто не думал, что через очень короткое время руль управления страной уже не будет в руках Ленина.

Я должен напомнить, что летом 1922 года Вандервельде, вскоре после моего знакомства с ним, пришлось приехать в Москву, где происходил суд большевиков над социал-революционерами. В глазах большевиков эта партия являлась наиболее опасной, так как они считали, что социалисты-революционеры хотят вернуть страну к капиталистическому строю. Председателем суда был назначен Ю. Л. Пятаков, и суд вынес ужасный приговор: все главные обвиняемые были

приговорены к смертной казни, которая только через много месяцев была заменена многолетним тюремным заключением. Вандервельде, присутствовавший на процессе, был возмущен порядками суда и не мог выдержать такого отношения к людям, вся вина которых заключалась только в различии их политических убеждений от убеждений большевиков; он уехал к себе домой и в заграничной прессе описал им виденное и слышанное на суде. Наверное, Пятаков в то время, когда громил социалистов-революционеров, ни на одну минуту не мог себе представить, что с ним его товарищи поступят еще хуже.

В Брюсселе мне удалось несколько раз повидать моего любимого ученика по Артиллерийской Академии, А. Ф. Драшусова, который после большевистской революции эмигрировал заграницу и очутился в Бельгии. Д. А. Пеняков, зная его, как моего ценного сотрудника по Химическому Комитету, взял его к себе на завод в качестве инженера. Драшусов был на редкость честным и исполнительным человеком, которому можно было доверить всякое серьезное дело. За свои успехи по химии, по моему предложению он был оставлен при Артиллерийской Академии инструктором и несомненно из него выработался бы очень хороший профессор химии. Я заметил в нем способность глубокого наблюдения за ходом химических реакций и ему удалось за короткое время работы в лаборатории открыть интересную реакцию превращения под влиянием щелочи и в присутствии ртути окиси азота в закись азота; протокольная заметка была помещена в Журнале Руского Физико-Химического Общества (1913 или 1914 г.).

Во время войны вел. кн. Сергей Михайлович, просил меня рекомендовать ему исполнительного и преданного делу инженера для работы в его комиссии при Ставке. Когда я решил пожертвовать Драшусовым и отдал его великому князю, то последний не мог нахвалиться работой моего любимого ученика. В советской России у Драшусова остались жена и ребенок, и он просил меня похлопотать, чтобы им разрешили выехать в Бельгию. Я обещал, и несмотря на большие трудности выхлопотал для них разрешение покинуть СССР. Тогда были еще другие времена и нравы!

Собрав в Бельгии весь нужный материал относительно возможности получения помощи от бывших владельцев заводов в России, я отправился во Францию. Ехать пришлось мне одному, так как Л. Ф. Фокин не мог получить французской визы и принужден был вернуться в Англию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ В ПАРИЖЕ

В Брюсселе мои знакомые промышленники рекомендовали мне остановиться в Париже в отеле Континенталь, куда они могли бы переслать некоторые нужные для меня бумаги и письма. Я так и сделал, хотя после раскаивался, что послушал их совета, так как это причинило мне не мало неприятностей. Во-первых, в отеле Континенталь (первоклассный отель), останавливаются все дипломаты и даже некоторые коронованные особы, а потому он всегда особенно на виду у полиции и министерства иностранных дел; во вторых, мой парижский адрес скоро узнали настроенные против меня круги Брюсселя, и дали знать кому надо, что я — член большевистского правительства и что за мной надо устроить сугубое наблюдение. Прошло не более двух дней после моего приезда в Париж, как я был вызван рано утром по телефону префектом полиции гор. Парижа; он спросил меня, я ли генерал Ипатьев, который приехал из Советской России, и, получив утвердительный ответ, приказал мне явиться в префектуру не позднее 9 часов утра, иначе я буду арестован. Конечно, мне ничего не оставалось делать, как исполнить приказание и дать в префектуре необходимые сведения о цели моего пребывания в Париже. Я получил от полиции разрешение на пребывание в Париже в течение двух недель с обязательством перед отбытием явиться снова в полицию.

В этот же день я получил приказание от министерства иностранных дел явиться в министерство (Quai D'Orsai), —

в отдел, ведающий делами иностранцев, прибывших во Францию. Здесь повторился тот-же допрос, как и в полиции, но только мне было предложено являться в министерство, когда последует вызов меня по телефону. В результате мне пришлось почти через день посещать это учреждение, причем меня всякий раз расспрашивали о разных пустяках. Такие строгости по отношению советских граждан были введены г. Пуанкаре, который только что вступил в исполнение обязанностей премьера и министра иностранных дел вместо ушедшего Бриана, который дал мне разрешение на в'езд во Францию. Госп. Пуанкаре ненавидел большевиков и, конечно, не желал иметь с ними никаких сношений; поэтому, узнав о моем пребывании в Париже и о том, что я не простой гражданин, а член советского правительства, он приказал установить за мной строжайшее наблюдение.

С этого-же дня ко мне было приставлено несколько агентов (не менее 4-х), которые с утра до вечера следовали за мною по пятам. Я на другой-же день заметил, что за мною следят какие-то две личности, и когда я окончательно убедился, что они не оставляют меня в покое, то я обратился к ним с вопросом, что им от меня нужно. Они ответили мне: «не обращайте на нас внимания и делайте то, что Вам надо». Я помню, что однажды вечером я был приглашен к г. И. Е. Фроссару на обед и оставался там весь вечер почти до 12 часов. Мои соглядатаи все время дежурили около дома и потом поехали за мной в отель, где, повидимому, они дежурили всю ночь. Другой раз я поехал в Passy к моему хорошему знакомому по Москве А. И. Берлингу; я не мог сразу найти дом, где он жил, и так как в этой уединенной части города не к кому было обратиться за справкой, то волей-неволей пришлось спросить моих агентов и мы вместе стали у фонаря рассматривать план города Парижа, пока не разыскали необходимый дом.

Мое пребывание в Париже стоило мне большого нервного напряжения, так как в Париже скоро стало широко известно что из Советской России приехал известный химик и генерал

царской службы, а ныне член советского правительства. Все газеты печатали статьи о моем пребывании, и репортеры всех газет стали звонить по телефону, с просьбой дать интервью и разрешить снять с меня фотографию. Кроме того, русские промышленники и общественные деятели, с которыми мне приходилось работать в России во время войны, как то А. И. Гучков, Лианозов, Нобель и др., также желали меня видеть и просили назначить время, когда я могу их принять. Хотя Ленин и дал мне карт бланш принимать и говорить со всеми, с кем я найду нужным, тем не менее я отлично сознавал, насколько я должен быть осторожным в беседах с репортерами и эмигрантами, чтобы не сказать чего-либо лишнего, за что я должен буду дать ответ перед моим правительством. Я вышел из этого затруднения, можно сказать, блестяще; более дюжины газет французских и русских напечатали интервью со мной, а также и мои портреты, с самыми разнообразными заголовками о цели моего прибытия во Францию, но ни одна из них не могли скомпрометировать меня перед моим начальством и ГПУ. Я даже получил похвалу одной большевистской газеты, издаваемой в Риге, за мои ответы на казуистические вопросы, которые мне были заданы в Париже репортерами белогвардейской прессы. На стенах издательств газет были помещены мои портреты, а кинематографическая фирма Pathé специально снимала меня для кино в своей мастерской, помещающейся в пригороде Парижа. Мой портрет показывался во всех кино Парижа и в рабочих кварталах вызывал аплодисменты, а в более аристократических кварталах — звуки неодобрения.

Во время пребывания в Париже мне пришлось принять у себя в отеле много русских эмигрантов, большинство которых в свое время занимали очень видные посты. Я имел долгую беседу с А. И. Гучковым и с Лианозовым. Последний очень интересовался нефтяными делами и спрашивал о возможности концессий. Такие же вопросы мне задавал Г. Л. Нобель (младший брат Эмануила Людв. Нобель). Конечно, я не мог сообщить им ничего утешительного, так как большевики от продажи заграницу нефти и ее дистилятов ожидали получить

значительные количества крайне необходимой для них валюты. Очень интересовался получением концессии Г. Сиу, имевший в Москве конфектную и мыловаренную фабрики; все его состояние находилось в русских бумагах, и он с приходом большевиков потерял все свое состояние. Я не могу припомнить всех лиц, которые посетили меня в Париже, но я принимал и утром, и поздним вечером всех желающих меня видеть, если только они имели какое-либо отношение к российским делам.

В первую очередь по приезде в Париж я посетил моего друга И. Е. Фроссара, который в конце 1918 года оставил Россию и приехал в Париж, где стал во главе общества Companie Nationale des Matieres Colorantes, которое имело в виду наладить производство красок во Франции; это общество субсидировалось правительством. Благодаря И. Фроссару и его брату Людвигу, которые были специалистами в красильной промышленности, это общество стало на твердую почву и быстро наладило производство как полупродуктов, так и красок, наиболее необходимых для текстильной промышленности. Надо иметь, однако, в виду, что после окончания войны и об'явления перемирия, французское правительство командировало комиссию в Германию, которая должна была закрыть работу всех заводов, работающих на оборону. Во главе химической подкомиссии был послан И. Фроссар, который сделал полную ревизию всех химических заводов на Юге Германии, об'единившихся во время войны в громадный трест И. Г. (Interessen Gemeinschaft). В него вошли заводы Bayer Co., Leverkusen, Badenische Aniline Soda Fabriken, Ludvigshafen, Farben Industrie (Frankfurt) и другие. Директором всего треста был избран Дюисберг (Duisberg, замечательный организатор и высоко образованный и талантливый инженер). В правление И. Г. входили выдающиеся инженеры Bosh, Hess и др., с'умевшие поставить химическое дело в Германии на первое место во всем мире. И. Фроссар получил неограниченные полномочия по ревизии химической промышленности в Германии и с своими помощниками был в состоянии не только

узнать все секреты производства, но и заполучить все необходимые планы и чертежи аппаратуры, что являлось крайне необходимым для установления в кратчайший срок подобных производств в своей стране. Немцы после проигранной кампании были в таком состоянии, что беспрекословно исполняли все приказания, которые исходили из Парижа. И. Е. Фроссар предложил мне осмотреть вновь построенный завод красок недалеко от Парижа (около 50 кил.), и я, вместе с его братом, Людвигом, предпринял эту поездку. Я был удивлен, с какой быстротой был оборудован завод и началось производство красок. На этом заводе я встретил знакомых химиков-французов, которые работали во время войны в моем химическом комитете, а перед войной вместе с Фроссаром работали на заводах Коншина, в Серпухове, и Н. А. Второва, в Москве. Я встретил также двух русских химиков, тоже из бывших моих сотрудников по Комитету.

Многие из французских промышленников хотели меня видеть, зная меня по моей деятельности во время войны, и потому Фроссар предложил им устроить мне завтрак и пригласить также Пенлеве, бывшего во время войны военным министром; это он, по ходатайству министра Альбера Тома, наградил меня Командорским Орденом Почетного Легиона. На этом завтраке собралось около 30 человек, и в течении трех часов велась очень оживленная беседа о прошлом и о настоящем, причем мне пришлось говорить больше всех и отвечать на вопросы, связанные, главным образом, с установившимся режимом. Очень прочувственную речь сказал Пенлеве, в которой оттенил значение помощи России во время войны и выразил пожелание, чтобы поскорее началась совместная работа между двумя дружественными нациями, которым не о чем спорить, но которые заинтересованы в поддержании мира между всеми народами в Европе. На эту речь Пенлеве мне пришлось сказать несколько слов, в которых я подчеркнул, что моя родина часто оказывала помощь другим странам, находившимся в трудном положении, а кроме того, я позволил себе прибавить, что русский гений вложил в сокровищницу

человеческих знаний большие достижения, как в науке, так в искусстве и музыке. В настоящее время наша страна находится в тяжелом положении, и мы просим дружественную нам нацию оказать посильную помощь.

Член Академии Наук Т. Haller, который был хорошо знаком со мной, так как дважды приезжал в Россию до войны и делал доклады о своих работах в Русском Физико-Химическом Обществе, узнав о моем приезде, тотчас же посетил меня и организовал в честь меня банкет, в котором приняли участие многие выдающиеся химики. Я вспоминаю, что там были Moureau, Blaise, Delephine, Fourneau, Urbaine, Behal и другие. Я приехал на банкет вместе с Фроссаром, который повсюду меня сопровождал и много помогал мне. Французские химики с большим вниманием отнеслись ко мне, и беседа затянулась на несколько часов. Между прочим, был поднят вопрос о неполучении Французским Химическим Обществом нашего Журнала Р. Ф.-Х. О. с самого начала войны. Я обещал по приезде в Петроград переговорить с А. Е. Фаворским и выслать все недостающие годы журнала. Эту просьбу я выполнил и после переговоров с А. Е. было решено выслать журнал, но встретились затруднения по пересылке, так как нельзя было послать его прямо в адрес Франции (ввиду непризнания Францией советского правительства), а пришлось пересылать кружным путем через Англию. В конце концов после долгого промежутка времени журнал был получен Франц. Хим. О-вом.

Когда Haller узнал о неприятностях, которые я имел от префектуры, ограничившей мое пребывание во Франции, он обещал мне переговорить с Пуанкаре, который был его другом и с которым они учились вместе в Политехнической Школе. Я просил его не беспокоиться, но тем не менее он говорил обо мне с Пуанкаре и последний обещал узнать подробности о моем деле. Просьба Haller'а была уважена, и секретарь Пуанкаре позвонил мне по телефону за 3 дня до моего от'езда из Парижа и предложил мне тотчас-же подать прошение министру о продлении срока моего пребывания, обещая, что ответ будет положительный: прошение нужно только для проформы. Я

просил передать мою благодарность министру, но от подачи прошения отказался.

Ввиду отсутствия дипломатических сношений с СССР, в Париже не было никакого официального советского представительства. Но для оказания помощи в некоторых торговых делах Красин, по соглашению с советским правительством, командировал в Париж г. Скобелева, бывшего министра труда во Временном Правительстве Керенского. Перед моим от'ездом в Париж, Красин предложил мне повидать Скобелева, дал некоторые к нему поручения и просил сообщить ему о моих переговорах с деловыми французскими людьми. Поэтому я счел своим долгом явиться к нему в условленное время на квартиру. Здесь меня ожидал очень хороший прием, как со стороны Скобелева, так и его супруги, которая была незаурядной певицей, и раз'езжала по разным странам, давая концерты и выступая в опере. Обстановка его квартиры и прекрасный завтрак говорили за то, что они хорошо обставлены с материальной стороны. Что касается до его деловых переговоров, то они только начинались, и ничего серьезного пока не предвиделось. Сам Скобелев мне показался самым ординарным существом, и я подумал, что едва ли его натура была способна выявить особую энергию и инициативу на посту государственного деятеля. Будучи меньшевиком по своим политическим воззрениям, он не обладал способностью ни оценить создавшуюся кон'юнктуру, среди которой ему приходилось действовать, ни принять в нужную минуту решительные меры для того, чтобы направить события в желаемом направлении. Он не мог помочь мне в деловых переговорах, так как сам начал заниматься делами незадолго перед моим приездом.

Только в одном деле нам пришлось работать совместно: Красин прислал мне телеграмму, чтобы я, вместе со Скобелевым, отправился к г-ну Онегину, проживающему в Париже, для осмотра и переговоров с ним по поводу передачи советскому правительству собранных им в течении целой жизни предметов и корреспонденции, относящихся к жизни и дея-

тельности А. С. Пушкина. В назначенный день, помню, это было в воскресенье, — я и Скобелев отправились выполнить указанное поручение. Перед нами предстал очень живой, симпатичный старичок, уже за 70 лет; он рассказал нам историю развития своего «Пушкинского Музея» и об'яснил, что он, оставшись под конец жизни без всяких средств, принужден теперь кому-нибудь его продать. Но так как он — русский человек до корня волос, то, конечно, его заветным желанием является, чтобы его коллекции после его смерти влились бы в Пушкинский Музей при Российской Академии Наук. Поэтому он обратился к советскому правительству с предложением завещать свой Музей СССР, но с тем, чтобы до его смерти он получал бы известную сумму денег для его скромного прожития и для оплаты за наем помещения для Музея.

«Мне жить осталось недолго, — сказал он, — и Россия получит ценную коллекцию почти даром в сравнении с тем, что она мне стоила. Я не приятель большевиков, но я сделал это предложение только потому, что все это должно принадлежать моей стране, России».

Мы осмотрели внимательно его музей и поразились, с какой тщательностью и знанием дела были собраны все предметы, письма, гравюры, портреты и т. п., и пришли к заключению, что эта коллекция послужит ценным дополнением Петроградского Пушкинского Музея. На прощание он об'яснил нам, как приходится ему жить при создавшихся условиях; он ходит обедать в эмигрантскую общественную столовую, где за дешевую цену получает очень скудный обед; он не может позволить себе пойти в кинематограф и бережно донашивает свое старое платье, так как не имеет возможности приобрести что-либо новое. Между прочим, он предупредил меня, что в эмигрантских кругах знают о моем приезде в Париж и очень настроены против меня. Они уверены, что я продался большевикам, и считают, что подобные люди должны быть без всякой пощады уничтожаемы, как предатели своей родины. Он предупредил меня, чтобы я был как можно осторожнее, потому что очень велико озлобление против меня и легко могут слу-

читься больше неприятности. Мы поблагодарили и за предупреждение, и за показ музея, и сообщили ему, что дадим Красину благоприятное заключение относительно приобретения его музея.

Как я уже сообщал ранее, вся пресса Парижа поместила целые статьи обо мне и в общем отнеслась ко мне скорее сочувственно. Каждого репортера я предупреждал, что дам интервью только с тем условием, что они не будут мне задавать политических вопросов и напишут, что я никогда не занимался политикой и являюсь вполне беспартийным гражданином своей страны. И, действительно, все репортеры выполнили свое обещание. Но от двух газет я не имел репортеров: от французской «L'Action Francais» и от русской «Общее Дело». «L'Action Francais» крайне правая монархическая газета, редактируемая Леоном Додэ (сына известного писателя Альфонса Додэ), который отличался крайне невоздержанным характером и не стеснялся средствами в борьбе со своими политическими противниками. Для него каждый большевик представлял из себя падшее человеческое существо, лишенное всяких нравственных устоев и достойное полного презрения. Всякое общение с подобными существами не может быть ничем оправдываемо, и человек, который вступает с ними хотя бы в деловые отношения, также достоин проклятия. Зная эти взгляды, не трудно себе представить характер той статьи, которую написал Л. Додэ по поводу моего приезда в Париж. К сожалению, собранные мною тогда вырезки остались в Петрограде, и я могу привести здесь только некоторые выдержки, которые наиболее характерны и удержались в моей памяти. Он начинал с того, что знаменитый Ипатьев, слуга и посланец Ленина, брат того Ипатьева, в доме которого в Екатеринбурге были убиты царь Николай II и вся его семья; екатеринбургский Ипатьев вовсе не еврей, как иногда пишут, а военный инженер и капитан царской службы. В виду такого злодеяния, совершившегося в доме Ипатьевых, им надо было бы переменить свою роковую фамилию. Затем следует обсуждение вопроса, с какой целью Ленин мог послать Ипатьева во Францию. Если

Ленин и его банда вполне доверяют Ипатьеву и пользуясь его известностью послали его для пропаганды большевизма во Францию и других странах, тогда Ипатьев ничем не отличается от этой гнусной банды. Если-же такого полного доверия к нему нет, то прежде, чем послать его для деловых сношений (чему Додэ не особенно верит), Ленин должен был бы принять такие меры, о которых я нахожу более удобным умолчать. Я не имел ни малейшего желания возражать на подобное писание, — хотелось только сообщить автору, что дом Романовых вышел из Ипатьевского монастыря, процарствовал 300 лет и за это время Россия выросла в громадную империю. Потому я не вижу основания для перемены своей фамилии в том, что царской семье суждено было погибнуть в нашем доме.

Газета «Общее Дело» издавалась в Париже под редакцией известного Бурцева; она вели непримиримую борьбу против большевиков, называя их насильниками и врагами русского народа. Конечно, Бурцев не мог оставить без внимания факт моего приезда во Францию с особо важными поручениями от Ленина и его правительства. Со свойственным ему юмором он написал статью о моем приезде, в которой не постеснялся, подобно Л. Додэ, изобразить меня, как человека с продажной душой. Ипатьев, знаменитый химик, как это признают все, показавший во время войны организаторские способности, ныне поступил на службу советского правительства, получив высокий пост члена Президиума ВСНХ и поставлен также во главе всей химической промышленности СССР. Хотя Ленин и Троцкий решили послать Ипатьева заграницу для восстановления разрушенной химической и металлургической промышленности, но они имели попутно и еще одну цель, — пропаганду своего большевистского учения. Ипатьев предстал здесь в Париже в виде Троянова коня, и скрытые агитаторы параллельно начнут свою зловредную работу. Мы слышали, что за помощь большевикам Ипатьев получил назад свою собственность и великолепно обеспечен. Он пользуется полным доверием Ленина и несомненно, что в будущем, как только будет признан СССР, он явится первым советским послом во Фран-

ции. Я не могу припомнить всех подробностей этой гнусной статьи, но и приведенного довольно для того, чтобы понять, какого мнения была эмигрантская публика относительно моего поведения в Советской России.

Я показал обе газеты моему другу И. Фроссару, и он, по прочтении их, сказал мне:

«Владимир Николаевич, всякий, кто знает Вас, не поверит ни одной написанной здесь строчке, а Вас знает так много народа, что не стоит обращать внимание на это нелепое писание; история не только Вас оправдает, но и оценит Вашу деятельность для Вашей страны во все времена ее лихолетия».

Уроки войны показали, какое громадное значение имеет химическая промышленность, и потому во Франции после войны было обращено большое внимание на развитие всех отраслей химической промышленности. Для научных исследований в лабораториях требовались химические реактивы, и так как их производство во Франции было в зачаточном состоянии, то для уничтожения зависимости от Германии, которая до войны поставляла эти реактивы во все страны, фирма Paulencs Freres приступила к производству этих веществ в большом масштабе. Вероятно, с целью заручиться моей рекомендацией для поставки химических реактивов в СССР, а также из желания похвастаться развитием их деятельности, они настойчиво приглашали меня посетить их завод и лаборатории. Я был занят более важными делами, но согласился, — с условием, что они заедут за мной очень рано утром, чтобы не помешать исполнению моей намеченной программы. Я был очень доволен, что согласился осмотреть их новые производства, методы очистки химических веществ, а также гидрогенизацию различных органических веществ, как то ароматических углеводородов, фенолов и пр., — по методу не Sabatier и Senderens, а Ипатьева, т. е. под давлением и в присутствии окиси никкеля, а не восстановленного никкеля.

Мое удовольствие еще более возросло, когда директор завода представил мне их консультанта, Mr. Senderens, сотрудника Sabatier по гидрогенизации. Он тоже был очень рад

меня видеть и поговорить со мной, но так как я мог остаться на фабрике только короткое время, то он очень просил меня заехать к нему на квартиру, где мы могли бы поговорить в спокойной обстановке. Мы условились о времени, и в назначенный час я приехал к Сендеренс и провел с ним в беседе около двух часов. Хотя и был он аббатом, но он не исполнял церковных служб, а был инспектором классов в Тулузской Духовной Семинарии и всегда интересовался химией. Он встретил меня очень радушно и назвал меня «eminent chemist Russe», а когда я сказал, что не надо говорить комплиментов, то он дал мне свою только что опубликованную статью о дегидратации органических соединений, в которой он к моей фамилии прибавил указанный эпитет. Из разговора я понял, что он разошелся с Sabatier, но, конечно, мне было неловко спрашивать о причине их разрыва после довольно продолжительной и плодотворной совместной работы. Далее оказалось, что он имеет в саду собственную лабораторию, и он мне показал, какие реакции он там производит. Он сообщил, что мои работы по гидрогенизации углеводов под сравнительно малыми давлениями в водных растворах привлекали его особое внимание, и он стал повторять мои опыты и при еще более нежных условиях получил промежуточное соединение между сахаротами и алкоголями ангидридного характера в виде хорошо развитых кристаллов, часть которых он мне дал на память. Senderens произвел на меня очень симпатичное впечатление, и своим обращением и разговором напоминал мне тип настоящего ученого старого типа, имеющего философское воззрение на науку и на ее применение на пользу людскую. Он мне дал с автографом последнюю свою брошюру относительно дегидратации органических соединений под влиянием катализаторов, где с самого начала отдает должное моему открытию глинозема, как первого катализатора для дегидратации алкоголей.

И. Е. Фроссар устроил мне свидание с некоторыми банкирами, которые были заинтересованы в русских делах, а кроме того, сообщил мне, что меня очень хочет видеть бывший

французский посол Нуланс, но так как время моего пребывания в Париже было исчерпано, а просить о новом разрешении я считал неудобным, то это свидание не состоялось.

На станцию железной дороги приехал меня проводить мой друг Фроссар и наша француженка M-lle Jeanne Bruand, которая была гувернанткой наших детей в течении почти пятнадцать лет и была другом нашей семьи. Она из газет узнала о моем прибытии в Париж и приехала из провинции на несколько дней, чтобы повидать меня и распросить о нашем житье в СССР. Мой сын, Николай, был все время в контакте с ней, и она даже временами помогала ему и морально, и, кажется, материально. Кроме этих моих друзей, меня провожали два агента полиции до самой границы, где мы обменялись издали вежливыми поклонами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ В БЕРЛИНЕ

Я приехал в Лондон около половины февраля и тотчас-же приступил к составлению второго рапорта В. И. Ленину, в котором подробно описал все виденное и слышанное во Франции. К сожалению я не могу припомнить, где находятся копии этих двух рапортов, посланных мною из заграницы. Конечно, по приезде в Лондон я и Фокин имели продолжительную беседу с Красиным и Клышко относительно Генуэзской конференции. Фокин указал Красину, что я, стоявший во время войны во главе всей химической промышленности, а также призванный ныне советским правительством для ее восстановления и дальнейшего развития, был бы крайне полезным экспертом в Генуе. Л. Б. Красин вполне согласился с этим предложением и сказал мне, чтобы я наметил те вопросы по развитию химической промышленности, которые желательно было бы обсудить на конференции. С своей стороны, он прибавил, что ему придется скоро отправиться в Москву для

обсуждения всех вопросов, связанных с означенной конференцией, и он не забудет сделать предложение правительству о моем назначении экспертом по химической промышленности.

Закончив все дела в Лондоне, 1-го марта я выехал в Берлин. Здесь у меня оставалось только одно незаконченное дело: обследование деятельности Бинта и сокращение его штатов. Для помощи мне в этом деле из Москвы приехал член коллегии НТО, Михаил Яковлевич Лапиров-Скобло, очень энергичный сотрудник НТО, работавший в нем почти с самого основания. Лапиров-Скобло был инженер-электрик, работавший некоторое время на заводе электрических ламп, который был построен во время войны. Он принимал участие в Военно-Промышленном комитете и, благодаря своему общительному характеру, был знаком с громадным числом деловых лиц старого режима, а также со всеми выдающимися в то время большевиками. Он сотрудничал в «Правде» и был очень близок к Бухарину, редактору «Правды»; он был в великолепных отношениях с Н. П. Горбуновым, секретарем Совнаркома, при котором он поступил на работу в НТО, когда тот возглавлял НТО. Достаточно было только раз поговорить с М. Я., чтобы понять общую симпатию, которой он пользовался среди людей, какого бы политического толка они ни были. Мне пришлось наблюдать этого человека в различных случаях нашей деловой работы в НТО, и я могу сказать, что такого ловкого и приспособляющегося ко всякой обстановке человека я редко встречал в своей жизни. Он хорошо говорил и не был лишен остроумия, а в своих многочисленных фельетонах, которые он помещал в разных журналах, создавал себе славу очень образованного человека и искусного организатора. Я помню, как В. А. Куйбышев, произнося речь о необходимости издания советской энциклопедического словаря, перечисляя лиц, которые должны были принять участие в редактировании различных отделов, назвал Лапирова-Скобло, как превосходного организатора. Зная М. Я. в течении 10 лет, я не могу судить, что он был хорошим организатором, так как, собственно говоря, сам он ничего не создал; в качестве члена коллегии НТО, он помогал

физическим институтам проводить свои сметы и штаты и, как человек очень осторожный и умеющий точно определить политическое и административное положение каждого лица, к нему обращающегося, он оказывал ему соответствующую помощь. Со мной он был в самых хороших отношениях и между нами никогда не было недоразумений. Он только любил в разговорах со мною подчеркивать, что он давал обо мне, как об ученом, очень лестные оценки, когда кто-либо обращался к нему с вопросом о моей личности. Не знаю, правда или нет, но, по его словам, напр., Бухарин не раз спрашивал М. Я., действительно ли Ипатьев такая большая научная величина, как ему приходилось обо мне слышать. Но общее мнение о М. Я. было таково, что он милый, очень покладистый человек, незабывающий себя и легко приспособляющийся ко всяким комбинациям. И. Т. Смилга как-то раз выразился о нем, что он «фельетонный инженер», так как поверхностно судит о самых разнообразных вопросах, о которых пишет.

В Берлин Лапиров-Скобло был командирован ВСНХ, чтобы обревизовать и сократить Бинт. Раз М. Я. понял, что начальство желает сократить Бинт, то это должно быть сделано во что бы то ни стало, и он принялся так энергично за это дело, что мне пришлось сдерживать его порывы и защищать Н. М. Федоровского, организатора этого учреждения. Из 80 человек мы оставили на первое время только 20, а через год сократили еще более, чуть ли не до 5 человек; впоследствии, лет через пять, он совсем был упразднен; но не надо забывать, что Бинт несомненно принес в свое время существенную пользу для связи наших научных учреждений с заграничными. Необходимо упомянуть, что наиболее активными работниками в этом учреждении были инженер Ройтман, возглавлявший его после ухода Федоровского, а потом А. Ф. Третлер, который и после прекращения Бинта работал при берлинском Торгпредстве для вышеуказанной цели. Оба эти лица были очень хорошими работниками и делали все возможное, чтобы выполнять возлагаемые на них поручения.

По приезде в Берлин я узнал поразившие меня новости.

Во-первых, что я уже не являюсь начальником Главного Химического Управления, так как таковое вообще уничтожено и его функции переданы в Производственный Отдел ВСНХ; ведать химическими делами в этом отделе поручено химику Владимиру Павловичу Кравецу, который работал у меня в Химическом Управлении, а во время войны был в Баку на нефте-бензоловом заводе. Вторая новость заключалась в том, что я был назначен председателем коллегии НТО с оставлением меня членом Президиума ВСНХ, причем никакого запроса, согласен ли я занять эту должность или нет, сделано не было.

Упразднение Главного Химического Управления в то время, когда мы в течении 8 месяцев вели интенсивную работу для восстановления промышленности и ее дальнейшей правильной организации, представляло самую вопиющую нелепость, какую только можно себе представить. Инициатива этой глупейшей меры принадлежала, несомненно, председателю ВСНХ П. А. Богданову, которому мое назначение в Президиум и начальником Главхима было вообще не по сердцу, так как он хотел видеть на этом посту своего товарища по Московскому Техническому Училищу, С. Д. Шеина. И тогда, а в особенности теперь, после того, как жизнь среди большевиков научила многому, я понял всю интригу против меня; человек, призванный руководить промышленностью СССР, из своих мелочных расчетов не постеснился погубить важное государственное дело...

Упразднение Главхима облегчалось тем, что я долго отсутствовал и временное управление делами, по распоряжению П. А. Богданова, было поручено не моим заместителям Аккерману и Шварцу, а С. Д. Шеину. Для временного исполнения обязанностей не надо было спрашивать ни Политбюро, ни другие органы. С. Д. Шеин, будучи большую часть времени в нетрезвом состоянии, начал портить намеченную программу, вступил в конфликт с Аккерманом и стал жаловаться Богданову. Это было как раз на руку последнему, и он провел полную ликвидацию Управления, даже не узнавши моего

мнения по этому крайне важному вопросу, касающемуся не только дальнейшего развития мирной химической промышленности, но также и для обороны страны. В этом поступке сказался весь характер П. А. Богданова, совершенно непригодного для крупной государственной деятельности и можно было лишь удивляться близорукости тех людей, которые утвердили подобное постановление Президиума ВСНХ. Надо только заметить, что Рыков, зам. председателя Совнаркома, в то время был заграницей, где ему делали серьезную операцию, а Ленин в это время также находился в очень болезненном состоянии и, быть может, не мог вникнуть во все детали столь безрассудного постановления. Мне еще придется не раз возвращаться к характеристике деяний П. А., с которым мне приходилось часто встречаться в течении моей жизни.

Узнав о ликвидации ГХУ, я очень опечалился за исключительно пренебрежительное отношение к такой важной отрасли промышленности, а вовсе не потому, что лишился должности начальника этого управления. Я был оставлен членом Президиума ВСНХ и на мне лежало попрежнему наблюдение за всей химической промышленностью, но я имел в своем распоряжении только одну секретаршу и ни одного инженера, сведующего в химической промышленности. Мне предоставлялось право, по соглашению с начальником Производственного Отдела ВСНХ, требовать данные и помощь от лиц, входящих в этот Отдел по химической части. Интересно отметить здесь, почему я остался членом Президиума ВСНХ, несмотря на уничтожение Главного Химического Управления. Об этом мне рассказал по наивности сам председатель ВСНХ Богданов, когда я вернулся из заграницы. Как я раньше уже сообщил, члены Президиума ВСНХ выбирались С'ездом Советов Народного Хозяйства, которые собирались ежегодно. Но на верхах было решено отменить такой порядок: зачем де чиновники народного хозяйства будут выбирать себе начальство? Это очень демократично, но не удобно для большевистской власти. Гораздо удобнее прямо назначать членов Президиума через Политбюро. Во время моего пребывания заграницей в

закрытом заседании под председательством Богданова было решено число членов сократить до семи и так как ГХУ было уже ликвидировано, то само собой я подвергался исключению. В. И. Ленин очень интересовался составом Президиума и не один раз спрашивал Богданова по телефону, кто войдет в его состав. Когда Богданов сообщил ему, что решено оставить только 7 членов вместо 10, то Ленин спросил: «а Ипатьев входит в состав?» И получив отрицательный ответ, тотчас-же заметил: «Необходимо, чтобы Ипатьев входил в состав Президиума при всяком числе членов».

По приезде в Берлин я встретился с И. Т. Смилгой, который приехал в Берлин с целой комиссией по нефтяным делам, для решения различных вопросов связанных с возможными концессиями и заказами оборудования. Главным помощником ему в этом деле был проф. Рамзин, который работал в Главном Управлении по Топливу в качестве консультанта. Смилга пользовался большими симпатиями Ленина, и во время гражданской войны был политическим комиссаром Северо-Западной Армии. Он был латыш и до войны занимал должность учителя в одном из учебных заведений Латвии, преподавая, насколько я помню, историю и русскую словесность. Это был человек с хорошим образованием, владел отлично речью, говорил с большим авторитетом и в своих действиях отличался решительностью и настойчивостью. Ему было тогда около 31-32 года, цветущего здоровья и с симпатичными чертами лица. Он был несомненно убежденным коммунистом и на меня производил симпатичное впечатление своей прямотой и отсутствием боязни высказывать свои убеждения, хотя бы они шли в разрез с мнениями его товарищей по партии. Я считал тогда, что он выше всех остальных членов Президиума и что собственно ему надо было бы руководить ВСНХ. В заседаниях Президиума я никогда не слыхал от него каких-либо нелепых предложений, и если иногда, не зная всех деталей дела, он делал возражения, то его всегда можно было убедить и склонить на свою сторону. Я не раз это испытывал на себе в особенности в вопросе о возрождении коксобензоловой промыш-

ленности. Он был безусловным поклонником НЭП'а, сильно поддерживал план соединения промышленности и торговли в один комиссариат, был против азиатских методов торговли и пр. Вследствии своего прямого характера, он имел, не мало врагов и в особенности он встречал большие препятствия для проведения целого ряда мер по топливной промышленности со сторны А. И. Рыкова. «Придется уйти в отставку, — говорил нам Смилга, — не могу ладить с Алексеем (Рыковым)». И, действительно, Смилга оставался в Президиуме ВСНХ только два года и был потом перемещен на другие должности, не соответствующие его способностям.

Смилга рассказал мне о состоянии здоровья Ленина, которого он видел перед от'ездом и об'яснил мне (может быть, многое скрывая), что Ленин очень переутомлен, не может спать по ночам, похудел и пр., но опасного в его болезни ничего нет, — ему нужен лишь продолжительный отдых. Я был очень рад встретиться с Рамзиным в Берлине, так как он мне внушал большое доверие и был несомненно очень способным человеком и специалистом в своей области. Он задумал выстроить Тепло-Технический Институт в Москве и заручился поддержкой Смилги, который ассигновал ему на это хорошие средства, понимая то значение, которые будут иметь все научно-технические исследования по сжиганию различных видов топлива в лабораторных и полу-заводских условиях. Я считаю, что эта поддержка Смилгой подобного Института достаточно рисует его, как человека, способного широко охватить те задачи, которые на него были возложены. Так как мы жили в одной и той-же гостинице, то очень часто вместе обедали, а по вечерам вели продолжительные беседы на различные темы, не боясь подчас быть очень откровенными.

Будучи в Париже, я обратился к И. Е. Фроссару с просьбой помочь мне посетить немецкие химические заводы И. Г. в Леверкузене (около Кельна), Баденские анилиновые и содовые заводы в Людвигсгафене и Фарбверке около Франкфурта. Он с большой готовностью пошел мне навстречу и дал телеграмму в правление И. Г. Его влияние было еще настолько

велико, что тотчас же была получена ответная телеграмма, в которой, кроме согласия, спрашивалось, в какие сроки проф. Ипатьев желает посетить заводы. Я назначил дни, в которые я смогу быть на заводах. По приезде в Германию, первым я осмотрел завод в Леверкузене. Немцы мне устроили замечательно любезную встречу, показали все мастерские и все новые производства. В Леверкузене, главным образом, вырабатывались краски и фармацевтические препараты, как то аспирин, сальварсан и пр. Нечего говорить, что на заводе был образцовый порядок и замечательная чистота. Большой интерес для меня представлял их музей, в котором можно было проследить развитие красочного производства с первых дней существования завода (около пятидесяти лет тому назад). Лаборатории для химических научных исследований представляли из себя настоящие дворцы науки. Вероятно, директора И. Г. хотели лично познакомиться со мной, потому что после окончания осмотра был устроен великолепный завтрак, на котором присутствовали все наиболее влиятельные лица треста во главе с председателем Дюисбергом. Во время продолжительного завтрака я был подвергнут всяким расспросам, как относительно развития химической промышленности во время войны, так и о современном ее состоянии. Д-р Дюисберг, с которым я сидел рядом, произвел на меня очень сильное впечатление высоко образованного и выдающегося человека. Во время откровенного разговора не обошлось и без некоторой критики поведения Германии во время минувшей войны в особенности по отношению к России. Из его слов было ясно, что, по его мнению, Германии и России следовало не забывать завет Бисмарка и не воевать друг против друга. С своей стороны, я поставил Дюисбергу вопрос: что для Германии выгодно, — иметь Россию сильной или слабой в обоих случаях победы или поражения Германии? Я не получил сразу ответа на мой вопрос, но после того, как я высказал свое мнение, что во всех случаях Россия должна быть сильной державой для того, чтобы охранить равновесие в Европе, я получил ответ, что я прав.

После завтрака мне показали новые дома для рабочих (около 1500 рабочих получили от завода новые квартиры), школы, больницу, клуб и пр. Невольно я сравнивал все это с условиями жизни наших рабочих, но утешил себя мыслью, что новое рабочее правительство сделает все, чтобы поставить наших рабочих еще в более лучшие условия жизни, чем заграницей.

Наибольшее впечатление на меня произвел осмотр Баденской анилиновой фабрики в Людвигсгафене. Самым интересным для меня было осмотр завода синтеза аммиака из азота и водорода под давлением 200 атмосфер и при температуре около 500 град. в присутствии железного катализатора. Всем химикам известна история открытия этой реакции Габером и его споры с Нернстом незадолго до войны 1914 года. И хотя первые заводские опыты до войны дали отрицательные результаты, но правление Баденских заводов не испугалось и решило опыты продолжать. Война еще более подтолкнула развитие этого процесса, так как в военное время не обращают внимания на экономическую сторону дела. Действительно надо отдать должное талантам др. Боша и Миташа и их сотрудникам, которые преодолели все трудности, связанные с работой под высокими давлениями и с высокими температурами, и достигли блестящих результатов. Др. Миташ, с которым я познакомился впервые, сказал мне, что в день моего прибытия уже 1000-ый катализатор испытывается в лаборатории. Его любезное отношение ко мне дало мне почувствовать, что в этой колоссальной работе человеческого гения есть капля и моего меда, так как за несколько лет до работ Габера и Нернста в моей лаборатории я ввел впервые давление, как необходимый фактор для каталитических процессов, совершающихся при высоких температурах, о чем совершенно справедливо отмечает Р. Вильштеттер в предисловии к моей книге: «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях».

На Баденской анилиновой фабрике я встретил моего старого знакомого др. Виллигера, который работал в качестве личного ассистента Байера, в то время, когда я был в Мюнхе-

не. Он был очень рад меня видеть, провел со мной некоторое время в воспоминаниях о работах в Мюнхене и сказал, что он имел уже перед войной миллионное состояние, но теперь все потерял. Ему не долго оставалось жить: вскоре он покончил все земные счеты.

На Баденских и Фарбверке заводах, показывая новые процессы, мне нередко говорили, что этот процесс ведется «Nach Ipatieff» (по методу Ипатьева). Дело в том, что до революции я никогда не брал никаких патентов на мои открытия. Многие меня ругали за это, и проф. Яковкин, который был экспертом в Бюро Патентов, говорил мне, что одно мое открытие, влияние давления на химические процессы дало бы мне заграницей миллионы. Вследствие такого моего философского отношения к делу, заграница безвозмездно использовала все мои открытия и брала соответствующие патенты, ограждая себя от конкурренции других компаний. Я не раз слышал, что И. Г. имеет самого дешевого работника Ипатьева, которому не надо ничего платить за его открытия. После осмотра этих заводов я пришел к заключению, что я, по своей скромности, себя не дооцениваю достодолжным образом и что по приезде в СССР мне необходимо все мои силы направить на дальнейшую научную деятельность, которая, как я видел в Европе, признается крайне полезной и для науки, и для техники.

В очень скором времени по прибытии в Берлин я получил телеграмму из ВСНХ, подписанную Ю. Л. Пятаковым, которая гласила, что мне предлагается немедленно выехать в Москву. Я узнал, что Пятаков назначен заместителем председателя Президиума ВСНХ, а также заместителем председателя Госплана. Ввиду разговоров с Красиным относительно моего участия в Генуэзской конференции, я не знал, что мне делать, тем более, что как раз в это время пришла телеграмма от Фокина из Лондона о созыве там конференции экспертов по промышленности, едущих в Геную, и о крайней желательности моего на ней присутствия. Так как телеграмма о моем вызове была получена через Полпредство, то я отправился к Н. Н.

Крестинскому, чтобы выяснить мое положение. Но Н. Н. уехал в Москву; вместо него остался Пашуканис, старший советник Полпредства, который посоветовал послать телеграмму в Президиум ВСНХ с изложением всех обстоятельств моего здешнего положения. По правде говоря, тон телеграммы из Москвы наводил меня на неприятные размышления: мои рапорты Ленину могли быть истолкованы, как контр-революционные, и вызов меня мог быть результатом недовольства моим поведением заграницей. Так как в это время в Берлине еще был Смилга и приехал Раковский, будущий полпред во Франции, назначенный в качестве делегата на Генуэзскую конференцию. то я, ранее, чем посылать телеграмму, решил обратиться к Смилге за советом. Смилга дал мне совет послать телеграмму и не выезжать ранее получения ответа и, кроме того, предложил мне поехать вместе с ним к Раковскому, как члену делегации Генуэзской конференции и спросить его мнение. Раковский остановился вместе со своей женой в Hotel Continental и занимал рособкошные комнаты; его величали «господин министр», и доступ к нему был обставлен большой процедурой. Но, благодаря Смилге, я без всяких затруднений получил с ним свидание и об'яснил, почему я его беспокою. Раковский. болгаро-румын по происхождению, говоривший по русски с явным акцентом, прекрасно владел инстранными языками и производил впечатление культурного европейца. Я почувствовал к нему доверие и раз'яснил цель моей заграничной поездки по предложению Ленина и мои разговоры с Красиным. На мой вопрос, как поступить, Раковский сказал:

«Поезжайте в Лондон, дайте телеграмму в Москву, в ВСНХ, а когда вернетесь из Лондона, то обратитесь за указаниями в комиссию, возглавляемую Наркомом Чичериным, которая к тому времени уже будет в Берлине проездом в Геную. Всю ответственность по Вашему делу я беру на себя».

Я снова отправился в Лондон, где мы с Фокиным в общих чертах ознакомились с теми вопросами, которые будут служить предметом обсуждения на Генуэзской конференции. Попутно мы сами наметили те отрасли промышленности, в

которых нам особенно нужна иностранная техническая помощь, как для мирного, так и для военного времени.

Во время этого моего пребывания в Лондоне меня посетили Шпринг и Эвартс, — директора Невских Стеариновых заводов в Москве и Петербурге и Пивоваренного завода в Петербурге, консультантом которых я был до войны. Главным акционером этой компании был Казалет, очень богатый англичанин, не раз бывавший в России. Узнав о моем приезде, он очень просил заехать и рассказать ему о состоянии его заводов. Я согласился, посетил его в конторе и рассказал, что пивоваренный завод закрыт, а мыльные и свечные заводы продолжают работать, правда не с той нагрузкой, как прежде, так как не хватает сырья, т. е. жиров. Он сказал мне, что он оценивает свои предприятия в 15 миллионов рублей и не может примириться с мыслью, что они навсегда потеряны для него. Мне говорили, что его богатство оценивается в 7-8 миллионов фунтов и, что потеря предприятий в России не разорит его, но человеку свойственно сожалеть о потере всякого детища. Я мог очень мало сказать ему для его утешения и об'яснил, что он может, опираясь на декрет о концессиях, взять свои предприятия в концессию; тогда он сможет доставлять сырье из заграницы и часть продукции продавать заграницу, покрывать таким образом затраты на валюту. Больше я ничего не мог сказать и умело отклонил все те вопросы, ответы на которые совершенно не соответствовали моему положению.

По возвращению в Берлин, — это было уже в конце марта, — я был вызван в комиссию делегатов, едущих на Генуэзскую конференцию. Делегация остановилась в первоклассной гостиннице Эспланаде и состояла из председателя комиссии Чичерина и членов — Литвинова, Раковского и Красина. Здесь мне пришлось впервые встретиться с наркомом Чичериным, который, как известно, и до революции состоял на дипломатической службе. Род Чичериных принадлежит к числу старинных фамилий и было очень странным, что он сделался коммунистом с первых дней революции. Это был вообще очень странный человек, вел ненормальную жизнь, ра-

ботал и принимал публику только по ночам и был большим любителем музыки, в которой знал толк. Литвинов был его заместителем и вел всю административную работу по Комиссариату Иностранных Дел. Чичерин был образованным человеком, превосходно говорил на иностранных языках, в особенности на английском и немецком. Во время моего посещения комиссии, я об'яснил все виденное и слышанное мною во Франции и Бельгии и сообщил мои некоторые предположения. Я видел, что в руках Литвинова были мои рапорты и он задавал мне некоторые вопросы. После этого заседания мне было об'явлено, что я буду числиться за Генуэзской делегацией, но пока я должен оставаться в Берлине и по вызову выехать в Италию.

Вспоминаю, что когда я вышел из комнаты, где заседала делегация, то в вестибюле отеля я встретил Э. Л. Нобеля, который был очень удивлен, встретив меня в Берлине. Я его не видал с 1917 года; с начала революции он тотчас-же уехал в Швецию, часто приезжал в Берлин и всегда останавливался в Эспланаде. «Как Вы думаете, — спросил он меня, — не взорвут ли нас здесь? Если бы я знал, что у меня будет такое соседство, я бы на этот раз остановился в другом отеле». «Будьте спокойны, — ответил я, — мы теперь в дружбе с немцами».

Я просидел в Берлине более месяца, в ожидании приглашения в Геную, но ввиду неудачи переговоров, мне не пришлось туда ехать.

Во время моего пребывания в Берлине я ближе познакомился с д-ром Давидом Самуиловичем Гальпериным, коммунистом, знакомство с которым началось еще в Москве, когда П. А. Богданов прислал его ко мне с просьбой его использовать в работе по химической промышленности. Д-р Гальперин, с которым мне приходилось вести совместную работу (о ней я скажу впоследствии), был родом из Харькова и получил высшее химическое образование в Германии и потому хорошо владел немцким языком. Он работал в химической лаборатории Политехникума в Цюрихе и был знаком с известным химиком

Вернером, о котором рассказывал мне много интересных вещей. Он был хорошо образованным человеком, с которым было приятно поговорить на различные темы; несмотря на то, что он был партиец, я почувствовал к нему доверие, когда ближе узнал его в Берлине так как пришлось довольно часто с ним встречаться по делам и для частной беседы. В то время он был назначен председателем Спичечного треста и должен был ехать в Швецию для переговоров относительно концессии со шведской спичечной компанией во главе которой стоял известный Крюгер, кончивший потом свою жизнь самоубийством вследствии банкротства. Химической специальностью Гальперина была, собственно, бродильная промышленность, но в Советской России в то время мало считались с тем, что лучше всего знал человек. Во время войны 1914 года Гальперин был в Германии и работал на одном из ферментательных заводов, — кажется, в Дармштадте. Он мне говорил, что Политехнический Институт в Дармштадте пригласил его читать лекции по брожению, и что он хлопочет о разрешении провести один семестр заграницей для выполнения возложенного на него Политехникумом поручения. Я не думаю, чтобы он получил такое разрешение, так как он, после моего приезда в Москву, также скоро возвратился из командировки. Мне пришлось начать с ним совместную работу, примерно через годичный промежуток времени.

Когда д-р Н. Каро, председатель фирмы Bayerische Stickstof Werke, узнал, что я вернулся из моей поездки во Францию и Бельгию, то он просил меня устроить с ним свидание и продолжить деловые разговоры относительно возможности получить некоторые концессии по химическим процессам. Свидание состоялось, и я указал ему, что самый главный вопрос для СССР в настоящее время является вопрос о связанном азоте, понимая под этим получение кальций-цианамида из карбида кальция и азота воздуха и также добывание аммиака из водорода и азота воздуха. Так как последний процесс, которым владеет И. Г., купить сейчас невозможно, то остается только вопрос о постановке производства кальций-

цианамида, который служит в мирное время, как прекрасное удобрительное средство, а в военное время может быть превращен в аммиак, который легко окисляется в азотную кислоту, необходимую для изготовления взрывчатых веществ. Остальные концессии едва ли будут интересны для нашей промышленности, и потому теперь надо сконцентрировать внимание на цианамиде. Он предложил мне поехать в Pistriz (около 100 километров от Берлина) и осмотреть там заводы кальций-карбида, цианамида и контактное окисление аммиака, по способу Франк и Каро, а также изготовление аммиачной селитры и других неорганических солей. Завод оставил во мне великолепное впечатление. В особенности интересно было видеть производство кальций-карбида, идущее при температуре около 1300 град., а затем насыщение его азотом воздуха в особых цилиндрах при 1100 град. Bayerische Stickstoff Werke выработало нам лучший способ изготовления этих продуктов. После посещения завода, Каро пригласил меня пообедать к себе домой и познакомил со своей женой и дочерью, которая была уже замужем за Печеком, очень богатым человеком, отец которого имел в Чехословакии громадные заводы по переработке каменных углей. Он меня представил также Печеку и прибавил, что, может быть, мое правительство заинтересуется производством также и их заводов. На прощании мы договорились, что он поможет осуществить у нас производство цианамида и примет участие в деле, но концессии он брать не хочет. Он очень рекомендовал их способ окисления аммиака, который давал в среднем до 94% выхода азотной кислоты. Он пригласил меня быть его гостем, когда я в следующий раз приеду в Берлин читать лекции по катализу.

В виду того, что Россия в течении войны и в годы революции совершенно не выписывала из-заграницы химических реактивов, крайне необходимых для химических лабораторий, а мы сами приготовляли их в ничтожных количествах, то Комиссариат Народного Просвещения командировал в Германию особую комиссию по закупке реактивов для всех высших учебных заведений. В эту комиссию был назначен брат пол-

преда В. Н. Крестинский, который был доцентом в Лесном Петроградском Институте. Я был рад встретить его в Берлине и часто проводил с ним свободные вечера, так как имел с ним общие интересы. Фирма Kahlbaum, которая должна была получить большой заказ на реактивы, пригласила нас посетить их завод в Берлине, где изготовляются исключительно химические препараты. Я с большим удовольствием осмотрел их завод и познакомился с приготовлением многих реактивов; между прочим там я тоже увидал установки, на которых изготовляются некоторые вещества по моему способу. Я видел получение изобутилового и изоамилового альдегидов моим каталитическим способом, — пропусканием паров алкоголей через латунную трубку, в которую положены латунные стружки; жидкие олефины получались также моим способом, — пропуская пары спиртов через мой катализатор глинозем. Осмотр окончился прекрасным завтраком, который сопровождался распитием разных сортов ликеров, приготовляемых той же фирмой, — но в этой операции я не принимал участия, так как никогда в жизни не употреблял искусственно приготовленных спиртных напитков. Во время посещения завода Кальбаума, я познакомился с одним химиком Яблонским, который был на службе у Кальбаума по продаже реактивов. Впоследствии он мне очень много помогал по приобретению реактивов.

Незадолго до моего от'езда в Москву, во время утреннего кофе в отеле, мне доложили, что меня хочет видеть какой-то господин по одному делу. Я попросил этого господина подождать в приемной, пока я не кончу завтрака. Когда я минут через десять пришел в приемную, то господин так невнятно сказал свою фамилию, что я не мог понять, с кем я имею честь говорить. Но с самого начала разговора я был удивлен его вопросами: это вы тот самый Ипатьев, который впервые доказал строение изопрена и сделал его синтез? это вы первым ввели фактор давления и изучили каталитические реакции с органическими соединениями при высоких температурах и давлениях? Когда я ему ответил утвердительно на все его

вопросы, тогда он мне сказал, что он президент Немецкого Химического Общества и посетил меня, чтобы попросить произнести небольшую речь в заседании Химического Общества 15 мая. Я извинился, что не расслышал фамилии, и когда он сказал, что он др. Harries, который продолжал мою работу с изопреном и подверг его полимеризации для получения искусственного каучука, то я был в высшей степени сконфужен и попросил его извинения, что долго его заставил меня ожидать в приемной. Др. Harries оказался очень симпатичным человеком, и после дружеского разговора на научные темы, мы условились, что я напишу речь по-немецки и пошлю ему для редакции, а он пришлет мне свою для ознакомления. Как известно, во время Генуэзской конференции между Германией и СССР был заключен особый договор, который получил название Раппальского, так как он был подписан обоими сторонами в вилле Раппалло. По этому договору Германия и Россия делались союзниками и должны были помогать друг другу во всех случаях нападения на них других держав. Этот договор явился полною неожиданностью для многих держав, но в Германии он вызвал большой восторг, так как она после Версальского мира очутилась в изолированном положении. Из разговора с др. Harries я понял, что ему хочется отметить этот важный факт в заседании Химического Общества в особенности потому, что в Берлине присутствуют многие русские химики и их желательно также иметь гостями на заседании Общества. Я ему сказал, что с своей стороны сделаю все, чтобы исполнить его желание.

Вечером 15 мая состоялось заседание Немецкого Химического Общества, на котором присутствовало громадное число членов и гостей (громадная аудитория была переполнена. Из русских химиков, кроме меня, присутствовали В. Н. Крестинский, А. Маковецкий, Д. Прянишников и др. Президент Общества в своей речи приветствовал «именитых представителей химической науки великой России» и говорил о необходимости сотрудничества Германии и России в деле возрождения научной работы. Пока существует Версальский договор, —

заявил он, — восстановление интернациональных научных сношений в полном об'еме невозможно, но мы надеемся, что мир постепенно образумится. Соглашение в Раппалло — счастливый этап на этом пути. От лица русских химиков я ответил ему краткой речью, в которой старательно обошел молчанием все политические намеки. Подчеркнув огромное влияние, которое на протяжении двух столетий немецкая наука оказала на развитие науки русской (это влияние я сравнил с ролью катализатора в химических процессах), я выразил уверенность, что это благотворное влияние немецкой науки будет продолжаться в будущем. «Тяжелый путь, пройденный нами, — говорил я, — нас закалил. Мы многому научились, и я должен сказать, что во всех нас живет твердая вера, что великая Россия снова займет надлежащее место среди цивилизованных стран и что русский гений обогатит человечество великими идеями, как в науке, так и в области искусства».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА РОДИНЕ

Ввиду полного отсутствия в России одежды и обуви я решил закупить в Германии возможно больше разных вещей: чулок, башмаков, белья и т. п. Но так как в Германии тоже не было избытка таких вещей, то были установлены вывозные пошлины и багаж подлежал строгому осмотру специально для этого назначенных чиновников. Для большего удобства этот осмотр можно было делать в Берлине, — надо было лишь заявить об этом в соответствующее учреждение и тогда в назначенный день присылали на квартиру двух чиновников, которые производили осмотр, определяли пошлину, а затем опечатывали сундуки. В России до войны господствовало убеждение, что чиновники в Германии взяток не берут, но война изменила нравы. Добрые друзья нас предупредили, что для того, чтобы осмотр был поверхностным, надо хорошо угостить

чиновников с выпивкой; полезно также дать им соответствующий подарок, но что, конечно, все это надо делать осторожно и деликатно. Все случилось, как было предсказано, — и все остались довольны приятным времяпрепровождением, и сундуки были запломбированы. Нельзя было винить и чиновников, которые, как они рассказали нам, получали такое ничтожное содержание, что были не в состоянии даже прокормить свои семейства. Вообще в то время рабочему классу в Германии жилось очень трудно. 1921, 1922 и 1923 годы были ужасными для среднего и рабочего классов; один работник в парикмахерской рассказывал мне, как он живет и питается; будучи холостым он едва в состоянии прокормить себя, причем не может мечтать о настоящем масле, ветчине и пр., а употребляет только маргарин, черный хлеб и самую дешевую колбасу. Положение в Германии стало улучшаться только с 1924 года, когда было установлена твердая валюта.

Обратно в Россию я ехал вместе с Генуэзской делегацией. Нам предоставили специальный вагон до Риги, — вследствие чего наше путешествие было очень приятным и удобным. В виду того, что мы являлись делегацией, никаких осмотров на таможнях не производилось, и я напрасно беспокоился в Берлине относительно осмотра тем более, что я имел дипломатический паспорт. По прибытии в Ригу нам пришлось до вечера дожидаться поезда, и мы провели день в осмотре города.

При посадке нас в отдельный дипломатический вагон, все наши сундуки и чемоданы были сложены вместе на передней площадке вагона, которая, конечно, была заперта снаружи. Помню, что перед от'ездом из Риги я посмотрел, где лежат 4 моих чемодана; два русских проводника, которые ехали с нами до Москвы, сказали мне, что мне не надо беспокоиться о моем багаже, что все будет в порядке. На другой день, когда мы ехали уже по российской территории, я все же пошел посмотреть мой багаж и был крайне изумлен тем, что одного моего чемодана не хватало. Я еще раз внимательно пересмотрел весь багаж в присутствии наших проводников и действительно подтвердилось, что один чемодан исчез. Я тогда заявил

об этом секретарю Генуэзской конференции Б. Штейну (позднее посол в Риме), и когда он стал проверять, то оказалось, что и его самый большой сундук с лучшими платьями и подарками для жены, также исчез. Когда об этой краже узнали другие спутники (из них двое были из Чека), то тотчас же разобрали свой багаж по местам, где сидели. Допрос проводников не дал никаких определенных результатов. Проводники говорили, что, вероятно, ночью, когда они вздремнули, воры из соседнего вагона проделали эту кражу. Я был убежден, что без участия проводников кража не могла быть выполнена, так как проникновение на переднюю площадку вагона во время хода поезда было невозможно, и кража могла быть совершена только при остановке поезда, когда хотя бы один проводник должен был быть на перроне и наблюдать за вагоном. На первой-же остановке мы заявили начальнику станции и составили протокол при участии железнодорожной ЧК, но, конечно, ничего из этого не вышло, а проводники не понесли никакого наказания. Содержание моего украденного чемодана на половину состояло из подарков, которые я должен был передать в Москве некоторым лицам по поручении их родных в Берлине; мои собственные вещи из белья не представляли из себя особой ценности, мне было только жаль, что в этом чемодане лежал французский орден Почетного Легиона, который я брал с собою, но которого ни разу не пришлось надевать заграницей.

Я прибыл в Москву в воскресенье 26 мая; на другой день, когда я явился в ВСНХ, то узнал, что в Петрограде только что открылся Менделеевский химический с'езд, и что для покрытия расходов по с'езду необходимо выхлопотать у ВСНХ некоторую субсидию. Я доложил об этом Богданову, который велел отпустить просимую сумму из средств ВСНХ, а мне предложил немедленно выехать в Петроград, принять участие в с'езде и сделать на нем доклад о своей поездке в Европу с научной точки зрения.

Уже утром на другой день я был на с'езде; в это время в большой аудитории шло соединенное заседание физики и химии, на котором проф. физики, Рождественский, делал очень

интересный доклад о строении атома. Президиум с'езда, узнав о моем присутствии, предложил мне, вне очереди, тотчас же после доклада Рождественского, сделать сообщение о моей поездке в Европу. Волей-неволей пришлось без всякой подготовки рассказать вкратце о технических задачах моей командировки; попутно я сообщил о моих посещениях различных лабораторий, о беседах с различными химиками и о моем докладе в Немецком Химическом Обществе. Переполненная аудитория с громадным вниманием выслушала мое сообщение и наградила меня дружными апплодисментами. Этот Менделеевский с'езд по чистой и прикладной химии был первым собранием химиков после 1912 года, когда был последний с'езд химиков перед войной. Потребность в созыве химического с'езда была крайне велика, и Бюро для организации этого с'езда, выбранное Русским Физико-Химическим Обществом (проф. Фаворский, Тищенко, Чугаев, Яковкин, Ипатьев и др.) еще за год перед тем начало обсуждать вопросы, связанные с организацией с'езда. Некоторые скептики считали, что созыв с'езда в 1922 году будет преждевременным и что с'езд не удастся вследствии внешних причин, но большинство всетаки настояло на созыве. Мне представляется, что поворот в экономической политике, сделанный Лениным, и некоторое ослабление политического режима оказали и здесь свое влияние и убедили пессимистов. В действительности, с'езд удался, как нельзя лучше, и в нем приняло участие очень большое число химиков как петроградских, так и иногородних, при чем для последних было организовано бесплатное общежитие. Помощь со стороны ВСНХ покрыла все расходы по с'езду. На этом с'езде было решено собирать таковые через каждые три года и следующий с'езд был намечен в 1925 году в гор. Москве.

После с'езда я отправился немедленно в Москву и сделал обстоятельный доклад председателю ВСНХ Богданову об исполнении возложенных на меня поручений правительства. Во время моего доклада Богданов сообщил мне, какого высокого мнения обо мне В. И. Ленин и выразил сожаление, что

он болен и я не буду в состоянии доложить ему лично о моей командировке. Он сказал мне, что ознакомился с моими заграничными рапортами и в принципе не имеет возражений против моих предложений, но, как отнесется ко всему этому правительство, он, конечно, не знает. Он посоветывал мне созвониться с секретарем Рыкова, когда последний может принять меня для доклада, так как Рыков желает выслушать отчет о моей командировке от меня лично.

Мой продолжительный разговор с Богдановым еще более убедил меня, что он не в состоянии вести такое большое дело, как руководство всей промышленностью СССР. С партийной точки зрения, он не имел среди коммунистов даже небольшого авторитета, так как пришел к ним из партии меньшевиков только во время революции. С точки же зрения хозяйственника, он не имел достаточного опыта, чтобы выказать свою способность и с этой стороны. Если к этому прибавить слабость его характера, неумение разбираться в людях, склонность к выслушиванию сплетен от лиц, непосредственно ему неподчиненных, то станет понятно, что все эти качества, взятые вместе, никоим образом не характеризовали его, как умелого администратора. Кроме того, он не старался защищать своих подчиненных в тех случаях, когда это могло чем-либо повредить ему, как в служебном, так и в политическом отношении. Как, например, я могу привести случай с моим помошником Иларионом Николаевичем Аккерманом, который после ликвидации Главного Химического Управления остался не у дел. Когда я приехал в Москву, то узнал, что Аккерману было разрешено П. А. Богдановым вступить в переговоры с приехавшим в Москву представителем Bayerische Stickstoffwerke по поводу предполагаемой концессии на постановку производства кальций-цианамида в СССР. Ему было разрешено стать кем-то вроде консультанта этой фирмы и даже разрешили с'ездить в Берлин для переговоров. Дело в том, что еще перед своим от'ездом заграницу, я снова поставил в Химическом Управлении вопрос о связанном азоте и потому Ил. Ник. продолжал разрабатывать все детали отно-

сительно этой отрасли промышленности. Аккерман был в Берлине, видел Каро, дал ему все необходимые указания относительно размеров необходимой для нас установки цианамида, и по возвращении в Москву тотчас же обо всем доложил Концессионному Комитету, возглавляемому Л. Н. Ландау, в котором он принимал участие и ранее, как мой заместитель. О консультации Ил. Н. в фирме Bayerische Stickstoffwerke и об его поездке к Каро в Берлин было донесено в ЧК, которое и возбудило против него преследование чуть не по обвинению в техническом шпионаже. Когда Ил. Ник. обратился к Богданову за помощью, то он не только не оказал содействия, но даже стал порицать его за легкомысленное поведение, несмотря на то, что Ил. Ник. не состоял на работе у ВСНХ и консультировал представителя фирмы без всякого вознаграждения и с ведома Богданова, исключительно с целью выведать детали установки этого производства. Только за расходы по поездке в Берлин и обратно он получил от Каро 75 фунтов стерлингов, что едва оправдало его издержки. Когда Аккерман рассказал мне всю историю, то я немедленно отправился к Богданову и после крупного разговора, в котором я доказывал, что Аккерман вполне честный человек, в чем я могу ручаться, как за себя самого, что он действовал с его (Богданова) разрешения и его содействия (без него он не мог бы получить визу на выезд заграницу), он мне обещал раз'яснить, где надо, поведение Аккермана и добиться прекращения против него преследования вследствии его полной невиновности.

Я позволяю себе рассказать здесь еще одну историю, которая показывает, как легко быть в СССР арестованным по ложному доносу, сделанному из злобы, на почве личных отношений.

Мой сотрудник Фокин, после своего приезда в Лондон, рассказал мне об аресте его жены, Любовь Дмитриевны.

Так как просьба Фокина об освобождении его жены перед его от'ездом не была уважена, то он просил меня написать Ленину письмо о скорейшем обследовании дела Л. Д. Фокиной и об ее освобождении из под ареста, как совершенно

неповинной жертвы. Я написал такое письмо, и Ленин уважил мою просьбу; Л. Д. была в скором времени освобождена, но дело не было прекращено: ГПУ ждало моего возвращения из заграницы, чтобы отобрать от меня некоторые сведения.

Начало этого дела относится к 1916 году. Инженер Н. М. Кулепетов, первый муж Любовь Дмитриевны, проектировал завод азотной кислоты контактным способом окисления аммиака воздухом и имел помощником инженера Герасиева. Этот последний, молодой человек, находился в любовных отношениях с некоей Розой Берлин. В одно прекрасное время он порвал с ней и уехал в командировку от Химического Комитета на Юг России. Г-жа Берлин обратилась сначала к Кулепетову, а потом ко мне, чтобы узнать адрес Герасиева, но я ответил, что не могу входить в личные отношения моих служащих, не в состоянии удовлетворить ее просьбу, так как он находится в раз'ездах по Кавказу. Особа очень пылкого темперамента и крайне нервная и неуравновешенная, Берлин не могла успокоиться и пожаловалась на мои действия помощнику начальника Главного Артиллерийского Управления, ген. Леховичу. Последний запросил меня, в чем дело. Я удивился, что он занимается такими делами, и заявил, что не имею желания давать какие-либо раз'яснения по этому совершенно частному инциденту.

Дальнейший ход дела мне был неизвестен, пока Любовь Дмитриевна Кулепетова, благодаря моему ходатайству, не приехала в Петроград (в начале 1921 года). Она мне рассказала, что еще при жизни ее мужа в Юзовку, где строился завод азотной кислоты, приехала Роза Берлин и, поступив на службу в местную ЧК (впоследствии ГПУ), стала следить за семьей Кулепетова. После смерти Н. М., ее преследование по отношению к Любовь Дмитриевне усилилось, и ее пребывание в Юзовке сделалось совершенно невозможным. Берлин мстила ей за мужа, который не хотел ей помочь в ее деле с Герасиевым, и теперь доносила на Любовь Дмитриевну, что она контрреволюционерка, принимала белогвардейцев, когда они занимали Юзовку, и что она, кроме того, занимается шпионажем,

От'езд Л. Д. из Юзовки не остановил Берлин: узнав, что Л. Д. живет в Петрограде, она сделала новый донос в Петроградскую ЧК. Насколько я помню, в начале 1921 года Л. Д. была арестована, но провела под арестом только несколько дней, так как мое ходатайство об ее освобождении было уважено. Затем она вышла замуж за инженера Л. Ф. Фокина и казалось, что инцидент был исчерпан. Но в декабре 1921 года, после моего от'езда заграницу, Л. Д. была снова арестована и перевезена в Москву в Бутырскую тюрьму накануне от'езда ее мужа в Лондон. Л. Ф. был командирован для оказания мне помощи в деле, возложенном на меня Лениным и советским правительством.

Роза Берлин, видя, что ее нападки только на Л. Д. не приводят к желаемой цели, решила вовлечь в дело и других лиц, а, главное, меня, который не пошел ей навстречу с самого начала разрыва ее сношений с Герасиевым. Но для привлечения к делу меня и профессора Петроградского Технологического Института А. М. Соколова, который был учителем Герасиева и членом строительной комиссии по азотному заводу, необходимо было придумать что-либо серьезное. И эта полоумная женщина в своем доносе обвинила нас обоих в создании контр-революционного заговора для свержения советской власти, добавив, что я, стоя во главе этого заговора, организовал летом 1919 года восстание Красной Горки (форт Кронштадта). Следствием этого доноса был арест ни в чем неповинного А. М. Соколова, которого агенты ЧК схватили в Ростове на Дону и продержали под арестом. Так как я был заграницей, то Московское ГПУ ожидало моего приезда, и после моего возвращения, ко мне позвонил следователь по особо важным делам и спросил меня, когда я могу принять его. Такое отношение ГПУ ко мне обусловливалось исключительно тем, что я был членом правительства. Я уже предчувствовал, о чем будет меня спрашивать следователь, так как выпущенная на свободу Любовь Дмитриевна уже рассказала мне в общих чертах о сущности доноса.

Допрос меня следователем ГПУ носил очень миролюби-

вый характер и происходил в присутствии секретарши (коммунистка, Любовь Яковлевна, вышедшая потом замуж за Третлера) в моем кабинете в Научно-Техническом Отделе ВСНХ. При этом допросе следователь чуть-чуть не поймал меня в неправильном освещении фактов. При начале разговора я сказал ему, что я не был знаком с Любовь Дмитриевной до ее приезда в Петроград, а только слышал от Кулепетова, что он женился на ней в Юзовке. Следователь тогда показал мне мое письмо к Юзовским властям, в котором я просил откомандировать гражданку Кулепетову, как лично мне известную особу, на работу ко мне в Петроград. Я сразу сообразил в чем дело, и раз'яснил следователю, что я ее знал заочно, так как она была на работе в возглавляемой мною комиссии. Подводный камень был обойден, и тогда следователь сообщил мне некоторые подробности следствия, прибавив, что он не знает, как поскорее закончить это дело, так как эти две женщины клевещут друг на друга и впутывают зря других людей. Он сообщил мне также, что Ленин приказал в кратчайший срок выяснить всю подоплеку этой истории. Интересно здесь заметить, что обвинение меня в участии в восстании на Красной Горке было особенно нелепым потому, что я находился тогда в продолжительном отпуску, проживал на хуторе и узнал об этом событии только много позднее, по приезде в Петроград. Надо прибавить, что я никогда не была на форту Красная Горка и даже не знал его точного местонахождения.

Только после этого посещения меня следователем ГПУ дело Л. Д. Фокиной было закончено, и она более не подвергалась преследованиям со стороны ГПУ.

Получить прием у Рыкова оказалось делом крайне трудным, так как его секретарша, энергичная дама, допускала к приему с большим разбором, и мне, хотя и члену Президиума ВСНХ, пришлось, может быть, десяток раз говорить по телефону, прежде чем я мог получить свидание. А. И. Рыков тогда замещал Ленина в Совнаркоме и был, действительно, очень занят. Он только что оправился от операций, сделанных ему в Берлине, но выглядел довольно бодро, и с большим внима-

нием выслушал мой доклад. Он сообщил мне, что читал мои рапорты и все мои предложения будут приняты к сведению. Но теперь, после того, как Генуэзская конференция не дала положительных результатов, преждевременно рассматривать возбужденные мною вопросы. Надо ждать, к каким заключениям придет новая конференция в Гааге, куда будут посланы наши делегаты. Тогда мы увидим, как поступать далее. Отправляясь на доклад, я захватил с собою вырезки из французских, бельгийских, английских и русских газет, и Ал. И. со вниманием их прочитал и сказал, что я очень толково давал ответы на все каверзные вопросы, которые мне были предложены различными репортерами.

Гаагская конференция тоже не дала результатов; поэтому большинство моих предложений в то время не подвергалось дальнейшему обсуждению. Я был очень рад, что за свои смелые мысли и пожелания, высказанные мною, как перед поездкой заграницу, так и в моих рапортах, я не подвергся преследованию со стороны учреждения, которое никого не миловало.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАБОТА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ВСНХ

По приезде в Москву я вступил в исполнение своих обязанностей, как член Президиума ВСНХ и как председатель Научно-Технического Отдела. Ввиду того, что Химическое Управление было упразднено, у меня сильно убавились дела по химической промышленности, так как большинство из них разрешалось в Производственном Отделе, а отчет о деятельности Химических Трестов, созданных год тому назад Главным Химическим Управлением, теперь рассматривался в особой Контрольно-Поверочной Комиссии, председателем которой был назначен С. Д. Шеин, друг-приятель Богданова. В этой комиссии я не принимал участия и в заседании Президиума я заслушивал доклады Шеина о деятельности этих трестов. Так

хитро угробил Химическое Управление председатель ВСНХ, не сознавая, какой вред он оказал развитию химической промышленности. Конечно, во всех случаях, когда начальник Производственного Отдела и его сотрудники по химической промышленности не могли взять на себя ответственность по какому-либо важному вопросу, им приходилось обращаться ко мне и считаться с моими указаниями.

Обычно я оставался в Президиуме ВСНХ до 12 часов и вторую половину дня проводил в НТО, на Мясницкой в доме бывшей Московской Консистории. Ко времени моего вступления в должность председателя Коллегии НТО нельзя было сказать, чтобы там царствовал какой-либо порядок. Во-первых, надо было подобрать дельных членов коллегии. Из старых членов коллегии оставались Я. Флаксерман, Лапиров-Скобло и проф. Кравец (физик), который был вскоре арестован ЧК. Я решил пригласить в Коллегию моим заместителем бывшего члена Президиума ВСНХ Л. К. Мартенса, проф. Н. М. Федоровского, который был и ранее до поездки заграницу членом Коллегии, академика Лазарева и проф. Я. Самойлова. Коллегии НТО предстояла очень трудная задача установить порядок в этом отделе, пересмотреть штаты всех исследовательских институтов, которые находились в ведении ВСНХ, и затем наметить на будущее время программу работ по каждому Институту. При НТО числились различные научно-технические организации, которые с одобрения Коллегии производили некоторые исследования, — большей частью в лабораториях Высших Учебных Заведениях. После внимательного рассмотрения программы этих организаций, пришлось многие из них сократить и перенести их работу в соответствующие Институты, что, конечно, не могло не вызвать нареканий на НТО. В ведении НТО находились следующие научно-технические Институты: 1) Химический Институт имени Карпова (Москва); 2) Институт Прикладной Химии с опытным заводом (Петроград); 3) Государственный Научно-Технический Институт ГОНТИ (Петроград); 4) Институт Прикладной Минералогии (Москва); 5) Институт Удобрений (Москва); 6) Элек-

гротехнический Институт (Москва); 7) Институт Прикладной Физики (Москва); 8) Техно-физический Институт (Петроград); 9) Аэродинамический Институт (Москва); 10) Главная Палата Мер и Весов (Петроград); 11) Гидравлич. Лаборатория при Тимирязевской Сельско-хозяйственном Институте (Москва); 12) Институт Силикат (Москва); 13) Институт Прикладной Механики (Петроград). Кроме этих институтов, НТО субсидировало многих ученых, которые производили в своих лабораториях исследования, необходимые для промышленности. Особая комиссия рассматривала все заявки на этот предмет, и ее постановления утверждались коллегией. Ко времени моего вступления в должность председателя Коллегии большинство Институтов помещалось в зданиях, не приспособленных для правильного выполнения поставленных им задач. Обычно это были частные здания, построенные для квартир, и только во время революции оборудованные под лаборатории. Только здания, в которых помещались Институт Карпова и ГОНТИ, были специально построены для научных исследований; все остальные Институты требовали новых зданий, и в течении почти 5 лет моего пребывания (4 года и 9 месяцев) на посту председателя Коллегии, нам удалось выхлопотать через Президиум ВСНХ необходимые суммы для постройки великолепных зданий научных Институтов. С самого начала главное внимание было обращено на устройство Аэродинамического Института, так как это требовалось и с точки зрения обороны страны. Было немедленно приступлено к оборудованию громадной трубы, в которой можно было бы производить научные опыты и одновременно было заложено здание для Института, постройка которого шла в очень спешном порядке.

Институт Прикладной Минералогии, который помещался на Ордынке, в частном доме В. В. Аршинова, по своей важности для исследования минеральных богатств России, также требовал специального здания и оборудования. Я считаю полезным здесь упомянуть, что основателем этого Института был Владимир Васильевич Аршинов, сын очень богатого московского купца, торговавшего в Москве мануфактурой.

Его отец в молодости был простым прикащиком, а потом открыл свою торговлю и с'умел разбогатеть. Он предназначал сына также к торговому делу, и В. В. сначала исполнял возложенные на него отцом коммерческие дела. Но его натура была создана для совсем другого дела. С молоду он любил собирать различные камни и изучать их происхождение, для чего стал читать различные учебники по минералогии. Впоследствии он решил систематически изучить эту науку и прошел университетский курс в Москве. После смерти отца он построил на Ордынке специальное здание для минералогической библиотеки и оборудовал некоторые комнаты для научных исследований. В. В. был не только любителем этой науки, но и настоящим научным работником, стоящим на высоте современных знаний по минералогии. Среди всех библиотек России, его была самым богатым собранием книг по кристаллографии, геохимии, геологии и минералогии. Располагая значительным капиталом, он помогал многим молодым ученым, на свои деньги посылал их заграницу для дальнейшего усовершенствования, а также давал деньги на экскурсии по России. В. В. был редкостным человеком по своей доброте и по чистоте взглядов, и я думаю, что не нашлось бы ни одного человека, который мог бы сказать о нем что-либо, говорящее не в его пользу. Несомненно, если бы не случилась революции, он в еще большей степени посвятил себя научным исследованиям и оказал бы большую услугу в деле развития у нас минералогических знаний. Революция застала его очень молодым, и, конечно, он потерял все свое состояние, но в виду его научного стажа, как минералога, его сделали заведующим его собственной библиотекой, а его минералогический кабинет был назван Институтом Прикладной минералогии и его заведывание поручено молодому минералогу, Николаю Михайловичу Федоровскому, который еще до войны был приглашен Вл. Вас. Аршиновым в свои лаборатории для научных исследований.

Я лично познакомился с Аршиновым уже в мою бытность председателем НТО, и, конечно, он вызвал во мне громадную

симпатию и полную готовность помочь ему во всех его начинаниях. Я увидал в нем ученого-философа, для которого не на словах, а на деле любимая им наука была дороже всех радостей земных. Насколько его имя, как минералога, пользовалось уважением, можно заключить из того, что когда Геологическому Комитету потребовалось узнать, насколько богаты радием руды в Карачагаре, в Туркестане, то он обратился к Аршинову, чтобы тот указал знающего минералога, которого можно было бы послать для исследования этих горных пород. Аршинов указал на молодого способного ученого Ивана Денисьевича Курбатова, который и был послан в Туркестан для исследования этих руд. И. Д. Курбатов эмигрировал заграницу и впоследствии, будучи моим ассистентом в Америке, в лаборатории Universal Oil Products Co., рассказывал мне об этой поездке; хотя эти руды оказались бедными радием, но сделанные им исследования оказались очень ценными, и он в нескольких работах опубликовал свои результаты. Курбатов сообщил мне об этом факте и с замечательной похвалой и сердечностью охарактеризовал В. В. Аршинова, как человека, так и минералога.

На основании указанных соображений, я внес в Президиум ВСНХ предложение Коллегии НТО об отпуске кредита на постройку здания Минералогического Института. Это предложение я подкрепил указанием, что такая маленькая страна, как Норвегия (2.8 миллионов жителей), имеет в Осло чудный Минералогический Институт, возглавляемый известным минералогом Гольдшмидтом. Будучи в 1923 году в Осло, я познакомился со всеми отделами этого Института и тогда же решил добиваться постройки подобного учреждения в СССР. Я помню мой доклад по этому делу в Президиуме ВСНХ. (Наркомом ВСНХ был тогда Дзержинский). Я доказывал, что дальнейшие исследования совершенно немыслимы в том помещении, где ныне находится Институт, и предложил Дзержинскому лично убедиться в непригодности этого помещения и познакомиться попутно с теми задачами, которые ныне возлагаются на Институт; я предложил также назвать последний Институтом

Прикладной Минералогии имени В. И. Ленина. В скором времени Дзержинский, действительно, посетил Институт Прикладной Минералогии, который был возглавляем Н. М. Федоровским, и вполне согласился с моими доводами. Но получить кредиты было не легко. Мне лично пришлось хлопотать в высших советских учреждениях, и в конце концов я был вызван в Финансовую Комиссию ВЦИК. Наконец, кредиты были отпущены, и, благодаря энергии Н. М. Федоровского и прекрасного архитектора Веснина (моего бывшего ученика по Институту Гражданских Инженеров), постройка нового Института пошла быстрым ходом. Через 1½ года здание было настолько готово, что можно было начать научные исследования.

В непродолжительном времени НТО выхлопотал кредиты для постройки зданий для еще двух Институтов, — для Института Удобрений и для Силикатного Института, старые помещения которых также не соответствовали важности их задач. Эти два здания было решено построить рядом с Институтом Прикладной Физики (на Ордынке). Таким образом образовался целый научный городок, который обнимал исследования, близкие по своему характеру и касавшиеся разнообразных неорганических соединений, необходимых для народного хозяйства. К моему уходу из НТО, все указанные здания частью были уже готовы, частью же находились в постройке.

Главная работа по организации исследовательских институтов лежала на Флаксермане, Лапиров-Скобло и Людвиге Карловиче Мартенсе. Флаксерман ведал финансовой частью НТО и, благодаря своим связям в партийных кругах, мог способствовать проведению кредитов для НТО. Надо прибавить, что НТО с самого начала имел великолепного бухгалтера, отлично разбирающегося в финансовых вопросах и умело составляющего всякие сметы и расчеты. Сам Флаксерман был молодым человеком, 27-28 лет, коммунистом; его жена была важной персоной в секретариате Совнаркома. Он был студентом первого курса Московского Технического Училища по электротехническому факультету и хотя он был несомненно способным человеком, но работа в НТО отнимала у него так

много времени, что едва ли он мог надлежащим образом проходить все научные предметы. Но так как многие профессора Училища отлично знали, какое положение занимает Флаксерман, от поддержки которого часто зависели кредиты для их научных лабораторий и Институтов, то, по слабости нашей человеческой натуры, они облегчали прохождение курса, и через 5 лет он получил звание инженера электротехника. Я не хочу этим вовсе сказать, что Флаксерман вышел плохим инженером, — об этом будут судить его коллеги; я только отмечаю здесь, что протекция и при социалистическом строе играет, быть может, еще большую роль, чем при строе капиталистическом. Он обладал довольно настойчивым характером и хитростью, был в хороших отношениях с Ягодой (ГПУ), но едва ли имел серьезное влияние при защите арестованных служащих НТО. В этом можно было убедиться, когда в 1922 году, в год моего вступления в НТО, был арестован член коллегии НТО, профессор физики Кравец. Ни мои хлопоты, ни хлопоты Флаксермана не помогли вернуть его из ссылки (Иркутск); там он пробыл несколько лет и потом получил место старшего физика в Академии Наук.

Моим заместителем по НТО был Людвиг Карлович Мартенс, с которым я познакомился еще в первый год моего назначения членом в Президиум ВСНХ. Хотя он был коммунистом, и его многие взгляды не соответствовали моим, но я очень скоро почувствовал уважение и симпатию к этому человеку. Узнав, что после его удаления из Президиума Людвиг Карлович остается не у дел, я тотчас же пригласил его быть моим заместителем, на что он охотно согласился. Он получил хорошее технико-механическое образование, а его отец имел в Москве механическую мастерскую и был состоятельным человеком. В лице Л. К. я нашел себе очень хорошего помощника в особенности потому, что он был партийцем. В НТО все служащие относились к нему с большим уважением и доверием; вскоре он был назначен директором Института Двигателей, который находился в Петрограде. Впоследствии он был директором Механического Института в Москве (бывшее Комиссаровское

Училище) и редактором Технической Энциклопедии. Людвиг Карлович уделял очень много времени для работы в НТО, — в особенности в первое время. В минуты откровенности он жаловался мне на своих партийных товарищей, которые позволяли себе очень некрасивые выходки в отношении его, — вероятно, завидуя, что он занимает пост в НТО выше их.

Я должен сказать, что в общем наша работа в НТО протекала довольно спокойно и продуктивно, и через год после моего пребывания можно было наблюдать заметный прогресс в упорядочении самого органа НТО, так и в деятельности всех подведомственных ему Институтов. Через год мне пришлось в закрытом заседании Президиума ВСНХ сделать обстоятельный доклад о деятельности НТО. Я знал, что некоторые члены Президиума, в особенности Пятаков, не очень сочувственно относятся к самому существованию НТО, а потому мне предстояла нелегкая задача отчетливо подчеркнуть достижения в деятельности НТО, а также обратить внимание и на недостатки его организации. После выслушания доклада, председатель Богданов предоставил слово представителю РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции), который не отрицал того факта, что в течении последнего года проделана очень большая работа, но указал, что при ревизии обнаружилось еще много недостатков по управлению исследовательскими Институтами. В ответ я указал, что «благодарности и справедливой оценки за свою деятельность нельзя ожидать на этом свете», и что в короткое время нельзя наладить такую трудную и деликатную работу, как управление сотнями ученых людей различной специальности. При обсуждении положения о НТО Пятаков предложил мне удалить всю коллегию и взять более подходящих помощников, так как теперешний состав, по его мнению, недостаточно пригоден для выполнения функций, возлагаемых на НТО. Он находил, что НТО должно быть более связанным с задачами промышленности и что Институты должны быть переданы в тресты, которые должны давать им задания и субсидировать их. В Президиуме этот вопрос был решен не в духе предложения Патакова, и хотя позднее при

всяком удобном случае этот вопрос вновь и вновь ставился на обсуждение, но до моего окончательного от'езда заграницу в 1930 году НТО заведывал большинством Институтов, и только отдельные Институты были переданы в заведывание трестов. Промышленники и хозяйственники очень редко понимали, что без академических исследований, производимых систематически и в спокойной обстановке, не может быть прогресса и в технике, и что такой независимый орган, как НТО, легче может создать благоприятную обстановку, чем какой-либо трест, у которого всегда много повседневных рутинных задач, которые и будут поглощать все время работников во вред научным исследованиям.

Хотя Президиум ВСНХ сильно критиковал порядки НТО, тем не менее я вынес впечатление, что моя деятельность одобряется членами Президиума, и Пятаков предложил мне даже вступить в партию, при чем прибавил, что он первый дает за меня поручительство; насколько помню, и некоторые другие видные коммунисты поддержали его предложение; я сердечно поблагодарил их за доверие ко мне, но указал, что часть моих убеждений не совпадает с коммунистическим учением, а при таких условиях вступать в партию неудобно; кроме того, я никогда не интересовался политикой, а вхождение в партию, несомненно, потребует от меня особой политической работы, на которую я вряд ли способен. И без принадлежности к партии можно приносить своей стране большую пользу, — прибавил я, — и эта мысль, спустя пятнадцать лет, стала проповедываться самими коммунистами, которые ввели особый термин: «беспартийный большевик».

После моего доклада о деятельности НТО все осталось по старому, и только позднее в состав коллегии были введены новые члены: академик Иоффе, Чаплыгин и другие.

В те годы, в коллегии НТО приходилось несколько раз обсуждать вопрос об организации Петроградского Государствен. Научно-Технического Института (ГОНТИ), в котором я ранее был директором. Дело в том, что, когда я был назначен членом Президиума ВСНХ, я поставил условием, что я

не хочу прерывать научной деятельности, которую я только что начинал налаживать в Институте, и потому просил сохранить за мной звание директора Института, дав большие полномочия по управлению моему заместителю Н. Ф. Дроздову, профессору баллистики Артиллерийской Академии, которому я очень доверял и считал за очень достойного человека с твердым характером. Раз в 2-3 недели я приезжал из Москвы в Петроград для участия в заседаниях Академии Наук, для чтения лекций в Артиллерийской Академии и также принимал участие в жизни ГОНТИ. Но перед самым от'ездом заграницу в 1922 году, когда я еще не был председателем Коллегии НТО, ко мне обратились два члена коллегии НТО, Флаксерман и В. Н. Переверзев, с просьбой, помочь им наладить работу ГОНТИ, которая после моего ухода идет ненормально. Я предложил им тогда назначить ответственного директора, потому что я не в состоянии уделять много времени этому Институту. Они согласились на это, но чтобы не потерять меня, предложили сделать меня президентом этого Института и просили меня при этом, чтобы я, приезжая в Петроград, посещал Институт и входил в рассмотрение его дел и нужд. После этих переговоров, директором Института был назначен Н. Ф. Дроздов, а я получил почетное звание Президента. После этого назначения в жизни Института начали обнаруживаться такие явления, которые совершенно не имели места во время моего директорства. Примерно, за 10 месяцев в Институте было зарегистрировано 14 краж, причем во время одной из них был убит один служащий. Мне стало это известно только после моего возвращения из заграницы. Когда я посетил Институт, директор доложил мне обо всех происшествиях и заявил, что при таких обстоятельствах он не может далее оставаться на своем посту. Некоторые из этих краж поражали дерзостным их исполнением. Так, например, в одну ночь было украдено 14 ведер спирта, несмотря на то, что у ворот Института было ночное дежурство. Другой раз из подвала Института было украдено более двух пудов сахара, который был отпущен для военных кашеваров, обучающихся в Инсти-

туте. Чтобы проникнуть в подвал, надо было отпереть несколько дверей, и это обстоятельство наводило на мысль, что всеми этими кражами руководит кто-нибудь из служащих в Институте, хорошо знакомый с хозяйственной частью. После каждой кражи немедленно делались заявления в полицию и следственным властям, но розыски не давали никаких результатов. С первого же взгляда представлялось странным, почему во время моего директорства не было совершенно ни одной кражи, а после моего ухода они стали обычным явлением. Зная, взаимоотношения лиц, стоящих около хозяйственных дел, я нашел причину: помощник директора по хозяйственной части Н. П. Демидов не доверял заведующему хезяйством Института Ник. Ст. Кудрявцеву, а последний терпеть не мог Демидова и не особенно уважал директора Дроздова за его строгий характер. Наоборот, Кудрявцев чувствовал ко мне особую любовь и относился ко мне с особым вниманием, исполняя все мои приказания не за страх, а за совесть. После моего ухода, в отместку своему новому начальству, он сквозь пальцы смотрел за своим унтерштабом. Я не имею никаких оснований подозревать его в организации этих краж, так как следствие, а впоследствии и народный суд не могли установить его участия в кражах. Но с моей точки зрения Кудрявцев должен был бы понести наказание за небрежное отношение к своих обязанностям, потому что он являлся ответственным лицом, как по хранению имущества, так и по наблюдению за лицами, находящимися в его подчинении.

Ненормальная жизнь в ГОНТИ обратила на себя сугубое внимание как со стороны НТО, так и РКК (Рабоче-Крестьянской Инспекции). Коллегия НТО назначила особую комиссию для обследования Института, а РКИ, с своей стороны, прислала особых ревизоров, которые должны были во всех подробностях выяснить условия жизни и работоспособности Института. В то время большую должность в РКИ занимал мой бывший ученик по Михайловскому Артиллерийскому Училищу, Александр Антонович Трояновский. Вероятно, вследствии большого уважения к моей личности Трояновский не

хотел назначить ревизию Института, в котором я ранее был директором, не переговорив предварительно со мною на эту тему. Я был удивлен, когда я был вызван по телефону из РКИ и в говорившем со мною я узнал своего бывшего ученика Трояновского. Сговорившись со мной, он приехал ко мне в кабинет в НТО; увидев его, я вспомнил, что он не только слушал мои лекции, но и очень хорошо работал в лаборатории по химии. Он окончил Артиллерийское Училище в 1904 году, русско-японскую войну, и с тех пор (18 лет) мне не приходилось с ним встречаться. Но он имел очень характерные черты лица, отличные от русского типа, и потому вероятно я очень легко мог воскресить в своей памяти бывшего юнкера и моего ученика. Мне придется не раз возвращаться к характеристике этого человека, а здесь я ограничусь только тем, что отмечу очень доброжелательное ко мне отношение и желание с его стороны оградить меня от всякого беспокойства по поводу назначения ревизии. Я с своей стороны об'яснил ему, что я очень рад этой ревизии, так как она прольет свет на ненормальное положение в Институте, и что я вовсе не хочу прикрывать грехи лиц, которые вели управление Института после моего ухода. Коллегия НТО, прибавил я, тоже примет соответствующие меры для упорядочения работы в Институте.

После окончания ревизии РКИ я получил секретный отчет и должен сказать, что он произвел на меня очень хорошее впечатление серьезным и вдумчивым отношением к делу. Там было указано, что после моего ухода не были соблюдены установленные мною правила о ведении и контроле хозяйства; мой приказ о ежемесячных заседаниях хозяйственного комитета был предан забвению и т. д. Результатом ревизии РКИ было предание суду некоторых лиц, стоявших во главе Института, но для Института все кончилось благополучно, только некоторые лица получили выговор о нерадивом ведении дела, а заведующему хозяйством Кудрявцеву пришлось вскоре уйти. Что-же касается до ревизии, произведенной НТО, то Коллегия пришла к решению назначить директором Института Г. А. Забудского, а помощником Н. Ф. Дроздова, согласно желанию

последнего. Такое решение вполне удовлетворило персонал Института, жизнь вошла в норму и кражи прекратились. Но научная деятельность Института была далеко не на высоте. Причину надо было искать в составе научных работников, большинство которых попало во время войны и было не первоклассного достоинства. В скором времени пришлось заменить Забудского акад. Н. С. Курнаковым, в помощь к которому был назначен специальный комиссар для ведения административных и хозяйственных дел. Как я слышал стороной, один член коллегии говорил, что надо поскорее избавить Институт от «Ипатьевского духа»; в чем заключался этот «дух», пояснено не было.

Еще в бытность мою председателем Коллегии НТО был поднят вопрос о слиянии ГОНТИ с Институтом Прикладной Химии, находящимся на Ватном Острове, к которому был присоединен так же Опытный Завод, организованный еще в 1914 году. Это предложение получило одобрение Президиума ВСНХ и было приступлено к его выполнению. Для этой цели были оборудованы свободные помещения в зданиях на Ватном Острове для лабораторных работ, и отделы ГОНТИ постепенно были переведены и влиты в Институт Прикладной Химии, причем директором этого расширенного Института оставался Н. С. Курнаков. Так печально закончилось существование построенной еще до войны 1914 г. Центральной Лаборатории Военного Ведомства. Г. А. Забудский был уволен в полную отставку, но, не имея никакого интереса в своей одинокой жизни, приходил на Ватный Остров и часто можно было видеть его мрачную и опустившуюся фигуру, бродящую, как тень, по темным коридорам чуждого ему Института.

В один из приемных часов в НТО ко мне явился член Главного Артиллерийского Комитета А. А. Дзержкович, мой бывший ученик по Артиллерийской Академии, и заявил мне, что он послан ко мне начальником Управления (в то время им был бывший генерал Р. К. Дурлахов) для переговоров относительно необходимости возобновить деятельность бывшего во время войны Химического Комитета, для разработки во-

просов, связанных с применением в военном деле ядовитых газов и противогазов для защиты от них. Он сообщил мне, что после обсуждения этого вопроса в Артиллерийском Управлении, было установлено, что с 1918 года эта отрасль боевого снабжения заброшена и что теперь крайне необходимо в спешном порядке организовать сначала лабораторное исследование, а затем претворение в жизнь полученных результатов. Далее было единогласно признано, что единственным человеком, который может воскресить это дело, являюсь я, а потому Дзержковичу было поручено во что бы то ни стало уговорить меня взяться за это дело, обещая всякую помощь, как его личную, так и всего Управления. Мне очень не хотелось браться за это дело, но мне ничего не оставалось делать, как дать свое согласие и начать снова организацию Химического Института по ядовитым газам и противогазам. При первой же поездке в Петроград, я собрал в Лаборатории Академии Наук всех профессоров химии, их ассистентов и докторов, участвовавших в работах Химического Комитета во время войны, сообщил им, какая предстоит нам работа, и спросил, кому из них угодно принять участие в научных исследованиях в их лабораториях по заданиям военного ведомства. Все собравшиеся из'явили свое согласие, после чего я предложил им обсудить, какие из намеченных тем желает взять на себя та или другая лаборатория, с тем, что в следующий мой приезд мы окончательно утвердим распределение тем и установим, какие будут нужны средства. В Москве в присутствии начальника Артиллерийского Управления, было созвано особое заседание по вопросу об организации Химического Комитета, причем я развил свои соображения о характере работ этого Комитета и о тех средствах, которые понадобятся для этой цели. Мои предположения были приняты, положение о Комитете было утверждено, и я тотчас же собрал в Москве первое заседание Химического Комитета, пригласив для работы в нем многих московских профессоров и докторов. Первые заседания Комитета происходили в здании Артиллерийского Управления, а потом нам было отведено особое помещение в Торговых рядах на Красной

Площади, около церкви Василия Блаженного, где он и оставался до моего ухода из Комитета. Об его деятельности я расскажу впоследствии.

НТО в 1922 году возбудил ходатайство о посылке заграницу нескольких профессоров физики и химии для ознакомления с новейшими достижениями в этих науках; эти командировки были крайне необходимы, потому что за годы войны и революции наши библиотеки совершенно не получали иностранной научной литературы, и наши ученые не могли посылать свои работы в журналы тех иностранных научных обществ, в которых они до войны состояли членами. Вследствие прекращения взносов членской платы прекращалась и доставка научной литературы. Провести эти командировки было нелегкой задачей, потому что для этого требовалась валюта, а запасы ее тогда были очень малыми. Мне пришлось лично докладывать это дело в Совнаркоме, где в то время, за болезнью Ленина, председательствовал А. И. Рыков. Мне надо было проявить и красноречие, и большую настойчивость, чтобы доказать пользу для СССР командировки каждого из намеченных лиц. После этого надо было торговаться относительно отпуска денег, и мне удалось выторговать достаточные командировочные деньги для каждого, мотивируя это тем, что после 8-летнего промежутка, профессорам надо приобрести литературу, может быть купить некоторые аппараты для своих работ, а кроме того купить одежду, т. к. они все обносились и им неловко появляться в жалком одеянии перед своими иностранными коллегами, так как это может дать основание плохо подумать о нашей стране.

Из химиков было разрешено поехать: Н. Д. Зелинскому, А. Е. Чичибабину и Е. И. Шпитальскому. Последнему пришлось отложить поездку; ему была сделана операция ноги, и он поехал в командировку несколько позднее. С Н. Д. Зелинским случилось неприятное происшествие: он был задержан на нашей границе агентами ЧК, потому что просрочил свою выездную визу. Агенты ЧК, заметив эту просрочку, вызвали его в свое помещение, обыскали и вернули обратно в Москву.

Н. Д. тотчас же позвонил мне по телефону, в страшном возмущении рассказал эту историю и просил о помощи. Через неделю он смог выехать снова. На этот раз все прошло благополучно и он совершил очень хорошую поездку по Европе; по возвращении он пригласил меня к себе и угостил очень вкусным обедом. К сожалению, к моим научным трудам он относился с меньшим вниманием: это проявилось в том, что открытый мною в 1912 году смешанный катализатор окиси алюминия с окисью никкеля, в своей работе 1924 года (вместе с В. Комаревским) он описал, как впервые им предложенный. Мне пришлось указать ему, что это открытие принадлежит мне; он вполне согласился, извинился, обещал в следующей же работе поправить эту ошибку; но к сожалению, до сих пор этого не сделал, — вероятно забыл.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

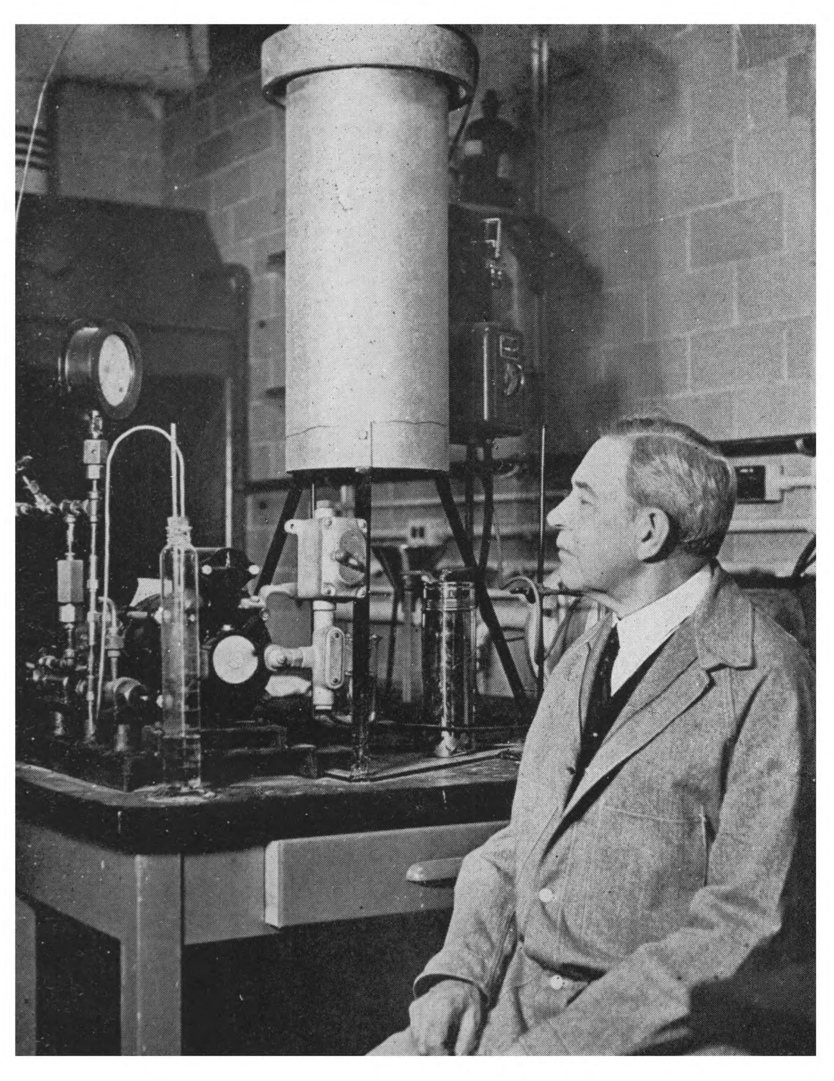
ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ПРЕЗИДИУМА ВСНХ

Чтобы содействовать личному сближению членов Президиума ВСНХ между собою, П. А. Богданов устроил у себя на квартире ужин, пригласив на него одних только членов Президиума. На ужин собрались: А. Н. Долгов, Краснощеков, Смилга, Пятаков, Середа и я; может быть, были и другие, но остальных я не могу припомнить. Хотя в то время спиртные напитки были еще запрещены, но хозяин заготовил изрядное количество водки и вин и великолепную закуску. Хотя я и не любил водки и только изредка выпивал одну рюмку, но в этой компании волей неволей пришлось выпить несколько рюмок в угоду хлебосольным хозяевам и новым товарищам по службе. Языки после известного «градуса» у всех развязались, и наши партийные товарищи уже не стеснялись присутствием двух беспартийных: Долгова и меня. Как всегда в подобных случаях началась критика начальства и из уст Смилги мы узнали, что «Алексей» (Рыков) его не любит и проваливает в Совнаркоме

все предложения Смилги по топливной промышленности, а потому Смилге придется вскоре уходить;он об этом жалел, потому что был уверен в возможности наладить подачу топлива в скором времени, — если бы только ему не мешали.

Смилга очень разоткровенничался и рассказал нам, как он без ЧК изловил всех Нобелевских нефтянников, которые якобы были в связи с правлением фирмы Нобель и Ко., находящимся заграницей. В числе таких нефтянников был проф. М. М. Тихвинский, с которым я был в очень дружественных отношениях еще задолго до войны. До прихода большевиков он находился на службе у Нобель, но после от'езда правления заграницу остался в России и начал работать с большевиками. Он был в особенности дружен с председателем Химического Отдела и членом Президиума ВСНХ, Л. Я. Карповым и, как он сам мне говорил, поверял ему все свои дела, — как служебные, так и личные. М. М. был ранее большевиком, был хорошо известен Ленину и принимал участие, как химик, даже в изготовлении взрывчатых веществ для снаряжения бомб. Но, вероятно, под влиянием насильственных действий ЧК он не мог оставаться в партии и возвратил свой билет. Я не раз беседовал с ним на эту тему и отлично понимал причину его ухода из партии. Но тем не менее М. М. остался навсегда революционером и социалистом, не способным изменить своих убеждений в пользу старого режима. Однажды он получил письмо из заграницы от одного из членов правления фирмы Нобель, с запросом о материальном положении служащих фирмы, оставшихся в России, и с предложением помочь им деньгами. М. М. довел до сведения своего начальства о содержании этого письма и, вероятно, просил Карпова узнать мнение по этому поводу самого Ленина. Обо всем этом он говорил мне сам, и кроме того, после казни М. М. Тихвинского я слышал тот же самый рассказ и от Ш. Ш. Елнина, его хорошего знакомого и сослуживца. В скором времени М. М. получил ответ самого Ленина:

«Я ничего не имею против того, чтобы к нам притекало золото из заграницы, только бы мы поменьше посылали его туда».

В. Н. Ипатьев в Лаборатории его имени Высоких Давлений
и Катализа в Northwestern University

Вследствие такого ответа главы правительства, фирма Нобель стала переводить некоторые суммы денег в распоряжение М. М. Тихвинского для раздачи некоторым бывшим служащим этой фирмы. Во время одного путешествия Смилги по Волге для осмотра всех складов нефти он познакомился с заведующим флотилией наливных судов, перевозящих нефть из Баку. Этот начальник транспорта, фамилию которого я не помню, заведывал этой флотилией до войны у бр. Нобель и потому хорошо знал всех наиболее видных работников фирмы. Смилга рассказал нам, что он пригласил этого начальника флотилии на ужин и после хорошей выпивки и закуски сумел так повести дружескую беседу, что выпытал от него фамилии всех лиц, которые получали денежную помощь от товарищества бр. Нобель. Все это было проделано при свидетелях большевиках. Как только Смилга приехал в Москву, он сообщил обо всем ЧК, и она тотчас же арестовала всех указанных лиц; я не могу припомнить, был ли в числе их также и начальник флотилии. М. М. Тихвинский, конечно, был арестован в первую голову и был расстрелян (как я уже упомянул ранее) в сентябре 1921 года, причем ему вменялось в вину, главным образом, что он посредством тайной корреспонденции доносил фирме Нобель во всех деталях о состоянии добычи нефти и производства нефтяных заводов.

Этот рассказ Смилги произвел на меня очень тягостное впечатление и, может быть, именно он был причиной того, что я выпил лишнее и едва ли не первый раз в жизни приехал домой около 4-х часов ночи в сильном градусе, привел тем в удивление жену, так как в подобном состоянии, до этой пирушки с большевиками, она меня никогда в жизни не видала.

На этом же вечере я рассказал, что Главное Артиллерийское Управление просило меня взять на себе заботу об организации в СССР производство ядовитых газов и противогазов. Я интересовался узнать, как в неофициальной обстановке члены Президиума относятся к моему участию в этом деле. Все тотчас же воспользовались случаем и выпили за процветание этого дела под моей эгидой, а П. А. Богданов прибавил:

«Ну, если Владимир Николаевич снова возьмется за это дело, то успех, наверное, будет».

Я сообщил ранее, что Ленин не мог выслушать летом 1922 года моего доклада о поездке заграницу, так как был болен после случившегося с ним удара, и доктора строго-настрого запретили ему заниматься какими-либо делами, хотя он был в полном сознании. Но в начале осени он настолько поправился, что доктора разрешили ему принимать некоторое участие в делах, строго ограничив, конечно, время работы. От секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова я получил тогда записку, в которой он писал мне, что Владимир Ильич считает очень полезным, чтобы я написал для широкой публики два фельетона в «Правде», в которых описал бы все виденное и слышанное относительно экономического и технического развития промышленности. Для меня написание таких двух фельетонов не представляло трудностей, так как вскоре по возвращении из заграницы меня просили в ВСНХ прочитать лекцию о моем путешествии в Москве, в зале Советов (бывшее Дворянское Собрание). Моя лекция собрала много народа и вызвала оживленный обмен мнений. Я отметил в своей лекции, что в Германии после войны химическая промышленность обогатилась новыми процессами, весьма важными для мирного времени, установление которых и в нашей стране крайне желательно. Принимая же во внимание наши дружественные отношения с Германией, можно надеяться, что мы могли бы получить от немцев техническую помощь. Одному из присутствующих моя речь очень не понравилась. В резких выражениях он упрекал меня в пристрастии к немцам и, не пожелав выслушать мои раз’яснения, демонстративно ушел с лекции. Впоследствии эта моя речь была напечатана в журнале «Наши Достижения», который был создан А. М. Горьким. Эта речь послужила мне материалом и для составления двух фельетонов в «Правде», которые предназначались для широкой публики и должны были отличаться простотой.

В. И. Ленин был очень доволен этими фельетонами и просил через Горбунова, чтобы я время от времени сообщал

кое-что широкой публике о достижениях в химии. В это время его здоровье настолько поправилось, что он решил выступить с большой речью на одном из больших заседаний не то Московского Совета, не то ЦИК'а. Кроме того он председательствовал в Совете Народных Комиссаров, где в его присутствии разбирался вопрос о предоставлении Уркарту концессии на Урале для добывания меди, свинца и серебра на Уральских, Кыштымских и Ридигерских заводах. Этот вопрос был внесен Красиным, которого я, будучи в Лондоне, помирил с Уркартом. Красин для проведения этой концессии приехал в Москву и очень энергично защищал необходимость концессии, но потерпел фиаско: Уркарт концессии не получил. С этого времени началось падение престижа Красина в коммунистических кругах, — в особенности после одной фразы, которую он позволили себе сказать на одном многолюдном собрании:

«Вы требуете, — заявил он, — чтобы работа шла четко и быстро, а сами присылаете мне на ответственные места молодых партийцев, ничего не понимающих в деле, которое им поручается. Пришлите мне одного спеца, — не партийного, но хорошо знающего дело, — и он заменить шесть коммунистов».

Эта фраза вызвала большое негодование в партийных кругах, и Красину ее никогда не забыли. Какая разница: Ленину не поставили в вину, когда он за хорошего спеца готов был отдать десять коммунистов, а Красину не хотели простить и шести!

Во время одного из заседаний Президиума ВСНХ ко мне обратился Смилга и сказал:

— Я был вчера у Ленина на докладе, и он просил сказать Вам, что просит Вас придти к нему как-нибудь вечерком, неофициально, выпить чашку чая и поговорить о разных технических вопросах. Только надо созвониться через Горбунова, в какой из ближайших вечеров будет более удобным устроить свидание.

На другой-же день я позвонил Горбунову, и он сказал мне, что непременно мне позвонит, когда я должен вечером

посетить Ленина. Но этому не суждено было случиться. Через несколько дней у Ленина был второй удар, он лишился сознания и речи и ему уже не суждено было возвратиться к работе; с небольшим через год он скончался, и за этот промежуток времени он не владел речью и мог с трудом понимать только самые обыденные вещи.

К декабрю 1922 года закончилась постройка и оборудование Химического Института при ВСНХ, который был возглавляем А. Н. Бахом. Этот Институт помещался ранее, как было сказано выше, в частной квартире, на Армянском Переулке, а теперь должен был переехать в новое здание. Полная переделка бывшего особняка (кажется, Вогау или Марка) на Воронцовском Поле в Научный Институт потребовала более года и надо справедливо сказать, что в новом здании была устроена очень хорошая научно-исследовательская химическая лаборатория, отвечающая всем требованиям современной науки. Правда, на постройку этого Института ВСНХ не жалел денег, и во время его сооружения сам Рыков оказывал большое содействие, но тем не менее нельзя не отдать должной похвалы А. Н. Баху и его молодому помощнику Б. Збарскому (бывшему социалисту-революционеру по своим политическим убеждениям, но сочувствовавшему большевикам). Для науки оборудования Збарский был командирован в Германию, где и закупил на отпущенную в большом количестве валюту все аппараты и химические реактивы. В то время в СССР было совершенно невозможно достать что-либо из оборудования для лабораторий.

16-го декабря 1922 года последовало официальное открытие вновь построенного Института, которому было присвоено имя покойного Карпова. На открытие было приглашено правительство, от лица которого выступил сам А. И. Рыков; после него говорил директор Института, Бах, а затем слово было предоставлено мне, как председателю коллегии НТО. Я не могу вспомнить полностью речи Рыкова; в памяти удержалось только одно, — что он подчеркнул значение постройки великолепного Научного Института в стране Советов в такое время,

когда средства страны находятся в тяжелом положении, и народонаселение не может быть удовлетворено в самых необходимых потребностях. Но советское правительство отлично отдает себе отчет в необходимости развивать науку, а потому и в будущем будет развивать строительство подобных научных учреждений. Бах в короткой ответной речи принес благодарность за отпуск средств для сооружения этого храма науки и прибавил, что он счастлив работать в своей стране, на знамени которой изображены мирные эмблемы «серп и молот», а не хищная птица, — орел, который был эмблемой могущества царского режима.

К своей короткой речи я подготовился заранее и очень жалел потом, что я перед заседанием не прочем ее кому-нибудь из моих коллег по Президиума. После своей речи, я получил упрек от председателя ВСНХ, Богданова, также и от Смилги и других партийцев, которые находили, что она была по своему характеру неуместна на данном торжестве. Что-же я сказал в своей речи такого, что вызвало неудовольствие, главным образом, со стороны партийцев? Мне помнится, что в основу ее были положены три мысли: во-первых, я указал, что создание этого храма науки после проигранной войны свидетельствует, что у нас не угашен дух и что завоевания на научном поприще на пользу всего человечества несомненно принесут уважение и признание других народов; я напомнил, что гениальные работы Пастера, после проигранной войны 1870 года, подняли престиж Франции и указали на гений французского народа. Во-вторых, я старался об'яснить, почему вновь созданному Институту присвоено имя Карпова: я обрисовал личность покойного и его хорошее отношение к нам, спецам, вследствие чего ему удалось начать приводить в порядок нашу расстроенную химическую промышленность; я заключил из этих данных, что работа Карпова оправдывает присвоение его имени новому Институту. Наконец, в-третьих, я указал, что на Воронцовском поле в настоящее время построены Карповский Институт, рядом с ним Биохимический Институт (который был впоследствии назван Баховским) и предполагалось в дальней-

шем расширение Химического Института постройкой опытного завода, вследствие чего здесь образуется целый научный городок, которому впоследствии будет дано подходящее название. Это — все, что было мною сказано, а из этого был сделан вывод: Ипатьев не верит в долгое существование советской власти, раз будут даны другие названия, незачем было мне затрагивать вопрос о названии Института, раз это название присвоено правительством, а также незачем было упоминать о проигранной войне. Выслушав все замечания после моей речи (которая, однако, удостоилась очень громких аплодисментов), я пришел к заключению, что моя карта бита, и что мне этого не забудут.

Чтобы моя речь не попала целиком в печать, я передал ее Б. Збарскому с просьбой исключить все, что он считает неудобным, и лишь после этого послать ее в газеты. Он мне обещал это сделать и, действительно, в газетах было только в нескольких словах сказано, что председатель НТО приветствовал открытие нового Института.

В декабре 1922 года было устроено празднование 5-летия существования ВСНХ. Хотя, по правде сказать, достижения за эти годы не были так велики, чтобы стоило справлять юбилей, но тем не менее правительство нашло нужным устроить этот праздник. В залах здания Советов были выставлены портреты членов Президиума, диаграммы развития различных отраслей промышленности, некоторые экспонаты производства и пр. Публика допускалась только по особым билетам. В день праздника было устроено публичное вечернее заседание Президиума, на которое были приглашены члены правительства и делегаты от разных трестов и учреждений. На эстраде заседал президиум с народными комиссарами, а в креслах — делегаты и гости. Началось заседание речью Богданова, который огласил поздравительные телеграммы, как от Совнаркома, так и от отдельных наркоматов. После его речи говорили некоторые члены правительства, а также член Коллегии ЧК Уншлихт, который в своей речи подчеркнул, что ЧК зорко следит за деятельностью всех учреждений ВСНХ и будет стараться

обнаружить вредительскую работу, проделываемую врагами народа. Короче, речь имела тот-же лозунг, какой был дан царем Николаем I-ым при учреждении жандармского корпуса: утирать слезы угнетенным и беззащитным гражданам. После речей был показан фильм, имевший целью в виде аллегорий показать будущее развитие промышленности; фильм сделан очень плохо и совершенно нехудожественно.

В январе 1923 года исполнилось также пятилетие существования Чрезвычайной комиссии или, как ее обычно называли, «ЧЕКА», которая представляла из себя совершенно независимый комиссариат, возглавляемый Ф. Э. Дзержинским. Ее сила была безгранична и ее действия не подчинялись никакому контролю. Это было государство в государстве и понятно, что без подобных учреждений не могла обходиться ни одна революция. Но с введением НЭП'а было неудобно иметь такое учреждение, а потому было решено влить его в Комиссариат Внутренних Дел, который до того времени обладал слабым авторитетом. В начале 1923 года был издан декрет, по которому ЧК ликвидировалась, а вместо нее для надзора за контрреволюцией организовалось Главное Политическое Управление при Комиссариате Внутренних Дел. Дзержинский был назначен Народным Комиссаром и председателем Коллегии ГПУ. В сущности, все оставалось по старому, только вывеска была изображена несколько иначе. По случаю пятилетнего юбилея и указанного переименования было устроено особое празднование. Во-первых, на Красной Площади в Москве был сделан парад войскам особого назначения, состоящим в ведении ЧК, а теперь ГПУ. Войска эти, особым образом формируемые (их насчитывалось по всему Союзу до 100.000), являлись как бы охраной революции и были посылаемы для усмирения всяких мятежей и волнений против советской власти. Эти войска имели более красивую форму, были отлично одеты и питаемы, пользовались многими привиллегиями, которые были совершенно недоступны другим красноармейцам. Многие бывшие офицеры царских гвардейских пехотных и кавалерийских полков были взяты на службу в эти войска для надлежащего их обуче-

ния и внедрения в них суровой дисциплины. И надо отдать справедливость, что в то время эти войска выглядели гораздо более дисциплинированными, чем красно-армейские части.

Я часто задавал себе вопрос, почему бывшие офицеры из дворянских фамилий согласились идти на подобную службу, зная наперед, что они должны будут идти для усмирения крестьянских и рабочих волнений. Я понимаю, что служить солдатом или офицером в армии, созданной для защиты отечества от иностранного вмешательства, есть долг каждого гражданина, какая бы ни была власть в его стране. Но участие в жестоком наказании людей, которые желают высказать свое недовольство тяжелыми условиями их жизни, я не могу оправдать никакими доводами. Ответ на подобный вопрос я получал не раз от лиц, которые были близки к этому учреждению. Те бывшие офицеры буржуазных семей, которые решали идти в эти карательные отряды, оправдывали свое поведение желанием отомстить крестьянам, которые разрушили имения их отцов, украли все их достояние, а во многих случаях убили их родных во время погромов в начале революции. С точки зрения, как культурного человека, так и христианина, такое поведение заслуживает только одного презрения; идейный коммунист, который убивает своего политического противника, хотя также достоин глубокого порицания, но все-же скорее может найти себе защиту в своих действиях, чем офицер-палач, который вымещает свою злобу на совершенно невинных людях.

ВСНХ послал на юбилей ГПУ Богданова, так как президиум ВСНХ был шефом войск особого назначения, и членов президиума Семена Пафнутьевича Середу и меня. Я и Середа присутствовали на параде, который принимал сам Дзержинский, а Богданов проходил во главе войск ГПУ. Перед прохождением войск церемониальным маршем, Дзержинский произнес речь, в которой благодарил членов ЧК и войсковые части за их ревностную службу делу революции, а затем пояснил цель новой реформы: образование Комиссариата Внутренних Дел и в ней ГПУ. После парада был устроен зав-

трак для членов ГПУ в одном хорошем ресторане на Неглинной, на который были приглашены некоторые делегаты от разных комиссариатов, и от ВСНХ Богданов, Середа и я. Завтрак сопровождался также соответствующей выпивкой, хотя в то время еще сохранялось запрещение продажи спиртных напитков. Я и Середа сидели близко к главному столу; главные руководители ГПУ были очень любезны с нами и рассказывали много историй из своей деятельности по борьбе с контрреволюцией. Один эпизод особо запечатлелся в моей памяти, так как расказчик с особым удовольствием подчеркивал в нем отсутствие мужества и благородства у арестованных бывших офицеров царской армии. Один полковник контр-революционер, захваченный агентами ГПУ и приведенный ко мне в кабинет, — рассказывал нам один член коллегии ГПУ, — со слезами на глазах упал передо мною на колени и просил о снисхождении; я никогда не мог предполагать, чтобы офицеры старой армии были такими трусами; я мог бы привести много подобных случаев; старые революционеры в царское время не доходили до такого унижения и с гордостью шли на смерть, считая свое дело правым. Конечно, слушая подобные рассказы мне нельзя было выражать каких-либо сомнений, и приходилось молчать.

Во время этого завтрака были произнесены различные заздравные тосты; к моему большому удивлению, П. А. Богданов предложил тост так же и за бывшего генерала Ипатьева, в нескольких словах дав характеристику моей личноости.

— Вы знаете, товарищи, кто такой В. Н. Ипатьев. Это мировой ученый, награжденный всеми почестями, возможными при царском режиме, и он, одним из первых, согласился работать с нами по первому предложению, сделанному ему покойным Л. Я. Карповым, которому была поручена вся химическая промышленность СССР в ноябре 1917 года. В. Н. не только сам пошел работать с рабочим классом, но увлек своим примером и своих коллег, и в военном Химическом Комитете, который был возглавляем В. Н., ни одного дня не было забастовки, — не в пример другим учреждениям. Партия никогда не дол-

жна забыть его поступка, а теперь я предлагаю тост за его здоровье.

Громкие аплодисменты были в ответ на этот тост, а потом раздались возгласы: качать В. Н., и я был подхвачен десятками рук и подвергнут этой операции. Когда овации прекратились, и я сел рядом с Середой, то он сказал мне:

— Вот до чего Вы, В. Н., дожили: ГПУ Вас качало! Больших почестей едва ли можно достигнуть при теперешнем режиме.

Перед моим от'ездом еще в конце 1922 года, я вместе с заместителем Главспирта Григоровым стал изучать вопрос о пользе и вреде запрещения употребления спиртных напитков. Григоров служил до революции в Министерстве Финансов, в департаменте винной монополии, и был знатоком этого дела, а потому был приглашен большевиками в Главспирт. Главное Спиртовое Управление находилось тогда под моим наблюдением, и я должен был следить за производством спирта в Союзе, за его потреблением и за состоянием винокуренных заводов. Во главе спиртовой промышленности стоял товарищ Ермаков, бывший фельдфебель одной артиллерийской батареи, уроженец Урала, очень веселый парень, но, конечно, понимающий в спиртовой промышленности лишь настолько, чтобы уметь определять крепость водки во время ее принятия во внутрь. Поэтому все технические проблемы входили исключительно в обязанность Григорова, и он очень част приходил ко мне советоваться по разнообразным вопросам спиртовой промышленности.

Уже в 1922 году мы видели, что, если не будет разрешена продажа водки и не будет установлен акциз, масса винокуренных заводов должна быть закрыта, а это закрытие печально отразится на земледелии, так как это вызовет сокращение посевов картофеля. Культура последнего продукта крайне необходима в сельском хозяйстве, так как картофель является пропашным хлебом, и способствует очищению полей от сорных трав. Я считал и считаю, что производство картофеля во всех странах должно быть доведено до максимума, так как при правильном ведении интенсивного хозяйства он является

самым дешевым хлебом, необходимым для питания человека и домашних животных, а также и для производства спирта, из которого можно получать многие органические препараты, причем остатки от спиртового брожения также идут для питания скота.

После обсуждения всех злободневных вопросов спиртовой промышленности, я и Григоров, с одобрения начальника Главспирта Ермакова, составили докладную записку о состоянии винокуренной промышленности, об ее упадке и о необходимости разрешить употребление спиртовых напитков в ограниченных количествах. В этой записке указывалось, что в такой громадной стране, какой является Россия, совершенно невозможно мерами репрессий успешно бороться с тайным винокурением и развитием самогона, которое, несмотря на все кары закона, приняло колоссальные размеры. Подобный порядок, ни в какой мере не искореняя пьянства, приносит громаднейший вред народному здравию, так как народ пьет очень вредную водку, не достаточно очищенную и содержащую более ядовитые высшие алкоголи. Кроме того, с экономической точки зрения допущение в стране самогона крайне не желательно, потому что самогонщики употребляют для брожения дорогие сорта злаков, вместо дешевого картофеля, а, с другой стороны, государство не получает никакого акциза за выкуренный спирт. Вполне сознавая вред употребления алкоголя, в особенности крепких напитков, содержащих 40 и более градусов спирта, мы все-таки настаивали на проведении закона о разрешении употребления алкоголя, выставляя, кроме указанных соображений, еще следующие основания: государство, имея в своих руках винную монополию, сможет выпускать с своих заводов ограниченное количество водочных изделий как то водки, ликеров и настоек и т. п. Государство может контролировать снабжение рабочих районов, где оно особо боится развить пьянство в ущерб производительности работы, доставляя туда более слабые настойки и пиво. Кроме этих мер мы предлагали уменьшить процент спирта в водке с 40% до 30%. Это наше предложение базировалось на особом

вреде для внутренних органов напитков, имеющих высокое содержание спирта. Чем больше содержание спирта в напитке, тем сильнее его разрушительное действие на слизистые оболочки и нежные внутренние органы, особенно на желудок, печень и почки. Между тем водка, содержащая 30% алкоголя, приятна на вкус, не так быстро опьяняет и будет вообще менее опасна для здоровья. В особенности надо иметь в виду, что чем моложе организм, тем более вреда наносит ему употребление крепких спиртовых напитков, так как ткани его внутренних органов еще очень нежны.

Эта докладная записка была рассмотрена многими Наркоматами и, наконец, попала в Совет Народных Комиссаров для окончательного утверждения. Большинство Наркоматов высказались за введение винной монополии. Примерно в середине 1923 года, советским правительством был издан декрет, разрешающий производство водочных изделий и пива и свободной продажи их, но по декрету содержание спирта во всех водках было ограничено 20 процентами. Такая водка стала называться «Рыковкой», и рабочие и крестьяне, выпивая ее, прибавляли:

— Не стоило делать революции для уменьшения крепости водки с 40% до 20%!

Однако, фабрикация такой водки продолжалась не очень долго и вскоре незаметно перешли на изготовление старой русской 40% водки. Несмотря на разрешение свободной продажи водки, я мог наблюдать, как в Москве так и в Ленинграде, что число пьяных на улицах сократилось по сравнению с тем, что наблюдалось в тех-же городах до войны. Может быть, это об'ясняется тем, что до войны при введении винной монополии гр. Витте, распитие водки, купленной в винных лавках, происходило на улице по близости места покупки; водка выпивалась сразу без надлежащей закуски, а посуда от водки сдавалась за деньги обратно в лавку. Такой безобразный способ распития водки не имел места при большевиках (разве только в редких случаях) и тем, может быть, об'ясняется отсутствие, как пьяных на улицах, так и непристойных пьяных сцен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

МОЯ ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ЗАГРАНИЦУ

Во время моего пребывания в 1922 году в Германии был возбужден вопрос о том, чтобы я сделал доклад о моих ученых работах, и даже прочитал несколько лекций по катализу. Об этом предложении я сообщил Стомонякову, который в своем рапорте донес об этом по начальству, и с своей стороны прибавил, что это было бы желательно с различных точек зрения. Когда по приезде из заграницы я заявил Богданову об этом приглашении, то он согласился похлопотать о моей командировке в Германию с научной целью. Уже в январе 1923 года я получил паспорт и разрешение выехать в Германию на 3 месяца.

Мне пришлось ехать опять через Ригу, где надо было дожидаться поезда на Берлин до вечера. В Кенигсберге была снова пересадка в другой вагон; в купэ 1-го класса со мной поместилось еще 5 пассажиров. В этом-же поезде ехал и начальник электротехнического треста Гольцман для переговоров о покупке в Германии электрических принадлежностей, а также И. И. Воронков, один из двух инженеров, состоящих в распоряжении коллегии НТО, которому я выхлопотал командировку с научной целью в Германию. В виду тесноты, о сне нечего было думать; мы перезнакомились друг с другом, и завязалась оживленная беседа. В особенности интересен был разговор с латышской дамой, прекрасно говорившей по-русски; она имела какую-то миссию в Германии и в разговоре с большой горячностью защищала независимость Латвии.. «Мы с русскими, — говорила она, — всегда будем дружить, если только они не посягнут на нашу независимость, в противном же случае мы все, как один, включая и женщин, будем драться до последней капли крови». Я ей высказал свой взгляд, что считаю правильным дарование самостоятельности Латвии, но необходимо выработать особый договор, как с политической, так и с экономической точек зрения, который был бы выгоден

для обоих государств. Интересно было послушать и американца, который не говорил по-русски, но с которым мы могли об'ясняться через переводчика, ехавшего с Гольцманом. Когда он узнал, кто я, то спросил меня, не имею ли я намерения ехать в Америку; он прибавил, что эта поездка была бы очень полезна для меня, и я мог бы найти себе там интересное дело, а кроме того, он прибавил, такие люди, как я, очень нужны в Америке. Совсем другое сказал он про Гольцмана, когда понял, что тот является поклонником Маркса: «Таких людей, как г. Гольцман, нам не надо, ибо мы не хотим повторять опыта, который был произведен в России и привел к таким плачевным результатам».

Цель моей второй командировки в Германию была исключительно научная. Предполагалось, что я сделаю там доклады о моих научных работах, а кроме того, я хотел закупить некоторые аппараты и химические вещества для моих будущих научных работ. Для последней цели я выхлопотал себе валюту на 1100 рублей и разрешение покупать самостоятельно необходимые для меня аппараты, оформив только все эти покупки через Торгпредство в Берлине. Никаких технических поручений я не имел, но как только Торгпред Стомоняков узнал о моем приезде в Берлине, он тотчас же попросил меня не отказываться помочь им в разрешении многих технических вопросов. В то время в Берлине в командировке был Евгений Иванович Шпитальский, профессор Московского Университета, командированный НТО с научной целью. Срок его командировки уже окончился, но он был принужден оставаться в Берлине, так как не была готова его искусственная нога (протеза). Я очень уважал Е. И. и был рад его пребыванию в Берлине; он очень много помог мне, выправив немецкий язык моего доклада для Немецкого Химического Общества; кроме того, мы вместе закупали некоторые аппараты, как-то фарфоровые трубки, термометры и пр.; он имел тоже поручения от разных трестов закупить некоторые приборы. Мы очень часто виделись и проводили целые вечера в интересных разговорах о науке и технике. Между прочим, я привлек его к участию в

секретном совещании в нашем посольстве в связи с предложением одной немецкой фирмы построить у нас завод ядовитого газа, иприта (горчичный газ), который применялся французами и немцами в последнюю войну. После обсуждения, было решено поставить этот вопрос в ВСНХ, в Военно-Техническом Отделе, и я должен был взять с собою предварительные планы и данные о постройке подобного завода. Е. И., кроме научных целей, знакомился в Германии с некоторыми химическими производствами; его особенно интересовало пропроизводство фосгена и сероуглерода, и он посетил один завод в Гамбурге (Бельведер), посетить который по поручению Торгпредства пришлось также и мне.

Е. И., как уже было указано ранее, во время войны руководил изготовлением в Москве фосгена, употребляемого во время войны, как удушающий газ, причем он предложил усовершенствование в старом способе изготовления фосгена из окиси углерода и хлора и заявил патент, как в России, так и в Германии. Вообще во время своего пребывания в это время в Германии Е. И. очень много времени уделял для подачи разных заявок на свои изобретения и для проведения их в жизнь дал доверенность инженеру Войнову, который служил в то время на заводе Шеринга (а во время войны он работал в Москве, на заводе того-же Шеринга, филиал). Я не могу теперь установить, имел ли Е. И. разрешение на взятие патентов заграницей, но во всяком случае эти операции представляли большую опасность, как в том, так и в другом случае. Я знаю, что он в Польше заявил патент на приготовление солей хлорной кислоты электролитическим путем, имея в виду их применение, как взрывчатых веществ, в смеси с другими взрывчатыми веществами. Эти опыты он начал еще во время войны, — их испытание Е. И. один раз производил в моем присутствии. Но хотя мы и отказались от их применения по целому ряду причин, тем не менее Е. И. продолжал их изучение и решил взять на них патенты. Мне представляется, что взятие иностранных патентов заграницей, — в особенности на вещества, которые могли служить для обороны страны, —

послужило одной из главных причин обвинения его в контрреволюционной деятельности.

Торгпредство просило меня с'ездить на химические заводы, принадлежавшие г. Михаель, бывшему компаньону Н. Каро. Один завод находился недалеко от Берлина (в Тетеров) и изготовлял особый сорт буры, имеющей особые качества, которые делали ее особо пригодной при сплавке металлов, а также различные аммиачные соли. Затем я осмотрел другой завод того же г. Михаель, «Бельведер» в Гамбурге, где изготовляли разные неорганические соли и другие вещества. Особенно интересно было видеть изготовление сернистого углерода из серы и угля, хлорирование толуола и получение бензолового спирти, бензойного альдегида и бензойной кислоты. В особом месте был показан мне завод получения формалина и открытого впервые А. М. Бутлеровым уротропина (гексаметилен тетрамин). Директор завода хорошо говорил по-русски, так как долго жил и работал в России и был женат на русской. Кроме того, меня сопровождал состоявший на службе у Михаеля, русский химик, ученик С. Н. Реформатского, уехавший из России еще до войны. Это было мне очень кстати, так как позволило мне войти во все детали производства и включить их в мой рапорт, который я должен был представить Торгпредству.

Второе очень важное привлечение меня к делам Торгпредства заключалось в обсуждении вопроса о возможности постановки в СССР производства различных красок и пигментов. Несомненно, немцам было гораздо выгоднее продавать краски в различные страны, чем продавать рецепты для их изготовления. До войны Германия поставляла краски на весь мир и выручала около 900 миллионов марок; насколько помню, одна Россия платила Германии за краски около 80 милл. марок. Главное в изготовлении красок это умение дешево и с хорошим выходом из основных материалов приготовлять так называемые «полуфабрикаты», из которых уже легко получать сами краски. Французы, после войны, при ревизии Рейнских заводов взяли все описания их производства и стали изготовлять

часть красок у себя дома. Американцы (Дюпон де Намюр) переманили к себе на службу на большие оклады два-три десятка хороших химиков с немецких красильных заводов и стали устанавливать производство красителей в Соединенных Штатах. Нам, русским, было невозможно ни то, ни другое. Правда, во время войны богатые текстильные фабриканты основали общество под названием «Русско-Краска», но развитие красильной промышленности без надлежащей химической школы и навыков могло идти лишь крайне медленно и никоим образом нельзя было ожидать, чтобы мы своими силами могли справиться с этой трудной технической задачей. Для переговоров относительно технической помощи со стороны И. Г. Фарбениндустри было устроено особое совещание под председательством самого Стомонякова, на которое были приглашены директора немецкого концерна И. Г., советские представители «Анилинтреста» и я. В это время швейцарские, а также и французские фирмы предлагали нам продажу на выгодных условиях некоторых сортов красок. Это обстоятельство было известно немцам и можно было ожидать, что они будут сговорчивее, чтобы не потерять рынка. Для продажи красок И. Г. уже устроило, с разрешения советского правительства, консигнационный склад в Москве, на котором находились в большом количестве наиболее ходкие сорта красок, употребляемых в нашей текстильной промышленности. Этим складом заведывал мне известный Гомбарг, впоследствии разделивший печальную участь со многими другими «вредителями» за слишком близкое и интимное сношение с иностранцами. На этом совещании я предложил обсудить такой вопрос: СССР будет покупать краски для своей текстильной промышленности исключительно в Германии, но за то И. Г. окажет нам техническую помощь в деле изготовления некоторых полупродуктов. Это предложение понравилось Стомонякову, и на двух заседаниях оно было предметом горячих дебатов; в конце концов было решено, что об этом будет доложено главному правлению И. Г. и, в случае одобрения этого проекта, делегаты последнего отправятся в СССР для переговоров, какие именно полу-

продукты будут наиболее интересны для русской красочной промышленности и какой точно контингент красок и в каком количестве СССР за это должен будет купить у Германии. Делегаты И. Г., которые присутствовали на этом заседании, были до войны директорами и химиками на заводах-филиалах в Москве немецких фирм Байер и Ко., Фарбверке и Баденише Фабрикен и хорошо знали требования русского рынка; некоторые из них порядочно говорили по-русски.

Стомоняков остался очень доволен моим предложением и сказал мне, что он очень его поддерживает. В то время наши отношения с Германией были очень дружественными и немецкому правительству, после Раппальского договора очень хотелось как можно более связаться с нами при помощи развития экономических и промышленных взаимоотношений. Так начались наши переговоры с И. Г., которые продолжались до 1929 года, и за это время мне пришлось участвовать в целом ряде заседаний, как в Берлине, так, главным образом, в Москве. Здесь я только замечу, что мы заключили договор с И. Г. и получили техническую помощь, кажется, на 4 полупродукта, но затем после истечения срока, договор не был возобновлен, и все сношения с И. Г. прекратились.

Бинт, состоявший в ведении НТО, конечно использовал меня во время моего пребывания в Берлине и председатель Бинта, инженер Ройтман, уговорил меня подать проект об издании журнала «Технические новости иностранной промышленности» (точно названия я не помню) и принять участие в редакции этого журнала. Несомненно, эта идея была очень здравой, и подобный журнал мог бы сообщать нашим инженерам наиболее важные технические новости заграничной промышленности. Разрешение было получено, и я написал передовую статью, в которой об'яснил необходимость такого журнала и просил помощи тех, кто мог бы оказать содействие в добыче полезных данных. Многие немецкие инженеры из'явили согласие дать статьи технического содержания. Журнал имел достаточное количество подписчиков и просуществовал до закрытия Бинта и до ухода в отставку Ройтмана, примерно до 1928 года.

В мартовском заседании Химического Общества был назначен к слушанию мой доклад: «Вытеснение металлов 2-ой группы нечетных рядов периодической таблицы водородом под давлением из водных растворов их солей». Председателем Химического Общества в то время был профессор Haber; он прислал мне письмо, в котором, подчеркивая интерес предложенной мною темы и сообщая о правилах, существующих в Обществе, указывал, что в виду обширности темы и краткости времени едва ли будет возможно допустить прения по всем деталям доклада. Я постарался сократить мой доклад таким образом, чтобы говорить не более полчаса и оставить время на вопросы. Хотя я и был не очень силен в немецком языке, но доклад прошел благополучно; Е. И. Шпитальский, который был на заседании, сообщил мне потом, что он был прослушен с громадным вниманием. Громадная аудитория Hoffman Haus, где происходят заседания Химического Общества была переполнена и даже стулья, приставленные сбоку аудитории, были заняты; я это заметил, потому что на одном из таких стульев сидел др. Нернст, который после доклада обратился ко мне с некоторыми вопросами. Выбранная мною тема представляла несомненный интерес новизны, так как вытеснение водородом металла из раствора его соли представляло обратную реакцию вытеснению металлом водорода из кислот.

Доктор Нернст настолько заинтересовался этим вопросом, что просил меня зайти к нему в Институт Физических Измерений (учреждение, подобное нашей Палате Мер и Весов) для обмена мнениями об этих интересных реакциях. Я, конечно, с большой охотой исполнил желание этого выдающегося ученого, который создал целую большую школу физикохимиков, и мы провели в беседе почти два часа. Но должен сказать по правде, что мне этот разговор не дал чего-либо существенного, чтобы помогало бы приблизиться к пониманию этой группы явлений. Все, что мне сказал Нернст, я знал из его прекрасной книги «Физическая химия» и из книг Оствальда относительно гипотезы об упругости растворения металлов. Через несколько лет мне пришлось снова беседовать на эту тему с Нернстом; об этом я скажу после.

Во время моего пребывания в Берлине, я очень часто виделся с двумя моими коллегами по Академии Наук, Алексеем Николаевичем Крыловым, физико-математиком, и Федором Ипполитовичем Щербатским, редким специалистом по санскритскому языку. Мы часто проводили вечера в очень интересных беседах. А. Н. Крылов был в продолжительной командировке по заказу нефтеналивных судов, причем А. Н., как специалист по судостроению, разработал свой проект конструкции подобного типа судов. А. Н. отличался большим остроумием и метко подмечал все слабости человеческой личности. Он обладал сильным характером и не стеснялся в выражениях, если было надо выругать кого-либо за совершенное им некрасивое деяние. В особенности он не любил непременного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга. В письме к одному академику он писал: «Во время Ломоносова в Академии был Шумахер, а теперь у нас шахер-махер». Когда ему, спустя некоторое время, после смерти В. А. Стеклова, предлагали занять пост вице-президента Академии, то он не только наотрез отказался, но написал такое письмо непременному секретарю, что последний, долгое время не мог успокоиться. С. Ф. Ольденбург с большим возмущением прочитал его мне и долгое время не мог забыть его содержания; это письмо было бы очень полезно сохранить для истории.

Что касается другого моего коллеги, Ф. Ип., то он представлял по характеру его отношений с людьми совершенную противоположность. Это был высоко образованный человек, совершенно европейского типа, великолепно владеющий иностранными языками. Его специальностью была культура Индии, в которой он не раз бывал, — за выдающиеся исследования в этой области он и был избран в члены Академии Наук. В Берлин он приехал из Лондона, где только что окончил чтение лекций в Британском Музее, куда был приглашен специально для этой цели с хорошей оплатой.

Я должен упомянуть здесь еще об одной встрече в Берлине, — с г. Теплиц, бывшим директором громадного содового завода в Донбассе (в Лисичанске). Этот завод принадлежал

мировой фирме Сольвей и Ком., выработывавшей соду по аммиачному способу. Как ранее было указано, во время войны я привлек этот завод к работам по производству взрывчатых веществ и близко познакомился с г. Теплицом, который производил на меня впечатление очень делового и способного человека, умеющего управлять громадным предприятием. В то время в Берлине был еще один мой сотрудник по химическому комитету, Борис Петрович Сысоев, инженер-технолог, командированный заграницу для продажи соды от треста Донсода, во главе которого стоял Рухимович, игравший впоследствии большую роль в Президиуме ВСНХ. Инженеру Сысоеву было тоже поручено разузнать о возможности получения технической помощи от фирмы Сольвей. Перед моим вторым от'ездом заграницу, Рухимович и Сысоев были у меня в Президиуме, и мы вместе наметили дальнейший план развития содового производства и характер переговоров, который Сысоев должен вести с фирмой Сольвей. Б. П. Сысоев узнал, что директор Теплиц будет проездом в Берлине, и сообщил ему, что хочет увидаться с ним по делу, и прибавил, что я также нахожусь в Берлине. Тогда Теплиц (в то время он был директором всех содовых заводов в Польше) попросил Сысоева непременно устроить ему встречу со мною.

Мы встретились в Отель Континенталь, за завтраком, и провели в дружеской и деловой беседе 2-3 часа. Он очень жалел, что ему пришлось покинуть свое детище в России, которую он очень любил; вспоминал нашу совместную работу, о которой у него сохранилось самое лучшее воспоминание, и сообщил, что он с'умел наладить содовое производство в Польше, где заводы работают отлично. В настоящее время он едет в Брюссель, в главное правление фирмы Сольвей, для обсуждения вопроса о дальнейшем расширении дела в Польше и, конечно, расскажет директорам о встрече со мной. Он сказал мне, что еще до окончания войны в главном правлении фирмы было решено, как только окончится война, пригласить меня в члены их правления. Несомненно, Теплиц дал соответствующую характеристику о моей технической и администра-

тивной деятельности в качестве главного распорядителя химической промышленности во время войны.

Мне приходилось принимать участие в деятельности особого советского учреждения, именуемого «Международная Книга», которое должно было облегчать покупку иностранных книг и журналов, как отдельным ученым, так и высшим учебным заведениям. Это учреждение было, несомненно, весьма полезно, так как за неимением валюты не было возможности покупать книги заграницей. Благодаря же этой организации можно было приобретать заграничные книги, уплачивая в Москве, в магазине «Международной Книги», на Кузнецком мосту, стоимость книги в червонных рублях, по установленному курсу. Я был назначен членом в Контрольную Комиссию, и в течении нескольких лет принимал участие в делах этого учреждения, пока оно не было переорганизовано на других началах. Хотя это и не отнимало у меня много времени, но я несколько раз порывался освободиться от этих обязанностей, но почему-то очень настаивали на том, чтобы я оставался в этой комиссии. Дела «Международной Книги» шли очень хорошо и она давала даже хорошую прибыль.

В эту командировку, благодаря моей встречи в Берлине с полпредом в Норвегии Суриц, мне удалось побывать в Норвегии. Он достал мне визу и обещал похлопотать о получении разрешения посетить некоторые заводы. В Норвегии мне хотелось осмотреть знаменитые заводы азотной кислоты, которая получалась из воздуха окислением азота в окислы под влиянием горящей вольтовой дуги, развивающей температуру выше 2000 град. Образующиеся окислы азота, в количестве около 2—4%, поглощаются водой и превращаются в азотную кислоту, которая при обработке ее щелочами, — напр., известью, — дает кальциевую соль азотной кислоты, которую можно употреблять, как удобрительное средство. Открытие этого способа добывания азотистых соединений из азота воздуха принадлежит Биркленду и Эйде; эти заводы уже до войны 1914 года получали таким образом в большом масштабе соли азотной кислоты и крепкую азотную кислоту. Когда я приехал

в Христианию (теперь Осло) и явился в управление этих заводов, то получил решительный отказ на осмотр фабриканции селитры и азотной кислоты. Другая цель моей поездки в Норвегию заключалось в осмотре вновь выстроенного громадного Минералогического Института в Осло, директором которого состоял известный минералог Гольдшмидт. Знакомство с этим ученым и осмотр Института доставил мне громадное удовлетворение; в особенности интересно было ознакомление с современными методами рентгеновского анализа для изучения состава минералов и их структуры. Я сделал заметки о всем виденном и впоследствии доложил в Академии Наук о желательности покупки аппаратов для анализа рентгеновским методом, как минералов, так и вообще всех химических соединений. Гольдшмидт показал мне работы по использованию шпатов для извлечения из них калиевых соединений. Я был поражен, с какой настойчивостью ведутся работы в этом направлении, раз это находит себе оправдание для целей улучшения урожаев в сельском хозяйстве страны.

Осмотр Минералогического Института в Осло вполне оправдал мою поездку в Норвегию и впоследствии, когда мне пришлось защищать в советских учреждениях необходимость создания и у нас солидного Минералогического Института, то я ссылался на пример маленькой Норвегии, которая не пожалела средств на создание великолепного Института для исследования своих минеральных богатств.

В Осло я встретил Александру Михайловну Колонтай, с которой я был знаком еще задолго до революции; в то время она была помощницей Сурица, и после его ухода, была назначена полпредом, — сначала в Норвегии, а потом в Швеции. Вместе со мной в Осло приехал прежний муж А. М., Дыбенко, занимавший тогда в СССР пост командира корпуса. Он сохранил с Колонтай дружеские отношения и, видимо, очень уважал ее. На меня Дыбенко произвел впечатление славного человека, безхитростного; но насколько он после прохождения им Академии Генер. Штаба, стал хорошим военным, я судить не мог, так как мы мало говорили на эти темы. В течении нескольких

дней моего пребывания в Осло я несколько раз виделся с ними, обедал, был в театре, ездил в воскресенье за город и наблюдал особый спорт, который так любят норвежцы: в праздничный день они целыми семьями отправляются трамваем на горы, окружающие город, и оттуда на санках, на которых помещается почти вся семья, они спускаются обратно в город, проведя несколько часов на свежем воздухе. Мне приходилось также видеть и искусное бегание норвежцев на лыжах, и их удивительные прыжки с гор.

Один раз, возвращаясь в трамвае в Осло из пригорода вместе с Суриц, я встретил бывшего министра иностранных дел Терещенко. Так как мы поздоровались и начали разговаривать, то мне пришлось представить его Сурицу. Мне очень хотелось поговорить с Терещенко наедине, но это мне не удалось сделать, да может быть и к лучшему, так как наша беседа могла попасть в печать, а это было бы нежелательно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ

В этот мой приезд в Берлин я посетил А. М. Горького. Мое первое знакомство с Горьким произошло в Петрограде, в клубе научных работников, в 1920 году; ему и его гражданской супруге, Марии Федоровне Андреевой, меня представил С. Ф. Ольденбург. Тогда мне не пришлось говорить с ним, и наше знакомство ограничилось самыми заурядными фразами. Другой раз я посетил Горького на его квартире в Петрограде, на Кронверском проспекте, прося его ходатайствовать за арестованного начальника Артиллерийской Академии, С. Г. Петровича, в чем он мне резко отказал. Будучи в Берлине в 1922 году и обедая в одном ресторане на Курфюрстендамм вместе с М. Я. Лапиров-Скобло, я увидал А. М. Горького сидящим за одним столиком с г. Родде, антрепренером, содержавшим в Петербурге известное кабарэ «Вилла Роддэ», —

любимый уголок всей богатой кутящей публики, а также и Распутина, который проводил здесь в оргиях целые ночи. Вероятно, Родде сказал Горькому, с кем он кланялся, потому что после этого, Родде подошел ко мне и сказал мне, что Горький хочет поговорить со мной. В то время Горький был занят мыслью устроить в Берлине такой-же клуб для русских ученых, приезжающих заграницу, какой он основал в СССР. Так как питание ученых и организация ученого клуба в Петрограде были осуществлены при помощи Родде (Горький выхлопотал у Ленина разрешение создать помощь ученым не через советские бюрократические учреждения, а через такого ловкого и делового человека, каким являлся Родде), то Горький предполагал и в Берлине привлечь его для этого дела. Горький рассказал мне о своем плане и получил полное мое одобрение этому начинанию; он просил меня как-нибудь зайти к нему на квартиру, находившуюся в то время на Курфюрстендамм, 204. В то время Родде играл роль гида при Горьком и без него он нигде не появлялся.

После этой встречи, Родде стал часто звонить по телефону и не раз заходил ко мне в отель, чтобы переговорить об этом новом деле и попутно рассказать все последние сплетни. Он сообщил мне, что Горький разошелся с Марьей Федоровной, и если они живут вместе, то лишь как друзья; что пока у А. М. еще нет постоянной зазнобушки, и он, как прибавил Родде, «пробавляется а ля карт». Между прочим, Родде рассказывал мне о своих неприятных переживаниях, когда Распутин приезжал кутить в «Виллу Родде» и ему приходилось немедленно извещать полицию, которая делала специальный наряд для предупреждения всяких скандалов.

Накануне русской Пасхи 1922 года я получил приглашение встретить праздник у А. М. Когда я пришел вечером часов около 10, то меня очень любезно встретила Марья Федоровна Андреева и познакомила с собравшимся обществом, которое, главным образом, состояло из молодежи. Здесь был сын Горького с его молодой симпатичной женой и дочери Шаляпина. В скором времени приехал так же наш знаменитый компо-

зитор Глазунов. До ужина и во время него мне пришлось быть в обществе Горького и Глазунова и принимать участие в интересной беседе. Я вспоминаю, как Глазунов советовал Горькому попробовать свои силы на сюжетах Шекспира, на что А. М. делал сильные возражения. Глазунова я видел в первый раз в моей жизни и мне, конечно, было очень интересно хотя бы короткое время быть в обществе такого лица; я видел в нем большого человека, сознающего свой талант, но простого в обращении с другими лицами. Меня поразило только его тяготение к вину, которого он выпил очень изрядное количество; он предпочитал пить красное вино и под конец ужина, около 2-3 часов ночи, настолько опьянел, что мне пришлось с одним молодым человеком отвезти его домой и бережно проводить его до спальни; один он безусловно не мог бы возвратиться, так как ничего не соображал и не мог отвечать на вопросы.

Следующее мое свидание с Горьким происходило на деловой почве. В специальном помещении, где предполагалось устроить клуб для приезжающих русских ученых и писателей, собралось несколько человек, сочувствовавших этому делу во главе с Горьким. Сюда были приглашены Алексей Толстой, Лапиров-Скобло, представители Бинта, я и, конечно, Родде. Из всех разговоров, которые велись на этом организационном заседании, у меня осталось в памяти только некоторые рассуждения Горького. Он задал присутствовавшим такой вопрос: какой наиболее важный вывод мы можем сделать из нашей русской революции?

— Она показала нам, — давал ответ сам А. М., — что личность везде будет играть громадную роль; массы слепо идут за вожаками и от энергии первых зависит выполнение поставленной задачи. В русской революции такими личностями были только Ленин и Троцкий, — без них никакая революция не могла бы быть осуществлена.

Горький, конечно, знал всех революционеров большевистской партии, не раз беседовал и спорил с ними, и, как даровитый писатель, обладающий тонким чутьем распознавать человеческую натуру, действительно мог безошибочно опре-

делить, кто из головки большевиков обладает недюжинными способностями. В этом определении значения личности в мировых явлениях, А. М. шел в разрез с автором «Войны и Мира» Л. Н. Толстым. Как тогда, так и теперь, когда я пишу эти строки, мое мнение склоняется в пользу Горького, так как мой жизненный опыт показывает мне, что для того, чтобы руководить хотя бы несколькими десятками людей, в каком угодно деле, необходимо обладать особыми качествами натуры и своим авторитетом так влиять на окружающих людей, чтобы они безпрекословно выполняли отданные им приказания. С Л. Н. Толстым можно согласиться только в одном, что в массах, которыми вождь руководит, обязательно должны иметься потенциальные силы, достигшие известного напряжения, как результат целого ряда исторических переживаний; но проявиться вовне эти скрытые силы могут лишь в том случае, если появится личность, обладающая указанными выше свойствами и понимающая ту обстановку, при которой ей придется действовать. Такой вождь, если он обнаружит талант управления массами и одержит победу в борьбе с противниками, приобретает громадный авторитет и психически настолько завладевает умами доверившихся ему людей, что в дальнейшем они готовы без рассуждения идти на какие угодно жертвы в угоду своему повелителю. Разве французы хотели в 1812 году идти в Москву? Разве существовали ли какие-нибудь причины, оправдывавшие такой безрассудный поход в далекую незнакомую Россию? Этого хотел Наполеон, веривший в свою счастливую звезду, — но этого вовсе не хотел французский народ; народ безрассудно шел на жертвы в угоду своему кумиру, — как это случается и в нашей частной жизни, когда в угоду любимому человеку мы совершаем недостойные поступки.

Я привел мнение Горького о значении личности в жизни народов, чтобы показать, как я был поражен впоследствии, когда он стал проповедывать совершенно противоположное в угоду коммунистическим лидерам, которые возвеличивали его значение в литературе и прославляли его, как первого пролетарского писателя земли русской.

Из затеи Горького организовать ученый клуб ничего не вышло, так как советским правительством на это дело не было отпущено валюты, а собирать деньги с приезжающих заграницу писателей и ученых не представлялось возможным.

Во время этого заседания Горький, характеризуя Троцкого, как главную фигуру в русской революции, высказал также свое мнение о нем, как о литераторе; он находил, что Троцкий великолепно владеет пером и что он выдающийся журналист. Между прочим, он заявил, что у Алексея Толстого писательский талант, и что он высоко ценит его произведения.

Будучи в 1923 году в Берлине, я получил приглашение от Горького посетить его в санатории в Сарров (около 70 километров от Берлина), и в сопровождении одной его близкой знакомой русской дамы в одно из воскресений совершил это паломничество. Дорога туда в поезде заняла более двух часов, и я приехал почти прямо к раннему обеду. Горький занимал целый аппартамент, так как с ним жил его сын с женой. К обеду собрались, кроме семьи, еще некоторые визитеры, но обед прошел больше в молчании. Горький чувствовал себя здесь лучше, но еще не совсем оправился после приступа болезни легких, который у него был в Берлине. Доктора ему совершенно запретили пить водку и вино, но за обедом, несмотря на протесты сына, он все-таки выпил рюмку водки, прибавив, что доктора часто не понимают психического состояния пациента. После обеда Горький пошел отдыхать к себе в комнату, которая помещалась во втором этаже, а я с компанией отправился гулять и осмотреть окрестности санатории. Мне очень понравилось месторасположение санатории, там было озеро, много соснового леса, а воздух отличался чистотой и приятным запахом хвойных деревьев.

После моего возвращения с прогулки я отправился в комнату Горького и имел с ним довольно продолжительный разговор. К сожалению, я не могу сейчас вспомнить, какие вопросы были нами затронуты, но одно осталось у меня в памяти: А. М., говоря о событиях, совершающих в то время в Советской России, указал, что там, к сожалению, нет больших людей,

которые могли бы управлять этой страной после Ленина. Он знал тогда, что Ленин вряд ли вернется к власти вследствие неизлечимой болезни, и был также осведомлен, что Троцкий, в результате своих выступлений, имеет в партии много врагов и уже подвергся опале, а потому не обладает достаточным престижем в партии. А. М. спросил меня, кого бы я мог назвать в преемники Ленина. Я помню, что я назвал Рыкова, Смилгу и др., на что он категорически мне заявил, что они не только не того калибра, как Ленин и Троцкий, а вообще люди не большого размаха, чтобы могли стать во главе всего происходящего в России. Я отлично помню, что имя Сталина в тот наш разговор не было произнесено А. М. Я, конечно, не мог его назвать, так как совершенно не знал, что он из себя представляет: мне не приходилось встречать его на многочисленных деловых заседаниях.

После этого визита я уже ни разу не имел бесед с А. М. ни заграницей, ни в Москве, — хотя он, после своего примирения с большевиками, не раз приезжал в СССР из Италии для напечатания в Госиздате всех своих сочинений. Я сказал: «после примирения с большевиками» на том основании, что советская пресса подняла большой бунт против Горького за то, что он (в скором времени после моего с ним свидания) напечатал статью в заграничных газетах, в которой порицал советское правительство за то, что оно, как в своем составе, так и в различных учреждениях, имеет очень большой процент евреев и очень мало русских людей. Он ничего не имел против приглашения евреев и других народностей к управлению страной, но что больший процент должен быть предоставлен русским. Такой вывод он сделал потому, что знал, что в берлинском Торгпредстве было до 98% служащих евреев, и ему представлялось совершенно непонятным подобное явление. За это публичное выступление А. М. впал в немилость; в СССР его не раз ругали и находили его чуть не контр-революционером, и только спустя 3-4 года, когда он уже жил в Италии в Соренто, его выступление относительно евреев было забыто, и его стали звать в Россию. Он долго отказывался и,

как тогда говорили, приехать в Москву решил только после собственноручного письма тогда уже всесильного Сталина.

Я помню встречу Горького Москвой: везде были расклеены плакаты, извещавшие о прибытии великого пролетарского писателя, сочинения которого будут заново изданы советской властью в громадном количестве для того, чтобы сделать их чтение доступным каждому гражданину СССР. В то время в Москве говорили, что Горький согласился приехать в Москву лишь на некоторое время и что он должен жить в Соренто, так как его здоровье не позволяет оставаться все время в Москве; кроме того, он поставил условием покупку Госиздатом у него права на издания всех его сочинений, как в России, так и заграницей, причем ему должно быть уплачено валютой, которая ему необходима для жизни в Италии. У меня есть два доказательства, что Горький получил большую сумму валюты за продажу советской власти своих сочинений. Одно доказательство основано на словах Игнатьева, который был моим слушателем в Петроградском Университете, а после революции стал полпредом в Финляндии. Он был большевиком еще до революции, и Ленин назначил его на дипломатическую карьеру. Но действия Чека настолько не вязались с его убеждениями, что он честно заявил об уходе из партии. Ленин очень осерчал, и Игнатьев был смещен с должности, после чего занялся техническими вопросами и изобрел «нетупеющее лезвие». Я упоминаю здесь об этом изобретении только для того, чтобы указать, какую помощь оказал ему Горький, владевший значительной суммой валюты. Игнатьев, истратив все свои валютные сбережения (около 20.000 рублей) на свое изобретение, очутился в безвыходном положении, и хотя просил правительство помочь ему, но вследствие бюрократической волокиты не мог получить никакой помощи, а дело требовало денег. Тогда Игнатьев обратился к А. М. и тот ссудил ему 10,000 немецких марок из валюты, полученной от советской власти. Другой случай также свидетельствует о продаже Горьким сочинений на валюту. Академик А. Е. Чичибабин, просил Госиздат выдать ему часть денег (очень неболь-

шую сумму) за его курс органической химии в виде валюты, которая ему была нужна для поездки заграницу. В правлении ему заявили, что с удовольствием бы это сделали, но Госиздат сам в большом затруднении, так как почти всю валюту ему приходится отдавать Горькому.

Последние годы своей жизни А. М. жил в Москве, а так как я находился уже в Америке, то мне не приходилось ни видать его, ни слушать его речей. Но что приходилось читать о нем в советских газетах, то на меня его выступления производили очень тяжелое впечатление. Не хотелось верить, чтобы такой даровитый писатель, художник слова, человек независимый в своих убеждениях, при царском режиме и в начале революции, не только не протестовал против насилий, творимых над крестьянами и рабочими (я не говорю уже об интеллигентах), но даже одобрял казни.

Я не хочу говорить здесь о величине таланта А. М., как писателя, и о том значении, которое он имел в нашей литературе, — это не мое дело; будущие беспристрастные критики оценят достоинства и недостатки его произведений. Я хочу только сказать о впечатлении, которое я получил при прочтении его сочинений и при знакомстве с его пьесами, поставленными в Московском Художественном Театре («На дне», «Мещане»). Я с удовольствием читал сочинения А. М.; я восхищался игрой артистов Художественного Театра, но особого под'ема настроения и глубоких переживаний я никогда не испытывал. Мне всегда представлялось, что в его произведениях, при всей их привлекательности, много такого, что оставляет в читателе ощущение некоторой искусственности как в создании характеров действующих лиц, так и в обрисовке той обстановки, в которой они действуют. Я бы сказал, что хотя А. М. несомненно является художником слова, он также недостаточно глубоко захватывает психологию своих героев и не об'ясняет читателю, как мог сложиться характер того или другого действующего лица. На основании моих личных восприятий, я позволю себе поставить его имя ниже имен великих классиков нашей литературы, — хотя и считаю его несомненно весьма талантливым писателем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ РАБОТ

Во второй половине апреля я вернулся в Москву и вступил в исполнение обязанностей члена Президиума ВСНХ, но быть действительным членом Президиума мне пришлось не долго. Вскоре после моего приезда в Москву, мне частным образом сообщили, что Политбюро постановило снять меня из Президиума, оставив за мной место председателя Коллегии НТО; официальным мотивом было желание, чтобы я больше времени уделял НТО и продолжал свои научные работы. Через несколько дней совершенно случайно я увидал новый список членов Президиума, который отличался от прежнего только тем, что вместо моего имени красовалась новая фамилия, — Юлин (партийный). Я не получил никакого извещения о смещении меня с этой должности и потому обратился к члену Президиума С. П. Середе с вопросом, не знает ли он причины моего удаления из Президиума. С. П. ничего не мог об'яснить, так как это было полным сюрпризом и для него, и обещал поговорить с Богдановым. Через некоторое время Богданов назначил мне свидание на своей квартире; он старался об'яснить, что это вызвано отнюдь не желанием ВСНХ избавиться от моей личности; что моей работой, напротив, очень довольны и что я сохраняю звание члена Президиума ВСНХ и буду пользоваться всеми правами, присущими этой должности, но только не буду особо перегружен административными обязанностями. Я должен буду бывать на всех заседаниях Президиума, буду иметь во всех вопросах совещательный голос за исключением тех, где моя компетенция могла бы иметь решающее значение. Президиум особо настаивает на том, чтобы я развил бы максимальную научно-исследовательскую работу, будет всемерно помогать в этом деле и продолжать выдавать мне деньги для моих работ, где только я найду возможным их организовать. Этот разговор меня вполне удовлетворил, так как, с одной стороны, с меня снималась большая ответственность за все

неполадки в химической промышленности, а, с другой, я получал свободу действия для моей научной работы.

Еще раньше, после моего возвращения из первой поездки заграницу, я твердо решил возобновить научную работу в лаборатории, так как виденное мною на заводах и лабораториях заграницей убеждали меня, что мне грешно не продолжать мои исследования, которые вызывали большой интерес и одобрение со стороны многих видных химиков; к тому же, и моя душа стосковалась по научной атмосфере, а зарождавшиеся в голове новые химические идеи властно толкали на научную дорогу. Где я в то время мог начать свою научную работу? В Академии Наук была убогая старая химическая лаборатория, в которой ни до, ни во время войны систематической работы не производилось, и она совершенно не была приспособлена для моих исследований. Единственное место, где я мог вести мои работы, была моя старая лаборатория Артиллерийской Академии. Но я уже не был ее заведующим, так как, с назначением меня членом Президиума ВСНХ, я должен был отказаться от этой должности, уступив ее моему помощнику, проф. Н. М. Витторфу. Состояние лаборатории в то время (осенью 1922 года) было очень плачевным: после порчи канализации и водопровода в 1919-1920 годах, она только начала приходить в исправное состояние и была пригодна лишь для практических занятий слушателей Академии. Мой кабинет был в ужасном состоянии, с испорченным водопроводом и сломанными от наводнения полами. Чтобы начать работать, надо было привести ее в порядок, а для этого были нужны деньги, которых у Академии не имелось. Кроме того, надлежало достать материалы для приведения помещения в порядок, а также необходимые химические реактивы и аппараты, — что представляло громадные трудности.

Прежде всего я обратился в Президиум ВСНХ с просьбой отпускать мне ежемесячно известную сумму денег для покупки аппаратов, а также и для уплаты вознаграждения моему ассистенту. Деньги были отпущены, и с осени 1922 года я мог приступить к организации работ. Моим лаборантом в то время

был Н. А. Клюквин, который на основании нового закона смог поступить слушателем в Артиллерийскую Академию, хотя он и не прошел курса в Артиллерийском Училище и не служил в строю, как это требовалось ранее. В начале революции поступление в Академию и прохождение в ней курса вообще стало несравненно легче, чем в довоенное время, и потому ее могли свободно окончить даже люди с очень посредственными способностями. Так как Клюквин был на службе в Артиллерийской Академии в качестве лаборанта, то ему предоставили большие льготы в смысле времени сдачи репетиций, экзаменов и проектов; и все же для окончания Академии ему потребовалось не менее 4-х лет. Н. А. Клюквин и до войны был моим лаборантом, и я ценил его, как хорошего исполнителя, но знал, что он не имел особой инициативы в химических исследованиях. Он обладал скорее способностью делать усовершенствования в аппаратах, как в лаборатории, так и на заводе, где ему пришлось работать во время войны. И вот с Клюквиным мы начали новые химические опыты под давлением, — как с органическими, так неорганическими соединениями.

Так как мне приходилось более половины времени проводить в Москве, то выполнение опытов за это время лежало на Клюквине и после надлежащего выполнения их в мое отсутствие, он получал новые задания в развитие прежних. В помощь Клюквину были приглашены два лица, — одна девушка, кончающая гимназию и любительница химии, и один слушатель Академии, брат жены Клюквина, Годжев. Что касается первой, то польза от нее была очень малой, но за то она усердно училась и после трехлетнего пребывания в моей лаборатории, она поступила после особого ходатайства начальника, в Артиллерийскую Академию, отлично ее окончила и получила звание военного инженера-технолога. Я помню, что ее ответы по химии выделялись по сравнению с ответами других слушателей. Годжев хотя имел еще мало практики, но в течении, примерно, года приносил нам посильную помощь.

Работа в начале подвигалась очень медленно, так как приходилось приводить помещения в надлежащий вид; главное

затруднение было в том, что лаборатория совсем не имела газа, и для нагревания приходилось изыскивать разные керосиновые лампы, и использовывать электричество, которое подавалось не всегда аккуратно, а иногда только по вечерам. Тем не менее научные исследования и в этой лаборатории я вел до моего окончательного от'езда заграницу в 1930 году.

Но главную работу я решил вести в новой лаборатории, которую я решил устроить в моей новой квартире в Академии Наук, на 8-ой линии (дом № 17), которую мне, как академику, предложил президиум Академии. В этой квартире жил до войны академик Ф. Ф. Бейльштейн, а раньше — академик А. М. Бутлеров. Квартира была временно занята другим академиком, Нассоновым; по постановлению правления Академии, он должен был передать ее мне, но замедлял свой переезд только потому, что не мог нигде получить перевозочных средств, а нанимать частных перевозчиков стоило таких денег, что он должен был бы один месяц остаться без содержания и, следовательно, без еды. Так как я был начальником НТО и, следовательно, все исследовательские Институты в Петрограде находились в моем ведении, то мне было легко устроить перевозку моего коллеги на его новую квартиру без всяких расходов с его стороны, — и с малыми затратами с моей стороны. Как только квартира освободилась, мне пришлось на свой-же счет ее ремонтировать, так как Академия, за неимением средств, не могла принять этот расход на себя. Квартира не ремонтировалась более десяти лет и была в ужасном состоянии; необходимо было также сорвать всю электрическую проводку старого типа и заменить ее новой. Квартира имела 9 громадных комнат, и потому ремонт ее стоил больших денег. Половину квартиры я приспособил для химической лаборатории, так как химическая лаборатория Академии Наук, в которой уже работал академик Н. С. Курнаков, была очень мала и совершенно не пригодна для моих работ. Ремонт квартиры был произведен сравнительно быстро, и в конце лета 1923 года я переехал в нее из своей старой квартиры в Артиллерийской Академии, где прожил 26 лет, рядом с химической лабораторией, в кото-

рой мне удалось сделать столь интересные работы. Что-же касается до лаборатории, то это дело подвигалось очень медленно, и только в начале января 1924 года, когда я получил все заказанные приборы из заграницы, я смог приступить к систематическим работам.

Лаборантом я пригласил военного инженера-технолога Алексея Исидоровича Киселева, моего ученика по Артиллерийской Академии, которую он окончил уже во время революции в 1921 году. Я не могу не упомянуть об его отце, который, будучи крестьянином Тульской губернии, сделал большую для него карьеру. После окончания военной службы в Измайловском полку, где он был фельдфебелом, он, как выдающийся служака, был зачислен в роту дворцовых гренадер, а затем был сделан камер-лакеем для несения службы во дворце Государя. Впоследствии он был назначен камердинером к Государю Николаю II и всегда сопровождал его во всех заграничных путешествиях. Будучи от природы умным, он сам себя образовал и с'умел дать своим детям хорошее образование. Его дочь, Анастасия Исидоровна, была моей ученицей по Женскому Педагогическому Институту в Петербурге, который окончила в 1915 году, блестяще выдержав государственные экзамены. Это была на редкость образованная девушка, отличавшаяся замечательными педагогическими способностями. Она была в состоянии поддержать строгую дисциплину в своих классах во время самого большого развала в средней школе. Ее ученики, несмотря на весь хаос, царивший в школе в первые времена революции, все-таки получали необходимые знания и успевали в своих познаниях гораздо более, чем их товарищи, учившиеся у других преподавателей. Несмотря на ее строгость, все ученики ее очень любили и ценили за ее заботливое отношение к своим питомцам. Я слышал с разных сторон, что она была одним из лучших педагогов того времени в Петрограде. Эта девушка (равно как и ее сестра) была великолепным примером того, что в царское время дочь крестьянина могла получить не только среднее, но и высшее образование и стать образцовой преподавательницей. Она

отлично изучила иностранные языки и притом была еще музыкантшей.

Я позволил себе несколько остановиться на личности А. И. Киселевой потому, что она ходатайствовала за своего брата, чтобы я его взял в свои ассистенты. Ее просьба была уважена, и с 1 января 1924 года он приступил к работе, но так как я поместил его ранее на работу в Гонти, в Отдел порохов и взрывчатых веществ, то у меня в лаборатории он мог работать только от 5 до 10 час. вечера. За эту работу он получал 50 рублей в месяц. В первое время надо было не столько работать над химическими реакциями, сколько приспособить комнаты под лабораторию, бегать и доставать различные предметы и химические вещества и т. п. Здесь В. И. проявил большую деятельность, и так как имел хорошие руки, то оказался очень полезным человеком. Но очень скоро выяснилось, что он не обладает химическими способностями и не питает к химии достаточной любви, без чего нельзя сделаться настоящим химиком.

В виду того, что его познания по органической химии были очень слабыми, то я решил дать ему проблему из неорганической химии, а именно вытеснение металлов и их окислов из растворов их солей водородом под большим давлением. Я предложил ему изучить действие водорода под давлением на растворы солей хрома, марганца и железа. Нам предстояло преодолеть огромные трудности, чтобы построить аппараты для высокого давления, печи, насосы. Кварцевые трубки я заказал в Германии, так как в СССР их нельзя было достать. Стальные трубки для моих бомб также были заказаны в Германии; я заказал стальные манесмановские цельнотянутые трубки, и они прислали мне трубки под таким же названием, способные якобы выдерживать давления в 600 атм. Но когда мы накачали в них 100 атм. водорода, то последовал страшный взрыв, и две бомбы разорвались на мелкие куски. Конечно, продолжать опыты с такими бомбами было совершенно невозможно, и я тотчас же написал в Берлин Leitz'у, что он вместо стальных манесмановских прислал мне, вероятно, железные

трубки из плохого материала. Он очень извинялся и прислал мне 6 настоящих манесмановских трубок, которые хорошо выдерживали необходимое давление.

Когда все первоначальные препятствия были преодолены, то Киселев начал первые опыты по восстановлению хромовой кислоты в соли окиси хрома при помощи водорода под давлением. Первые же опыты дали очень интересные результаты, и мы получили особые комплексные хромовые соли серной кислоты, когда для опыта брали соли хромовой кислоты в присутствии серной. Такие же соединения получались, когда были взяты прямо сернокислый хром или квасцы. Эти соединения кристалличны, и их habitus определил покойный профессор Московского Университета Вульф. Эти комплексы ни в чем не растворимы и их можно только разложить сплавлением с содой или поташем. Анализ этих соединений требовал искусной руки, но таковой у Киселева совершенно не было, и он давал мне после каждого анализа противоречивые числа. Когда я незаметно для него стал наблюдать, как он делает анализ, то сразу понял, почему он дает такие разнообразные данные. Фильтруя жидкость одного анализа он пролил часть жидкости с осадком на стол, и когда я заметил ему, что анализ испорчен, то он сказал: «я при вычислении анализа немного прибавлю к весу осадка». Его репутация, как химика, для меня была испорчена навсегда, и я оставлял его в лаборатории только для производства грубых манипуляций и опытов, передав анализы в другие руки.

Так как для вытеснения металлов были необходимы высокие температуры, которые кварцевые трубки не могли выдерживать, то пришлось заказать золотую трубку. Это была очень не легкая задача: надо было, во-первых, достать около 1 фунта золота и, во-вторых, из этого золота сделать трубку диаметром около 1½ сант. и длиной около 50 сант. Когда мы дали заказ одному старому мастеру, который внушал нам доверие, то мы все время находились под большим страхом, как бы не пропало у нас золото, с таким трудом добытое. Надо отдать справедливость Киселеву, ему много пришлось

хлопотать и бегать, прежде чем мы получили золотую трубку в готовом виде. Эта золотая трубка закрывалась особым колпачком (в роде капиляра), который довольно туго надевался на верхний край трубки с таким расчетом, чтобы диффузия водяных паров из золотой трубки в пространство бомбы, куда вставлялась с раствором золотая трубка, происходила крайне медленно; между стенками трубки и колпачком оставались только капилярные каналы. Впоследствии, на деньги отпущенные НТО, я приобрел такую же платиновую трубку, стоившую тогда около 2000 рублей (золотая трубка стоила около 800 рублей).

В скором времени в моей новой лаборатории начал работать инструктор Лесного Института Кондырев, очень симпатичный молодой человек и прекрасный химик. В то время он начал опыты по электрической проводимости Гриньяровских соединений и получил очень хорошие положительные результаты. Впоследствии проф. У. Эванс, в Northwestern University, при изучении проводимости этих соединений получил очень интересные результаты. Я предложил Кондыреву попробовать получить кристаллические окислы никкеля и доказать существование окисла Ni_2O_3, подобного тому, который Звягин и я получили для кобальта из его солей под давлением. Опыты осаждения окислов производились у меня в лаборатории, а продукты реакции он брал с собой и анализировал в лаборатории Лесного Института. Мы сделали очень интересную работу. Мы получили в первый раз из водного раствора кристаллическую закись никкеля NiO и подтвердили мое прежнее предположение, что окисла Ni_2O_3 до сих пор никому не удавалось получить. Я очень жалел, что Кондырев не мог долго продолжать со мной работу, так как его обязанности по лаборатории Лесного Института не позволяли ему работать в другом месте, в особенности столь отдаленном от Лесного Института.

В это же время под моим наблюдением работал оставленный при Артиллерийской Академии инструктором Андрей Климентьевич Андрюшенко на данную ему мною тему: восста-

новление солей угольной кислоты в муравьиную и превращение последней в щавелевую. Эта работа должна была послужить ему для защиты диссертации на звание штатного преподавателя Академии. Эту работу Андрюшенко делал в Гонти, где он состоял сотрудником в Отделе порохов и взрывчатых веществ.

В моей лаборатории в Артиллерийской Академии я в течении всего 1923 года изучал деструктивную гидрогенизацию нафталина, которую начал еще в Гонти в 1922 году. Эта работа была первой в литературе, которая показала, что можно расщеплять молекулы многоядерных органических соединений на более простые молекулы ароматических углеводородов без образования продуктов уплотнения и образования заметных количеств угля. Было показано впервые, что, как нафталин, так и продукт его гидрогенизации, тетрагидранафталин, несмотря на присутствие сильного смешанного гидрогенизационного катализатора окиси никкеля и глинозема способны при разложении давать большое количество ароматических соединений, бензола, толуола и пр. До этой работы, опубликованной уже в 1924 году в «Известиях» НТО и Академии Наук, не было ни одного патента на подобную реакцию; как только появилась эта работа в печати, то через сравнительно короткое время начали появляться многочисленные работы и патенты на способы применения деструктивной гидрогенизации для получения разнообразных продуктов. Идея деструктивной гидрогенизации была мною реализована уже в моих первых работах под давлением, начиная с 1904 года, когда я подвергал алкоголи, углеводороды и другие органические соединения разложению под давлением в присутствии водорода и без него при высоких температурах.

Другая работа, которую я вел также с Н. А. Клюквиным, было изучение дегидратации этилового спирта под давлением с целью получить выход легко кипящих углеводородов, являющихся продуктом полимеризации этилена, образующегося in statu nascendi из спирта, под влиянием катализатора глинозема, положенного в бомбу. Дело в том, что при

полимеризации этилена под давлением легко кипящих продуктов, отвечающих газолину, получается около 30—35%; я полагал, что если этилен будет полимеризоваться в момент своего образования, то получится больше легко-кипящих фракций тем более, что реакция будет идти в присутствии растворителя спирта. Я полагал также, что хотя реакция будет вестись при 500 град. (2 часа), то железные стенки бомбы, являясь катализатором альдегидного разложения спирта, не будут оказывать за короткое время реакции своего действия, и я не буду получать значительного количества альдегида и побочных продуктов. Мои ожидания не совсем оправдались: железо вместе с глиноземом оказали совместное химическое воздействие на спирт и в результате мы нашли, что здесь идут одновременно несколько процессов, присутствие которых нам удалось доказать. В одном я оказался прав, количество газолина возросло до 65—70% и высоко кипящих продуктов получилось очень небольшое количество. Эту интересную работу я несколько раз пытался повторить при непрерывном пропускании паров спирта при совместном действии катализаторов железа и глинозема под давлением какого-либо инертного газа, но за недостатком времени и рук, эту работу пришлось отложить. В общем продукт, который получается при этой реакции совершенно одинаков с «синтолом», который Ф. Фишер и Тропш получили, нагревая воду и окись углерода под давлением при высокой температуре в стальной бомбе; этот продукт состоит частью из кислородных органических соединений, а большею частью из смеси различных углеводородов.

По окончании этой работы я решил в лаборатории Артиллерийской Академии продолжать также работу по вытеснению металлов из их водных растворов. Меня интересовал вопрос о возможности селективного выделения металлов из растворов водородом под давлением, так как мои предыдущие опыты показали, что для каждого металла существует своя критическая температура и давление, при которых только и происходит его выделение. Так, например, меня интересовал вопрос разделения цинка и меди из их раствора или выделение меди

из растворов, содержащих соли железа и цинка, и т. п. Эти опыты привели к очень интересным результатам и дали положительный ответ относительно возможности подобного разделения. Оказалось, что для избежания выделения основных солей необходимо вести реакцию в кислых растворах, т. е. прибавлять иногда значительное количество кислоты. Эти предварительные опыты, опубликованные в 1925 году в "Berichte Deut. Chem. Gesellschaft", послужили впоследствии исходной базой для разделения платиновых металлов. Последняя работа была блестяще выполнена моим сыном Владимиром, который, применяя этот метод, на целом ряде примеров показал возможность разделения таких родственных металлов, какими являются платина, палладий, радий. В лаборатории Академии Наук нам удалось выделить из растворов марганцевых солей чудные кристаллы гаусманита (природного материала), а из раствора железисто-синеродистого калия (желтой соли) мы получили чудные октаэдры магнитного железняка (магнитной окиси Fe_3O_4), причем циановая группа перешла в муравьиную кислоту.

Таким образом, конец 1923 года и весь 1924 год были использованы для изучения вытеснения металлов и их окислов из растворов их солей и полученные результаты открывали новое обширное поле для изучения самых разнообразных реакций с неорганическими соединениями под большими давлениями. С ничтожными средствами и с тремя-четырьмя ассистентами, мало подготовленными к тонкой работе, с невообразимыми препятствиями в деле организации научной работы в убогой лаборатории, нам все-таки удалось начать исследовательскую работу и вскоре полученные результаты укрепляли наш дух и окрыляли надеждой, что скоро настанет время, когда мы будем в состоянии обставить нашу работу надлежащим образом и развить ее в соответствии с тем интересом, который она должна возбудить во всем ученом мире.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ С ГЕРМАНИЕЙ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ЯДОВИТЫХ ГАЗОВ

Осень 1923 года я был очень занят делами обороны СССР, и мне пришлось поехать на месяц (октябрь) в Германию для выяснения очень важного вопроса, связанного с изготовлением ядовитых газов. После Раппальского договора между Германией и СССР установились дружеские отношения, и оба правительства решили помогать друг другу, как в экономическом, так и в политическом отношениях. Понятно, что дело обороны каждой страны было поставлено на первый план. По Версальскому договору, Германия не имела права строить заводы, изготовляющие взрывчатые вещества и ядовитые газы, — но никто не мог запретить ей помогать постройке подобных фабрик в другой, дружественной стране, с тем, что часть продукции этих фабрик в случае вступления Германии в войну, подлежала передаче немецкой армии, а другая часть поступала в распоряжение той страны, где эти фабрики находились. С этой целью в 1923 году начались серьезные переговоры с немцами о развитии ими военной промышленности в СССР. Мне не известно, какие договоры были заключены с германским правительством относительно совместной работы по заготовлению различных предметов вооружения, как-то пулеметов, дистанционных трубок, ружей и т. п., но так как я был привлечен к делу изготовления удушающих газов, то я могу определенно сказать, что в этой области мы работали совместно с немцами. Я считаю возможным рассказать о моем участии в этом деле, так как этим я не открываю какого-либо секрета, ибо все это хорошо было известно заграницей, и в иностранной прессе даже указывалось, что я стою во главе этой организации. С другой стороны, для истории будет полезно описать, как безалаберно велось в обеих странах столь важное дело. Мне пришлось близко ознакомиться с главными военными представителями Германии и участвовать в смешанной комис-

сии, составленной на партийных началах, которая заседала большею частью в Москве, а иногда и в Берлине.

Еще будучи в Берлине я получил от одной фирмы, мне известной, предложение услуг по постройке завода для изготовления удушающего газа иприта (горчичный газ). Так как в это время в Берлине был Е. И. Шпитальский, которому Химическим Комитетом было поручено сделать лабораторные исследования для выработки лучшего способа получения иприта, то после переговоров с нашим полпредом Н. Н. Крестинским, я устроил секретное заседание в нашем полпредстве (на Унтер ден Линден) с приглашением представителей фирмы и Шпитальского. На этом заседании выяснилось, что эта фирма находится в связи с лицами, знающими способы изготовления иприта, и предлагает составить смету на фабрикацию определенного количества этого опасного вещества. Мы попросили представить смету ко дню моего от'езда и я обещал отвезти ее под дипломатической печатью в СССР.

По приезде в Москву я осведомил обо всем Военный Отдел ВСНХ и Химический Комитет при ГАУ. Начальник Военного Отдела (в то время им заведывал Богданов) и его помощник В. С. Михайлов (бывший генерал и начальник Артиллерийского Управления в начале воцарения большевиков) сделали доклад в Революционном Военном Совете под председательством Фрунзе о состоянии наших военных заводов и о дальнейшей программе их деятельности. На это заседание получил приглашение и я для краткого сообщения о деятельности вновь организованного Химического Комитета. После этого доклада Военный Отдел ВСНХ был передан под управление члену Президиума ВСНХ, Ивану Никитьевичу Смирнову, который организовал борьбу в Сибири против Колчака. Это был очень симпатичный человек, идейный большевик, скромный, несмотря на свое высокое партийное положение и умеющий разбираться в очень трудных вопросах. Он был женат на Варваре Николаевне Яковлевой, ярой коммунистке, революционная деятельность которой началась в Петрограде, в самом начале прихода к власти большевиков; о дальнейшей ее деятельности я буду

говорить ниже. Помощником Смирнова был назначен Биткер, уроженец Риги, сын состоятельных родителей, коммунист по убеждению, тоже деловой человек, хорошо разбирающийся в делах подведомственного ему Военного Отдела, который с этого времени стал называться Военно-Техническим Управлением.

Летом 1923 года узнали, что германское правительство прислало в СССР особую комиссию из экспертов по военному снаряжению, офицеров Генерального Штаба и представителей финансового ведомства для ознакомления с нашими военными заводами и для выработки условий, на которых можно начать совместную работу по изготовлению оружия и удушающих веществ. Для переговоров с ними в СССР была создана тоже особая комиссия, которую возглавлял Розенгольц, в это время назначенный начальником всех воздушных сил. В авиации этот товарищ понимал столько же, сколько каждый из нас знает о причине полета птиц. Этот человек, который впоследствии был Наркомом Внешней Торговли, представлял из себя очень надменный тип человека, много о себе мнящего, но, по моему, мало пригодного к какой-либо административной деятельности.

О приезде немецкой делегации я узнал потому, что в один прекрасный день был вызван в Главный Комитет по Концессиям (Большая Дмитровка) на какое-то заседание. Там были собраны все немецкие делегаты, а мы, работники по военному снаряжению, были приглашены для ознакомления их с нашими работами. Председательствовал, насколько я помню, Биткер, довольно хорошо владевший немецким языком. На этом заседании выяснилось, что по удушающим газам немцами был выдвинут доктор Штольценберг, работавший во время войны в химическом комитете, который возглавлял Haber. Др. Штольценберг имел небольшой завод в Гамбурге, изготовлявший фосген и хлористый алюминий, и, как он говорил, знал производство иприта. Во время войны, при производстве опытов, он потерял один глаз. По внешнему виду это был очень энергичный и ловкий человек, не внушавший особого

доверия, и мне как-то не верилось тому, что он говорит; первое впечатление вообще говорило не в его пользу.

Вскоре после этого заседания ко мне на квартиру зашел П. А. Богданов переговорить относительно предполагаемого моего участия в смешанной комиссии, образованной при Военно-Революционном Совете по производству удушающих газов. Он был явно поражен, когда увидал мою комнату; его поразили ее малые размеры.

— Вы удивлены видеть мою келью? — спросил я.

— Да, — ответил он, — действительно Вы живете, точно в келье.

Он сообщил мне некоторые детали о будущей работе этой комиссии и сказал, что Д. С. Гальперин будет также введен в ее состав.

Случилось, что как раз в это время я должен был поехать в Петроград, чтобы перевезти мои вещи в новую квартиру Академии Наук. В самый день перевозки пришла срочная телеграмма от Биткера с просьбой немедленно приехать в Москву. Бросив неразобранными все вещи, я в тот-же день вечером выехал в Москву и утром по приезде узнал, что должен в самом ближайшем времени в составе особой комиссии ехать на Самарский завод (ст. Иващенково, около 40 верст от гор. Самары) для обследования и оценки этого завода, который был построен во время войны 1914 года, но не был пущен в ход и находился на положении консервации. Этот завод должен был готовить хлор и впоследствии фосген; его строила фирма Ушков и Ко., главным директором-распорядителем которой был С. Д. Шеин. Эта фирма, как и все другие, получила от казны в виде аванса 66% стоимости завода и должна была к обусловленному сроку построить и пустить в ход производство хлора. Условия договора с этой фирмой были выработаны и утверждены комиссией И. А. Крылова еще до слияния ее с моей комиссией взрывчатых веществ.

Теперь в эту оценочную комиссию в помощь мне вошли инженер Райнов и химик Ададуров; комиссию возглавлял Косяков, член Коллегии Военно-Технического Управления, а при

нем состоял один агент типа «гепеушника», — несомненно, назначенный для порядка из ГПУ. С нами же ехали и два немца: доктор Штольценберг и его помощник, немецкий инженер, который должен был остаться в России в случае, если ему будет дан заказ на постройку завода. Кроме того, я просил, чтобы была назначена еще стенографистка, хорошо знающая немецкий язык; для этой цели была назначена Мария Францевна Белоусова, служащая в канцелярии правителя дел Президиума ВСНХ, впоследствии ставшая женой С. П. Середы. В виду далекого путешествия и невозможности найти подходящее помещение на маленькой станции Иващенково, я выпросил отдельный вагон, вследствие чего мы могли использовать все время путешествия для деловых разговоров и для частных заседаний.

На меня была возложена очень серьезная и ответственная задача: определить стоимость завода, как его зданий, так и оборудования и установить, какие меры надо принять, чтобы пустить его в ход. Эти данные были нужны Военному Управлению, чтобы в договоре с немцами указать, какой капитал вкладывает СССР в это общее дело: чем выше окажется стоимость нашего вложения, тем больше мы будем в праве требовать с немцев. С другой стороны, Штольценберг с своим компаньоном тоже должны были сделать оценку всего оборудования и зданий, — для того, чтобы установить, какую сумму денег он должен получить от немцев за установку новых производств иприта и фосгена, причем потребный для этих производств хлор должен быть получаем с установки, построенной фирмой Ушкова и Ко. Немецкие делегаты, как они говорили, вполне доверяли Штольценбергу в оценке завода. Перед своим отправлением я получил от Розенгольца и Биткера секретные инструкции не преуменьшать стоимость завода, так как нам выгодно показать более высокой его стоимости, все наши вычисления держать в полном секрете и по приезде немедленно представить отчет. Наша работа усложнялась еще тем, что мы должны были раздобыть документальные данные о стоимости всего оборудования, которое частью приобреталось в

России, частью же заказывалось заграницей (большей частью в Швеции). После революции архивы канцелярий могли погибнуть или вследствие неряшливости или же умышленно для того, чтобы скрыть финансовые операции, компрометировавшие хозяев.

В течении целой недели нам пришлось работать с утра до вечера. На долю Ададурова пришлась, главным образом, работа в канцеляриях, а Райнов, вместе со мной, — обследовал техническую часть завода. Косяков, — наш председатель, — изображал из себя китайского богдыхана, который вечером принимал наши доклады к сведению, пил изрядное количество водки и рассказывал нам веселые анекдоты, от которых мы помирали со смеха.

Он был из простых рабочих, лет 40—42, большого роста, грубоватый в обращении, но славный парень и не лишенный природного ума; он относился с большим уважением к настоящим спецам и по отзыву моих коллег-инженеров с ним было приятно работать. К сожалению, он не мог жить без водки и вскоре умер от болезни почек и сердца. Он относился ко мне с особым уважением и всегда говорил, что моя работа очень ценится коммунистической партией.

Первый-же осмотр завода привел меня и моих помощников в очень печальное настроение. Общее впечатление было таково, что завод строился на показ, чтобы втереть очки, кому надо, и оправдать полученный аванс. Этот завод, если бы и был закончен, все равно не был бы в состоянии давать какую-либо продукцию. Можно было с уверенностью сказать, что за такую постройку завода, в особенности в военное время, руководители этой компании были бы отданы под суд и понесли бы суровую кару. Мне не пришлось побывать самому на этом заводе во время войны, а так как начальник 2-го отдела Комитета ген. Крылов докладывал мне, что постройка завода идет нормально, то я и не посылал доверенного лица для обследования этого дела. Чтобы не быть голословным, я укажу только на некоторые из замеченными нами упущений, которые могут дать доказательство, почему завод не мог давать какую-либо

продукцию. Беглый подсчет количества энергии, которое могла давать силовая станция, показало, что ее недостаточно для обслуживания всех мастерских завода. Здания, — большей частью деревянные, — были выстроены без фундаментов: вместо последнего были положены деревянные лежни. Главная мастерская, где должно было производиться сжижение хлора посредством Баденских насосов, была построена и оборудована ниже всякой критики: постройка была деревянная, из плохого леса и без фундамента, без вентиляции, а силовая передача была так устроена, что если бы ее привели в действие, то она раскачала бы это негодное здание и вся мастерская рухнула бы. Само получение хлора электролитическим путем, выписанное из Швеции, представляло также очень сложную операцию, мало применяемую в промышленности и крайне не экономическую. Я думаю, что и сказанного достаточно, чтобы понять возмущение, которое я с моими помощниками испытали, когда осмотрели этот завод. Но приказания начальства надо было исполнить и сделать все возможное, чтобы оценить это промышленное предприятие насколько возможно дороже. Штольценберг с своим помощником тоже целые дни независимо от нас высчитывали стоимость завода. Большую роль в оценке предприятия сыграла стоимость громадной площади земли, которая принадлежала заводу.

По приезде в Москву мы подали подробный рапорт в Военно-Техническое Управление, приложив к нему нашу оценку завода и финансовый расчет стоимости предприятия. Сумма была внушительная , — не помню точно, но около шести миллионов. Позднее мы узнали, что оценка сделанная Штольценбергом была значительно ниже нашей, но насколько, я не могу припомнить.

После приезда из Самары, на первом-же заседании Президиума, Богданов спросил меня, как я нашел завод его любимца Шеина. Я откровенно высказал ему свое мнение, а когда после этого я встретил в том же заседании Шеина, то на его вопрос о моем мнении относительно того-же завода, я ему ответил: «не спрашивайте, а то я начну ругаться, как сапожник».

После нашей поездки в Самару, между немецкими и нашими делегатами начались очень длинные переговоры относительно условий совместной работы по приведению в порядок Самарского завода и по организации производства на нем иприта и фосгена. В этих дискуссиях я принимал участие лишь постольку, поскольку дело касалось технических вопросов. Вызванный к известному часу в кабинет Розенгольца в Авиационном Управлении, я нередко должен был просиживать часы в приемной, пока он не закончит секретные обсуждения политических и экономических вопросов с немецкими делегатами. В одно из таких посещений я сделал предложение раньше, чем заключать с немцами окончательный контракт, освидетельствовать в Германии завод Штольценберга и узнать, в каком положении находится у него производство иприта и фосгена. «Может быть, мы покупаем кота в мешке», — сказал я, так как никто не знает, каким техническим багажем владеет немецкий подрядчик Штольценберг. После обсуждения, было решено немедленно же командировать меня в Германию и в самом начале октября 1923 года я выехал в Берлин, где уже находился Штольценберг. Для присмотра за мною был командирован один коммунист (насколько я помню, его фамилия была Подольский). Это был совершенно молодой человек, не имевший никакого отношения ни к химии, ни к технике ядовитых газов; ко мне он был прикомандирован в награду за хорошее поведение в партии и хорошую учебу. Я ровно ничего не имел против такого товарища, тем более, что он оказался покладистым и вежливым человеком, а для меня было спокойнее, так как часть ответственности за виденное ложилась на него.

В день приезда в Берлин я был вызван по телефону Штольценбергом, и он устроил мне свидание в доме его бывшей (разведенной) жены, как он об’яснил мне, — для более спокойного разговора в нейтральном месте. Здесь мы условились о времени поездки в Гамбург для осмотра его завода. Как только прилетел Подольский (он не мог выехать одновременно со мною), мы отправились в Гамбург. Штольценберг

сначала повез нас на своем автомобиле на военный полигон, оборудованный во время войны военным ведомством для производства опытов с удушающими средствами и для наполнения ими снарядов. Этот полигон, названия которого я не помню, находился часах в двух-трех езды от Гамбурга и занимал громадную площадь, со всех сторон окруженную лесами. Штольценберг взял подряд уничтожить, согласно Версальского договора, все снаряды, начиненные ядовитыми газами. Он нам показал, как он производит эту операцию. Насколько мы могли судить, операция была поставлена вполне рационально. Недалеко от полигона находилась лаборатория, оборудованная самим Штольценбергом, для различных исследований ядовитых газов, а также для изучения методов их изготовления. В этой лаборатории мы увидели способ получения иприта в маленьком масштабе, ничем не отличающийся от указанного в литературе, опыты изготовления активированного угля и др. В не очень обширной лаборатории работало несколько докторов и лаборантов. На следующий день мы отправились на завод, находившийся в окрестностях Гамбурга. Все постройки были новые, что свидетельствовало, что завод недавно начал свое существование. Мы увидали изготовление хлора, фосгена и хлористого алюминия, и нам было указано, что в очень скором времени будет построена малая установка иприта. Таким образом мы не могли судить, имеет ли Штольценберг надлежащий опыт по изготовлению иприта, хотя он уверял нас, что это производство ему было хорошо знакомо во время войны. Видеть производство и ознакомиться с ним даже детально, еще не значит уметь вести его самому, так как повторение чужого опыта не всегда дает те результаты, которые были получены самим производителем. После осмотра завода Штольценберг пригласил меня и Подольского на обед в наилучшем ресторане, и хотя мы сильно отказывались, но все-таки пришлось исполнить его просьбу. На обед приехала супруга Штольценберга (его вторая жена), оказавшаяся сестрою известного Бергиуса, использовавшего целиком мой метод высоких давлений для получения жидкого топлива из углей и

смол. Мадам Штольценберг была матерью пяти детей и обладала довольно красивым лицом, но ее сильно портила непомерная толщина. Она была в курсе всех дел своего супруга и во время обеда не переставала болтать на всевозможные темы.

В это время в Гамбурге уже начались беспорядки, и каждый день можно было ожидать выступления коммунистов, а потому, покончив собирание всех необходимых сведений, мы поспешили обратно в Берлин, который тоже переживал тяжелые дни: циркулировали слухи, что после начала восстания в Гамбурге, будет об'явлена железнодорожная забастовка и повсюду начнется восстание коммунистов; ощущался большой недостаток в масле, белом хлебе, молоке, яйцах; у лавок стояли хвосты; инфляция достигла громадных размеров и за золотую марку давали биллионы бумажных, причем курс последних падал ежечасно. В магазинах расценка товаров происходила по несколько раз в день. Жизнь на иностранную валюту стоила гроши, и нахлынувшие спекулянты за бесценок скупали дома. Некоторые иностранцы, в том числе и русские, приобрели таким путем по несколько домов и стали миллионерами. При таких обстоятельствах не представляло никакого удовольствия оставаться даже лишний день в Берлине.

По приезде в Москву мы представили полный отчет о нашей командировке, который был принят в соображение во время дальнейших переговоров и несомненно помог заключению более выгодного для СССР контракта между обоими правительствами. Одновременно с нашим отчетом, Штольценберг подал смету на полное переоборудование Самарского завода с целью установления производства обусловленных количеств фосгена и иприта. Переговоры относительно заключения контракта тянулись долгое время, — почти всю осень, — пока, наконец, было установлено, сколько денег должны дать немцы и сколько должны истратить мы для постройки зданий и для приведения завода в полный порядок. Кроме указанных производств мы должны были построить громадное здание для снаряжения снарядов этими ядовитыми газами, а аппаратура для снаряжения должна была быть доставлена Германией.

Ададуров, который ездил со мной на Самарский завод, был в курсе всех переговоров с немцами и сообщал мне время от времени их результаты. В конце концов соглашение было достигнуто, и Штольценберг получил от немецкого правительства подряд на постройку заводов иприта и фосгена. На русскую сторону возлагалась постройка всех необходимых зданий и помощь по установке всего оборудования и пуска завода в ход.

Для наблюдения за постройкой завода и для разрешения всяких технических и экономических вопросов была образована особая комиссия, которая находилась в подчинении Рев.-Воен. Совета. В эту комиссию вошел я, Д. С. Гальперин и один коммунист (не помню его фамилии), которому была поручена постройка новых и приспособление старых зданий; секретарем комиссии был назначен коммунист Гуревич. С председателем комиссии дело долго не клеилось: два были сменены, через очень короткое время; удержался только третий, — это был Мархлевский, служивший ранее в Комиссариате Иностранных Дел. Это был очень деловой человек, умевший глубоко входить в каждый вопрос и наведший большой порядок в деятельности комиссии. Поляк по происхождению, он был очень мягок и вежлив в обращении, но легко можно было видеть, что за этой мягкостью скрывается большая настойчивость. По образу его действий было ясно, что в Наркоминделе, кроме своих юрисконсульских обязанностей, он исполнял и некоторые поручения ГПУ. С этим человеком надо было быть очень осторожным, так как каждое слово, сказанное вами, будет проанализировано со всех точек зрения. Кроме деловых отношений, которые продолжались около 3-х лет, мне приходилось очень много раз говорить с ним на различные темы, и все эти разговоры оставили у меня впечатление, что я имел перед собою умного и хитрого человека, довольно хорошо образованного, умеющего ориентироваться в любой сложной обстановке. Во всяком случае это был самый лучший председатель в нашей комиссии. С немецкой стороны были два члена, из которых один был полковником генерального штаба, но фамилии их я не могу

припомнить. Д. С. Гальперин принимал очень большое участие в делах комиссии, — в особенности за последнее время ее существования.

В начале наши заседания тянулись по многу часов, чтобы выработать все планы и порядок работы. Архитектором для построек на заводе был приглашен мой бывший ученик, гражданский инженер Веснин, очень талантливый строитель; Ададуров был назначен начальником завода, а инженером-строителем был назначен инженер Райнов, т. е. те люди, которые ездили со мной для осмотра и оценки завода. Бухгалтером комиссии, через руки которого проходили большие суммы, отпущенные правительством для постройки здания, был назначен Ногин, брат известного большевика Ногина, который тогда стоял во главе всей текстильной промышленности СССР. Ногин оставался недолго на своем посту, так как не поладил с Гуревичем, секретарем комиссии; мне лично Ногин говорил, что боится попасть под суд за незаконное ведение бухгалтерских книг, а сделать он ничего не может, так как ему это приказывает Гуревич. На одном из заседаний, в присутствии Розенгольца и Уншлихта (последние наблюдали за деятельностью комиссии), Ногин изложил свои замечания, после чего был смещен с своего поста.

Др. Штольценберг перед тем, как он получил подряд от германского правительства, написал мне письмо, в котором он сообщил, что он решил пожертвовать, после оформления контракта на подряд, около 500.000 марок в фонд, который должен служить для развития научных исследований в области ядовитых газов и защиты от них (противогазов). Он предполагал, в случае моего согласия, поставить меня во главе этого дела в России, а также использовать мои знания и заграницей; он спрашивал моего совета, как оформить это дело, и высказал свое соображение относительно помещения этого капитала в Швеции. Я показал это письмо Богданову, а также Гальперину, которые одобрили мысль о моем участии в этом деле. Я ответил Штольценбергу, что готов ему помочь и что в следующий его приезд в СССР мы переговорим подробно, как наладить

это дело. Контракт Штольценберга был подписан на благоприятных для него условиях, но о пожертвовании известной суммы для научных исследований он более не упоминал, а я находил, что мне самому поднимать разговор совершенно неудобно и нецелесообразно. Я и мой коллега, Гальперин, поняли, что за тип из себя представляет Штольценберг, и с этих пор у нас пропало всякое к нему доверие. Мое недоверчивое и неуважительное отношение к Штольценбергу я не старался скрыть от него, и в 1925 году, когда я был командирован в Германию по делам нашей комиссии, то при встрече со мной Штольценберг, в присутствии своего помощника, спросил меня, почему я не ответил на одно из его писем, на что я ему ответил: «Я не привык поддерживать переписку с лицами, которые не держат своего слова». Он спокойно проглотил мою дерзость, и в дальнейшем я имел разговоры с этим господином только в заседаниях комиссии.

Хотя в контракте были разработаны все детали, но с самого начала обнаружилось столько спорных вопросов, что комиссии пришлось затратить колоссальное количество заседаний на их урегулирование. Немецкие делегаты часто не могли решить спорных вопросов и потому им приходилось или списываться с своим правительством, или-же ехать в Германию и там получать полномочие на разрешение недоразумений. Я вспоминаю большой спор по поводу оборудования силовой станции: немцы считали, что мы должны были поставить надлежащие аггрегаты для получения количества энергии, достаточного для обслуживания завода; мы же с своей стороны доказывали, что это должно быть отнесено на счет немцев. Мы выиграли в этом вопросе, но на это было затрачено громадное время, что в значительной степени тормозило дело постройки. Дело в том, что на этот и другие заказы не хватало денег, ассигнованных по контракту, а потому немецкие делегаты должны были испрашивать дополнительные кредиты, что было также сопряжено с большой затратой времени. Для ускорения решения некоторых вопросов пришлось командировать Д. С. Гальперина в Германию. Он рассказывал мне о столкновениях во

время заседаний в Берлине в военном министерстве; военные делегаты и инженер переругались с финансовыми и дипломатическими представителями, и одного из последних военный немецкий делегат из нашей русской комиссии назвал «обезьяной».

Несмотря на бесконечную бюрократическую волокиту, постройка завода мало-по-малу подвигалась вперед. В 1924 году, в августе, вся наша комиссия выехала для обследования работ на Самарском заводе. Мне и Гальперину пришлось обстоятельно выяснить необходимую мощность силовой станции, проверить готовность и производительность батарей для производства хлора и проч. Нам пришлось констатировать, что деловые отношения между начальником завода Ададуровым и инженером Райновым заставляют желать много лучшего. Райнов, очень симпатичный человек, взялся с энтузиазмом за работу по переустройству завода, но так как он был молод и не имел достаточного опыта, то невольно делал технические ошибки. Что-же касается Ададурова, то он был химик, а не инженер и потому не мог заметить во время неправильности в составлении проектов для приведения в порядок старых зданий завода. К нашему приезду работы велись, главным образом, по приведению в порядок силовой станции: под здание подводился фундамент и укреплялись стены, которые впоследствии предполагались сделать каменными. Мы провели добрую неделю в налаживании известного порядка в строительных работах, а также в установлении правильных взаимоотношений между Ададуровым и Райновым.

Я забыл сказать, что во время моего последнего посещения Берлина, я был приглашен в военное министерство и был представлен высшему начальству, в ведении которого находилось все дело нашей комиссии. Я забыл сейчас все имена генералов, с которыми мне приходилось говорить, но помню, что они с похвалой отзывались относительно моей работы во время войны, о которой они были вполне осведомлены, как я мог заметить из разговоров с ними. Здание военного министерства, помещавшееся на Лейпцигштрассе, имело солидные раз-

меры, а внутри отличалось красивой отделкой: многие стены были украшены портретами бывших военных деятелей, — как боевых, так и администраторов. Мое посещение было обставлено очень секретно, и я был доставлен туда в военном закрытом автомобиле, который дожидался меня в условленном месте; точно также из здания министерства я был доставлен не в гостиницу, где жил, а в другое место.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ТЕКУЩАЯ РАБОТА В ВСНХ

В ВСНХ летом 1923 года произошли перемены; Политбюро назначило председателем ВСНХ А. И. Рыкова, так как было установлено, что П. А. Богданов не имеет надлежащего авторитета, как по политической линии, так и в промышленности. Положение его в партии после двухлетнего управления промышленностью значительно ухудшилось, и он сам понимал, что ему надо предпринять какие-то меры, чтобы укрепить свое положение. Он мне сам сказал, что он просил Политбюро назначить на пост председателя Президиума ВСНХ более крупную политическую фигуру, оставив его в качестве заместителя. Так и случилось. Он был сделан первым заместителем председателя, а Ю. Л. Пятаков — вторым. Я по прежнему бывал на всех заседаниях Президиума и давал ответы и советы по всем химическим вопросам. В то время насущным вопросом было рациональное перераспределение заводов по трестам и создание особых об'единений; по этому вопросу очень много было бесполезных споров и подчас они напоминали известную басню Крылова «Квартет»: «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь!» Эту-же басню можно было приложить и к организации ВСНХ, которая менялась почти каждые 6 месяцев. В здании Делового Двора на Варварской площади (новое название: площадь Ногина) вечно происходили переезды из одного этажа в другой, из одной комнаты в дру-

гую, и т. д., причем, конечно, они сопровождались поломкой мебели, и без того едва отвечавшей своему назначению.

Член Президиума А. И. Юлин, ставленник Пятакова, должен был ведать всеми делами, относящимися к химической промышленности. Так как он не имел в своем распоряжении никакого органа по управлению этой промышленностью, то ему приходилось решать дела по обсуждении их с представителями того или другого треста в каждом отдельном случае, вне связи с другими вопросами, что, конечно, не могло не отражаться на правильном развитии химической промышленности в СССР. Он был как бы королем без королевства, и притом обладал очень слабыми познаниями по химии, не имел понятия об актуальных задачах современной химической промышленности. Вопросы, вносимые им в Президиум, отличались неподготовленностью и их приходилось снова передавать в особые комиссии, куда Президиум включал также и меня. А. И. Юлин был произведен в прапорщики артиллерии в самом конце войны и проходил 5-месячный курс в Михайловском Артиллерийском Училище; так как он получил первоначальные сведения по химии по моему краткому учебнику химии для военных училищ, то он считал меня своим учителем. Он располагал приятной наружностью и первое впечатление от разговора с ним получалось располагающее в его пользу, но его дальнейшее поведение обнаруживало в нем такие качества, которые оттолкнули от него всех, кому приходилось иметь с ним дело. Мне придется коснуться его деятельности в Президиуме ВСНХ несколько позднее.

По приезде из Берлина я доложил Пятакову о моем разговоре в Торгпредстве со Стомоняковым относительно необходимости получить техническую помощь И. Г. Фарбениндустри по изготовлению у нас наиболее важных красок для нашей текстильной промышленности. Пятаков сразу же ухватился за эту идею и принял меры, чтобы выписать представителей И. Г. для переговоров. И действительно, в скором времени приехало 4 или 5 видных представителей И. Г. и в особой комиссии, куда вошел и я, началось обсуждение вопроса, как наладить у нас

производство некоторых красок и других химических продуктов, платя за это монопольной покупкой у немцев необходимых для нас красок. Эти разговоры в созданной комиссии тянулись годы. Временами казалось, что затея кончится ничем, но через два или три года нам все-таки удалось выторговать от И. Г. рецепты приготовления некоторых (насколько помню, 4) полупродуктов, важных для изготовления хороших сортов современных красок. В конце концов И. Г., будучи не в силах далее терять время на бюрократическую волокиту, решило более не возобновлять контракта с нами и продавать свои краски лишь за наличный расчет.

В комиссариате Народного Просвещения, во главе которого тогда стоял Луначарский, был образован специальный отдел по техническому образованию; заведывать им была назначена Варвара Николаевна Яковлева, жена И. Н. Смирнова. Она написала письмо в Президиум ВСНХ, чтобы я был назначен членом коллегии этого отдела, как представитель от ВСНХ. Президиум выразил свое согласие, и мне прибавилось еще одно занятие: еженедельно присутствовать на заседаниях коллегии, которые большей частью происходили по вечерам и иногда затягивались до поздней ночи. В течении почти двухлетней работы, мне пришлось хорошо узнать Яковлеву, и я вынес впечатление о ней, как об очень деловой женщине, умевшей разбираться в трудной обстановке и выносить правильные решения. Конечно, при распущенности, которая тогда господствовала в высшей школе, необходимы были сверхчеловеческие усилия, чтобы наладить жизнь в высших учебных заведениях, куда поступали из рабфаков (рабочие факультеты) или из школ I-ой ступени совершенно безграмотные юноши и девицы. При всем желании молодежи учиться, в высших учебных заведениях они не могли следить за курсами высшей математики, физики и химии, так как подготовка по элементарной математике и физике была совершенно недопустимой. Из школ, соответствующих прежним средним учебным заведениям (гимназиям и реальным училищам), выходили совершенно необразованные люди. Плохая подготовка в школах I-ой сту-

пени обусловливалась, главным образом, недостатком хороших учителей (многие старые педагоги были изгнаны за свою якобы контр-революционную деятельность), отсутствием школьной дисциплины и очень слабым контролем учащихся. Кончающие школу не умели писать грамотно по-русски, не умели правильно выражать свои мысли ни словесно, ни письменно. Поэтому в высшей школе приходилось учить тому, что должно быть сделано в средней школе.

В. Н. Яковлева очень умело вела заседания, и, несомненно, некоторое улучшение было произведено. Но я очень пессимистически смотрел на постановку образования в наших учебных заведениях. На всех ступенях оно сильно отставало от того, что было до революции. Все похвалы новому направлению в учебе, которые распространяли повсюду большевики, совершенно не отвечали действительности. Только одни подлизы учителя и профессора могли защищать большевистскую систему образования, которая в глазах настоящих педагогов не выдерживали никакой серьезной критики. Уже утверждение большевиков, что среднее и высшее образование было доступно в царское время только для высших классов, совершенно ложно, и я приведу два примера, из которых будет видно, как обманывали большевики доверчивых иностранцев, очень мало знавших Россию до революции. Я учился в 3-ей военной гимназии, в которой все воспитанники были приходящими; в этой гимназии учились и дети торговцев, и князья, и графы. На одной лавке рядом со мной сидели Мочалов, сын торговца рыбой, и граф Салтыков, и никто никогда не позволил бы кичиться своим происхождением. Дворян в нашей гимназии было менее половины, а остальные были разночинцы. Вторым доказательством тому, что образование было доступно всем классам, я могу привести состав учеников XI классической гимназии в Петербурге, которая помещалась на Выборгской стороне. Я точно знаю этот состав, потому что в ней учились все три мои сына, а кроме того, я был в течении 8-ми или 9-ти лет председателем Родительского Комитета и потому хорошо ознакомился с родителями учеников. Гимназия имела около 400 учеников,

и из них не более 5% были дети потомственных и личных*) дворян, остальные 95% были детьми, главным образом, рабочих, мелких торговцев, швейцаров и т. п. 10% учеников были освобождены от платы, а все остальные за свое образование платили 60 рублей в год. Таких примеров можно было привести сколько угодно, и говорить, что сын крестьянина или рабочего не мог учиться в средней школе или в университете, это явная ложь. Известный химик-органик М. И. Коновалов, ученик Марковникова, был сыном крестьянина и до поступления в Университет служил половым в трактире в Ярославле.

Мои предчувствия впоследствии вполне подтвердились; несколько лет тому назад было указано, что Луначарский и Бубнов проводили неправильную систему преподавания и что необходимо ввести новые методы обучения, — причем оказалось, что эти «новые» методы вполне совпадают с теми, какие существовали при царском режиме. Но это случилось, к сожалению, после 18 лет хаоса, царствовавшего в учебных заведениях, когда наладить снова правильное обучение стало уже очень трудной задачей, так как за это время школа потеряла многих хороших учителей, а вновь произведенные при большевистском режиме отличались очень слабой педагогической подготовкой.

В конце 1923 года я предложил коллегии НТО ежегодно собирать директоров исследовательских Институтов на конференцию для доклада о сделанных работах и для установления годовой программы дальнейших исследований. Коллегия НТО приняла это предложение и постановила первую подобную конференцию созвать немедленно же. Она состоялась в декабре. Для удобства Институты были разбиты по своим специальностям на группы, и в каждой группе должен был председательствовать непременный член коллегии НТО, в ведении которого находилась эта группа Институтов. Таким образом, образовались группы: химическая, электро-техническая, меха-

*) Личный дворянин, это всякий служащий на государственной службе, получивший классный чин; он не передавал в потомство своего дворянства.

ническая, минералогическая и другие. На конференцию должны были быть доставлены письменные отчеты и программа работ на будущий год. Эта мера оказалась очень продуктивной и с этого времени подобные конференции собирались каждый год, — большею частью в конце декабря.

Из других событий 1923 года интересно упомянуть о деловых сношениях с одним грузином Бекаури, изобретателем в области электротехники. Его представил мне еще в 1922 году Комендантов, который до революции занимал должность квартирмейстера в Константиновском Артиллерийском Училище и был мне известен, как очень деловой человек. Бекаури предложил мне тогда осмотреть на его частной квартире изобретенные им аппараты для обнаруживания воров при кражах из банков, несгораемых шкафов и т. п. Я заинтересовался этим изобретением и вместе с Комендантовым отправился для экспертизы этих аппаратов. Бекаури очень искусно продемонстрировал действие своего аппарата, и у меня осталось очень хорошее впечатление, как об изобретении, так и о самом изобретателе. Насколько я вспоминаю, Бекаури удалось показать действие своего прибора в Кремле даже в присутствии самого Ленина. На свой аппарат Бекаури взял заграничные патенты и ему удалось в 1922 году поехать заграницу для устройства дел по продаже своего патента, причем он обещал часть вырученных денег передать правительству. Когда я был заграницей в 1922 году, мне пришлось не один раз видеться с ним и оказывать ему помощь в нашем Торгпредстве. Он был очень ко мне расположен и не знал, как меня благодарить за хорошее к нему отношение. Бекаури постоянно жил в Петрограде, и я довольно долгое время ничего не слыхал о его деятельности. Но в конце 1923 года он позвонил мне по телефону и попросил позволения приехать ко мне и поговорить об очень серьезном деле. Получив мое согласие, он тотчас же явился ко мне и изложил мне по секрету свою идею о новом способе более вероятного попадания мины в военные суда, и просил меня, если я найду идею заслуживающей внимания, помочь ему провести это дело через высшие инстанции. Эта идея показа-

лась мне вполне здоровой, и я предложил ему составить к следующему моему приезду схему его изобретения и приблизительный подсчет вероятности попадания. Он не заставил долго ждать и действительно, через месяц у меня на квартире в Академии Наук, он мне на полу показал громадные чертежи. Само собою разумеется я обещал ему держать все это в большом секрете, и он был во мне уверен, как в самом себе.

По приезде в Москву я тотчас же сообщил об этом Богданову, который, в качестве заместителя председателя ВСНХ, имел сношения с Рев.-Воен. Советом и мог направить это дело в это учреждение. Богданов заинтересовался этим изобретением; Бекаури был вызван в Москву и изложил, где надо, суть своего изобретения. В результате было решено приступить к реализации этого изобретения и передать все это дело в ведение НТО, образовав специальную секретную комиссию под председательством одного из членов Коллегии НТО (припоминается в начале им был Мартенс, председатель вновь образованного Патентного Бюро в Петрограде; впоследствии в этом деле большое участие принимал Флаксерман). Как председатель Коллегии НТО, в начале я также принимал деятельное участие в работах этой комиссии. Во-первых, я предложил для этого дела пригласить очень знающего и талантливого электротехника Владимира Федоровича Миткевича, профессора Политехнического Петроградского Института. Бекаури ухватился за это предложение; Вл. Фед. был тотчас же приглашен на работу и стал душой всего этого дела. Бекаури был очень благодарен мне за мою рекомендацию. Кроме этого, я оказал большую протекцию в деле приискания соответствующего помещения для опытов и составлению проектов. Гонти уступил часть своих помещений, предназначенных ранее для расширения физики, для надобностей комиссии Бекаури. Можно сказать, что благодаря настойчивости Бекаури и важности для обороны его изобретения, с самого начала его водворения в помещении Гонти, началось его поступательное движение с целью завоевания все больших и больших площадей Гонти. Уже к 1928 году Бекаури владел громадным домом Гонти,

который остался в его владении и после того, как Гонти был слит с Институтом прикладной химии и перевезен на Ватный Остров.

Опыты, сделанные в большом масштабе, чтобы проверить правильность метода Бекаури, дали положительные результаты; но я, несмотря на то, что изгнан из своей страны, конечно, не позволю себе что-либо сообщить о них. Бекаури всегда благодарил меня за мою помощь в этом деле и говорил, что когда он демонстрировал некоторые свои изобретения перед Сталиным, то упомянул также о моем участии; он сказал мне, что Сталин спросил его мнение, насколько я большой ученый. Бекаури пользовался особыми льготами: он имел специальный железнодорожный билет, который выдается только членам ЦИК'а, для бесплатного проезда по всем железным дорогам в международных вагонах; все его предложения выполнялись в первую очередь, и в своем жизненном обиходе он не испытывал никакой нужды. Мне очень часто приходилось ездить с ним в одном купэ в Москву и обратно и много беседовать с ним; он всегда был для меня очень симпатичным собеседником, и у меня сложилось очень хорошее мнение о нем, как о человеке.

Не могу умолчать также об одном интересном вечере, который я провел в обществе партийных членов Президиума ВСНХ на квартире Смилги, который давал прощальный ужин по случаю своего ухода из Президиума. На этом вечере присутствовал Пятаков, Богданов, Судаков (из Петрограда), Краснощеков, Долгов и др. В это время уже были разрешены спиртные изделия, содержащие 20% алкоголя и мы попробовали всевозможные наливки, которые прислал хозяину Главспирт для экспертизы. Ужин был на славу и закончился шампанским и речами, которые мне, беспартийному, было приятно слушать, потому что они дышали правдивостью и произносились совершенно свободно, так как ораторы верили мне, может быть, больше, чем некоторым своим товарищам по партии.

В общем должен сказать, что Политбюро и все партийные

коммунисты имели ко мне полное доверие, и я в течении 9-ти лет имел особый билет, позволявший мне входить и в Кремль и во все государственные учреждения без всякого особого пропуска. Когда мне приходилось бывать в Кремле, в Совнаркоме или у Рыкова или у других высоких лиц, то я проходил к ним через особый вход, доступный только членам правительства. Кроме того, я в течении многих лет (не менее 5-ти), каждый день обедал в Совнаркомской столовой в Кремле и там познакомился почти со всеми видными большевиками и говорил с ними на разные темы совершенно свободно. Моим соседом во время обедов был Катаньян, главный прокурор ГПУ; он был очень любезен в обращении со мною, расспрашивал меня о моих работах, как научных, так и о работе в ВСНХ, и его внешний вид никоим образом не мог внушить предположения, что он имеет такую жестокую душу, которая не могла смягчаться ни при каких обстоятельствах, и которую не трогали ни горе, ни слезы посетителей, просивших о смягчении участи их страдающих родственников или знакомых. От его заключения зависела судьба тысяч людей, а доступ к нему был обставлен такими трудностями, что, как говорили знакомые, для получения у него минутной аудиенции надо было хлопотать полгода. Многие просили меня замолвить словечко за их близких, но это надо было делать очень и очень осторожно. Я помню один случай, когда я тонко завел разговор об одном бывшем московском адвокате, гражданине Соловейчике, сосланном из Москвы. Его жена, очень милая женщина и зубной врач, была до революции либеральной женщиной и играла некоторую политическую роль в кадетской партии. Родом из Одессы, она была дочерью состоятельных родителей; ее брат учился в Одесском Университете вместе с Катаньяном, который был тогда очень бедным человеком и сильно нуждался. Как мне говорила г-жа Соловейчик, ее брат часто приглашал Катаньяна домой и даже оказывал ему всякую помощь. Несмотря на это близкое знакомство, Соловейчик был сослан и, по правде сказать, он был виноват, так как занимался денежной спекуляцией. Г-жа Соловейчик просила меня только об

одном, чтобы я помог устроить ее свидание с Катаньяном. В этом я не мог ей отказать, и однажды за обедом сказал ему, что я хорошо знаком с его старой знакомой г-жей Соловейчик. Он тотчас-же припомнил ее, а я добавил, что ее муж сослан за спекуляцию, и я вовсе не хочу просить о чем-нибудь, но только передаю ее просьбу, чтобы он ее принял в ближайшее время. Через некоторое время она получила свидание с Катаньяном, но он не мог ничего сделать и сказал ей, что надо подождать. Мне удалось через председателя Уральской области Сулимова облегчить его участь и перевести из ужасной трущобы в Сибири, куда он был сослан, в Свердловск, на место юрис-консульта в одно из областных учреждений.

То доверие, которое мне оказывали большевики, я очень ценил и по совести могу сказать, что никогда не позволял себе им злоупотребить. В этом отношении большевики не ошиблись в моем характере, и я честно перед своей родиной исполнял все возлагаемые на меня обязанности. Тоже я завещал делать и моему сыну и дочери. Я не боялся высказывать смело мои взгляды по тому или другому вопросу; иногда мне приходилось даже стукнуть кулаком по столу, но большевики чувствовали, что я говорю правду.

После ужина Смилга, Пятаков и я сидели отдельно и говорили на злободневные темы. Сначала разговор шел о Ленине, и они сказали мне, что его положение безнадежно и что он навсегда вышел из строя. Но в то время уже шла борьба против Троцкого, и многие большевики были против него, считая его слишком левым. Нашему безпартийному брату совершенно было невозможно разобраться во всех уклонах коммунистических воззрений, тем более, что печать в то время совершенно не отмечала начавшуюся борьбу. Не помню, какая следующая тема служила для нашей беседы, только после одной моей реплики Смилга ударил меня по плечу и, обращаясь к Пятакову, сказал:

«Люблю и верю Ипатьеву; он действительно честный работник и если за что берется, то всегда работает с энтузиазмом и доводит дело до благополучного конца. — Как он ругал меня

в Президиуме, когда я хотел стянуть у него все запасы, которые еще во время войны были заготовлены им для коксобензольных заводов. Пришлось уступить ему, потому что он был прав».

Пятаков, выслушав мою характеристику, данную Смилгой, вполне с ней согласился и прибавил мнение обо мне его брата Леонида, убитого петлюровцами в Киеве, тоже большевика, который работал у меня в Баку на бензоловом заводе у Нобель.

«Леонид говорил мне, что такого другого генерала, вероятно, на всем свете не найдешь; он знал мои политические убеждения, защищал меня от жандармов, и за это я был предан ему всецело и дал свое честное слово, что во время войны я не буду заниматься никакой пропагандой и честно исполнять обязанности инженера. Я никогда не забуду, — добавил Пятаков, — его восторженного отношения к вашей работе и обхождению с людьми, кто бы они не были: солдаты, офицеры или рабочие. Что же касается меня, то наблюдая деятельность Ипатьева во время революции я очень ценю его и как ученого, и как очень полезного советника в нашей химической промышленности, и моя симпатия к нему, конечно, еще более возрастает, когда я вспоминаю все то, что мне сказал о нем Леонид».

Я очень поблагодарил моих собеседников, к которым я тоже чувствовал и симпатию, и доверие, за их доброе отношение ко мне и рассказал историю, каким образом я познакомился с Леонидом Пятаковым. Проф. Тихвинский, как об этом было описано ранее, предложил мне вызвать с фронта Пятакова, его ученика по Политехникуму в Киеве на постройку бензолового завода. Пятаков был солдатом, имел два или три Георгиевских креста и не хотел быть произведенным в офицеры (вероятно, из за политических соображений). Когда я упомянул фамилию Тихвинского, то Юрий Леонидович заметил:

«Мы совершили большую ошибку, зря расстреляли его; таких людей надо беречь, а не выводить в расход».

Только под утро разошлась наша компания, оставив во

мне убеждение, что с большевиками можно работать и что среди них находятся люди, которые в состоянии здраво смотреть на вещи и ценить работу людей, которые не за страх, а за совесть работают для своей страны.

Последнее крупное событие, которое совершилось за описываемый период времени, это был арест Краснощекова, члена Президиума ВСНХ и директора вновь образованного Торгово-Промышленного Банка. Краснощеков, — очень ловкий человек, еврейского происхождения, — в 1920-1922 годах играл большую роль в Дальневосточной республике, будучи ее президентом. После ее ликвидации он приехал в СССР и получил место в Президиуме. Он произвел на меня впечатление дельца и себе на уме человека; мне не верилось, чтобы он был идейным коммунистом, я скорее считал его за афериста, умеющего приспособляться ко всякой обстановке, типичного оппортуниста. Особой роли он в Президиуме не играл, и ему было предложено, — кажется, по его инициативе, заниматься швейным делом и организовать швейный трест. Так как с введением Нэпа явилось необходимым организовать банковское дело, то было решено в первую голову возобновить все операции Государственного Банка, а с другой стороны в помощь промышленности создать Торгово-Промышленный Банк. Конечно, для правильных расчетов необходимо было установить новую стойкую денежную единицу, т. е. золотую валюту. Для этой цели был использован Кутлер, бывший кадет, но авторитет которого в этом деле был признан большевиками; ему было поручено провести эту реформу вместе с Шейманом, который был назначен в то время директором Государственного Банка. Уже в 1921 году было восстановлено золотое обращение и на рынке появился червонец (десять рублей), который обеспечивался золотым запасом и бриллиантами, хранящимися в Государственном Банке. Курс червонца был строго установлен по сравнению с другими иностранными валютами и первое время его можно было обменивать на иностранную валюту, — правда, в ограниченном размере. Это был большой шаг вперед для упорядочения ведения всех расчетов по промышленным и

торговым делам, а также и для обывательской жизни. Торгово-Промышленный Банк образовался тоже вскоре после введения валюты, и его деятельность была направлена, главным образом, для оказания кредита трестам и помощи при совершении торговых сделок. Краснощеков всецело был занят делами Банка и все утверждали, что он деловой и искусный директор Банка.

Царство Краснощекова в Торгово-Промышленном Банке продолжалось недолго. По городу стали ходить слухи, что Краснощеков ведет очень расточительную жизнь, устраивает кутежи и попойки с веселыми дамами и что его поведение вообще совершенно не соответствует тем правилам, которые обязательны для правоверного коммуниста. Слухи скоро оправдались: он был арестован, и в его квартире был сделан обыск, а в Торгово-Промышленном Банке была произведена ревизия. Произведенное следствие установило растрату Краснощековым банковских денег, незаконную выдачу кредитов и т. п., и он был предан суду. Публика очень интересовалась судебным процессом, так как это был чуть ли не первый случай суда над партийным товарищем, занимавшим ответственное положение. Суд приговорил его к 6 годам одиночного заключения, что по сравнению с теперешними приговорами, можно считать очень мягким наказанием. Но тогда было другое время и другая генеральная линия...

Я уже упоминал об Анилино-Красочном тресте, который причинял мне особенно много забот. Мне придется не мало говорить о нем и в дальнейшем; теперь я хочу только рассказать об одном характерном факте. После того, как мне удалось поправить финансовые дела этого треста, я был приглашен на ужин, организованный работниками треста, — не помню, по какому случаю. Кроме меня, на этот ужин были приглашены товарищи из профсоюза химиков. Ужин удался на славу. Было выпито не мало дозволенных и недозволенных напитков, и когда развязались языки, то стали произноситься многочисленные тосты. Один из них у меня запечатлился в памяти. Коммерческий директор треста Берков поблагодарил меня за постоянную помощь Анилтресту. Свой тост он закончил особым изречением:

«Рука берущего да не оскудеет». Против такого изречения ничего нельзя было бы возразить, если дело касалось бы только законных получек, но дело приобретает совсем другой оборот, если приношения поступают с заднего крыльца, — так подумалось мне тогда. Мое предположение, к сожалению, вскоре оправдалось, и мне пришлось давать свидетельские показания, — на суде, по криминальному процессу Анилтреста.

Мой ученик по Артиллерийской Академии и один из моих главных сотрудников по Химическому Комитету во время войны (Заведующий Кавказским районом) инженер-технолог кап. Георгий Георгиевич Годжелло сообщил мне, что в Анилтресте обнаружены злоупотребления и Н. А. Козлов и Берков арестованы. Через некоторое время я узнал, что Берков обвиняется в том, что он взял взятку около 15—20 тысяч руб. от одного поставщика. Из этих денег он дал Н. А. Козлову несколько тысяч для постройки дачи в Крыму; кроме того, Роб. Кар. Эйхман получил 500 рублей в виде награды. Член Коллегии треста Ильин (коммунист) был также замешан в этом деле (с Ильиным уже раньше был неприятный казус: во время своей командировки в Германию в 1923 году, он потерял 50 фунтов стерлингов, и Анилтрест должен был выдать ему новые деньги; об этом мне было сообщено по секрету во время моего пребывания в командировке). Следствие установило безусловно виновность двух лиц, Беркова и Козлова; что же касается до Эйхмана, то хотя против него прямых улик и не оказалось, тем не менее он все время содержался под арестом и был предан суду. Когда было назначено заседание суда, то я и Годжелло были вызваны свидетелями в суд. Как член Президиума ВСНХ, в ведении которого находился трест, я должен был дать свидетельское показание о подсудимых и о той пользе и вреде, которые эти лица причинили красочной химической промышленности. Г. Г. Годжелло был привлечен в качестве свидетеля, так как он находился на службе в ВСНХ и ведал делами по краскам. Годжелло перед поступлением в ВСНХ работал в Коксобензоловом тресте и был очень полезным работником. Он часто ездил в Донбас и ему нередко приходилось иметь дело с Ю. Л. Пятаковым, который до вызова в Москву стоял во главе всей про-

мышленности Донецкого Бассейна. Еще осенью 1921 года, перед моим от'ездом заграницу, Пятаков вместе с Годжелло были у меня в Главном Химическом Управлении (бывш. Сибирская гостиница в Златоустовском переулке), и я обратил внимание Пятакова на необходимость сугубой поддержки этой отрасли химической промышленности, крайне важной, как для мирного, так в особенности для военного времени.

В то время я был начальником над Пятаковым, по химической промышленности и мог ему давать приказания; я видел тогда (в 1921 году) Пятакова в первый раз, и он произвел на меня хорошее впечатление. Годжелло оставался в коксобензоловом тресте, правление которого находилось в Москве до тех пор, пока не вошел в конфликт с вновь назначенным председателем треста (коммунист, фамилию которого я не могу припомнить), который стал тратить безотчетно деньги на совершенно ненужные цели, вроде роскошной отделки помещения под правление треста и для покупки особой квартиры и т. п. Годжелло заявил ему протест, отказался подписывать эти счета и начал против него борьбу, так как наперед знал, что будет еще более ответственным за эти бесполезные траты, чем его председатель; в то время коммунисты были почти всегда свободны от ответственности за свои деяния, — не то, что в настоящее время. Годжелло воспитанный в военной среде, не мог переносить подобного безобразного отношения к делу и подал в отставку. Будучи вполне в курсе этого дела, я утвердил это его решение и перевел его на службу в ВСНХ, где он был вскоре оценен, как превосходный работник, и я не раз получал благодарность за то, что его рекомендовал на работу в ВСНХ.

Мне пришлось в первый раз побывать в заседании советского суда. Он находился на Тверском бульваре, недалеко от моей квартиры, в очень непрезентабельном помещении: грязноватом и очень плохо обставленном. Заседание суда длилось несколько дней. На мое счастье, председатель суда представлял из себя личность, которая до некоторой степени обладала тем качествами, которые должны быть присущи каждому судье. Небольшого роста, с черной шевелюрой и бородкой, он скорее

напоминал одного из граждан кавказских республик, — не то грузинской, не то армянской. Он был довольно вежлив в обращении и довольно искусно задавал вопросы, — как подсудимым, так и свидетелям. Личности прокурора и других двух судей не остались у меня в памяти. Окончательный приговор принадлежал только судьям, так как никакого жюри в Народном Советском Суде не существовало. Я попросил председателя, если, конечно, это окажется возможным, допросить меня в первую очередь в виду моей перегруженности в делах. Он любезно согласился. Мой допрос продолжался около часа. Я дал полную характеристику всем подсудимым, двух из которых, Беркова и Эйхмана, я знал еще во время войны, так как они работали на оборону. Про Эйхмана я отметил его выдающуюся деятельность во время войны по сооружению завода взрывчатых веществ в Москве в кратчайший срок, причем Эйхман, несмотря на его немецкое происхождение (он был из Приволжских немцев), проявил такое рвение, какое не всегда встречалось у русских работников. Обвинение Эйхмана в получении 500 рублей от Беркова уничтожалось тем фактом, что Эйхман был в полной уверенности, что он получает эти деньги от правления треста за полезное усовершенствование, предложенное им для более экономической фабрикации одного полупродукта для изготовления красок. Прокурор суда, выслушав мое показание об Эйхмане, отказался от обвинения, и суд признал его вполне реабилитированным.

Н. А. Козлова я знал менее других обвиняемых, но с самого начала революции я был привлечен им в Технический Комитет на ряду с другими профессорами для обсуждения различных технических вопросов. Козлов был приглашен в Главхим покойным Карповым возглавлять Глав-Краску, — не знаю по чьей рекомендации (быть может, как приват-доцент Московского Университета и как ученик Н. Д. Зелинского). С самого первого моего знакомства с Н. А., я видел в нем несомненно способного человека, обладающего способностью показать в высших сферах товар лицом, хотя бы этот товар был и среднего достоинства; но с точки зрения его познаний

в химии, а в особенности в приготовлении красок, он был очень мало опытным химиком, которому надо было бы сидеть еще долгое время в лаборатории на заводе, — ранее, чем стать во главе такого трудного дела, как создание в СССР красильной промышленности. Если бы только от меня зависело это назначение, то я бы никогда не выбрал его в председатели Анилтреста. Было с несомненностью установлено, что Козлов взял деньги от Беркова, но он утверждал, что он брал их заимообразно, с определенным намерением их возвратить. В своих свидетельских показаниях я постарался доказать, что Козлов положил много труда на создание Анилтреста и с'умел, несмотря на громадные затруднения, все-таки наладить производство некоторых полупродуктов и красок.

Так как главным подсудимым был Берков, то более всего мне пришлось говорить о нем. Я сказал, что знал Беркова еще во время войны, когда он вместе с членом Государственного Совета Стишинским и известным адвокатом и юрис-консультом немецкой фирмы Байер и Ко., Голдовским, являлись ко мне, в Комитет, по поводу использования химического завода Байер в Москве для нужд химической обороны. Он тогда еще произвел на меня впечатление очень делового коммерческого человека и имевшего авторитет в делах компании. Во время революции мне приходилось часто иметь с ним дело, большею частью в присутствии Козлова и должен заявить, что его работа для Анилтреста заслуживала с моей стороны большого одобрения. Я никогда не мог предполагать, что он позволит себе взять взятку и, конечно, с этой точки зрения его поступок должен быть наказуем. Но принимая во внимание ту пользу, которую он принес для развития молодой отрасли нашей промышленности, я полагал, что это обстоятельство должно смягчить меру наказания. Под конец председатель суда задал мне очень хитрый вопрос:

— Вы знаете теперь поступок Беркова, характеризуете его нам как делового человека, были ли Вы в состоянии взять его к себе на работу, если бы он был бы оправдан?

На это я дал следующий ответ:

— Мне пришлось иметь дело во время войны с самыми

разнообразными людьми, привлеченными к делу снабжения нашей армии боевыми припасами, и я с'умел так поставить дело, что никто не смел подумать о каких-либо взятках, а если были единичные незначительные попытки покривить душой, то были немедленно изгоняемы с работы. И я уверен, что если бы Берков был в моем распоряжении, то он никогда бы не посмел решиться на такой поступок. И если бы мне надо было найти делового коммерческого работника для неустанной и напряженной работы, то я бы его взял, несмотря на то, что сегодня он обвиняется в таком неблаговидном поступке; я бы его держал, как говорят, в таких «ежовых рукавицах», что он не посмел бы и думать о подобных деяниях, а всю свою энергию употребил бы на то, чтобы выполнить возлагаемую на него работу.

Г. Г. Годжелло дал свои свидетельские показания в пользу обвиняемых и обрисовал их очень полезную деятельность для Анилтреста. С цифрами в руках он показал, при каких трудных обстоятельствах им приходилось создавать Анилтрест и строить новые заводы для изготовления красок. Мои и Годжелло показания спасли Козлова и Беркова. Вместо смертной казни, которая полагалась за подобное преступление, они получили очень мягкие наказания. Козлов смог вскоре возвратиться к своей химической деятельности и был послан на Лисичанский завод для постановки там производства нафтола, а Берков был посажен в тюрьму на 5 лет. Он был выпущен на свободу, насколько помнится, ранее срока.

Он сказал мне, что никогда в жизни не забудет моего показания, которое безусловно спасло его жизнь. Интересно здесь отметить, что защитником по этому делу выступал мой хороший знакомый, П. Н. Малянтович, известный московский адвокат, который был одно время министром юстиции в правительстве Керенского. Он был очень рад встрече, и мы использовали один из перерывов для откровенных разговоров. П. Н. не боялся ругать большевиков с различных точек зрения, но особенно досталось им за их деяния по разрушению наших превосходных судов, беспристрастность и неподкупность, которых признавалось всем миром.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СОЗДАНИЕ «ДОБРОХИМА»

С осени 1923 года работа вновь организованного Химического Комитета при Главном Артиллерийском Управлении вполне наладилась, и лаборатории Высших Учебных Заведений в Москве и в Петрограде уже дали ценные результаты, как по ядовитым газам, так и по противогазам. Во время моих ежемесячных приездов в Петроград в Химической Лаборатории Академии Наук были устраиваемы заседания, на которых докладывались полученные результаты.

В первую очередь было обращено внимание на выработку хорошего противогаза. Во главе этого дела был поставлен профессор В. Хлопин и молодой инженер Н. Прокофьев, который работал у меня в Химическом Комитете во время войны и обратил на себя внимание своей изобретательностью. Наша армия не имела хорошего противогаза, и на складах имелись старые военные противогазы, которые далеко не удовлетворяли условиям, пред'являемым к хорошему защитному противогазу. Главное затруднение заключалось в том, что не было найдено вещество, которое, будучи положено в противогаз, было бы способно задержать дым, образующийся от распыления ядовитого газа. В иностранных противогазах для этой цели употреблялись особые сорта ваты, целлюлозы и т. п., но опыты показывали нам, что они были способны пропускать некоторые дыма. Самым трудным для поглощения является обычный табачный дым. Меня очень заинтересовал этот вопрос, и я стал обдумывать, какие еще вещества можно было бы применить для этой цели. Необходимо при этом заметить, что вещество, вложенное в противогаз, не должно затруднять дыхание и, следовательно, должно только не на много увеличивать сопротивление проходящему через противогаз воздуху.

После некоторых поисков мне удалось найти такое вещество, которое я не могу назвать здесь, так как это является военной тайной. Опыты, сделанные немедленно же Прокофье-

вым, подтвердили замечательную поглотительную способность этого вещества; даже табачный дым не был в состоянии проходить через небольшой слой этого вещества. После этих удачных опытов Прокофьев стал изобретать новый противогаз, который для задержания ядовитых дымов должен был заключать и это новое вещество, которое было окрещено моими сотрудниками «Ипатит». Исключительно с исторической точки зрения я сделал об этом изобретении заявку во вновь организованное Л. К. Мартенсом Патентное Бюро. Но так как это изобретение представляло военную тайну, то оно было тотчас же засекречено и передано мною в безвозмездное пользование Рев.-Воен. Совету. Е. И. Шпитальский, мой большой друг, очень заинтересовался этим изобретением, когда я делал доклад о нем в Химическом Комитете, и стал придумывать наивыгоднейший способ его приготовления. Это ему удалось, и в скором времени он тоже подал заявку на способ его приготовления. Так как в своем патенте он упоминал о моем изобретении, то его патент также представлял из себя военную тайну и потому должен был быть засекречен. Но Патентное Бюро по недосмотру поместило его в список общих патентов, и потому он мог быть опубликован. По счастью, я, будучи членом комиссии при Рев.-Воен. Совете по засекречиванию патентов, касающихся военных изобретений, заметил заявку Шпитальского в списке общих патентов и немедленно принял меры для перевода его в список секретных патентов. Хорошо, что так случилось, — иначе и мне пришлось бы головой ответить за эту оплошность других лиц.

В то время в СССР произвела большое впечатление книга американского полковника Фриса относительно газовой войны. В ней были описаны свойства всех удушающих газов, которые употреблялись в последней мировой войне и которые готовились в Эджвудском арсенале в Америке. Большое внимание было посвящено льюизиту, которое автор книги назвал «росой смерти». Это вещество, представляющее из себя хлорвинил (производное хлористого мышьяка), было открыто еще в 1904 году, химиком Ньюландом. Во время войны, когда начали

применять ядовитые газы, то стали тщательно искать в литературе, какие органические вещества отличаются наибольшею ядовитостью. Таким путем были найдены: горчичный газ (иприт), открытый французским химиком Гутри и известным немецким химиком Виктором Майером, а также арсин хлорвинил и др. Американцы обратили особое внимание на последнее вещество и так как W. Lee Lewis принимал большое участие в разработке способа получения этого вещества в большом масштабе, то его назвали в честь этого ученого, льюизитом.

Химический Комитет распределил задачи по выработке методов получения удушающих веществ таким образом. Лаборатория органической химии, возглавляемая А. Е. Фаворским, получила задачу изучения льюизита; Е. И. Шпитальский получил задачу разработки иприта и фосгена и приступил к опытам в специально оборудованной лаборатории, которая помещалась на бывшем заводе бр. Шустовых в Москве. Другие лаборатории в Москве и Петрограде получили задачи по изготовлению других химических продуктов, необходимых для газовой войны. В Москве основалась особая школа для подготовки военных газовых химиков; начальником ее был назначен очень деловой человек, Я. Авиновицкий. В Москве была образована особая комиссия по противогазам, в которую вошли все лучшие работники по этой специальности, которые работали во время войны. Во главе этой комиссии стал профессор Шатерников, который работал по противогазам также и во время войны. Что касается испытания удушающих средств на животных, то для этого была организована особая комиссия под председательством профессора А. И. Лихачева. В женском Медицинском Университете была оборудована особая физиологическая лаборатория, снабжаемая собаками, кошками и др. животными для исследования действия наших различных ядовитых газов при различном их содержании в воздухе.

Военный комиссар Л. Д. Троцкий, возглавлявший в то время Реввоенсовет, пожелал узнать, в каком положении находится дело снабжения армии противогазами и ядовитыми веществами. С этой целью он устроил особое заседание Рев.-

Воен. Совета, где мне было поручено сделать доклад об этом вопросе, а также сообщить, какие сведения имеются у нас относительно положения этих вопросов заграницей. На это заседание были приглашены члены Президиума ВСНХ, члены моего Химического Комитета и Артиллерийского Комитета и другие профессора, которые были привлечены мною для разработки указанных вопросов. На собрании присутствовало около 40—50 человек, и мне было предоставлено неограниченное время.

Я подробно рассказал, в каком состоянии находится разработка этого дела у нас в Химическом Комитете, упомянув при этом, что мы получаем ничтожные суммы, и указал, что при таком положении едва ли можно ожидать быстрого разрешения многих очень важных проблем. Я нарисовал дальнейшую программу деятельности комитета и указал на необходимость немедленного создания хорошо оборудованного химического полигона, где можно было бы производить в большом масштабе опыты стрельбы снарядами, начиненными ядовитыми веществами. Собрание с громадным вниманием выслушало мой доклад, после чего мне был задан целый ряд вопросов о положении этого дела заграницей. Председатель противогазовой комиссии, проф. Шатерников, сделал дополнение, подтвердив, что снабжение нашей армии противогазами является первостепенной задачей и всякое промедление в выработке нового противогаза является совершенно недопустимым. Начальник Гл. Арт. Управления указал, что год тому назад они выдвинули этот вопрос и просили меня, хотя и не состоящего на службе в Главном Арт. Управлении, взять на себя разработку этого важного для армии дела. Что касается химического полигона, то уже принимаются меры для приведения в порядок бывших во время войны помещений для снаряжения снарядов, а также создания надлежащего химического полигона.

Это заседание Рев.-Воен. Совета имело большое значение для дальнейшего развития газового и противогазового дела, и оно двинулось бы гораздо быстрее в своем развитии, если бы Троцкий оставался бы на посту председателя РВС. Но за свою

политическую пропаганду он попал у партии большевиков в немилость, должен был дипломатически захворать и уехать на время лечиться на Кавказ в Абхазию. Тогда говорили: «Троцкий очень болен, у него совсем белый язык». Заместителем Троцкого был назначен М. В. Фрунзе, которому было очень трудно войти во все дела Военного Комиссариата и потому дальнейшее развитие нашего дела пошло медленным темпом.

Моя речь в Рев.-Воен. Совете была стенографирована, а потом напечатана во многих экземплярах, но выдавалась на руки только очень ограниченному числу лиц, как секретный доклад.

В самом начале 1924 года, видя, что развитие химической промышленности подвигается крайне медленно, я решил предпринять особые шаги, чтобы обратить внимание правительства на особое значение химии, — как в мирное, так и в военное время. Я подал обстоятельную докладную записку председателю ВСНХ (тогда им был Рыков) о необходимости общественной организации, которая оказала бы помощь развитию химической промышленности, — главным образом, усилением преподавания химии в учебных заведениях и расширением исследовательских работ в высших учебных заведениях. С другой стороны, эта организация должна была указывать правительству о самых насущных вопросах в химической промышленности, которые должны были бы разрешены в кратчайший срок в виду важности их для обороны страны. Я предложил назвать эту организацию «Доброхимом». Моя докладная записка была рассмотрена в ВСНХ и Совнаркоме и одобрена для выполнения, причем этой организации было разрешено брать со своих членов особые взносы, а также выработать особый значек для лиц, которые примут участие в работе Доброхима.

21 января 1924 года скончался В. И. Ленин, на 54 году жизни и хотя неизбежность этой смерти уже давно знали, тем не менее она произвела громадное впечатление на все слои общества СССР. На несколько дней жизнь в Москве совершенно замерла и все разговоры и мысли сосредоточивались

на этом событии. Ленин последнее время жил безвыездно в с. Горках, в подмосковском имении, и там он умер от паралича сердца. Повидимому, он сознавал окружающую обстановку и кое-что понимал, когда ему говорили о некоторых событиях, но не мог словами выражать свои мысли. Немедленно после смерти тело было набальзамировано. Эту операцию произвел профессор Харьковского Университета Воробьев; ему помогал Збарский, помощник директора Карповского Химического Института.

Тело Ленина было перевезено из Горок в Москву и выставлено в колонном зале Дома Советов. В течении 3-х дней и ночей все учреждения и частные лица приходили поклониться праху Ленина и возложить венки. Каждой делегации было назначено день и время, и я вместе с двумя членами коллегии НТО, в точно указанное нам время, возложил венок на гроб. Хотя все организации не могли задерживаться у гроба, а только медленно проходить, тем не менее нам в виду возложения венка удалось несколько долее остаться у гроба и рассмотреть черты лица усопшего Ленина. На мое впечатление он был очень похож на живого, только рыжеватый цвет его волос стал более светлым. Частные люди проходили через зал Советов после 8 часов вечера в продолжении всей ночи, причем им приходилось выстаивать по нескольку часов на улице при сильном морозе; так велики были колонны желающих видеть прах Ленина. Похороны были обставлены с особой торжественностью и не только вся Москва, но и масса иногородних делегаций приняли участие в шествии за гробом. Вся Москва была украшена траурными флагами, которые были составлены из двух полос черной и красной, а все участвовавшие в похоронной процесси имели на руке довольно широкую повязку из этих же двух цветов. Интересно отметить, что эти цвета были установлены в России со времени Екатерины для ленты, на которой носился орден св. Владимира, имевший большое значение среди царских орденов, так как орден Владимира 3-ей степени давал право на получение потомственного дворянства. Тело Ленина было похоронено в Москве, на Красной площади,

и до самой ночи проходили процессии мимо свежей могилы. Похоронами распоряжался Ф. Дзержинский, и надо отдать справедливость, что в Москве был полный порядок во все время похорон Ленина.

Ближайшего сотрудника Ленина по революции и по борьбе с белогвардейскими выступлениями, Л. Д. Троцкого не было на похоронах, так как он был в почетной ссылке на Кавказе за свои оппозиционные выступления. Но, конечно, он прислал очень сердечную телеграмму с соболезнованием о преждевременной кончине Ленина. В Москве тогда ходил анекдот, что Троцкий выразился так: «Ленин, ты мертв, но жив, а я жив, но мертв».

После похорон Ленина произошли перемены в ВСНХ, и Рыков должен был оставить место председателя Президиума ВСНХ, так как был назначен председателем Совнаркома. На его место председателем ВСНХ был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский. П. А. Богданов совсем оставил ВСНХ; он был назначен начальником Юго-Восточной области и переехал в Ростов-на-Дону на жительство. Управление делами ВСНХ перешло в руки чекистов, лиц приближенных к Дзержинскому (последний оставался также начальником ГПУ). Первым заместителем председателя ВСНХ был назначен Пятаков, который собственно и вел все дело по промышленности. Новым членом коллегии ВСНХ был назначен Межлаук, которого очень ценил Дзержинский. Первое заседание нового Президиума произвело на меня хорошее впечатление по своей деловитости. Дзержинский оказался хорошим председателем, умел ставить вопросы и требовал определенного ответа. Между прочим, он указал, что в Президиуме находится академик Ипатьев, опытность которого в химической промышленности всем нам хорошо известна, и что потому необходимо во всех случаях обращаться к нему за советами; мы должны ценить его присутствие в Президиуме и по возможности использовать его знания. Мне было очень приятно, что глава ГПУ с таким доверием относился к моей деятельности.

Советская жизнь, построенная на новых началах НЭП-а

и давшая немного вздохнуть всем слоям общества, после смерти Ленина стала подвергаться некоторым пертурбациям. Было об'явлено, что крупная торговля должна перейти в государственные руки и что в руках частных торговцев может быть сохранена только мелочная торговля. Немедленно после выхода этого декрета в одной только Москве было арестовано около тысячи более крупных торговцев, которые были сосланы в отдаленные места СССР, а их предприятия были конфискованы. В городах появились особые государственные лавки под названием «Коммунаров», торговавшие, как с'естными припасами, так и платьем, бельем и т. п. Если во время короткого существования крупной частной торговли обыватель мог достать в лавках все, что ему было необходимо, то с переходом торговли в государственные, совершенно неопытные руки, получение необходимых продуктов сильно ухудшилось, а цены на товары сразу же сильно поднялись. По мере того, как государственная торговля все более и более расширялась, захватывая и мелочную продажу, дело снабжения населения товарами широкого потребления неуклонно ухудшалось, и ко времени моего от'езда в 1930 году ухудшение дошло до крайних пределов: достать с'естные продукты или купить нитки, иголку и т. п. стало делом исключительно трудным.

В начале весны 1924 года по постановлению Политбюро, Троцкому было разрешено вернуться из ссылки с Кавказа и вступить в исполнение обязанности председателя Реввоенсовета. Но партия не питала полного доверия к этому сановнику. Помощником к нему был назначен Михаил Васильевич Фрунзе, и кроме того, членом Реввоенсовета был назначен И. С. Уншлихт, один из ближайших помощников Дзержинского по ГПУ. В таком окружении власть Троцкого, привыкшего ранее быть диктатором в военном ведомстве, сильно сокращалась, а, быть может, даже сводилась почти к нулю. Но скоро для Троцкого нашлось одно дело, которое на некоторое время могло немного реабилитировать попорченную репутацию революционного героя, не раз спасавшего революцию от гибели. Троцкий из газет ознакомился с моей идеей создания

«Добрсхима» и приехавши в Москву написал в газетах несколько интересных статей, доказывавших необходимость создания в кратчайший срок такого общественного органа, в деятельности которого должны принять участие все классы общества. Благсдаря выступлению Троцкого, советское правительство решилось принять меры к скорейшему открытию «Доброхима». Было приказано устроить публичное заседание в Большом Театре для об'яснения целей Общества и избрания организационного комитета.

После такого решения правительства, я был вызван в Реввоенсовет к Уншлихту, который заявил мне, что в ближайшее время я должен буду выступить с речью относительно необходимости развития химии в стране и указать на связь мирной химической промышленности с задачами обороны государства. Он мне сказал, что первая речь будет произнесена Л. Д. Троцким более на политическую тему. Я заявил Уншлихту, что мне важно знать более подробно содержание речи Троцкого, чтобы избежать повторений. Уншлихт мне на это ответил, что я должен дать копию своей речи Троцкому и ему для просмотра и что если будут какие-либо замечания, то об этом мне будет сообщено; он прибавил, что было бы хорошо, если бы я лично поговорил с Троцким на эту тему — и предложил мне устроить это свидание теперь же. Я, конечно, согласился. Тогда Уншлихт соединился по телефону с Л. Д. и получил ответ, что Троцкий ожидает меня в своем кабинете. Он принял меня очень любезно и сказал мне, что я совсем не меняюсь и выгляжу так же, как 7 лет тому назад, когда он впервые меня видел у него в вагоне, на совещании об организации Военного Управления снабжения армии всеми видами довольствия. Я просидел у него добрых полчаса. Он рассказывал о своем житье в Абхазии, об ее слабой культуре и о пользе для его здоровья пребывания в этой живописной стране с чудесным климатом. Он выглядел очень хорошо и был в веселом настроении духа. Мы сговорились о темах наших речей на публичном заседании, посвященном задачам «Доброхима», необходимость которого он всецело поддерживал. Мы расста-

лись после этой беседы в самом хорошем настроении относительно пользы предпринимаемого нами дела.

В назначенное время я послал две копии проекта моей речи Уншлихту и Троцкому под заглавием «Задачи Доброхима». Никаких возражений я не получил ни от Троцкого, ни от Уншлихта. Хотя переговоры о «Доброхиме» происходили в начале апреля, но устроить заседание в Большом Театре мы могли только 19-го мая. Программа заседания была намечена следующая: открывает заседание Уншлихт, который в кратких словах должен указать, почему необходима подобная общественная организация; затем должны были выступить Троцкий и я. Мне предстояла нелегкая задача говорить перед большой аудиторией после такого оратора, каким являлся Троцкий, который, к тому же, был революционным героем, любимым громадным большинством пролетариата и красноармейцами. Организация этого заседания была поручена ГПУ, так как почти все правительство присутствовало на собрании. Этот митинг оказался очень популярным, так как громадное количество народа желало его посетить и не все желающие могли получить билеты.

Вечером 19-го мая Большой Театр был переполнен до отказа, — мне говорили, что собралось около 4,000 человек. На сцене за длинным столом сидели члены правительства и Реввоенсовета; туда же был приглашен и я. Заседание началось речью Уншлихта, но на сцене Троцкого не было, хотя было известно, что он приехал в театр. Когда Уншлихт окончил свою короткую речь, он заявил, что слово принадлежит т. Троцкому. Только после этого на сцену вошел Троцкий, которому аудитория устроила грандиозную овацию: весь театр встал, и несмолкаемые аплодисменты продолжались довольно долгое время. Я могу привести некоторые места из его речи, которая имела, главным образом, политическое значение и предназначалась не столько для СССР, сколько для заграницы.

— Мы хотели мира, — говорил Троцкий, — мы защитники пролетариата всех стран, который больше, чем другие классы

общества, страдает от войны, и потому мы должны делать все, что может избавить пролетариат от кровавых войн, которые на руку только империалистам. Но чтобы предотвратить войну, надо быть сильным и вооруженным до зубов, так как только это внушит страх империалистам и капиталистам. У нас нет желания захватывать чужие территории при помощи войн, но мы не можем допустить, чтобы наши враги отняли наши области, где воцарилась советская власть и где пролетариату живется несравненно лучше и свободнее, чем в капиталистических странах. Но чтобы отразить нападение вражеских сил, мы должны быть вооружены всеми последними средствами обороны, которые выдвигает современная военная техника. Применение ядовитых газов, которое нашло себе применение в последней войне в 1915—1918 годах, заставляет и нас обратить внимание на необходимость иметь в запасе и этот род борьбы для защиты нашей страны от нападения наших врагов. Мы должны иметь это средство исключительно для обороны, а не для нападения, ибо мы проклинаем войну.

Далее Троцкий приводил выдержки из недавно появившейся в Польше брошюры, в которой указывалось, что СССР сильно готовится к войне и что Польше угрожает опасность подвергнуться нападению со стороны России; в брошюре говорилось, что знаменитый химик Ипатьев поставлен большевиками во главе особого Химического Комитета, которому поручено в кратчайший срок наладить в большом масштабе производство различных удушающих газов и выработать наилучший противогаз, как для войск, так и мирного населения в городах, подвергнутых газовой атаке. Кроме того, русские и немцы после Раппальского договора решили совместно работать для снабжения обоих армий наилучшим вооружением, и так как по Версальскому договору Германия не может строить военные заводы, то все заказы для германской армии будут выполняться на специально построенных в СССР военных заводах. Часть таких заводов уже построена на Урале, и дальнейшее строительство продолжается. Троцкий заявил, что все это выдумка польских политиков, которые хотят дискредити-

ровать советское правительство в глазах других наций. «Одно верно в этой брошюре: знаменитый химик Ипатьев действительно, с нами». При этих словах Троцкого весь театр единодушно апплодировал. Нечего и говорить, что Троцкий блестяще раз'яснил необходимость такой организации, как «Доброхим». Речь Троцкого была покрыта продолжительными рукоплесканиями.

Мое выступление было встречено апплодисментами, что меня сильно подбодрило для произнесения речи в таких непривычных для меня условиях. Я говорил, а не читал по рукописи и скоро овладел собою и под конец совершенно не волновался и с большим под'емом призывал всех, кому дорога наша страна, оказать моральную и материальную поддержку в деле развития химии и химической промышленности. В своей речи я, между прочим, высказал ту мысль, что войны являются побудителями в развитии мирной промышленности. Так, например, развитие стальной промышленности в значительной степени зависело от тех требований, которые военная техника ставила необходимым качеством стали, которая должна была идти на изготовление дальнобойных орудий, долженствующих выдерживать большое давление. Я напомнил, что изобретения русского инженера и профессора Артиллерийской Академии Д. К. Чернова на Обуховском Сталелитейном заводе по изготовлению высоких сортов стали для орудий сделали переворот во всей стальной промышленности, как военной, так и мирной. Последняя война, с другой стороны, выдвинула новое оружие: ядовитые газы. Вследствие этого возникла новая отрасль военной техники, — химия удушающих, слезоточивых газов, дымовых завес и т. п., что, конечно, заставляет делать новые изыскания в соответствующих отделах химии. Я также получил дружные одобрения моей речи, после чего несколько слов сказал Уншлихт, который перечислил имена лиц, включенных в Организационный Комитет «Доброхима». Заключительное слово было предоставлено Троцкому, который вполне согласился с моей мыслью, что требования военной техники влияют на развитие науки, но, конечно, об этом надо сожалеть, так

как все это делает войны очень жестокими и в борьбе приходится принимать участие не только армии, но и всему народу.

В скором времени Троцкий, как председатель Организационного Комитета, собрал совещание для выборов делового президиума и для организации отделов. Партийные товарищи на особом совещании выработали список лиц, которые должны были войти в Президиум, и предложили его на утверждение Организационного Комитета. Моя марка стояла тогда очень высоко: коммунисты выбрали меня заместителем Троцкого, который был выбран председателем Президиума; другим его заместителем был выбран Фрунзе. Насколько я помню, в Президиум, кроме указанных лиц, вошли Уншлихт, Пятаков, председатель Торгово-Промышленного Банка Ксандров и др. На этом же заседании в общих чертах были намечены и отделы «Доброхима». Последующие заседания под председательством Троцкого наметили главные вопросы, которые должны быть проработаны в отделах и преведены в жизнь. Один из таких вопросов, имеющих очень большое значение для развития химических знаний, заключался в обеспечении высших учебных заведений необходимыми средствами для правильной постановки практических и исследовательских работ в химических лабораториях.

Как только Организационным Комитетом был разрешен сбор денег для «Доброхима» в виде членских взносов, пожертвований трестов и частных лиц, а также устройство лекций, концертов и пр., то из разных высших учебных заведений стали поступать просьбы о денежной помощи для нужд химических лабораторий, которые после войны находились в очень печальном состоянии, так как комиссариат народного просвещения отпускал на содержание лабораторий ничтожные средства и совершенно отказывал в отпуске иностранной валюты для покупки химических реактивов и приборов, которых было невозможно достать в СССР. Первым обратился ко мне Ленинградский Университет, который прислал в «Доброхим» особую делегацию, состоявшую из проф. А. Е. Фаворского, одного преподавателя и одного студента. Они обрисовали мне то

ужасное положение, в котором находилась химическая лаборатория Университета и просили меня, чтобы я устроил им аудиенцию с Троцким. Я созвонился с Лев Давидовичем, и вместе с делегацией явились к нему в Реввоенсовет. Троцкий был поражен той картиной, которая была нарисована делегацией, и очень любезно обещал с своей стороны сделать все возможное для того, чтобы помочь славной лаборатории, где были произведены классические работы Менделеева, Бутлерова и их учеников, возвеличивших значение работ русских химиков во всем мире. Он обещал также поговорить где надо о незамедлительном отпуске денег из сумм комиссариата. Насколько я помню, и «Доброхим», и Троцкий выполнили свои обещания и оказали посильную помощь.

Организационный Комитет утвердил членский взнос в размере 50 копеек, и утвердил специальный значек для членов «Доброхима». С фабрикацией значка произошла неприятная история. Приближенные к Уншлихту лица рекомендовали одно лицо, которое взяло на себя доставку за установленную плату, значков известного образца. Не узнав толком, что это за человек (насколько помню, он был партийным или сильно им сочувствующим), ему было дано право на фабрикацию и продажу значка. Через несколько месяцев обнаружилось, что это лицо больше заботилось о хорошей наживе и за произведенные им злоупотребления было отдано под суд.

Деятельность отделов «Доброхима» заставляла желать много лучшего. Первые заседания отделов посещались удовлетворительно, но затем многие, видя бюрократизм, воцарившийся в правлении «Доброхима», потеряли охоту отдавать свое время на бесполезные разговоры, из которых ничего не выходит. Чтобы собрать финансовый отдел «Доброхима», где председателем был Ксандров, мне приходилось по несколько раз звонить к нему. Проходили недели, пока мне удавалось собрать отдел, — а без него нельзя было расходовать ни одной копейки денег.

Осенью 1924 года Троцкий не всегда мог присутствовать на заседаниях Организационного Комитета, и председатель-

ствовать приходилось или Фрунзе, или, большею частью, мне. Собрания происходили в здании Реввоенсовета (бывшее Александровское Военное Училище) и делались все реже и реже, так как члены Реввоенсовета не проявляли особого интереса.

Осенью 1924 года было решено создать отдел «Доброхима», — «Москвохим»; командующий войсками Московского района Ворошилов вызвал меня к себе для обсуждения этого вопроса и предложил мне выступить на организационном собрании Московского «Доброхима», которое было решено устроить в Экспериментальном театре; кроме меня, должны были выступить и другие лица. Я указал, что желательно было бы выступление профессора Московского Университета Е. И. Шпитальского, как хорошего оратора и как принимающего большое участие в изготовлении ядовитых газов. В назначенный день (конец октября) состоялось многочисленное собрание лиц, пожелавших принять участие в организации «Москвохима». Театр был переполнен. В Президиуме, под председательством Уншлихта, были морской комиссар Зоф, Буденный, Ворошилов, я и другие. После краткой речи Уншлихта, раз’яснивший цель этой организации, я произнес речь на тему: «Химическая Промышленность — база химической обороны». Так как громадное число слушателей были студенты Высших Учебных Заведений, то я в своей речи обрисовал условия учебы студентов до войны 1914 года. Я указал им, что громадное число студентов уроками и различными способами должны были зарабатывать деньги для своей жизни и потому не были оранжерейными растениями, находящимися на попечении своих родителей. Они с большим энтузиазмом вели научные химические исследования для получения степени кандидата Университета и в то же время работали на стороне, чтобы добыть средства для своего существования. Мои речи, — «Задачи Доброхима» и о «Химической Промышленности, — были напечатаны в двух изданиях по десять тысяч экземпляров и были все распроданы. Замечательно красивую речь сказал Шпитальский; аудитория слушала его с особым вниманием и и с громадным удовольствием принимала его остроумные срав-

нения. Но одна из его фраз, в сущности совершенно невинная, была поставлена ему на вид, когда он был арестован в 1928 году: он показал аудитории маленький пузырек, наполненный водой, и сказал, что если бы жидкость, наполняющая этот пузырек, была бы тем ядовитым газом, который употребляется ныне в газовой войне, то разбрызгивая такую жидкость, мы получили бы такую концентрацию ее паров в этом театре, которая была бы достаточной, чтобы отравить всех здесь присутствующих. Деятельность Москвохима не отличалась также какими либо существенными результатами; мне приходилось иногда посещать заседания Президиума, куда я был выбран в качестве его члена, но я видел, что большой пользы это учреждение не принесет.

Доброхим просуществовал около года, и на верхах было решено слить его с другой общественной организацией, заботившейся о развитии авиации. Новая организация получила название Авиохим. Я был выбран членом ее Президиума и должен был написать большую статью «Химия, химическая промышленность, Авиохим» (1925), но мое участие ограничилось сравнительно редким посещением заседаний Президиума, а также участием в некоторых комиссиях, — например, по присуждению химических премий за лучшие экспериментальные работы по военной химии и пр. Позднее я уже не был переизбран в Президиум и только в день празднования 35-летнеего юбилея моей научной деятельности (в 1927 г.) Союз «Осовиохима» СССР наградил меня званием «активиста Осовиохима» и преподнес мне очень красивый значек, присвоенный этому учреждению. Эта награда мотивировалась тем, что я был одним из организаторов «Доброхима» и принимал участие в общественных организациях и способствовал привлечению внимания рабоче-крестьянского населения к вопросам химической обороны и промышленности Союза ССР.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОБЫЧИ АММИАКА ИЗ ВОЗДУХА

Жизнь моя протекала на половину в Ленинграде, на половину в Москве. Я должен заметить, что вскоре после смерти Ленина, по предложению Зиновьева, Петроград был переименован в Ленинград. Говорят, что позднее приготовляя издание сочинений Ленина, в них нашли одно замечание, показывающее, как отнесся бы сам Ленин к такому переименованию: «люди — писал он, — предлагающие дать Петрограду другое название, несомненно, идиоты». Эти слова большевики из сочинения Ленина из'яли, — но «Ленинград» оставили...

Среди химических вопросов, которые меня волновали более всего, был вопрос о производстве связанного азота: аммиака, цианамида. Подготовка к разрешению этой проблемы была начата мною еще во время войны, и с этой целью при Химическом Комитете была образована специальная комиссия под председательством Дмитрия Петровича Коновалова, куда были приглашены наиболее выдающиеся электротехники и энергетики, как проф. Мицкевич, проф. Ломшаков и др. После войны по моей же инициативе при Главхиме ВСНХ была создана под моим председательством «Комиссия связанного азота», куда входили следующие лица: я, как председатель, проф. Фокин, проф. Мицкевич, Андреев, Деханов, Вуколов. Комиссия собирала все литературные материалы и имела в виду поставить опыты по производству синтеза аммиака и цианамида. Я помню мой разговор по этому вопросу с Иваном Ник. Смирновым (расстрелян в 1936 году), который в то время был назначен начальником Главного Военно-Технического Управления, состоящего в ведении ВСНХ. Я об'яснил ему, какое громадное значение имеет установка у нас производства аммиака из азота и водорода для целей обороны и для сельского хозяйства, и настаивал на необходимость принять все меры, чтобы в самом ближайшем времени была приобретена хотя бы небольшая установка для синтеза аммиака. «Я только тогда

спокойно умру, — прибавил я, — когда осуществится у нас проблема связанного азота».

«Какой Вы, Владимир Николаевич, большой патриот», — отозвался Смирнов.

Мой голос не остался гласом вопиющим в пустыне, и в ВСНХ, а, главным образом, в Госплане и Химическом Отделе, по инициативе заведующего отделом, Василия Петровича Камзолкина, была образована комиссия по выработке плана производства азотистых соединений, как для военных, так и для мирных целей. Я принял живое участие в этой комиссии, и, пользуясь ее материалами, решил поднять в Президиуме ВСНХ этот вопрос, осветив его с различных точек зрения. С этой целью я подал особую докладную секретную записку Дзержинскому с просьбой рассмотреть ее в закрытом заседании Президиума. В своей записке я обратил внимание на совершенную нецелесообразность уничтожения Главного Химического Управления, произведенного 2 года тому назад: химическая промышленность осталась без надзора и не только не развивается, но даже ее восстановление не совершается так, как это следовало бы ожидать. Развитие химической промышленности связанного азота сейчас является краеугольным камнем всей обороны страны, и здесь всякое промедление в высокой степени опасно и преступно. В случае войны мы останемся без самого необходимого сырья для приготовления взрывчатых веществ и пороха, так как несомненно будем отрезаны от Чили, поставщика селитры. В заключение я предлагал сейчас же учредить в ВСНХ Главный Химический Комитет, сосредоточить в нем все вопросы химической промышленности и дать ему задание в краткий срок, представить в Президиум соображения о постройке у нас заводов связанного азота. Я помню, что мне пришлось напомнить Дзержинскому о поданной мною ему докладной записки и просить его поскорее внести ее на рассмотрение Президиума. После этого напоминания моя записка была рассмотрена в секретном заседании Президиума. Президиум единогласно постановил привести немедленно в исполнение все выдвинутые мною вопросы, а некоторые члены

предложили даже сейчас-же назначить меня председателем этого Химического Комитета. Это предложение я категорически отклонил и заявил, что раз химическими делами ведал член Президиума Юлин, то следует ему же поручить организацию Химического Комитета. Я же с своей стороны, конечно, охотно буду консультировать по всем химическим вопросам.

После этого исторического заседания, хотя приказ о формировании Химического Комитета еще не был отдан, Юлин приступил к выполнению тех задач, которые должны были быть в ведении этого высшего химического органа. Понятно, что главным вопросом в химической промышленности являлось установление у нас синтеза аммиака из азота воздуха и водорода, и производства цианамида кальция. При обсуждении этих вопросов выяснилось, что для правильного решения вопроса необходимо ознакомиться с различными установками синтеза аммиака заграницей и потом выбрать ту, которая могла бы быть построена в кратчайший срок и, конечно, являлась бы наиболее рациональной. Для этого обследования было решено послать меня заграницу. Эта задача совпала с другим не менее важным делом, касавшимся тоже обороны страны, а именно с выяснением вопроса о методах изготовления ядовитых газов, которые должны были быть установлены на наших заводах согласно контракту, заключенному между нашими и германскими правительствами. Доктор Штольценберг, как сказано было выше, являясь поставщиком германского правительства, должен был дать полный отчет о произведенных опытах и показать пробные установки. Для выполнения этой важной задачи была командирована особая секретная комиссия под председательством члена Коллегии Внешторга Владимира Захаровича Турова, Д. С. Гальперина, секретаря нашей комиссии Гуревича и меня; три члена комиссии были партийцы и только я был беспартийным. Таким образом в эту командировку на меня возлагались две важные задачи; вопрос о связанном азоте и изготовление ядовитых газов.

8-го мая наша комиссия выехала из Москвы; в столицу Германии мы прибыли как раз накануне избрания Гинденбурга

президентом германской республики; злые языки тогда говорили, что он был избран голосами домашних хозяек. В 1925 году Берлин выглядел совершенно иначе, чем за два года перед тем: порядок, чистота, публика была хорошо одета, не наблюдалось никакого недостатка в продовольствии. В это время немцы дали нам кредит в 300 миллионов золотых марок для того, чтобы мы могли заказывать на их заводах необходимые машины и оборудование наших фабрик.

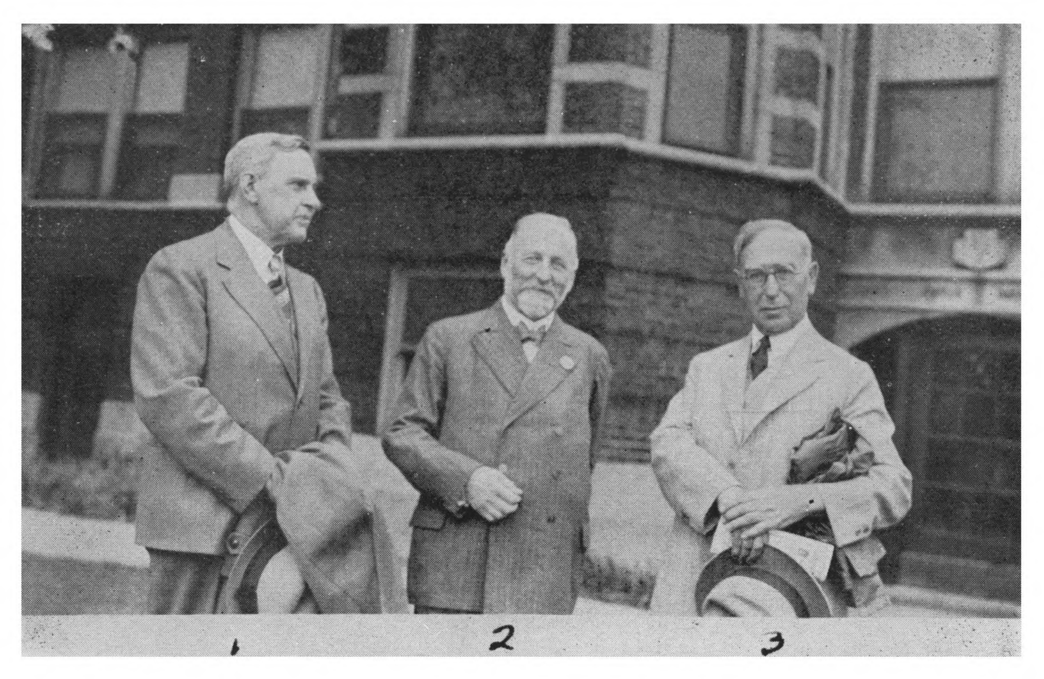
Первое время я был занят делами комиссии. На следующий же день после нашего прибытия в Берлин начались бесконечные заседания с немецкими представителями для выяснения положения дела у нас на Самарском заводе, а потом дебаты с Штольценбергом относительно его опытов по изготовлению ядовитых газов. После нескольких дней пребывания в Берлине, вся комиссия отправилась в Гамбург для продолжения обсуждения планов производства и для ознакомления с результатами, полученными на заводе Штольценберга. Доклад последнего о результатах получения иприта на его полуфабричной установке совершенно не удовлетворил ни меня, ни Гальперина. Мы задали ему ряд вопросов, на которые не получили удовлетворяющих нас ответов. Что меня более всего удивило, это то, что немецкие представители в нашей смешанной комиссии не только не присоединились к нашим вполне справедливым замечаниям, но стали защищать Штольценберга. Они приводили такие неосновательные доводы, что я не мог оставаться хладнокровным, и в решительной форме высказал удивление их поведением. Я заявил, что меня поражает, почему немецкие делегаты, казалось бы, столь же заинтересованные в скорейшей постройке заводов, как и мы, защищают деяния Штольценберга, свидетельствующие о малом понимании им дела. Я получил на это детское утешение, что не стоит волноваться, так как все образуется и Штольценберг полностью выполнит контракт. Ни меня, ни Гальперина такое заверение не могло успокоить, и у меня сложилось определенное убеждение, что этот господин не даст нам хорошего способа получения ядовитых газов. Как будет видно далее, мои предположения вполне оправдались.

Председатель нашей комиссии Туров был человеком без большого образования, но деловым и пользующимся авторитетом в партии; ко мне он относился с большим доверием и признавал мой авторитет в технике. Он был очень доволен моим выступлением в комиссии и сказал нам, что оно нам на руку в наших других переговорах с немцами. Своей поездкой заграницу я воспользовался также для закупки для лаборатории некоторых аппаратов и прихватил для этой цели свои деньги, а также деньги, данные мне НТО (в червонцах). Курс червонца в то время стоял очень высоко, и их можно было менять на марки в банке на Унтер-ден-Линден, организованном советским правительством. Для моих работ по осаждению металлов и их окислов под давлением я тогда приобрел у фирмы Линц биокулярный микроскоп, который позволял отбирать одни кристаллы от других.

Бывая постоянно в Полпредстве для получения разрешения на ввоз закупленных приборов в СССР, я часто имел дела с доцентом Петроградского Университета Апатовым. Он был физиком и, кажется, довольно способным экспериментатором, но более близкое знакомство с ним раз'яснило мне его недюжинные способности в совсем другой сфере деятельности. Он был назначен советским правительством в Берлинское Торгпредство для выполнения всех заказов учебных заведений по оборудованию физических и химических лабораторий. Все закупки могли быть совершаемы только через его отдел, и надо отдать ему справедливость, все эти дела он вел очень толково, преодолевая все бюрократические препятствия и в сравнительно короткий срок выполняя все заказы. Мне он очень помог по закупке аппаратов, за что я ему был очень благодарен. Он мне сказал по секрету, что Академия Наук за прошлый год потеряла кредит в 500 рублей, так как во время не заказала каких то приборов и, что только Туров может восстановить этот кредит. Скоро мне представился удобный случай для разговора с Туровым. Гуревич имел в Берлине сестру, которая была замужем за служащим Торгпредства по части закупки химических реагентов; она пригласила всю нашу

комиссию к себе в гости, угостив очень вкусным ужином с изрядной выпивкой. Туров был в очень хорошем настроении, и я воспользовался удобной минутой, чтобы изложить ему мое дело. — «Для Вас, Владимир Николаевич, у меня нет отказа», — сказал Влидимир Захарович и подписал заготовленную мною бумагу. Но мне не удалось использовать целиком плоды моей победы. На мое несчастье, на другой день, когда я радостный шел в Торгпредство, чтобы сделать заказы на приборы, я встретил там нашего вице-президента Академии Наук, Владимира Александровича Стеклова. Мы были в очень дружеских отношениях и уважали друг друга, но когда я сказал ему, что я выхлопотал возобновление утерянного кредита, то Стеклов заявил начальническим тоном, что он не позволит на эти деньги покупать приборы для моей лаборатории, а возьмет их для заказа приборов для оборудоваемого им математического кабинета. Но я был не из робкого десятка и вступил с ним в такой спор, приводя такие резоны, что ему пришлось на половину сдаться: мы разделили эту сумму пополам.

Во время пребывания нашей комиссии в Берлине и в Гамбурге, Гуревич не раз предлагал мне и Гальперину развлечься и посетить разные веселые учреждения. «Пойдемте посмотреть, — говорил он мне, — как буржуазия разлагается». Я наотрез отказался, с одной стороны, потому, что терпеть не мог пьяных оргий, а, с другой, всегда подозревал провокацию со стороны приятелей-«партийцев». Я не могу сказать, отправился ли Гуревич один в эти веселые места, но относительно Турова могу определенно заявить, что он в свободное от трудов время не оставался в одиночестве, а проводил его в дамском обществе, — для ознакомления с нравами прелестных немецких дам. Так, наша комиссия, зайдя обедать в один ресторан в Гамбурге, увидала Турова в обществе одной хорошенькой молодой немочки, при чем оба они были в очень веселом настроении и распивали хорошее рейнское вино. Он пригласил нас разделить с ним трапезу. Я вовсе не хочу укорять Турова и упоминаю об этом факте (мне их известно много) лишь для того, чтобы показать, что господа коммунисты, занимающие

В. Н. Ипатьев, проф. Вильштеттер и проф. Гомберг в Чикаго в 1933 г.

высокие посты и имеющие в своем распоряжении достаточное количество денег (народных!) нисколько не отличаются по своим замашкам и поведению от обычных смертных буржуев, которых они считают морально разложившимся классом. Один мой приятель-коммунист рассказывал мне, что когда Розенгольц (тогда комиссар внешней торговли) как то приехал в Берлин, то он попросил его быть проводником по Берлину и они за одни сутки прокутили 600 долларов. Одна известная московская портниха, имевшая большие знакомства с видными большевиками, рассказывала мне много интересных историй относительно времяпрепровождения советских сановников в Берлине; так, например, она рассказывала, какие суммы были истрачены супругою одного видного коммуниста на закупку дамских нарядов, шуб, на лечение и пр. Многим было известно, какое количество денег расходывалось женой комиссара Х. на ее проживание заграницей и на наряды. Я встретил ее один раз в Берлине у одних моих знакомых, и она была одета в такое шикарное платье, которое бросалось в глаза. Я ее спросил, сколько может стоить такое платье в Париже (она только что приехала оттуда). Она ответила, что заплатила девять тысяч франков, что тогда составляло около 500 рублей золотом. Мне представляется, что народные комиссары должны были в особенности подавать пример в бережливом расходовании народных денег.

Наша комиссия проработала все вопросы по урегулированию наших отношений с немецкими представителями и составила обстоятельные протоколы, которые должны были быть посланны обоим правительствам. Нам пришлось потратить на эту работу около месяца и за это время мы посетили артиллерийский полигон, находящийся в 30-40 километрах от Берлина. На полигоне нам продемонстрировали новый пулемет, показали скорость стрельбы из него и его меткость; показали дымовые завесы, ручные гранаты, светящие гранаты и т. п. На полигоне вместе с нами было высшее артиллерийское начальство, и после осмотра был устроен для нас очень хороший завтрак. В общем нам был оказан очень любезный прием.

Вместе с нашей комиссией на полигоне присутствовал наш военный атташе, Яков Моисеевич Фишман, с которым я познакомился в Москве незадолго перед моим от'ездом заграницу, куда он приезжал по делам службы. Я с Гальперином имели с Фишманом серьезные разговоры относительно возможности получения лицензии от И. Г. Фарбениндустри на способ получения аммиака. Он нам сказал, что он постарается войти в переговоры с германскими военными властями, чтобы получить их помощь, и просил нас пока не предпринимать никаких шагов. Его старания не увенчались успехом, и И. Г. решительно отказало нам в лицензии. Тогда я, имея разрешение вести переговоры самостоятельно, обратился к своему хорошему знакомому д-ру Никодиму Каро (председателю Bayerishe Stickstoff Werke); эта компания изготовляла, как я ранее указывал, кальций-цианамид и имела хорошие патенты по окислению аммака в азотную кислоту. Он был очень рад повидать меня, и охотно обещал мне всякую помощь в вопросах о связанном азоте. Что касается получения цианамида и контактного окисления аммиака, то он охотно предложил мне приобрести у их фирмы лицензии, при чем он давал полную гарантию выходов продуктов, которые будут написаны в контракте. Он указал мне, что их способ получения указанных выше продуктов — наилучший в мире и что они имеют очень спытный персонал для пуска в ход таких заводов. Мы должны заплатить их компании только за лицензии, а за оборудование нам придется платить тем фирмам, которые будут его изготовлять по чертежам фирмы, разработанным совместно с нашими инженерами. Наилучшими фирмами, изготовляющими это оборудование являются Bomag и Borzig, которые могут исполнять заказы по оборудованию этих заводов только с разрешения Bayerishe Stickstoff Werke. Он предложил мне осмотреть эти заводы вместе с Гальперином и сообщить дирекции, на какую производительность мы желаем иметь проекты; указанные фирмы дадут нам незамедлительно точные рассчеты стоимости всего оборудования и монтажа. Фирму Bomag я знал ранее, так как она была поставщиком России

до войны, снабжая наши гидрогенизационные заводы по отвердению масел установками для получения водорода. Эта фирма пользовалась в России хорошей репутацией, и я видел их водородные установки, которые работали без перебоев. Мы воспользовались приглашением, подробно осмотрели завод Bomag и попросили составить сметы на получение водорода и окисление аммиака. Осмотр завода произвел на нас очень хорошее впечатление. Завод Borzig мне осмотреть не удалось, его посетили другие инженеры: Гальперин, Мозер, Чекин и др., которые приехали в Берлин позднее для заказов оборудования упомянутых заводов.

В скором времени я получил от Каро уведомление, что, несмотря на его старания, И. Г. отказало дать СССР лицензии на получение аммиака. Таким образом мне предстояло искать других путей для осуществления проблемы связанного азота. Еще в комиссии по связанному азоту в Москве мы знали о существовании других фирм, которые изготовляли аммиак из водорода и азота воздуха под давлением, применяя другой катализатор и более повышенное давление, чем это имело место у И. Г. Такими фирмами были Клодт (Clodt) во Франции и Casallet et Fauser в Италии. Таким образом, становилась необходимой моя поездка на эти заводы. Гальперин не мог меня сопровождать, так как в скором времени должен был выехать в Москву по делам Самарского завода.

Во время пребывания Гальперина в Берлине он познакомил меня со своим большим другом, швейцарским гражданином, но уроженцем России, д-ром Гольдбергом, очень симпатичным человеком; он хорошо разбирался в вопросах химической промышленности и имел ценные патенты, которые давали ему возможность существовать не нуждаясь. Он прекрасно говорил по русски, по немецки и по французски; так как он жил все время в Берлине и имел хорошие связи в промышленном мире, то нам пришла мысль пригласить его временно на работу в Торгпредство по делам заказов по связанному азоту. Наше предложение Торгпредством было принято, и Гольдберг приступил к работе.

Когда я сказал директорам Каро и Франку, что я поеду в Италию для того, чтобы осмотреть установки Casallet et Fauser, то они сказали мне, что д-р Фаузер их хороший знакомый и что они могут дать мне полезные рекомендации не только к нему, но еще к одному итальянцу, их хорошему другу, который имеет связи с большой итальянской фирмой Монтикатини. Я дал из Берлина телеграммы о моем желании посетить заводы связанного азота и, получив благоприятные ответы, отправился сначала в Рим, где находилась контора Казале. Уже при первой встрече с этим интересным человеком и ученым он произвел на меня великолепное впечатление; я увидел в нем не торгаша, а ученого-изобретателя, получившего солидное химическое образование в Германии, в лаборатории д-ра Нернста, и посвятившего свои силы изучению столь важного процесса, как синтез аммиака. Я провел с ним два или три дня, в течении которых мне удалось в подробности ознакомиться с работой аппаратов, где происходит каталитическая реакция между водородом и азотом, а также с системой батарей, производящих посредством электролиза необходимый для процесса водород. Процесс Казале отличается от И. Г. тем, что он происходит под давлением 750 атм., — между тем, как у И. Г. давление не превосходит 200 атм. Выгода применения более высокого давления заключается в том, что необходимая аппаратура для процесса делается более компактной, и аммиак сразу получается в жидком состоянии. Я обратил внимание на устройство аппарата, а именно на ту часть его, где головная часть аппарата соединяется с реакционной камерой, в которой находится катализатор. Идея соединения ничем не отличалась от предложенной мною для моих бомб, а именно при помощи обтюраторов и ножей, сделанных на крышке головной части и краев трубы. Так как я не патентовал моего скрепления, то использовать его могли все. Конечно, для того, чтобы аппарат мог держать давление долгое время (месяцы и более), было полезно, кроме обтюраторов, применить еще и конусное соединение, что и было сделано Казале в своем аппарате. Железный катализатор готовился особым образом, отлич-

ным от И. Г.; он составлял секрет, и мне показали только печи, где он изготовлялся. Электрические батареи давали очень дешевый водород, отличавшийся замечательной чистотой. Аппараты работали без перебоев и это можно было видеть из ежедневных журналов, которые велись в замечательном порядке и чистоте. Я просмотрел по журналам производительность завода в течении целого года и почти нигде не заметил каких-либо перебоев. Казале на прощание сказал мне, что был очень рад познакомиться со мной, так как давно уже знал мои работы под давлением, и даст ли СССР ему заказ на его установку или нет, он сохранит хорошее воспоминание о моем пребывании в его обществе. Он сообщил мне данные относительно стоимости лицензии и попудной платы за изготовляемый аммиак, а также стоимость всего оборудования, кроме водородной установки, и условия уплаты.

После осмотра завода Казале, я отправился в Милан и посетил фирму Монтикатини, где должен был встретить др. Фаузера. Этот инженер пользовался уже в то время большим уважением в итальянской промышленности, так как его изобретения и патенты оценивались довольно высоко. Его установка по синтезу аммиака находилась в Navara и он назначил мне время, когда мы могли вместе отправиться на завод. Синтез аммиака происходил в способе Фаузера при 400 атм., т. е. в средних условиях, по сравнению с И. Г. и Казале. Автоклав, в котором происходила реакция между азотом и водородом, имел отличное от И. Г. и Казале устройство, которое мне не очень понравилось, так как скрепление производилось при помощи болтов, имеющих длину автоклава. Фаузер имел также особый катализатор, а батарея электролизаторов для добывания водорода была изобретена им самим и запатентована. В общем вся установка производила удовлетворительное впечатление, но она по моему убеждению уступала в то время обоим названным конкурентам. После осмотра завода, Фаузер пригласил меня пообедать к нему на квартиру, где он меня представил его матушке. Г-жа Фаузер оказалась очень симпатичной и радушной женщиной, напомнившей мне многих русских

женщин до-революционного времени, с которыми после двух-трех фраз начинаешь себя чувствовать, как будто ты с ними уже давно знаком и имеешь много близких интересов. Она угостила меня чудным домашним обедом с великолепным итальянским вином и расспрашивала меня о житье в СССР. Она не хотела верить, что в одной квартире из 5 комнат и одной кухни могут проживать 3 или 4 семейства и что она никогда не согласилась бы жить при таких условиях. На это я мог ей сказать, что человек такое животное, что может привыкнуть ко всяким условиям жизни, которые ранее ему казались бы чудовищными...

Личность самого Фаузера сильно запечатлилась в моей памяти и когда я встретил его через 12 лет в Париже на 2-ом международном конгрессе по нефти, то был бесконечно доволен пожать ему руку и напомнить, что я не забыл ни его, ни его матушки, которая, слава Богу, жива и находится в хорошем здоровье. Фаузер очень приглашал меня приехать к нему, если я приеду на X-ый Международный Конгресс по химии, который будет в Риме в 1938 году, 15-го мая.

В Италии до войны я был только один раз, в 1897 году, когда сделал круговое путешествие по Франции, Италии и Швейцарии. Нельзя было сравнить Италию сегодняшнего дня с Италией довоенной. Насколько последняя представляла из себя страну, в которой не чувствовалось строгого порядка и везде проглядывало нежелание к интенсивному труду, настолько Италия теперишняя поражала как раз обратными проявлениями жизни. Везде образцовый порядок, чистота, отсутствие нищих и приставания мелких торгашей, которые раньше преследовали вас вплоть до вагонов конно-железной дороги. На улицах, кроме полиции, можно было видеть много молодых людей, одетых в черные рубашки и принадлежащих к фашистской партии. Эти молодые люди наблюдали за происшествиями на улицах, за всеми горожанами и даже за полицией. Они пользовались особыми преимуществами и с ними нельзя было вступать в какие-либо пререкания, без вреда для своей собственной персоны. Чувствовалось, что в стране суще-

ствует сильная, почти диктаторская власть и что ее носитель — всесильный Муссолини. Страна не хотела сразу подчиниться такой диктаторской власти, и на Муссолини было сделано несколько покушений (до 9), но он остался невредим, и только во время одного покушения пуля немного повредила ему нос. Временами мне казалось, что я нахожусь не в Италии, а скорее в Германии, так как жизнь этого вечного города, Рима, напоминала мне уклад жизни больших германских городов.

В 1925 году я видел колоссальное строительство различных заводов и фабрик, и это делалось в то время, когда итальянская лира имела очень невысокую валютную ценность.

В Берлине я не застал Гальперина, который уже уехал в СССР. Составив журнал из моих наблюдений и добытых цифр относительно производства аммиака на заводах Казале и Фаузера, я отправился в Париж, чтобы осмотреть заводы Клодта, который установил у себя синтез аммиака при 1000 атм. давления. В Париже я имел хорошего друга, члена Академии Наук Матиньона, который был в очень хороших отношениях с администрацией заводов Клодта, а также имел большие связи и с другими фирмами. Он обещал устроить мне посещение завода аммиака по способу Клодта. В назначенное время инженеры завода Клодта вместе с Матиньоном, заехали за мной в отель, и мы по железной дороге отправились на завод Клодта. Мне не удалось познакомиться с Клодтом, с этим замечательным человеком, так как он был в отсутствии. Установка производства аммиака при давлении 1000 атм. не произвела на меня благоприятного впечатления. Можно было заключить, что это только опыты в большом размере. Над автоклавами, где происходит образование аммиака под давлением 1000 атм. при температуре 450 град. помещалась громадная толща свинца на тот случай, если произойдет взрыв в автоклаве; энергия взрыва должна быть поглощена свинцом для уменьшения опасности. Такие взрывы случались, как мне пояснили на заводе, и это обстоятельство не могло рекомендовать процесса для установления его в больших заводских размерах. При осмотре журнала работы автоклавов были мною

замечены перебои в их жизни; журналы велись очень неопрятно и имелись перерывы в их записях. Что же касается остального оборудования, то оно было превосходно. Я ознакомился с замечательными насосами, которые развивали давление свыше 1000 атм., осмотрел производство аммиака, а также установки по получении водорода. Инж. Валентин производил первые опыты по получению спирта из этилена, добываемого из газов коксовых печей. Там же я видел очистку этих же газов от нафталина и бенола, но эти опыты были только в начальной стадии.

После осмотра всех установок получения аммиака, я пришел к заключению, что наилучшей для нас в то время являлась система Казале по следующим причинам: она работает без отказа, ее покупка не сопровождается большой затратой денег, так как можно приобрести сравнительно небольшую единицу на получение в год только 20,000 т. аммиака и можно осуществить производство в очень короткое время. Все эти соображения я изложил нашему военному атташе Фишману, который сказал мне, что он одобряет мой выбор, хотя он также находит и установку Фаузера заслуживающей внимания. Я мог привести еще одно доказательство в защиту установки Казале . В Париже, после осмотра заводов Клодта, я познакомился с директором большой французской компании Comarge, которая производит в Савое на дешевой энергии громадные количества алюминия и бертолетовой соли. Эта компания тоже купила установку Казале и директор очень хвалил ее производительность. Он показал мне табличку всем установкам системы Казале, которые были в действии во Франции и которые уже были заказаны. «Если мы, — прибавил он, — имея своего Клодта, все-таки заказываем систему Казале, то это, несомненно, говорит в пользу этой последней». Кроме ознакомления Фишмана с моим мнением относительно выбора лучшей системы для СССР, я поделился с своими впечатлениями с инж. Гольдбергом и с приехавшим из СССР инженером Мозером, который был у меня в комиссии по связанному азоту секретарем. Я не мог дождаться возвращения

Гальперина, так как его от'езд из Москвы был задержан делами по комиссии ядовитых газов.

Перед самым моим от'ездом из Берлина инженер Гольдберг познакомил меня и Мозера с одним инженером Фришером, который имел хороший способ поглощения окислов азота и превращения их в азотную кислоту. Так как нам было нужно заказать также установку и для контактного окисления аммиака в азотную кислоту у Байерише Штикштофверке, то поглощение получающихся при этом окислов азота представляло для нас также очень важный вопрос. Баварская фирма давала нам проект такой установки, но она стоила очень дорого и была очень громоздка. Между тем, Фришер предлагал очень компактную и сравнительно недорогую систему, которая, как он говорил, имеет уже опытное подтверждение ее целесообразности. Предложение Фришера было очень заманчиво, но я должен был уезжать в СССР и потому просил Мозера познакомить Гальперина с этим предложением, осмотреть на месте, как эта установка работает, и сообщить мне их соображения для доклада в комиссии по связанному азоту.

Незадолго перед моим возвращением в Москву (около половины июля) я узнал из газет, что Троцкий назначается членом Президиума ВСНХ и начальником Научно-Технического Отделения, оставаясь в должности председателя Концессионного Комитета, где его заместителем был известный дипломат Иоффе. Я был в недоумении относительно назначения Троцкого в НТО и не мог понять, какую роль я буду играть в этом учреждении. Так как я прочитал это назначение в эмигрантской прессе, то я полагал, что я не смещен со своей должности, а Троцкий, как член Президиума, назначен наблюдающим за деятельностью НТО. Мои предположения сбылись. По приезде в Москву я виделся с Дзержинским и рассказал ему о моей работе заграницей, настаивая на необходимости поскорее дать заказ, хотя бы на одну единицу установки с производительностью в 20,000 т. связанного азота. Дзержинский вполне согласился со мной и попутно раз'яснил, что я попрежнему остаюсь во главе НТО, что Троцкий является

только наблюдающим и что мою работу Президиум ВСНХ и партия очень ценят и вполне мне доверяют. Он сообщил мне также, что Главное Химическое Управление образовано, причем начальником его назначен А. И. Юлин, а я и Василий Степанович Киселев будем его заместителями. В. Ст. Киселев был ранее председателем треста Лако-Краска и проявил себя, как самый лучший работник в химической промышленности. Его трест оказался самым лучшим по своей деятельности и доходности. Я очень приветствовал назначение В. Ст. заместителем Юлина, так как я по своей деятельности никоим образом не мог отдать все свое время на работу Химического Управления, а Юлин был совершенно незнаком с химическими процессами и лучшего помощника себе не мог бы выбрать.

Конечно, я тотчас же сообщил Юлину и Киселеву о моем выборе системы производства аммиака, а также сделал доклад и в тресте Основной Химической Промышленности, так как первый завод аммиака предполагалось осуществить в Растяпино (40 кил. от Нижнего Новгорода), где уже был завод серной кислоты, построенный еще во время войны Земгором под наблюдением моего Химического Комитета. Точно так же я собрал заседание комиссии по связанному азоту (присутствовали Комзолкина, Фокин, Деханов и др.) и рассказал все подробности о моем посещении заводов производства аммиака. На всех заседаниях мое заключение о необходимости теперь же заказать систему Казале встретило полное одобрение. Но в виду важности вопроса было решено поручить особой комиссии, состоящей из Гальперина, Мозера, Чекина и представителя от Торгпредства еще раз подробно осмотреть установку Казале и Фаузера с тем, чтобы она, если найдет установку Казале целесообразной, сделала заказ на одну единицу (20,000 т. в год аммиака). Если заказ Казале будет дан, то в Берлине комиссия должна будет заказать установку для получения водорода у Бамага и для окисления аммиака в азотную кислоту у Байерише Верке. Что же касается улавливания окислов азота и превращения их в азотную кислоту, то вопрос оставался открытым до получения данных от Фришера, которые должны

быть обсуждены указанной комиссией в Берлине и ее решение должно быть послано в Москву в Комиссию Связанного азота, где мы должны были принять решение.

Вышеуказанная комиссия, осмотрев снова установки по получению аммиака, признала правильным мое заключение, что система Казале наиболее подходит для нас в данное время и потому они сговорились с Казале о цене лицензии, о стоимости оборудования, о сроках изготовления и т. п. и составили проект контракта, который прислали его в Москву для утверждения. В препроводительной бумаге они указали, что условия, на которых Казале соглашается подписать контракт, будут иметь силу до 15-го сентября, после чего он будет иметь право изменить цены. Получивши такую бумагу, я принял все меры к тому, чтобы ускорить утверждение контракта. Заграничные контракты рассматривались в соответствующих учреждениях наркоматов, а потом посылались в Торгпредство на оформление, где окончательно уже утверждались.

К несчастью, контракт с Казале был прислан в августе, когда главное начальство все раз'ехалось в отпуска, а оставшиеся заместители не хотели брать на себя ответственности. Вместо Дзержинского оставался Квиринг, только что недавно назначенный в ВСНХ; он занимал ранее место начальника ГПУ в Харькове. Я не был знаком с ним и когда я пришел к нему об'яснить положение с заказом, то прежде всего, постарался познакомить его с моей деятельностью во время войны и революции. В конце моего доклада я прибавил, что беру всю ответственность на себя, так как считаю, что с решением этого вопроса нельзя медлить и что сейчас представляется очень удобный случай получить установку и начать изучать нашим инженерам этот важный технический процесс. Квиринг оказался толковым администратором и поняв мою точку зрения, дал приказание отделу ВСНХ, рассматривающему контракты в кратчайший срок дать свое заключение. Когда это было выполнено (в контракте были сделаны малые замечания), возник вопрос, кто будет этот контракт подписывать в Риме, так как я получил телеграмму, что, в виду отсутствия нашего

полпреда Каменева, представитель Внешторга отказывался дать свою подпись. Пришлось обегать все пороги Внешторга, прежде чем, наконец, удалось убедить одного члена Коллегии Внешторга (Кобеляцкого), который согласился дать телеграмму в Рим, чтобы их представитель подписал контракт.

Однако, дело на этом не кончилось. Через день я получил срочное извещение, что Внешторг не может дать предписания своему представителю подписать контракт без специального приказания Главного Концессионного Комитета, к которому мне следует обратиться. Я передал о всей этой волоките Юлину и просил его помочь в этом деле. Он мне ответил, что он лично ничего не может сделать, но советует мне ехать немедленно к Троцкому и об'яснить ему все дело. Возможно, что он возьмет на себя ответственность и даст телеграмму в Рим. Во время всех этих переговоров я не переставал получать из Берлина и Рима телеграммы о скорейшем утверждении контракта. Забрав все документы, я отправился к Льву Давидовичу Троцкому и имел с ним очень продолжительную беседу. Пришлось ему прочитать целую лекцию о добывании аммиака из азота и водорода при помощи каталитического процесса и указать ему, что азот берется из воздуха; что все государства строят заводы аммиака, который является исходным продуктом для получения взрывчатых веществ и удобрений. Троцкий задал мне вопрос, а что будет с атмосферой, если мы будем из нее выкачивать азот; мое об'яснение, что азота хватит, его вполне удовлетворило и мы начали обсуждать, как оформить это дело, и я, со своей стороны, сказал ему, что я вместе с ним разделю ответственность за решение этого вопроса. Он сказал, чтобы я немедленно прислал бы проект договора в Концессионный Комитет к Иоффе, и после его рассмотрения и одобрения, он, Троцкий, даст телеграмму в Рим от своего имени о заключении контракта.

Я был бесконечно счастлив, когда, наконец, была послана телеграмма в Рим о заключении контракта с Казале. Мое беспокойство обусловливалось еще и тем, что Берлинская комис-

сия, не дождавшись заключения контракта с Казале, уже заказала в Берлине все необходимые установки для превращения аммиака в азотную кислоту. Интересно было бы знать, что мы стали бы делать с этим оборудованием, если бы контракт с Казале не был бы подписан и какое наказание нас бы ожидало!

Теперь оставался неразрешенным один только вопрос, какую систему мы должны были выбрать для поглощения окислов азота, получаемых при окислении аммиака. Председатель Байерише Верке настаивал на своей системе и доказывал нашим членам Берлинской Комиссии, что система Фришер не заслуживает никакого внимания и совершенно нерациональна, так как содержит много керамики. Фришер, наоборот, доказывал, что не стоит тратить громадных денег на существующую установку и что его система дешева и практична. Берлинская комиссия сообщила мне о всех переговорах по этому поводу и склонялась к заказу Фришеровской системы. Я внес этот вопрос в Комиссию по связанному азоту, и мы вынесли следующее решение: принимая во внимание, что мы имеем достаточно времени для окончательного решения этого вопроса, комиссия решила дать в настоящее время заказ Фришеру на небольшую установку, которую теперь испробовать на Юзовском заводе азотной кислоты, где нам все равно надо было увеличивать число башень для поглощения окислов азота. Расход был небольшой и на этой опытной установке мы могли бы изучить все преимущества и недостатки Фришеровской системы. Если бы даже через 8—10 месяцев оказалось бы, что система негодна, то мы могли бы без ущерба для дела дать заказ Баварской фирме. Такое решение нашей комиссии было утверждено Химическим Управлением и послано в Берлин. Фришер получил заказ и должен был через 4-5 месяцев доставить аппаратуру на азотный завод в Юзове.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧИ С ТРОЦКИМ И ТРЕНИЯ ПО СЛУЖБЕ

По приезде из заграницы я имел особую беседу с Л. Д. Троцким, по поводу моей работы в НТО, так как он, как я сказал выше, был назначен наблюдающим за его деятельностью. В первый же его приезд в НТО он пришел ко мне в кабинет и очень любезно сообщил мне, что я по прежнему должен быть председателем коллегии НТО и давать общее направление всем работам, но с меня должны быть сняты все мелочи и финансовые заботы, которые должны быть возложены на Я. Флаксермана, члена коллегии.

«Наша партия, — добавил он, — смотрит на Вас, как на великого ученого и необходимого советника по делам химической промышленности, и потому отнимать у Вас силы на мелочи совершенно непростительно».

Я просил Л. Д. посещать заседания Коллегии, чтобы он мог войти в курс наших дел. Он из'явил свое согласие.

После обсуждения текущих вопросов НТО, Л. Д. заинтересовался состоянием промышленности заграницей, и я ему рассказал о всех новостях, которые мне пришлось увидать в Европе. Он особенно заинтересовался производством красок. Я ему кратко сообщил, как развивалась красочная промышленность в Германии, какие научные работы надо было сделать, чтобы достигнуть такого совершенства в получении красителей, и что без систематического экспериментального изучения этого вопроса никоим образом нельзя достигнуть удовлетворительных результатов. И далее, чтобы совершенствовать красочную химическую промышленность, надо создать школу, которая в настоящее время существует только в Германии и лишь едва-едва зарождается в других странах, — во Франции, Соед. Штатах и т. п.

«Сколько-же нам надо времени, чтобы создать такую школу?» — спросил меня Л. Д.

«Не менее 25 лет, — был мой ответ, — и то, если мы будем систематически изучать этот вопрос».

Уже по выражению его лица можно было видеть, что он мне не поверил и, действительно, я очень скоро убедился в моей правоте. Троцкий, через некоторое время после беседы со мной, был на митинге текстильщиков, где, между прочим, говорил о необходимости развить красочную промышленность в Союзе.

«Здесь я, — сказал он, — не согласен с мнением академика В. Ипатьева, который только что вернулся иззаграницы и с которым мне пришлось говорить на эту тему. Академик сказал мне, что надо 25 лет, чтобы дойти в развитии красочного дела до того состояния, какого достигла в настоящее время Германия. Но это — гипербола; я думаю, что через 5 лет мы будем ее иметь, если пролетариат этого захочет».

Громкие аплодисменты, которые сопровождали его слова, несомненно свидетельствовали, что пролетариат этого хочет; но от хотения до исполнения большая дистанция, и когда я через пять лет покидал СССР, то наши красильные заводы устанавливали производство красильных полупродуктов, рецепты изготовления которых были приобретены у И. Г. за то, что мы обязались монопольно покупать краски у этой фирмы. Этим я вовсе не хочу сказать, что с начала войны и революции мы не имели вовсе успеха в изготовлении полупродуктов и красок; десять лет работы в лабораториях и на заводах дали нам возможность приготовлять некоторые самые необходимые и уже известные красители, но красочную германскую промышленность мы не догнали даже в настоящее время, когда я пишу эти строки.

Во время моего отсутствия Химический Институт имени Карпова внес в коллегию НТО доклад о расширении Института и о постройке особого здания для производства в большом масштабе лабораторных опытов, имеющих практическое применение. Идея о воспроизведении лабораторных результатов в особых аппаратах, приближающихся по своему характеру к заводским, имеет, несомненно, здоровую основу, и коллегия НТО в принципе поддержала такое начинание. Троцкий был ознакомлен с этим проектом, когда летом 1925 года он посетил

Институт по просьбе директора Баха, с которым он был хорошо знаком в дореволюционное время; одно время Троцкий даже останавливался в Женеве, в квартире Баха. Кроме проекта здания, в коллегию НТО была подана также смета на оборудование его различными установками. Эта смета вызвала недоразумения, так как она предусматривала закупку таких аппаратов, которые было нецелесообразно приобретать, не зная наперед, для каких процессов они понадобятся. Когда эта смета была доложена мне Флаксерманом, то я пришел к убеждению, что часть таких установок не следует приобретать теперь, а лучше оставить кредиты для закупки в будущем тех аппаратов, которые потребуются для реализации того или другого химического процесса в расширенном масштабе. Такой взгляд был разделен и другими членами коллегии. Казалось бы, в этом постановлении коллегии не заключалось ничего обидного для самолюбия заправил Института; но Бах и его помощник Збарский были крайне рассержены этим обстоятельством и решили настоять на своем, зная, что они встретят поддержку со стороны председателя Совнаркома Рыкова, который очень благоволил им обоим. Конечно, главное недовольство Баха обрушилось на меня и Флаксермана, которое с этого времени стало все более и более расти. На несчастье для меня, Флаксерман вздумал произвести частным образом анкету, среди специалистов-инженеров о целесообразности закупки подобного оборудования. Анкета дала полное подтверждение постановлению НТО.

В скором времени этот проект и сметы были внесены в заседание Президиума ВСНХ, — однако без окончательного утверждения коллегии НТО. Этот акт был не законным, так как правление Института должно было внести его с ведома коллегии НТО. В Президиуме ВСНХ председательствовал Дзержинский; после заслушания доклада Баха, он попросил меня высказать свои соображения. Еще во время доклада Баха, Пятаков подошел ко мне и сказал:

— Вы наверно будете возражать против приобретения заранее такого оборудования?

Когда дошла очередь до меня, то я заметил, во-первых, что этот проект не получил окончательного одобрения НТО; кроме того указал, что считаю желательным создание подобных установок, но их надо закупать от случая к случаю, так как в химической промышленности аппаратура быстро устаревает и делается совершенно непригодной для выдвинутых жизнью новых процессов. Было постановлено смету оборудования рассмотреть в коллегии НТО, когда будет готово здание, а кредит на его постройку испросить в законном порядке.

После окончания заседания Бах и Збарский подошли ко мне и сказали: «Вы, Владимир Николаевич, всегда мешаете нам». Это был приговор: я знал, что они мне этого не простят. Их гнев по отношению меня усилился еще от непрактичного поведения члена Президиума ВСНХ А. И. Юлина, и члена Коллегии НТО, Н. М. Федоровского. Не сказавши ничего мне и не уведомивши коллегию НТО, Федоровский уговорил Юлина поехать осмотреть его институт прикладной минералогии и Химический Институт имени Карпова. Мне до сих пор неясно, против кого Федоровский вел интригу; повидимому, ему хотелось показать члену Президиума, ведущему химическую промышленность, что его Институт в своих научных исследованиях целиком преследует практические цели, а в Институте Карпова занимаются исключительно академическими вопросами. Для Баха такое посещение было совершенно неожиданным, и так как после этого в городе пошли очень неблагоприятные слухи о деятельности Карповского Института, то Бах без всякого стеснения стал обвинять меня и, кажется, Флаксермана, что это мы направили Юлина на такое дело. Когда А. П. Шахно передал мне, что Бах в этой интриге винит исключительно меня, то я решил поехать к нему и об'яснить всю подкладку этого дела. Я сказал ему, что никогда в жизни не прибегал ни к какой интриге и привык всегда с открытым забралом бороться с своими противниками. Я дал ему свое честное слово, что я понятия не имел об этом посещении Институтов и считаю это со стороны Федоровского явным нарушением дисциплины и всякой этики. Всякий член Президиума ВСНХ может во всякое

время посетить любой Институт, но порядок требует, чтобы Коллегия НТО была бы предупреждена об этом посещении, чтобы кто-нибудь из Коллегии мог присутствовать и в случае нужды дать необходимые раз'яснения. Не знаю, поверил ли Бах моим словам полностью, но мое впечатление после разговора с ним склонялось к тому, что мы расстались в более примирительном тоне.

В моей деятельности по Химическому Комитету разрабатывающему ядовитые газы произошла крупная перемена. Химический Комитет был преобразован в Хмическое Управление, которое перешло в ведение Реввоенсовета. Начальником этого Управления был назначен Яков Мойсеевич Фишман, бывший военный атташе в Германии, с которым я познакомился еще весной 1925 года, когда он приезжал в СССР из Германии. Во время моего пребывания в Берлине я ближе познакомился с ним, и он мне тогда сказал, что скоро будет поставлен во главе химической обороны Красной Армии и будет начальником вновь организуемого Химического Управления. Что касается моей работы в этой области, то он полагал, что я буду продолжать с ним совместную работу и останусь председателем Химического Комитета, в ведении которого будет сосредоточена разработка технических вопросов

В конце августа 1925 года был издан приказ по Красной Армии об организации Химического Управления, и Фишман стал моим начальником. Он пригласил к себе помощником Як. Авиновицкого, начальника химической военной школы, и, кроме того, инженера-химика Петра Гавриловича Сергеева, преподавателя Московского Технического Училища. Но Авиновицкий был только несколько дней помощником начальника Управления, так как не сошелся во взглядах с Фишманом и подал прошение об увольнении его с этой должности. Тогда Фишман выбрал себе другого помощника из агентов ГПУ, крайне не симпатичного человека, фамилию которого я не помню. Его сразу не взлюбили в Управлении, но надо было терпеть. Что касается Сергеева, то он был назначен моим помощником по Химическому Комитету.

Сравнительно скоро я увидал, что сотрудничество с Фишманом будет очень трудным, так как он, не разобравши всех обстоятельств дела, стал подвергать критике всю предыдущую деятельность Химического Комитета. Было ясно, что ему хотелось доказать Реввоенсовету через посредство Уншлихта, с которым он был в очень хороших отношениях и пользовался полным доверием (он его и назначил начальником Хим. Упр.), что до сих пор Ипатьевым ничего не сделано, а настоящая работа будет произведена под его руководством. Химическое образование Фишмана было ниже среднего, хотя он получил доктора философии в одном из итальянских Университетов. Его диссертация на эту степень была ученической работой, и больше никаких научных работ им не было выполнено, и, повидимому, он стоял вдалеке от химических вопросов. Он был левым социалистом-революционером, но после победы большевиков перекочевал в их лагерь. Мне говорили, что он имел какое-то касательство к убийству Мирбаха, немецкого посла, но в чем оно заключалось, мне не было известно. Самомнение у Фишмана было громадное, а желание властвовать — еще большее. Мой большой приятель Д. С. Гальперин целиком разделял мое мнение об этом миниатюрном химическом Наполеоне; он мог его ближе узнать, так как я пригласил Гальперина войти в Химический Комитет и принимать участие в его работе по выработке программы производства ядовитых веществ в связи с деятельностью нашей смешанной русско-немецкой комиссией.

На заседаниях Химического Комитета председательство принадлежало мне, а Фишман являлся только членом, что ему очень не нравилось. С самого начала его вступления в должность, он потребовал ознакомить его с программой деятельности Комитета и на заседании ее обсудить. Все было исполнено по его приказанию, и на заседании он в очень резких выражениях дал неодобрительный об ней отзыв и таким образом раскритиковал всю двух-летнюю деятельность Комитета. Между тем к моменту вступления Фишмана в должность начальника, Химический Комитет выработал новую противогазовую маску,

которая не пропускала никаких дымов, и было заказано уже 100.000 таких противогазов. Проф. Шпитальный совершенно овладел процессом изготовления иприта (горчичный газ) и была построена полузаводская установка (на Садовой улице, дом Шустова), которая могла давать до 2 пудов в день этого продукта, удовлетворяющего всем требованиям. На скромные средства, отпущенные нам военным ведомством, мы произвели целый ряд исследований в лабораториях высших учебных заведений, давших нам возможность приступить к поверке выработанных методов в заводском масштабе. На этом заседании я предпочел молчать, а предложил высказаться тем членам Комитета, которые принимали непосредственное участие в фактической работе; они заявили, что программа была основательно обсуждена Комитетом в связи с потребностями современной газовой войны, что уже получены практические результаты, и надо вообще удивляться, что при таких скромных средствах, которыми располагал Комитет, можно было получить такие результаты. Но, конечно, все эти доводы были гласом вопиющего в пустыне, так как Фишману надо было высказать публично свою критику прошлой деятельности Комитета и предложить свою программу. Понятно, после такого начала нельзя было ожидать, чтобы мои отношения с Фишманом создались бы благоприятными для нашей совместной работы.

Как я не уверял его, что я нисколько не заинтересован оставаться председателем Комитета и могу во всякое время отказаться от этой должности, так как у меня и без того много другого дела и, что, если я остаюсь, то исключительно с целью помочь ему своим опытом и знанием, — все это было бесполезно. После всякого об'яснения, когда я доказывал ему с глазу на глаз его неправоту в каком нибудь деле, и он приходил к убеждению, что я прав, он уверял меня, что я должен оставаться на работе и что наши отношения будут в будущем самыми дружескими и деловыми. Но это продолжалось недолго, и какая-нибудь нетактичная выходка со стороны Фишмана по отношению к Комитету снова создавала напряженную атмосферу и портила мне нервы и здоровье. Я приведу здесь два

наиболее характерных эпизода за время моего годового пребывания в Химическом Управлении.

Как я указал ранее, я начал работу в Химическом Комитете, который сначала числился при ГАУ (Главном Артиллерийском Управлении), пригласив на службу в качестве управляющего делами Влад. Алекс. Березовского, служащего в ГАУ. Я его знал еще во время войны, как очень толкового и честного работника, и мне тогда часто приходилось иметь дело с ним, так как он мне помогал в проведении в ГАУ некоторых вопросов, — главным образом, финансовых. Фишману очень не понравилось, что у меня находится на работе преданный мне человек, который передает мне все подробности, касающиеся порядков Химического Управления. Ему казалось, что Березовский, критикуя его действия, натравливает меня против него. Но он никогда не говорил мне о том, что надо заменить Березовского другим лицом, более подходящим для Химического Комитета. Совершенно неожиданно для меня я получил бумагу от помощника начальника Химического Управления, в которой кратко указывается, что Березовский увольняется от его должности по Комитету. Я хотел идти об'ясняться по этому поводу с Фишманом, но оказалось, что он уехал в командировку и приедет только через день или два. В это время Березовский об'яснил мне, что он получил аттестацию, в которой было сказано, что он не имеет права занимать мест в управлениях, обслуживающих военную промышленность. Получение такой бумаги было равносильно «волчьему паспорту», так как она характеризовала обладателя такого удостоверения, как неблагонадежную личность и он мог быть арестован при всяком удобном случае. Насколько мог, я успокоил Березовского и сказал ему, что я приму все меры, чтобы его реабилитировать и поместить его на службу в Военно-Техническое Управление, где ему ранее предлагали хорошее место, но он отказался, так как не хотел уходить от меня.

Когда приехал Фишман, я тотчас же спросил его, на каком основании уволен Березовский и почему он ранее не сказал мне о причине его увольнения, что совершенно недопустимо

со служебной точки зрения. Он стал мне говорить, что это дело ГПУ и что он ничего сделать не может. На это я ему категорически заявил, что ГПУ не может выдать такой бумаги без участия его, как начальника, и чтобы он не говорил, я все равно не поверю. Я знаю Березовского, как честного работника и он не заслуживает такой аттестации и буду его защищать. Я ничего не имею против состоявшегося его увольнения, так как его дальнейшая служба в Управлении делается после этого инцидента совершенно немыслимой, но я решительно протестую против такой несправедливой оценки, настаиваю на немедленном из'ятии этой бумаги и на замене ее хорошей аттестацией.

«Если же Вы, тов. Фишман, — закончил я, — не пожелаете сейчас же, при мне, позвонить в Особый Отдел ГПУ, чтобы они сняли свое обвинение с Березовского, то я немедленно пойду к самому Дзержинскому и об'ясню ему все дело».

Мой тон и возможность для меня, как члена Президиума ВСНХ, во всякое время разговаривать с Дзержинским, так подействовали на Фишмана, что он сейчас-же соединился по прямому проводу с Особым Отделом ГПУ и передал его и мою просьбу из'ять от Березовского данную ему аттестацию и позволить ему поступить на службу в Военно-Техническое Управление ВСНХ. Мы получили ответ, что все будет сделано согласно нашему желанию. Через несколько дней Березовский был принят в упомянутое Управление, но, конечно, этот инцидент не мог содействовать улучшению наших отношений с Фишманом. Служащие в Химическом Управлении разделились на два лагеря; одни — ставленники Фишмана, другие — на моей стороне. Но и те, кто ранее работал со мною, из боязни ГПУ, в некоторых случаях во вред делу соглашались с мнением Фишмана. Я приведу один небольшой пример. Н. Прокофьев, изобретатель по противогазам, работавший очень успешно со мной и во время войны, и в Химическом Комитете, в очень энергичной форме заявил мне, что ему мешают работать и не дают средств выполнять задания Противогазового Отдела Комитета. Он не раз об этом говорил мне и раньше, но в последний

раз так категорически просил меня заявить Фишману, что я решил поговорить с последним. Когда я сделал доклад Фишману, то мы решили позвать Прокофьева и точнее узнать, в чем именно задержка в исполнении возложенного на него поручения. Представьте себе мое удивление, когда на вопрос Фишмана, жаловался ли он мне на проволочку, чинимую ему Химическим Управлением, Прокофьев ответил, что он этого не делал. Я был до того поражен подобным предательством человека, который за час до этого заявил мне, что не будет более работать при таких обстоятельствах, что только моя доброта удерживала меня дать этому делу ход и тотчас-же призвать в кабинет Фишмана тех свидетелей, в присутствии которых происходил разговор между мною и Прокофьевым в моем кабинете. При этих обстоятельствах я твердо решил, что при первом же удобном случае я уйду с места председателя Химического Комитета и попрошу сделать меня консультантом.

Другой эпизод характеризует отношения к Фишману членов Химического Комитета и профессоров, принимавших участие в разработке методов получения различных ядовитых газов. В виду того, что Доброхим, за неимением средств, очень плохо развивал работу по изучению химических проблем, Фишман предложил Химическому Комитету организовать особое совещание, на которое пригласил некоторых профессоров высших учебных заведений, и обсудить наиболее важные химические вопросы, соприкасающиеся с военной химической техникой. Изучение наиболее важных химических вопросов можно будет дать для разработки химическим лабораториям Институтов и Университетов, снабдив их необходимыми средствами, которые можно будет выхлопотать у Реввоенсовета. Собственно говоря, Фишман ничего нового не предложил, а только желал в большем маштабе привлечь научные химические силы на работу для Химического Управления. Совещание было собрано; Фишман изложил свою точку зрения и, получив одобрение со стороны членов совещания, попросил выбрать членов комиссии и также ее председателя. Я попросил позволения Фишмана уйти из Совещания, чтобы не влиять своим присутствием на

выборы. Мне потом рассказали, что случилось. На вопрос Фишмана, кто должен быть председателем организационной комиссии, все единогласно заявили, что самым подходящим для этого был бы академик Ипатьев. Это заявление настолько смутило Фишмана, что он не удержался от вопроса: «почему выбор всегда падает на Ипатьева? Почему я не мог бы в данном случае заменить его?» После некоторого молчания проф. Е. И. Шпитальский решился ответить: «потому что у Вас, Яков Моисеевич, нет усов». Конечно, это было сказано в форме шутки, но она дышала дерзостью и Фишман, конечно, ее Шпитальному не простил и, вероятно, дал о нем где надо нелестную характеристику. Узнав об этой истории я при первом свидании с Фишманом сказал ему, что у меня столько всякого дела, что нагружать себя еще новыми обязанностями, мне совершенно не под силу и предложил ему занять председательское место.

Почти одновременно с увольнением Березовского в Управлении совершился скандал, — а именно помощник Начальника Управления из ГПУ растратил около 10.000 рублей и был отдан под суд; вероятно, ему было подсказано самому отправиться к праотцам, так как он очень скоро покончил свои жизненные счеты.

В качестве управляющего делами Комитета я предложил Фишману назначить одного товарища (фамилии не помню), окончившего Химическую Школу, сочувствовавшего большевикам и исполнявшего должность в Химическом Управлении в одном из отделов. Фишман одобрил мой выбор, так как он доверял этому товарищу и на некоторое время мои отношения с Фишманом стали как будто улучшаться. Но это продолжалось недолго и в 1926 году я решил совсем уйти из Химического Управления. О моем положении в Химическом Управлении мне пришлось рассказать Пятакову, который в свою очередь решил позвонить Уншлиху и просить его унять очень расходившегося начальника. С другой стороны, Гальперин решил поговорить с Фишманом и раз'яснить ему всю бестактность его поведения. Снова состоялось примирение, но я уже понял, что мое влияние на ход дел в Химическом Управлении

не может иметь какого-либо значения; кроме того, я должен был снова ехать заграницу, а потому я окончательно решил, после приезда попросить Фишмана сделать меня консультантом, т. е. попросту свести на нет мою работу с ним. По поведению Фишмана я видел, что он решил отстранить меня от участия во всех серьезных делах, чтобы иметь лавры только для себя одного. Так, например, он был против введения предложенного мною вещества для поглощения ядовитых дымов в противогазах образца Прокофьева, и, как только я ушел из Управления, оно было совершенно из'ято из обращения. Когда Реввоенсоветом было решено построить Особую Химическую Лабораторию для Химического Управления, то Фишман ни разу не пригласил меня для обсуждения различных вопросов; а когда лаборатория была готова, я не был назначен членом ее Совета и потому не имел ни малейшего понятия о том, что там происходит; меня даже из вежливости ни разу не пригласили посетить эту лабораторию. Таким образом, с начала 1926 года я фактически перестал принимать активное участие в делах Химического Управления. Я несколько подробнее остановился на моем участии в делах Химического Управления, чтобы раз'яснить, что уже с этого времени я не был в курсе наиболее важных и секретных вопросов по химической войне и потому, когда я в 1930 году оставил СССР, то большевикам нечего было бояться, что я могу быть опасным в смысле передачи кому-либо военных тайн. И в этом моем жизнеописании я не позволю себе сказать ничего такого, что могло бы повредить моей родине, какое бы правительство не стояло во главе управления.

Я должен заметить, что, начиная с 1924 года, в конференции Артиллерийской Академии, где я продолжал состоять профессором химии, я поднял вопрос о необходимости создания особой химической лаборатории по ядовитым газам и по противогазам. Начальник Академии нашел организацию этой лаборатории крайне необходимой и было решено испросить кредиты для постройки такой лаборатории. Мне лично удалось найти в Военно-Техническом Управлении ВСНХ значительную

сумму денег для этой цели, а остальные деньги Академия получила от Военного Комиссариата, и я, при помощи преподавателя Академии, моего ученика А. К. Андрющенки и химика Н. Прокофьева, в короткое время оборудовал в отведенном нам помещении, отдельном от Химической Лаборатории Академии, новую лабораторию ядовитых газов. Я был назначен заведующим этой лабораторией, а А. Андрющенко — моим помощником. Обучавшиеся в Академии красные командиры должны были пройти практические занятия по изучению свойств ядовитых газов и их приготовления, а также ознакомиться с новейшими противогазами. Впоследствии, когда лаборатория была окончательно оборудована, в ней были организованы специальные дипломные работы, которые требовались от оканчивающих Академию для получения звания военного артиллерийского инженера. Об этих работах я буду говорить впоследствии.

С сентября 1925 года в Химической Лаборатории Академии Наук были введены новые штаты химических работников и я получил четырех штатных сотрудников. С этой целью я пригласил молодых химиков только что окончивших университеты, а именно Н. А. Орлова, Б. Н. Долгова и А. Д. Петрова, окончивших Петроградский Университет, и моего сына Владимира, окончившего Московский Университет. Для приглашения сына в мою лабораторию мне понадобилось подать особое прошение в Правление Академии о возможности такого совместительства. Я представил все данные, полученные мною из Московского Университета, характеризующие моего сына, как хорошего работника, публично защитившего свою дипломную работу. Как мне передавали (к сожалению, я был в это время в Ленинграде), защита прошла очень удачно при многочисленной аудитории, и сын обнаружил хорошие познания по химии, в особенности по физической химии.

Интересно отметить здесь один факт, иногда случающийся в начале карьеры молодых ученых, и который имел место как раз в учебе моего сына. При прохождении курсов химии он обратил особое внимание на физико-химию и изучал ее не

только по указанному руководству, но ознакомился с известным курсом Нернста. Он отправился экзаменоваться к проф. Шпитальскому, моему другу, с которым мой сын был хорошо знаком, так как Шпитальский нередко бывал нашим гостем. Я с нетерпением ожидал прихода моего сына с экзамена, хотя и знал, что сын основательно подготовился. Каково-же было мое удивление, когда я увидал моего сына, вернувшегося с экзамена очень расстроенным: хотя он выдержал кзамен, но получил только удовлетворительную отметку вместо «весьма»; однако, его привело в уныние, не столько это обстоятельство, сколько вся процедура его спроса. Он рассказал мне, что перед ним экзаменовалась одна студентка, которая с трудом и с помощью профессора могла давать ответы на заданные вопросы и в результате получила хорошую отметку. Когда же очередь дошла до сына, то профессор, вероятно, учитывал близкое знакомство со мной и желая быть в глазах всех экзаменующихся безусловно справедливым экзаменатором, принял такой тон и стал задавать такие вопросы, над которыми надо было очень и очень призадумываться и только тогда дать ответ. Несмотря на несколько нервное состояние, сын после обдумывания дал надлежащие ответы, которые, повидимому, все же не удовлетворяли Шпитальского. Он заметил сыну, что ему, имеющему такого отца, необходимо более серьезно заняться физической химией, тем более, — прибавил он, — что вам предстоит в будущем найти об'яснение с теоретической точки зрения значения открытых вашим отцом реакции вытеснения металлов из растворов их солей водородом под давлением.

«Я поставлю Вам удовлетворительно, — сказал Евг. Ив., — но когда Вам будет угодно придти ко мне экзаменоваться снова, чтобы получить «весьма», я всегда готов это сделать».

Сын был расстроен не тем, что получил только удовлетворительную отметку, а тем, что получил замечание от профессора, что он не достаточно серьезно отнесся к изучению этого отдела химии. Он решил более не ходить экзаменоваться для исправления отметки и в будущем, несмотря на эту неудачу,

сделался физико-химиком. По поводу этого инцидента я ничего не говорил с Евг. Ив., и он с своей стороны, будучи очень тактичным человеком, также не поднимал никакого разговора, и наши дружеские отношения остались такими же, какими были ранее.

Получив четырех химически-образованных ассистентов (надо заметить, что это случилось в первый раз в моей научной жизни), некоторые материальные средства для химических работ, а также еще три комнаты во втором этаже (под моей квартирой), я мог начать научные исследования, разделив темы между моими сотрудниками следующим образом. Орлов должен был продолжать мои исследования деструктивной гидрогенизации различных высоко-кипящих углеводородов и, кроме того, раз'яснить строение продукта, полученного мною несколько лет тому назад при гидрогенизации фенилового эфира под давлением. Разуваев получил тему гидрогенизации под давлением солей ароматических кислот в водных растворах и в твердом состоянии под влиянием различных катализаторов. Долгов занялся гидрогенизацией фенилзамещенных метанов и третичных ароматических алкоголей. Петров стал изучать реакции конденсации ацетона и кетонов под давлением в отсутствии и в присутствии катализаторов. Мой сын Владимир стал количественно изучать выделение меди из растворов водородом при различных температурах и давлениях. Кроме этих сотрудников из отделения Химического Института академика Курнакова, ко мне пришли работать по вытеснению металлов из растворов водородом Б. А. Муромцев и И. А. Андреевский.

Начиная с 1925 года, в моей лаборатории высоких давлений при Академии Наук началась систематическая научная работа, и в результатет ее начали получаться очень интересные данные, которые все были опубликованы в 1926 году в иностранных журналах, главным образом, в «Berichte» Немецкого Химического Общества. Уже в 1926 году было опубликовано 22 научных экспериментальных работ, обративших на себя внимание заграничных химиков, а некоторые из них, кроме

того, имели практическое значение. Наиболее интересной, с точки зрения практики, являлась работа по деструктивной гидрогенизации, которая явилась продолжением моей работой с Клюквиным относительно превращения нафталина в ароматические углеводороды, бензол, толуол и пр. под давлением в присутствии водорода. После этих работ появилась масса патентов в Германии и Франции с целью получать газолин и смазочные масла. Интересная работа была сделана И. А. Андреевским, которому удалось при помощи водорода под давление выделить из кислых разбавленных растворов (отбросы в производстве платины) всю находящуюся в них в очень малых количествах платину; обыкновенно такие растворы выбрасывались.

Большим затруднением для нашей работы под давлением было неимение хорошего компрессора. На отпущенные мне кредиты я просил Фишмана, когда он был еще заграницей, а потом его заместителя Луньева приобрести в Германии подходящий компрессор. Мы получили компрессор из Германии, но такой системы, и в таком состоянии, что нам пришлось его больше чинить, чем на нем работать. Несмотря на все эти трудности и на плохое оборудование, работа налаживалась и результаты получались очень интересные.

В 1925 году в ВСНХ различным отделам химической промышленности Пятаковым была дана задача составить планы дальнейшего ее развития, — как тогда говорилось, создать «гипотезу» ее поступательного движения. За эту работу было обещано особое вознаграждение и были образованы специальные комиссии, которые должны были рассматривать эти планы ранее, чем их препроводить к Пятакову. Работа эта продолжалась довольно долгое время и только в 1926 году она появилась в печати. Планы развития промышленности были составлены очень широко и видно было, что в большинстве случаев они составлялись людьми, не имевшими большой заводской практики. В особенности была преувеличена программа развития красочной промышленности. Интересно заметить, что эта «гипотеза» проникла заграницу, и в Германии И. Г. сильно

ее раскритиковала. Критики доказывали, что даже такая организация, какой является И. Г., и та не могла бы справиться с подобной «гипотезой». Неудивительно, поэтому, что она не имела никакого влияния на эволюцию нашей химической промышленности, но именно она породила идею пятилетнего плана, который должен был быть проработан Госпланом и представлен на утверждение правительства. Я не принимал никакого участия в разработке «гипотезы» и не участвовал в ее обсуждении в комиссии Пятакова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК

В 1925 году исполнялось 200 лет со дня основания Академии Наук Петром Великим. Советское правительство решило отпраздновать это событие и пригласить на этот праздник иностранных ученых. Было постановлено отпустить соответствующие кредиты Академии Наук, чтобы показать загранице, как чтут в СССР науку и ее адептов. Главная тяжесть работы была возложена на вице-президента Академии Наук Вл. Ал. Стеклова и на ее непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга. Празднование было назначено на середину сентября, — время очень удобное для иностранных ученых, так как они имели учебные вакации. Были разосланы во все страны приглашения всем научным Обществам и выдающимся ученым. Ко дню празднования в Ленинград собралось до 200 иностранных ученых и было получено более 400 поздравительных телеграмм.

Празднество открылось в Доме Профсоюзов (бывшее Дворянское Собрание), в Колонном зале, которое было переполнено, как внизу, так и на хорах. Члены Академии Наук сидели на эстраде; непосредственно за эстрадой помещался оркестр, а первые ряды были заняты гостями — иностранными учеными. Первое поздравление от лица правительства принес Всероссийский Староста Калинин, а затем последовал гимн —

интернационал, а потом, под управлением нашего знаменитого композитора — Глазунова, оркестром была исполнена сочиненная им соната в честь юбиляра, Академии Наук. Затем были сказаны речи Стекловым и им прочитаны только поздравления иностранных Академий Наук, а затем заключительное слово произнес С. Ф. Ольденбург, которого, к сожалению, никто не мог услыхать, так как он был совершенно без голоса, который он потерял, вероятно, от чрезмерной работы по подготовке к юбилею.

Вечером состоялся банкет в бывшем Михайловском Дворце (в котором помещался Музей русского искусства), в одном громадном вновь отстроенном и отделанном зале; на банкете участвовало более 1,000 человек, и яства и вины были великолепны и по своим качествам ничем не отличались от довоенного времени. На другой день был устроен целый ряд экскурсий, и, надо отдать справедливость устроителям, везде царил полный порядок. Ленинградский Совет также устроил в честь юбиляра — Академии Наук, торжественное заседание, — в Таврическом Дворце, куда конечно, были приглашены все иностранные гости. Заседание происходило под председательством Зиновьева, который в своей речи подчеркнул необходимость тесной связи людей науки и рабочих для пользы трудящихся Союза. На эту речь непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург ответил коротко, что мы клянемся поддерживать эту связь и в доказательство поцеловал Зиновьева на радость собравшимся депутатам. Экскурсии продолжались два дня и после все гости и члены Академии Наук отправились в Москву.

Среди химиков, посетивших юбилей, были проф. Тамман (Геттинген), проф. Фаянс (Мюнхен), проф. Ейлер (Стокгольм), Кристиансен (Копенгаген) и другие; из физиков был Планк (Берлин) и Раман (Калькутта) и др. В Москве гости осматривали все достопримечательности, а также Кремль, а затем советское правительство устроило прощальный банкет в Колонном зале Дома Профсоюзов (бывшее Дворянское Собрание). Банкет был роскошный, шампанское лилось рекой,

вино, икра и закуски были замечательные, но порядка на банкете было очень мало. Председателем банкета был Л. Б. Каменев, который не переставал просить публику сидеть потише и не говорить в то время, когда произносили тосты и речи, но все было напрасно, шум стоял невообразимый. Иностранные гости благодарили хозяев очень сердечно и сказали, что они не забудут такого радушного приема. Тов. Луначарский сказал свою речь на 5 языках, из которых один был латинский, и вызвал бурю аплодисментов. Заключительную речь сказал Литвинов по-английски, которую я, конечно, не понял, да и расслышать мне было очень трудно из ужасного шума очень развеселившейся под конец публики.

После окончания торжеств Академии Наук, гости-химики остались еще на несколько дней в Москве, так как на другой день открывался Менделеевский с’езд по чистой и прикладной химии. На этом с’езде проф. Фаянс и Раман должны были сделать доклады о своих новейших работах. В Организационном Комитете Менделеевских с’ездов, было внесено предложение пригласить Л. Д. Троцкого на открытие с’езда и просить его сделать соответствующий доклад. Предложение было принято, и я обратился к Л. Д. с просьбой от имени с’езда сделать доклад на тему, которую он найдет наиболее подходящей, но, конечно, касающейся более научной области. Он согласился. Мне было поручено в этот-же день после доклада Троцкого сделать также доклад общего характера, касающийся Советской Химической Промышленности. Свой доклад я озаглавил: «Положение и задачи Советской Химической Промышленности».

По качеству заявленных докладов, можно было предполагать, что Менделеевский С’езд будет интересным и многолюдным. Успех превзошел все ожидания. На с’езд приехало около 1500 человек и на первом общем заседании при открытии с’езда присутствовало около 2000 человек. Громадный зал Московской Консерватории был переполнен, и не все желавшие могли посетить заседание. Первая довольно короткая речь была сказана председателем с’езда, проф. В. С. Гулевичем, а затем был выбран обычный почетный президиум

с'езда. В состав этого президиума были избраны Троцкий, Пятаков и Уншлихт. Пятаков, присутствовавший на заседании, поблагодарив за избрание, сказал несколько слов по поводу необходимости широкого развития химических знаний, но закончил свою краткую речь неуместным изречением: «нам наука для науки не нужна». Потом он сам раскаивался в этой фразе, сказав мне, что ее не следовало произносить.

Затем при долгих несмолкавших аплодисментах на кафедру взошел Троцкий для доклада на избранную им тему: «Менделеев и Марксизм»*). Со свойственным ему талантом оратор великолепно произнес свою речь, но если вникнуть в ее содержание, то у каждого останется очень неблагоприятное впечатление. Всякий, кто знал Менделеева лично или по наслышке, а также по его произведениям, не касающимся химии, никак не мог себе представить, что он был в какой-либо мере заражен идеями марксизма. Выбившись из бедности, Менделеев отлично понимал цену деньгам и был очень расчетливым, даже скупым человеком; он скопил себе изрядное состояние и был скорее капиталистом, но ни в коем случае не марксистом.

Троцкий основательно подготовился к лекции, и правильно трактовал о значении периодического закона в химии; приводимые им данные были совершенно верны и правильно истолкованы. Но в общем лекция для химиков не представляла из себя ничего интересного, а цитаты из сочинений Менделеева, приведенные Л. Д. с целью доказать, что ему были присущи некоторые идеи марксизма, не были убедительны. Тотчас же после речи Троцкий покинул заседание.

Мне опять пришлось выступать после Троцкого, такого большого оратора и публициста и, понятно, это несколько нервировало меня. Но я быстро овладел аудиторией и произнес свою речь, не глядя в написанную заранее статью. В своей речи старался доказать, что в СССР надо развивать, главным образом, основную химическую промышленность, как-то производство кислот, щелочей, аммиака, искусственных удобре-

---

*) Вполне точного заглавия я не припоминаю; может быть, оно было «Менделеев — марксист».

ний и т. п. до полного насыщения мирных и военных потребностей. Если мы не в состоянии дать новых, более экономичных способов получения этих веществ, то надо купить лицензии и техническую помощь заграницей во избежание потери времени; наши химики и инженеры, будучи ознакомлены с сущностью дела, будут потом в состоянии усовершенствовать методы их получения и таким образом разовьется та или другая отрасль химической промышленности. Если-же мы будем сразу гнаться за развитием не только основной, но и более сложных отраслей химической промышленности, то в виду недостатка в опытных технических кадрах, мы не будем иметь нигде необходимого успеха. Это был главный мотив моего сообщения, его правильность я иллюстрировал примерами из истории развития химической промышленности заграницей. Многие инженеры были согласны с моей точкой зрения, но Ю. Л. Пятаков, стоявший во главе всей промышленности, не разделял моих убеждений и в появившейся вскоре статье он критически отнесся к плану развития химической промышленности, развитому мною на с'езде.

Доклады проф. Фаянса (Германия) и Рамана (Индия) были сделаны в зале Карповского Института и имели очень большой успех. В течении нескольких дней происходили заседания секций при участии большого количества посетителей и очень интересных дискуссий. Было назначено 2 общих собрания, на которых были сделаны доклады общего характера. Докладчиками выступали проф. А. Е. Чичибабин: «Новейшие исследования и теории в органической химии», Н. Д. Зелинский: «О дегидрогенизации нафтенов» и В. Н. Ипатьев: «О вытеснении металлов и их окислов из растворов их солей под давлением водорода».

Доклад А. Е. Чичибабина явился замечательно полезным для С'езда, так как автор, знаток органической химии, привел наиболее интересные синтезы и работы, сделанные в органической химии за последние 10 лет, когда многим химикам было совершенно невозможно следить за заграничной литературой в виду ее отсутствия в Союзе; он был отблагодарен шумными апплодисментами.

Мой доклад, состоявшийся в большой зале Политехнического Музея, состоял из описания опытов, произведенных мною в течении последних трех лет над выяснением хода реакций, которые происходят при действии водорода под большим давлением и высоких температурах на неорганические соединения. Эти работы были сделаны отчасти в лаборатории Артиллерийской Академии, а также и во вновь организованной маленькой лаборатории в моей квартире Академии Наук. Я уже говорил ранее, что мне с моими сотрудниками удалось получать окислы металлов в виде прекрасно развитых кристаллов. Кроме того, нам удалось (В. И. Николаев) получать природные минералы, основные железные соли фосфорной кислоты, «вавианиты» тоже, в виде чудных кристаллов разных цветов. Наконец, при действии воды на фосфор при высокой температуре и давлении нам удалось получить кристаллический фиолетовый (и даже иногда черного цвета) фосфор с большой плотностью, рентгеновское изучение которого доказало его структуру. При этом было замечено, что часть фосфора окисляется в фосфорную кислоту, а часть его, с выделяющимся при первой реакции водородом, образует фосфористый водород. Эти опыты произвели на присутствовавших очень большое впечатление. Мне приходилось работать при высоких температурах 350—360 град. и давлении до 300 атмосфер, когда стекло и кварц нацело разлагаются водой (разложение стекла водой под давлением начинается уже при 200 град.). Вследствие этого реакции мы вели в длинных золотых и платиновых трубках, которые закрывались такими-же колпачками таким манером, чтобы оставались только капилярные отверстия; это надо было сделать для того, чтобы диффузия паров воды происходила очень медленно, и чтобы во все время опыта, продолжавшегося иногда 24 часа, в трубке находился бы водной раствор взятой для исследования соли. НТО помогло мне приобрести платиновую трубку (ей длина 56 сант. и диаметр около 1½ сант.), стоившую в то время более 2,000 рублей; золотые трубки я приобрел на свои деньги, а также на деньги отпущенные для опытов НТО. Опыты с фосфором я делал в

серебрянных трубках, так как я открыл, что фосфорная кислота совершенно не раз'едает стенок серебряной трубки. Опыты с окислением фосфора водой под давлением привели меня впоследствии к открытию способа получения чистой фосфорной кислоты и чистого водорода, о чем я скажу несколько подробнее, описывая мою научную работу в Германии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ТРОЦКИЙ В НТО

В 1926 году в моей деятельности произошли крупные перемены, которые имели сильное влияние на всю мою дальнейшую жизнь в СССР.

Наша русско-немецкая комиссия по выработке ядовитых газов отнимала у меня не мало времени, так как шли нескончаемые пререкания с немецкими представителями относительно сроков доставки оборудования и его установки. В эту комиссию был приглашен Е. И. Шпитальский, который к тому времени вполне установил в малом заводском масштабе производство горчичного газа и теперь получал поручение Военно-Химического Управления поставить выработку фосгена. Его работы в лаборатории продвигались очень успешно, и он стал хлопотать о поездке заграницу, чтобы закупить некоторые аппараты, необходимые для его полу-заводских установок. Он был приглашен очень часто в русско-немецкую комиссию для обсуждения различных вопросов в особенности по поводу предлагаемых нам немцами способов получения эфира и фосгена. В то время председателем этой комиссии был Мархлевский, как я уже говорил ранее, человек очень настойчивый и имевший в партийных кругах значительное влияние. Благодаря ему, Шпитальскому удалось поехать заграницу, в Германию, и ему комиссия дала поручение переговорить с проф. Габером по поводу надежности предлагаемых Штольценбергом способов получения ядовитых газов. Проф. Габер продолжал оставаться

консультантом немецкого правительства по делам химической войны и потому был в курсе взаимоотношений русского и немецкого правительств. Штольценберг был хорошо известен Габеру, так как он у него работал во время войны.

Шпитальский пробыл заграницей более 2 мес. По возвращении в начале июня он сообщил нам, что он имел продолжительный разговор с Габером, который дал благоприятные отзывы о Штольценберге и об его способах изготовления иприта и фосгена и находил очень целесообразным нашу совместную работу. Он просил Е. И. передать мне большой поклон и прибавил, что будет очень рад увидать меня, когда я опять приеду в Берлин. Е. И. сделал необходимые заказы нужных ему аппаратов, а кроме того, составил довольно широкие сметы для приобретения целого ряда приборов для работы под большими давлениями. Об этих своих предположениях он мне ничего не сказал, хотя мы были очень дружны с ним; я узнал об этих заказах только через год и тогда дал ему хороший совет, какие изменения надо сделать, чтобы аппараты высокого давления, которые он заказал у фирмы Гоффер в Мюльгейме, могли хорошо выдерживать большие давления. Он без замедления дал тогда приказ Гофферу о соответствующих изменениях. Бедному Е. Ив. все же не удалось работать с этими аппаратами, так как к их прибытию в СССР он уже был арестован, и этот заказ был даже поставлен ему в вину, так как работы под высокими давлениями не входили в программу его работ.

В Научно-Техническом Отделе жизнь продолжала идти обычным темпом, и правительство отпустило хорошие кредиты для постройки новых зданий для исследовательских Институтов. Впервые стало воздвигаться здание института прикладной Минералогии и Металлургии. Для испрошения кредитов для этого Института мне приходилось ездить по разным учреждениям вплоть до ЦИК-а. Моя забота о развитии этого Института была оценена, и в 1927 году, я получил от Института теплый адрес, в котором, между прочим, подчеркивалась моя роль в деле постройки нового здания Института.

Л. Д. Троцкий, по мере возможности, посещал наши заседания Коллегии, и тогда я предлагал ему вести заседание. Но в большинстве случаев вся работа лежала на моих плечах. В важных случаях мы обращались к Л. Д. или по телефону, или же приезжали к нему в Главный Концессионный Комитет, где он был председателем. Больше всего мы тревожили его по финансовым вопросам, прося его поддержки в высших сферах; в этих случаях больше всего приходилось иметь дело Я. Флаксерману, который был его большим поклонником и, кажется, пользовался его взаимностью. На основании сложившихся отношений в НТО я пришел к заключению, что было бы более целесообразно, если бы Л. Д. Троцкий стал бы числиться председателем НТО, а я его заместителем. Посоветовавшись с моим заместителем Л. К. Мартенсом, к которому я питал большое доверие, я решил написать официально Троцкому, прося его принять звание председателя Коллегии НТО, оставляя меня в НТО в качестве его заместителя. Повидимому, я угадал желание Л. Д., потому что получил очень быстро положительный ответ и тотчас-же дал делу законный ход; в скором времени я стал заместителем Троцкого по НТО.

Фактически никаких изменений в НТО не произошло и после этой перемены Троцкий, пожалуй, стал еще реже бывать в НТО. Иногда мое положение бывало затруднительным, так как несмотря на свое высокое положение, Л. Д. порою не выявлял своего определенного решения по возбужденному вопросу. Я приведу один пример: в коллегии НТО под председательством Троцкого разбирался вопрос о передаче Геологического Комитета в ведение НТО. Вопрос об этой передаче поднимался несколько раз, но не получал окончательного решения. Как учреждение, которое занимается научными изысканиями, оно должно было быть в таком органе, как НТО. Но для придания ему большого государственного значения, а, следовательно, и более щедрого финансирования, представители Геологического Комитета стояли за непосредственное подчинение Совнаркому или ЦИК-у. Во время обсуждения этого вопроса, были, конечно, высказаны мнения за и против, и в

доказательство необходимости его подчинения НТО указывалось, что Главная Палата Мер и Весов также находится в ведении НТО и никакого ущерба от этого она не терпит. При голосовании, голоса почти разделились, — с небольшим перевесом в пользу подчинения Комитета НТО. Сделав подсчет, Троцкий не высказал, на чью сторону он сам склоняется. Тогда я спросил:

«А Вы, Л. Д., за какое решение подаете свой голос?»

На это я получил ответ:

«Я воздерживаюсь от подачи голоса».

Так как Троцкий не бывал на заседаниях Президиума ВСНХ, а все главные организационные вопросы восходили на обсуждение и утверждение Президиума, то все раз'яснения и их защиту возлагались тогда на мою персону. Я предвидел, что в Президиуме меня спросят, каково мнение Троцкого, который в то время уже являлся председателем Коллегии, и потому я тотчас-же спросил Л. Д.:

«А что мне сказать в Президиуме, если меня спросят о Вашем мнении и какую точку зрения мне надо защищать относительно Геологического Комитета?»

«Ту, которую Вы найдете более целесообразной, принимая во внимание все обсуждение этого вопроса в НТО».

Я никогда не ожидал от Троцкого подобного отношения к делу и не мог уяснить себе его уклонения от подачи своего голоса за то или другое решение. После обсуждения этого вопроса, он тотчас-же покинул заседание и, насколько я помню, это было последнее заседание Коллегии, на котором он присутствовал; в скором времени мне пришлось уехать заграницу; за это время произошли такие события, что Троцкий ушел из ВСНХ, а я также был отставлен от должности заместителя председателя Коллегии НТО.

Главное Химическое Управление в 1926 году окончательно было сформировано и на многочисленных заседаниях иногда под председательством Юлина, а, главным образом, под моим и Киселева, были обсуждаемы главнейшие проблемы химической промышленности и была рассмотрена деятельность всех

химических трестов и планы дальнейшей их деятельности. Большое внимание было уделено развитию промышленности связанного азота. В это время были посланы наши инженеры в Италию на завод аммиака Казалле, чтобы изучить во всех деталях каталитический синтез аммиака, а также следить за исполнением заказов нашей установки для получения аммиака. Но мною перед Химическим Управлением, а также в президиуме ВСНХ был возбужден вопрос о необходимости установить производство у нас кальций цианамида. Этот продукт идет как азотистое удобрение и потому имеет очень важное значение в сельском хозяйстве. Агрономические опыты показали, что это удобрение для полей лучше, чем сернокислый аммоний, так как последний, как содержащий серную кислоту, вредно действует на почву, делая ее более кислой. Изготовление цианамида кальция интересно для нас еще и потому, что для его изготовления необходимо сначала приготовить кальций карбид (соединение кальция с углем), который идет на приготовление газа ацетилена, при действии на первый только водой. Во время же войны из кальций-цианамида легко можно получать аммиак, который при окислении будет давать азотную кислоту, необходимую для изготовления взрывчатых веществ. Мое предложение было одобрено и Химическим Управлением, и Президиумом ВСНХ; было постановлено, чтобы я поехал заграницу и осмотрел различные установки производства цианамида кальция и выбрал бы наиболее для нас подходящую. Но я был избавлен от заключения каких-либо контрактов, так как было решено, что после моего возвращения из заграницы и доклада, будет послана специальная комиссия, которая и оформит заказ с той или другой фирмой. Я был доволен такому решению, и только просил, чтобы мне дали в помощь проф. А. Е. Мозера, лучше владеющего языками. Моя просьба была удовлетворена, и мы оба были командированы заграницу.

Перед самым нашим от'ездом, в Комиссии по связанному азоту обсуждался вопрос о способе Фришера, опытная установка которого должна была быть установлена на Юзовском азотном заводе. Полученные сведения с завода указывали, что

хотя многие части аппаратуры получены и идет сборка, но когда будет приступлено к опытам поглощения окислов азота, неизвестно. Присутствовавший на заседании член правления треста основной химической промышленности В. Н. Деханов (военный инженер-технолог, мой ученик) заявил, что трест предполагает в недалеком будущем дать Фришеру заказ на его установку, не дожидаясь результата опытов в Юзовке. В комиссии были высказаны опасения, что без испытания опытной установки рисковано делать заказ на большую установку, и было предложено тресту повременить с этим заказом.

В виду появившихся в кулуарах ВСНХ различных разговоров относительно неправильных действий комиссии по связанному азоту, я решил сделать доклад Ф. Дзержинскому о всей деятельности комиссии. Дзержинский выслушал мой доклад с полным вниманием и посоветовал не обращать внимания на сплетни; он уверил меня, что вполне доволен нашей работой и что я всегда найду в нем поддержку, так как он вполне мне доверяет. Это был мой последний разговор с Дзержинским, так как через два месяца после этого разговора, когда я был еще заграницей, он умер от разрыва сердца. Дзержинский на деле, а не на словах, очень ценил мою работу, и незадолго до моего от’езда заграницу он просил А. И. Юлина передать мне, что я опять делаюсь членом Президиума с решающим голосом по всем вопросам, рассматриваемым в Президиуме ВСНХ.

По приезде в Берлин мы отправились сначала к Bayerische Stickstoff Werke к др. Н. Каро, чтобы переговорить об условиях продажи нам лицензии на изготовление кальций цианамида и попросить его составить нам смету на производство известного количества этого продукта. Каро сказал нам, что он не может взять на себя составление сметы, и что для этого надо обратиться к фирме Борзиг, которая составит проект для данной производительности и вычислит точно стоимость оборудования и ее монтажа. Каро сказал, сколько приблизительно может стоить установка производства желаемого количества цианамида вместе с лицензией.

В это же время в Берлине нас посетили представители другой немецкой фирмы (не крупной), тоже изготовляющей цианамид и предлагали нам осмотреть их завод кальция, карбида и цианамида. Они дали нам смету гораздо меньшую, чем Байерише Штикштоф Верке, и уверили нас, что их способ ничем не хуже, чем способ их конкурента. Мы осмотрели завод, и постановка производства произвела на нас благоприятное впечатление. Мы осмотрели подробно все детали, выходы продукта, а также потребление энергии на единицу связанного азота; эти данные показали нам, что их способ менее экономичен, чем способ Байерише Штикштоф Верке. Мы имели еще одно предложение шведской фирмы «Суперфосфатных заводов» и сговорились с ней, что мы через некоторое время приедем в Стокгольм для переговоров и осмотра заводов. Кроме проблемы кальций цианамида мы имели также поручение посетить в Италии заводы Казалле и переговорить с ним по поводу некоторых недоразумений, которые возникли во время исполнения заказа.

Ехать в Италию мы решили через Францию, так как мне надо было повидать И. Е. Фроссара, моего друга и помощника по Химическому Комитету во время войны; он был директором заводов Кульмана и я хотел переговорить с ним относительно продажи красок и получении за это от них технической помощи. Кроме того, было интересно попутно осмотреть заводы Клодта по получению аммиака под большими давлениями.

При свидании с Фроссаром я об'яснил ему, что его посетит комиссия Анилтреста в составе Ландау, Годжелло, Родионова и Ворожцова, которая потом поедет в Америку с той же целью для искания технической помощи при фабрикации красок. Я сказал ему свое мнение, что было бы желательно установить деловые отношения с его фирмой, которая занимает такое видное положение в химической мировой промышленности. И. Е. Фроссар обещал мне сделать все возможное для установления связи с нашей красочной промышленностью и предложил мне с Мозером осмотреть их красочные заводы, которые я уже видел ранее. Осмотр заводов показал мне, что французы

усердно работают для развития у себя фабрикации красок, но одно только меня огорчило — слабая постановка научных исследований в химической лаборатории; без этих научных работ невозможно создать школу химиков-специалистов в красочной промышленности, которая так сильна в Германии. Брат Фроссара, Людвиг, который тоже был у меня в Химическом Комитете во время войны, рассказал мне об ассортименте красок, которые они уже изготовляют, как для своей страны, также и для заграницы; из него выработался очень опытный и очень способный руководитель всего заводского дела по изготовлению красок.

Между прочим, на заводе работали в качестве химиков несколько русских и их работой французы были очень довольны; один из них, Борис Петрович Сысоев, бывший мой управляющий по канцелярии во время войны, будучи командирован советской властью по делам содового производства, стал невозвращенцем, и Фроссар взял его на работу на заводе. Он мне рассказал при свидании, что он недоволен работой и был бы очень рад вернуться в СССР и просил меня помочь ему в этом деле. Впоследствии, когда я вернулся в СССР, я переговорил с председателем треста Л. Н. Ландау по поводу Сысоева, и он в сравнительно скором времени возвратился в СССР на работу в тресте. Его судьба была очень печальна: боясь преследования ГПУ, он покончил с собою, так как он был убежден, что за свое пребывание заграницей в качестве невозвращенца он рано или поздно все равно будет расстрелян. Об этом он мне говорил незадолго перед своим самоубийством, когда однажды пришел ко мне на квартиру, чтобы излить мне свои сомнения. Я утешал его, как мог, говоря, что его, как специалиста и нужного работника, в крайнем случае арестуют и пошлют куда-нибудь на завод на принудительную работу по его специальности, но вовсе не подвергнут расстрелу.

Благодаря ходатайству моего хорошего друга, академика С. Матиньона, я и Мозер были допущены к осмотру заводов Клодта по изготовлению аммиака под давлением 1000 атм. Я был на этом заводе ровно год тому назад и должен был кон-

статировать, что весь способ производства не произвел ни на меня, ни на Мозера такого впечатления, чтобы мы могли его рекомендовать для установки в СССР. Остальное виденное на заводе достойно всякой похвалы. Самого Клодта мне не удалось видеть; через год в Париже я познакомился с этим в высшей степени интересным человеком, весьма талантливым инженером, новаторские идеи которого известны всему научному и техническому миру.

Директор заводов Comargue и Co. говорил мне, что несмотря на то, что система Клодта установлена на некоторых заводах во Франции, большинство заводов синтеза аммиака работает по способу Казалле, как более экономному и более безопасному. В то время в Париже находился сам Казалле; он жил тогда в отеле «Мажестик», и мы отправились навестить его. Мы застали его в плохом состоянии: у него был сильный туберкулез, и о делах с ним надо было говорить очень осторожно. Он нас принял очень гостеприимно, угощал чаем, и сказал, что все сделает, чтобы контракт был выполнен полностью. Он просил нас, чтобы мы после осмотра его завода и ознакомления с ходом нашего заказа написали ему о всех недоразумениях и обещал постараться тотчас-же все исправить. Я видел Казалле в последний раз, — через несколько месяцев он скончался.

Когда мы приехали в Рим, то получили известие о смерти Дзержинского; в ВСНХ ожидали больших перемен. Смерть Дзержинского на меня произвела тягостное впечатление, так как я предчувствовал, что наша работа в ВСНХ пойдет в дальнейшем не к лучшему, а к худшему. Несмотря на всю жестокость, проявленную Дзержинским к буржуазному классу, надо отдать ему справедливость, что он очень ценил специалистов, сознавая, что их надо беречь, привлекать на свою сторону; ибо без их работы невозможно правильное дальнейшее развитие промышленности. Мои опасения еще более увеличились, когда я узнал из газет, что председателем ВСНХ назначен Куйбышев, которого я хорошо знал, так как мы были вместе с ним в течении года в Президиуме ВСНХ. Это был недалекий,

тупой человек, совершенный невежда в промышленности, не имевший своего мнения и соглашавшийся с желаниями людей, поставленных над ним. Во всяком случае мои симпатии не лежали к нему; он с своей стороны, видимо, не доверял мне, и можно было заранее предполагать, что едва ли он захочет, чтобы я продолжал занимать кресло в Президиуме ВСНХ. Из газет я узнал, что смерть Дзержинского последовала после очень бурного и продолжительного заседания Политбюро, где он произнес большую речь, обвиняя Пятакова, своего первого заместителя по ВСНХ, за его вредные советы.

«Я ему верил полностью», — говорил Дзержинский, — «полагал, что все меры, которые он мне рекомендовал, послужат на пользу советской промышленности, а оказалось, что, на самом деле, все его советы только служили ей во вред. Он меня обманывал самым беззастенчивым образом».

Я был поражен, что «Известия», официальный орган ЦИК-а мог напечатать подобную статью о заседании Политбюро, которые обыкновенно являются секретными, — в особенности в части, касающейся взаимоотношений его членов. Было ясно, что враги Пятакова воспользовались случаем его ссоры с таким важным сановником и постарались обвинить его одного во всех неуспехах промышленности, чтобы его убрать с высокого поста, причислив его к стану Троцкого. Конечно, немедленно последовало его увольнение из ВСНХ и назначение его впоследствии на должность директора Госуд. Банка, что было несомненно огромным понижением. Одновременно Троцкий был уволен из ВСНХ и оставался только в должности председателя Концессионного Комитета. Таким образом, НТО остался как бы без председателя, так как Троцкий уже больше не принимал никакого участия в его делах и не являлся на заседания Коллегии.

В Риме фашистский режим давал себя чувствовать во всем. Правда, в Италии был великолепный порядок, везде чистота, но отношение к иностранцам, — в особенности к русским с советским паспортом, — было очень подозрительное. Не успели мы пробыть и одних суток в гостиннице «Конти-

нентальֽ», как полиция потребовала, чтобы мы немедленно явились с нашими паспортами для дачи необходимых сведений о нашем прошлом. В полиции нам пришлось пробыть не менее часа и давать сведения не только о родителях, но даже о бабушках и дедушках, а также и о родных наших жен. Эти беседы были не очень приятны, — в особенности в виду незнания итальянского языка. Нам было приказано дать знать, когда мы покинем Рим и куда мы намерены выехать.

На заводе Казалле мы получили ответы на все наши вопросы, встретили нашего инженера, который изучал процесс, но он сказал нам, что приготовление катализатора для синтеза аммиака ему не показывают, говоря, что его изготовление будет сообщено в СССР, когда будет монтаж всего оборудования. Дальнейшее ознакомление с процессом синтеза аммиака по методу Казалле подтвердило, что наш выбор этой первой установки вполне правилен и что мы вскоре получим возможность производить в СССР важнейший химический продукт, необходимый, как для обороны страны, так и для земледелия.

В Германии мы должны были посетить опытную установку Фришера для поглощения окислов азота и превращения их в азотную кислоту. Эта установка была построена на одном заводе в Кельне, и мы отправились туда, чтобы посмотреть ее в действии. Осмотр нас удовлетворил, и мы могли сообщить комиссии связанного азота, что результаты, достигнутые Фришером, вполне удовлетворительны и что надо поскорее пустить в ход аппарат, уже давно посланный на Юзовский завод, и окончательно убедиться в преимуществе способа Фришера перед способом Байерише Штикштоф-Верке, который требует постройки дорогих колонн для поглощения окислов азота.

Для окончательного выяснения вопроса о выборе наиболее подходящей для нас установки для производства кальций цианамида нам предстояло с'ездить в Швецию и осмотреть завод, изготовляющий этот продукт, — он принадлежал Об-ву Суперфосфатных Заводов. Директор завода г. Ридлинг оказался очень симпатичным человеком, очень сведущим инженером и рассказал нам все детали производства интересующего

нас продукта. Цена на лицензию их способа была гораздо ниже той, которую назначил нам Каро. Наше путешествие для осмотра завода на север Швеции в то время года (июль) было очень приятным. Север Швеции очень напоминал красивую природу Финляндии и отличался лишь более мягким ландшафтом. Очень интересными представлялись для нас сплавные реки и каналы, по которым с громадной быстротой неслись огромные количества бревен, предназначенных для спичечных фабрик и для других целей. Начальство заводов оказало нам большое гостеприимство и показало не только производство цианамида, но также и другие производства и синтез аммиака. Заводы были в очень хорошем состоянии и все располагало к тому, чтобы мы дали заказ этому обществу.

Шведский народ отличается большой честностью и простотой в обращении. Во время нашего пребывания в Стокгольме мы никогда не запирали наших комнат в отеле; воровство в Швеции исключительно редкое явление. В последний вечер нашего пребывания на заводе, после обеда у начальника завода, хозяйка дома, очень симпатичная особа, заметила, что у меня оторвалась пуговица у сюртука; она немедленно настояла на том, чтобы я позволил ей проделать нужную операцию. В Стокгольме мы еще раз виделись с Ридлингом и взяли от него все необходимые данныя и сметы.

В Берлине я встретил В. И. Глебову (коммунистку), которая была прислана советским правительством для ревизии Бинта*) и для выполнения некоторых других поручений. Она сообщила мне, что Чекин, член Комиссии по заказу оборудования для заводов связанного азота, заказал фирме Борзиг детальный проект завода кальций цианамида за сумму 15.000 марок. Фирма Борзиг выполнила этот заказ и представила альбом рисунков и счет и потребовала деньги. Глебова, рассказав об этой истории, просила меня уничтожить эту сделку, так как представленный альбом чертежей совершенно не представляет из себя детального проекта завода, а есть собрание рисунков зданий, которые необходимы для размещения обо-

*) Бюро иностранной научно-технической помощи для СССР.

рудования. Когда я увидал этот альбом, то вполне согласился с Глебовой. Чекин, не посоветовавшись, сделал ненужный заказ. Мне пришлось отправиться к моему приятелю Каро, рассказать ему эту историю и просить его помочь аннулировать этот заказ. В назначенное время был вызван в кабинет Каро один из директоров Борзига и в моем присутствии было подвергнуто критике произведение их фирмы. Я указал, что мы охотно возвращаем этот альбом фирме, которая может его показывать на какой-либо выставке технических проектов, но он совершенно не нужен нам, потому что ровно ничего не дает ни с какой точки зрения. После долгих дебатов, представитель Борзига уступил и в их пользу остался только тот задаток, который был дан в обеспечение заказа.

Фирма Bayerische Stickstoff Werke была осведомлена относительно нашего обследования способов получения цианистого кальция и при всяком удобном случае Каро доказывал мне, что их способ стоит на первом месте, как по выходу продукта, так и по минимальному расходу энергии на киллограм связанного азота. Я вполне верил его заявлению, но так как наша первая установка не была очень большой, а Каро за лицензии хотел очень большой гонорар, то являлось еще спорным, какую установку нам надо принять для нашего первого завода. Все эти данные мы представили в Совет Главного Химического Управления, который и должен был решить, какой фирме дать заказ.

Каро узнал также о наших переговорах с Фришером и был этим весьма недоволен. Когда к нему за каким то делом пришел инженер З. Гольдберг, который нам рекомендовал Фришера, то Каро накричал на него и почти что выгнал из кабинета, сказав, что с такими невеждами он не желает тратить времени. При свидании со мной Каро подтвердил свое недовольство относительно нашего знакомства с Фришером, но было уже поздно, так как комиссия с Гальперином во главе дала последему заказ на опытную установку. Каро высказал свое неудовольствие по поводу нашего нежелания заказать у него башни для уловления окислов азота, также инженеру В. А. Кравецу,

которого он просил передать мне письмо с подробным изложением выгоды их способа поглощения окислов азота. Несмотря на все эти трения, отношения между мной и Каро были самые приятельские; за его исследования по кальций цианамиду он был предложен мною в члены корреспонденты нашей Академии Наук ко дню ее 200-летнего юбилея и получил диплом от последней. Я передал письмо Каро в Совет Химического Управления, но в результате Каро получил только заказ на аппараты каталического окисления аммиака. Точно также после обсуждения наших данных относительно постройки завода кальций цианамида Главное Химическое Управление решило в виду громадной разницы в цене лицензий и оборудования передать заказ шведской фирме.

Перед моим от'ездом из Берлина я виделся с проф. Ф. Габером; он пригласил меня к себе на завтрак в Dahlem, и мы имели очень продолжительную беседу, касающуюся, главным образом, изготовления ядовитых газов. Так как он был в курсе всех дел нашей комиссии, то с ним можно было говорить совершенно откровенно и рассказать о всех наших горестях, причиненных нам известным ему д-ом Штольценбергом. Он выслушал очень внимательно мою характеристику и мне в утешение мог сказать только, что без помощи Штольценберга мы вообще не могли бы построить этих заводов. Я ответил в очень определенной форме, что не имел бы ни малейшего опасения в случае ухода Штольценберга, так как проф. Шпитальский разработал способ получения ипирита не только в лабораторном, но и в полузаводском масштабе и едва ли он будет хуже немецкого способа. Он был очень удивлен моими словами, и я не могу утверждать, что он поверил полностью моим словам. Конечно, по приезде в Москву я передал весь этот разговор нашей русско-немецкой комиссии.

Я не могу не упомянуть об исполнении одного поручения, которое я получил телеграфно из Москвы во время моего пребывания в командировке в июне 1926 года. Мне телеграфировали из Москвы, чтобы я с Мозером проверили бы предложения, сделанные различными немецкими фирмами относи-

тельно постройки коксовых печей в СССР с улавливанием побочных продуктов коксования. Это поручение было дано нам с целью проверить правильность выбора печей, сделанного специальной комиссией, посланной «Донуголь», а также, может быть, и для того, чтобы парализовать возможность вступления членов этой комиссии в какие-либо нелегальные сделки с той или другой фирмой. СССР получил в 1925 году кредит в 300 миллионов марок на приобретение различного рода оборудования для русских заводов, и для использования этого кредита была составлена специальная смета, которая после утверждения ее советским правительством проводилась и исполнение через Берлинское Торгпредство при участии специально посланных комиссий. Хотя во всех этих комиссиях было не малое число коммунистов, тем не менее у правительства было большое опасение, что распределение заказов пройдет не без взяток, так как заграницей было принято давать известный процент с суммы заказа тем лицам, которые его проведут для данной фирмы. Впоследствии оказалось, что некоторые из заказчиков действительно брали подобные вознаграждения и были арестованы и судимы.

Получив подобное поручение, я собрал у себя комиссию, дававшую заказы на коксовые печи, и пригласил еще инженера Л. Н. Булгакова, который в то время был в командировке в Германии от правления Коксобензола вместе с своим председателем Кабановым. Они об’езжали все заводы коксования в Рурской области и старались с своей стороны найти наилучший и наиболее современный тип коксовых печей и способ улавливания побочных продуктов. Инженера Булгакова я хорошо знал еще во время войны, так как он, вместе с инженером Баранок, был поставлен тогда во главе строительства коксовых печей и бензольных заводов. Он был, несомненно, честный человек, знающий свое дело и серьезно относящийся к данному ему поручению. Он много нам помог разобраться в тех хитросплетениях, которые всегда сопровождают всякие крупные заказы. Что касается председателя Коксобензола, Кабанова, то это был булочник по профессии, ничего не понимающий в коксовых

печах; хорош он был только тем, что был славным малым и не мешал специалистам делать свою работу.

С первого же заседания комиссии стало ясно, что вопросы решаются не совсем беспристрастно, и надо было много такта и уменья, чтобы вынести решение, которое могло бы примирить всех участников в этом заказе. Я и Мозер решили поехать в Рурскую область и осмотреть те коксовые печи, которые являются наилучшими и наиболее отвечающие современным требованиям. Представителям немецких фирм очень быстро стало известно, что я привлечен к этому делу и ко мне в отель стали являться эти господа для переговоров. Я предложил им явиться для переговоров в Торгпредство, так как в отеле я не буду говорить с ними о делах. Тогда они подослали ко мне одного моего знакомого, который, начав издалека, предложил мне отправиться с ним за город на пикник; когда я узнал, кто там будет участвовать, то категорически отказался. Затем ко мне явилась молодая интересная дама, с княжеским титулом, которая об'яснила, что она находится в теснейшей связи с правительством СССР, уже выполняла многие ответственные поручения и хорошо себя зарекомендовала. Когда я спросил ее (сидя с ней в общем зале Hotel Excelsior), какая причина привела ее ко мне, то она сказала, что может быть полезна для собирания данных о разных фирмах. Я очень поблагодарил ее за внимание, но сказал, что ее помощь мне совершенно не нужна. Одновременно ко мне обратились еще два или три эмигранта, познакомившиеся со мной в один из моих прежних приездов в Берлин, с просьбой помочь им в их комиссионных делах в связи с новыми большими заказами. Когда я спрашивал, в чем могла заключаться моя помощь, они просили сообщить им о ценах, заявленных различными фирмами в Торгпредстве, на которых эти фирмы готовы исполнить данный заказ для СССР. Только за это сообщение они готовы поблагодарить или меня, или того, кого я укажу, здесь в Берлине. Я категорически заявил им, что если они хотят продолжать знакомство со мною, то никогда не должны заводить подобных разговоров. Помню, года через два я встретил одного из них, и он признался,

что мог бы свободно нажить более ста тысяч марок от одной фирмы, если бы знал цену другой фирмы, получившей заказ.

Мы с Мозером и Булгаковым осмотрели коксовые печи различных фирм; наиболее продуктивными оказались печи Отто и Коуперса. Об этом посещении мы написали рапорт, который был послан в Берлин и в ВСНХ.

На обратном пути я посетил контору Коуперса в Эссене и познакомился с самим хозяином Коуперсом, очень деловым и интересным человеком. Он показал мне великолепно оборудованную лабораторию, которая делала всевозможные исследования и испытания каменных углей всего мира, не исключая и русских. Лаборатория была снабжена всеми усовершенствованными аппаратами, как химическими, так и физическими; кроме исследования углей и их пригодности для той или другой цели, в лаборатории производили испытания и других материалов, которые употребляют в каменноугольной промышленности, как то — огнеупорные кирпичи, металлы и т. п.

В этот же день мы получили приглашение посетить Kaiser Wilhelm Institute в Muehlheim'е, возглавляемый Францем Фишером. Институт был создан для исследования, главным образом, технологии каменных углей и продуктов из них получаемых. Нам интересно было поговорить с Фишером и его ассистентом, д-ром Тропш (Tropsch) относительно только что открытой ими реакции синтеза углеводородов из водяного газа. Фишер нас принял очень радушно. Институт имел очень хорошую механическую лабораторию, которая находилась в ведении очень талантливого механика Гоффера, изобретателя, который первым в Европе сумел строить аппараты и компрессоры для работ под высоким давлением. Гоффер был очень рад познакомиться со мной, — как он сказал, — с отцом аппаратов высокого давления. В лаборатории все было засекречено и нам показали только жидкий продукт (смесь углеводородов), получающийся при прохождении водяного газа через смешанный катализатор. На столах во многих местах я увидал одни и те же лабораторные аппараты, в которых происходил синтез углеводородов под обыкновенным давлением, причем в приемнике собирался продукт в количестве нескольких куб. сант.

Только через десять лет после открытия этой реакции, после систематического изучения всех деталей этого процесса, удалось реализировать его в полузаводском масштабе и затем начать строить заводы для получения жидкого топлива. Но и в теперешнем виде этот процесс пригоден только для тех стран, где нет природной нефти, так как получаемое топливо очень дорого. Для Германии и Японии процесс Фишера и Тропша, несомненно, является заслуживающим полного внимания с технической точки зрения, и в настоящее время (1938) половина всего искусственного газолина будет получаться в Германии при помощи этого процесса.

Вечером за нами заехал д-р Коуперс и мы отправились осматривать его завод огнеупорного кирпича, помещающийся около Дюссельдорфа. Осмотр этого завода произвел на меня удивительное впечатление. Каждый сырой кирпич особой шихты (состава) подвергается сушке и нагреванию в течении шести недель в особой громадной печи, в которой имеются различные температуры до 1400 градусов включительно. При помощи бесконечного полотна, кирпичи медленно продвигаются по длине печи, достигая самой высокой температуры, а затем подвергаются охлаждению. Печи были так хорошо устроены, что мы могли ходить по крыше печи, не испытывая на наших ногах особого жара. Коуперсовский кирпич заслужил всемирную славу и имел в то время большой спрос.

После осмотра завода, Коуперс пригласил нас на ужин и для меня сделал большой сюрприз, пригласив также и д-ра Тропша. Мы ужинали на терассе хорошего ресторана, расположенного на Рейне, в Дюссельдорфе. Хотя д-р Тропш и не мог рассказывать каких либо подробностей о новом процессе, тем не менее наша беседа ,касающаяся главным образом химических реакций, была для меня очень интересна. Д-р Тропш произвел на меня солидное впечатление и своими познаниями по химии, и как культурный человек вообще. Во время дружеской беседы я рассказал д-ру Коуперсу, при каких обстоятельствах мне приходилось строить во время войны 1914 года первый бензоловый завод в Кадиевке, где еще до войны были

построены новые коксовые печи его системы. Заводоуправление Южно-днепровских заводов, в силу контракта, заключенного с Коуперсом, боялось разрешить мне брать газ из печей для улавливания бензола и толуола, а военное министерство указывало, что я не могу этого делать, потому что Коуперс после войны пред'явит к нему иск за нарушение контракта. На эти реплики я ответил: «После войны я сам буду разговаривать с д-ром Коуперсом, не бойтесь, я принимаю ответственность на себя». Мой рассказ очень понравился Коуперсу, и он предложил тост за мое здоровье, высказав желание продолжать деловые сношения с Россией. Видимо я произвел очень хорошее впечатление на Коуперса, так как он всегда спрашивал обо мне посещавших его русских инженеров и передавал мне приветы. Когда-же, спустя несколько лет, в начале 1936 года, ему случилось приехать в Чикаго, то он позвонил мне по телефону и спросил меня, когда он мог бы меня видеть, не отрывая меня от моих лабораторных работ в Риверсайде. Я ему назначил время, и он вместе с сыном приехал в Риверсайд специально, чтобы повидать меня и выразить мне свое уважение по поводу моих последних работ в нефтяной промышленности. Я ему показал мою лабораторию и некоторые продукты, получаемые по моим методам; он особенно поразился моим способом получения особого изооктана, с высоким октановым числом, позволяющим аэропланам развивать громадную скорость. На прощание он приглашал меня, когда я буду в Германии, посетить его заводы и лабораторию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МОЕ УСТРАНЕНИЕ ИЗ ПРЕЗИДИУМА ВСНХ И НТО

В Москве я застал большие перемены в ВСНХ. С воцарением Куйбышева я уже не мог посещать заседания Президиума, — хотя бы с совещательным голосом, — и все вопросы по химической промышленности решались в Президиуме в присутствии только члена Президиума А. И. Юлина. Меня ни

разу не вызвали для экспертизы или для выслушивания моего мнения. Моя роль в Президиуме была закончена, и я оставался только заместителем начальника Главного Химического Управления. Здесь мне приходилось очень часто председательствовать, так как разбирались очень серьезные вопросы по всем отраслям химической промышленности. Громадные споры шли по поводу дальнейшего развития красочной и азотной промышленности.

Чтобы показать какие об'екты возбуждали горячие споры, я приведу некоторые примеры. Мы имели два треста красочной промышленности: Анилин-трест в Москве, и Южный Красочный Трест в Донецком бассейне. Химическое Управление должно было решить, где производить нафтол, — полупродукт для изготовления красителей. Представители обоих трестов доказывали необходимость установки производства на их заводах и приводили в свою защиту данные, которые были оспариваемы их конкурентами. Я не ошибусь, если скажу, что несколько заседаний Совета ушло на обсуждение этого спорного вопроса, и в конце концов это производство было установлено на обоих заводах, чтобы выяснить, где оно будет более экономично.

Очень длительные споры были посвящены вопросу о дальнейшем расширении программы связанного азота; где и какие установки для производства аммиака надо будет заказывать заграницей. В Германии И. Г. выработало в то время особый способ добывания водорода, назвав этот способ конверсионным; это название было дано потому, что окись углерода, сопровождающая водород, превращается в углекислоту, от которой легче освободиться, чтобы получить чистый водород. Этот способ с небольшими изменениями был запатентован в Соед. Штатах, и Чекин был командирован в Америку, чтобы узнать, на каких основаниях можно было бы приобрести лицензию. Этот способ получения водорода может быть рентабельным только в том случае, если дневная потребность водорода будет измеряться десятками тысяч куб. метров в час. При расширении программы получения аммиака в первую пяти-

летку было выгодно иметь эту конверсионную установку, а потому впоследствии в Америке была приобретена лицензия на этот способ, и он был установлен на одном из новых заводов синтеза аммиака.

В это время горный инженер Преображенский известил телеграммой советское правительство, что недалеко от Березников, в Пермской губернии, его исследования обнаружили залежи калиевых солей, находящихся на сравнительно небольшой глубине. Геологические исследования в этой местности производились уже с давних пор и не задолго перед этим открытием был сделан анализ присланной соли в химической лаборатории, но в ней было найдено очень малое присутствие калиевых солей. Химическое Управление, получив донесение Преображенского, решило отпустить соответствующие кредиты для дальнейших разведок, и поручило мне быть в курсе этого дела с тем, чтобы после получения более подробных сведений и анализов была собрана специальная конференция специалистов по горному делу и химиков для обсуждения дальнейших мер эксплоатации этих залежей. Представленные материалы о залежах калиевых солей и их анализы дали полное основание к тому, чтобы конференция сделала определенное постановление о необходимости без проволочек приступить к систематическому исследованию залежей калиевых солей в определенных пунктах, и по выяснению простирания пластов и определения их мощности приступить к эксплоатации этого месторождения. По заданию Химического Управления мне пришлось написать в газете статью о важности сделанного открытия месторождения и необходимости быстрым темпом развить у нас добычу калиевых солей, играющих громадную роль в сельском хозяйстве.

Надо отдать справедливость лицам, которые были прилечены к этому делу: они приложили все силы, чтобы в сравнительно короткое время ответить на вопросы, которые были поставлены калийной конференцией. Мы были в состоянии скоро узнать, что Соликамское месторождение может быть причислено к самым богатым в мире и не уступает по своей

мощности Стастфурским и Гарцевским месторождениям. Уже на следующий год после открытия залежей калиевых солей, бывший морской комиссар Зоф был командирован заграницу, чтобы узнать, на каких условиях немецкие фирмы могли бы выполнить наши заказы для закладки первой шахты для извлечения калиевых солей. Пользуясь моим пребыванием в то время заграницей, Зоф просил меня помочь ему в этом деле и с'ездить с ним в Гарцевские калийные месторождения для осмотра калийных шахт. Я охотно согласился и, как мог, помог ему в переговорах с немецкими инженерами и директорами, а также вместе с ним спускались в некоторые шахты, чтобы видеть, как производится добыча соли, ее обогащение и получение в чистом состоянии. Мне пришлось впервые спускаться в соляные копи, и я был поражен мощностью пластов соли и той чистотой, которая царила в штольнях по сравнению с тем, что мне приходилось наблюдать при посещении угольных и антрацитовых копей. Калиевых солей в германских залежах находится такое громадное количество, что нет возможности все их разрабатывать; немцы решили эксплоатировать только те копи, которые содержат сильвинит, т. е. соль, содержащую только хлористый калий и хлористый натрий, руду наиболее богатую калием, а также легче перерабатываемую в чистую соль и более удобную для сбыта в сельское хозяйство. В течении нескольких лет в СССР была установлена добыча калийных солей и, начиная с 1932 года, мы перестали выписывать этот продукт из заграницы.

В коллегии НТО, с прекращением участия Троцкого в ее делах, сложилось неопределенное положение и стали циркулировать слухи, что ожидается вообще сильное преобразование НТО. Нам не пришлось долго ожидать этих перемен. Во время моего пребывания в Ленинграде в ноябре 1926 года, я из газет узнал, что я уже не заместитель председателя НТО и даже не член коллегии, а вместо Троцкого и меня назначен председателем В. М. Свердлов, а его заместителем Б. Г. Збарский, помощник Баха по Карповскому Химическому Институту.

Таким образом я, без об'яснения причин и без всякой вины,

был уволен с должности, которую занимал почти 5 лет (без трех месяцев); по отзыву многих членов Президиума ВСНХ и других лиц возложенную на меня работу я выполнял вполне добросовестно и всеми силами старался поставить это учреждение на надлежащию высоту, развивая исследовательскую работу в Институтах подведомственных НТО. Перед моим увольнением председатель ВСНХ Куйбышев, лично меня знавший, не потрудился даже вызвать меня к себе, чтобы сообщить о своем желании передать управление НТО в другие руки. Я бы сказал ему, что с большим удовольствием пойду ему навстречу и то время, которое я уделял НТО, я с еще большей пользой употреблю для научной работы. Но большевики не понимали приличного обращения с работниками, кто бы они ни были, и поступали с трудящимися несравненно хуже, чем это имело место при старом режиме.

Кому-же они передали управление НТО с его многочисленными Институтами, наблюдение за которыми мог только выполнять человек, понимающий что такое научно-техническая работа?

Председателем был назначен В. М. Свердлов, брат первого председателя ЦИК'а. Новый председатель менее всего подходил к своему новому назначению. Да вообще сообразно его знаниям, его характеру и обращению с людьми, по моему, он не мог занимать никакой самостоятельной и ответственной должности, а в особенности по научной или технической чести. Он никогда не хотел или не мог вникнуть в существо дела, давая скороспелые решения, не выслушав докладчика до конца. Давая такую характеристику Свердлова с деловой точки зрения, я не хочу его очернить с обще-человеческой, так как я его мало знал в повседневной жизни; поскольку же я с ним встречался, в дружеских беседах на злободневные вопросы, его рассуждения, порою, казались мне очень симпатичными. Такой взгляд на нового председателя коллегии разделяли все без исключения служащие в НТО. В городе он имел особое прозвище: «Вдовствующий брат», которое было ему дано народной молвой.

Сознавая, что без твердой подпорки Свердлову не справиться с возложенной на него обязанностью, Куйбышев решил дать ему в помощь Б. Збарского, прославившегося в особенности тем, что присутствовал при бальзамировании тела Ленина (работа эта была сделана профессором Харьковского Университета Воробьевым). Збарский по своему характеру принадлежал к числу таких личностей, которые в революционные времена делают себе завидную карьеру, совершенно недосягаемую для них в нормальных условиях. Живой по характеру, социалист-революционер по политическим убеждениям, с хорошо подвешенным языком, Збарский по своей специальности должен быть причислен к биохимикам. Что касается его научных работ, то я не могу определить их ценности, ибо они были сделаны большею частью во время моего отсутствия. Мое первое знакомство с ним располагало в его пользу, я видел в нем способного молодого ученого, могущего сделать хорошую ученую карьеру. Он пользовался доверием Рыкова и Богданова и, несомненно, под шумок снабжал их спиртом из своей лаборатории (об этом в пьяном виде рассказал мне покойный С. Шеин, который выпивал вместе с Карповым). Бах видел в Збарском не столько ученого, сколько очень полезного для себя человека, который мог делать всю черную работу по постройке Института и по его управлению. И я был убежден, что назначение комбинации Свердлов-Збарский в НТО было подсказано Куйбышеву Бахом, которому хотелось во что бы то ни стало удалить меня и Флаксермана за наши выступления по поводу оборудования во вновь строющемся здании при Карповском Институте. Приятель Баха, С. Д. Шеин был назначен в коллегию НТО, также как и сам Бах. Из старых членов Коллегии остался некоторое время только М. Я. Лапиров-Скобло, но потом и он получил новое назначение (в Главэлектро).

При НТО был образован особый Совет, в который вошли бывшие члены Коллегии и много новых профессоров и техников, в количестве около 40. Это громоздкое учреждение было сделано, по моему, для отвода глаз, так как оно не имело

никакого влияния на решение дел в НТО, собиралось крайне редко и больше для проформы, чем для деловых решений.

Таким образом в конце 1926 года я был лишен ответственных должностей в ВСНХ и оставался только заместителем начальника Главного Химического Управления, где я скорее играл роль консультанта, т. к. вся работа лежала на втором заместителе, Юлина, — В. С. Киселеве. Я получил возможность более сосредоточить свои мысли на научной работе, и с этой точки зрения я был очень доволен случившимся.

Как и можно было ожидать, комбинация Свердлов-Збарский продержалась недолго. Заносчивый характер Збарского, его желание властвовать, не считаясь с мнениями директоров Институтов, так восстановило публику против него, что выбранные делегаты от Институтов отправились к Рыкову и заявили ему, чтобы он убрал Збарского или они подадут в отставку. Пришлось уступить и вместо Збарского был назначен сам Бах. Царствование Збарского продолжалось не более двух месяцев. Во главе НТО теперь стояли три лица, Свердлов, Бах и Шеин, и они решали все дела, за исключением только чисто технических вопросов, которые разбирались в особом Техническом Совете Химической Промышленности, где я еще оставался председателем, а заместителями были Бах и Шеин. Несомненно, заправилам НТО не особенно нравилось, что я остаюсь председателем этого Совета (хотя этот Совет был подчинен Главному Химическому Управлению). А. Н. Бах отправился к начальнику Главн. Хим. Управл. Юлину, чтобы обсудить вопрос о Химическом Совете, который всегда заседал в помещении НТО на Мясницкой. Юлин пригласил для обсуждения этого вопроса меня и секретаря Совета, инженера А. П. Шахно. А. Н. Бах в своей речи упирал на то, что я очень занят, что необходимо проявить больше деятельности Химическому Совету и, быть может, лучше было бы пригласить на эту должность другое лицо, напр., проф. Е. И. Шпитального. Я попросил слова и определенно заявил, что с удовольствием откажусь от этой почетной должности, — а в особенности в пользу Шпитальского, которого знания я очень ценю. Тогда

Юлин в самой решительной форме заявил, что он не может согласиться с таким решением и считает невозможным мой уход с должности председателя Совета, но вполне готов пригласить в помощь мне проф. Шпитальского. После этого обсуждения, я остался председателем, а Шпитальский был назначен моим заместителем, в каковой должности он оставался вплоть до своего ареста. Приглашение Шпитальского было вполне своевременно, так как Главное Химическое Управление возложило на Совет обязанность рассматривать все проекты постройки новых химических заводов и давать свое авторитетное заключение, при чем обещалось за работу давать очень приличное вознаграждение. Главная часть этой работы легла на Е. И. Шпитальского, и я был очень рад его приглашению в Совет.

Так как ни одно советское учреждение не могло обойтись без присутствия в нем политического комиссара, то и Совет должен был иметь такового. Юлин сказал мне, что он подберет подходящего для нас человека, но мы должны ему откровенно сказать, будет ли он подходить для работы в Совете. В скором времени мы получили «недремлющее око из ГПУ», фамилию которого я, к сожалению, забыл, а его имя и отчество столь замысловатое и редко встречающееся, что без ошибки можно было мне предугадать, что он происходит из духовного звания. Я не ошибся, он был сыном не то сельского дьякона, не то псаломщика, и никакого отношения к химической промышленности не имел. Мы согласились его удержать при комитете, и я позвонил Юлину, что его кандидат для нас приемлем.

Несмотря на важную роль, которую играл Химико-Технич. Комитет, он никак не мог найти себе подходящего помещения. Раньше заседания происходили в Карповском Институте на Воронцовом поле. В виду отдаленности от центра, я решил устраивать собрания в зале заседаний коллегии НТО (на Мясницкой), так как число членов его значительно увеличилось. С этих пор нам пришлось испытать массу неприятностей, вследствии того, что наша канцелярия, где должны были помещаться все бумаги и работать секретарь Комитета А. П. Шахно

и стенографистка чуть ли не каждые два-три месяца меняла помещение. После третьего или четвертого перемещения нашей канцелярии в присутствии Шпитальского и секретаря я наивно задал вопрос: «где то мы будем сидеть в следующем году»; вопрос был задан в конце года.

«Где мы будем сидеть, — сказал Шпитальский, — это никому не известно, но что мы будем висеть, то это безусловно».

Слышал ли это замечание наш комиссар, который находился поблизости, я не могу утверждать, но должен заметить, что он относился к Е. И. гораздо хуже, чем ко мне, хотя он не мог не видеть, сколько труда Е. И. вкладывал для правильного функционирования Комитета.

После смерти В. А. Стеклова, место вице-президента Академии Наук оставалось незамещенным. Летом 1926 года президент Академии А. П. Карпинский ездил в Испанию на Геологический Конгресс, а С. Ф. Ольденбург, непременный секретарь, получил шестимесячную заграничную командировку с научной целью для выполнения некоторых незаконченных работ. Все дела по Академии в течении тихого летнего сезона были поручены минералогу Александру Евгеньевичу Ферсману, избранному членом Академии Наук в 1919 году. Я познакомился с Ферсманом еще во время войны, когда он работал немного на оборону и принимал участие в изобретении минеральных маскирующих красок. В конце войны, когда академик В. И. Вернадский образовал Комиссию по Изучению Производительных Сил России, Ферсман был избран секретарем этой комиссии. С первого моего знакомства, Ферсман произвел на меня впечатление очень расторопного и ловкого молодого человека, умеющего хорошо ориентироваться во всякой обстановке и обладающего удивительным даром речи, который позволял ему самые общеизвестные вещи излагать в такой привлекательной форме, что неглубокому мыслителю могло казаться, что перед ним подающий большие надежды ученый. К нему очень благоволил В. И. Вернадский, его учитель, но этот благо-

роднейший человек и крупный мировой ученый может быть из симпатии к своему ученику переоценивал его научные заслуги.

Давая такую характеристику моему коллеге по Академии, я должен однако заявить, что академик Ферсман принес впоследствии большую пользу Союзу, участвуя в целом ряде экспедиции, в результате которых были открыты полезные минералы, как, например, химические фосфориты и т. д.

А. Е. был совершенным антиподом академику В. А. Стеклову, который умел держать знамя Академии на надлежащей высоте и не сгибался перед сильными того времени.

Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург, бывший кадет по своим политическим убеждениям, бывший министр Народного Просвещения во Временном Правительстве, не имел особой известности в научном мире, и большую часть своей жизни посвятил административным делам Академии. Более 20 лет он был непременным секретарем Академии, пережил многих президентов и был ценим вел. кн. Константином Константиновичем в бытность его президентом Академии. С. Ф. был человеком, властным по натуре и хотел распоряжаться единолично делами Академии, и это было вполне выполнимо при таком президенте, каким являлся А. П. Карпинский, человек не от мира сего, крупнейший геолог и редкий человек по честности своих взглядов и убеждений. Но на пути С. Ф. встал академик Стеклов, выдающийся математик и великолепный организатор и еще более властный человек, чем С. Ф. Про Стеклова можно было сказать: «Академия и я, это — одно».

После смерти В. А. Стеклова, С. Ф. Ольденбург снова становился хозяином Академии. Многие члены Академии, в особенности из Словесно-Исторического отделения, не долюбливали С. Ф. за его двуличное поведение и желание властвовать. В Физико-Математическом отделении к нему относились более примирительно, так как мало знали его деятельность по другому отделению. Его очень хорошо понял академик Крылов, который в одном письме отозвался:

«Был в Ломоносовские времена непременный секретарь Шумахер, а теперь Академия имеет «шахер-махер».

С. Ф. Ольденбургу надлежало теперь так повести выборную кампанию, чтобы место вице-президента заняло бы лицо, которое не мешало бы ему проводить в будущем свою политику. В его уме первым кандидатом на эту должность являлся академик-химик Н. С. Курнаков, очень покладистый человек, не любящий никаких административных дел. Встретив меня летом заграницей Ольденбург спросил мое мнение относительно его предложения выбрать вице-президентом Курнакова. Я ему ответил совершенно откровенно, что Н. С. очень уважаемый человек и, конечно, вполне достоин занять эту должность, но, по моему, он не любит административной деятельности и по слабости своего характера едва ли способен проявить твердость. На это мое замечание С. Ф. задал мне вопрос:

«А если Н. С. откажется взять место вице-президента, то не согласились ли бы Вы, В. Н., баллотироваться на эту должность?»

Подумавши, я ответил, что в виду моего желания побольше времени быть в Ленинграде для научных работ, я мог бы отказаться от значительной части работы в Москве и отдать часть времени Академии.

«Это очень хорошо, и я об этом напишу А. П. Карпинскому», — сказал С. Ф. На этом наш разговор закончился. Только перед моим от'ездом из Берлина в СССР, С. Ф. сообщил мне, что Курнаков отказался окончательно от места вице-президента и что он рекомендовал Карпинскому меня, как кандидата на эту должность; что-же касается А. Е. Ферсмана, который управлял Академией в его отсутствие, то он в письме Карпинскому заявил, что А. Е. вряд-ли подходит на эту должность в виду его частых геологических экспедиций.

Когда я приехал в Ленинград, то мой большой приятель, акад. Ф. И .Щербацкий, сообщил мне, что многие академики будут выставлять мою кандидатуру. Кроме того, многие служащие в правлении Академии откровенно заявили мне, что были бы довольны, если бы я взял эту должность. По правде

сказать, мне очень льстили эти предложения и в душе я был непрочь взять на себя эту должность, принимая во внимание успех моей административной деятельности во время войны; с другой стороны, я видел, что я никому не перебиваю дороги и, повидимому, являюсь желанным кандидатом.

Слухи о моей кандидатуре быстро распространились, и некоторые профессора в Москве уже поздравляли меня с новым назначением. Я говорил, что это только предположение и ничего определенного еще нет, но получал ответ, что это будет достойным выбором для Академии. Картина резко изменилась, как только в ноябре вернулся С. Ф. Ольденбург. Вероятно, почуяв, что в моем лице он не найдет желанного соглашателя в академических делах, он резко изменил свое мнение и стал всеми силами проводить на должность вице-президента А. Е. Ферсмана. Он лично сообщил мне об этом решении, прибавив, что и президент Академии поддерживает кандидатуру и спросил меня, вероятно, из вежливости, как я смотрю на это дело. Я прямо заявил, что меня его поведение удивляет, и что после всего, что он мне говорил в Берлине про Ферсмана, я лично не могу баллотировать за него. С другой стороны, я указал ему, что он сам предлагал мне эту должность и что помимо меня, в научных кругах распространился слух о предстоящем выборе меня в вице-президенты; это создало для меня крайне неприятную атмосферу, и я считаю себя вынужденным переговорить обо всем инциденте с президентом Академии. С. Ф. понял, что заваривается каша, и, как мудрый змий, поспешил устроить чашку чая в квартире президента Карпинского для обсуждения возможных кандидатов. Конечно, я не пошел на это заседание и все подробности этого собрания узнал лишь впоследствии от моих друзей.

При входе в зал каждому академику С. Ф. и, вероятно, по его настоянию, А. П. Карпинский предлагал выставить кандидатуру Ферсмана. Затем всем желающим было предложено высказаться. Многие академики предложили меня и Н. С. Курнакова. Н. С. тотчас же отказался и таким образом остались только два кандидата: я и Ферсман. Было предложено неофи-

циально написать на записках имя желаемого кандидата. На основании поданных записок, и принимая во внимание голоса, отсутствующих на вечера академиков, можно было ясно заключить, что голоса академиков разделились почти поровну между нами; Ферсман имел, быть может, на два голоса больше. Если бы это голосование было официальным, то выборы бы не состоялись, так как для выбора необходимо было иметь 2/3 всех голосов.

На первом же заседании Физико-Математического отделения академик И. П. Павлов подошел ко мне и сказал: «непременно баллотируйтесь в вице-президенты, это будет хорошо для Академии». Я ему сказал, что я зайду к нему после моего разговора с Карпинским и тогда скажу решение.

Мой визит к А. П. Карпинскому никогда не изгладится из моей памяти. Только в запутанных и неприятных делах познаешь людскую душу и получаешь возможность оценить, кто тебе друг, а кто — недруг. Кристальная чистота характера А. П. в высшей степени смягчила весь тон нашего разговора и анализ всех событий, предшествующих собранию академиков в его квартире. Я об'яснил А. П., что я никогда не имел в виду быть вице-президентом Академии, что это С. Ф. Ольденбург и другие академики предлагали мне выставить свою кандидатуру на это место. Мне крайне неприятно, что как в Ленинграде, так и в Москве стали говорить об этом, как о деле вполне решенном и даже поздравляли меня с новым назначением. В результате я заявил ему, что, если я получу почти одинаковое число голосов с Ферсманом на баллотировке кандидатов в Физико-Математическом Отделении, то я охотно откажусь от кандидатуры во избежании дальнейших осложнений, так как при таком распределении голосов вице-президент не будет выбран.

В заседании Физико-Математического Отделения голоса разделились между мной и Ферсманом почти поровну, и тотчас же после подсчета голосов, я попросил снять мою кандидатуру. В общем собрании Ферсман получил необходимое количество голосов, и таким образом был выбран в вице-президенты и

вскоре вступил в исполнение об'язанностей. Но старания С. Ф. Ольденбурга получить утверждение Совнаркома не увенчались усхпехом и Ферсман до самого преобразования Академии числился исправляющим должность.

В Москве были недовольны избранием Ферсмана, и многие видные большевики спрашивали меня, почему я отказался от баллотировки, хотя был выбран кандидатом. Теперь я вижу, что должен благодарить Господа, что я не попал на эту должность, которая ничего, кроме больших неприятностей, мне не принесло бы. В скором времени многие из служащих Академии были арестованы. Затем был арестован помощник Ольденбурга, Моллас и, наконец, академики Платонов, Тарле и Лихачев. Арест академиков последовал потому, что в Библиотеке Академии Наук при ее ревизии РКИ были найдены документы, относящиеся к деятельности кадетской партии, и различные государственные акты. С. Ф. Ольденбург знал об их хранении; поэтому он также попал в немилость и был принужден уйти с должности непременного секретаря. Говорили, что С. Ф. совершенно в этом не виноват, потому что хранение означенных документов в Академии делалось с разрешения советского правительства. Но в СССР взгляды на вещи менялись подобно перчаткам, и то, что сегодня было законно, завтра рассматривалось за вредительский акт.

Жить старой Академии оставалось не долго, с небольшим год, а затем была образована комиссия из академиков и коммунистов, назначенных правительством, для обсуждения коренных реформ в Академии, с целью сделать ее деятельность более отвечающей «потребностям социалистического строительства».

В одно из моих посещений совнаркомской столовой в Кремле, ко мне подошел Кноррин (заместитель Дзержинского в ВСНХ) и сказал, что по поводу заключения контракта с фирмой Казалле в Совнаркоме возникли недоразумения и потому контракт правительством не может быть утвержден. Он просил меня быть наготове, так как мне придется давать об'яснения в заседании Совнаркома.

Я не мог понять, почему могли произойти какие то недоразумения, когда заказы уже даны и через некоторое время оборудование для аммиачного завода должно уже поступать. В непродолжительном времени после этого разговора я был вызван в Совнарком для дачи пояснений. В присутствии всех членов правительства я подробно об'яснил крайнюю нужду для обороны иметь у себя дома производство аммиака из азота воздуха и также азотной кислоты и рассказал, почему мы остановились на заказе оборудования по способу Казалле. Далее я в деталях нарисовал всю картину моих хождений, чтобы помочь полномочной комиссии, посланной заграницу для поисков лучшей фирмы. Я указал, что окончательное решение о подписании контракта в Риме было дано Главным Концессионным Комитетом после моего долгого разговора с Троцким, которому, также и Кноррину, я сказал, что готов разделить полную ответственность за все последствия, которые произойдут от этой крайне срочной и необходимой для обороны страны работы.

Председатель Совнаркома Рыков пояснил, что контракт, подписанный в Риме, не может быть утвержден Совнаркомом потому, что арбитром в спорных вопросах является комиссия, в которой участвуют два наших представителя и два адвоката от итальянского правительства, при чем комиссия должна быть выбрана по обоюдному соглашению. Рыков добавил, что в виду фашистского режима в Италии этот параграф неприемлем, равно как и другой параграф контракта, в котором говорится, что СССР, кроме уплаты за лицензию, должно платить в продолжении известного времени еще и попудную плату с выработанного аммиака. Присутствующий на заседании Иоффе подтвердил все мои слова и сознался в вине Концессионного Комитета, что он задержал посылку контракта в Совнарком для утверждения в течении целого года. Рыков тогда предложил разорвать договор с Казалле: «Лучше потерять сотню тысяч долларов, чем быть в руках фашистов». Тогда я попросил слово и заметил, что, разрывая этот договор, мы впадаем в большую опасность остаться без одного из продуктов, наи-

более необходимых для обороны, а кроме того, сверх заказов Казалле, комиссия заказала громадное оборудование в Германии для получении водорода и окисления аммиака, которое стоит несколько миллионов рублей и выбросить такие суммы совершенно невозможно. Мое слово сильно подействовало на умы правителей и стали раздаваться голоса, что контракт надо выполнить, но поручить РКИ сделать подробный анализ хода всего заказа и об этом доложить Совнаркому.

Не могу не привести здесь совершенно неуместного замечания, сделанного присутствовавшим в заседании Совнаркома, заместителем председателя Госплана, П. Осадчим, который заявил, что это очень хороший урок для ВСНХ и Концессионного Комитета, как не должны заключаться контракты.

После этого заседания Совнаркома, этот вопрос был обсужден в Политбюро и вызвал горячие споры между Рыковым и Троцким. Рыков заявил, что в заседании Совнаркома Ипатьев осветил детали заключения контракта с Казалле таким образом, что вся вина должна пасть на Концессионный Комитет. Троцкий ответил, что этого быть не может; он отлично помнит всю беседу с Ипатьевым и только после приведения Ипатьевым обоснованных данных, противоречащих тому, что Рыков приписывает Ипатьеву, он, Троцкий, решил дать телеграмму в Торгпредство в Рим о подписании договора. Политбюро предложило Троцкому письменно запросить Ипатьева по поводу спорных вопросов. На следующий день я получил записку от Троцкого, присланную мне с курьером с просьбой немедленно же дать письменный ответ на поставленные в записке вопросы. Я совершенно точно осветил сущность дела и подтвердил все то, что говорил Троцкому перед заключением контракта; мой ответ согласовался с утверждением Троцкого в Политбюро. РКИ разобрало все это дело и признало необходимым сделать выговор Кноррину и Чекину (члены комиссии), а договор оставить в силе. Гальперин, который был также членом Комиссии и присутствовал на заседании Совнаркома, наговорил мне много комплиментов за мою искусную защиту этого дела.

Почти одновременно с моим увольнением с должности

председателя коллегии НТО я получил письмо очень странного содержания от Иоффе, который занимал в то время пост заместителя председателя Концессионного Комитета; ранее он был советским послом в Китае, участвовал в заключении Брест-Литовского мира и считался одним из самых образованных большевиков. Перед революцией он был очень состоятельным человеком и большую часть своего состояния пожертвовал на нужды партии. В партии он пользовался большим уважением и находился в очень дружеских отношениях с Троцким. Я познакомился с Иоффе в Берлине в 1922 году, куда он приехал с Генуэзской конференции. Я имел с ним тогда деловое свидание, и он произвел на меня очень приятное впечатление. После этого мне приходилось несколько раз встречаться с ним в Концессионом Комитете, куда я был вызываем в качестве эксперта. Ко мне он всегда относился с большим уважением, и, как он мне заявлял, очень ценил мои указания. Письмо Иоффе было прислано мне не по почте, а кто-то занес ко мне на квартиру в Москве, в Брюсовском переулке; Иоффе жил тогда очень близко от меня в Леонтьевском переулке. В письме Иоффе сообщил мне, что с некоторых пор он стал очень интересоваться применением ядовитых газов на театре военных действий, и очень бы хотел ближе ознакомиться с этой военной химией и, насколько я мог понять из письма, даже хотел сделать некоторые опыты. Он предлагал мне созвониться с ним по телефону и зайти к нему на квартиру; сам он чувствовал себя не совсем хорошо и принужден был сидеть некоторое время дома.

В условленный день я посетил Иоффе, которого нашел действительно недомогающим и в очень подавленном состоянии духа. Из разговора я быстро убедился, что тема об ядовитых газах его очень мало интересует, а ему хотелось просто видеть меня и поговорить откровенно на злободневные вопросы с человеком, к которому он чувствовал доверие и симпатию. Он просил держать разговор в секрете, что я и выполнил. Теперь после двенадцатилетнего промежутка я не могу вспомнить всего того, о чем мы говорили наедине в тече-

ние 2-3 часовой беседы во время чая, но одна его фраза запечатлелась в моей памяти. Приводя ее здесь, я думаю, что выражу все разочарование, которое овладело всем его существом и не позволяло ему видеть в будущем никакого прогресса в улучшении условий жизни в нашей стране. Иоффе сказал:

«Было время голодное и холодное, но такого подлого времени, какое мы переживаем теперь, никогда не было, и едва ли в будущем может произойти какое-либо улучшение».

Через месяц после этого свидания со мной Иоффе покончил свою жизнь самоубийством. После его смерти осталось письмо к партии, которое большевики, конечно, не опубликовали, но его копия ходила по рукам; оно содержало сильный обвинительный акт по поводу многих поступков большевиков и неправильности взятой ими генеральной линии. Уже в то время влияние Сталина на политику партии начало сказываться, и политические дни Троцкого были уже сочтены. Что сказал бы Иоффе теперь, когда ему пришлось бы по всем вероятиям разделять участь всех его товарищей по партии и быть обвиненным в измене народному делу и в шпионаже в пользу фашистских стран!

В виду больших кредитов, отпущенных Германским правительством, Торгпредство в Берлине нуждалось в специалистах, — в особенности по химической промышленности. Главное Химическое Управление получило запрос о командировании в Берлин опытного химика инженера, хорошо знающего немецкий язык в распоряжении Торгпредства. В Химическом Управлении выбор остановился на А. Е. Мозере, который был секретарем азотной комиссии и являлся крайне необходимым работником для этого важного дела. На посылке Мозера в Берлин в особенности сильно настаивали Чекин и председатель Химторга. Я долго не соглашался; под конец меня уговорили согласиться, при условии, что эта командировка будет временной и что Мозер останется в Берлине не более полгода. В декабре 1926 года Мозер уехал в Берлин и оставался там на работе по заказам для химической промышленности в течении

почти 3-х лет, а потом совсем не вернулся в СССР и сделался невозвращенцем.

Для уточнения заказов Торгпредства на кредиты отпущенные германским правительством для СССР, все время были командируемы инженеры и профессора от различных учреждений. От Главного Химического Управления были командированы очень способный химический инженер, служащий в тресте Основной Химической Промышленности (фамилии точно не помню) и профессор Московского Технического Училища Лукьянов. Они находились все время в контакте с Мозером. Когда они вернулись в Москву, то оба были арестованы будто бы за то, что они взяли взятки от немецких заводчиков. Лукьянов, несмотря на то, что страдал туберкулезом легких, был сослан в Соловки, где просидел продолжительное время; как ходили слухи, для него там была устроена маленькая лаборатория. Потом он был освобожден и возвратился к педагогической деятельности.

В виду подобных обвинений, пред'явленных инженерам, командированным в помощь Мозеру, у советского правительства явилось сильное подозрение в причастности к подобным деяниям и самого Мозера. Поэтому ГПУ решило вызвать Мозера обратно в СССР, но эту операцию оно стало производить очень тонко. Мозеру было предложено приехать в Москву на 3 недели для доклада о всех заказах; воспользовавшись моим пребыванием в Берлине, меня просили уговорить Мозера приехать. Я очень добросовестно уговаривал Мозера; тоже самое проделывал и начальник Химторга (который в свое время сильно настаивал на командирование Мозера в Берлин, несмотря на мои протесты). Но Мозер отлично понимал, что после ареста инженеров, имевших с ним соприкосновение, его несомненно потянут к допросу и ему не миновать ареста. Он очень нервничал, но был стоек в своем решении и не исполнил приказания, мотивируя его невозможностью в данное время отлучиться из Берлина. Впоследствии, в 1923 году, когда были закончены и исполнены все заказы, Мозер снова отклонил приказание вер-

нуться и сделался эмигрантом. Надо заметить, что его родители были немецкими гражданами, и Мозер после увольнения с советской службы отправился в Карлсруэ, где жили его родители; свое химическое образование он получил в Политехникуме в Карлсруэ и работал в лаборатории у проф. Габера; в этом городе у него было много друзей.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В СССР

1927 — 1930

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ВЫСОКИХ ДАВЛЕНИЙ

В непродолжительном времени после удаления меня из Президиума ВСНХ и из НТО я получил очень лестное для меня приглашение от фирмы Байерише Штикштофверке установить в их центральной лаборатории в Берлине научные работы по моему методу высоких давлений и по катализу. В этом приглашении указывался примерно годичный срок для моего пребывания в Германии и спрашивалось принципиальное соглашение, как мое, так и советского правительства. В случае положительного решения мне предлагалось приехать тотчас же в Берлин для окончательных переговоров. Письмо было подписано моим приятелем д-ром Никодем Коро, председателем этой компании. Меня очень тронуло это приглашение в особенности потому, что я не покровительствовал этой фирме, чтобы ей дали заказы на устройство цианамидного завода и способа поглощения окислов азота, образующихся при окислении аммиака воздухом в печах системы Франк и Каро.

Получив это приглашение, я подал рапорт Куйбышеву, испрашивая от него указаний, как я должен поступить в подобном случае. Куйбышев не сделал никаких возражений относительно моей поездки в Германию для указанной работы, но передал все дело своему заместителю Рухимовичу и предложил ему выяснить, на каких условиях будет происходить моя работа в Германии. По правде сказать, я не ожидал, что получу разрешение на работу вне СССР, но, вероятно, чтобы загладить неприятное впечатление от необ'яснимого удаления меня с

высоких постов, которое создалось в различных кругах, как служебных, так и общественных, было решено сделать мне это приятное удовольствие. В разговоре с Рухимовичем было принципиально установлено, что я не могу отсутствовать целый год, а могу не более трех раз в год на сроки каждый раз около 1½ месяцев совершать поездки для работы в Германии. Я со своей стороны добавил, что я соглашусь работать с этой фирмой только при условии, что все мои открытия и изобретения будут безвозмездно принадлежать СССР. Я получил разрешение поехать в Берлин на три недели для переговоров, о результатах которых должен был доложить Президиуму ВСНХ.

Уже в конце 1926 года, когда в значительной степени сократилась моя деятельность в Москве, я начал предпринимать шаги для создания специальной лаборатории для работ по катализу и по высоким давлениям. Моя маленькая лаборатория высоких давлений в Академии Наук, помещавшаяся частью в моей квартире, частью во втором этаже того-же дома, не могла служить для правильной постановки и развития этой важной отрасли химической промышленности. В это время вопрос о перенесении лаборатории ГОНТИ на территорию Опытного Химического завода на Ватном Острове и об его слиянии с Институтом Прикладной Химии был решен окончательно и громадное здание приспособлялось для размещения отделов переносимого Института. В заседании правления Института по Прикладной Химии я убедил его членов в необходимости немедленно приступить к установлению работ под высокими давлениями и предложил свои услуги стать во главе этого дела и найти средства для получения необходимого оборудования. Для начала исследований я просил две-три комнаты в новом здании на Ватном Острове для себя и двух-трех сотрудников. Благодаря директору Института, академику Курнакову, начальнику завода Б. К. Климову и другим членам правления было решено удовлетворить мою просьбу и со следующего года внести в смету также предполагаемые расходы по оборудованию новой лаборатории высоких давлений. Вот почему я считаю, что год 1927 надо считать за год основания Института

Высоких Давлений, который скоро получил самостоятельное существование, отделившись от Института по Прикладной Химии.

При слиянии ГОНТИ с Институтом Прикладной Химии я поднял вопрос о прекращении деятельности отдела порохов и взрывчатых веществ, который оставался в ГОНТИ после войны только потому, что Лаборатория взрывчатых веществ в Артиллерийской Академии и Лаборатория Морского Ведомства не функционировали надлежащим образом. Я предлагал перенести все оборудование Отдела порохов и взрывчатых веществ в Лабораторию Артиллерийской Академии, где в то время заведующий лабораторией А. В. Сапожников приступил к развертыванию научно-технических работ по заданиям Главного Артиллерийского Управления. Я мотивировал это сосредоточение работ по взрывчатым веществам в военном ведомстве, потому что оно здесь будет находиться под контролем специалистов, между тем, как в НТО представлялось очень трудным осуществить этот контроль. Новая Коллегия НТО отнеслась сочувственно к моему предложению, но для окончательного решения предложило собрать в Ленинграде особое заседание и обсудить во всех деталях этот вопрос. На этом заседании было принято мое предложение и отдел взрывчатых веществ в ГИПХ'е был ликвидирован, а инвентарь и весь персонал передан в Артиллерийскую Академию.

В начале января 1927 года я получил окончательное разрешение вступить в переговоры с Компанией Bayerishe Stickstoff Werke. 20-го января я выехал из Москвы, предварительно уведомив телеграммой д-ра Н. Каро, что я получил разрешение от моего правительства начать совместную работу по установлению в их лаборатории иследований по методу высоких давлений. На вокзале я узнал, что с этим же поездом и в том же вагоне со мной едет, сначала в Берлин, а потом в Америку, Ю. Л. Пятаков. На вокзале собралось много народа, чтобы проводить Пятакова в дальнее и ответственное путешествие. Дружное «ура» провожало наш отходящий поезд. Пятаков пользовался доброю репутацией среди своих сослуживцев.

Когда поезд тронулся, то Пятаков был удивлен, увидев меня и сказал, что очень рад ехать со мной вместе и через некоторое время зайдет ко мне в купэ, в котором я был один; его сопровождал его личный секретарь, Москалев, очень преданный ему человек.

Пятаков пришел ко мне с бутылкой шампанского, которое ему было вручено на станции провожающими. Он спросил меня, по какому поводу я еду в Германию. Я об'яснил цель моей поездки, и он вполне одобрил решение правительства предоставить мне возможность часть моего времени посвятить научной работе заграницей; тот ущерб, который может понести СССР от моего пребывания заграницей, может быть в значительной степени вознагражден приобретением мною новых сведений в науке и технике, которые впоследствии могут быть развиты и в нашей стране. Он мне только дал совет не продешевить свой труд и быть вообще осторожным при разговорах с капиталистами. Главной же темой нашего разговора было его устранение из Президиума ВСНХ, где он был, по моему глубокому убеждению, наиболее полезным работником. Его смелый характер, уменье сразу видеть слабые места в докладах, быстрое распознавание главного от второстепенного, таковы были главные достоинства этого большевистского деятеля в советской промышленности. Я не мог бы указать другого партийца, который мог бы с большей пользой заменить Пятакова на его посту в ВСНХ.

В разговоре с ним в вагоне я прежде всего высказал ему мое удивление по поводу речи произнесенной Дзержинским в Политбюро в июле прошлого года, в которой он резко нападал на деятельность Пятакова. Я задал Пятакову вопрос, почему такое тяжкое обвинение Дзержинского, которое он произнес в таком секретном для простых смертных учреждений, каким является Политбюро, было опубликовано во всех советских газетах. Юр. Леон. ответил мне, что это, конечно, дело его врагов, которые не стесняются никакими средствами, чтобы уронить его не только в глазах партийцев, но и всех граждан Союза; весь этот инцидент произвел на Пятакова очень тяжелое

впечатление, и он сказал мне, что даже рад, что получил приказание быть председателем особого торгового представительства в Америке, которое было названо Амторгом и помещалось в Нью-Иорке. Но ему предстояло впереди очень трудная задача — достать американскую визу, что было сопряжено с большими затруднениями. Ввиду того, что Соед. Штаты не признавали Советского Правительства, каждый советский гражданин, желающий получить визиторскую визу сроком не более, чем на год, должен был получить от Рижского Американского Консула свидетельство, что просящий визу не коммунист и для Америки в моральном и политическом отношении не представляется опасным человеком. Принимая во внимание, что Пятаков, один из ближайших сотрудников Ленина, был очень заметной фигурой, хорошо известной в заграничных кругах, было совершенно невозможно скрыть, что он коммунист. И потому несмотря на все хлопоты, которые были предприняты в Берлине о допущении его в'езда в Соед. Штаты, Пятаков визы не получил и должен был вернуться обратно в СССР, где опять занял место Управляющего Государственным Народным Банком. Вместо Пятакова председателем Амторга был назначен гораздо менее известный большевик Гуревич (доктор по профессии), сумевший разными путями ввести в заблуждение американские консульства в Риге и Берлине и проникнуть на территорию Соед. Штатов в качестве беспартийного гражданина СССР.

Прибывши в Берлин, я, прежде всего, повидался с А. Е. Мозером, которого еще перед его от'ездом в Берлин (он уехал в Берлин на один месяц ранее меня) я просил повидать д-ра Каро и поговорить предварительно об условиях моей работы в их компании, сообщив ему, что советское правительство разрешило мне войти в контакт с этой фирмой. А. Е. был настолько любезен, что исполнил мою просьбу и в значительной степени облегчил мне переговоры с Каро, как относительно количества времени, которое я мог бы отдать фирме для моей научной работы, так и денежного вознаграждения и расходов по приезду в Берлин из СССР.

Через два или три дня я имел длинную беседу с Каро

сначала у него на квартире, а потом у него в оффисе вместе с партнером, д-ром А. Франком, отец которого вместе с Каро открыл способ получения кальций цианамида. Было решено, что я буду приезжать в Берлин три раза в год и оставаться от 1½ до 2 месяцев и за эту работу буду получать суточные деньги и расходы по поездкам в Германию и обратно. Цель моего приглашения — научить сотрудников их центральной лаборатории работать над каталитическими реакциями под большими давлениями. Они давали мне на первое время только одного сотрудника, обещая в будущем, по мере развития работы, увеличить их число. В тот же приезд мне был представлен мой будущий сотрудник, студент Технологического Института в Шарлоттенбурге Карл Федорович Фрейтаг, родившийся в Москве, живший в России до войны 1914 года и одиннадцати лет от роду приехавший с родителями (немецкими подданными) в Германию. Он довольно порядочно говорил по-русски и это было мне очень на руку, в особенности в первое время, когда мне надо было приспособляться в чуждой мне обстановке. Центральной лабораторией, в которой мне надо было работать, заведывал д-р Франк, профессор Технологического Института, произведший на меня приятное впечатление, которое при ближайшем знакомстве только увеличивалось. Он оказался хорошим человеком, и мои отношения с ним не оставляли желать ничего лучшего.

Чтобы оформить мое приглашение на работу, был составлен контракт, очень благоприятный для меня. Все мои изобретения безвозмездно принадлежали СССР, где я имел право на свое имя взять на них патенты. В Германии патенты на мои изобретения берутся компанией Bayerische Stickstoff Werke с упоминанием, что я изобретатель. Вне Германии и СССР патенты могут быть продаваемы, причем я получаю 60% от вырученной суммы за вычетом расходов, произведенных для выполнения необходимых опытов, связанных с этими изобретениями. К этому договору был впоследствии добавлен один пункт, касающийся продажи патентов моих изобретений третьим лицам в Германии; и в этом случае я сохраняю право полу-

К. Ф. Фрейтагу я рекомендовал познакомиться с главнейшими моими работами с высокими давлениями.

По приезду в Москву я доложил о моих переговорах и условиях работы заграницей Рухимовичу и начальнику Главного Химического Управления и получил разрешение начать работу с 1-го апреля сего года.

В химической лаборатории Академии Наук научная работа развивалась очень успешно. Кроме моих штатных сотрудников Н. Орлова, Г. Разуваева, Б. Долгова и А. Петрова и моего сына В. В. Ипатьева в научных работах приняли участие химики другого отделения Химического Института Академии: И. Андреевский, Б. Муромцев, В. Николаев. За этот год было подготовлено к печати более 25 научных опытных работ, которые и были опубликованы в 1927 и 1928 годах в "Berichte der Deutsch. Chemischen Gesellschaft", "Compts Rendus" и в "Bulletin de la Société Chimique". Эти исследования касались реакций с органическими и неорганическими соединениями, совершаемых под большими давлениями. Среди работ по органической химии наиболее интересными являлись реакции деструктивной гидрогенизации высоко-молекулярных соединений под влиянием предложенного мною впервые еще в 1912 году смешанного катализатора: окиси никкеля и окиси алюминия. В работах 1925-1927 годов мною было показано, что высоко кипящий солвент, получаемый из каменноугольной смолы, легко может быть превращен также в бензол и толуол. Заграничная химическая промышленность не замедлила утилизировать мои открытия, и в скором времени А. Г. взяло много патентов на эти реакции, пользуясь тем, что мною не были сделаны заявки ни в России, ни заграницей. Это была моя большая ошибка, что я пренебрегал брать патенты на все мои открытия в науке; об этом мне придется сказать в другом месте.

Из работ по неорганической химии наибольшего внимания заслуживают работы по окислению фосфора водой под давлением. Большая часть фосфора окисляется в фосфорные кислоты, а часть его превращается в кристаллический фосфор, цвет которого, в зависимости от условий опыта, изменяется от

фиолетового до черного. Впоследствии была изучена рентгенограма этого видоизменения фосфора и была вполне подтверждена его кристаллическая структура. При этой реакции окисления фосфора водой мы получаем в газовой фазе водород, смешанный с фосфористым водородом. Эта реакция не была закончена изучением в Ленинграде, но я продолжал эти опыты в Берлине, и они привели, как увидим ниже, к очень интересным результатам.

Мой сын Владимир изучал с кинетической точки зрения реакцию выделения меди водородом под давлением из медного купороса. Это исследование привело его к очень интересному выводу относительно влияния концентрации водородных ион на выделение кристаллической меди из растворов, сильно подкисленных серной кислотой. Начиная с этой работы, мой сын решил кинетически изучать реакцию вытеснения металлов водородом под давлением с целью приблизиться к пониманию происходящих здесь процессов, так как до того времени ни один из физико-химиков не мог дать удовлетворительного толкования этой реакции.

Реакции конденсации, изученные Разуваемым под влиянием совместного действия катализаторов, указали на переход одноосновных оксикислот в двуосновные кислоты. Так, например, молочная кислота легко превращается в метилянтарную кислоту. Этот процесс может представить интерес для физиологов, если им придется искать генезис образования двуосновных кислот в растениях.

Несмотря на жалкое помещение, отведенное для химических исследований, и очень трудные условия для отыскания необходимых препаратов и приборов, мои сотрудники по химической лаборатории Академии Наук проявили удивительный энтузиазм и дали в высокой степени ценные научные результаты. Я должен здесь отметить, что успех в научной работе безусловно об'ясняется тем, что никто не мешал этой работе; от меня не требовалось составления наперед каких либо планов для моих предполагаемых исследований и не требовали писанных отчетов. Наши печатные статьи, содержащие эксперимен-

тальные данные служили наилучшим доказательством нашей продуктивной работы; все работы были напечатаны в указанных выше иностранных журналах, при чем мой друг, академик Матиньон, обижался, если я посылал ему мало своих работ для доклада в Академии Наук в Париже. В журнале Р. Ф. Х. О. также помещались наши работы, но он выходил крайне неаккуратно, что было крайне невыгодно для приоритета наших исследований.

Моя научная работа во вновь созданной мною вместе с Андрющенко Химической лаборатории ядовитых газов при Артиллерийской Академии проявилась выпуском двух исследований, сделанных моими учениками, Василевским и Либерманом. Эти два экспериментальные исследования, сделанные ими в качестве дипломных работ для получения звания военного инженера-технолога, отратили на себя внимание Конференции Академии, и оба они впоследствии были приглашены в Академию для занятия мест инструкторов по химии. Работа Василевского имела в виду выработать способ получения хлористой серы из колчеданов; работа Либермана заключалась в испытании способов получения льюизита, как известно, крайне ядовитого вещества, которое было приготовляемо в Соедин. Штатах в Эджвудском арсенале во время войны 1914-1918 годов. Работа Либермана дала толчок для дальнейших исследований и в следующем году другим моим учеником, Шапиро, был выработан совершенно новый способ получения льюизита, на который был взят секретный патент, переданный нами безвозмездно Реввоенсовету. Что касается работы Василевского, то она позволила также взять патент на изготовление хлористой серы в большом масштабе.

В виду того, что в Химическую лабораторию ядовитых веществ стали поступать требования со стороны Военно-Химического Управления для производства некоторых исследований, я пригласил для означенных работ некоторых моих сотрудников по Академии Наук. Были приглашены Н. А. Орлов, Г. А. Разуваев и мой сын Владимир. Они, несомненно, принесли некоторую пользу для налаживания работ во вновь созданной ла-

боратории, но оставались очень недолго на этой работе; только Орлов и Разуваев были приглашены читать некоторые курсы по химии в Артиллерийской Академии. Причина, почему означенные лица предпочли отказаться от ведения работ по исследованию ядовитых газов заключалась в том, что это клало на них особую ответственность перед ГПУ в виду особо секретной работы. В особенности их напугал инцидент с Н. А. Орловым, моим старшим ассистентом по Академии Наук. Я нахожу необходимым привести его здесь, так как это послужит к более полному выяснению характера Н. А. Орлова, который единственный из всех моих сотрудников доставил мне не мало очень горьких минут. Н. А. Орлов был учеником проф. В. Е. Тищенко в Ленинградском Университете. Сын генерала, он учился сначала в Пажеском Корпусе; во время революции он поступил в Университет, где окончил курс с отличием, и проф. Фаворский, будучи приглашен мною в Химический Комитет, поручил экспериментальную работу Орлову, неимевшему тогда никакой другой работы. В то время (в 1924 году) еще не надо было спрашивать ГПУ о разрешении поручить подобную работу тому или другому лицу. А. Е. Фаворский на одном из заседаний комитета в Ленинграде представил мне скромного молодого человека, высокого роста, с интересным лицом и робкого во всех своих проявлениях. После того, как А. Е. Фаворский закончил работу с льюизитом, он просил меня взять Орлова ассистентом в лаборатории Академии Наук; В. Е. Тищенко также дал о нем хорошую рекомендацию.

Первое время Н. А. Орлов очень прилежно относился к работе; ранее ему никогда не приходилось работать с высокими давлениями и с каталитическими реакциями и ему многому пришлось учиться, чтобы овладеть методом. Я его назначил старшим химиком и поручил ему заведывать инвентарем лаборатории. Вскоре ко мне обратились два делегата от коммунистической ячейки Ленинградского Университета, которые дали очень плохую аттестацию об Орлове, как о человеке, так и об его политических убеждениях; они заявили, что если я не отстраню его от должности, то они будут про-

сить Ленинградское ГПУ выслать его из Ленинграда. Я не придал этому разговору особого значения и переговорив с Орловым, решил его оставить в Лаборатории. Но преследование Орлова со стороны Г. П. У. приняло такую форму, что он решил немедленно поехать в Москву, чтобы просить моего заступничества. Надо было видеть состояние Орлова, его слезы и слышать его заверения об его глубокой ко мне преданности, чтобы понять мое решение спасти этого человека и начать хлопоты об его оставлении на моей ответственности. На другой же день я созвонился с Уншлихтом, заместителем Дзержинского по ГПУ, и, изложив ему всю историю с Орловым, просил оставить его в Ленинграде, как хорошего химика. Уншлихт согласился и Орлов уехал в Ленинград, празднуя победу над своими врагами.

Казалось бы, что после такой истории Орлов должен был бы чувствовать ко мне особую признательность и стараться не беспокоить меня, улучшив свои отношения с другими химиками. Но у него была особая натура; ему доставляло громадное удовольствие заставлять своего друга или недруга переживать неприятные минуты. Я не знал ни одного человека, который мог бы сказать о нем доброе слово. Он был до нельзя груб с младшими химиками и часто ругал их непристойными словами. Сколько раз я пробовал деликатным образом уговорить его переменить свою привычку обращаться с людьми, но все было напрасно. Не сказав мне ни слова и пользуясь моим отсутствием из Ленинграда, он посылал в "Berichte" в Берлин статьи о деструктивной гидрогенизации. Хозяйство в лаборатории он вел так безалаберно, что мне пришлось его передать сначала Разуваеву, а потом специальному лицу, Д. Н. Дурасову, который и привел весь инвентарь и отчетность в полный порядок.

Во время одной из моих поездок заграницу, Орлов был арестован ГПУ, но к всеобщему нашему удивлению просидел там только две недели и был выпущен на свободу. Он вернулся в лабораторию в замечательно веселом настроении духа и стал еще более развязным в обращении со своими коллегами по

лаборатории. Мне многие говорили, что он, вероятно, купил свою свободу обещанием быть верным слугой этого почтенного учреждения.

Не помню вследствии каких соображений я решил повидать А. Н. Баха; если мне не изменяет память, вопрос, который надо было обсудить с ним, касался предложения сделать проф. Нейберга, директора биологического института в Берлине (Kaiser Wilhelm Institute), членом-корреспондентом Академии Наук. Академик Костычев сильно возражал против такого предложения, и потому мне было необходимо заручиться мнением Баха. После окончания делового разговора я дал понять Баху, что я ничего не имею против того, что я больше не председатель НТО, что вся цель моей жизни, это научная работа, и буду очень признателен, если в ГИПХ'е (Госуд. Институт по Прикл. Химии), где я уже приступил к созданию лаборатории высоких давлений, коллегия НТО пойдет ко мне навстречу и даст возможность развить широко это дело. А. Н. был очень любезен со мной и обещал поддержку. Я должен сказать, что он с этих пор стал очень хорошо относиться ко мне и такие отношения продолжались до окончательного моего от'езда заграницу.

1-го апреля я поехал в первый раз на работу в лабораторию в Берлин. По приезде мы обсудили, какие аппараты необходимо заказать механику Hoffer'y в Mulheim'e, чтобы начать работы под давлениями. Необходимые чертежи моей бомбы я привез с собою, и они были переданы Гофферу для выполнения. Так как аппараты могли быть готовы только месяца через два, т. е. к следующему моему приезду в Берлин, то я с Фрейтагом начал изучать одну реакцию, которая могла идти без давления. Эта реакция заключалась в превращении нерастворимой серно-кислой соли бария (минерал, в природе известен, как тяжелый шпат) в растворимую соль, хлористый барий, для чего мы пропускали хлор через сернокислый барий, положенный в горизонтальную трубу, нагретую до 600° С. Нам удалось при известных условиях получить более 80% превращения сернокислой соли в хлористую. Этот процесс

имел практическое значение, и Байерише Ко. тотчас же взяла на эту реакцию патент. Я был очень доволен поработать в новых условиях, — в особенности, принимая во внимание обстоятельство, что мои мысли были сосредоточены только на исследовательской работе, а кроме того вследствие очень дружелюбного отношения ко мне всего персонала центральной лаборатории.

В течении месячного пребывания в Берлине нам удалось закончить эту работу; в это-же время я написал свою речь, которую я должен был произнести в день празднования 35-летнего юбилея моей научной деятельности.

Когда я возвращался 1-го мая в Москву, то узнал, что немецкие ученые общества устраивают особую неделю для русских ученых, которые должны сделать доклады о своих последних исследованиях. Было приглашено 20 ученых, наиболее известных по своим научным работам в Германии. Из химиков были приглашены Ипатьев и Чичибабин, из физиков академик Иоффе и Лазарев, физиолог Гурвич (брат химика Гурвича), профессор-доктор (хирург) Федоров и др. Возглавлял эту ученую корпорацию народный комиссар Семашко. Ученая неделя была назначена на конец июня, и мы все должны были приготовить к этому времени соответствующие доклады.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЮБИЛЕЙ 35-ЛЕТИЯ МОЕЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В конце 1926 года мои друзья и почитатели моей научной деятельности возбудили вопрос о чествовании моей научной деятельности, так как в феврале 1927 года исполнялось тридцать пять лет со дня появления моей первой научной работы. Новая Коллегия НТУ согласилась на это предложение и испросила согласие на это чествование советского правительства. Для организации празднования моего юбилея была назначена специальная комиссия, при чем главная работа по рассылке

приглашений была возложена на А. П. Шахно и М. А. Блоха. Оба они были моими хорошими друзьями и делали все, что было в их власти, но вследствии бюрократической волокиты разослать пригласительные билеты как в СССР, так и заграницей, им удалось только за месяц до дня празднования юбилея и поэтому многие приветствия из отдаленных государств, — из Японии, Америки и т. п., — не могли быть доставлены. Празднование было назначено на 15-ое мая, в час дня, в большой аудитории Политехнического Музея.

По приезду из заграницы и перед празднованием юбилея я должен был с'ездить в Ленинград, чтобы навестить мои лаборатории. Работы шли с большим успехом, и все радовало мою душу, но меня крайне опечалило, когда из уст многих моих коллег и друзей я услышал сожаление и даже обиду, почему мой юбилей справляется в Москве, между тем, как вся моя научная деятельность протекла в Петербурге и Ленинграде. Что я мог ответить? Конечно, я мог сказать, что такова была воля начальства; с другой стороны, в этом была и их вина, так как они не проявили инициативы и не настояли на своем желании устроить празднование в Ленинграде. На этом разговоре мои почитатели и друзья не успокоились и, как я узнал после, решили после московского празднования устроить мне банкет и в Ленинграде. Таким образом выходило, что я буду праздновать свой юбилей по-гоголевски: и на Антона, и на Онуфрия.

Устроители празднества держали в полном секрете, какие меня ожидают поздравления и приветствия. Утром 15-го мая я узнал, что во всех газетах появились очень сочувственные статьи (Чичибабина, Шпитальского, Фокина и др.) с моим портретом и перечнем моих главных научных заслуг. Мои друзья уже с утра стали по телефону выражать мне свои поздравления; особый курьер из Реввоенсовета привез мне поздравительную телеграмму за подписью Ворошилова. Волнение охватывало мое существо все более и более, и я опасался, буду ли я в состоянии хорошо сказать свою речь перед громадной аудиторией, где соберутся все выдающиеся пред-

ставители нашей науки. К моему большому огорчению, моя верная подруга, моя жена, в это утро, — вероятно, тоже от переживаемых волнений, — получила такую мигрень, что принуждена была остаться в постели и не могла присутствовать на торжественном заседании.

Когда я приехал за десять минут до начала заседания, то громадный зал Музея был уже переполнен и ровно в 1 час дня Председатель Организационного Комитета М. Я. Лапиров Скобло открыл торжественное заседание, указав причины, почему советское правительство решило праздновать мой юбилей.

По предложению Организационного Комитета Президиум этого заседания был избран в следующем составе: председатель — академик С. Д. Ольденбург; академики Курнаков и Ферсман; от Президиума ВСНХ А. Серебровский; от Реввоенсовета И. Уншлихт и С. Каменев; от Наркомздрава Н. Семашко; от НТО В. Свердлов и Л. Мартенс; от Наркомпроса В. Н. Яковлева; от Института НТО А. Бах, С. Швецов и Э. Брицке; от Главхима А. Юлин и В. Кравец; от Совета С'ездов Химической Промышленности П. Дубов; от Артиллерийского Комитета Р. Дурлахов; от Военно-Промышленного Управления В. Михайлов; от Осоавиохима П. Чекин; от Моск. Выс. Тех. Учил. Н. Горбунов и проф. В. Ушков; от ВАИ С. Хренников; от ГИПХ Б. Климов; от 1-го Моск. Университета Н. Зелинский и И. Каблуков; от Менделеевского Института И. Тищенко; от Ленинградского Технологического Института А. Яковкин и Е. Шпитальский; от Военно-Технической Академии А. Солонина; от Военно-Химических Курсов Я. Авиновицкий; от Коксо-бензольной промышленности Г. И. Булгаков; от Анило-красочной промышленности Л. Ландау; от ЦК химиков Ступников; от хим.-техн. издательства М. Блох; ученый секретарь А. Шахно; секретариат: Н. Клюквин, Д. Лебедкин, П. Савков и Н. Порохин.

После утверждения состава президиума слово было предоставлено мне. В своей речи я попытался подвести итог и своей научной работы и дать философски обобщенное об'яснение тех химических процессов, которые меня особенно интересо-

вали, — полный текст этой речи я даю ниже, в приложении к этому тому. Моя речь, — я говорил, а не читал, — была прослушана с большим вниманием и, как мне потом говорили многие присутствовавших, произвела хорошее впечатление. С большими речами, посвященными итогам моей научной и общественной работы, выступили также проф. Н. Д. Зелинский и проф. В. П. Кравец, после чего начались выступления многочисленных делегаций от различных правительственных, научных и др. организаций и обществ, а также чтение приветственных адресов и телеграмм. Я, конечно, не имею возможности не только приводить здесь их тексты, но даже дать их список, — это заняло бы слишком много места (полный отчет о праздновании моего юбилея был тогда же издан в Москве Научным Химико-Техническим издательством, — там даны тексты всех речей и всех приветственных адресов). Отмечу только, что общее количество полученных приветствий было ровно 392, из которых 160 было от разных обществ и учреждений из России, 119 — из заграницы и 113 от отдельных лиц; из заграницы больше всего приветствий было получено из Германии (62), Англии и Шотландии (15), Франции (10), Швеции (10), Соед. Штатов (3) и т. д.; в общей сложности приветствия были получены из 18 стран, — и это несмотря на очень позднюю рассылку сообщени о чествовании, что помешало, как позднее стало известно, откликнуться целому ряду обществ и организаций.

Вечером того же 15 мая в залах ЦКУБУ был устроен банкет, на котором, несмотря на довольно высокую плату, присутствовало более 200 человек. Двоюродная сестра моей жены, известная балерина Е. В. Гельцер и ее муж, режиссер Московского балета, В. Д. Тихомиров из'явили согласие принять участие в нашей дружеской трапезе; после ужина она вместе с Тихомировым протанцовала русский танец, а известный скрипач Сибор выразил сам желание сыграть. Известный конферансье Гальперин в остроумных стихах изложил главные черты моего характера и важнейшие события из моей жизни. Банкет затянулся до глубокой ночи. Здесь нет возможности

привести хотя бы часть интересных и остроумных речей, произнесенных моими сослуживцами и учениками.

Не могу только забыть речи моего большого друга, остроумнейшего и талантливого человека, проф. Е. И. Шпитальского. Он ничего не боялся и говорил о вещах, которые лучше было не затрагивать, т. к. всевидящее око ГПУ никогда не оставляет без внимания даже малейшего намека на критику советской власти. В своей речи Е. И. уподобил меня катализатору в руках советской власти. Утром в своем докладе, раз'ясняя действие катализатора в химических реакциях, я указал, что катализатор на мгновение соединяется с одним из реагирующих тел, а затем, после выделения из этого образовавшегося комплекса нового продукта, катализатор снова появляется в своем первоначальном виде. Так и советская власть — говорил Е. И., — берет Ипатьева, когда надо, а потом отдает, снова берет, когда приходится туго и снова удаляет и т. д. Это сравнение было не в бровь, а в глаз, так как за несколько месяцев я был удален с занимаемых мною должностей.

В своей ответной речи я, конечно, поблагодарил за оказанное мне внимание и особо подчеркнул, отметил ту роль, которую играла моя жена, Варвара Дмитриевна, создавшая в высокой степени благоприятную обстановку для моих научных работ, избавив меня от многих семейных забот; я вспомнил при этом, что Лувуазье накануне своей смерти написал своей жене письмо, в котором благодарил ее за помощь в его исследованиях. «Хотя я не Лувуазье и пока еще не в тюрьме, — прибавил я, — но сегодняшний особый день моей жизни, и я считаю своим долгом поблагодарить мою дорогую подругу, которая скрасила мою жизнь и своею любовью и преданностью помогла мне достичь тех результатов, о которых было так много сказано во всех принесенных мне поздравлениях и приветствиях».

Уже в Москве я получил извещение, чтобы я поторопился приехать в Ленинград, так как было решено устроить дополнительное празднование моего юбилея в день заседания Химического Общества. Так как Русское Химическое Общество не

имело обычая устраивать празднование 35-летних юбилеев, то мне было предложено сделать очередной доклад о моих последних исследованиях в майском заседании. Председатель Общества перед моим докладом упомянет о том, что мой первый доклад состоялся 35 лет тому назад в мартовском заседании 1892 года под председательством Д. И. Менделеева. После заседания должен был состояться ужин по подписке в Европейской Гостиннице.

Когда я прибыл на заседание Химического Общества, в Химическую Аудиторию Ленинградского Университета, то был очень порадован двумя обстоятельствами. Во-первых, аудитория была полна слушателями, а во-вторых, председатель Химического Общества, академик Димитрий Петрович Коновалов, который только в этот день прибыл из заграницы, узнав о моем юбилее, пожелал непременно приехать на заседание и сказать мне приветствие, несмотря на усталость от долгого путешествия (он приехал прямо из Парижа).

Несмотря на мое волнение, мой доклад вызвал большой интерес, и я получил дружные апплодисменты. После доклада Д. П. Коновалов сказал прочувственное слово, и указал на замечательное совпадение: 35 лет тому назад в Императорском Техническом Обществе в 1-ом Отделе под его же председательством В. Н. Ипатьев сделал свой первый доклад о химическом исследовании структуры стали. Д. П. отлично помнит мое первое выступление, и он заявил, что у него уже тогда сложилось убеждение, что из меня выработается серьезный химический исследователь. В своей ответной речи я поблагодарил Д. П. Коновалова за его всегдашнее внимательное ко мне отношение, а также высказал благодарность моему первому учителю А. Е. Фаворскому. Я пожелал также процветания Русскому Химическому Обществу, на заседаниях которого, слушая доклады старших членов Химического Общества, создавших школу русских химиков, молодые химики совершенствовали свои познания, учились, как надо вести экспериментальные исследования, и т. д.

Банкет, состоявшийся после заседания общества, прошел

очень оживленно. На нем присутствовал президент Академии Наук А. П. Карпинский, академик Ф. И. Щербацкий, много химиков и инженеров (около 160 человек). Инженер Пальчинский произнес блестящую речь, в которой указал, что я не принадлежу к числу таких специалистов, которые, подобно флюсу, пухнут только в одну сторону. Бедный П. М. Пальчинский! Он тогда не предвидел, что дни его жизни уже сочтены: через несколько дней он был арестован (не помню, в который раз), а через 2 месяца оказался в числе 20 других жертв, расстрелянных в отместку за убийство Кавердой нашего полпреда в Варшаве, Войкова.

На этом, к сожалению, не окончились мои переживания, связанные юбилеем. Через один или два дня президент Академии Наук пригласил меня на чашку чая к нему на квартиру. К моему удивлению на эту чашку чая были приглашены все заграничные консула, находящиеся в Ленинграде, все академики и другие гости. Незабвенный наш президент Александр Петрович Карпинский в немногих словах сказал мне, перед всеми собравшимися, такое сердечное приветствие, которое никогда не изгладится из моей памяти.

Из сказанного можно было заключить, что я получил большее внимание, чем я заслуживал, и я чувствовал даже неловкость, что моя особа причинила так много хлопот людям. После всех пережитых волнений мне надо было бы поехать на отдых, но в первых числах июня я должен был ехать заграницу, в Германию, на новую работу, а кроме того должен был сделать доклад во время русской ученой недели в Берлине, которую немцы устраивали в честь русских ученых.

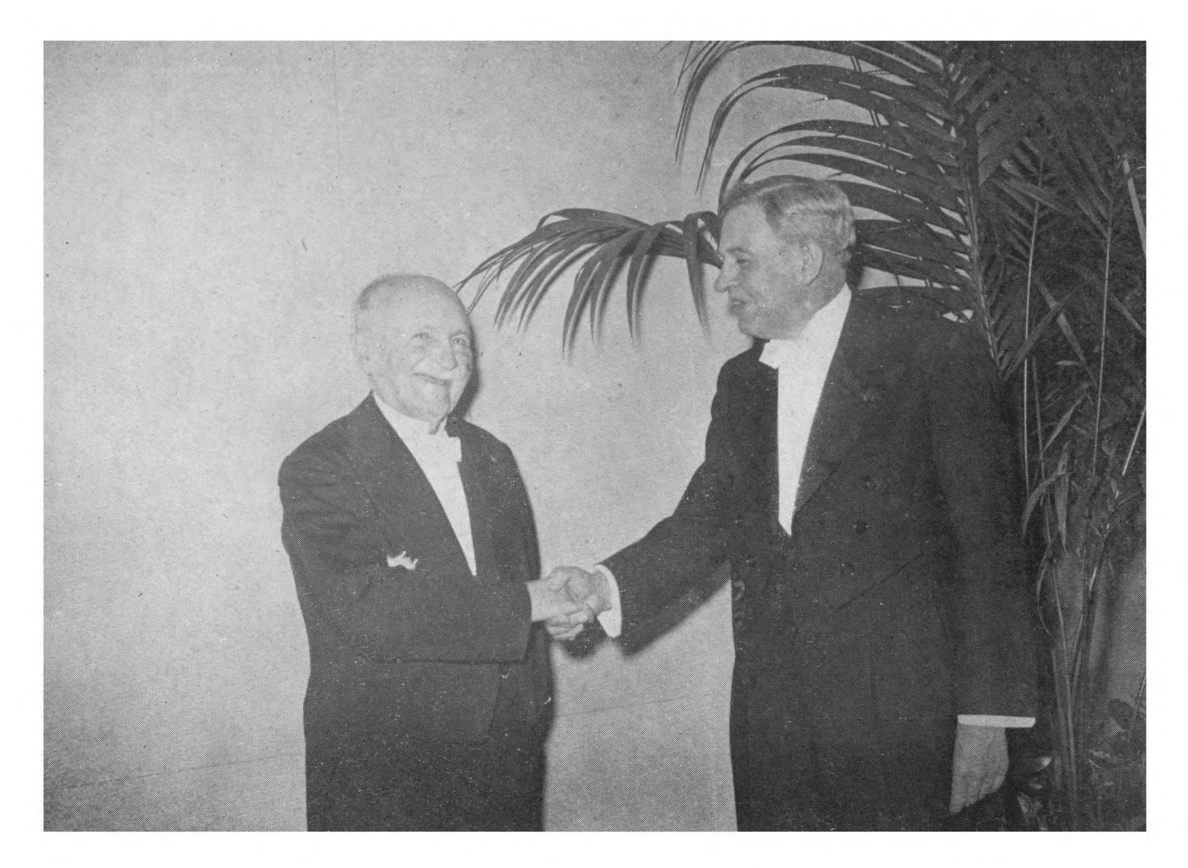
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В Главном Химическом Управлении был возбужден очень серьезный вопрос относительно использовании больших количеств бензола и толуола, получаемого на коксобензоловых заводах. Этот вопрос сначала обсуждался в Главном Военно-

промышленном Управлении и там было вынесено решение превратить весь толуол в тротил, который не заливать в снаряды, а хранить в военных складах, как запас для военного времени. Это решение было внесено в Главное Химическое Управление для окончательного разрешения. Для постройки таких складов и превращения количеств добываемого толуола потребовалась единовременная затрата в 15 миллионов рублей. В заседании Совета никто не мог придумать какой-либо другой меры, чтобы заменить это предложение, вызывающее большое сомнение в его рациональности осуществления. Тогда председатель обратился ко мне и пожелал выслушать мое мнение. Я решительно высказался против превращения всего толуола в тротил; во-первых, потому, что это вызывает ненужный расход на постройку дорогостоющих военных складов, а, главное, потому, что мы не гарантированы от случайных взрывов тротила. Что же касается использования лишних ароматических углеводородов, то я предложил подмешивать их в небольших количествах к газолину, в особенности к авиационному, что только улучшит их антинок. Необходимо подсчитать, какое количество ароматики будет оставаться неиспользованным после удовлетворения нужд военной и красочной промышленности, и тогда можно будет решить, каким образом следует использовать ее остаток для улучшения качества газолина. Мое предложение было принято единогласно и было постановлено образовать комиссию под моим председательством, чтобы в кратчайший срок решить этот важный вопрос и внести на утверждение Главхима.

Незамедлительно мною была собрана комиссия из нефтянников, представителей Теплотехнического и Автомобильного Институтов и некоторых профессоров для обсуждения этого вопроса. С самого же начала я встретил упорное сопротивление со стороны продавцов газолина на заграничный рынок, которые заявили мне, что их контракты обусловлены строго определенными кондициями, и потому всякая прибавка может вызвать изменение свойств продаваемого газолина и повлечь затруднения при поставке продукта. Потребовалось не мало

В. Н. Ипатьев и проф. П. Сабатье (1939 г.) в Париже

времени, чтобы убедить этих господ в полной несостоятельности их доводов, так как никакие технические методы испытания не дадут возможность открывать один или два процента ароматики в продаваемом газолине. Эта прибавка никоим образом не повредит свойствам газолина, а скорее улучшит его. Чтобы окончательно их убедить, указанным Институтам было дано задание в кратчайший срок представить в комиссию опытные данные относительно свойств наших газолинов после прибавки к ним различных количеств ароматических углеводородов. Нечего говорить, все испытания вполне подтвердили возможность прибавки ароматических углеводородов к нашим газолинам, которые только улучшали,а не ухудшали их свойства. Что-же касается кондиции на продажу газолина заграницу, то нефтяники сами убедились, что это не так страшно и покупатели охотно будут брать подобный товар. Главное Химическое Управление утвердило постановление комиссии, и вопрос об использовании ароматики был решен для общего благополучия всех ведомств.

В первых числах июня я уже был в Берлине и приступил к работам в лаборатории Байерише Штикштоф Верке, вместе со своим ассистентом К. Ф. Фрейтагом. К тому времени аппараты высокого давления, заказанные Гофферу, были уже готовы, и мы могли начать первые опыты с ними. Для испытания аппаратов и для демонстрации метода я выбрал реакцию вытеснения металла меди из ее раствора сернокислой соли (медного купороса) посредством водорода при возвышенной температуре. Эти опыты мы организовали в подвальном помещении лаборатории, и так как опыт должен был продолжаться долгое время, то надо было оставить бомбу в термостате на всю ночь. Когда об этом было доложено заведующему центральной лабораторией д-ру Г. Франку, то он высказал большое сомнение, что аппарат может выдерживать давление столь долгое время при повышенной температуре и давлении. Но так как опыт производился в уединенном помещении, то он согласился с моими доводами и разрешил производство опыта при подобных условиях. Когда он на другой день пришел в лабораторию,

то его первый вопрос к Фрейтагу был: как прошел опыт? И был изумлен, что все оказалось в порядке, и что металлическая медь в великолепно образованных кристаллах осела из раствора медного купосора. Эти образцы кристаллов меди, достигающие более сантиметра длиной, были мною впоследствии демонстрированы на заседании Немецкого Химического Общества во время русской ученой недели.

Я начал с Фрейтагом изучать действие другого газа, — окиси углерода, — на растворы медных солей (главным образом медного купороса). Мы заметили интересное явление восстановления солей окиси меди в соли закиси меди и попутно заметили образование медной соли муравьиной кислоты. В литературе ничего не было известно относительно образования муравьиной кислоты при подобных условиях. Лишь впоследствии, когда заявили патент, мы узнали, что в Америке был взят патент на получение муравьиной кислоты из окисли углерода в присутствии хлористой меди. Чтобы изучить механизм реакции, мы решили сделать опыты образования муравьиной кислоты без участия катализатора. С этой целью мы действовали под давлением окисью углерода на дистиллированную воду, помещенную в кварцевую трубку и вложенную в мою бомбу. При температуре около 200° и давлении в бомбе 160 атмосфер окись углерода соединяется с водой и образует муравьиную кислоту в количестве 1/10 нормального раствора. Кроме того, мы нашли в газах около 14% углекислого газа, который в свою очередь произошел из муравьиной кислоты при помощи ее разложения на углекислоту и водород. Как известно, Бертелло сделал впервые синтез солей муравьиной кислоты при действии окиси углерода на растворы щелочей. Нам удалось впервые осуществить синтез самой муравьиной кислоты из окиси углерода и воды.

Таким образом, с самого начала своей работы в немецкой компании я не только научил работать под высокими давлениями, но сделал очень интересное открытие, указав на громадное значение фактора давления на ход химических реакций.

Несомненно, мой авторитет в глазах немецких химиков возрос еще в большей степени.

С 20-го июня в Берлине началась «Русская ученая неделя», в которой приняли участие 20 русских ученых, представлявших разные научные дисциплины. Я и А. Е. Чичибабин, представлявшие русскую химию, были приглашены на обеды к разным немецким ученым: к проф. Берлинского Университета д-ру Шленк, к д-ру Гессу, работавшему в Кайзер Вильгельм Институте и к д-ру C. Neuberg'у — биохимику, директору Биохимического Института в Далем. Кроме того, я был гостем у д-ра Нернста, где я познакомился с проф. Einstein'ом и во время обеда сидел с ним рядом за одним столом. Я помню, что один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь заграницу для продолжения своих научных работ, где я найду несомненно гораздо более удобств, чем у себя на родине. Я в то время не имел ни малейшей идеи покинуть свою страну, так как считал, что буду в состоянии приносить ей пользу, и верил, что общими усилиями мы будем в состоянии побороть все препятствия, стоявшие на пути установления нормальных условий, как для научной работы, так и для общественной жизни. Я не замедлил ответить моему собеседнику, что я, как патриот своей родины, должен оставаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы.

Проф. Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: «вот этот ответ профессора я вполне понимаю, так надо поступить». И вот прошло 4-5 лет после этого разговора, и мы оба нарушили наш принцип; мы теперь эмигранты и не вернулись в свои страны по нашему персональному решению, а не потому, что были изгнаны нашими правительствами. Конечно, каждый из нас постарался об'яснить свое невозвращение известными мотивами, но факт остается фактом: мы изменили нашим убеждениям и покинули свою родину. Впоследствии я откровенно опишу все свои переживания относительно моего решения не возвращаться в течении известного времени в СССР, и, может быть, читатель найдет мои основания заслуживающими оправ-

дания. Но у меня самого в душе до конца моей жизни останется горькое чувство: почему сложились так обстоятельства, что я все-таки принужден был остаться в чужой для меня стране, сделаться ее гражданином и работать на ее пользу в течении последних лет моей жизни?

Мой и Чичибабина доклады были назначены в последний день «Ученой недели» в большой аудитории Немецкого Химического Общества, в Гофман Хауз. Наши доклады привлекли полную аудиторию; первым говорил я о своих последних работах под высоким давлением, как с органическими, так и неорганическими веществами. В особенности большое впечатление произвела работа, сделанная мною вместе с сыном Владимиром, над изучением влияния концентрации водородных ионов на выделение меди из сильно кислых растворов ее солей. Демонстрированные мною превосходные кристаллы меди и ее окислов возбудили большой интерес и после доклада многие, в том числе и проф. Боденштейн, выражали свое удовольствие по поводу этого сообщения. Проф. Чичибабин в своей речи изложил интересные последние исследования в области пиридиновых оснований.

Ученая неделя заключилась великолепным банкетом в Hotel Fuerstenhoff. Я вообще должен сказать, что немецкие ученые оказали нам удивительное гостеприимство и уделили большое внимание нашим ученым работам. Все расходы по нашей жизни в Берлине немецкое правительство взяло на свой счет.

После этой недели я оставался еще работать в Берлине до половины июля и затем возвратился в Москву.

Еще во время моего пребывания в Берлине я узнал из газет, что Совет Народных Комиссаров, по случаю моего юбилея и за мою работу для советской химической промышленности, постановил выдавать мне пожизненную пенсию в размере 300 рублей в месяц. По всем вероятиям А. Н. Бах оказал здесь свое влияние после моего последнего разговора с ним, в котором я определенно указал ему, что меня нисколько не интересует административная деятельность и что я хотел бы

сосредоточить свои силы исключительно на исследовательской работе. Поэтому, после приезда в Москву я счел долгом повидать Баха и поблагодарить его за внимание.

Во время празднования моего юбилея я получил и в Германии очень приятный для себя подарок. Почитатели моих научных работ среди немецких инженеров и промышленников собрали сумму в 10.000 марок для использования их по моему усмотрению для научных работ, которые я веду в СССР. Эти деньги я решил взять после моего разговора с торгпредом в Берлине Беге и положил их на текущий счет Торгпредства с тем, чтобы оно их тратило на уплату счетов по заказанным мною приборам для будущего Института Высоких Давлений. Имея в своем распоряжении такую сумму в немецкой валюте, я немедленно приступил к закупке аппаратов для установления физико-химических методов в Институте Высокого Давления, а также двух механических станков для изготовления моих бомб для работы под высоким давлением. Эти первые механические станки, которые вероятно и теперь еще находятся в Институте Высоких Давлений, послужили первыми камнями для создания механической мастерской, необходимой для работ под высокими давлениями. Эти станки были доставлены на Ватный Остров в то помещение, которое было отведено мне для организации моих научных исследований. Поэтому я 1927 год считаю за год основания Института Высоких Давлений.

В это время было совершено убийство Войкова, полпреда в Варшаве, в прошлом одного из участников убийства царской семьи. Большевики так обозлились за это убийство, что в отомщение, расстреляли 20 человек, в числе которых был князь Долгорукий (который тайком пробрался в СССР из заграницы), старый инженер Мекк, Пальчинский и Попов; последний незадолго перед этим, с разрешения советского правительства, приехал в СССР. Пальчинский говорил мне, что Ленин всегда был его заступником, так как очень ценил его выдающиеся инженерные способности. Будь жив Ленин, Пальчинский не погиб бы в расцвете своих интеллектуальных сил от жестокой руки ГПУ.

Летом 1927 года в Москве был назначен показательный суд над вредителями Донбасса, которые по данным, собранным ГПУ умышленно уменьшали добычу угля, заливали хорошие шахты, портили машины и т. п. Чтобы придать этому показательному процессу большую авторитетность, советское правительство решило вызвать в заседание суда особых общественных обвнинтелей, которые должны были показать публике, что обвиняемые действительно являются саботажниками и вредителями для советской власти и, следовательно, врагами народа. Эти лица должны были быть беспартийными, но пользующимися полным доверием правительства. Я считаю, что положение, в которое их ставила советская власть, было очень трудным, так как они могли только обвинять, хотя бы в душе и почувствовали, что обвиняемые во многих случаях совершенно не виноваты. Если бы они попробовали стать на их защиту, или даже промолчать по поводу возбуждаемых против них обвинений, то они становились бы на одну доску с обвиняемыми и подлежали бы преследованию со стороны ГПУ. Выбор правительства пал на П. Осадчего и С. Шеина, — на лиц, занявших видные посты в советской иерархии: Осадчий был заместителем председателя Госплана СССР, а Шеин — заместителем председателя НТУ и председателем Союза Инженеров, насчитывающего до 140.000 членов. Оба эти инженера нередко выступали с громовыми речами против интеллигенции, не желающей идти в ногу с большевистской властью. Лучший выбор лиц для подобного дела трудно было сделать, и на суде они вполне оправдали навязанную им роль. Прокурор Крыленко, пожалуй, легче обвинял, чем общественные обвинители. С. Д. Шеин так разошелся, что после процесса выпустил брошюру в 16 страниц, где старался доказать правильность обвинения. Советская власть тогда была более снисходительна, чем впоследствии: к расстрелу был приговорен только один подсудимый, а остальные получили различные сроки одиночного тюремного заключения.

Не успел я вступить в исполнение моих обязанностей после двухнедельного отпуска, который я провел на хуторе на

Угре, как был вызван в начале августа к Куйбышеву, относительно предложения одного швейцарского гражданина, который предлагал удивительно выгодные условия для изготовления бездымного пороха по особому способу, изобретенному одним инженером, живущим в Базеле. Я попросил некоторое время, чтобы ознакомиться с довольно об’емистой запиской, поясняющей выгодность этого способа. В следующее мое свидание с Куйбышевым и начальником Военно-Промышленного Управления, я доложил, что из данных, приведенных в записке, нельзя судить о предлагаемом упрощении способа получении пороха и самое лучшее было бы командировать кого-либо из экспертов в Базель, чтобы посмотреть это производство, которое может быть демонстрировано изобретателем. Швейцарская фирма, которая предлагала это изобретение СССР, указывала, что этим изобретением интересуются другие государства, но она не хочет продавать им лицензию, пока не получит ответа от СССР, потребности которой в порохе значительно превышают требования других стран. Тогда Куйбышев спросил меня, не согласился бы я сам поехать в Швейцарию и обследовать это предложение. Мне ничего не оставалось, как выразить согласие, — и через несколько дней я снова был в Берлине и начал хлопотать о швейцарской визе.

В Берлине я познакомился с представителем фирмы, которая владела этим изобретением и тогда я понял, почему советское правительство ухватилось за это предложение. Этот представитель был коммунистом и пользовался доверием Берлинского Полпредства. Фирма-же, которая владела изобретением, никакого отношения к пороховым делам не имела, а ее специальностью было производство или продажа масляных красок. Благодаря хлопотам этого представителя фирмы, я скоро получил визу и отправился в Базель. Изобретатель нового способа получения бездымного пороха был уже пожилой человек, приятный в обращении, знающий способы приготовления бездымных порохов. Когда он мне рассказал секрет своего производства, то я сразу понял, в чем он видит прогресс в изготовлении пороха, уменьшающий расход по отдельным опера-

циям и сокращающий время всего производства. С теоретической точки зрения никаких абсурдных предложений он не делал, но можно было сомневаться, будет ли возможно на практике получить такие образцы пороха, которые отвечали бы современным требованиям. Я предложил ему вместе со мною изготовить в его небольшой лаборатории фунт такого пороха, и затем испытать его стрельбой, обещая ему не выдавать его секрета, в чем я предлагал дать подписку. Мое предложение было принято, и мы занялись изготовлением пороха по его способу.

Исходным материалом служила клетчатка в особой форме, что сразу предсказывало удешевление процесса. В течении первого дня порох был приготовлен и, после надлежащей сушки, на другой день был готов для испытания. К сожалению, я не мог сделать анализа на содержание в нем азота и рискнул согласиться на стрельбу им из винтовки довольно значительного калибра. Только потом я узнал, какой опасности я подвергался, стоя рядом с изобретателем, когда он производил стрельбу в особом сарае, приспособленном для подобных испытаний. После стрельбы я спросил изобретателя, были ли у него случаи разрыва оружия, и он должен был сознаться, что они имели место, когда производились опыты стрельбы из ружей, помещенных на станок. «Почему-же Вы стреляли с руки?» — спросил я его. Он ответил, что изобретателю неловко в присутствии покупателя бояться своего детища: без риска нельзя работать. Таким образом, стоя рядом с изобретателем, который стрелял из старого типа ружья патронами с почти что чистым пироксилином, я подвергал себя очень серьезной опасности.

Когда стрельба и другие испытания были закончены, было устроено особое заседание, в котором я должен был высказать свое мнение, и согласиться на уплату расходов по произведенным испытаниям. Я ответил, что финансовая сторона дела меня не касается; полное же суждение о пригодности этого способа изготовления бездымного пороха я могу иметь только тогда, когда будет сделан полный анализ образцов, которые они должны прислать в СССР. На этом мы расстались, и я уезжал

из Базеля под впечатлением несерьезности всей этой авантюры. Впоследствии, когда в СССР были сделаны анализы присланных образцов, оказалось, что они содержали более 13% азота, что указывало на очень сильную нитрацию клетчатки, и порох изготовленный из такого продукта должен был отличаться большою склонностью к детонации. Я помню, что еще в Базеле, внимательно следя за изготовлением пороха, я составил впечатление, что порох будет очень опасен при стрельбе и может причинить разрыв оружия. Конечно, советское правительство не приобрело лицензию на подобное изобретение.

Для того, чтобы координировать работы вновь образованного Военно-Химического Управления Реввоенсовета с работами Военно-Промышленного Управления ВСНХ, была образована специальная комиссия под моим председательством. В эту комиссию вошли следующие члены: начальник Воен.-Хим. Управл. Фишман, проф. Шпитальский, от Воен.-Пром. Управл. — Поварнин, химик-инженер, который ведал составлением планов изготовления удушающих средств на военных заводах; кроме того от ВСНХ был приглашен Гальперин. Эта комиссия заседала не более двух раз, не пришла ни к каким определенным заключениям, так как невозможно было примирить требования Фишмана с возможностью их осуществления в короткий срок. Так как я начал работу заграницей, с иностранной фирмой, я счел нужным подать заявление Фишману, чтобы он меня освободил совсем от обязанностей председателя Химического Комитета в его Управлении. Он на это согласился, поняв мою точку зрения. Я в свою очередь сказал ему, что во всякое время буду готов помочь ему советом, если он того пожелает. Он предложил мне, чтобы я числился консультантом; я не возражал, так как знал наперед, что моего совета он спрашивать никогда не будет. С этих пор я не стал принимать никакого участия в Военно-Химическом Управлении.

С моим уходом из Химического Комитета Военно-Химич. Управления Е. И. Шпитальский тоже перестал принимать в нем участие и по предложению А. Н. Баха принял на себя обязан-

ности заведующего Отделом ядовитых веществ, который было предложено создать в Карповском Институте во вновь выстроенном здании. Но Е. И. пробыл на работе в Карповском Институте очень недолгое время, так как не согласился во взглядах с помощником директора, Б. Збарским, который привык командовать и не считаться с чужим мнением даже в вопросах, которые ему были мало известны. Е. И. советовался со мной по поводу своего ухода и очень неосторожно вел со мною часовые разговоры по телефону, критикуя довольно резко постановку дела в Карповском Институте. Я не сомневаюсь, что многое из этих разговоров послужило впоследствии обвинительным материалом против Е. И. Я советывал Е. И. совсем оставить работу с ядовитыми веществами и посвятить себя всецело научной деятельности в Московском Университете, где он создал прекрасную физико-химическую лабораторию, в которой уже работало до 40 человек и где стали исследовать очень интересные проблемы. Но Е. И., который посвятил много сил разработке методов изготовления различных ядовитых веществ (в особенности фосгена и иприта), был, конечно, в большом затруднении, чтобы решаться совсем отказаться от этой области, где он несомненно принес большую пользу советскому правительству. Поэтому, он согласился принять участие в русско-немецкой комиссии, сначала в качестве консультанта, а потом, когда немцы вышли из состава и наш договор с немецким правительством относительно изготовления ядовитых газов был прекращен, то Е. И. было поручено составить проект завода для изготовления больших количеств упомянутых выше веществ. Кроме этой работы, Е. И. согласился принять большое участие в работе вновь образованного учреждения, которое возглавлял Ступников, для приведения в порядок Ольгинского Завода, который был оборудован еще в военное время моим Химическим Комитетом для изготовления отравляющих веществ. На этом заводе предполагалось установить целый ряд производств, — сначала в полу-заводском масштабе, — для окончательной выработки больших проектов.

Хотя мне приходилось время от времени посещать Ольгинский завод, но активного участия в этом деле я не принимал. Из этого перечня деятельности Е. И. можно видеть, какая громадная работа была возложена на его плечи, и надо было удивляться его способности, при плохом его здоровьи, талантливо выполнять все эти трудные задачи. Как было ранее указано, Е. И. потерял одну ногу, вследствие начавшегося заражения крови после неудачной операции одного пальца, который он неудачно поранил, обстригая ноготь. Такого талантливого человѣка надо было беречь и беречь, но большевики выслушивая от него резкие замечания, не могли ему этого прощать и в скором времени он был арестован, о чем я буду говорить ниже.

Интересно здесь привести один эпизод, который до некоторой степени может характеризовать прием, который большевики и к ним примазывавшиеся применяли, чтобы провоцировать и при малой оплошности с нашей стороны погубить нашего брата — беспартийных. Вскоре после моего удаления из НТО Б. Збарский позвонил мне по телефону, прося назначить время, когда он мог бы поговорить со мною по очень серьезному делу. На этом свидании Збарский сделал мне, как выдающемуся человеку в Союзе предложение сделаться учредителем особого общества, которое должно было называться вроде «Общества содействия социалистическому строительству». Оно должно было состоять из лиц, всецело преданных советской власти и могущих своим влиянием способствовать развитию промышленности, экономики, науки и пр., и кроме того, как общественная организация, давать некоторые советы правительству для упорядочения дела в той или другой области народного хозяйства. Члены этого общества могут откровенно высказывать свои мнения, не боясь ГПУ, так как их благонадежность уже устанавливается вхождением в эту организацию. Збарский сказал мне, что во главе организационного комитета стоят А. Н. Бах, С. Д. Шеин, он, академик Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев и некоторые другие. Я очень поблагодарил Збарского за его обращение и доверие ко мне, но сказал прямо, что никогда политическими делами не занимался, ни в какие общества по-

добного типа не входил и войти не могу. Я всегда и без подобного общества, давал советскому правительству свои советы для улучшения химической промышленности, не боясь, будет ли оно принято или нет; но я слишком занят своей научной работой, чтобы уделять время на заседания, которых я вообще стараюсь избегать. Конечно, мой ответ произвел очень неблагоприятное впечатление, но я был непоколебим, и в этой организации не принимал никакого участия. Спустя некоторое время Збарский обратился с подобным предложением к проф. Чичибабину и Шпитальскому. Чичибабин отказался наотрез, так как он не социалист и в этой организации ему не место. Шпитальский очень остроумно ему ответил, что и Збарский, и его родители очень хорошие люди, но лучше было бы ему не заниматься подобными делами, а то за подобную деятельность, если она будет иметь критический характер, недалеко и до Лубянки, — несмотря на все заверения ГПУ.

Несмотря на наш отказ, общество все таки организовалось, и его устав был опубликован в газетах. В прессе было указано, что в эту организацию вошли лучшие представители интеллигенции Союза, и они будут настоящими помощниками советской власти. Но подводя итоги деятельности этой организации можно ныне сказать, это это было мертворожденное дитя, не принесшее ни малейшей пользы и насчитывавшее в своем составе сравнительно небольшое число лиц. В скором времени оно заглохло, не успевши расцвесть.

В середине октября мне пришлось снова отправиться заграницу, так как в 20-х числах этого месяца было назначено в Париже празднование 100-летняго юбилея со дня рождения известного химика Бертелло. От СССР была назначена делегация из меня, Чичибабина, Курнакова, Тищенко, Зелинского и Каблукова. Возглавлял делегацию нарком Луначарский. На празднестве собрались делегаты от 60 стран, и оно началось гражданской панихидой в Пантеоне, где находится прах Бертелло. Почти перед самым прибытием в Пантеон французского правительства во главе с Пуанкаре, появилась супружеская

чета Луначарских, причем все присутствующие обратили внимание на роскошнейшую соболью шубу на Луначарской.

Панихида прошла очень торжественно: игрались сонаты, читались стихи, посвященные памяти знаменитого химика. Насколько помню, после панихиды нас повезли в автокарах в Версаль, где был дан великолепный обед. В автокаре мне совершенно случайно пришлось познакомиться с французским химиком, профессором Godchot, который сидел со мной рядом. Это знакомство было как раз кстати, потому что в последних моих работах совместно с Б. Н. Долговым я доказывал ошибочность результатов Годшо. Он на мою работу прислал письмо с возражениями. Я поставил в лаборатории дополнительные опыты и подтвердил свои прежние данные; о результатах я написал Годшо, и он должен был признать правоту моих опытов.

На банкете в Версале был Эррио и от имени французского правительства произнес речь, в которой благодарил собравшихся почтить память великого французского ученого. Удивительно, что французы, по моему мнению, недостаточно чтут память своего гениального ученого, творца современной химии, Лавуазье. В то время, как в память Бертелло был создан специальный музей, где собраны его приборы и первые химические препараты, им приготовленные для того, чтобы убедить ученый мир в том, что для синтеза органических веществ, вырабатываемых в телах животных и растений, не требуется вовсе особой жизненной силы, — некоторые аппараты Лавуазье помещаются в музее Arts et Métiers не на особо почетном месте. Мне представляется, что причина здесь кроется в том, что Лавуазье не считают за республиканца в то время, как Бертелло был истинным поклонником республики, занимал видные посты и был одно время даже членом правительства.

Первый раз после войны из Германии, на основании посланного приглашения, на торжество приехали германские химики-делегаты: Вильштетер, Виландт, Габер, Шленк, Нернст, — весь цвет немецкой химии.

На торжестве мне пришлось в первый раз познакомиться

с М. Сабатье; ему в то время было более 70 лет, но он выглядел очень бодро; со мною он был очень любезен, и мы обменялись обычными фразами приветствия.

Во время торжества в честь Бертелло состоялся конгресс Индустриальной Химии, куда я был особо приглашен с целью сделать доклад о некоторых моих работах. Я сообщил об открытом мною в совместном с Фрейтагом синтезе муравьиной кислоты из воды и окиси углерода в отсутствии катализатора, а также доложил о модификациях фосфора. На обратном пути я случайно очутился в одном вагоне с проф. Нернстом, и мне пришлось вести с ним долгую беседу о моих работах по вытеснению металлов. Он очень восхищался кристаллами меди, которые я выделил из водных растворов солей меди под давлением водорода.

В Берлине я оставался не более недели, до 6-го ноября, и за это время не пришлось работать, так как центральная лаборатория баварцев только что переехала в новое помещение, которое было арендовано у Schering Co., значительно большее по площади по сравнению с прежним.

В течении месячного пребывания в СССР не произошло каких-либо особых происшествий; шла обычная научная работа в Академической лаборатории и велось оборудование помещения для лаборатории высоких давлений на Ватном Острове, куда еще не переехал ГИПХ, так как не были отремонтированы соответствующие для него комнаты.

В первых числах декабря я снова уехал в Берлин; 1927 год был для меня рекордным в смысле путешествия заграницу, ибо мне пришлось шесть раз переехать границу СССР.

В этот приезд в Берлин мне надо было решить серьезный вопрос, буду ли я продолжать мою научную работу с баварцами в следующем году, так как 20 января 1928 года кончался мой контракт. От положительного решения этого вопроса зависел второй: какую проблему, наиболее интересную для химической промышленности, следует начать изучать с научной точки зрения в их лаборатории.

Мой разговор с д-ром Каро состоялся очень в скором

времени после моего прибытия в Берлин. Он без всякого колебания на поставленный мною первый вопрос ответил в положительном смысле, указав, что в течении первого года, где много времени пошло на заказы аппаратов, нельзя было заняться более серьезными проблемами и предложил мне продолжить контракт еще на год. Когда я спросил его, не имеет ли он каких-либо предложений относительно выбора тех задач, которые были бы наиболее актуальны для их компании, то он заявил мне, что он сам хотел поставить этот вопрос передо мною и от меня услыхать, какой процесс я предложил бы для разработки в их лаборатории. Я тогда спросил его, какая область химии наиболее интересует компанию: получение неорганических соединений или органических? И в той, и другой области я имею очень интересные проблемы, безусловно важные для индустрии. Когда я получил от Каро ответ, что их интересуют главным образом неорганические соединения, то я предложил ему тему окисления фосфора водой под давлением. Я ему об'яснил, какие опыты были мною сделаны в СССР в моей лаборатории вместе с моим ассистентом В. И. Николаевым и что уже полученные результаты дают надежду на возможность довести до конца эту реакцию и получить полное превращение фосфора в чистую фосфорную кислоту. Когда Каро вник в сущность предложенной мною проблемы, то он согласился со мной, что эта тема очень интересна и вполне подходит к тем задачам, которые выдвигает современная химическая промышленность.

Получивши благословение директоров компании Каро и А. Франка на изучение этой реакции, я совместно с Фрейтагом немедленно приступил к выполнению поставленной задачи и в первую очередь заказал две серебянные трубки, в которых надо было вести реакцию окисления фосфора. Я еще в Ленинграде узнал, что серебро даже под большим давлением и температуре не поддается действию растворов фосфорной кислоты, какой бы концентрации она бы ни была. Железо и свинец, медь и другой металл при высокой температуре аттакуются фосфорной кислотой и тогда образуются соответствующие

соли фосфорной кислоты. Первые опыты окисления фосфора мы сделали сейчас-же после праздников Рождества Христова и сразу же получили замечательные результаты: нам удалось при сравнительно невысокой температуре (около 300°) заставить фосфор, положенный в серебрянную трубку с водой (закрытую для избежания испарения воды особым колпачком с капиляром и помещенную в мою бомбу для высоких давлений), на-цело окислиться в фосфорную кислоту за счет кислорода воды, а водород получить в чистом состоянии без следов фосфористого водорода.

Эти замечательные результаты были сообщены директору лаборатории Г. Франку, который не замедлил сообщить их Н. Каро; последний попросил меня тотчас же приехать к нему, чтобы лично рассказать, при каких условиях происходит эта реакция. Наш разговор происходил у Каро в его офисе, и я никогда не видал его в таком приподнятом настроении, когда он выслушал о полученных мною результатах окисления фосфора водой под давлением. Он сообщил мне, что этим вопросом очень интересуется И. Г. и что они купили патент шведского инженера Лиллиенрота, который предлагает окислять фосфор под обыкновенным давлением при 1000 и при 700-800 градус. в присутствии некоторых катализаторов. Но произведенные опыты И. Г. в условиях купленного ими патента дали не удовлетворяющие их результаты, так как кислота получается не чистая, содержащая низшие кислоты, а водород требует большой очистки. Д-р Каро предложил мне продлить контракт на три года и кроме получаемых суточных денег, платить мне ежегодно жалованье в количестве 15.000 марок, но с условием, что я буду сообщать им мои открытия, ранее их опубликования в литературе.

Узнав, что у меня сын химик, Каро предложил мне взять его на работу в их лабораторию, и, кажется, готов был наобещать мне еще больших благ, если бы я не охладил его указанием, что часть работы об окислении фосфора уже напечатана в русских и немецких журналах. Он обещал ознакомиться с их содержанием, но в заключении сообщил мне, что

предложенные им условия моей дальнейшей работы в компании он считает мною принятыми и на-днях предложит мне подписать дополнительный контракт на 3 следующих года.

После того разговора с Каро работа пошла усиленным темпом, я получил еще двух лаборантов, и ежедневно, по выработанной программе, мы делали новые опыты, которые подтверждали ранее полученные результаты. В течении января мы своими опытами доказали возможность получит из фосфора не только фосфорную кислоту, но и ее соли, если только вместо воды брать растворы щелочей. Кроме того, при введении растворов двух различных щелочей мы могли получить двойные соли фосфорной кислоты. За это короткое время при нашей усиленной работе удалось получить значительный опытный материал, чтобы взять несколько патентов.

В конце января, когда Каро вызвал меня для доклада о моих работах и для подписания окончательного контракта, меня ожидало некоторое разочарование. Каро осведомившись об опубликованных мною работах в немецких "Berichte" о действии воды на фосфор под давлением, стал меня порицать, зачем я сделал такую публикацию, не заявив об этом ранее патента на это изобретение. Я мог сказать ему только одно, что я ученый, до сих пор никаких патентов не брал и помочь ему в этом деле могу только тем, что произведенная ныне работа открывает новые усовершенствования в ходе реакции, которые не вошли в напечатанные ранее мною работы. Все это очень хорошо, согласился Каро, но цена патентов может быть значительно ниже вследствие моего преждевременного опубликования открытой мною главной реакции. Тем не менее договор был подписан, и я оказался на службе Байерише Штикштоф Верке, связанный контрактом до 20 января 1931 года.

Перед от'ездом из Берлина, я продиктовал К. Ф. Фрейтагу программу опытов, которые он должен продолжать без меня. Эту программу, написанную по немецки, я подписал и оставил в лаборатории, а копию взял с собою. Как увидим далее, этот документ впоследствии сыграл большую роль в моих отношениях с баварцами.

Как только я возвратился в СССР я тотчас-же подал рапорт в Президиум ВСНХ, что в Берлине я сделал интересную для химической промышленности работу, на которую будут взяты патенты, но в СССР я возьму их на свое имя и передам право на них безвозмездно советской власти. Кроме того, по предложению секретаря Совнаркома Горбунова, который заинтересовался моими работами, я составил краткую дополнительную записку для председателя Совнаркома А. И. Рыкова, где изложил в понятной форме выгоды сделанного мною открытия. Дело в том, что фосфорная кислота играет большую роль в земледелии, как удобрительное средство. Если из фосфорных руд (богатых или бедных) получать фосфор, то стоит его нагреть по моему способу с водой в автоклавах, и он окисляется в фосфорную кислоту целиком, а при этом даром получается чистый водород, который может идти для синтеза аммиака. Экономический расчет говорит в пользу этого способа получения фосфорной кислоты и водорода, и весь вопрос, конечно, базируется на выполнении этого способа в заводском масштабе. По предложению начальника Химического Управления, я сделал доклад в Техническом Совете химической промышленности. Члены Совета С. Шеин и Е. Шпитальский обратили внимание на значение сделанного мною открытия, и Совет единогласно постановил, чтобы я усиленно продолжал эти опыты в моей новоорганизуемой лаборатории высоких давлений в Ленинграде. Это обстоятельство мне было, как нельзя более на руку, так как благодаря этому открытию я мог получить значительные кредиты на оборудование лаборатории высоких давлений.

Приехавши в Ленинград я заручился согласием правления ГИПХ'а сейчас же начать в отведенных мне помещениях опыты под большими давлениями и пригласить на работу трех сотрудников, одного служителя и нанять одного слесаря для работы на купленных в Германии на мои средства механических станках. В то время помощником директора ГИПХ'а был Дашкевич, партиец не высокого калибра, но с хитрецой и умеющий держать нос по ветру. Смекнув о значении моих работ, он охотно стал исполнять мои требования. Другой помощник директора

ГИПХ'а, начальник Опытного Завода, Б. К. Климов, мой старый знакомый, деловой человек, умеющий ладить с большевиками, был также на моей стороне, и старался сделать для меня все возможное, чтобы я мог организовать сначала лабораторию, а потом и Институт Высоких Давлений. Хотя я больше уже не был председателем НТО, и не был их непосредственным начальником, но я еще оставался первым заместителем начальника Главного Химического Управления и многие химические вопросы, касающиеся Опытного Завода, решались при моем участии. Я не раз оказывал существенную помощь Опытному Заводу для сохранения его в ведении НТО. Как раз незадолго перед моим водворением на Ватный Остров, Ленинградский Совет Народного Хозяйства решил взять Опытный Завод в свое ведение. Б. К. Климов немедленно прилетел в Москву и обратился за помощью ко мне.

«Только на Вас вся надежда, — сказал мне Климов, — и я очень прошу Вас пойти к председателю Совета Народного Хозяйства РСФСР, Лобову и об'яснить ему, что это принесет вред химической промышленности».

Я хорошо знал характер Лобова, и потому мне не очень улыбалась эта беседа. Но нечего было делать, и я отправился к нему в кабинет, который помещался в том же доме, где и Президиум ВСНХ. Вместе со мной отправился также и Климов, который подробно об'яснил Лобову все обстоятельства дела. Лобов выслушав доклад, выразил на своем простоватом лице крайнюю досаду, зачем его, такого занятого человека, беспокоят подобными пустяками. Лобов был ранее петроградским рабочим, уже давно вошел в партию большевиков и подвизался сначала в Чека; вероятно за свою хорошую работу в последней он был назначен сначала в Петроградский Совет Народного Хозяйства, а потом получил высокое назначение править всей промышленностью самой большой республики в Союзе. Мне еще ранее этого визита по поручению Президиума ВСНХ пришлось иметь с ним дело в Ленинграде, и я тогда же понял, что управлять какой либо промышленностью без подсказки специалиста-инженера он совершенно не в состоянии и, что вести с

ним деловые разговоры надо, как можно проще. Выслушав главное замечание Лобова после доклада Климова, что он не изменит решения Ленинградского Совета о передаче ему Опытного Завода, я не прибавил ни одного слова в защиту оставления его в ведении НТО, а только по возможности более внушительно, хотя и спокойно сказал:

«Ну, что же, т. Лобов, будем бороться, и я, как заместитель председателя Главного Химического Управления приложу все усилия, чтобы не разорять единственной организации в СССР, необходимой для развития химической промышленности».

После сказанного я попрощался и ушел из кабинета, оставив Климова для дальнейших переговоров. Очень скоро Климов пришел ко мне и заявил довольно веселым голосом, что, повидимому, мы выиграли дело, так как Лобов сказал ему очень любопытную фразу:

«Вы вмешали в это дело Ипатьева. Пожалуй, придется уступить. Был бы замешан в эту историю Троцкий, я ни за что бы не уступил!»

В скором времени после этого разговора Ленинградский Совет отказался взять в свое ведение Опытный Завод, и на радостях Климов устроил празднование его 10-летнего юбилея, на которое я был приглашен в качестве почетного гостя; в изданной по этому случаю брошюре был помещен мой портрет и перечислены мои заслуги.

Работы в Лаборатории Высоких Давлений на Ватном Острове стали развиваться усиленным темпом, и все они были сосредоточены на изучении окисления фосфора водой под давлением. Мой сын Владимир при окислении фосфора водой в присутствии щелочи сделал очень интересное наблюдение. Изучая влияние концентрации щелочи на процесс окисления фосфора, он нашел, что при известной концентрации получается только одна фосфористая кислота без фосфорной. Так как ему была поручена другая работа, то изучение действия щелочи на ход окисления фосфора мною было передано вновь приглашенному ассистенту П. Усачеву, которому удалось

подметить все фазы окисления фосфора и установить пределы температур, при которых достигается та или другая степень окисления. Впоследствии (через 4 года) эта работа была напечатана в Американском Химическом Журнале и обратила на себя большое внимание, также как и моя работа с Фрейтагом относительно окисления фосфора водой под давлением, напечатанная в немецком журнале Неорганической Химии (редактор проф. Тамман).

Третий мой ассистент Г. Л. Разуваев тоже занялся изучением окисления фосфора под влиянием алкоголей, — также под давлением.

В Лаборатории Ядовитых Веществ в Артиллерийской Академии работы слушателей Академии дали очень интересные результаты. В особенности работа Шапиро дала новый способ получения льюизита с великолепным выходом в совершенно безопасных условиях, применяя мою бомбу для высоких давлений. Способы, предложенные для этой цели ранее Льюисом и Виландом, совершенно не могут конкурировать с новым методом, разработанным мною совместно с Шапиро, который также базируется на каталитической реакции, идущей при комнатной температуре и небольшом давлении (около 20-25 атмосф.). Мы сделали заявку на получение секретного патента и в сопроводительной бумаге указали, что безвозмездно передаем его Реввоенсовету.

Открытую реакцию я применил и для получения других ядовитых веществ и изучил влияние других катализаторов и т. п., но почти все сделанные работы представляли государственный секрет, и потому не могли быть опубликованы.

В Лаборатории Высоких Давлений Академии Наук под моим руководством работали 12 человек: Н. Орлов, Г. Разуваев, Б. Долгов, А. Петров, И. Андреевский, В. В. Ипатьев (младший), Лихачев, М. Белопольский, Б. Муромцев, В. Николаев, О. Звягинцев и И. Богданов, и нам удалось опубликовать более 20 научных экспериментальных работ, сделанных за этот год. Было очень приятно руководить этими работами, потому что все сотрудники с большим энтузиазмом работали целые дни

до позднего вечера над интересными каталитическими реакциями, — большею частью под давлением, — как с органическими, так и неорганическими соединениями.

Большое удовлетворение я получил от работ с Б. А. Муромцевым, которому удалось при высоких давлениях и температурах выделить из растворов великолепные кристаллы окислов алюминия и окиси хрома, при чем реакцию пришлось вести в золотых и платиновых трубках.

Мой друг С. Матиньон не раз просил присылать ему мои работы для доклада в Академии Наук и для напечатания в парижских "Compts Rendus", но я все таки большею частью оставался верным берлинским "Berichte".

Мой сын Владимир работал над вытеснением металлов из растворов солей; он сделал в 1928 году интересную работу по вытеснению из азотно-кислого свинца водородом 3-х кристаллических видоизменений окиси свинца: белой, желтой и оранжевой. Видя в нем способность к изучению физико-химических явлений, я решил посоветовать ему сосредоточиться на изучении реакций вытеснения металлов и их окислов главным образом с теоретической точки зрения, прилагая для сей цели все возможные известные физико-химические методы. Кроме того, моя всегдашняя мечта была командировать его заграницу, в Германию, для дальнейшего усовершенствования в научной работе. Так как сын был принят в ГИПХ для работы в моей Лаборатории Высоких Давлений, то мне представлялось очень желательным получить от правления Института поддержку в моих хлопотах об его командировании заграницу. Я сам был членом Совета ГИПХ'а и имел в нем решающий голос, но так как дело шло о моем сыне, то я счел более удобным не присутствовать в Совете при обсуждении этого вопроса, причем я заранее предупредил политического комиссара Дашкевича (помощника директора академика Курнакова), что все расходы по командировке я беру на себя и во время его отсутствия из СССР нет надобности сохранять ему содержание.

Мне в голову не могла придти мысль, что Совет не поддержит моей просьбы. Но в действительности оказалось иначе.

Одним из членов Совета, кандидатом в коммунистич. партию, Мацюлевичем (приват-доцент Ленинградского Университета) было высказано решительное возражение против командировки «папашкина сынка» заграницу, когда более способные молодые люди, вышедшие из пролетариата, заграницу не посылаются. Подобное противодействие со стороны этого господина не встретило сочувствия среди других членов Совета, главным образом профессоров химии; но так как Дашкевич был безвольным человеком и подпал всецело под влияние Мацюлевича, то он тоже не стал поддерживать мое ходатайство, и председателю Совета, академику Курнакову пришлось оставить этот вопрос без окончательного разрешения, хотя все остальные члены Совета (5 или 6) безусловно стояли за посылку моего сына заграницу, мотивируя свое мнение, что сын в своих напечатанных работах проявил способность хорошего химика.

Когда я на другой день узнал о результатах обсуждения этого вопроса, то я взял телефонную трубку, вызвал Дашкевича и заявил ему в самой решительной форме, что я настаиваю на том, чтобы Совет сегодня же в экстренном заседании дал определенный ответ, может ли Совет ходатайствовать о посылке сына за мой счет заграницу с научной целью, или нет. В случае отрицательного ответа, я немедленно подам рапорт об отставке и сообщу высшему начальству об этом инциденте. Я добавил, что возражения Мацюлевича базируются на его неприязненном ко мне отношении, которое явилось результатом моего критического отношения к его предположениям по строительству Глобинского Завода во время войны 1914 года.

Уже во время телефонного разговора Дашкевич старался меня успокоить и пообещал в тот же день дать мне ответ. И действительно через несколько часов я получил сообщение, что Совет постановил ходатайствовать о командировании моего сына заграницу. Интересно прибавить, что один из членов Совета мне потом сообщил, что хотя Совет и решил ходатайствовать, но это вряд ли поможет, так как все равно ГПУ не пропустит эту командировку, потому что Мацюлевич решил представить дело таким образом, чтобы она не состоялась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОИ ОТНОШЕНИЯ К БАЙЕРИШЕ ШТИКШТОФ ВЕРКЕ

В апреле 1928 года я опять поехал в Берлин продолжать свои работы по окислению фосфора. К. Ф. Фрейтаг без меня продолжал работы соответственно данной мною программы. Директора Франк и Каро не знали о существовании подобной программы, где была указана мною необходимость изучения действия щелочей, как в каталитических, так и в молекулярных количествах на ход окисления фосфора. Уже мои первоначальные опыты показали, что при этом образуются соли фосфорной кислоты и реакция окисления идет до конца. Франк и Каро предложили Фрейтагу также испробовать окисление фосфора в присутствии водного аммиака. Последние опыты были сделаны до моего приезда, и была получена аммиачная соль фосфорной кислоты, являющаяся универсальным удобрительным средством, так как содержала в себе и азотистое, и фосфорное удобрение.

Тотчас же после моего приезда в Берлин, я узнал в лаборатории, что администрация компании уже в конце марта, т. е. за несколько дней до моего приезда, послала 3 заявки на взятие патентов, причем я мог понять из разговоров, что в заявке на окисление фосфора в присутствии щелочей мое имя, как изобретателя, не было поставлено, а вместо меня там красуются имена Каро и Франк. Таким поступком были возмущены и директор лаборатории Г. Франк, и Фрейтаг, но они ничего не могли сделать, как только посоветовать мне поехать в главную контору и попросить об'яснения.

В главной конторе я мог застать только директора Франка, так как Каро уехал на отдых в Карлсбад, чтобы лечить свою печень или, может быть, чтобы избежать встречи со мной. Когда Франк заявил мне, что заявки посланы, и мое имя, как избретателя, не стоит во второй заявке, то я дал ему определенно понять, что я этого дела не оставлю и предложил немедленно телеграфировать Каро, чтобы была сделана поправка

в заявке и мое имя было внесено, как изобретателя. Я указал при этом, что уезжая в Москву, я продиктовал мою программу Фрейтагу (копию я имею), которая, мною подписанная, может служить доказательством, что изучение действия щелочей было предложено мною впервые. Вслед за моим разговором Франк позвонил Фрейтагу и спросил, сохраняется ли у него программа опытов, данная проф. Ипатьевым в последний его приезд в Берлин. Положение Фрейтага было не совсем приятное, так как, говоря правду, он вредил себе в глазах администрации компании, будучи притом всего один год на службе; Фрейтаг легко мог бы сказать им, что эта программа затерялась, и он не помнит, был ли там параграф относительно изучения действия щелочей на окисление фосфора или нет. Но Фрейтаг поступил в данном случае очень благородно, ответив, что такая программа у него имеется и действие щелочей было предусмотрено проф. Ипатьевым. Этот правдивый ответ на долго повредил К. Фрейтагу, и администрация компании в этом поступке увидала, что Фрейтаг не оберегает права компании, а заботится о выгодах чужого человека. Но благородный поступок никогда не был забываем мною, и впоследствии, я отблагодарил К. Фрейтага за высказанную им правду в мою защиту. И я думаю, что и Байерише Штикштоф Верке впоследствии пришли к заключению, что таким человеком, как Фрейтаг, надо дорожить и как очень способным и ценным работником, и как честным и правдивым человеком.

Директору Франку после всего этого ничего не оставалось делать, как запросить Каро, что далее делать. Каро вызвал к себе директора лаборатории Г. Франка и дал ему инструкцию: успокоить профессора и сделать все, чтобы он был удовлетворен. Директор Франк пригласил меня в главную контору и в присутствии другого директора, Янике, попросил изложить мои желания. Я был рад случаю говорить с Франком в присутствии свидетеля и прежде всего выругать директоров, как они этого заслужили, а потом предложил потребовать обратно заявки из Патент-Амта и их переписать, вставив мое имя, как изобретателя. Наконец, во избежании дальнейших недоразу-

мений в будущем, я предложил им проект дополнения к заключенному мною ранее договору, в котором охранялись все мои права.

В результате этих разговоров, патент был сейчас же затребован и переделан в духе моего желания, а дополнение к договору было принято для просмотра, и мне было обещано, что по приезде Каро из отпуска, оно будет обсуждено в моем присутствии и окончательно тогда утверждено. И действительно, по приезде Каро мы обсудили все мои предложения и пришли к соглашению, мало что изменив в моем проекте. Между прочим, в этом дополнении к договору я поместил параграф, что баварцы согласны взять на работу моего сына, Владимира, когда он приедет заграницу, как это мне обещал при заключении второго контракта Н. Каро. Этот параграф вызвал возражения со стороны Франка, но я настаивал на своем, указывая Каро, что некрасиво не выполнять своих обещаний; этот пункт тоже был включен в дополнение к контракту. Я должен сказать, что мой контракт с баварцами вместе с дополнением к нему были составлены так хорошо, что после этого инцидента, во время моей работы в Компании не было никаких недоразумений, касающихся моих служебных отношений. У нас происходили споры, но по другим вопросам, о которых я расскажу дальше.

Работа с Фрейтагом и с лаборантами в Берлине подвигалась вперед с большим успехом, мы все полнее овладевали процессом и подготовляли его для производства в полузаводском масштабе. Попутно здесь делались очень интересные открытия, которые имели большое значение и с теоретической точки зрения. Мы заметили, что если окисление фосфора вести по возможности быстро, то всегда, по окончании реакции, водород содержит очень небольшое количество фосфористого водорода, что нежелательно, если такой водород употреблять для других каталитических процессов. Я предложил ввести в горячую бомбу очень небольшое количество воздуха, чтобы окислить фосфористый водород; я полагал, что если и будет введен некоторый избыток кислорода, то при окислении он

уничтожит только небольшое количество водорода, что не представит никаких затруднений. Мы сделали подобные опыты и оказалось, что кислород введенного воздуха уничтожает весь фосфористый водород, но он не окисляет при этих условиях водорода. Мы взяли на этот способ очищения водорода особый патент. В течении двух месяцев мы выяснили все главнейшие вопросы, связанные с окислением фосфора под давлением; кроме того в СССР во вновь созданной лаборатории разрабатывались другие проблемы, касающиеся этой же реакции.

Во время пребывания в Берлине я получил приглашение от профессора Страсбургского Университета Hackspill сделать доклад перед Конгрессом Индустриальной Химии о моих работах по каталитической гидрогенизации под давлением. В письме указывалось, что конгресс очень заинтересован выслушать мои идеи относительно подобного каталитического процесса, где я являлся пионером. Заседания Конгресса должны были состояться в Страсбурге в 20-х числах июля. Я поблагодарил проф. Hackspill и ответил согласием.

Возвратясь домой я получил еще новое приглашение от голландских химиков на заседание Международного Бюро по чистой и прикладной химии в качестве гостя. Дело в том, что последний Международный Конгресс по химии состоялся в Нью Иорке в 1912 году; в виду войны 1914 года следующий Конгресс, назначенный в С.-Петербурге на 1915 год, был отменен, а после войны, такие Конгрессы не были собираемы. Вместо них европейские химики признали необходимым образовать Международное Бюро по чистой и прикладной химии, которое должно служить для организации в будущем Международных Конгрессов и время от времени собирать химиков со всех стран. Это Бюро местом для заседаний назначило Гаагу и разослало приглашения всем странам, которые находились в дипломатических сношениях с Голландией. Ввиду непризнания Голландией правительства СССР, и существоваших некоторых недоразумений с ассоциацией немецких ученых учреждений, организационный комитет не послал официальных приглашений правительствам СССР и Германии, а пригласил персонально

некоторых химиков в качестве гостей. От Германии были приглашены Габер, Шток, Марквaль, Шленк; от СССР — А. Е. Чичибабин и я. Время заседания было назначено в половине июля 1928 года, и таким образом мне приходилось прямо из Гааги ехать в Страсбург на Конгресс по индустриальной химии. Я тотчас же испросил согласие правительства СССР относительно участия в указанных конгрессах и должен был выехать заграницу 10 или 11 июля. По случайности я и Чичибабин выехали из Москвы с одним и тем же поездом и также случайно из Берлина в Гаагу ехали в одном и том же купэ. Мы могли поэтому до сыта наговориться о разных предметах. Жена А. Е., Вера Владимировна, и его дочь, Н. А., должны были приехать в Гаагу через несколько дней.

Время, проведенное в Гааге, было очень интересным для всех собравшихся химиков; в заседаниях участвовали не только европейские, но и американские химики. Мне пришлось познакомиться со многими голландскими химиками, очень милыми людьми, от которых я выслушал очень много комплиментов о моих работах под высокими давлениями и по катализу. На прощальном обеде конгресса делегаты Германии предложили мне сказать по немецки речь от лица СССР и Германии. Не любя подобных выступлений, я отказывался от этой чести, и предлагал, чтобы выступил проф. Габер. Но Габер уже выступал раз на одном общем собрании по организационным вопросам и с своей стороны настаивал на моем выступлении. Ничего не оставалось делать, как согласиться и приготовить соответствующую речь, которую я согласовал с немецкими коллегами. Обед прошел очень оживленно, и мое выступление на немецком языке произвело благоприятное впечатление.

Проф. Шилов во время моего пребывания в Гааге предложил мне посетить казино на берегу моря и прослушать замечательный концерт, посвященный целиком нашему великому композитору Чайковскому; я получил громадное удовольствие.

Из Гааги я прямо отправился в Страсбург на Конгресс Индустриальной Химии, куда также направились и другие

гости Международного Бюро, в том числе и американцы. В Гааге я познакомился с моим соотечественником проф. Глазуновым, который имел кафедру геологии в Пражском Политехническом Институте. Сын известного богача и издателя, одно время бывшего петербургским городским головой (композитор Глазунов был его дядей), проф. Глазунов оказался очень милым и образованным человеком, и я был очень рад провести с ним несколько вечеров в Гааге и в Страсбурге. Он сделал в Страсбурге небольшой доклад относительно добывания золота из морской воды. В Страсбурге я встретил моего друга проф. С. Матиньона и других французских химиков. Заседание Конгресса происходило в великолепном здании Страсбургского Университета, построенном немцами. На первом заседании Конгресса проф. Urbaine сделал доклад, посвященный памяти известного химика Шюценбергера, который работал в Страсбурге, когда он принадлежал французам. Профессор Матиньон сделал интересный доклад относительно своей поездки в Германию, где он посетил заводы Лейна Верке, фирмы И. Г., где он, кроме синтеза аммиака, видел только что пущенную в ход установку добывания газолина из бурых углей, смешанных с различными жидкими смолами. Проф. Hugel сделал доклад о своих работах в Нефтяном Институте по гидрогенизации.

Мой доклад был назначен на заключительное заседание с'езда, на которое должен был приехать сам Пуанкарэ, как это значилось в программе. Но он вместо себя попросил приехать одного из членов своего кабинета. Мой доклад, сделанный на французском языке, содержал изложение развития моих основных идей по гидрогенизации под давлением, приведших к возможности получения жидкого топлива из различных углей и смол, как это запатентовано немецким инженером, Бергиусом, и детально разработано фирмой И. Г. Патенты Бергиуса (1911 года) всецело основаны на моих работах, сделанных еще в 1903-1904 года, и мой метод, разработанный для различных органических соединений, был целиком применен для гидрогенизации смол и углей. Ниже я дам исчерпывающее доказательство тому, что Бергиус использовал весь мой опытный материал для составления своих патентов.

После моего доклада говорил проф. Pineau о необходимости изучения нефти и ее производных, в особенности, принимая во внимание развитие автомобильной и авиационной промышленности. После его доклада один из членов Конгресса произнес речь, где охарактеризовал значение моих научных работ по гидрогенизации органических соединений под давлением и сообщил, что Общество Индустриальной Химии во Франции постановило наградить меня медалью имени Бертелло. Присутствующий министр поздравил меня с этой наградой и лично вручил мне медаль. Я был очень тронут этим вниманием и оценкой моих работ.

В этот день еще перед заседанием я был приглашен на обед к проф. Hackspill, где гостями были некоторые члены Конгресса. Кроме того, в этот день из Брюсселя специально приехала вдова покойного инженера Д. Я. Пенякова, о котором я ранее писал, как о человеке удивительно интересном и оказавшем громадную помощь моему сыну Николаю. Я был очень занят, так как на вечер был назначен парадный обед для членов Конгресса, на котором я должен был выступить с речью; тем не менее я мог провести с ней около двух часов и выслушать ее рассказ о последних днях ее незабвенного мужа. Между прочим я выхлопотал ей впоследствии разрешение приехать в СССР для свидания с родственниками ее покойного мужа.

Во время обеда генерал, начальник страсбургского гарнизона (фамилию забыл), обратился ко мне, чтобы выразить свое сочувствие русскому народу, который очень много помог Франции одержать победу над врагом. «Мы никогда не должны забывать той помощи, которую мы получили со стороны русских, когда сражались в начале войны на Марне».

Из Страсбурга я вернулся в Берлин и в течении 1½ месяцев продолжал работу над окислением фосфора, чтобы закончить опыты, необходимые для выяснения некоторых вопросов для реализации этого процесса на практике.

Я все время находился в переписке с моим сыном Владимиром, который сообщал мне о результатах работ и спрашивал советы, как для своих работ, так и для работ других сотруд-

ников в Лаборатории Высоких Давлений. Между прочим, я велел ему подать прошение о разрешении поехать в командировку за границу с научной целью на один год за мой счет. Каково же было мое удивление, когда я вскоре получил от него письмо воздушной почтой, что ГПУ отказало ему в его просьбе. Очень рассерженный, я отправился к торгпреду в Берлине, Беге, чтобы попросить его помощи в этом деле. Беге знал меня еще по Ленинграду, когда он был начальником петроградского ГПУ; он был в хороших отношениях с Мессингом, исполнявшим эту должность в то время, к которому относится этот рассказ. Я об'яснил ему всю безрассудность подобного отказа, — тем более, что казна не будет тратить денег на его командировку, а ученые люди так нужны СССР. Я сказал ему, что я хочу послать сына заграницу потому, что вижу в нем большие способности к химии и предвижу, что из него будет толк; если бы он был малоспособным, то, конечно, я бы его не посылал заграницу. Я прибавил, что у меня есть еще другой ученик, Г. Разуваев, очень талантливый химик, и я имею в виду, после сына, также просить начальство командировать и его заграницу для дальнейшего усовершенствования в химии за мой счет. Беге очень внимательно выслушал мою просьбу и сказал, что он не видит причины для отказа моему сыну ехать учиться, тем более, что отец ручается за него, что он вернется обратно в СССР. Он обещал тотчас же написать Мессингу и пояснить ему, что мою просьбу уже потому надо исполнить, что я своими работами приношу много пользы и престижа советскому правительству. Я не ограничился посещением Беге, а решил пойти поговорить с полпредом Н. Н. Крестинским и попросить его замолвить слово о моем сыне. Мое посещение Крестинского вызывалось, главным образом, тем, что я хотел ему об'яснить роль в этом деле г. Мацюлевича, который был женат на сестре Крестинского, Варваре Николаевне, бывшей моей ассистенткой в Педагогическом Институте. Я был уверен, что это Мацюлевич постарался, чтобы ГПУ отказало моему сыну. Н. Н. Крестинский очень внимательно меня выслушал и ответил, что мирить меня с Мацюлевичем

ему очень трудно, но он постарается со своей стороны помочь в этом деле и в самом непродолжительном времени напишет, куда надо. Пока шли все эти хлопоты в Берлине, я был все время в переписке с сыном при помощи воздушной почты и указывал, какие шаги надо предпринять в Ленинграде, чтобы получить разрешение. Я не могу сообщать здесь, подействовали ли просьбы Крестинского и Беге на ГПУ, но сравнительно через короткое время я получил письмо от сына, в котором он писал, что разрешение на выезд заграницу им получено, но выехать ему удастся только 1-го октября.

Его задачей было ознакомиться с современными методами изучения физико-химических явлений. Вначале я надеялся, что он сможет эту задачу выполнить, работая в лаборатории Байерише Штикштоф Верке. Но директор этой лаборатории, проф. Г. Франк, поставил такие условия, что я, узнав о них от сына, согласился с последним, что будет более целесообразно устроиться на работу в физико-химическую лабораторию Политехникума в Шарлоттенбурге. Проф. Франк был так любезен, что помог ему в этом деле, и мой сын был счастлив начать научную работу, которая всецело соответствовала его планам.

Но с водворением сына в Берлине мне предстояли другие хлопоты об устройстве его жизни в Берлине. Дело в том, что его молодая жена, Нина Николаевна с дочкой Ниной (меньше года) оставались в Ленинграде с моей женой, и эта разлука на целый год не могла хорошо действовать на счастливую молодую пару. Когда я вернулся из заграницы, жена сына и моя жена стали усердно просить меня, чтобы я похлопотал о разрешении выехать заграницу и Нине Николаевне вместе с дочкой, которую она сама кормила. Первые хлопоты были неудачные, и она получила отказ от ГПУ; тогда я обратился в Москве к одному видному коммунисту, который дал мне письмо к председателю Ленинградского ГПУ, Мессингу, и я отправился к этому товарищу на Гороховую, чтобы переговорить с ним лично. К сожалению, Мессинг был в от'езде, и мне пришлось только оставить письмо, об'яснив его заместителю мою просьбу.

Я не успел еще получить ответа на мое прошение, как в Ленинград по делам Академии Наук приехал один крупный коммунист Воронов; он захотел повидать меня и осмотреть лабораторию, которую я устроил у себя на квартире, в здании Академии Наук.Так как в это время в Ленинграде был мой бывший заместитель по НТО, Л. К. Мартенс, хороший мой приятель, то я пригласил их обоих, после осмотра лаборатории, к себе пообедать. Во время обеда жена сына, Нина Николаевна, бывшая артистка Художественного Театра (в Москве), разговорилась с Вороновым; они нашли общих знакомых по театру и в разговоре она поведала ему свое горе, разлуку на целый год со своим муже. Под конец вечера сам Воронов обратился ко мне и сказал, что он поможет Нине Николаевне выхлопотать разрешение выехать заграницу. На прощание он сказал ей: «укладывайте завтра чемоданы, я Вам в 12 часов позвоню». И действительно, ровно в полдень на другой день Воронов по телефону сообщил Н. Н., чтобы она пошла в ГПУ получить заграничный паспорт. Через несколько дней она с дочкой в международном вагоне уехала в Берлин.

Перед самым моим возвращением в Москву Фрейтаг поставил меня в известность, что И. Г. проделало ряд опытов по окислению фосфора водой под давлением по моему способу и что их опыты вполне подтвердили наши результаты. Мне было очень приятно узнать, что этот вопрос очень интересует И. Г. и что опыты произведенные в большем масштабе дали также хорошие результаты. Но это сообщение мне указало, что д-р Каро передал результаты наших опытов И. Г. и что он, повидимому, хочет продать патенты этой компании. Но так как патенты относительно этого процесса были уже в марте этого года заявлены, то приоритет оставался за мною и это обстоятельство не могло вызывать у меня каких-либо опасений.

Берлинское Торгпредство все время было в контакте со мной и очень часто обращалось ко мне за советом по поводу различных технических вопросов. В особенности меня призывали для оценки различных изобретений, касающихся удушающих газов и противогазов. При берлинском Торгпредстве

был специальный военный агент для военной химии. Его фамилии я не могу припомнить; это был молодой человек, лет 30-ти, небольшого роста с проницательными глазами. Он окончил химическую школу, был партийным и серьезно относился к возложенным на него обязанностям; я его знал еще в Москве по Химическому Комитету и тогда оценил его, как хорошего работника; в Берлине он был в полном контакте со мною. Мне пришлось с ним ездить по Германии и в другие страны для испытания предложенных изобретений. Несомненно, он был идейный коммунист, очень ревностно исполнявший свою работу, которая ему иногда была совсем не под силу, так как он не отличался хорошим здоровьем. У него желудок и легкие были в плохом состоянии, и на моих глазах он слабел с каждым годом, пока, наконец, развившийся туберкулез не свел его в могилу. У меня сохранилось о нем хорошее воспоминание, с такими коммунистами мы, беспартийные, могли продуктивно вести совместную работу.

В течение 1928-1929 года мне пришлось с этим военным агентом два или три раза ездить в Эссен для испытания особой ткани, которая не пропускала ядовитых газов и потому могла служить для изготовления одежды для армии. Всякая такая поездка требовала особой усиленной работы на месте и зоркого наблюдения за происходящими порою очень опасными опытами, когда нам самим приходилось влезать в особые камеры для испытания костюмов из безопасной ткани или же особых газовых масок. В Эссене сначало были сделаны опыты над мышами, которые были посажены в камеры, обернутые предлагаемой тканью. Для испытания состояния организмов нам пришлось пригласить особого доктора-физиолога, который делал специальные наблюдения над животными, их вскрывал и исследовал состояние внутренностей, после опыта. Подробное описание этих опытов и наше заключение мы представляли секретно по начальству.

Кроме этой экспертизы мне пришлось принять участие в обследовании изобретения одного голландского инженера, директора фабрики компримированных газов в Амстердаме.

В один день я был вызван в Торгпредство и представлен супружеской чете, голландского инженера и его супруги, русской по происхождению. Она оказалась очень толковой женщиной, получившей в Москве высшее образование и вышедшей замуж за голландского инженера, когда он дважды приезжал в Москву по техническим делам. Изобретение этого инженера состояло в том, что он вводил в любую газовую маску особое вещество, которое задерживало всякие дыма и пары ядовитых газов. Он предлагал мне вместе с военным агентом приехать в Амстердам и убедиться на опытах в целесообразности применения этого вещества. Торгпредство попросило меня принять участие в этой экспертизе и в условленное время, после получения визы в Голландию, мы выехали в Амстердам для производства опытов. На вокзале мы были встречены инженером, который помог нам хорошо устроиться в Амстердаме и прежде, чем ехать на завод, где должны были производиться опыты, повез нас к себе в дом, где познакомил со всей семьей. Оказывается, он вывез из Москвы не только супругу, очаровательную женщину, очень красивую и образованную, но и ее мать и сына от первого брака. Невольно подумаешь: неужели было такое время большевистского режима, когда ГПУ было настолько либерально, что выпускало из социалистического рая не только интересную женщину, но все ее семейство! Теперь, когда я пишу эти строки, нравы ГПУ совсем другие: иностранец, проживший десятки лет в СССР, женившийся на русской гражданке и имеющий детей, ныне без всякой вины, высылается заграницу без права взять с собой свою жену и детей. И это лишение должен заслужить человек, который отдал свои лучшие годы работе в СССР, обучая молодых русских инженеров современной технике.

Когда мы приехали на завод сжатых газов, который находился на окраине города, то нас повели в особое помещение, где была устроена специальная камера, которую можно было наполнять различными ядовитыми веществами и в которую мог входить в маске человек для испытания. Прежде всего нам было показано само вещество, которое задерживало дым

ядовитых газов. Как ранее было мною указано, я в СССР предложил особое вещество, которое отлично могло служить для этой цели. Когда я внимательно осмотрел предлагаемое голландским инженером продукт, я невольно подумал, что он изобрел то, что уже ранее было предложено мною. Первые испытания были не очень убедительны и необходимо было сделать некоторые исправления в камере, хотя полученные данные указывали на возможность применения этого продукта для введения его в противогазы. Директор завода показал мне работающие аппараты для сжижения газов; в одном отделении полным ходом работала большая установка Линде. Вечером того-же дня на заводе произошел сильный взрыв, и от этой установки остались только обломки, разбросанные по всему помещению. По счастью, во время взрыва в помещении никого не было, а потому человеческих жертв не было. На друой день утром я посетил помещение, где произошел взрыв и невольно подумал, что, случись взрыв четырьмя-пятью часами ранее, когда мы стояли около аппарата, нас обоих не было бы в живых.

Переговоры с И. Г. закончились только в следующий мой приезд в Германию, — куда я прибыл в начале декабря 1928 года. Сын мой в это время очень хорошо устроился в Политехникуме у проф. Вольмера и с энтузиазмом работал над проблемой, данной ему этим профессором. Кроме того, он слушал лекции и особое внимание обратил на изучение термодинамики. Я поблагодарил проф. Г. Франка и также К. Ф. Фрейтага, которые помогли сыну своими советами войти в новую непривычную для него жизнь. Мне приятно было услыхать от них, что Владимир произвел на них хорошее впечатление и как человек, и как серьезный химик.

Тотчас-же по приезде в Берлин я был вызван в главную контору д-ра Н. Каро, для серьезных переговоров по поводу моей дальнейшей работы по окислению фосфора водой под давлением. Мой разговор происходил в присутствии другого директора, Г. Франка. Д-р Каро об'яснил мне, что мой процесс окисления фосфора он полагает продать компании И. Г. и

потому дальнейшие работы в этом направлении должны вестись в таком направлении, чтобы изучить условия реакции для более удобного применения ее на практике в заводском масштабе. Оба они стали уверять меня, что мой процесс не представляет особого значения, так как он является только видоизменением известного процесса шведского инженера Лилиенрота, который пропускал пары воды и фосфора при 1000° и получал при этом водород и фосфорную кислоту. Еще до этого разговора, в СССР, я слышал об этом процессе и знал, что И. Г. купило патенты за хорошую цену, но до меня дошли слухи, что процесс этот дает неважные результаты. Водород получается сильно загрязненным фосфористым водородом, а фосфорная кислота, получаемая в разведенных растворах, содержит другие фосфорные кислоты, нисшего окисления. Я заявил Франку и Каро, что мой процесс, помимо хороших выходов чистых продуктов, отличается резко от Лилиенрота тем, что он идет под давлением в жидкой фазе и при гораздо более низкой температуре. На это мне Г. Франк ответил, что в патенте Лилиенрота сказано, что для окисления фосфора в реакционную камеру можно впускать не только пар, но и воду; введение воды предполагает возможность применения давления. На это замечание, не имеющее совершенно никакого значения, я все таки возразил, что в сильно нагретую камеру, куда проводятся пары фосфора, вполне возможно впрыскивать и воду, нагретую ниже кипения.

Для чего-же, спрашивается, господа директора хотели уменьшить значение сделанного мною открытия, которое принадлежало их компании и на которое они уже заявили три патента? Ответ понятен: надо было убедить меня, что патенты эти малоценны и что И. Г. даст десятка два или три тысяч марок, и тогда на мою долю перепадет быть может десять или самое большое пятнадцать тысяч марок. Надо иметь в виду, у Байерише Штикштоф Верке с И. Г. существовал какой-то договор, и на заводе, принадлежащем баварцам в Пистрице, был установлен процесс Лилиенрота, давший плохие результаты. Можно было предполагать, что Байерише Штикштоф Верке получит особое вознаграждение от И. Г. после продажи

им патентов при эксплоатации моего процесса в заводском масштабе. Конечно, это было только мое предположение, но последующие события подтвердили, что при переговорах Н. Каро с И. Г. имели место такие поступки, которые вызвали с моей стороны резкий протест. В результате нашего разговора я заявил, что совершенно не согласен с выслушанным мнением о значении моего процесса и я напишу официальный протест о продаже И. Г. за такую низкую сумму заявленных патентов.

Так как в успехе проведения в жизнь моего процесса был заинтересован также и мой ассистент, К. Ф. Фрейтаг, то я ему рассказал обо всем, что говорилось в кабинете директоров, и мы решили прежде всего собрать всю литературу, которая могла бы свести к нулю все возражения, тем более, что для проведения патентов эти данные могли быть в будущем очень полезны.

В Берлине у меня был хороший знакомый химик Гольдберг, большой друг Гальперина, который, как я уже упоминал, был одно время на службе в Торгпредстве. Он отлично знал всю кон'юнктуру промышленности в Германии и потому его совет для меня в деле оценки патентов был очень полезным. Я не замедлил пригласить его к себе и конфиденциально сообщил о моих разговорах с дирекцией Байерише Штикштоф Верке. Я обещал ему поблагодарить за его советы, но он сказал мне, что это не так важно, что он всегда без всякого вознаграждения готов мне помочь своим советом в этом деле. Он предложил мне написать д-ру Каро официальное письмо, в котором я должен опровергнуть все доводы, которые приводились для того, чтобы умалить достоинства моих открытий. Кроме того, я высказал предположение, что будет очень хорошо, если я в письме укажу на возможность передачи всех моих прав на патенты советской власти, или же пусть баварское общество передаст целиком мне все права на их продажу заграницей. В таком духе мною и было составлено письмо, отправленное 21 декабря 1928 года.

На это письмо я долго не получал ответа; мне сказали, что д-р Каро находится в от'езде. В начале января д-р Фрейтаг

отправился в отпуск на 3-4 недели, и мое впечатление было таково, что дирекция нарочно уволила его в отпуск, чтобы я не мог советоваться с ним. Иначе представлялся совершенно непонятным его отпуск как раз во время моего пребывания в Берлине, когда было нужно установить программу дальнейших работ и поделиться теми результатами, которые мы достигли в Институте Высоких Давлений в Ленинграде. Наконец, 12-го января 1929 года я получил письмо от д-ра Каро, в котором он подтверждает, что написал в И. Г. относительно моего предстоящего посещения дирекции И. Г. для переговоров относительно продажи патентов об окислении фосфора; он спрашивал меня, правда ли, что французская компания Кульман интересуется этим процессом и каким образом ей стало известно о заявленных патентах об окислении фосфора. При личном свидании с д-ром Каро я об'яснил, что после моего доклада в Совнаркоме, советская пресса в кратких словах сообщила об открытом мною способе окисления фосфора и опубликовала также постановление Совнаркома о важности этого способа для промышленности; об этом была заметка и в немецкой прессе («Кельнише Цайтунг»). Я сказал д-ру Каро, что никаких деталей, ни даже условий, при которых идет реакция, мною не было сообщено в Совнаркоме, и потому в газетах не появилось никаких данных, которые могли бы повредить проведению наших патентов. Далее я прибавил, что мой друг, проф. С. Матиньон очень заинтересовался этим моим открытием и сообщил мне, что было бы очень желательно, если бы я приехал в Париж для выяснения возможности покупки патентов такой большой фирмой, как Кульман или Клодт. Я уведомил Матиньона, что об этой переписке я сообщу Байерише Ко., которой принадлежат патенты и тогда дам ответ. Между прочим, я получил в скором времени приглашение приехать в Париж от одной из упомянутых фирм, но я не мог поехать, потому что мне надо было ехать в Людвигсгафен для переговоров с И. Г.

Мое письмо от 21 декабря 1928 года несомненно произвело большое впечатление на директоров Байерише Ко., потому что

д-р Каро совсем по другому стал разговаривать со мною и больше ни словом не обмолвился о малоценности патентов.

Так как в конце января я должен был возвратиться в СССР, то я обратился к коммерческому директору И. Г. г-ну Мюлен, с которым я был уже давно знаком в Москве, по делам химической промышленности, прося его ускорить мое свидание с директорами И. Г. В ответ я получил приглашение приехать 18-го января в Людвигсгафен.

Я приехал в Людвигсгафен утром 18-го января, известив г-на Мюлена, чтобы он не беспокоился меня встречать во Франкфурте. Тотчас же по приезде в Людвигсгафен мне предложили осмотреть главную лабораторию, где директором продолжал оставаться д-р Митташ, мой старый знакомый. Он был очень любезен, сам показал мне все отделы громадной лаборатории, где производились много интересных научных исследований. После осмотра лаборатории меня провели в особое здание, в котором исключительно производились опыты в полузаводском масштабе (pilot plants) после того, как тот или другой процесс был изучен в лаборатории. Нечего и говорить, что порядок везде был образцовый и что все эти здания, предназначенные для исследований, действительно могли быть названы дворцами науки.

Около 10 часов началось обсуждение моего дела в особой конференции под председательством директора д-ра Гауса, ближайшего заместителя д-ра Буша (главного директора И. Г.). В конференции приняли участие: главный адвокат по патентам, д-р Абель, со своими двумя помощниками, директор Мюлен и еще два главных химика, фамилии которых я не могу вспомнить. Мое положение было не из легких: на иностранном языке защищать свое детище и доказывать им неправильность их точки зрения на несущественность разницы моего открытия по сравнению с методом Лилиенрота. Интуиция мне сразу подсказала, что они сами прекрасно это видят, но позвали меня, чтобы поторговаться и предложить мне поменьше денег за патенты. Главное препятствие, которое надо было побороть, — это доказать, что мои предварительные опыты, сделанные

в России и опубликованные в печати, сильно отличаются по своим результатам от тех данных, которые были добыты в Берлине и вошли в патенты. В СССР я никогда не мог получить чистого водорода; он содержал около 30% фосфинов, что делало весь процесс не заслуживающим интереса. Это обстоятельство, вероятно, и послужило причиной, почему И. Г. не обратило внимание на мою работу и не взяло соответствующих патентов, как оно делало всегда с моими работами. Не даром в Германии мне приходилось слышать от многих знакомых немцев, не принадлежащих к фирме И. Г., что Ипатьев — самый дешевый работник для И. Г.: он делает открытия и публикует их, не беря патентов, а И. Г., знакомясь с его работами, делает дополнительные опыты, изменяет несколько условия реакции (например, понижает несколько температуру, давление и т. д.) и новый патент готов.

Главный адвокат И. Г., д-р Абель, с самого начала заявил на заседании, что они хотят помочь мне в деле приобретения патентов, но надо по справедливости оценить все обстоятельства дела и потому надо по пунктам разработать все детали сделанного мною открытия. Я стал приводить доказательства в свою защиту, но был очень удивлен, что они хотят побить меня теми же приемами, какими хотели меня сбить с толку д-р Каро и Франк. На мое счастье адвокат, помощник Абеля, не подумавши, заявил мне, что д-р Каро держится такого же мнения, как и они, и если главный держатель патента сам уменьшает его значение, то мне трудно идти против и надо присоединиться к общему мнению. Я тотчас же воспользовался промахом молодого адвоката и совершенно наивно спросил его: откуда Вам известно мнение д-ра Каро? Тогда он показал мне письмо д-ра Каро, к которому было приложено мое письмо, которое по положению вещей должно было быть совершенно конфиденциальным. Сохраняя полное спокойствие духа, я заметил собранию, что какого бы мнения д-р Каро и д-р Фран ни держались, я буду еще более настаивать на правоте моей точки зрения. Пересылка моего письма фирме И. Г. давала мне

большой козырь против д-ра Каро, и я решил этот факт поставить на вид д-ру Каро, как только я приеду в Берлин.

Надо отдать справедливость директорам И. Г., они угостили меня прекрасным обедом и в особенности восхитительным рейнским вином, сохранявшимся в подвалах десятки лет. Это не помешало мне во время обеда им рассказать один анекдот, относящийся к тому торгу, который происходил между нами в течении дообеденного времени. Я заранее спросил позволения рассказать этот анекдот и просил не обижаться, об'яснив, что это — только «тонкий намек на толстые обстоятельства». Один господин купил в булочной у Филиппова одну булку и когда принялся ее есть, то обнаружил в ней запеченного таракана. Он обратился к приказчику, который продал ему эту булку, и сказал ему, что он притянет их к ответу за изготовление таких булок. Тогда приказчик попросил ему дать этого запеченного таракана, чтобы убедиться, что он действительно таковой, и когда он его получил в руки, то для блага своей фирмы взял его в рот и проглотил, сказав покупателю: «Вы ошиблись: это — изюм».

После обеда мы продолжали обсуждение патентов до 5 часов вечера, и мне было ясно, что И. Г. определенно желает купить мои патенты, — вопрос только, сколько они дадут за них. Председатель д-р Гаус, закрывая заседание, сказал мне, что этот вопрос будет обсужден в Правлении И. Г., и мне будет сообщено окончательное решение в самом непродолжительном времени. Мне было предложено, помимо покупки патентов, сделаться постоянным их сотрудником и сообщать компании о всех моих работах ранее их напечатания. Я поблагодарил за предложение, но заявил, что я связан с Байерише Ко., и не могу принять их предложения.

После заседания директор Мюлен пригласил меня к себе в гости во Франкфурт, куда мы отправились с первым отходящим поездом. Жена Мюлена, француженка по происхождению, оказалась очень милой хозяйкой и угостила меня великолепным ужином, который под конец сопровождался распитием одной бутылки шампанского. Я с удовольствием провел этот

вечер и о многом переговорил с Мюленом. Он также сочувственно относился ко мне и дал понять мне, что по всем вероятиям патенты будут куплены.

Когда я приехал в Берлин, то я не мог посоветоваться с Фрейтагом, так как он был уже с первых чисел января в отпуску. Проф. Г. Франк поинтересовался узнать, что произошло в Людвигсгафене и высказал свое мнение, что патенты будут И. Г. приобретены.

Тотчас же после моего приезда д-р Каро пригласил меня для беседы о моем визите к И. Г. Мое свидание происходило вечером, продолжалось довольно долго и имело довольно бурный характер. Я сразу спросил д-ра Каро: друг он мне или недруг?

«Почему Вы это спрашиваете?» — возразил он мне.

«Потому что Вы, не спрося меня, переслали мое письмо к Вам фирме И. Г. и оно фигурировало на заседании; это обстоятельство было далеко не в мою пользу, так как адвокаты могли заранее подготовиться к возражениям, которые мне не легко было опровергать. Неужели Вы не понимаете, что Ваш поступок, — пересылка моего письма фирме И. Г., — идет не в мою пользу; я не знаю, какие отношения существуют между Вами и И. Г., но во всяком случае, Вы не имели права поступать так».

Д-р Каро, не сказав мне ни одного слова, но сделав очень удивленный вид, вызвал сейчас же свою личную секретаршу и спросил ее:

«Где письмо проф. Ипатьева, присланное мне?»

Она ответила, что письмо было отослано И. Г.

«Как Вы посмели это сделать без моего спроса? — вскричал д-р Каро, — идите, я переговорю с Вами после».

«Мой дорогой д-р Каро, — сказал я после того, как секретарша ушла из комнаты, — мне нет никакого дела, каким образом письмо попало в руки И. Г., Вы единственно ответственны за этот поступок, и я буду иметь право сделать из этого соответствующие выводы».

На этом был заключен наш разговор, но я отлично заметил, что д-р Каро был очень смущен моим заявлением, так как он

ни коим образом не ожидал, что я узнаю о пересылке моего письма И. Г.

Не прошло двух-трех дней после моего разговора с Каро, как я был снова вызван д-ром Франком для переговоров с представителями от И. Г., которые были присланы от своего правления для ознакомления меня с проектом договора на предмет покупки патентов на мое изобретение.

Теперь И. Г. предлагала за патенты уже 250.000 марок, но уплату расчленяла на три срока: по заключению договора она уплачивала 83.300 марок., по утверждению дополнительных патентов — 41.700 марок. Что же касается остальных 125.000 марок,, то И. Г. сохраняло право решить этот вопрос в течении трех лет.

Хотя мы обсудили все параграфы (их было 7), но я с самого начала не согласился на разделение уплаты за патенты и кроме того настаивал на увеличении общей суммы. Но из факта присылки И. Г. делегатов с проектом договора и назначением уже солидной суммы можно было видеть, что И. Г. гонится за покупкой этих патентов. После заседания с делегатами от И. Г. мы расстались в очень хорошем настроении, и они обещали довести до сведения Правления И. Г. о моих желаниях.

Директор Г. Франк после заседания сказал мне, что все дело он передает д-ру Каро и надеется, что сделка состоится.

На мое счастье в это время приехал д-р Радлинг, директор Суперфосфатных заводов в Стокгольме, который попросил свидания со мной и высказал желание купить патенты только для одной Швеции, давая мне 40.000-50.000 крон. Это меня очень ободрило, и я решил при случае об этом сказать д-ру Каро.

Д-р Каро не мог забыть нашего последнего разговора и чтобы оправдаться передо мною, написал мне длинное письмо. Мне пришлось еще раза два говорить с ним по телефону относительно условий продажи патентов, и он мне сказал, что пока переговоры с И. Г. прерваны, но это ничего не значит; возможно, что они их снова возобновят. Перед самым моим от’ездом, Правление Байерише Ко., и д-р Каро и Франк попросили

меня окончательно сообщить мои условия, на которых я согласен продать патенты И. Г., и обещали в мое отсутствие всячески отстаивать мои пожелания. Я определил цену в 300.000 марок и назначил более выгодные для меня сроки расплаты. Мы расстались в дружеских отношениях.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОНЕЦ СТАРОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Во время моего отсутствия в Совнаркоме СССР обсуждался вопрос о необходимости преобразования Академии Наук. В заседание Совнаркома были приглашены президент Академии, непременный секретарь и академик Иоффе. Было решено увеличить число членов Академии сначала до 70, а потом до 100; было постановлено, чтобы осенью этого года специально назначенные комиссии наметили кандидатов в члены Академии Наук. В эти комиссии должны были входить академики по их специальности и кроме того особо-назначенные Совнаркомом члены. Общее руководство деятельностью всех комиссий было возложено на О. Ю. Шмидта; в число членов от Совнаркома находились Милютин, Пашуканис и др., был также член от Украинской Академии Наук.

В числе главных обязанностей академиков стояло их живейшее участие в социалистическом строительстве СССР и потому их работы должны находиться в теснейшей связи с промышленностью. Только при таких условиях советское правительство решило отпускать значительные средства для научных исследований академиков и строить соответствующие лаборатории. Представители Академии напрасно доказывали, что Академия Наук, как высшее научное учреждение в республике, должна иметь своей главной целью общий прогресс в науке, не заботясь в данный момент о том, найдут ли новые научные открытия немедленное приложение в промышленности. Академики никогда не будут отказываться своим опытом и

знанием помогать развитию советской промышленности и делать соответствующие изыскания, но никто из них не должен быть стеснен в своих персональных идеях и свободно изучать те явления в науке, интерес к которым диктуется ему всем его научным прошлым; именно такая работа академиков в спокойной обстановке может дать наиболее ценные результаты для прогресса науки. История учит, что так было всегда с величайшими научными открытиями и в будущем научное творчество не должно быть стеснено никакими правилами и плановыми заданиями. Какой бы план для научных исследований на целый год не был бы создан, вряд ли можно его выполнить, так как во время его исполнения можно всегда заметить такие новые явления, которые заставят отложить в сторону намеченную программу и заняться этим новым фактом, приступить к его разработке, если он открывает блестящие перспективы.

Для всякого ученого эти аргументы являются непреложной истиной, но члены советского правительства не вняли голосу ученых и поставили задачу новой Академии Наук СССР делать исследования по намеченным планам, имея в виду современные задачи промышленности и не увлекаться проблемами, которые имеют только академический характер.

Осенью 1928 года в Академии Наук было образовано несколько комиссий: по химии, по технологии, по физике, геологии и минералогии, по математике, по биологии и по гуманитарным наукам. Я был назначен председателем комиссии по химии, а акад. Курнаков по технологии. Ранее, чем комиссии приступили к выбору кандидатов в члены Академии, был разработан особый циркуляр во все научные учреждения и высшие учебные заведения, в котором вкратце сообщалось о предстоящих выборах новых членов в Академию СССР и предлагалось намечать своих кандидатов по различным научным дисциплинам; списки надлежало доставить к известному сроку. В течении около двух недель шла работа комиссии и после долгих дебатов и споров были составлены окончательные списки кандидатов, которые были оглашены в заключительном общем заседании всех комиссий. Необходимо заметить, что

один и тот-же академик принимал участие в нескольких комиссиях; так, например, я участвовал в комиссии Вернадского по геологии и минералогии, а также в комиссии Курнакова по промышленной химии с правом голоса. Н. С. Курнаков со своей стороны, принимал участие в комиссии по химии.

Химики имели право наметить 8 кандидатов; 7 из них были намечены без затруднений: Чичибабин, Фаворский, Бах, Зелинский, Кистяковский, Демьянов, Гулевич, но восьмой кандидат, проф. Писаржевский, встретил большие затруднения. Несомненно, работы по физической химии у проф. Яковкина (следующего кандидата комиссии) имели горазд большее научное значение, чем у Писаржевского, но приехавшие из Москвы делегаты от Совнаркома настаивали на необходимости провести его в кандидаты, так как было необходимо иметь представителя от Украинской Республики. В конце концов небольшим большинством была принята кандидатура Писаржевского.

В комиссии по технологии был особый курьез. Московские организации коммунистического направления особо настаивали о проведении в академики проф. Вильямса (Тимирязевская Сельск.-Хозяйств. Академия, — бывшая Петровская), но он, будучи хорошим профессором, имел только одну работу (его диссертация), не имеющую к тому же большого научного значения. Члены комиссии были против назначения его кандидатом, но О. Ю. Шмидт сильно настаивал на том, чтобы была выставлена его кандидатура. Ко мне в это время обратился проф. Тимирязевской Академии Прянишников и сказал мне, чтобы я настаивал на снятии кандидатуры Вильямса, так как общее мнение в Тимирязевской Академии таково, что он не заслуживает быть членом Академии Наук. После этого разговора я беседовал с О. Ю. Шмидтом и уговорил его не настаивать в настоящее время на кандидатуре Вильямса, указывая, что в будущем, при увеличении числа академиков, он легче пройдет на выборах. О. Ю. согласился со мной, и таким образом подводный камень был обойден.

В комиссии Вернадского было очень много разговоров по

поводу назначения кандидатом по кафедре геологии Губкина, которого хотели также многие московские организации. Акад. Вернадский, наоборот, находил, что Губкин не имеет никаких научных заслуг, чтобы быть членом Академии Наук; к нему присоединились и другие многие члены комиссии. Я знал Губкина во время войны, когда он оказал очень большую услугу выяснив детальную мощность нефтяных месторождений в Майкопе на Кавказе. Его изыскания в этом районе, произведенные очень тщательно, несомненно представляли серьезную работу и полученные им данные дали мне возможность парализовать интриги, поднятые лицами, хотевшими хорошо заработать на новых изысканиях в Майкопском районе. И. М. Губкин тогда произвел на меня очень хорошее впечатление серьезного работника и специалиста в геологии нефти; памятуя это, я решил теперь выступить в защиту Губкина. После долгих дебатов и особой составленной мною записки, Губкин был внесен в список кандидатов по геологии.

После общего собрания всех комиссий московские делегаты пригласили академиков, участвующих в комиссиях на обед в Европейскую гостинницу. Я думаю, что настроение у многих старых академиков во время этого пиршества (обед был великолепен и сопровождался хорошими винами) было не особенно веселое, так как чувствовалось, что мы присутствуем на тризне по старой свободной Академии, где ее члены были несменяемымыи до своей смерти. Разве можно было предполагать, что большевики оставят безнаказнной такую выходку, которую позволил себе, например, академик Марков во время царского режима: когда Синод отлучил графа Льва Толстого от церкви, то академик Марков послал прошение в Синод, чтобы его тоже отлучили из лона православной церкви, так как он таких же убеждений, как и Толстой. Его прошение в Синод было напечатано во всех газетах, но Марков не был исключен из членов Академии. Во время обеда много говорили о плодотворной работе будущей Академии Наук СССР; в особенности этим отличались речи акад. Ольденбурга и Марра. Только в короткой речи акад. А. Н. Крылова можно было уловить не-

которую иронию по отношению к новой Академии. Он вставил в свою речь одну фразу, в которой подчеркивалась разница между двумя обращениями: «Государь», и «Милостивый Государь». Не знаю, заметили ли другие присутствующие на обеде эту тонкую иронию.

После того, как были намечены новые кандидаты в Академию Наук, Отделениям Академии предстояло подвергнуть их баллотировке, и в случае получения ими надлежащего числа избирательных голосов, они должны были баллотироваться в Общем Собрании Академии Наук.

Так как число намеченных кандидатов в точности соответствовало числу свободных кафедр по разным дисциплинам, то баллотировка в Отделениях и на Общем Собрании сводилось только к формальности. Но, конечно, в Отделениях те академики, которые не присутствовали в комиссиях могли не соглашаться с оценкой научных трудов намеченных кандидатов и голосовать против них. Я не знаю, что происходило в другом отделении, но у нас в Физико-Математическом Отделении дело не обошлось без некоторых споров. Когда в Отделении стала обсуждаться кандидатура доктора Заболотного (еще до войны 1914 года известного своим участием по ликвидации чумы в южных губерниях России), то акад. И. П. Павлов высказался в резкой форме против проведения его в академики. Он очень подробно рассказал об его печатных трудах, в которых он не находил абсолютно ничего научного.

«Если таких ученых набирать в Академию, то это будет не научное учреждение, а Бог знает что, — сказал И. П. — Вообще, — прибавил он, — за преобразование Академии берутся люди, которые ничего в науке не понимают и не отдают себе отчета, для чего должна существовать Академия. Вот недавно приезжал из Москвы какой то грузин, я не могу вспомнить его фамилии, знаю только, что он рыжий и тоже стремился показать, что он имеет заботу об Академии».

Этот «рыжий» приезжавший из Москвы был никто другой, как секретарь ЦИК'а, А. Енукидзе, ведавший всеми делами СССР, первое лицо после председателя ЦИК'а, Калинина. Он

приезжал в Академию, потому что Академия СССР непосредственно подчинялась ЦИК'у. Таково было отношение И. П. Павлова к советской власти, и он не боялся высказывать открыто и в Академии, и на своих лекциях свое отношение к большевикам. Конечно, он отлично знал, что его не тронут, так как слишком высоко стоял его научный авторитет во всем мире, но все таки не каждый, даже из таких научных светил, мог проявлять такую независимость в своих политических взглядах и суждениях. Я припоминаю одну его лекцию, которую он прочитал студентам Медицинской Академии, когда приехал из Америки, куда был приглашен на физиологический Конгресс. На лекции он рассказал, что проехал через Европу, побывал в Америке, разговаривал со многими людьми, но нигде не слыхал, чтобы был какой-нибудь намек на всемирную революцию. Нигде так плохо не живут люди, как в СССР и нигде так не стеснена мысль, как в нашей стране. На его лекции присутствовали агенты ГПУ, и потому через некоторое время он был вызван в ГПУ на Гороховую. Следователь задал ему ряд вопросов по поводу его вступительной лекции и записал ответы Павлова, подтверждающие его отрицательное отношение к советской власти. Когда следователь заполнил всю анкету ответами И. П., то он попросил его подписать. Но в анкете для подписи были две графы, одна для обвиняемого, а другая для свидетеля. И. П. спросил следователя, где ему надо подписывать, на что получил ответ: «подписывайте, как свидетель».

Когда акад. Павлов продолжал настаивать на том, чтобы отклонить кандидатуру Заболотного, то я попросил слово и высказал свое мнение, что теперь, когда комиссия из нескольких академиков решила публично выставить кандидатуру доктора Заболотного, то представляется крайне неудачным теперь его забаллотировать в Отделении. Я упрекнул Павлова, почему он не пришел в комиссию и не постарался убедить членов в невозможности сделать Заболотного членом Академии. Я привел ему пример с проф. Вильямсом, кандидатура которого была снята после моего разговора с О. Ю. Шмидтом. К общему

благополучию д-р Заболотный был выбран необходимым числом голосов и впоследствии был избран и на Общем Собрании. Но с одним кандидатом по Историко-Филологическому Отделению произошел скандал. Хотя он был выбран Отделением, но на Общем Собрании не получил надлежащего большинства и потому был забаллотирован. Так как этот кандидат был ставленником коммунистических организаций, то его забаллотировка вызвала страшное возмущение в правительственных сферах и немедленно стали раздаваться голоса в печати, что необходимо снова произвести выборы этого кандидата, ибо факт его неизбрания будет рассматриваться, как контр-революционное выступление Академии.

Возможно ли было при царском режиме нарушить право Академии по избранию выдающихся ученых в свои члены? Царь мог не утвердить избрание того или другого ученого в члены Академии, но предложить переизбрать уже забаллотированного кандидата, такого случая в анналах Академии не было. Достаточно вспомнить выборы в академики нашего гениального ученого Д. И. Менделеева, чтобы судить, с каким уважением относилось старое русское правительство к прерогативам Академии: Д. И. Менделеев был избран в члены Академии Отделением Физико-Математических Наук, но в Общем Собрании, он при выборах не получил надлежащего большинства (не хватало одного голоса) и потому не прошел в Академию. Все хорошо знали причину этого неизбрания: в Историко-Филологическом Отделении членами академии состояли в большинстве прибалтийские немцы, которые боялись сурового характера Д. И. (надо припомнить, что и у Ломоносова отношения с немецкими членами Академии тоже были не совсем приятные) и решили его не пропускать в Академию; вместо него был избран впоследствии Ф. Ф. Бейльштейн, тоже немецкого происхождения, но по своим научным заслугам стоявший несравнмо ниже Д. И. Но никто в правительственных сферах не поднял вопроса о необходимости нового переизбрания Д. И. Менделеева, да я вполне уверен, что он никогда бы сам не согласился на это. Впоследствии, когда ему не раз предлагали

баллотироваться, он на отрез отказывался, и Академия была вынуждена избрать его своим почетным членом.

Когда происходили выборы новых академиков в Общем Собрании, я был в Германии. После заседания Академии я получил телеграмму от Ольденбурга о немедленном приезде в Ленинград; я ответил, что приехать сейчас не могу, но при первой-же возможности исполню приказание. Но когда я возвратился, то вопрос о перевыборах еще не был разрешен, и мне пришлось принять участие в дискуссиях по этому важному для существования Академии вопросу. Нам, старым академикам, стало известно, что если Академия не согласится на перевыборы, то ее участь будет решена не в пользу ее процветания: члены Академии будут доживать свой век, как пенсионеры, и будет создана новая Академия Наук на новых началах. Борьба Академии с советской властью представлялась совершенно бесполезной, так как в стране не существовало правового порядка, и все основывалось на произволе власть имущих. Новое общее собрание академиков согласилось на переизбрание забаллотированного кандидата и в следующем заседании он был выбран.

Осенью мне было приказано доложить в Совнаркоме о моих заграничных работах. В присутствии всех членов правительства под председательством Рыкова я сделал доклад об окислении фосфора водой под давлением и о получении солей фосфорной кислоты, когда вместо воды были взяты растворы щелочей или аммиака. Кроме этой работы, я указал на ту программу, которую я имел ввиду выполнить во вновь организованной мною Лаборатории Высоких Давлений. Совнарком очень внимательно выслушал мой доклад, отметил мои работы, как выдающиеся, и постановил оказать мне материальную поддержку для создания самостоятельного Института Высоких Давлений. Собственно говоря, моя Лаборатори Высоких Давлений и без того являлась самостоятельной, так как я выхлопотывал себе средства для ее оборудования не через правление ГИПХ'а, а через другие организации. Кроме того, с 1927 года

я стал на свои деньги покупать оборудование заграницей и жертвовать его в Лабораторию Высоких Давлений.

Постановление Совнаркома о моих работах вполне меня удовлетворило, — за исключением, однако, одного параграфа: он гласил, что в самом недалеком будущем я должен сосредоточить всю свою работу в новом Институте, сокращая работу в Германии. Последняя фраза была высказана не в очень резкой форме, но я понял, что моим поездкам в Берлин не очень сочувствуют. Когда я получил постановление Совнаркома, то я попросил секретаря Совнаркома, Н. П. Горбунова, изменить текст этого параграфа, так как на заседании Совнаркома этот вопрос не разбирался, но получил полный отказ. Советская пресса после заседания Совнаркома курила мне большой фимиам, об'являя мои работы крайне полезными для СССР.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРЕСТ ПРОФЕССОРА ШПИТАЛЬСКОГО

По приезде в Москву из второй поездки в Германию, в феврале 1929 года, я позвонил Е. И. Шпитальскому и попросил его уделить мне немного времени, чтобы рассказать ему о моих последних достижениях заграницей. Он был очень рад повидать меня, и мы провели вместе почти половину воскресенья. Я никак не мог предполагать, что это — наша последняя встреча. Я ему совершенно откровенно рассказал о всех моих переговорах с Байерише Ко. и с И. Г. и о тех моих условиях, на которых я согласился продать все патенты И. Г. Но так как Е. И. был в курсе сношений нашей химической промышленности с И. Г. относительно установки на наших заводах некоторых полупродуктов для получения красителей, то я ему сообщил также о моем уведомлении Гальперина и других лиц ведущих переговоры с И. Г., что последняя компания желает купить мои изобретения по окислению фосфора водой под давлением, и что это обстоятельство может сыграть некоторую

роль в оказании технической помощи нашей промышленности. Я сообщил Е. И., что специально телеграфировал в ВСНХ ранее, чем начал переговоры с И. Г. и кроме того я уведомил в Берлине наших делегатов по переговорам с И. Г. (двух коммунистов, которые имели контору на Унтер ден Линден), что я веду переговоры с И. Г. о покупке моих патентов. Я вспоминаю, что они мне сказали: «торгуйтесь хорошенько, они наверно Вас обдуют». Но я не получил никакого ответа на мою телеграмму из Москвы.

Е. И. Шпитальский выслушал внимательно о всех моих деяниях по этому вопросу и заявил мне, что все мои шаги были сделаны правильно, и что назначенная мною сумма достаточна, — в особенности, принимая во внимание, что я себе много напортил опубликованием заграницей некоторых моих работ по окислению фосфора, сделанных в СССР. Он мне высказал свое мнение относительно открытой мною реакции, что «это лучшая роза, которая распустилась из Вашего метода высоких давлений». Мне было приятно слышать похвалу из уст человека, который кроме научного таланта обладал очень развитым практическим чутьем.

На другой день я должен был уехать в Ленинград, но перед этим я был вызван в Совнарком на вечернее заседание под председательством А. И. Рыкова относительно утилизации электрической энергии,которую будет в недалеком будущем производить Днепрострой. На это заседание были приглашены главные спецы по металлургии, по химической промышленности и экономисты; на это заседание явился и председатель ЦИК'а, М. И. Калинин. Собрание открылось речью А. И. Рыкова, который познакомил с главным материалом, касающимся количества электрической энергии, которую будет последовательно развивать Днепрострой, и поставил вопрос о наиболее рациональном ее распределении между важнейшими производствами. К моему большому удивлению А. И. Рыков попросил меня высказаться первым.

По возможности кратко я указал на те процессы, которые должны играть наиболее важную роль в развитии нашей хими-

ческой промышленности, и привел данные относительно их размеров заграницей. Так как производство кальций карбида и кальций-цианамида являлось для нас одним из необходимых производств, то я сообщил о новом способе получения, так называемого белого кальций цианамида, в котором содержание азота доходит до 35%. Этот новый способ получения цианамида был изобретен проф. Франком. В заключение я просил дать мне слово после того, как выскажутся мои коллеги по вопросу дальнейшей организации хим-промышленности в связи с тем количеством энергии, которая будет ей дана от Днепростроя. Несмотря на долгие дебаты, собрание не пришло к определенному результату; заявок на энергию было сделано достаточно, чтобы исчерпать все потенциалы Днепростроя; казалось, на основании приводимых доказательств, что все заявки вполне оправдываются действительными потребностями и очень трудно решить, в особенности в таком многолюдном собрании, что поставить в первую голову. Было решено составить журнал заседания, дать его для ознакомления членам собрания и собрать новое заседание для окончательного решения вопроса. Но, как это часто происходило в стране Советов, второго заседания не последовало вплоть до половины 30-го года, когда меня уже не было в СССР.

Первая новость, которую я узнал через два дня по приезде в Ленинград, — это был поразивший меня до глубины души слух об аресте Е. И. Шпитальского. Не хотелось верить, чтобы такой полезный, талантливый человек, как проф. Шпитальский, работавший не покладая рук для обороны СССР, мог быть обвиняем в какой-то преступной деятельности. Каждого из нас, старых специалистов, всегда можно было обвинять в том, что мы не особенно долюбливаем большевиков. Но недостаток симпатии к тому или другому правительству не есть еще преступление и в действительно свободной стране каждый гражданин имеет право критиковать действия своего правительства. Ведь, если судить интеллигенцию, людей воспитанных при старом режиме за то, что они,критикуя большевиков, в кругу своих единомышленников порицают советскую власть,

то на основании всего того, что мне пришлось слышать от многочисленных моих знакомых, большевикам следовало бы уничтожить поголовно всех образованных людей и владычествовать над необразованным и совершенно неразвитым в политическом отношении народом. За то, что кто-либо не симпатизировал самодержавию в России и даже высказывал вслух свое отрицательное отношение в тесном кругу своих знакомых к такому образу правления, царское правительство не подвергало это лицо какому либо преследованию. Сильная власть, опирающаяся на действительное большинство народа не боится критики, ибо понимает, что без оппозиции жить нельзя, и власть должна слышать правду, исходящую от народа, который ее установил.

За какие же преступления Е. И. Шпитальский был подвергнут аресту? Я полагаю, что он был не по душе большевикам за свое критическое отношение к их деяниям и за свой острый язык. Когда Е. И. работал в Химическом Комитете, мною возглавляемом до прихода Фишмана, все шло гладко, и ему нечего было бояться. Но когда в 1927 году я ушел из Военно-Химического Управления и Е. И. последовал за мною, то это сильно обозлило Фишмана. Е. И. надо было или оставаться у Фишмана, или совсем отказаться от работы по газам, и уйти целиком в научную университетскую жизнь. Но Е. И. получил приглашение от А. Н. Баха сделаться его заместителем и организовать работу по военной химии в Карповском Институте, в котором уже было выстроено новое здание, предназначаемое для произведения лабораторных опытов по новым процессам в полузаводском масштабе; часть этого здания было предположено приспособить для изучения ядовитых газов. Е. И. согласился взять предложенную ему должность и сказал мне об этом уже после того, как он вступил в исполнение обязанностей.

Я помню отлично, что вхождение Е. И. в лоно Карповского Института произвело на меня тягостное впечатление, так как я знал очень хорошо, в какой атмосфере ему придется работать, в особенности вместе с помощником Баха, Б. Збарским. С

другой стороны, мне было не совсем приятно, что Е. И., мой большой друг, перекочевал в лагерь, где меня не очень то то признают, считая, что моя звезда уже закатилась и мне пора на покой. Я заметил Е. И. очень осторожно, что ему будет очень трудно совмещать работу в Карповском Институте и с университетом, и с нашей немецкой комиссией, куда он вошел, как легальный член, и где ему было поручено спешно составить проект двух заводов иприта и фосгена. Дело в том, что к концу 1928 года состоялся наш окончательный разрыв с немцами, — главным образом, потому, что Штольценберг не выполнил в срок постановку производств, намеченных в контракте. С уходом из комиссии немцев, вся тяжесть работы легла на плечи русской части комиссии и председатель Мархлевский получил от Реввоенсовета инструкции окончить установку производства указанных выше продуктов в кратчайший срок. С этой целью на Е. И. было возложено составление детальных проектов и ему были предоставлены все средства для ускорения работы.

До подачи проекта Е. И. сделал одну большую ошибку, которая, несомненно, была истолкована большевиками не в его пользу: испрашивая средства для составления проекта, он поставил себе вознаграждение в виде громадной суммы, и, кроме того, выговорил себе еще добавочные деньги при пуске заводов в ход. Он не посоветовался со мной относительно своевременности испрашивания себе вознаграждения, иначе я посоветовал бы ему не поднимать тогда этот вопрос, так как вне всякого сомнения подобный поступок ставил Е. И. в глазах советской власти в ряды ненавистных капиталистов. Правда, впоследствии Е. И. отказался от просимого вознаграждения под влиянием замеченного им неприязненного отношения к нему Мархлевского, человека очень умного, про которого Е. И. не раз говорил мне:

«Вот увидите, В. Н., он меня скушает без остатка, несмотря на то, что он меня гладит своими мягкими ручками».

Как и надо было ожидать, пребывание Е. И. в сотрудничестве с Бахом и Збарским продолжалось недолго. Е. И. раз-

ругался с Збарским и поставил ультиматум Баху: или я, или он. А так как Бах не мог в то время лишиться Збарского, то Е. И. пришлось уйти, как не уговаривал его Бах остаться у него на работе. Уход из Карповского Института для Е. И. было крайне неблагоприятным, так как он терял расположение, а может быть и навлекал на себя гнев со сторны очень сильного в то время человека, Баха. Перед самым уходом из Карповского Института, Е. И. часто звонил мне по телефону на квартиру и вел длинные со мной разговоры по поводу его положения в Институте и его плохих отношений с Збарским.

Когда в деловых химических кругах узнали, что Е. И. покинул Карповский Институт, то особый трест, возглавляемый Ступниковым (он же был председателем союза инженеров), пригласил Е. И. на работу привести в порядок Ольгинский завод, на котором должны были быть построены опытные установки для производства в небольшом масштабе ядовитых веществ. Ольгинский завод начал свое существование еще во время войны для изготовления хлористого мышьяка, фосгена и других веществ; после войны завод был закрыт и простоял без использования до 1924 года, когда я, будучи председателем Химического Комитета при Реввоенсовете, испросил кредиты, чтобы сделать из него опытный завод для изучения в полузаводском масштабе новых производств ядовитых газов. Е. И. принял это предложение и очень много времени уделял этой работе. Мне приходилось раза два быть на работах, и я должен определенно заявить о громадной энергии, которую вкладывал Е. И. в это дело, и о том таланте, который выявил Е. И. выполняя эту трудную работу. Надо было удивляться, каким образом он мог организовать всю свою деятельность, будучи столь перегружен различными проблемами, которые были ему поставлены советской властью.

Необходимо, однако, заметить, что увлечение созданием Ольгинского завода несколько отразилось на работе по составлению проектов производства фосгена и иприта для Самарского завода, и это вызвало нарекания со стороны, как Мархлевского, так и Гальперина. Мне и Гальперину, Мархлевский

приказал обследовать, в каком состоянии находится проект, составляемый Е. И. Шпитальским. Несмотря на то, что Мархлевский несколько раз предлагал Е. И. перенести всю работу по составлению проекта в помещение, занимаемое нашей комиссией, Е. И. все откладывал исполнение этого приказания, имея в виду окончить работу по Ольгинскому заводу. Поэтому, когда Е. И. показал нам все материалы по проектированию Самарского завода, то Гальперин в несколько резкой форме выразил мнение, что он представил нам только эскизы, а не детальные чертежи. Это замечание Гальперина настолько вывело Е. И. из себя, что он, не помня себя, начал кричать на нас, говоря: «что вы от меня хотите, нельзя с человека требовать невозможного», и в своей горячности бросил со всей силой свои очки на пол и стал головой биться о стену. Я думал, что он сошел с ума, схватил его за плечи, стал успокаивать и проводил его домой. Нет никакого сомнения, что Гальперин передал всю эту сцену Мархлевскому, который вероятно сообщил, куда надо, о характере Е. И. После этой сцены Е. И. вскоре организовал проектирование завода в помещении комиссии. Председатель треста, где работал Ступников, был очень доволен работой Е. И. по Ольгинскому заводу, о чем он не раз говорил мне, когда мне приходилось быть по делам в тресте.

Незадолго до своего ареста Е. И. был вызван ГПУ в качестве свидетеля по делу неисправной работы одного небольшого завода, который изготовлял хлорное олово. Е. И. рассказал мне, что следователь допрашивал его в течении 4-х часов и хотел выудить от него обвинение некоторых лиц, которые были привлечены к этому делу.

«Как ни хитрил следователь, — сказал мне Е. И., — но поймать меня на слове ему не удалось, и я ушел от него, не дав ему никаких данных, могущих послужить для обвинения кого-либо из лиц, которых он мне называл в качестве обвиняемых».

Приведенные мною некоторые факты из деятельности Шпитальского были достаточными в глазах большевистской

власти, чтобы возвести на него какие угодно обвинения. Везде он создавал себе, если не врагов, то во всяком случае недоброжелателей, которые при всяком удобном случае могли свидетельствовать ему во вред. Кроме того, ГПУ узнало от своих агентов в Берлине, что Е. И. делал много заявок на различные патенты; надо, однако, заметить, что в то время советским гражданам не запрещалось брать патенты заграницей. Среди этих заявок на патенты были, по моему разумению, два процесса, которые во время владычества большевиков не следовало патентовать заграницей: это были заявки на изготовление взрывчатых веществ из солей хлорной кислоты и видоизмененный способ приготовления фосгена. Последний способ был уже запатентован в Германии одним немцем, а его идея пришла Е. И. в голову еще во время войны 1914 года, но он не мог сделать заграницей заявки по случаю военного времени, а в СССР до 1923 года патентного бюро совсем не существовало. С моей точки зрения, оба эти патента не заслуживают особого внимания и не представляют из себя большой практической ценности. Но факт подачи патентов, быть может, без надлежащего разрешения со стороны советской валсти, мог послужить очень веским доказательством для обвинения Е. И. не только в игнорировании советской власти, но даже в измене и выдаче военных секретов.

Когда в Ленинграде распространился слух об аресте Шпитальского, то стали циркулизовать слухи, что в скором времени последуют аресты других лиц, работающих в химической промышленности, — как в мирной, так и в военной. Стали называть имена инженера Фокина, Кравеца и других, а некоторые называли и мое имя, хотя большинство считало невозможным, чтобы ученого с мировым именем, каким представлялся я в глазах всего общества, большевики могли подвергнуть аресту. Хотя моя деятельность в течении 12 летнего владычества большевиков была безукоризненна, и я относился к исполнению своих обязанностей совершенно одинаково, как если бы я работал при царском режиме, тем не менее в то время, после совершенно неожиданного ареста Е. И., я стал очень пессимисти-

чески относиться к своему положению в СССР. Мое настроение стало особенно тревожным, потому что Е. И. был моим большим другом, знал все детали моей жизни и при допросе, совершенно случайно, мог сообщить некоторые факты, которые позволили бы привлечь меня к допросу, а впоследствии и к аресту. Хотя я хорошо знал благородную натуру Е. И. и гнал от себя всякую мысль о возможности неблаговидного поступка с его стороны, но все слышанное мною о допросах ГПУ с особым пристрастием от лиц, которые попались во власть этого исключительного советского учреждения, невольно порождало в моей душе мысль о возможности и моего ареста.

По приезде в Москву я, прежде всего, повидался с женой Е. И., милой женщиной, очень любившей своего мужа, и старался ее успокоить, обещая, что я постараюсь сделать все возможное, чтобы облегчить судьбу Е. И. Она мне рассказала, при каких обстоятельствах произошел арест: агенты ГПУ приехали около 12 часов ночи и сначала сделали полный обыск квартиры; очень заинтересовались особым фонографом, приобретенным Е. И. заграницей, который давал возможность записывать произносимую речь. Агенты ГПУ заставили Е. И. об'яснить действие аппарата и показать на примере преимущества такого фонографа. И все это Е. И. должен был демонстрировать в присутствии людей, приехавших его арестовать. Здесь можно поражаться и человеческой циничности, и высокому самообладанию, проявленному человеком большой воли при сознании своей невинности.

Я отправился к начальнику Главного Химического Управления Юлину и стал спрашивать его, за что арестован Е. И., столь нужного человека для химической промышленности и нельзя ли что-либо сделать, чтобы облегчить его участь и доказать ГПУ, какую пользу приносил этот человек в деле химической обороны. На мою реплику я получил очень сухой ответ от Юлина:

«ГПУ знает, за что арестован Е. И., а я не знаю, в чем он виноват; если он невинен, то будет освобожден, и нам вмешиваться в это дело совсем не подобает».

Получив такой ответ от Юлина, который очень хорошо знал ценную работу Е. И., я понял, что Юлин не только не ударит палец о палец для защиты Е. И., но что он, по всем вероятиям, не замолвил ни одного слова против ареста нужнейшего работника, когда ГПУ заявило ему о необходимости арестовать Е. И. Я не могу себе представить, чтобы ГПУ могло арестовать ценных специалистов, не сговорившись с их начальством или, во всяком случае, не предупредив их об аресте. Мне самому приходилось защищать перед ГПУ моих подчиненных: Аккермана, Березовского и других, и когда я приводил надлежащие резоны, то этим я был в состоянии снять с них возводимые на них обвинения. В оправдании поступка Юлина можно привести только одно обстоятельство: коммунисты не имеют права хлопотать за арестованных ГПУ, но они могут просить не делать ареста лица, который является нужнейшим работником и честно исполняет все возложенные на него обязанности. После Юлина я просил А. И. Баха облегчить судьбу Шпитальского; кроме меня, Баха просили похлопотать за Е. И. академики Н. Д. Зелинский и А. Е. Чичибабин. Так как Е. И. имел очень много дела с Патентным Бюро в Москве, которое имело большие связи с ГПУ, то я неоднократно обращался и туда с просьбой придти на помощь Е. И. и выразил готовность, где представится необходимым выступить в его защиту, так как он оказал несомненно громадную услугу делу развития военной химии в Союзе.

Зная очень хорошо отношение ко мне председателя Госплана СССР, Г. М. Кржижановского, я отправился к нему вместе с председателем химической секции Госплана, инженером В. П. Камзолкиным, чтобы попросить Г. М. замолвить слово за Шпитальского. Я обрисовал в кратких словах ту пользу, которую принес своей работой Е. И. для Союза и все мною сказанное было подтверждено и Камзолкиным. На мое ходатайство Г. М. ответил, что он ничего не может сделать; он слышал, что Шпитальский очень опасный человек и что он предполагал отравить многих видных коммунистов в экспериментальном театре, где происходило многочисленное собрание

для организации Московского Доброхима. Все мои об'яснения, что он во время своей речи показывал маленький пузырек, наполненный водой, только для того, чтобы демонстрировать, какое маленькое количество ядовитой жидкости может отравить воздух этого театра, не могли поколебать глупое доказательство виновности Е. И. Я прибавил только, что с таким же правом могут арестовать и меня за мою речь в том же театре, на что Г. М. ответил:

«Вы, подобно жене Цезаря, вне подозрений».

Все мои попытки остались без результатов; в конце концов мне определенно заявили, чтобы я прекратил мои ходатайства за Е. И., потому что это может повредить мне самому: могут подумать, что я действовал заодно с Е. И. Но я полагаю, что как мои хлопоты, так и ходатайства других его друзей, все таки имели свое действие, так как впоследствии, через год после ареста, закрытый суд приговорил его к расстрелу, но этот приговор был заменен 10-летним одиночным заключением. Его бедную жену разлучили с детьми и выслали из Москвы, а дети (дочка 12 лет и сын 14 лет) были взяты сестрой Е. И., Ксенией Ивановной, которая была на службе Художественного Театра на амплуа режиссера. — Дальнейшая судьба Е. И. была очень печальна: после приговора, ему было приказано продолжать руководство работами на Ольгинском заводе. Больной, измученный всем происшедшим, не только лишенный какой-либо возможности видеть, но даже знать, в каких условиях живет его любимая жена и дети, он должен был ежедневно из тюрьмы ездить и работать на заводе. Такую муку не мог долго вынести его не особенно крепкий организм, и он в скором времени умер от разрыва сердца. Память об этом выдающемся русском человеке и честнейшей личности никогда не изгладится в моей душе, и я уверен, что не только я, но и многие, знавшие Е. И., будут с глубочайшим уважением вспоминать его патриотические чувства к нашей родине и его неутомимую научно-техническую деятельность. Он умер около 50 лет от роду, в расцвете своих научных сил, — когда его знания и опыт были особенно полезны для нашей страны.

Работы в Институте Высоких Давлений шли полным ходом, и Президиум ВСНХ отпустил специальные средства для оборудования переданных мне помещений на Опытном заводе, прежде занятых для изготовления борной кислоты и земляных красок. Механическая мастерская, изготовляющая мои бомбы высокого давления и другие аппараты, уже насчитывала несколько слесарей, имела с моей легкой руки хорошие механические станки и потому могла исполнять многие заказы не только для Института, но и на сторону. Помимо работ по окислению фосфора под давлением и изучения механизма этой реакции, в Институте производились исследования по вытеснению металлов и их окислов из водных растворов под давлением водорода. В особенности были интересны опыты вытеснения металлического мышьяка и его окислов. Здесь наблюдались обратимые реакции, так как вода при высокой температуре могла окислять металл в окись, которая при этом выделялась в чудно развитых кристаллах. Мой сын после возвращения из заграницы приступил к изучению с кинетической точки зрения процессов вытеснения элементов пятой группы нечетных рядов таблицы Менделеева, мышьяка, сурьмы и висмута и сделал очень интересную работу. В это же время я с Г. А. Разуваевым приступили к изучению выделения металлов из металло-органических соединений под давлением водорода. По органической химии Б. Н. Долгов изучал кремне-органические соединения и их гидрогенизацию, а также на построенном аппарате приступил к изучению наиболее благоприятных условий для синтеза метанола. Вместе с Немцовым мы стали изучать полумеризацию олефинов для получения газолина под давлением в присутствии и отсутствии катализаторов. Мы имели в виду выработать способ превращения непредельных углеводородов, получаемых при крекинге в газолин. Результаты этой работы были напечатаны уже после моего от'езда заграницу; этот же вопрос я стал разрабатывать в Riverside, как только в 1930 году был приглашен Универсал Ойл Продуктс Компанией для постановки в их лаборатории моих методов в применении их к нефтяной промышленности.

Деструктивная гидрогенизация, как индивидуальных углеводородов, так и различных отбросов нефти, также подверглась изучению, — как в Институте Высоких Давлений, так и в лаборатории Академии Наук, где работа также протекала успешно. Некоторые научные сотрудники Академии Наук были мною переведены в Институт Высоких Давлений, а вместо них были приняты молодые люди, окончившие Университеты и рекомендованные мне их профессорами. В 1929 году штат Института Высоких Давлений возрос до нескольких десятков, а оборудование компрессорами и другими аппаратами было пополнено отчасти заграничными заказами, сделанными лично мною на отпущенную мне валюту 55.000 золотых рублей; с другой стороны, мне удалось получить от Треста Синтеза Аммиака компрессор и некоторые приборы, которые не находили у них применения. За эту уступку аппаратов я обещал помогать им в установке синтеза аммиака и производить в Институте исследования по активности катализатора. Такой прибор был у нас установлен Усачевым, и мы не мало помогли тресту полученными нами данными. Конечно, здесь невозможно на память привести все те научные работы, которые производились в ново-созданном Институте, но благодаря энтузиазму, который проявляли его сотрудники, он в скором времени завоевал почетную славу, и многие химики, и молодые, и пожилые, из других учреждений, просили позволения своего начальства поехать в Ленинград, чтобы ознакомиться с методами работы под высокими давлениями. Все, кто работали в нем, а также и посетившие его только для осмотра, находили, что он удовлетворяет всем тем потребностям, которым должны удовлетворять современные научные исследовательские институты. В нем также были установлены: спектограф и специальный рентгеновский анализ, для чего ученый сотрудник В. Фрост был послан мною в Германию к проф. Нодаку для изучения методов анализа. Я уже тогда отдавал себе отчет, что если мы хотим изучать действие катализаторов, то без рентгена и спектографа не обойдешься.

Очень часто, уже будучи здесь в Америке, я сожалел, что

мне не удалось долго работать в созданном мною Институте, но одно утешение приходило мне в голову, что я оставил там хорошую школу, которая с успехом может продолжать научную работу и научить других. И следя здесь заграницей за работой Института по выходящим из него работам, я видел, что я не ошибся. Вышедшие из этого Института научные работы: Разуваева, моего сына, Молдавского, Долгова, Немцова и др. очень хорошо расцениваются заграницей. К сожалению, за последние годы совсем не видно работ талантливого моего ученика, Г. А. Разуваева; мне передали, что он арестован и сослан неизвестно куда... Только вредители могут без всякой вины отстранять полезных людей от работы, в особенности, когда их деятельность так нужна для развития промышленности и науки.

Ведение хозяйства лаборатории Академии Наук было мною передано специальному лицу, Дмитрию Ник. Дурасову, и можно было похвастаться тем порядком, который установился в этой лаборатории, разбросанной на трех этажах академического здания на 8-ой линии Васильевского Острова. В самом нижнем этаже помещались бомбы высокого давления и компрессор, а во втором и третьем этажах было шесть небольших комнат для изучения работ. Но, конечно, на всякого постороннего зрителя, в особенности на иностранца подобная лаборатория производила очень невыгодное впечатление. Так, например, когда Юлин, начальник Главхима, посетил эту лабораторию, то уходя, он сказал, что советское правительство должно краснеть, что позволяет мне работать в подобной лаборатории. Точно такое же впечатление вынес один делегат Рокфеллеровского Института, когда он, будучи в Ленинграде, захотел узнать, в каких условиях работает мой ассистент А. Д. Петров, о котором я ходатайствовал, чтобы ему дали Рокфеллеровскую стипендию для усовершенствования по химии заграницей: в своем рапорте он написал, что Петров работает в убогой лаборатории Академии Наук, руководимой проф. Ипатьевым. Об этом отзыве я узнал в 1930 году, когда был в Париже.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОИ СТОЛКНОВЕНИЯ С ЮЛИНЫМ И С КУЙБЫШЕВЫМ

1-го апреля 1929 года я должен был отправиться в Берлин, согласно моего договора; в этот раз меня очень интересовало разрешение вопроса о продаже патентов И. Г. В Москве переговоры Внешторга и ВСНХ с И. Г. шли полным ходом, но вопрос о продаже моих патентов там совершенно не затрагивался, а я с своей стороны не имел желания его поднимать. Мой сын Владимир и д-р Фрейтаг писали мне из Берлина, что Баварская Ко. спрашивала их, когда я приеду. Из письма д-ра Фрейтага я понял, что между И. Г. и баварцами состоялось соглашение о продаже патентов, но, конечно, в письме не указывалось, на каких условиях эта продажа состоялась.

В марте я подал Юлину рапорт, как и ранее, о разрешении выехать в Германию для продолжения моих научных работ. Собственно говоря, это была простая формальность, так как я имел годовой паспорт, и до сих пор ГПУ не чинило мне никаких препятствий. Но мой секретарь, который следил за получением визы, заявил мне, что Юлин не пересылал моего паспорта с своей подписью в отдел ВСНХ для заграничных командировок. Я зашел в кабинет Юлина и спросил его, переслал ли он мой паспорт для оформления или нет. Он ответил мне, что ему не подавали моего рапорта и что он на днях это сделает. Пользуясь моим посещением, он стал укорять меня в том, что я, вообще, проявляю мало энергии в моей деятельности по ВСНХ и что мне надо почаще стучать кулаком по столу, требуя от начальства удовлетворения нужд химической промышленности.

«Вы, — сказал Юлин, — пользуетесь таким авторитетом и доверием в глазах нашей партии и правительства, что Вам всегда легко настоять на выполнении Ваших всегда обоснованных требований».

На эту речь я ответил, что пусть он укажет, хотя бы один серьезный случай, когда советское правительство не исполнило бы постановления Главхима, касающегося того или другого

химического вопроса, в котором я принимал большое участие и был их инициатором. Я указал Юлину, что секретная докладная записка председателю ВСНХ Дзержинского, в которой излагалась подробная программа дальнейшего развития химической промышленности для обороны страны и указывалось на громадный вред отсутствия в ВСНХ Главного Химического Управления, была целиком утверждена в Президиуме ВСНХ и в Совнаркоме. Проведение этих вопросов в жизнаь и создание снова Главхима, во главе которого стоит Юлин, — это целиком моя заслуга. «Этого одного достаточно, чтобы мне не приходилось слышать подобных упреков от Вас, тов. Юлин». У Юлина ничего не нашлось, чтобы мне возразить, так как факты говорили сами за себя. Я ему не стал напоминать о других важных вопросах в химической промышленности, которые могли быть разрешены только при моем участии. Но А. И. явно хотелось меня еще чем-нибудь уколоть, и он заявил, что мое поведение в Академии Наук во время последних событий в ее жизни было не совсем корректно; я должен был бы выступить с резким осуждением, когда на последних выборах в Общем Собрании Академии был забаллотирован один кандидат (кажется, проф. Лукин). На это я ответил ему, что он не знает, вероятно, того, что я говорил в заседании Математического Отделения Академии Наук, когда я указал академ. Павлову, что после избрания определенного кандидата в специально-назначенных правительством комиссиях мы должны его избрать в члены Академии Наук.

«Ранее, чем осуждать меня, — сказал я Юлину, — Вам надо было бы ознакомиться с подлинными протоколами заседаний и тогда уже решить вопрос, достоин ли я порицания или нет».

На этом закончилась наша беседа, которая оставила во мне неприятное впечатление, так как во время ее я впервые услышал подобные упреки от Юлина. После моего разговора с ним по поводу ареста Шпитальского у меня осталось очень тягостное чувство, которое еще более усилилось после его беседы со мной по поводу моей деятельности в СССР. Я всегда

знал, что политическое положение Юлина в партии невелико, так как он стал большевиком после войны, а его значение в советской промышленности еще меньше. Поэтому эти небольшие нападки на мою особу были несомненно навеяны Юлину свыше, и я решил быть на стороже.

Совершенно неожиданно я получил приглашение прибыть на заседание Президиума Центрального Комитета Союза химиков для участия в обсуждении пятилетнего плана развития химической промышленности. Я был удивлен этому приглашению, потому что в виду моих частых отлучек заграницу и научной работы в Ленинграде я не принимал никакого участия в составлении пятилетнего химического плана в Главхиме. Конечно, до моего слуха доходили планетарные цифры ежегодного расширения производства того или другого химического продукта, которые вызывали во мне только одно сомнение в возможности исполнения таких заданий. В таких случаях я говорил своему собеседнику, что все это очень хорошо, но обратили ли вы внимание на общую коньюнктуру всей нашей промышленности, транспорта и т. п.? На заседание Ц. К. химиков я должен был идти, так как, кроме повестки, я получил еще личное приглашение по телефону от председателя Союза Химиков, фамилии которого сейчас не помню, но знал задолго до его избрания на это почетное место. Это был молодой человек, моложе 25 лет, ничего не понимающий в делах химической промышленности и попавший на этот пост совершенно случайно.

На многолюдном заседании Ц. К. химиков от Главхима присутствовали: сам Юлин, который восседал в Президиуме, его заместитель Киселев, начальник отдела Главхима В. Кравец и другие. Во время заседания были разбираемы планы всех отраслей химической промышленности и делались соответствующие замечания относительно сообщенных цифр производительности на ближайшие 4-5 лет. Не помню, при обсуждении какого вопроса председатель обратился ко мне с просьбой высказать мое мнение относительно всего плана химической промышленности. Можно легко себе представить мое затруд-

нение, т. к., по правде сказать, я совершенно не знал пятилетнего плана и не был подготовлен к его критике. Но тем не менее что то сказать было надо, иначе мое признание в моем полном незнакомстве с планом могло печально отразиться на моей судьбе. Я решил указать, что для выполнения этой пятилетки и для дальнейшего развития нашей промышленности необходимо в первую голову иметь надлежащий кадр хорошо подготовленных инженеров и техников, без которых немыслимо выполнять намеченную грандиозную работу в промышленности. А чтобы подготовить химиков и инженеров, надо развить исследовательскую работу, ибо только те инженеры и техники окажутся на высоте своего положения, которые пройдут хорошую школу научных исследований в лабораториях вузов, втузов и техникумов. Я привел пример последней войны, когда успех развития химической промышленности был возможен только потому, что знаменитыми нашими учителями, Зининым, Менделеевым и Бутлеровым, была создана русская химическая школа, признанная во всем мире.

Как не увлекательна была моя речь относительно важности развития химического образования во время первой пятилетки, я, однако, получил от председателя заседания записку, в которой указывалось, что Президиум с большим вниманием прослушала мою речь, которая походила на блестящую лекцию, но очень далека, по их мнению, от критики пятилетнего плана, и потому Президиум просит меня через некоторое время выступить снова и в своей речи ближе держаться к сюжету пятилетки. Я попросил тогда у Кравеца его тетрадку, в которой были помещены цифры производительности различных химических продуктов в течении ближайших лет и попросил его об'яснить мне вкратце основания для них.

Так как серная кислота является наиболее важным химическим продуктом, на котором базируются другие производства, то я решил сделать об'ектом своей речи именно пятилетний план развития производительности серной кислоты. Уже поверхностный обзор цифр увеличения производства серной кислоты указывал на полную невозможность испол-

нения подобной программы. Кроме того, в плане не приводились систематические увеличения добычи необходимых колчеданов и совершенно не затрагивался вопрос о возможности доставки колчеданов на заводы серной кислты. Все эти вопросы мне были хорошо известны во время войны, и потому мне было сравнительно легко критиковать представленный план и отметить с своей стороны все его слабые места, касающиеся самого важного продукта химической промышленности. Я начал свою речь с того, что раз советское правительство требует для мирных и военных целей значительного развития химической промышленности на ближайшие годы, то, конечно, мы должны употребить все срдества для того, чтобы достичь поставленной цели. Но достигая успеха в одной отрасли промышленности, мы не должны портить дело в других областях народного хозяйства. Я предложил здесь разобрать только план развития производства серной кислоты и по годам критиковал возможность увеличения ее производительности в связи с другими факторами народного хозяйства.

Не знаю, удовлетворились ли товарищи, сидевшие за столом Президиума, моей критикой, или, быть может, удивились моей находчивости, только я не получил каких-либо резких замечаний или возражений и был отпущен с миром. Юлин, с которым я после обсуждал результаты заседания в ЦК Химиков, не сделал никаких замечаний о моей речи.

В то время он вел борьбу в Главхиме против некоторых членов коммунистической ячейки, которые, повидимому, были недовольны его деятельностью и хотели его спихнуть. В особенности вел борьбу против Юлина недавно назначенный в Главхим для секретных дел Карасик. Этот товарищ кончил в Харькове Технологический Институт и когда был назначен в Главхим, то явился ко мне и стал меня благодарить за тот добрый совет, который я ему дал в 1921 году, когда он предлагал мне свои услуги сделаться правителем дел в Главхиме, куда я был назначен начальником. Карасику было в то время 21-22 года, и я отказал ему в его просьбе, а посоветовал продолжать учиться и уже после солидной учебы перейти на администра-

тивную работу. Борьба Юлина с Карасиком и его приверженцами закончилась победой Юлина, и несколько партийных товарищей были принуждены покинуть Главхим.

Юлин приказал оформить мою командировку, и в конце марта ГПУ дала мне визу на 1 апреля выехать в Берлин. За два дня до моего от'езда (это было, как я хорошо помню, в воскресенье утром) я был вызван из Кремля Куйбышевым, который сообщил мне, чтобы я отложил мой от'езд заграницу, пока я не сделаю доклада правительству о всех моих работах здесь и в Германии. Мне пришлось на другой день пойти в отдел ВСНХ по заграничным командировкам и заявить о распоряжении Куйбышева. Со стороны ГПУ не было никаких препятствий к моему выезду заграницу, иначе они не поставили бы визы на моем годовом паспорте. Моя задержка по всем вероятиям произошла исключительно по инициативе Куйбышева, которому за две недели до моего от'езда я сказал, что мне необходимо скоро ехать в Германию. После получения такого распоряжения я отправился к Секретарю Президиума, чтобы спросить, когда можно будет поставить мой доклад, так как ранее доклада в Президиуме ВСНХ мне нельзя выступать в Совнаркоме. В секретариате ВСНХ я получил очень неутешительный ответ, так как Куйбышев скоро должен был уехать в командировку, кажется, на Урал, которая должна была занять у него три недели, а потому назначить время пленума Президиума в настоящее время было совершенно невозможно.

В течении двух месяцев мне пришлось хлопотать о назначении докладов о моих работах, и все было напрасно. Под различными маловажными причинами, я не мог добиться свидания с Куйбышевым после того, как он вернулся из командировки, а без его решения ни один из заместителей не мог взять на себя ответственности назначить мой доклад в Президиуме. В моей голове эта волокита возбуждала очень мрачные мысли, в особенности я подозревал, что моя задержка в от'езде заграницу обусловливалась делом Шпитальского, к которому я был очень близок в разнообразных деловых отношениях. Заместитель Куйбышева Рухимович предложил мне прямо обра-

титься к Куйбышеву лично и выяснить, в чем дело. Личный секретарь Куйбышева стал меня водить за нос. Когда я заметил, что он просто издевается надо мной, то я решил пойти напролом, тем более, что Куйбышев, как я узнал, на другой день уезжает в отпуск. Я явился в Президиум рано утром, до приезда Куйбышева, и когда он вошел в кабинет, то я попросил секретаря доложить, что хочу его видеть. Я не могу сказать, доложил ли он обо мне или нет, но когда он вернулся и сказал мне, что Куйбышев занят, то я, не говоря ему ни слова, отворил дверь и несмотря на протесты секретаря, вошел в кабинет и в довольно взволнованном тоне спросил Куйбышева, когда же я, наконец, получу ответ о времени моего доклада и разрешение для моего выезда в Германию, согласно заключенного мною договора. Я просил дать мне сейчас-же определенный ответ, так как я слышал, что он завтра уезжает в отпуск. Вероятно мой рассерженный тон оказал на него влияние, так как он быстро дал мне успокоительный ответ и сказал мне, что он передаст это дело Рухимовичу. Тогда я попросил его позвонить сейчас-же его заместителю, так как за обилием дел он может легко об этом забыть. Куйбышев взял трубку, при мне позвонил Рухимовичу и сказал ему, что я немедленно зайду к нему и мы должны сговориться о времени моих докладов в Президиуме и в Совнаркоме. Рухимович был всегда расположен ко мне и ценил мою работу, а потому он пошел мне навстречу и чуть ли не на другой день приказал назначить заседание Президиума и обещал на ближайшее заседание Совнаркома (оно состоялось на следующий день после заседания Президиума ВСНХ) поставить на повестку мой доклад. Все это происходило уже в первых числах июня, и мой сын в письмах очень беспокоился, почему я не еду в Берлин. В то время в Берлине происходил Бунзеновский С'езд химиков, программа которого была крайне интересна для меня, так как все заседания были посвящены вопросам катализа, и мне очень хотелось быть на нем. Я получил специальное приглашение от председателя С'езда, Боденштейна, но принужден был ответить, что, к большому моему сожалению, не могу приехать, так как очень занят. Я уверен, что только моя энергия, на-

стойчивость и бесстрашие помогли мне получить в этот раз разрешение на выезд заграницу.

На повестку заседания Президиума были поставлены два доклада: Гуревича и мой. Гуревич был председателем Амторга в Соед. Штатах в течении нескольких лет и передал свою должность П. А. Богданову, бывшему ранее председателем ВСНХ. В заседании Президиума Гуревич сделал очень интересный доклад о состоянии промышленности в Америке, об отношении промышленников к нашим русским делам и о желании их войти с нами в деловые отношения. Присутствовавший на заседании Чекин (член коллегии Главхима), которому пришлось по химическим делам быть два раза в Америке, сделал тоже некоторые интересные добавления о химической промышленности в Соед. Штатах и между прочим рассказал, что ему пришлось выслушать не раз очень лестное мнение об академике Ипатьеве. Один крупный промышленник сказал ему: «Дайте нам Ипатьева на два-три года, и мы с удовольствием отдадим вам безвозмездно все те достижения, которые мы сделаем совместно с ним». Это замечание, хотя и очень льстило мне, но было до некоторой степени опасным с точки зрения моих дальнейших поездок заграницу, — в особенности, принимая во внимание мое давнишнее желание посетить Соединенные Штаты.

На мой доклад в заседании Президиума были приглашены видные работники и ученые, между которыми был акад. А. Е. Чичибабин, присутствовавший тогда впервые на заседании Президиума. Я доложил о всех последних работах по окислению фосфора, сделанных, как в Берлине, так и в Институте Высоких Давлений, и указал, что в настоящее время уже можно приступить к проверке этой реакции в большем масштабе и, как мне известно из письма ко мне моего ассистента, др. Фрейтага, в Германии это предполагают сделать в самом ближайшем будущем. Кроме этой работы мною были доложены в сжатом виде и другие работы Института и показаны образцы полученных соединений. Наибольшее внимание было оказано реакциям окисления и восстановления окислов мышьяка, сурьмы и висмута. После доклада был оживленный обмен мнений и было

высказано пожелание, чтобы Институт и в будущем продолжал исследования и в особенности было указано на необходимость продолжения работ по деструктивной гидрогенизации и по полимеризации газов, содержащих непредельные углеводороды. Председательствующий Рухимович обратился к акад. А. Е. Чичибабину и попросил его высказать свое беспристрастное мнение по поводу моих работ. А. Е. дал очень благоприятную характеристику моим исследованиям и с своей стороны отметил важное значение разработки реакции окисления фосфора водой под давлением. Вынесенная резолюция Президиума ВСНХ была в мою пользу и гласила, что Институт Высоких Давлений в короткое время сделал очень важные исследования, которые необходимо продолжать в том-же направлении.

На другой день был назначен мой доклад в Совнаркоме. Председательствовал Рудзутак, так как Рыков был в отпуску. В заседании Совнаркома присутствовали Уншлихт, Ворошилов, Пятаков, Кржижановский, Микоян, Гринько и другие народные комиссары. От ВСНХ были Рухимович и А. И. Юлин. Заседание Совнаркома началось с моего доклада, которому было дано неограниченное время, но я заявил, что постараюсь уместить весь материал в течении получаса. В своем изложении я оттенил сделанные в Институте исследования, которые имеют большое значение в промышленности и принес с собой, как образцы продуктов, так и фотографии аппаратов, установленных в Институте для работ под высокими давлениями. Я был выслушан с большим вниманием и ясно сознавал, что мой доклад был понят и произвел хорошее впечатление, судя по тем вопросам, которые мне были заданы после моей речи. Под конец моего доклада я пояснил, что моя работа в Берлине не только не мешает развитию дальнейших исследований в Институте, а, наоборот, помогает и, что моему контракту остается один год, и мне придется кроме этого раза еще два раза с'ездить в Германию; летом будущего года кончится мой контракт. Я просил Совнарком, чтобы мне было разрешено в будущем без всяких препятствий совершать эти поездки.

При обсуждении моего доклада Юлин дал блестящую

характеристику моей технической деятельности и отметил меня, как незаменимого консультанта в Главхиме. К Ворошилов, знавший меня хорошо по Реввоенсовету и всегда относившийся ко мне с большим уважением и симпатией, очень лестно отозвался о моей деятельности и добавил, что он очень удивлен, каким образом я мог в такой короткий срок создать большой Институт Высоких Давлений и подготовить кадр таких способных сотрудников. Я ответил ему на этот вопрос сравнением: почему американцы в короткий срок, в несколько месяцев, строят небоскребы, — в то время, как у нас постройки сравнительно небольших домов продолжаются более года? У американцев, — пояснил я, — уже заранее все готово для созидания дома, размеры строительных материалов изготовляются по установленным стандартам: им приходится только делать сборку отдельных частей здания. Я привык в течении своей жизни начинать с малого и достигать больших результатов; я уже давно стал готовить школу молодых химиков, способных в будущем приступить к выполнению работ под большими давлениями. Уже с 1923 года я в своей квартире в Академии Наук приступил к этой задаче, и в той маленькой лаборатории уже кристаллизовались новые химические идеи, делались предварительные опыты и молодые химики, приходившие ко мне учиться, готовились сделаться в будущем исследователями в новой области химии высоких давлений. И когда мои работы показали правительству СССР важность будущих исследований в области катализа и применения метода высоких давлений в химической промышленности, я получил возможность создать в короткий срок новый Институт Высоких Давлений. И мне, подобно американцу, надо было только перенести идеи и своих учеников в новое широкое помещение и с первого же дня водворения на новом месте приступить к научным исследованиям. В Совнаркоме я не побоялся высказать свое мнение, что всякое дело надо начинать с маленького, ибо неизбежные ошибки во время первоначальной работы в таких условиях не в состоянии угасить духа исследователя уже по одному тому, что для опытов не потребуется больших затрат, а кроме того,

является возможность легко изучить условия данного процесса. На это мое правило я не получил возражений, но я полагаю, что эти мои слова не были в состоянии изменить убеждения большевиков, поступавших как раз наоборот в своих социальных и экономических опытах в нашей стране. Обсуждения закончились речью Рудзутака, который в постановлении Совнаркома отметил достигнутые мною ценные результаты для советской химической промышленности; кроме того в постановлении Совнаркома значилось, чтобы все учреждения оказывали Институту Высоких Давлений помощь и без всякого промедления исполняли требования Института по снабжению его материалами и приборами, не испрашивая особых разрешений по начальству. И, наконец, Совнарком предложил учреждениям, ведающим заграничными командировками, беспрепятственно оформлять поездки акад. Ипатьева заграницу на ближайшее время.

Лучшего результата от моих докладов в ВСНХ и Совнаркоме я не мог ожидать; на другой день во всех газетах СССР были помещены статьи, касающиеся моей научной деятельности и моего доклада в указанных учреждениях. Точно также были посланы краткие отчеты о заседании Совнаркома по поводу моего доклада и в заграничную прессу.

Через два дня я уехал в Берлин, где от сына узнал, что дело с моими патентами обстоит хорошо и что К. Ф. Фрейтаг расскажет мне все подробности; что касается до работ сына, то они протекали вполне успешно. Он изучил основательно термо-динамику, а в лаборатории ему удалось соорудить прибор высокого давления, который позволяет ему делать электролиз под давлением и получить раздельно чистейшие водород и кислород под давлением до 200 атмосфер. Кажется, только одному ученому удалось разрешить эту задачу; мой сын сделал этот аппарат совершенно независимо; я ему посоветовал взять патент на этот прибор, что он сделал, возвратившись в Россию.

В очень скором времени я увидался с Н. Каро и он мне заявил, что мои условия по продаже патентов И. Г. приняты.

Через очень короткое время я получил первый взнос в 90.000 марок и часть этих денег употребил на покупку аппаратов для Института Высоких Давлений (15.000 марок), на годовую командировку заграницу моего ассистента, Г. А. Разуваева в следующем году (около 5000 марок) и на оплату всех расходов моего сына по изготовлению аппаратов для высокого давления. Деньги были внесены в Берлинское Торгпредство и частью положены в Банк для выдачи моему ассистенту Разуваеву, когда он приедет заграницу. Кроме того, из этих денег была оплачена годовая командировка заграницу сына с семьей.

В центральной лаборатории у баварцев я занялся вопросом осаждения металлической меди из растворов ее солей под давлением водорода, так как д-р Каро сообщил мне, что И. Г. очень интересуется этим вопросом для каких то целей. Для выяснения механизма реакции я сделал много опытов осаждения закиси меди, а также действия воды и водорода на окись меди. Интересно отметить, что в последнем случае я безусловно получил кристаллическую закись меди, что заставляло предполагать, что кристаллизация закиси меди произошла из водного ее раствора или гидрата окиси меди. Эти опыты, к сожалению, не были закончены.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ

В начале августа я вместе с семьей сына вернулся в СССР и после короткого отдыха на хуторе, приехавши в Москву, узнал неожиданную для меня новость: советское правительство командирует меня в Японию на Международный Инженерный Конгресс, который должен быть в ноябре 1929 года в Токио. Для выяснения вопросов, связанных с этой командировкой, я отправился к Воронову, который был управляющим делами Особого Комитета по научным учреждениям, состоящим в ведении ЦИК'а. Во главе этого комитета стоял Луначарский,

которому эта должность была дана после снятия его с поста Народного Комиссара Просвещения. Воронов об'яснил мне, что моя командировка в Японию была утверждена Совнаркомом, и мне нельзя отказываться в особенности потому, что уже поздно; к тому же, акад. Иоффе, который должен был ехать со мной, по очень уважительным причинам не может ехать в эту командировку. Я об'яснил Воронову, что мне в декабре придется ехать на работу в Берлин и что у меня и без того много работы в моем Институте Высоких Давлений, но все эти доводы не помогли, и мне ничего не оставалось делать, как начать готовиться к длинному путешествию; я должен был выехать не позднее первых чисел октября. Что касается моей поездки в Германию, то Воронов заявил мне, что никаких препятствий к этому для меня не встретится.

С Вороновым я обсудил и другой вопрос, касавшийся посылки моего сотрудника и любимого ученика, Г. А. Разуваева, в годичную командировку заграницу для дальнейшего усовершенствования в химии. Будучи в Германии, я списался с проф. Мюнхенского Университета Виландом, который обещал мне взять Разуваева в свою лабораторию для работы по органической химии. Для Разуваева это было большим счастьем, так как авторитет Виланда стоял очень высоко и он был лауреатом Нобелевской премии. Хлопоты о командировании Разуваева за мой счет начались еще до моего последнего приезда из Германии, но он получил отказ. Я просил Воронова помочь провести в ГПУ эту командировку, так как знакомство такого талантливого химика с методами химических исследований будет в высшей степени полезно для русской науки. Я прибавил, что мой хороший знакомый, известный проф. Виланд, уже согласился взять его своим учеником и для меня будет неловко, что я зря беспокоил человека своей просьбой о Разуваеве. Я сказал Воронову, что я могу поручиться за Разуваева, что он не занимается политикой и что он во время вернется в СССР.

Из хлопот относительно командирования заграницу с научной целью моего сына и Разуваева я узнал, какие затруд-

нения надо было преодолеть, чтобы получить право ознакомиться с состоянием науки заграницей. Разве при царском режиме надо было обивать пороги разных канцелярий, чтобы получить разрешение на командирование молодого ученого заграницу без расходов для казны?

Воронов обещал мне помочь в этом деле и сдержал свое слово: в октябре Разуваев выехал в Германию и явился к Виланду для работы на указанную профессором тему.

В лабораториях Академии Наук и Института Высоких Давлений работы шли полным ходом и все могло бы радовать душу руководителя, если-бы не присутствие только одного человека, который портил настроение всем своим коллегам и, конечно, мне, так как мне приходилось разбирать все недоразумения в подведомственных мне лабораториях. Этот человек был Николай Орлов, о котором я уже упоминал ранее. Несмотря на все мои увещевания, этот суб'ект был совершенно неисправим. Чтобы подтвердить сказанное об его характере, я приведу один пример его отношений с моим ассистентом А. Д. Петровым, с которым он был товарищем по Ленинградскому Университету; они оба одновременно были взяты мною в Лабораторию Высоких Давлений в Академии Наук. Они были неразлучными друзьями, и во время вакаций летом не раз предпринимали путешествие пешком по церквам и монастырям Петроградской и Новгородской губерний. Н. Орлов был в полном смысле ханжа, и при подходящих условиях из него вышел бы ценный иезуитский монах; не даром мы дали ему соответствующее прозвище. Но стоило А. Д. Петрову в своих научных работах проявить большое уменье в исследовании трудных химических реакций и заслужить хорошую оценку с моей стороны, как отношение к нему Орлова резко изменилось. Он стал говорить ему колкости, обижать его в присутствии других химиков и дело дошло до того, что А. Д. Петров, очень скромный и воспитанный человек, заявил мне, что он не может более оставаться в одной комнате с ним, так как он не ручается за себя и дело может кончиться неприятным для лаборатории скандалом. Когда А. Д. жаловался мне на Орлова, слезы стояли

у него в глазах, и он сообщил мне, с каким хамским подходом Орлов обращается со своими другими помощниками. Я успокоил А. Д. Петрова, очень ценного научного сотрудника, и обещал ему перевести Орлова в другое здание (бывший особняк уральского железо-промышленника, Яковлева), которое Академия Наук получила для расширения помещения химической лаборатории, необходимого в виду прихода новых академиков: А. Е. Фаворского и Вл. А. Кистяковского. Часть этого здания в нижнем этаже была отведена и для моей лаборатории и я решил перевести туда Орлова и там организовать исследовательские работы аспирантов, под его наблюдением.

Орлов без моего спроса пользуясь молодыми химиками в бытность мою заграницей, произвел опыты по деструктивной гидрогенизации с некоторыми углеводородами и без моего позволения послал их в Немецкое Химическое Общество для напечатания. Зачем было ему это делать, когда я всегда позволял моим сотрудникам некоторые работы делать и публиковать самостоятельно, — в особенности, если инициатива той или другой проблемы исходила от них самих — я не знаю. Только для порядка в лаборатории, я всегда требовал, чтобы я был об этом заранее осведомлен и дал бы разрешение, так как я, как глава лаборатории, должен отвечать за все работы, в ней сделанные, как перед начальством, так и перед химическим миром. Н. Орлова я никогда ни ранее, ни после этого инцидента не стеснял в самостоятельной работе, и тому имелись самые убедительные доказательства, так как не менее трети работ, сделанных в лаборатории Академии Наук по гидрогенизации и деструктивной гидрогенизации по заданным мною темам, были напечатаны только под именем Орлова и помогавшего ему сотрудника, которого я разрешил ему использовать для его работы. Н. Орлов имел хорошую голову для химического мышления, но очень не искусные руки для экспериментальной работы, а потому ему был крайне необходим для производства опытов, в особенности под большими давлениями, хороший экспериментатор.

Надо здесь заметить, что на средства, отпускаемые мне

НТО и ВСНХ, я приглашал молодых людей — студентов старших курсов или только что окончивших Университет, чтобы они изучили методы высоких давлений, и получив надлежащую опытность в проведении ответственных опытов, могли бы служить хорошими помощниками научным сотрудникам. Впоследствии из этих молодых людей выходили хорошие химики, занявшие места или в Институте Высоких Давлений, или в Академии Наук, уже в качестве научных сотрудников.

Условия для работы Орлова были превосходными, и его положение в Лаборатории Академии Наук, в качестве старшего химика, было очень прочно; он мог, кроме того, читать лекции и принимать участие и в другой работе в качестве консультанта. Двух лиц в лаборатории Академии Наук он особенно ненавидел: это моего сына Владимира и Г. А. Разуваева; оба они не подавали ему руки. Приехавши один раз в Ленинград, я получил одну бумагу без подписи, в которой критиковалась моя деятельность по управлению химической лабораторией Академии Наук и указывалось, что я нахожусь под влиянием моего сына, который собственно и является начальником лаборатории; все работающие в лаборатории терпят от такого порядка вещей. Когда я узнал, что в Академии Наук некоторое время тому назад была организована особая контрольная комиссия для критики всех учреждений Академии, причем было предложено всем служащим подавать свои заявления о непорядках (насколько помню, без подписи), то мне стало совершенно ясно, кто был автором этой записки. Во время моего об'яснения с Орловым, обнаружились такие его деяния и интриги, что я решил принять энергичные меры и раз на всегда прекратить подобные выходки с его стороны и даже попросить начальство перевести его в другое учреждение. Я так решительно говорил с Орловым относительно его поведения, что он понял, что мое терпение лопнуло и что я более не буду с ним церемониться. Я должен был уехать в Москву, так как через 2-3 дня я отправлялся в Японию. Каково же было мое удивление, когда вслед за мною Орлов приехал в Москву за свой счет, не сказав об этом никому ни одного слова. Он

дважды днем заходил ко мне на квартиру и, не застав меня дома, написал записку, в которой умолял принять его по очень важному делу. В 6 часов вечера он был у меня и со слезами на глазах просил моего прощения, давая клятвенное обещание исправиться. Я заявил ему, что я не могу верить его словам, так как он столько раз давал мне обещание относиться к людям по-человечески и без злобы и никогда не сдерживал своих обещаний. «Должен же я, как старший в лаборатории оградить моих ассистентов от незаслуженных оскорблений и нападок» — сказал я.

«Что же должен я теперь сделать, — сказал Орлов, — чтобы заслужить Вашего прощения? — Я готов стать перед Вами на колени и умолять Вас о прощении и готов принести какую угодно клятву, — только бы Вы меня простили».

«Ни коленопреклонений, ни клятв мне не надо, — ответил я. — Я подобных низостей не уважаю, а единственно, что я потребую от Вас в настоящее время, это сейчас-же написать мне бумагу, в которой Вы должны правдиво изложить, что Вы клеветали на моего сына и что Вы это сделали умышленно, чтобы очернить его в глазах начальства; кроме того, Вы должны дать обещание в дальнейшем прекратить всякие нападки на всех химиков, работающих в моей лаборатории».

Орлов написал такую бумагу в моем присутствии и прибавил, что никогда не забудет моего к нему снисхождения и просил забыть обо всем случившемся, на что я твердо сказал ему, что делаю это в последний раз. Эта бумага после моего приезда из Японии была передана моему сыну, который должен был ее бережно хранить, как доказательство неосновательности возведенных на него обвинений.

Мое путешествие в Японию произвело на меня неизгладимое впечатление. Мне в первый раз пришлось проехать через Сибирь, так как раньше, во время моей командировки на Урал, я доезжал только до Челябинска. Дальневосточный экспресс, с которым мне надлежало ехать до Владивостока, был переполнен иностранцами. Несмотря на то, что я заявил в Интуристе, чтобы мне оставили нижнее место в спальном вагоне

(бывший вагон Международного Общества), и кроме того, было известно, что я еду в Японию в качестве делегата советского правительства, я до последнего дня не знал, какое место я получу. Буквально за несколько часов до от'езда моя дочь, которая ходила в Интурист для получения билета, сообщила мне по телефону, что мне дают только верхнее место. Тогда я соединился с заправилами Интуриста и заявил им, что если мне не дадут нижнего места, то я сию же минуту буду звонить в Кремль, в Совнарком, и заявлю, что при таких условиях я отказываюсь ехать на Конгресс. Я сказал им, что не верю, чтобы Интурист не мог оставить мне нижнего места, когда я за две недели сообщил о своей поездке. Заправилы поняли, что я шутить не буду и через полчаса дочь принесла мне билет на нижнее место. Вот какие порядки существовали в Интуристе и доказательством их произвола мог служить тот факт, что моим соседом в купэ оказался французский гражданин, который по окончании курса юридических наук получил в награду от своих родителей (его отец был портным в Париже) деньги на путешествие по Дальнему Востоку. Он сказал мне, что прибыл в Москву дня за три до своего от'езда и только тогда заказал билет в Интуристе. Он оказался очень приятным молодым человеком, и я с удовольствием провел с ним 11 дней в вагоне до Владивостока.

В то время СССР находился в войне с Китаем и военные действия происходили очень близко от границы. В одном месте около Читы фронт находился в трех километрах от полотна железной дороги. Поэтому, мы должны были ехать не через Манчжурию, а по Амурской железной дороге, что удлинило наше путешествие на два дня. На мое счастье погода в Сибири стояла почти что летняя, несмотря на то, что была первая половина октября; на станциях можно было гулять без пальто. Я неустанно любовался замечательными видами нашей необ'ятной Сибири, — в особенности, когда мы переезжали величайшие реки — Обь, Енисей, Амур, которые не уступают по своей величине даже американским. В особенности величественную картину представляют берега Амура и знаменитый железно-

дорожный мост через него. Какие богатства таятся в этой стране, какие мощные пласты великолепных коксовых углей находятся в Кузнецком бассейне, который по своей мощности превосходит Вестфалию. Еще во время войны 1914 года Химический Комитет начал постройку первых коксобензоловых печей, и с нашей легкой руки это дело не загасло. С 1924 года коксовые печи были пущены в ход и стали давать каменноугольную смолу, из которой стали получаться ценные продукты.

Но если природа Сибири, которой только мельком можно было любоваться из окна вагона, производила сильное впечатление и возбуждала желание когда-нибудь поближе познакомиться с ней, то нельзя было того же сказать относительно человеческих существ, которые обитали в этой чудесной стране. На станциях, где только можно было видеть обитателей Сибири, толпился народ, на лицах которых нельзя было прочесть какого-либо радостного или делового выражения. Это были большею частью простолюдины, очень плохо одетые, с аппатичными лицами, нередко обращавшиеся с просьбой дать или кусок хлеба, или заграничную мелкую монету. Сибирское крестьянское население не знало крепостного права и помещиков; оно было богато землей, скотом и свободолюбиво по настроению. Я вспоминаю один факт. Это было вскоре после прихода большевиков. Один из моих шоферов, сибиряк и не большевик, на мой вопрос, доволен ли он приходом большевиков к власти, ответил мне:

«Отчего же быть недовольным? Теперь наша власть; у меня с отцом в Сибири 90 десятин великолепной земли, ее у меня не отнимут, я буду еще богаче».

Не раз я вспоминал моего наивного шоффера, когда сибиряки почувствовали всю тяготу продналога. Через несколько лет владычества большевиков, народонаселение городов и местечек Сибири стало испытывать большую нужду в хлебе. И это в Сибири, которая доставляла колоссальное количество лучшей в мире пшеницы на рынки Европы и продавала датчанам масло на десятки миллионов рублей. На всем пути по

Сибири на станциях в буфетах нельзя было получить ничего с'естного; только в некоторых местах женщины выносили на станции для продажи молоко, яйца и иногда жаренных куриц. Но должен сказать, что в вагоне ресторане кормили довольно сносно и мне не надо был ничего приобретать на станциях. Поезд двигался с установленной по расписанию скоростью, и мы даже немного ранее прибыли в Владивосток. Пассажиры были, за исключением меня, только иностранцы, и из них около 40 человек японцев, которые держались все время в стороне и в вагоне-ресторане имели особую пищу.

Во Владивосток мы прибыли около 7 часов утра и железнодорожное начальство не распорядилось встретить, как подобает, издали пришедший экспресс. Всем пассажирам пришлось идти в гостинницы более километра пешком и самим нести багаж. Я с французом отправились в гостинницу «Золотой Якорь», но несмотря на посланную заранее телеграмму об оставлении нам комнаты, от гражданки, которая ведала распорядком гостинницы, я получил ответ, что свободных комнат нет. После долгих разговоров, которые мне пришлось вести, как с этой гражданкой, так и с товарищем, заведующим гостинницей, доказывая в мягких выражениях необходимость получения нами комнат хотя бы к вечеру, мне удалось достигнуть просимого и мы были в состоянии после долгого путешествия в вагонах, наконец, отдохнуть на приличных постелях. Гостинница в большевистских руках не могла похвалиться порядками и чистотой. В особенности дело плохо обстояло с ванной и уборной. После одиннадцатидневного пребывания в вагоне, понятно первое желание прибывшего в гостинницу взять ванну или душ. Я попросил распорядительницу приготовить мне ванну, предложив заплатить за нее отдельно. Мне она обещала приготовить ее к вечеру. Но когда я вошел в ванную комнату и увидел, в каком состоянии она находится, я не решался ею воспользоваться, а совершил простое обмывание в очень неудобных условиях и при довольно низкой температуре в помещении. Про уборную не приходится и говорить: она была в самом непозволительном состоянии.

Во Владивостоке пришлось прожить двое суток, так как пароход отходил в Японию два раза в неделю. Японский пароход, около 2000 тонн, был не особенно презентабелен и старой постройки; все каюты были переполнены, и мне едва-едва удалось получить место. В течение двух дней я осматривал город, замечательно красиво расположенный, с великолепным видом на море. Но большевистский режим наложил свою печать и на него, и повсюду чувствовалось, что жизнь в городе замерла, и его обитатели влачат жалкое существование. Продовольственное снабжение также находилось в печальном положении, и дороговизна была непомерная, совершенно не соответствующая заработной плате. Я столовался в гостиннице, в которой кухня была отдана в аренду китайцам, и они кормили довольно сносно, — по крайней мере, я не испортил желудок.

Местные учреждения народного хозяйства не преминули использовать меня для разрешения некоторых злободневных вопросов, и мне пришлось участвовать в заседаниях Совета Народного Хозяйства и примирять две враждовавшие партии. Главными вопросами в то время были — добыча иода из золы морских водорослей и получение особого чая из морской капусты. Что касается получения иода, то один большевик, приехавший из Москвы с целью обревизовать постановку этого производства на Дальнем Востоке, настаивал на продолжении этого дела, между тем, как местные старожилы, знающие очень хорошо климатические условия, утверждали, что это производство будет очень убыточным, так как собирание водорослей возможно в течении сравнительно короткого времени года. Эти заседания тянулись часами. Раньше, чем высказать свое окончательное мнение, я просил дать мне срок, в течении месячного моего путешествия в Японию собрать материалы; на обратном пути в Москву я обещал обсудить вопрос снова и тогда уже решить его в ту или другую сторону.

Другой процесс — превращение собранной морской капусты в чай, сводился к более механическом производству, чем к химическому, но тем не менее мне предложили тоже высказать мое мнение по этому вопросу, слушание которого

было назначено на другой день. По окончании заседания по одному вопросу, ко мне подошел один гражданин и попросил разрешения зайти ко мне вечером на чашку чая и осветить мне вопрос о сборе морской капусты и превращения ее в чай, так как он давно занимается этим делом и выработал очень хороший способ приготовления особого сорта чая. Я согласился его принять и он явился вечером ко мне и принес мне в подарок образец чая из морской капусты.

Пришедший гражданин был лет около 50, малоросс из Полтавской губернии, бритый, но с большими хохлацкими усами, крепко сложенный мужчина. Его наружность была скорее симпатичной и располагала к разговору. За чашкой чая он рассказал мне сначала, какие шаги были им предприняты, чтобы выработать метод приготовления этого продукта. Свой метод он продал Совету Народного Хозяйства, получив немного денег, но несмотря на то, что его метод используется и ныне, он не получает никакого гонорара. Он заявил мне, что без него СНХ не справится с этой задачей, и просил меня помочь ему или получить концессию, или быть приглашенным на активную ответственную работу по этому процессу. Я ему ответил, что вряд ли я могу помочь ему в этом деле, так как никого здесь не знаю и что я остаюсь здесь такое короткое время, в течении которого вряд-ли что можно сделать. Во всяком случае я на заседании обращу внимание собравшихся на его способ и попрошу высказаться. Наша беседа затянулась до позднего часа, так как я поинтересовался узнать, каким образом он попал с Украйны во Владивосток. Он рассказал мне, что до революции он был богатым человеком, владел хорошим имением, имел великолепных коней, но большевики разорили его до конца и, странствуя по Сибири во время Колчака, он добрался до Владивостока и теперь ему приходится влачить жалкое существование. Про меня он слышал еще во время войны и был удивлен, что я остался работать с большевиками. На мой вопрос, что же я должен был делать, когда воцарилась на Руси советская власть, он без промедления ответил мне:

«Конечно, уехать заграницу, где Вы с Вашим именем

всегда могли бы найти роскошное место и жили бы не так, как в этой несчастной стране. Ведь Вы, наверно, не вернетесь из Японии, а поедете далее, вероятно, в Америку», — прибавил он под конец.

Выслушав эту речь, я пристально посмотрел в глаза своему собеседнику и некоторое время не мог дать ему ответа на его не только смелое, а скорее дерзкое предположение. Не агент ли из ГПУ, мелькнуло у меня в голове? Я не успел дать ответа, как мой гость, угадав мои мысли, весело проговорил:

«Сознайтесь, профессор, Вы, наверное, подумали, что я прислан к Вам от ГПУ, разузнать Ваши мысли и будущую программу Ваших действий?»

На это я дал ему понять, что мне бувально все равно, агент ли он ГПУ или нет, я буду говорить с ним только о деле, а на политические вопросы он не получит от меня никакого ответа.

На эти мои слова он ответил:

«Позвольте только одно добавить к тому, что Вы сказали: громаднейшему большинству русского народа будет совершенно безразлично, останетесь ли Вы в СССР или ГПУ выведет Вас в расход, как большинство вашего брата интеллигента, а благодарности за ваши труды ни от народа, ни от советского правительства Вы никогда не получите. Заграницей Вас будут наверное ценить по Вашему таланту и обеспечат Вас хорошими средствами для жизни полной комфорта и материальных удобств. А про меня не думайте, что я провокатор, так как Вам открыто говорю, что ненавижу коммунистов, так как с их приходом я потерял все, что я нажил себе упорным трудом».

На другой день во время заседания Совета Народного Хозяйства я насколько мог поддержал моего вчерашнего гостя в его антрепризе по добыванию чая из морской капусты, но не могу сказать, помог ли я ему в этом деле.

Во Владивостоке я осмотрел вновь созданный Политехнический Институт и познакомился с работами профессоров. Условия их работы были ужасные, и было совершенно невозможно расчитывать на производство какой-либо серьезной

научной работы. В этом Политехникуме (ранее революции в этом здании помещалось среднее учебное заведение) проф. П. фон Веймарн перед своим от'ездом в Японию пробовал организовать свои научные исследования, но отчасти по нездоровью, а отчасти от неподходящих условий он решился эмигрировать.

На следующий день рано утром японский пароход при великолепной погоде покинул Владивостокский порт; долгое время при выходе из гавани мы любовались красивыми видами, оставившими неизгладимое впечатление. Я был единственным русским, и во время путешествия познакомился с некоторыми пассажирами, ехавшими также на Международный Конгресс Инженеров в Токио. Расстояние между Владивостоком и гаванью Цуруга на японском берегу около 700 киллометров и мы должны были пройти это расстояние в двое суток. Погода нам благоприятствовала, хотя в это время года Японское море, не всегда бывает спокойно. Кормили нас европейскими кушаньями, приготовленными, однако, особым манером, — не совсем привычным для европейцев.

В Цуруге меня встретил наш консул Демидов. Он помог мне сесть на поезд, взяв с меня слово, на обратном пути остановиться у него и пробыть по крайней мере хотя бы сутки.

В Токие мы прибыли вечером около 7 часов. На станции я был встречен нашим военным атташе, Примаковым, и первым секретарем нашего полпредства, Тихменьевым и другими лицами. Примаков передал мне желание нашего полпреда Трояновского, чтобы я остановился не в гостиннице, а в квартире Примакова, где мне будет дана отдельная комната. Я не мог не исполнить желания полпреда, хотя я предпочел бы лучше жить в отеле, где я всегда чувствую себя более независимым и лучше отдыхаю после дневной работы. Примаков жил в небольшом двух-этажном особняке; спальни помещались во втором этаже, а внизу были столовая, кухня и гостинная. Моя комната была совершенно изолированной и рядом с ней хорошая ванна. В общем я остался доволен своим помещением, а также и четой Примаковых, которые оказались очень радушными

хозяевами и в тоже время предоставляли мне полную свободу действий, ничем меня не стесняя. Сам Примаков (коммунист) был всецело предан военному делу и был участником гражданской войны; кроме того, со своим конным отрядом он участвовал в авантюре в Персии. Он прошел Красную Академию Генерального Штаба и за свои доблести был награжден двумя орденами Красного Знамени. Мне пришлось не раз говорить с ним о военных делах, и он очень много рассказывал мне о состоянии японской армии. Он имел большое знакомство с японскими офицерами, которые приходили к нему в гости. Он был очень высокого мнения о японской армии и ее дисциплине.

На другой день вместе с Примаковым я отправился в Полпредство, чтобы представиться послу СССР, Александру Антоновичу Трояновскому. Полпредство занимало прекрасный дом бывшего царского посольства, расположенный в очень хорошей части Токио. А. А., встретив меня очень любезно, сказал, что не мог быть вчера на вокзале в виду обилия дел. Вместе с ним мы наметили приблизительную программу моего пребывания в Японии. Он пригласил меня на завтрак, главным кушаньем которого были русские блины с великолепной зернистой икрой. Я познакомился с женой А. А., очень симпатичной молодой еще женщиной и его 10-12-летним сыном. К завтраку был приглашен старший советник Торгпредства Тихменьев, врач по образованию, которого я знал в Москве, когда он занимал должность секретаря Государственного Ученого Совета, председателем коего был О. Ю. Шмидт и где я был постоянным членом.

Тов. Трояновский, как было уже указано мною ранее, был моим учеником в Михайловском Артиллерийском Училище. До назначения полпредом в Японию, А. А. работал в Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и в 1922 году один раз по делу приезжал ко мне в НТО. Во время завтрака А. А. рассказал очень интересную историю, связанную с моей деятельностью профессора химии. Трояновский очень интересовался химией и выполнил превосходно все аналитические задачи, которые я ему давал. Поэтому я представил Трояновского к награжде-

нию премией (около 200 рублей) по химии, которая была учреждена в Училище бывшим профессором химии, ген. Федоровым. На педагогическом совете, когда обсуждались успехи выпускаемых в офицеры юнкера, строевое начальство воспротивилось выдаче химической премии юнкеру Трояновскому, потому что он был на плохом счету вследствии либеральных убеждений. Тогда я заявил протест и доказал черным по белому, что успехи по химии ничего общего не имеют с его политическими убеждениями, и если бы строевое начальство нашло необходимым выпустить его за плохое поведение по второму разряду, то и тогда это не лишало бы его права получения химической премии, ибо в правилах о премии Федорова не сказано ни слова об оценке поведения юнкера, выдающегося по своим успехам по химии. Строевое-же начальство выпускает юнкера Трояновского по первому разряду, а потому я нахожу совершенно не обоснованным лишать его химической премии, базируясь только на голословном заявлении, что этот юнкер проявляет в своих суждениях юношеский либерализм. После долгих дебатов, видя мою настойчивость в этом деле и зная, что я предприму дальнейшие меры для правильного решения этого вопроса в Конференции Артиллерийской Академии, строевое начальство взяло свой протест назад, и юнкер Трояновский получил означенную премию. Я, конечно, позабыл об этом эпизоде, но когда Трояновский начал рассказывать мне о нем, то я припомнил все детали моей борьбы в Педагогическом Совете. Моя защита прав юнкера Трояновского на всю жизнь расположила его в мою пользу, и он закончил свой рассказ тем, что он всегда гордится быть учеником такого учителя.

В мое распоряжение во все время моего пребывания в Токио был предоставлен молодой человек (драгоман при посольстве) великолепно говорящий по английски и знающий японский язык и могущий на нем из'ясняться. К сожалению, не могу вспомнить его фамилию, но этот русский молодой человек (26-28 лет) был безотлучно со мной и помог мне во всем во время моего двухнедельного пребывания в Токио. Он мне много рассказал про состав нашего полпредства, хвалил Трояновского,

но порицал Тихменьева за его высокомерное отношение к подчиненным. Я вполне соглашался с характеристикой данной им Тихменьеву, так как он и в Москве, в Государственном Научном Совете, вел себя с почтенными профессорами очень некорректно. Он хвалил также нашего Торгпреда Аникиева и его жену, с которыми я познакомился также тотчас-же по приезде и не один раз обедал у них. Японцы относились к Трояновскому с большим уважением; в особенности хорошие отношения были у него с Министром Иностранных Дел, которому он меня представил в его оффисе. Я об'яснялся с министром по французски и с своей стороны понимал его французскую речь, что случается очень редко, так как японцы имеют плохое французское произношение.

Президиум Совета Конгресса выбрал меня вице-президентом Конгресса, и я должен был сказать приветственную речь. Официальным языком на конгрессе был английский язык, но в виду моего полного незнания тогда этого языка, я получил разрешение сказать речь по французски. Я ее написал по французски и дал А. А. ее прокорректировать, как с точки зрения политической, так и литературной. Проект моей речи понравился А. А. и он почти ничего не изменил в ней, но поправил только язык и некоторые сделанные мною ошибки; А. А. жил до революций долго во Франции в качестве эмигранта и хорошо изучил французский язык. Моя речь по всем вероятиям была мало понятна японцам, мало знающим французский язык, но мне передавали, что все восхищались моим хорошим произношением. Эта речь, вероятно, была напечатана в трудах конгресса, в ней я оттенил главным образом замечательное трудолюбие японского народа, их скромный образ жизни и прекрасные научные работы во вновь выстроенных богатых исследовательских институтах и высказал уверенность, что в будущих поколениях японские ученые будут пионерами в различных отраслях науки.

В многолюдной секции по топливу я сделал доклад относительно моих последних работ в Институте Высоких Давлений. Доклад был поставлен первым в первый день открытия Кон-

гресса и привлек очень большую аудиторию. Я просил моего гида прочитать доклад по английски, а в прениях я отвечал по немецки и по французски. Во время прений я познакомился с проф. Львовского Политехникума Пилатом, с которым после не раз встречались на других конгрессах. Проф. Пилат хорошо известен, как знаток нефтяной промышленности и как автор очень интересных работ с углеводородами нефти.

Конгресс был очень хорошо организован; на конгрессе насчитывалось 1500—2000 членов; одних американцев прибыло 250 человек, и они целиком заняли лучшую гостинницу в Токио «Империал». Приемы и банкеты были организованы с большой торжественностью и ничем не отличались по своему характеру от таких же, устраиваемых на европейских и американских конгрессах. В особенности у меня остался в памяти прием делегатов Конгресса братом японского императора, принцем Чичибу. С этим приемом у меня связано не вполне приятное воспоминание: на нем надлежало быть во фраках, а у меня такого не было, был только смокинг. Трояновский очень обезпокоился этим обстоятельством и хотел даже заказать мне фрак; но было уже поздно, и я уговорил его, что я отправлюсь туда в «смокинге». Председатели делегаций различных стран и выбранные вице-президенты конгресса, около 20-25 человек, были приглашены в особую комнату здания, где происходил прием. В ожидании принца с супругой в этой комнате, кроме делегатов, были высшие сановники и министры. К своему ужасу я увидал, что все прибывающие лица были во фраках, и только я один являюсь исключением. И вдруг перед самым приездом принца я заметил одну персону, которая тоже была одета в смокинг. У меня стало как то легче на душе: не я один нарушаю этикет. Но успокоение продолжалось не долго, так как я скоро заметил, что не только этот суб'ект, но несколько других были одеты также, как и я, но все они оказались... официантами. Мое отличие от них было только в том, что я имел почтенный вид, нося бороду и орден почетного легиона, розетка которого ясно выделялась в петличке моего смокинга. Но все обошлось благополучно, никто мне не сделал замечания, и я пожал руку

принцу и поклонился принцессе также, как и все прочие. После представления нам была предложена чашка кофе и небольшой сандвич, хотя время было вполне подходящее для настоящего обеда. До прибытия принца и принцессы было интересно наблюдать обычай приветствий, который установлен японцами при встрече их друг с другом. Приветствия заключаются, главным образом, в глубоких поклонах, число которых тем больше, чем выше встречаемое лицо занимает служебное положение. Такие же поклоны делаются и женам сановников.

Я выполнил просьбу Владивостокского СНХ и обследовал завод на берегу Тихого Океана, добывающий иод из золы морских водорослей, а попутно и разные соли. Рентабельность этого производства об'ясняется очень просто: море выкидывает водоросли на берег и их сборка гораздо проще, чем ловля их в море, как это имеет место в наших условиях. После осмотра небольшого завода хозяин пригласил меня на обед в свой дом; обед был сервирован на очень низком столе, и мы сидели на маленьких табуретках, конечно, без сапог, в одних чулках. Служанка, которая подавала блюда, приветствовала нас глубокими поклонами и проявляла исключительную исполнительность. Благодаря присутствию моего гида, мы могли вести интересный разговор, причем хозяин очень интересовался укладом жизни в СССР. Он выразил желание помочь нам в организации добывания иода из водорослей.

Во время моего пребывания в Японии я осмотрел целый ряд исследовательских Институтов и Университетов, — главным образом, химических лабораторий в городах Токио, Осака, Кобе и Киота. Исследовательские Институты произвели очень выгодное впечатление; они помещались во вновь выстроенных великолепных зданиях, оборудованных для научных работ по всем требованиям современной науки с приложением для исследования химических процессов всех новых физических методов анализа. Многие из научных работников изучали химию заграницей, главным образом в Германии. При осмотре Института в Токио, я спросил директора, производятся ли работы под высокими давлениями по моему методу. Я получил

утвердительный ответ, но когда я попросил познакомить меня с их характером, то заметил, что им это не очень желательно; они явно старались отвлечь мое внимание показом других процессов. Но так как я вежливо настаивал на моем желании, убеждая их, что я в СССР расскажу своим коллегам о применении также и в Японии метода высоких давлений для изучения химических реакций, то они волей-неволей должны были показать мне и этот отдел лаборатории. Несмотря на быстрый обход этого помещения и отсутствие каких-либо об'яснений, я, как опытный в этой области работник, сразу же заметил, что важнейшие процессы, имеющие приложение в практике, подвергаются здесь лабораторному изучению. Во всех исследовательских Институтах научными сотрудниками были японцы, получившие свое образование в японских высших учебных заведениях. Они получают очень небольшое вознаграждение: кончивший университет поступает на жалованье около 40 иен в месяц (по тогдашнему курсу 20долларов) и только через два года, хорошо себя зарекомендовав, они могут рассчитывать получить прибавку до 60 иен.

Офицеры армии получают также невысокое содержание. Лейтенант получал тогда 50 иен, а командир полка около 180 иен, более чем в два раза меньше, чем наш полковой командир до войны 1914 года. Японцы приучены жить очень скромно, и такое малое вознаграждение нисколько не умаляет их пыла к работе. Я много раз наблюдал труд простых рабочих и сравнивал его с нашими европейскими рабочими и должен сказать безпристрастно, что сравнение далеко не в пользу наших европейцев. Японец относится к возложенной на него работе с какой то любовью и спешит ее выполнить в короткий срек. А чем он питается! Рисом, квашеной редькой, а иногда рыбой, большей частью вяленой. Японцы на редкость трудолюбивый народ и сельская культура доведена у них до высокой степени совершенства. Во всей Японии нет ни одного кусочка земли, которая не была бы возделана. Только при такой культуре такая малая по площади страна может обеспечить жизнь почти 70 миллионов людей. Страна поражает порядком и чистотой;

японцы очень чистоплотный народ и в каждой семье устроены души и ванны, без принятия которых ежедневно японцы не могут жить. Но что особенно обращает внимание путешественника в Японии — это дети. Они очень оригинальны и забавны в своих костюмах и прическах; они очень мило играют на улицах перед своими маленькими домами или лавками их родителей; я никогда не видал, чтобы они дрались или плакали, и кроме того они очень послушны. Вероятно матери получали хорошие уроки в школе и от своих родителей, как надо воспитывать детей. Матери рабочего и среднего класса носят детей за спиной, отчего японцы имеют кривые ноги, так как своими ножками они охватывают талию матери. В Японии было обращено давно внимание на физическое развитие детей и благодаря гимнастике и физическим упражнениям средний рост народонаселения был увеличен почти на два дюйма. Железные дороги в Японии могут служить образцом для Европы; поезда идут с замечательной точностью, и их опоздание является большой редкостью. Японцы усвоили железнодоржное дело по немецким правилам, но они перещеголяли немцев, и последние должны были с этим согласиться.

В Кобе, которое отстоит недалеко от Оссаки, я посетил проф. П. П. Веймарна, который может считаться пионером в коллоидальной химии. Он и В. Оствальд в начале этого столетия своими исследованиями обратили внимание всего химического мира на важность изучения коллоидов. Доклады Веймарна в Русском Химическом Обществе обращали на себя большое внимание и было только очень жалко, что П. П. говорил очень тихо и многие из присутствовавших не слыхали полностью его речей. Я всегда с большим уважением относился к П. П. и мне было очень приятно увидать его после долгих лет разлуки. Во время войны 1914 года П. П. был командирован в Екатеринбург для постройки Политехникума, в котором очень нуждалась наша Уральская Промышленность. В Екатеринбурге он познакомился с моим братом, инженером, и они одновременно покинули город, когда белая армия Колчака начала отступать в Сибирь. Отчасти по нездоровью, а отчасти вследствии

полной несимпатии к большевикам П. П. не долго оставался во Владивостоке и при первом удобном случае совсем перекочевал в Японию. Японским правительством ему было предложено место профессора химии и было обещано построить ему специальную лабораторию, где бы он мог производить свои исследования по коллоидам и где под его руководством молодые японские химики могли бы изучить все методы коллоидальной химии. Когда П. П. узнал, что я приехал на Конгресс, то он известил меня, что был бы очень рад повидать меня и сообщил мне свой адрес в Кобе. Я очень быстро нашел его квартиру, занимавшую отдельный небольшой двух-этажный домик в одной из маленьких и узких улиц Кобэ. П. П. имел только жену, очень симпатичную женщину, которая была его другом и заботилась о предоставлении ему полных удобств в жизни. П. П. рассказал мне, что года два тому назад он чуть чуть не умер от болезни почек. У него закупорилась одна почка и было необходимо сделать очень серьезную операцию, которую не всякий хирург мог выполнить. По счастью для П. П. один искусный немецкий хирург, который был в то время в Японии, превосходно выполнил эту операцию и спас П. П. жизнь для его дальнейшей плодотворной работы. Я провел с П. П. целый день, он показал мне свою прекрасную лабораторию, познакомил с своими сотрудниками и вкратце рассказал мне о направлении его работ. Он был очень доволен своими учениками и прибавил, что, вероятно, ни в одной стране нет такого любовного отношения студентов к своему профессору, как в Японии. Как иностранец он получал очень хорошее вознаграждение (1500 иен в месяц) и сказал мне, что он откладывает деньги, чтобы в будущем последние свои дни провести в Европе, по всем вероятиям, в Праге и приютиться безвозмездно в какой-нибудь лаборатории для продолжения своих любимых работ.

«Как ни хорошо в Японии, — сказал мне П. П., — но здесь я совершенно один и нет никого, с кем я мог бы поделиться своими научными мыслями, так как несмотря на свою не русскую фамилию (он мне сказал, что его прапрадед был родом

из Швеции), я полностью руссак и плохо владею языками, даже немецкий язык я плохо знаю».

Но П. П. не суждено было покинуть Японию: через пять лет после нашего свидания он покончил свое земное существование.

Профессор органической химии в университете в Киото пригласил меня провести целый день с ним и осмотреть его лабораторию. Я приехал в Киото рано утром и был встречен профессором в клубе университета, оборудованном на европейский манер. С профессором у нас нашлись общие темы, которые нас интересовали, и все утро до обеда мы провели в лаборатории в беседах (профессор говорил по немецки) на научные темы, в которых принимали участие и его два старших ассистента. После обеда профессор был так любезен, что достал для меня разрешение осмотреть все старые дворцы японских императоров и прилегающие к ним роскошные сады. Дворцы императоров, которые насчитывают многие сотни лет своего существования, поражали красотой оригинальной архитектуры; в комнатах не было никакой мебели, но стены каждой комнаты отличались особой разрисовкой, поражающей тщательностью отделки и подбором красок, заставляющих предполагать, что художники тех эпох старались в своем искусстве брать примеры окружающей их богатой природы.

После осмотра дворцов все мы (ассистенты были неразлучны с нами) отправились за город в один ресторан, расположенный на берегу живописной реки; нельзя было оторваться от красоты всего пейзажа, а чудная погода дополняла то удовольствие, которое я получил от посещения этого прелестного уголка, отстоящего в 10-15 километрах от города. Киото очень старый город, и он сохранил отпечаток глубокой японской старины. Там вы не найдете громадных современных домов; жители обитают в небольших домиках японской причудливой архитектуры, окруженных маленькими садами и деревьями. Уже поздно вечером профессор и его ассистенты после небольшого ужина и японской водки «сакэ» (содержащей не более 12% алкоголя) проводили меня на поезд в Оссаку,

откуда я должен был на другой день ехать в порт Цуруга для возвращения домой.

Я приехал в Цуруга вечером и был встречен консулом СССР, Демидовым, у которого я остановился, согласно данному мною обещанию. На другой день я пешком с Демидовым отправились на прогулку с целью осмотреть городок, а потом и живописные окрестности. Город довольно опрятный и везде виден порядок; только поражает вновь прибывшего, особый неприятный запах, который является результатом отсутствия канализации. Отбросы очень ценятся для огородов и земледелия и их развозят в бочках на особых ручных повозках, что обусловливает распространение по городу время от времени неприятного запаха, несколько портящего впечатление от дивной природы. Мы гуляли в лесу с громадными деревьями и чудной растительностью, и к моему удивлению зашли в домик одного учителя, который оказался русским и живет в Японии с юности; он изучил японский язык и очень доволен своей жизнью. Его жена, тоже русская, говорила хорошо по русски и тоже свыклась со всем укладом японской жизни.

Демидов, симпатичный человек, холостой, сказал мне, что не дождется, когда его отзовут в СССР, так как дела у него особенного никакого нет и в виду его одиночества, ему порой бывает невыносима здешняя жизнь.

Мой обратный переезд через Японское море во Владивосток совершался при худших условиях: пароход был меньше и в плохом состоянии, ночью лопнула приводная цепь к рулю, и мы должны были стоять, пока ее чинили; пища была ужасная, и я почти ничего не мог есть; кроме того одно время нас сильно качало. По прибытии во Владивосток, при осмотре моего паспорта агентами ГПУ на пароходе меня не хотели спустить на берег, хотя моя русская виза была в полном порядке. Я был до крайности удивлен тупоумием агентов ГПУ, и кроме того меня поразило, что агенты ГПУ не знали моей личности, тем более, что я был единственным русским, который возвращался из Японии. Когда- же я спросил их, за что такая немилость ко мне, командированному советским правительством в качестве

делегата на Международный Конгресс, то получил следующий глупейший ответ:

«В Вашем паспорте в данной Вам Московским ГПУ визе было указано, что Вы должны выехать в Японию не позднее 15-го октября, а Вы выехали 18-го; поэтому Вы выехали незаконно и мы Вас препровождаем в ГПУ Владивостока».

Я сразу понял, в чем дело, и зная, что это их недомыслие и невнимательное рассмотрение моего паспорта, решил немного подсмеяться над ними.

«Да, это вина ГПУ Владивостока, — сказал я, — что оно меня выпустило заграницу с просроченной визой; за такое деяние не похвалят в Москве ваших агентов».

«Все равно, там разберут, кто прав и кто виноват, а теперь мы Вас задержим» — был ответ агентов ГПУ.

Видя, что дальше не стоит продолжать игру, я заявил агентам, что надо внимательнее осматривать паспорта путешественников, и показал им отметку Московского ГПУ, в которой было сказано, что мой выезд из СССР продлен до 1-го ноября. В Москве в ГПУ по ошибке, забыв длинное путешествие по Сибири и не считаясь с тем, что пароходы из Владивостока в Цуруру отходят 2 раза в неделю, назначило очень короткий срок для выездной визы из СССР. Хорошо, что я обратил внимание в Москве до моего от'езда и тотчас же попросил продлить выездную визу. Агенты смутились и выпустили меня с пароходом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОХОД ВЛАСТИ ПРОТИВ СПЕЦИАЛИСТОВ

Обратное путешествие в Москву было не особенно приятным для меня. Я находился под впечатлением казни пяти военных инженеров-технологов, моих очень способных учеников по Артиллерийской Академии, которые с самого начала большевистской революции усердно работали над приведением в порядок военных заводов, изготовляющих военное снаря-

жение: трубки ружья, пулеметы, порох и пр. Еще перед самым отбытием из Японии я прочел в газетах, что казнены: В. С. Михайлов, Дымман, В. Н. Деханов, Высочанский, а пятую фамилию не могу припомнить (он был экспертом по ружьям). П. А. Богданов, в бытность председателем ВСНХ и начальником Военно-Промышленного Отдела, не раз говорил мне, что Михайлов, его заместитель по отделу, является образцовым работником, незаменимым помощником.

«Вы, Владимир Николаевич, и Вадим Сергеевич Михайлов, это два бывших генерала, работу которых наша партия высоко ценит и никогда не забудет вашей помощи», так заявил мне Богданов.

Хорошее вознаграждение за полезную работу получили казненные инженеры! Начальник Военно-Промышленного Управления ВСНХ — Иван Никитьевич Смирнов (впоследствии расстрелянный вместе с Зиновьевым и Каменевым), принявший эту должность от Богданова, был всегда в восторге от работы Михайлова и Высочанского, о чем он мне тоже говорил, когда я бывал в Отделе по военно техническим делам. В особенности И. Н. восхищался работой и идеальным отношением к делу Высочанского. Когда я встретил в Москве Смирнова после моего прибытия из Японии, то спросил его, за что казнены эти достойные инженеры, то он махнул рукой и с досадой сказал мне:

«Мы поступили непростительно с таким честным работником, каким был Высочанский; даже его сына 21 года, поступившего к нам в партию, исключили из партии за грехи отца; это значит, что мы перегнули палку».

Невольно я вспомнил речь на митинге в Калужской губернии, на станции Тихонова Пустынь, одного председателя совхоза, тов. Копылова, который просвещал своих слушателей такой речью:

«Буржуазные специалисты нам нужны, говорить не приходится, но только до поры до времени; как только наши партийцы от них научатся всей премудрости, мы их выведем в расход; теперь мы поступаем с ними подобно коровам, пред-

назначенным на убой: хорошо обращаемся, лучше кормим и содержим, а когда будет надо, то расправимся с ними, как и с другими буржуями».

Обратный проезд по Сибири (конец ноября) происходил при очень холодной погоде, морозы уже доходили до 30-ти градусов (станция Ерофеич), и наш поезд сильно опаздывал; кроме того приходилось часто менять паровозы вследствии их порчи. В Москву мы приехали с опозданием на 8 часов.

В Екатеринбурге в наш поезд сел инженер Юшкевич, работавший со мной во время войны в Химическом Комитете, специалист по сернокислотной и основной промышленности. Он мне сообщил еще одну крайне неприятную новость: за мое отсутствие был арестован В. П. Кравец, член коллегии Главного Химического Управления, работавший по химической промышленности в ВСНХ, начиная с 1918 года. В. П. Кравец в Главхиме исполнял очень ответственную роль, он ведал всем плановым хозяйством, и, кроме того, принимал большое участие в составлении пятилетнего плана. Я очень ценил работу В. П. и знал его честность и добросовестное отношение к каждому поручению, которое на него возлагалось. Он был в самых хороших отношениях с Юлиным, который бывал у него в гостях.

Мне сразу пришло в голову сделанное мне в Берлине незадолго перед этим событием моим другом академиком А. Е. Чичибабиным предупреждение о том, чтобы я был очень осторожен в своих поступках, так как мне подобно другим инженерам ВСНХ угрожает арест. А. Е. сказал мне в Берлине летом 1928 года, что в Москве он слышал от одного коммуниста, что в виду недовольства на верхах развитием химической промышленности было решено арестовать последовательно следующих лиц: Шпитальского, Камзолкина, Кравеца, Фокина и меня. Я не поверил А. Е. и сказал, что это сплетни для устрашения, чтобы лучше работали. Но это предсказание стало оправдываться: в начале 1929 года был арестован Шпитальский, в июне инженер В. П. Камзолкин, заведующий отделом химической промышленности в Госплане; в ноябре арестовали Кра-

веца... — Нельзя сказать, чтобы мне рисовалась приятная перспектива: оставался только один Фокин, профессор Технологического Института и консультант Главхима...

По приезде в Москву я старался выяснить у Юлина, за что арестован Кравец, но это было совершенно бесполезно.

«ГПУ знает, в чем тот или другой гражданин провинился, — сказал мне Юлин, — а я ничего не знаю и не имею права ходатайствовать за него».

Я был вполне уверен, что В. П. Кравец был арестован совершенно без всякой вины, и если бы Юлин не хотел этого ареста и заявил, что Кравец ему был крайне нужен, в особенности для составления пятилетнего плана, то, конечно, ГПУ его не арестовало бы. Его арест, по моему крайнему разумению, был нужен также и для самого Юлина: чтобы свалить на кого-нибудь вину за неудачу составления пятилетнего плана и проведения его в жизнь.

Я вспоминаю один мой разговор с В. П. Кравецом относительно признания своей виновности некоторыми арестованными инженерами при допросе их следователем в ГПУ, когда мы были убеждены в полной их корректности по отношению к советской власти и в ревностном отношении к делу. В. П. в конце нашей беседы сказал мне:

«Владимир Николаевич, Вы знаете, что я ни в чем не виноват, и если до Вас дойдут слухи или Вы прочтете в газетах, что во время моего допроса в ГПУ я сознался в своей вредительской деятельности, то не верьте этому! Тоже самое я сказал и своей жене»...

Я больше уже не видал В. П.; когда я был заграницей, то услыхал, что его без суда назначили на принудительные работы на Ольгинском химическом заводе; впоследствии, кажется, он был освобожден. Возможно, что ради спасения своей жены и двух детей В. П. и возводил на себя напраслину.

В Москве меня просили сделать доклад о моих впечатлениях о поездке в Японию и о Конгрессе инженеров в Токио. Этот митинг происходил в большом зале Военного Клуба, помещающегося в бывшем здании Екатерининского Женского

Института. Мой доклад был выслушан с большим вниманием и, насколько помню, впоследствии был опубликован.

В Москве я был привлечен сделать доклад на тему: «Влияет ли политика на развитие науки?». Этот митинг был организован в большой зале Московской Консерватории, и председателем его являлся Г. М. Кржижановский, председатель Госплана. Кроме меня были приглашены следующие лица: А. Луначарский, С. Д. Шеин, М. Я. Лапиров-Скобло, П. Осадчий, Абрикосов, Кончаловский (последние два доктора медицины). Поставленный вопрос представлял большой общественный интерес в советской обстановке, и потому громадный зал консерватории был переполнен (собралось не менее 2000 человек). Мне не очень было приятно выступать по этому вопросу, так как я не был в состоянии говорить об этом предмете только в угоду большевикам. В своей речи я все таки привел некоторые данные, которые смягчали мои оппозиционные взгляды. Я решил написать мою речь заблаговременно и хорошенько ее прокорректировать. Когда мы, ораторы, собрались перед митингом, то Луначарский, здороваясь с нами, весело заметил:

«Сегодня наша аудитория услышит только симфонию, так как наперед вижу, какие речи произнесут наши докладчики».

Но Луначарский оказался не совсем прав, так как ему все таки пришлось возражать на мою речь, которая оказалась ложкой дегтя в бочке меда. Я выступал третьим, когда уже аудитория прослушала две речи, где указывалось черным по белому на громадное влияние советской политики на развитие научной мысли. Меня аудитория встретила аплодисментами, и это меня до некоторой степени подбодрило, так как должен сознаться, что в этот раз я волновался больше, чем в других моих выступлениях. Я очень жалею, что у меня нет оригинала моей речи (он остался в Москве) и здесь я могу привести на память только главные мои мысли по этому вопросу. Я разбил свой доклад на две части: в первой части я доказывал, что политика государств не оказывает никакого влияния на творчество гениальных и талантливых людей. Достаточно вспомнить великие творения Галилея в эпоху инквизиций, гениальную работу

нашего Лобачевского в эпоху Николая 1-го, когда не очень то поощрялись науки, творчество Менделеева и пр., чтобы ясно видеть, что гении рождались и творили независимо от тех политических воззрений, которые были положены в основу государственной власти в данной стране. Творчество было, есть и всегда будет свободно и не подчинено никаким правилам и декретам. Но мы должны признать, что экономическая политика государственной власти может повлиять на развитие той или другой отрасли промышленности и создать такие условия, при которых данная промышленность будет в состоянии начать свое существование. И вот тогда в ученых лабораториях Университетов начнут появляться работы, которые послужат фундаментом для установления новых процессов необходимых стране. Поучительный пример в этом отношении нам представляет Германия в развитии своей химической промышленности. Далее я подчеркнул в своей речи, что научная работа в исследовательских лабораториях в настоящее время настолько осложнилась, что нет никакой возможности ее производить одному человеку. Руководитель лаборатории ставит только главную проблему, которая далее разрабатывается под его наблюдением, несколькими его сотрудниками и потому общее сотрудничество, подобно всякой коммуне, есть принадлежность каждой хорошо организованной лаборатории совершенно независимо от того, какой государственный строй существует в стране. В конце речи я указал, что организация сельского хозяйства может быть выполнена по тому же методу работы, которая стала необходимой в научных лабораториях. Существующее трехпольное хозяйство в СССР не может быть далее продолжаемо; в виду сильного увеличения народонаселения в центральной и южной частях России, мы должны перейти к интенсивному земледелию. Это может быть осуществлено или при помощи хуторского хозяйства, которое принято во всем мире, или же при настоящем политическом строе в СССР, при помощи особой организации общественного владения, которая уничтожит черезполосицу и введет шестипольное хозяйство при совместной обработке земли под началом своих выборных

опытных старшин. Для проведения в жизнь такого интенсивного хозяйства община должна получить в кредит от государства необходимые сельскохозяйственный инвентарь и удобрения и уплачивать за эту ссуду поставкой осенью необходимых продуктов-продовольствия. Я не хочу хвастаться, но моя речь вызвала, пожалуй, наибольпе одобрения со стороны слушателей, чем все остальные.

Самая неприятная и подхалимная речь была сказана С. Д. Шеиным, который ни к селу, ни к городу стал ругать главным образом профессоров, указывая на то, что они, неблагодарные по отношению к советской власти, которая им все дает, занимаются только вредительством; от него также попало и инженерам, хотя он стоял в то время во главе союза техников и инженеров и, казалось, должен был бы их защищать. Он сидел рядом со мной за столом, и когда он кончил речь, то обратясь ко мне спросил, не пересолил ли он свою речь. Я буквально ему ответил:

«Хуже сказать было нельзя, и для чего такая речь, когда и без того моральная жизнь профессоров и инженеров очень тяжелая, и ваш удар пришелся совершенно не по тому сюжету, который был поставлен на обсуждение».

По правде сказать, я не дождался конца, так как противны были речи людей, курящих фимиам власти, когда их никто не принуждал говорить льстивые похвалы существующему строю. На другой день я услыхал от присутствовавших, а также и из газет, что Луначарский в своей речи, которая должна была быть заключительным аккордом, возражал только одному мне. Он заявил, что с мнением акад. Ипатьева, которого он очень уважает и как ученого, и как крайне полезного работника в Союзе, он не может согласиться; он утверждал, что творчество гения зависит во многом от политического строя и т. п. Я не знаю поместило ли ГПУ в моем кондуите это мое выступление, но тогда я чувствовал, что оно не осталось без внимания и мне будет поставлено в вину при первом удобном случае.

За это же время в Москве я был поражен новым арестом

моего ученика по Артиллерийской Академии инженера Георгия Георгиевича Годжелло. Этот арест произошел на моих глазах. Годжелло был одним из моих любимых учеников и во время войны был моим помощником по организации химической промышленности на Кавказе с местопребыванием в Баку. Все промышленники очень уважали Г. Г. за его честность и разумное отношение к делу. Я уже сообщал ранее об его деятельности. Перед самым арестом он работал в Анилтресте и устанавливал новые производства красок на новом заводе в Москве. Когда незадолго до его ареста Пятаков и Юлин посетили этот завод для ознакомления с его деятельностью, то были поражены работой Годжелло и в присутствии Ландау, председателя треста, выразили ему большую благодарность от лица ВСНХ.

После моего приезда из Японии Г. Г. сказал мне, что в Москве решено построить завод пиролиза нефти по тому образцу, по которому были построены заводы в Баку во время войны. Для консультации был приглашен Г. Г., так как под его наблюдением строились подобные заводы в Баку. Инженером для постройки завода был приглашен Задохлин, работавший со мной в Химическом Комитете. Председатель строительной комиссии Новиков попросил Годжелло передать мне его просьбу помочь им в этом деле и бывать на заседаниях строительной комиссии; в случае моего согласия он мне пришлет соответствующую бумагу. Я, конечно, согласился и принял участие в работе комиссии. После второго заседания, окончившегося около 11 часов ночи, председатель комиссии отвез меня и Годжелло домой в Брюсовский переулок; Г. Г. жил в том же доме, где и я, только одним этажем ниже. На другой день, когда я в 4 часа дня возвратился домой, моя дочь сообщила мне ужасную новсть, что ночью после 12 часов приехали агенты ГПУ и сделали подробный обыск в квартире Годжелло, а затем его арестовали и увезли на Лубянку. Такого талантливого работника, преданного всей душой делу, великолепного семьянина, неизвестно за какие провинности выбили из его трудовой колеи и причинили неутешное горе его семье, состоявшей из жены, чудной женщины, и малолетнего

сына (14 лет). По примеру других арестов можно было наперед угадать, что карьера Годжелло закончена, и в самом лучшем случае ему придется исполнять принудительный труд в ГПУ за грошевое вознаграждение и в ужасных условиях тюремной обстановки. Три коммуниста во главе с Пятаковым, не могли или не хотели защищать своего работника, который создавал им славу организаторов советской химической промышленности, совершенно неспособных по своему невежеству обойтись без помощи старых специалистов. Кто же вредитель СССР, такие работники, как Годжелло, Аккерман, Михайлов и прочие, или же подобные трусы, как Пятаков, Рыков и другие демагоги, видевшие поразительную работу своих подчиненных и не сумевшие их защитить перед советским правительством! При таком режиме не может быть настоящего успеха, и каждый работник, видя подобный произвол, рано или поздно придет к убеждению, что нет никакого стимула для интенсивной работы. За подобное отношение к интеллигентному пролетариату высшие представители советской власти понесли впоследствии достойное наказание, и их политические противники впоследствии разделались с ними также, как и с нами, беспартийными работниками, которых они, вероятно, из зависти по своему скудоумию зачислили в класс буржуев.

Такие люди, как Аккерман, Годжелло и другие военные инженеры-технологи получившие военное воспитание, не могли кривить душой и потому ГПУ не могло заставить этих людей идти на компромиссы и взваливать на себя какую либо вину против советской власти или в вредительстве. До нас доходили слухи, что Годжелло не признался ни в каких возводимых на него обвинениях и в скором времени стало известным, что он скончался. Его жену, Анну Сергеевну, сослали в Сибирь, где она тоже в скором времени после смерти мужа от неутешного горя покончила свое земное существование.

Агенты ГПУ применяли разные способы для ареста невинных людей. Так, напр., бывший мой ученик по Академии, инженер Н. И. Довгелевич был остановлен на улице, когда шел на службу, каким то человеком, который очень вежливо

попросил его следовать за ним по крайне важному делу, касающемуся порохов. Довгелевич, который служил в Военном Химическом Тресте и считался лучшим пороховым инженером, поверил и попал на Лубянку, в тюрьму ГПУ. На другой день его жена сообщила мне по телефону, что ее муж пропал без вести; она просила меня навести справки и помочь его освобождению. Что я мог сделать, чтобы вырвать его из рук всесильного ГПУ?

Эти факты все более и более подтверждали мое подозрение, что не далеко то время, когда и меня постигнет такая же участь, как и моих дорогих учеников и товарищей по Артиллерийской Академии. Одно новое обстоятельство подкрепило во мне уверенность в неизбежности моего ареста.

В день имянин моей жены в Ленинграде у нас собралось довольно большое общество и было очень оживленно и весело. В числе гостей был профессор Л. Ф. Фокин с своей женой. К концу вечера Л. Ф. Фокин отозвал меня в сторону и сказал мне очень неприятную для меня вещь:

«Прекращайте, Владимир Николаевич, поскорее вашу заграничную деятельность, так как Московское ГПУ очень недовольно вашей работой заграницей, а также и тем, что Вы являетесь изобретателем очень важных патентов в Германии».

«Да я все это делаю с разрешения правительства и о всех моих работах докладываю в Совнаркоме», — ответил я.

«Ничего это не значит, — прибавил Фокин. — ГПУ сильнее всех наркоматов, и если из ГПУ идут неблагоприятные для Вас слухи, то Вы должны быть особо осторожны. Во всяком случае, я по товарищески Вас предупредил. Делайте, как знаете, но мой совет: кончайте скорее Ваши обязательства в Байерише Верке».

Я не имел никакого основания не верить Фокину, который за последнее время вращался в кругу московских большевиков, пригласивших его и инженера Клюквина принять участие в постройке Бобринского комбината, находившегося в Московской области. Конечно, это известие меня очень расстроило, и я долго не мог успокоиться и решил осторожно расспросить об этом слухе у Н. А. Клюквина, моего ассистента в Артилле-

рийской Академии. Клюквин счел за благо для себя начать мало по малу сближаться с большевиками с целью поступить в партию; в то время он уже числился кандидатом и потому был вхож в коммунистические круги. Он относился ко мне очень хорошо и был мне благодарен за то, что я ему помог выйти в люди и получить звание штатного преподавателя технологии в Артиллерийской Академии. Не задолго перед этим он защищал диссертацию в Академии на заданную мною ему тему: «Крекинг некоторых дестиллятов нефти». Н. А. Клюквин был человек со смекалкой и полезный работник по технической части. Он обещал мне осторожно узнать, какие слухи циркулируют в Москве по поводу моей заграничной работы. Через некоторое время я узнал от него, что я пользуюсь большим уважением и доверием со стороны коммунистической партии и, что, если я буду продолжать такую плодотворную для страны работу и не буду выступать против советской власти, то никто меня не тронет; но, конечно, будет гораздо лучше, если я сосредоточу всю свою работу в СССР и буду поменьше находиться заграницей.

Хотя собранные Клюквиным сведения были успокоительного характера, тем не менее они не могли избавить меня от гнетущей мысли, что рано или поздно я должен буду предстать перед грозные очи ГПУ, которые уже давно и зорко следили за каждым моим шагом. Я утверждаю положительно об этой слежке, так как я узнал от двух моих очень расположенных друзей, которые были вызваны в Московское ГПУ и дважды, в разные времена, были подробно допрошены о всех подробностях моей жизни и о всех моих убеждениях. Один из допрошенных был мой старый знакомый, всей душой и телом преданный мне человек, и только по глубокому расположению ко мне решился сообщить мне подробности его допроса в ГПУ; под угрозой смертной казни он не смел передавать мне даже о своем вызове в ГПУ, а не только о заданных ему вопросах. Я не могу назвать его имени (хотя он уже умер), потому что боюсь, что это может отразиться на его родственниках. Но из

того, что он сказал мне, я мог заключить, как интересуется ГПУ образом моих мыслей и убеждений. На один из заданных следователем ему вопросов по поводу моих убеждений, мой друг ответил ему следующей фразой:

«Вы, тов. следователь, наверно считаете В. Н. незаурядной личностью, и неужели Вы можете думать, что подобные люди могут не иметь своих мнений, не сходных с директивами той или другой власти, которая в данный момент представляет страну? Я никогда не слыхал от В. Н. каких-либо вредных для советской власти речей, но я, как либеральный человек, не могу себе представить, чтобы В. Н. не имел своего особого суждения по вопросам, которые поступают к нему для разрешения, и он, согласно своему опыту и совести, без боязни заявит власть-имущим свое мнение, чтобы они были разрешены на пользу страны».

Другим человеком, о котором я знаю, что его также два раза вызывали в ГПУ для допроса обо мне, была одна моя знакомая; ее и ее семью я знал около 8 лет и до конца 1929 года я не подозревал, что ее вызывали в ГПУ. Только перед самым моим от'ездом в Германию, в конце декабря 1929 года, она под величайшим секретом сообщила мне, что ее допрашивали в ГПУ относительно моего поведения и моих разговоров с ней и ее родными. Она подробно рассказала мне, какие вопросы были ей заданы и какие ответы она дала на них. Она сказала, что дала наилучшую характеристику моих поступков и убеждений, и прибавила, что такого честного и доброго человека редко можно встретить в настоящее время. Она решилась рассказать о своем последнем посещении ГПУ, потому что из расспросов она увидала, что мне может угрожать, если не арест, то допрос, и что я должен быть готов к этому нападению со стороны ГПУ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1930 ГОД

В Германию я выехал накануне Нового года, получив подпись ГПУ на моем паспорте за час до отхода поезда, хотя разрешение на выезд было дано за несколько дней и были заказаны билет и спальное место. Я пробыл в Берлине два месяца и сделал в Центральной Лаборатории исследование о гидрогенизации ацетилена в этилен, при чем мне удалось избежать образования заметных количеств купрена (полимера ацетилена). Почти 90% ацетилена превращается в этилен, а 8% гидрируется до этана. Баварцы интересовались этой реакцией, потому что они имели на своих заводах отбросы кальций карбида и хотели их использовать, разложив их водой, чтобы полученный ацетилен превратить в этилен, как более дорогой газ, который имеет спрос на рынке.

Во время моего пребывания в Берлине я получил приглашение на торжественный акт Страсбургского Университета, где будет превозглашено о моем избрании почетным доктором химии. Я написал ректору письмо о своем согласии прибыть и просил прислать мне разрешение на в'езд во Францию по этому случаю. Несмотря на то, что ректором было возбуждено соответствующее ходатайство, я не получил разрешения вплоть до моего от'езда из Германии.

По совету моего приятеля X. я приобрел в Германии наилучший фотографический аппарат со всеми приспособлениями для увеличения снимков (все стоило около 500 марок) и решил на русской таможне заплатить соответствующую пошлину. Но в таможне Негорелое ни за что не хотели брать пошлины с этого аппарата и заявили мне, что он может служить для моих научных работ. В таможне вероятно знали, что я пожертвовал несколько тысяч марок на покупку аппаратов для Института Высоких Давлений, и потому отнеслись к фотографическому аппарату с такой снисходительностью.

Перед самым от'ездом из Берлина я был приглашен на

завтрак, который был организован Обществом Немецких Инженеров по случаю пребывания в Берлине меня и академика А. Ф. Иоффе. На этот завтрак был приглашен также и А. Третлер, представитель для осведомления инженерных и научных кругов обо всех новейших достижениях в Германии и заграницей или, как говорили тогда, для культурной связи между обоими странами. На этом завтраке немецкие инженеры и химики очень приглашали меня приехать на Второй Международный Энергетический Конгресс, который должен состояться в июне 1930 года в Берлине. Во время завтрака акад. Иоффе, хорошо владеющий немецким языком, сделал сообщение о современном состоянии СССР и осветил некоторые стороны жизни в таком свете, который не совсем точно освещал действительность; лучше было бы ему не затрагивать некоторых вопросов, так как можно было наперед сказать, что немцы не удовлетворятся его заключениями и предсказаниями. Я предпочел ничего не говорить, и не делать никаких возражений моему коллеге. После завтрака я попросил Третлера передать в Полпредство просьбу моих немецких коллег о желательности моего участия в Конгрессе, а если можно, то написать об этом и в Москву. Третлер обещал сообщить об этом полпреду и исполнил мою просьбу.

По приезду в Москву в первых числах марта я сразу заметил, что во многих советских учреждениях царит нервное напряжение, обусловленное, как мне передавали, непонятными арестами массы служащих; у многих чувствовалась неуверенность в завтрашнем дне, а начавшаяся принудительная коллективизация деревень и раскулачивание производили ужасное впечатление безнаказанного насилия и лицемерного отношения власти к крестьянам, ради освобождения которых от «гнета» царского режима якобы и была затеяна революция. Я ясно сознавал, что мы, и без того стесненные в свободе слова, будем в скором времени еще более стеснены в своих действиях. В моей голове все сильнее и сильнее крепло желание покинуть мою родину, так как я пришел к заключению, что никакой пользы ей принести я не могу, а имею, наоборот,

все шансы в скором времени попасть в лапы ГПУ. Как нарочно мой большой приятель X., имевший возможность слышать иногда секретные новости, исходящие из ГПУ, конфиденциально сообщил мне, что в ГПУ очень недовольны моим поведением заграницей; ему сказали, что напрасно Ипатьев видится с людьми, которых советский гражданин должен был бы избегать. Это новое предупреждение еще более подтвердило мое предположение, что советская власть считает меня опасным для себя человеком.

В виду того, что общественная организация Авиохима уделяла очень мало внимания развитию химической промышленности в СССР, несколько химиков и инженеров образовали инициативную группу, которая должна была подать докладную записку в Совнарком, изложив в ней главнейшие меры относительно дальнейшего развития, как мирной, так и военной промышленности. В эту инициативную группу вошли следующие лица: А. Н. Бах, А. Е. Чичибабин, Е. Брицки, А. П. Парай-Кошиц, М. А. Блох, Д. Гальперин, я и другие инженеры; ее возглавлял А. Н. Бах. Председатель Совнаркома А. И. Рыков вызвал всю группу в Кремль и после двухчасового заседания под его председательством было решено внести этот вопрос на рассмотрение правительства и, в случае одобрения предложенной программы, образовать при Совнаркоме особый Комитет по Химизации СССР. В скором времени после этого заседания был издан декрет об образовании Комитета по Химизации и его председателем был назначен секретарь Совнаркома, Н. П. Горбунов. Эта организация стала существовать с середины 1929 года, но главная ее деятельность стала проявляться в 1930 году. Комитет Химизации выделил особый Совет, который расматривал и решал все вопросы, а их исполнение проводилось в жизнь при помощи особой канцелярии, которую возглавлял П. И. Дубов. Главнейшие вопросы, которые приходилось разрешать в самом начале деятельности Комитета, касались, главным образом, выдачи субсидий по выполнению научных работ на актуальные темы в лабораториях высших учебных заведений. Кроме этих вопросов Совет, имея в своем распоряжении не

только советские денежные знаки, но также и иностранную валюту, мог командировать некоторых химиков заграницу для усовершенствования их в новых химических методах, которые еще не были установлены в СССР. Но эти командировки (их было только две) оказались очень плачевными событиями в истории деятельности Комитета.

До моего от'езда в Германию, в июне 1930 года, я принимал участие в нескольких заседаниях Совета и один раз в пленуме всего Комитета по Химизации, куда собралось несколько сот химиков, как московских, так и иногородних. Я должен был сделать доклад о новейших работах в области катализа под высокими давлениями. Мой доклад произвел очень выгодное для меня впечатление, и я использовал лестное ко мне отношение некоторых присутствующих на докладе видных большевиков, чтобы попросить у них содействия получить мне разрешение взять с собою заграницу для лечения мою жену. В особенности я просил Н. П. Горбунова походатайствовать перед ГПУ о выезде для лечения моей жены.

В заключительной речи при закрытии с'езда Комитета Химизации Н. П. Горбунов, подводя итоги работам С'езда, отметил важность сделанных за последнее время работ в исследовательских институтах и университетах, подчеркнув особое значение моих работ по катализу и прибавил, что советское правительство намерено в настоящее время создать особый Научный Институт, обставить его таким образом, чтобы там могли бы производиться самые точные работы. Тогда не будет никакой надобности акад. Ипатьеву ездить для выполнения его работ заграницу, а к нему будут из заграницы приезжать молодые химики учиться катализу и методу высоких давлений. Он сказал, что уже ищет место в окрестностях Москвы, где можно было бы в ближайшее время создать такой Научный Институт. Слушая эти речи и лестный отзыв о значении моих работ, я, однако, ни на одну минуту не верил, что эта идея Горбунова может быть осуществлена; большевики всегда много обещают и в начале кое-что исполняют, а потом все идет на смарку. Так оно и случилось: Научный Институт, в котором

предполагалось сосредоточить работу максимум десяти наилучших ученых, не был создан.

Химики провинциальных университетов выступавшие на этом С'езде, указывали на печальное положение многих лабораторий, в которых нельзя организовать научные работы, вследствии недостатка средств и невозможности получить реактивы и аппараты, как с отечественных складов, так и из заграницы. Проф. Зелинский жаловался на недостаток оборудования даже в Московском Университете. А из лабораторий многих провинциальных университетов до революции выходили великолепные работы, обращавшие внимание всего химического мира; достаточно указать на университеты Казанский, Киевский и Томский; в последнем, далеком от центра России, проф. Кижнер сделал с своими учениками такие исследования, которым мог позавидовать любой заграничный университет. В общем, однако, надо заметить, что первый с'езд по химизации прошел с большим под'емом, и у многих явилась надежда, что Комитет поможет в будущем развитию химии и химической промышленности в СССР.

Одно пленарное заседание с'езда было посвящено обсуждению первого пятилетнего плана, который к тому времени (первая пятилетка уже началась) все еще не был утвержден. Докладчиком по пятилетнему плану выступил молодой рабочий, председатель ЦК химиков, совершенно необразованный в химическом смысле человек и не с'умевший, конечно, передать собранию в главных чертах сущность составленного плана. Председателем на этом заседании был Рудзутак, заместитель Председателя Совнаркома; он очень хорошо вел заседание и умел подмечать и высмеивать слабые места речей, как защитников плана, так и критиков. В особенности хорошо досталось Чекину, члену коллегии Главхима, который должен был участвовать в составлении плана и нести полную ответственность за его целесообразность. Вместо того, чтобы защищать план, Чекин стал делать критические замечания и был высмеян собранием после колких замечаний Рудзутака. С резкой критикой плана выступил начальник Военно-

Химического Управления Фишман, который доказывал, что вообще план никуда не годится, так как все показанные цифры производства основных химических продуктов совершенно недостаточны для удовлетворения военной промышленности. В заключение собрание вынесло обычное трафаретное заключение: поручить Главхиму пересмотреть план, приняв во внимание все замечания, сделанные на с’езде.

На одном заседании с’езда с очень резкой речью выступил Гольцман, заместитель председателя РКИ, С. Орджоникидзе, по поводу разных предложений, которые были высказаны в печати проф. Рамзиным, директором Тепло-Технического Института, с целью улучшить вопрос о снабжении страны наилучшими видами топлива. Когда я слышал речь Гольцмана, я был крайне поражен его нападками на проф. Рамзина, который до тех пор пользовался большим доверием и уважением со стороны верхов советской власти. Нельзя было не понять, что Гольцман считает Рамзина вредным работником, который может не улучшить, а скорее испортить дело снабжения топливом. Проф. Рамзина не было на заседании, и потому выступление Гольцмана не было подвергнуто обсуждению. Тогда никому не приходило в голову, что над головой Рамзина собираются грозовые тучи и его скоро об’явят вредителем.

Вскоре в Москве была собрана конференция по исследованию различных проблем, связанных с топливными рессурсами страны. Эту конференцию возглавлял Гольцман, а в президиум были приглашены С. Д. Шеин, акад. Лазарев, я и другие. Мне было предложено сделать доклад по поводу деструктивной гидрогенизации, которая была исследована в лаборатории Академии Наук над различными углями и смолами. Я поручил сделать этот доклад моему ассистенту Н. А. Орлову, и с согласия президиума предложил ему прочитать его на конференции. В первый же день конференции был заслушан доклад Стадникова о классификации минеральных углей, а затем выступил Орлов. В своей речи он не только ни разу не помянул моего имени, но ни одним словом не обмолвился, где эти работы были сделаны, какой метод был употреблен и по чьей инициативе

эти работы были начаты. На всех присутствующих и на президиум доклад Орлова произвел очень неприятное впечатление. Два члена Президиума во время дискуссии очень ясно дали ему понять, какое значение имели работы Ипатьева в этом вопросе; некоторые из присутствующих на конференции сделали тоже самое. После заседания конференции Гольцман высказал мне свое возмущение по поводу нахальства Орлова и сказал, что в конце конференции мы еще вернемся к этому инциденту. Он исполнил свое обещание, и в заключительном заседании президиума поставил этот вопрос на повестку и настоял, чтобы я также присутствовал при дискуссии. Гольцман заявил, что он и все члены Президиума конференции возмущены поступком Орлова и высказывают ему свое порицание; что-же касается заслуг акад. Ипатьева в деле деструктивной гидрогенизации под давлением и в установлении им метода высоких давлений, который ныне применяется в химической промышленности всех стран, то наша конференция должна довести до сведения советского правительства о значении работ Ипатьева и выпустить особую брошюру на русском и иностранных языках, в которой указать на его приоритет в этой новой области химии и промышленности. Это предложение было принято единогласно и было внесено в официальный протокол. Так как Гольцман занимал высокий пост в РКИ, то можно было надеяться, что это постановление будет приведено в исполнение. Но мой от'езд навсегда заграницу помешал выполнению этого очень благоприятного для меня решения.

Тотчас-же после этой конференции я предложил члену Президиума ВСНХ А. Н. Долгову собрать особое совещание для проведения в жизнь постановления конференции о постройке опытной установки для переработки некоторых сортов каменного угля и смол в газолин, применяя мой метод высоких давлений. Я настаивал на созыве такого совещания, чтобы снять с себя всякие нарекания, что я не хочу использовать свой авторитет для введения этого процесса в СССР. На собранном совещании наиболее ответственных работников я сделал обстоятельный доклад, в котором доказывал необходимость у нас в

СССР разрабатывать оба метода получения газолина, несмотря на то, что мы богаты нефтью. Я указывал, что метод высоких давлений, несмотря на свою не-экономичность, может быть применен, напр., в Сибири, где мы имеем громадные залежи сапрапелей, для получения газолина из смолы добытой при сухой перегонке сапрапелей. Я просил занести в протокол мое мнение, как отдельное, если бы совещание и высказлаось бы против моих предложений. Но совещание большинством мнений присоединилось к моему предложению и А. Н. Долгов должен был внести наше постановление в Президиум ВСНХ для дальнейшего продвижения. Дальнейшая судьба этого вопроса мне неизвестна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РАБОТЫ И НЕПРИЯТНОСТИ В ИНСТИТУТЕ ВЫСОКИХ ДАВЛЕНИЙ

1930 год вообще изобиловал всякими заседаниями, и во всех них мне приходилось принимать самое деятельное участие.

Научно-Техническое Управление по примеру прошлых лет назначило собрание директоров всех Институтов для ознакомления с результатами наиболее важных научно-технических работ и для выработки программы работ в будущем. На конференции все время председательствовал акад. Н. И. Бухарин, недавно назначенный НТО; он с большим вниманием выслушивал доклады и задавал много вопросов. В числе докладчиков был и я, так как о результатах работ Института Высоких Давлений до тех пор еще не докладывалось. Я хорошо подготовился и в часовой речи ярко охарактеризовал те проблемы, которые являются предметом наших теперешних и будущих исследований. Между прочим, я демонстрировал новое приспособление к моей бомбе высоких давлений, которое сделал мой сын, Владимир, для изучения растворимости газов в жидкостях под давлением, а также для изучения скорости диффузии газов. Этот аппарат, крайне простой по своему замыслу,

долгое время был крайне необходимым для работ под высокими давлениями, и моему сыну бесспорно принадлежит первенство в его постройке; впоследствии он сделал очень интересные работы по растворимости газов под давлением в различных жидкостях и твердых телах при разных температурах; эти работы были опубликованы в американских журналах. Я указал, что в Институте Высоких Давлений устанавливаются все новейшие физико-химические методы для изучения химических каталитических процессов, — в особенности катализаторов. Рентгеновская установка заказана в СССР, а спектроскоп — в *Англии; я предполагаю командировать одного сотрудника* Института, В. Фроста, к проф. Noddack для изучения спектроскопического метода определения нахождения разных элементов в данном веществе. После моего доклада помощник директора Института имени Карпова Фрумкин, отметив интерес доклада, прибавил, что мое намерение установить в лабораториях новых физико-химических методов для исследования каталитических реакций несомненно принесет громадную пользу в раз'яснении явлений происходящих при катализе.

Из других докладчиков я отмечу рочь, произнесенную акад. Иоффе, которая произвела очень плохое впечатление. Он сравнивал условия для научной работы в прежнее время и при советской власти, а также заграницей, и утверждал, что большевики дали возможность приобщаться к научной работе многочисленному классу рабочих и крестьян, и потому при таких либеральных и благоприятных условиях мы должны ожидать расцвета научной мысли в СССР и больших достижений, как в науке, так и в технике. При царском режиме, а равно заграницей среда, которая поставляла ученых людей, представляла из себя тонкую прослойку интеллигенции в толще масс и потому прогресс в науке естественно должен был происходить более замедленным темпом, чем теперь, когда высшее образование доступно всем классам народа...

Эта речь А. Ф. Иоффе не очень понравилась многим присутствующим, в том числе и коммунистам, — и секретарь НТО Зискинд после заседания высказал мне свое неодобрительное

мнение; наоборот, Зискинд передал мне, что члены коллегии НТО и Бухарин остались очень довольны моим докладом и теми работами, которые делаются в Институте Высоких Давлений. Он прибавил мне, что когда я вернусь из заграницы, то буду представлен к ордену Ленина за мою плодотворную для СССР работу. Об этой награде для меня он слышал в соответствующих инстанциях (он ранее служил в ГПУ). Я поблагодарил Зискинда за такое отношение ко мне и сказал ему, что я подготовил себе хорошую смену в лице моих учеников, в особенности Разуваева, Петрова и сына Владимира и лично я всем доволен и желаю одного только — продолжать свою научную работу. Это было мое последнее посещение НТО.

В Москве я узнал от П. А. Осадчего, что я не попал в число 10 делегатов, командируемых на Всемирный Конгресс по энергетике, который должен был собраться в Берлине 20 июня, 1930 года. Число 10 было установлено Совнаркомом, и оно не может быть изменено. Осадчий сообщил мне об этом, потому что из Комиссариата Иностранных Дел ему позвонил заместитель Народного Комиссара Б. С. Стомоняков, что они получили от Берлинского полпреда предложение командировать меня на конгресс, так как об этом очень настаивает Распорядительный Комитет Конгресса. Но эта бумага пришла уже поздно, так как все делегаты были выбраны. Но Осадчий сказал мне, что, так как я все равно должен ехать в Берлин по моим научным работам, то я могу быть приобщен к делегации СССР и принять участие в работах Конгресса. Но, вероятно, от судьбы не уйдешь. Случилось событие, которого никто не мог предвидеть: один из делегатов, проф. Ленинградского Политехникума А. Горев, все время работавший в Госплане в качестве члена Президиума, сочувствующий коммунизму и, кажется, кандидат в партию, был арестован и потому освободилось одно место.Тогда Осадчий позвонил мне по телефону и сообщил, что после его разговора с Г. И. Кржижановским я назначен делегатом на Конгресс. Мне было приятно получить эту командировку, но арест Горева произвел на меня удручающее впечатление и наводил на очень мрачные предчувствия;

я знал Горева с самого начала моего приглашения в Госплан, много раз говорил с ним и иногда очень свободно. Мне было очень жаль его, и до сих пор я не знаю, за что он был арестован и какова была его дальнейшая судьба.

Будучи назначен в число делегатов, я должен был принять участие в обсуждении линии поведения делегатов на Конгрессе. Для этой цели Г. М. Кржижановский раза два или три устраивал специальные заседания, на которых делегаты должны были вкратце изложить сущность их докладов. В то время симпатии советского правительства принадлежали Германии, а Франция считалась непримиримым врагом. Я помню, как на одном заседании Кржижановский сказал:

«Подальше от этих французов, они наши враги, мы должны не только им не помогать, а возможно более вредить им».

Вот уже воистину правду сказал один из известных дипломатов:

«Каждый искусный дипломат должен сжечь политическую речь, которую он говорил вчера, если он хочет выступить на следующий день с новым докладом».

На последнем заседании делегатов был возбужден вопрос о том, чтобы кто-нибудь из делегатов выехал на несколько дней раньше, так как заседание президиума Конгресса начнется ранее открытия Конгресса: надо было выехать из Москвы не позднее 10-11 июня. Вопрос застал всех врасплох; каждому надо было кончать свои дела. Когда очередь дошла до меня, то, к общему удовольствию, я дал согласие. После заседания я сообщил Кржижановскому, чтобы он, в виду моего согласия выехать ранее, попросил ГПУ, чтобы мне без всякой задержки поставили выездную визу на моем годовом паспорте. Это было исполнено, и через день или два я получил паспорт, продленный на целый год. Но так как я не получил еще уведомления относительно разрешения выехать со мной моей жене для лечения, то я стал хлопотать у разных лиц, а, главным образом, через Н. П. Горбунова, чтобы поскорее удовлетворили мое ходатайство о выезде жены вместе со мной в виду ее болезненного состояния; конечно, я указал, что Госплан приказал мне

выехать не позднее 10 июня. Через очень короткое время мне позвонили из ГПУ на квартиру (в Москве), что моей жене разрешено выехать вместе со мной. Тогда я, в виду короткого времени, которое оставалось до моего от'езда заграницу, попросил ГПУ дать телеграмму в Ленинград, в Отдел выдачи паспортов, чтобы паспорт жене был выдан незамедлительно. Телеграмма была послана и через два дня ей позвонили по телефону, чтобы она явилась за паспортом. Таким образом все препятствия были обойдены и мне оставалось только поехать в Ленинград, чтобы закончить текущие дела, дать распоряжения на время моего отсутствия и взять с собой жену для поездки заграницу.

В химической лаборатории Академии Наук, кроме моих ассистентов, с начала 1930 года начали работать так называемые аспиранты. Аспирантами назывались наиболее выдающиеся молодые люди, окончившие высшие учебные заведения и желающие сделать научные исследования в избранной ими науке, чтобы впоследствии посвятить себя научной педагогической деятельности. Аспиранты очень часто по их желанию командировались к известным профессорам и они получали на свое содержание определенное вознаграждение за все время пребывания в командировке. В Академии Наук было командировано около 110 человек по всем дисциплинам. Ко мне явились три аспиранта, из коих два (муж и жена Лозовые) прибыли из Одесского Университета, а третий (Журов) кончил один из небольших провинциальных университетов. Все три аспиранта, после моего разговора с ними и обсуждения, на какие темы им было бы желательно работать, получили определенные экспериментальные проблемы из органической химии и должны были сначала ознакомиться с соответствующей литературой. Непосредственное наблюдение за их работой я возложил на Н. А. Орлова и потому аспиранты получили места в новой оборудованной лаборатории в особняке Яковлева, где как упомянуто было мною ранее, работал Орлов со своими помощниками. Двое аспирантов (Лозовые) усердно принялись за работу и оказались серьезными работниками и симпатичными

людьми (они были партийцами); третий аспирант (Журов) был на некоторое время послан в деревню для раскулачивания; как мне представлялось, он был не очень склонен к усидчивой лабораторной работе, и был менее способным, чем Лозовые. Но по прибытии из командировки он приступил к работе и я предложил ему сначала сделать некоторые органические препараты и органический анализ. Орлов дал мне о нем очень неудовлетворительную аттестацию и заметил, что он подтасовывает цифры анализа. На это я сказал Орлову, что он должен принять особые меры, чтобы тот не мог узнать, какое вещество ему дается для анализа, и ближе понаблюдать за ним, как он делает органические сжигания.

Тогда я вызвал Журова к себе на квартиру и подробно его расспросил о работе. Когда я услыхал от него, что Орлов очень резко отзывается обо мне, как ученом, и о моих темах, то я решил сказать ему то, что мне сообщил Орлов по поводу его анализов. Аспирант страшно возмутился и заявил мне, что он и другие аспиранты счастливы работать в моей лаборатории и очень недружелюбно относятся к Орлову, а за то, что он позволил себе наклеветать на него в недобросовестности исполнения анализов, то он донесет на Орлова куда следует. Что аспиранты были довольны моими темами видно из того, что впоследствии они опубликовали сделанные ими работы и выразили мне благодарность; работы были напечатаны, когда я уже два года находился заграницей и они могли совсем не упоминать моего имени.

После всех этих происшествий мне ничего не оставалось, как заявить администрации Академии, что я не могу более работать с Орловым и должен требовать его немедленного перевода в другое учреждение. (Он уже имел другую службу и не мог остаться без куска хлеба). Сначала я обратился к правителю дел Академии, недавно назначенному коммунисту, ранее служившему в Ленинградском ГПУ. Он внимательно выслушал обо всех проделках Орлова и отлично понял, что если я пришел к нему, то, значит, я уже исчерпал все возможности и не могу далее работать с ним. Я ему сказал, что для

доказательства своей правоты, готов предстать перед судом и подтвердить все ему сообщенное об этой личности. Он мне ответил:

«Дорогой академик, никогда не обращайтесь с подобными делами в суд, потому что, будь Вы на сто процентов правы, Вас все-таки будут обливать грязью; я Вам верю полностью и, конечно, мы его уберем, так как Ваша просьба безусловно заслуживает удовлетворения, как по отношению к Вам, так и для пользы дела».

Между прочим я его предупредил, что Орлов может выставить аргумент, будто я притеснял его в научной работе и не позволял ему проявлять научную инициативу: об этом он распускал слухи. Для опровержения я передал правителю дел Академии список всех работ, сделанных Орловым со мной и самостоятельно, продолжая развивать в последних мои же основные идеи и используя лично для себя моих младших сотрудников. Из этого списка, содержащего 20 работ, семь или восемь были опубликованы без моего имени. В заключении я прибавил, что я не хочу разбивать карьеру Орлова и, быть может, это удаление его из Академии послужит ему хорошим уроком и он станет более корректен к своим сослуживцам. Окончательно было решено, что правитель дел вызовет немедленно Орлова и скажет ему, что он увольняется в двухмесячный отпуск, в течении которого он должен найти себе работу в другом городе, и подать прошение о переводе, иначе он через два месяца будет уволен из научных сотрудников Академии Наук.

После разговора с правителем дел я отправился к непременному секретарю Вячеславу Петровичу Волгину и изложил ему дело Орлова, настаивая на его увольнение; Волгин вполне согласился с моими доводами.

В этот же день был вызван Орлов в правление Академии Наук и ему было сообщено указанное выше решение. Он был переведен после двух месяцев в Харьков в Институт по топливу.

Последнее заседание перед от'ездом из Ленинграда было

созвано партийной ячейкой двух Институтов: Прикладной Химии и Высоких Давлений с целью выслушать мой доклад о работах, производимых в моем Институте. Партийная ячейка была общей для обоих Институтов, так как оба Института помещались в одном здании на Ватном Острове; мне об'яснили мои партийные товарищи, что этот доклад необходим для ячейки, потому что она должна время от времени давать отчет районному партийному комитету о деятельности того учреждению, во главе которого она поставлена.

Как уже было мною указано выше, мой заместитель по административной части, Папенок, был очень хорошим мне помощником и у нас не было никаких недоразумений. Заместителем директора Института Прикладной Химии, акад. Курнакова, был Семченко. Это был очень злобный человек, неприятного характера, полуинтеллигент, старавшийся видеть в каждом беспартийном работнике активного врага советской власти, т. е. вредителя. Он был совершенный антипод Папеноку, и понятно, что они оба не могли иметь какую либо симпатию друг к другу. Семченко при каждом удобном случае старался подставить ножку более простому Папеноку и, понятно, вследствие таких недружелюбных отношений ему приходилось нередко давать раз'яснения в партийных учреждениях. Как только открылось заседание партийной ячейки, я сразу понял, что Семченко дает бой моему заместителю, Папеноку, и будет придираться к деятельности нашего Института. В партийную ячейку обоих Институтов был назначен делегат от партийного районого комитета; это была работница одного из Ленинградских заводов, и она очень кстати явилась на заседание, так как в значительной степени защищала позицию Папенока. Временами споры принимали такой острый характер, что председательствующий должен был предупредить Семченко, что заседание ячейки происходит в присутствии беспартийных лиц и многие стороны дела не могут быть при таких условиях обсуждаемы. Я не могу припомнить всех придирок со стороны Семченко, по поводу непорядков в административной и хозяйственной части Института Давлений, но должен сказать, что Папенок

храбро и толково отражал все удары своего противника и в конце концов вышел победителем из этой бестолковой и совсем ненужной для дела говорильни. Понятно, что я всеми силами защищал Папенока и доказывал, что если Институт за короткое время своего существования мог выполнить такие важные работы, которые удостоились высокого одобрения со стороны Правительства и НТО, то это должно несомненно приписать энергичной работе Папенока по хозяйственной части. Я выразил также свою признательность Папеноку за то, что он освобождал меня от рассмотрения многих мелочей и тем самым позволял сосредоточить мое внимание на научно-технической работе. Но приверженцы тов. Семченко не могли простить Папенку его колких возражений и впоследствии повели борьбу против него, стараясь сместить его с должности заместителя директора. Уже будучи заграницей в 1931 году мне приходилось посылать телеграммы Кирову с просьбой до моего приезда не смещать Папенока с его должности. Моя просьба была уважена Кировым, но ввиду того, что я не возвращался из заграницы в СССР, Папенок был переведен на другую должность.

После словопрений партийных начальников, мне было предложено сделать доклад по научной части. В течении приблизительно часа я постарался в удобопонятной форме изложить произведенные в Институте работы за последние два года. Из дискуссии было видно, что мой доклад был понят и что деятельность Института не возбуждал каких либо нареканий. После окончания прений, Семченко в своем заключительном слове совершенно не коснулся вопроса о том, насколько партийная ячейка удовлетворена деятельностью нового Института, а только предложил собранию, принять к сведению выслушанный доклад директора акад. Ипатьева. Но тогда я сделал решительное возражение и сказал, что я очертил деятельность Института и нарисовал дальнейшую программу его работ перед партийной ячейкой с целью получить замечания и суждения, насколько работа Института отвечает поставленным ему задачам и не надо ли чего либо прибавить или сократить в его будущей программе в связи с работами соседнего Института

Прикладной Химии. Семченко стал мне возражать, что это не входит в обязанность партийной ячейки, но другие товарищи меня поддержали и Семченко должен был открыть дискуссию по составлению резолюции. В результате было вынесено постановление вполне благоприятное для Института Высоких Давлений, и программа была одобрена почти без всяких изменений.

Последние два заседания с аспирантами и с партийной ячейкой вызвали во мне удручающее настроение. Не польза дела и не намерение улучшить условия работы руководили теми лицами, коим принадлежала инициатива этих собраний. Личные счеты, интриги и зависть были, пожалуй, единственной причиной для устройства подобных митингов, где можно было публично унижать и при случае ругать людей преданных делу и честно исполняющих свои обязанности. Я был уверен, что партийная ячейка во главе с Семченко хотела непременно удалить Папенока с места заместителя директора Института Давлений по наветам и сплетням лиц, служащих в канцелярии Института Высоких Давлений. Папенок был честный человек и зорко следил за своими партийными товарищами, которые выполняли хозяйственные операции Института; им было очень трудно совершать некрасивые финансовые операции под зорким наблюдением заместителя директора. Эти лица, все партийные, были назначены помимо моей воли и, как мне передавали, имели незавидную репутацию уже по своей прежней деятельности. Один мой шофер (не партийный), очень хороший человек, которого я знал уже несколько лет, так как он работал у меня в ГИПХ'е, как то сказал мне:

«Почему Вы, Владимир Николаевич, согласились принять на службу в канцелярию подобных товарищей? Спросите об них у рабочих Опытного Завода, и они скажут Вам, что это «заводской отброс».

На это я мог ему ответить:

«Разве Вы не знаете, что мы, беспартийные, бессильны выбирать себе работников по административной и хозяйственной части?»

Понятно, что им было очень желательно удалить Папенока, чтобы лучше «хозяйничать». И мои предположения и слова моего шофера оправдались; не успел уйти Папенок из Института, как в скором времени эти голубчики были отданы под суд, так как выписываемое мне жалованье директора они стали делить между собою пополам, несмотря не то, что я был уже более года в заграничной командировке, и уже с самого начала моего пребывания заграницей (после 4-х месяцев, как это следует по декрету) я написал официальную бумагу о прекращении выписки мне содержания вплоть до моего возвращения. С другой стороны, нахальная критика моей научной программы со стороны одного из аспирантов, ничего в науке не понимающего, возмутила меня до глубины души, и я долго не мог успокоиться, рисуя себе мрачные картины моей будущей научной деятельности в Академии Наук, где свобода научной мысли ни разу до тех пор не была стесняема никакими распоряжениями власти, а подвергаема только научной критике. Я всегда смотрел на Академию Наук, как на единственное высшее ученое учреждение в Российском Государстве, где академики, избранные за свою выдающуюся прежнюю работу, имеют право изучать вне всяких влияний и приказов, те области человеческих знаний, где они приобрели громадный опыт, и исследованию которых при благоприятно-созданных для них условиях, они могут посвятить последние годы своей научной жизни и передать свои методы своим ассистентам и сотрудникам для дальнейшего развития той или другой науки.

Так было при царском режиме и в то время свобода научной мысли никогда не подвергалась какому-либо стеснению. И какие научные работы выходили из стен Академии Наук! Какое высокое научное положение Российская Академия Наук занимала среди подобных же учреждений в других странах! Как гордились иностранные ученые, когда они были избираемы в члены корреспонденты Российской Академии Наук!

Я не ошибался, когда в 1930 году предполагал, что свобода научной мысли в Академии Советов будет стеснена и за свои научные работы академики будут отдаваемы на публичный

суд. В скором времени после моего от'езда заграницу, во время чествования 30-летней научной деятельности академика Иоффе, его работы подверглись жестокой критике на многолюдном митинге в совершенно недопустимой форме и в несоответствии с устроенным празднованием академика, — я имею в виду критику деятельности акад. Иоффе, которую я прочитал в журнале «Природа», издаваемом Академией.

Я нисколько не возражаю против того, что всякая власть во всякое время может обратиться к любому академику и предложить ему своим знанием и работой помочь развитию того или другого процесса, имеющего большое значение в экономической жизни страны. Я считаю, что академик об'язан помочь в решении предложенной ему проблемы, если он владеет достаточным количеством знаний, чтобы взяться за это исследование. Но никогда не надо забывать, что развитие научной мысли в громаднейшем большинстве случаев происходило вне каких либо практических целей и только впоследствии ее достижения применялись в людской обыденной жизни. На своем личном примере я знаю, чем руководствуется исследователь, когда вводит в науку новый метод, позволяющий в лаборатории для чисто научных целей ставить такие опыты и изучать такие явления, которые ранее были совершенно недоступны для наблюдения. Мог ли я думать, что мой метод высоких давлений будет иметь такое широкое применение в химической промышленности, что каждый номер журнала печатающего в форме экстрактов резюме всех работ и патентов по химии, будет содержать десятки процессов, которые могут происходить только под высоким давлением?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

С грустными мыслями я вместе с женой покидали Ленинград в начале июня 1930 года. Какое то предчувствие тяготело надо мной, и мне казалось, что, быть может, я совсем не увижу

стен тех учреждений, где я в течении долгих лет предавался моему любимому делу.

Все было готово к нашему от'езду заграницу, тольке жене в Ленинграде не выдали польской и немецкой визы, потому что разрешение на выезд заграницу был дан Москвой. Но так как мы должны были выехать 11-го июня (билеты были уже взяты), а в Москву мы приехали в 10 часов утра в субботу 9-го июня, накануне Тройцы и Духова дня, а консульства закрывались в 12 часов дня, то надо было принять экстренные меры, чтобы получить немецкую и польскую визы. Немецкое консульство находилось рядом с нашей квартирой в Москве и немецкая виза была получена очень легко, но времени было недостаточно, чтобы приехать в польское консульство до 12 часов дня. Только благодаря любезности моего старого знакомого, старшего секретаря немецкого посольства, жена была в состоянии получить польскую визу в этот-же день. Он позвонил по телефону польскому консулу и просил его поставить визу на паспорте моей жены, об'яснив ему все обстоятельства дела. Польский консул был его хороший знакомый и все было улажено.

В день от'езда, в понедельник 11 июня, я имел в 2 часа дня последнее заседание в НТО, которое было собрано Техническим Советом Химпромышленности. Председательствовал на заседании С. Д. Шеин, уже имевший тогда, как говорили, партийный билет в кармане, — что не помешало ему быть в скором времени арестованным. На повестку дня был поставлен вопрос об обессеривании нефти и ее дестилятов. Я высказал несколько мыслей, какие аппараты надо было поставить в лабораториях, чтобы приблизиться к разрешению этого нового в русской нефтяной промышленности вопроса. Дело в том, что месторождения нефти в Баку и в Грозном не содержат серы; только с открытием новых залежей нефти в Пермской губернии возник этот вопрос, так как добытая нефть содержала большие количества серы. Удивительное совпадение обстоятельств: первый мой разговор через две-три недели в Берлине с нефтяным инженером из Америки касался именно этого важного вопроса

об удалении серы из дестилятов американской нефти (Техасской и Калифорнийской). которая содержит значительное количество серы.

На другой день мы были уже на границе Советской России, на станции Негорелое. Наш багаж, помещенный в двух обыкновенных чемоданах, почти что не подвергся осмотру, потому что представитель ГПУ, латыш, знал меня хорошо по моим прежним путешествиям и сказал агенту таможни:

«У профессора, вероятно, ничего недозволенного нет, ставьте разрешение».

Я представил ему мою жену, и он пожелал нам хорошего путешествия и хорошенько отдохнуть; я прощался со всевидящим оком советской власти ГПУ в самом хорошем настроении и оставшиеся у меня червонцы в количестве 90 рублей сдал в кассу, так как не имел права вывозить их заграницу; я просил переслать их дочери, что и было сделано.

После двух часов пребывания в Негорелое мы были переданы в пограничную польскую станцию, Столбцы, где нас ожидал прекрасно сервированный завтрак и где мы почувствовали, что находимся в ином царстве, с другими порядками. Когда мы тронулись в путь, заняв очень хорошее купэ спального вагона, я обратился к жене с вопросом, как она себя чувствует в новой обстановке.

«Да, — ответила она, — то, что я увидела и услыхала здесь при переезде границы заставляет меня вспомнить наш старый режим; мне стало как то легче на душе после всех переживаний, которые пришлось испытать за последнее время, в особенности с этими хлопотами по поездке заграницу. Я как то не могу придти в себя и поверить, что я попала в другую страну, где люди живут и мыслят в совершенно других условиях, без боязни, что они могут быть арестованы без всякой провинности с их стороны. Во всяком случае я очень благодарна тебе, что ты выхлопотал мне разрешение поехать заграницу для лечения и немного отдохнуть в спокойной обстановке».

«Я был очень рад доставить тебе эти приятные переживания, и я тоже, как никогда, настроен особо радостно, и причина, вероятно, лежит в том, что ты со мной и что наши дети настолько устроены в своей карьере, что необходимост в нашей помощи им сводится почти к нулю. В душе моей — прибавил я, — есть какое то предчувствие, что быть может нам не суждено больше возвратиться обратно».

На это она ответила, что преждевременно поднимать этот вопрос, нам придется оставаться заграницей не малое время и тогда будет видно, какие события будут иметь место в СССР.

Случайно, в нашем поезде ехал один мой знакомый коммунист, командированный в Берлинское Торгпредство. Он познакомил меня с одним американцем, который приезжал в СССР, чтобы предложить способ их компании (его отец был во главе ее) для окраски судов особой краской, которая не позволяет морским ракушкам приставать к бокам судов при их стоянии в гаванях. Когда последний узнал мою фамилию, то он спросил меня, не собираюсь ли я поехать в Америку. Я сказал ему, что давно имею эту мечту и по всем вероятиям постараюсь в этот мой приезд выхлопотать разрешение на в'езд в Соединенные Штаты и даже сказал ему, что если их компания поможет мне в этом деле, то я буду очень признателен. Он записал мой адрес в Берлине и пообещал написать мне письмо и приглашение для деловых переговоров с их фирмой; он полагал, что это письмо поможет мне получить у американского консула временную визу в Америку. В разговоре он сказал мне, что такие люди, как я, очень нужны в Америке и что если я бы пожелал остаться там, то всегда мог бы найти хорошее место, и с великолепным жалованием в несколько десятков тысяч долларов. Мне все таки не очень верилось сладким речам моего собеседника, но его слова, как тонкий яд, проникали в душу. Он попросил снять с меня фотографию, на что я дал ему разрешение. Он выполнил свое обещание и прислал мне в Берлин письмо и приглашение, но обстоятельства так сложились, что мне не надо было ими воспользоваться; разрешение посетить Соед. Штаты я получил другим путем.

С приездом в Берлин, 13 июня 1930 года, начинается новый период моей жизни, — заграничный: небольшой частью в Германии, а главным образом в Соединенных Штатах. В следующем томе моих воспоминаний я собираюсь рассказать об этих годах моей жизни, которые прошли в условиях, резко отличающихся от прежних двух периодов ее.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

ПРИЛОЖЕНИЕ:

РЕЧЬ В. Н. ИПАТЬЕВА НА ЧЕСТВОВАНИИ 35-ЛЕТИЯ ЕГО НАУЧНОЙ РАБОТЫ

(15 мая 1927 года).

Прежде всего, позвольте выразить мне сердечную и глубокую благодарность за те чувства уважения и доброго отношения, которые я встретил с вашей стороны в этот знаменательный для меня день. Конечно, эти минуты, эти переживания являются громадной наградой, не поддающейся оценке, за всю мою посильную деятельность в науке и технике и мною не забудутся никогда, вплоть до последних дней моей жизни.

Я думаю, что каждому юбиляру, при возникновении предложения со стороны его почитателей организовать праздник его чествования, должна придти сразу такая мысль: зачем этот юбилей? зачем эти хлопоты и трата сил и денег? Я полагаю, что эти сомнения вполне основательны, и, что бы согласиться принять предложение о подобном честовавнии, необходимо подвести какое-нибудь серьезное основание, которое оправдало бы это событие. Не касаясь вопроса, насколько целесообразны празднования юбилеев различных деятелей науки и искусства, я позволю себе указать высокочтимому собранию, что главнейшая причина моего согласия на организацию лестного для меня праздника заключается в том, что он совпадает с 25-летием развития каталитических реакций в химии, которые в настоящее время из лабораторной практики уже перенесены на фабрики и заводы.

Начиная с 1901 года, во Франции и в России появляются одновременно научные исследования по катализу, — сначала в области органических соединений, — которые сразу привлекли к себе внимание всего химического мира и побудили и ученых других стран взяться за разработку каталитических реакций, с целью получения органических и неорганических соединений. Беспристрастные историки оценят в будущем, какую роль сыграла русская химическая мысль в развитии катализа. Я здесь позволяю себе наметить только самые главные этапы в развитии этой важнейшей области химии, дабы Вам стало ясным, что сегодняшний день есть праздник русской химической школы, насажденной у нас Зининым, Менделеевым и Бутлеровым и давшей замечательные результаты, которыми мы в праве гордиться. Если год тому назад Немецкое Химическое Общество в Берлине предложило Миташу, главному химику Баденских Анилинового и Содового заводов, сделать доклад по развитию катализа за четверть века, которое совпало с 25-летним юбилеем его научно-технической деятельности, то я полагаю, что и нам также необходимо отметить сегодня ту работу, которую мы сделали за первую четверть XX столетия.

Это тем более необходимо, что, просматривая заграничную литературу, мы часто убеждаемся, что многие идеи, многие опыты наших ученых замалчиваются иностранной прессой, и потому мы при всяком удобном случае должны сами делать соответствующие поправки. Необходимо отметить при этом, что заграницей, а в особенности в Германии, почти каждая научная работа, имеющая даже отдаленную связь с промышленностью, тотчас же патентуется. Научный работник в Германии без патентирования своих работ — это не химик, а «философ». А так как мы до сих пор были такими философами, то очень часто, хотя наши работы появились гораздо раньше иностранных, инициатива приписывается не русскому ученому, а иностранцу, взявшему патент. Доказательств можно привести сколько угодно, стоит прочитать любую речь или монографию, касающуюся развития той или другой химической проблемы. Начиная с 1901 года, мною независимо и одновременно с фран-

цузскими химиками Сабатье и Сендереном было приступлено к изучению каталитических процессов в органической химии. Пути, по которым мы шли, были различны, но они вели к одной и той же цели — расширить наши сведения по катализу, т. е. приблизиться к пониманию таких химических реакций, которые совершаются при участии посторонних, повидимому, веществ, как бы не принимающих участия в реакциях, т. к. они выходят после реакции неизмененными. Каталитические явления, совершающиеся повсюду в природе и играющие громадную роль в жизненных процессах организмов животных и растений, несомненно, принадлежат к числу самых важнейших, тонких и капризных химических процессов.

Если бы меня спросили, какие физико-химические проблемы больше других интересовали умы химиков за последнюю четверть века, то безошибочно можно было бы сказать, что, за исключением вопросов о строении атомов, это — явления катализа, адсорбции и коллоидов. Эти три ряда явлений, как показывают исследования, теснейшим образом связаны между собою, и можно наперед сказать, что только обстоятельное детальное изучение явлений адсорбции и реакций с коллоидами даст нам возможность ближе подойти к пониманию каталитических процессов.

Каковы же общие признаки, которые сближают все эти явления?

Первое, что бросается в глаза, это то, что все эти феномены суть реакции поверхности. Для того, чтобы шли эти процессы, требуется громадная поверхность, которая исчисляется в несколько сот или несколько тысяч квадратных метров на 1 грамм. Вследствие такой громадной поверхности ничтожный вес коллоидных сгустков, находящихся в организме, по сравнению с весом последнего, способен удерживать почти всю массу введенного активного вещества. В каталитических реакциях количество необходимого катализатора для правильного хода процесса измеряется в большинстве случаев долями процента, и процесс может идти только тогда безостановочно, когда катализатор имеет подготовленную особым образом гро-

мадную поверхность. Явления адсорбции наблюдаются, как известно, только тогда, когда растворенное вещество находится в присутствии твердого тела, представляющего очень большую поверхность. За последнюю четверть века работы по коллоидам и адсорбционным явлениям дали нам в высшей степени ценные результаты, установили новые методы исследования, которые с несомненностью приведут к пониманию тех химических процессов, которые здесь совершаются.

Позвольте в самых общих чертах обратить Ваше внимание на те феномены, которые мы наблюдаем ныне при коллоидных явлениях и адсорбции, и которые по многим своим признакам заставляют нас видеть химизм в указанных процессах. Это является тем более необходимым, что явления катализа, по мере накопления опытного материала, должны быть отнесены к числу химических процессов, и для подтверждения подобного взгляда придется, по всем вероятиям, применить те методы, которые выработаны коллоидальной химией.

С самого начала изучения каталитических реакций, с 1901 года, я, в разрез с взглядами выдающихся физико-химиков, старался искать химизм в явлениях катализа и искать причину каталитических реакций в химической функции катализатора. Мне не только не приходится изменять теперь моих воззрений, но еще более укрепиться в сознании, что первые мои рабочие гипотезы, которые направляли мою химическую мысль, в настоящее время нашли полное признание и во многом оправдали на опыте те предположения, которые из них вытекали. Конечно, еще потребуется много упорного труда для того, чтобы выяснить различные физико-химические явления, здесь происходящие, но интересные работы Лангмюра, Е. Шпитальского и др. окрыляют нашу надежду, и, несомненно, в следующую четверть века развитие учения о катализе обогатит науку гораздо более тонкими и остроумными гипотезами, которые и осветят эту важную отрасль химии.

Мы уже знаем, какие интереснейшие результаты получены при изучении явлений адсорбций и коллоидов, и нельзя не

видеть, что установленные для них методы изучения должны быть применены и для катализа.

Хотя внутренняя природа адсорбции еще мало известна, и управляющие ею законы еще неизвестны, тем не менее мы можем заметить, что во всех случаях адсорбции выясняются общие признаки, которые позволяют вывести некоторые правила и установить даже формулу адсорбции. Для адсорбции существуют правила сродства, хотя и недостаточно определенные, но напоминающие аналогичные правила химии. Адсорбирующая способность специфична и зависит от химических свойств и адсорбента, и адсорбируемого вещества. Адсорбция является ограниченной, и мы можем на основании опытов установить следующие правила для адсорбции: 1) первые порции адсорбируемого вещества удерживаются наиболее энергично; 2) разбавленные адсорбируемые растворы теряют наибольший процент вещества при введении адсорбирующего вещества ; 3) концентрация адсорбируемого вещества изменяется гораздо менее заметно, чем концентрация жидкости, из которой поглощается.

Наиболее простая формула адсорбции в настоящее время принята $C_1 = KC^m_2$, где C_1 — концентрация адсорбируемого вещества в адсорбенте, C_2 — концентрация адсорбируемого вещества и жидкости, а К — коэффициент и фактор количества, а m, которое всегда меньше единицы (при $m = 1$ адсорбция превращается в растворение), является фактором прочности адсорбции. Чем меньше m, тем сильнее адсорбция, и при достаточно малых значениях m, как показывают сравнительные вычисления, числовые законы были бы одинаковы и для адсорбции, и для обычной химической реакции, и мы имели бы право сказать, что первая сводится к последней. При малых значениях m адсорбция обнаруживает экспериментальные свойства обычной химической реакции, и при падении m до 0,001 осуществятся все переходы между простым растворением и чисто химическим явлением. И, поэтому, это изучение явлений адсорбции представляет еще пример тому, что вряд ли будет целесообразно заниматься вопросом: является ли адсобция

физическим или химическим явлением, так как она является переходом между обоими. Раздробленное состояние материала, которое является необходимым условием адсорбции, очень часто тождественно коллоидальному состоянию и всегда ему подобно. Поэтому в коллоидальных процессах, явление адсорбции должны играть громадную роль, т. к. все ткани организмов имеют коллоидальную или сгустковую природу. Правила адсорбции могут быть примерами об'яснений к разнообразным случаям коллоидальных процессов, т. к. имеют общий характер и уже дали в высшей степени верные раз'яснения таких явлений в организмах, которые до сих пор оставались неизвестными и не поддающимися анализу.

Замечательные исследования в коллоидной химии над искусственным коллоидом раскрыли перед нами конституцию золей. Сгустки, которые находятся в данной жидкости и образуют золь, имеют не элементарное, а сложное строение, а именно, состоят из ядра и оболочки. Эта оболочка ничтожна в сравнении с массой ядра, но она-то имеет активную роль, которая и обусловливает все явления, которые присущи коллоидам. Эта побочная часть коллоида, являясь десятитысячной частью коллоида, управляет его свойствами и образуется на счет того реактива, который послужил для образования сгустка. Наилучшим доказательством существования активной части в сгустках гидрозолей являются явления их свертывания под влиянием ничтожно малых количеств солей, невозможность отмыванием получить сгусток без всяких загрязнений и, наконец, явления вытеснения.

Изучение реакции вытеснения с гидрозолями окиси железа, сернистого мышьяка показало, что замещения происходят только в активной части коллоидов, образующих только ничтожную часть целого и показывающих способность взаимодействия, сходную с обычными химическими реакциями. Сгустки можно рассматривать, как химические молекулы, подчиненные тем же самым правилам, как и химические молекулы кристаллов, но отличающиеся от них только сложностью одной из своих частей.

Исходя из сих соображений, к коллоидальным растворам была применена ионная теория и опыты, было доказано движение коллоидных частиц в электрическом поле и также электропроводность. Сгусток, подобно молекуле соли, является делимым, и мы должны были признать в нем два иона разных знаков; сгусток ионизирован наподобие обычных электролитов, но с той разницей, что в сгустках один из ионов во много раз превышает и по величине, и по заряду каждый из простых ионов его сопровождающих. Этот сложный ион называют ядром, а с ним связывают известное число подвижных ионов, которые являются обычным ионом К, Cl и т. д. Они при диссоциации могут быть свободными и будут находиться в межсгустковой жидкости; часть же подвижных ионов будет захвачена главной массой сгустка и тогда образует ядро. Необходимо еще отметить, что в гидрозолях мы имеем сгустки различных величин, и ультрафильтрация позволяет нам разделить более крупные сгустки от более мелких и от межсгустсковой жидкости. В организмах животных и растений роль фильтров играют перепонки, которые способны пропускать одни сгустки и совершенно недоступны для других.

Наконец, введение в изучение коллоидных растворов влияния осмотического давления дает возможность в настоящее время осветить целый ряд явлений коллоидной химии и в применении к биологической химии и физиологии. Стойкость гидрозоля, его свертывание, адсорбция поверхности сгустков прибавленных к гидрозолю веществ обусловливаются ионизацией и изменением осмотического давления, которое на основании опытных исследований могут быть количественно определены. Для всякого гидрозоля существует максимальное осмотическое давление, при котором он может еще существовать в жидком состоянии. До тех пор, пока не достигнуто это давление, гидрозоль можно концентрировать, но за этим пределом коллоид принимает форму гидрогеля. Все наши сведения относительно коллоидов были получены изучением искусственных коллоидов, так как они давали возможность подробно и аналитически проследить все изменения, связать физические и

химические их свойства со строением и создать теорию, которая давала возможность установить количественные отношения.

Нам предстоит теперь перенести эти методы изучения на органические и естественные коллоиды, которые играют существенную роль в жизни животных и растений. К сожалению, мы не можем похвастаться добытыми результатами, и причину надо искать в нерациональности тех методов, которые применялись до сих пор в физиологической химии при исследовании биохимических процессов. Приемы, которые необходимо применить для изучения коллоидов, сводятся к определению химической природы ядра, химической природы наружных ионов, числа этих ионов, величины сгустков и состава меж-сгустковой жидкости. Применение методов диализа, фильтрации, определения осмотического давления и электролиза даст возможность в будущем приблизиться к пониманию коллоидных процессов, и об'яснить их при помощи химизма и для процессов, совершающихся в организмах, а также в некоторых технических процессах, как-то: дубление кожи, крашение и т. д. В результате мы получим выводы, которыми впоследствии воспользуется наука не только для об'яснения целого ряда химических процессов, но они будут иметь большое и важное значение в физиологической и биологической химии. Те старые толкования, которые мы придавали тому или другому ферменту или энзиму, должны быть пересмотрены после того, как в коллоидную химию будут введены указанные методы. Тогда, напр., тот-же диастаз явится только носителем особой пленки, в которой и сосредоточено в ничтожном количестве вещество, обуславливающее ту реакцию, которую мы в настоящее время приписываем самому диастазу.

Вы видите, как все законы, управляющие разноречивыми явлениями мира, подобны. Если мы предполагаем, что в ядре атома заложено положительное электричество, которое составляет существенную часть атома, но зато и самую инертную, то мы должны были принять, что все химические функции атома зависят, главным образом, от тех легчайших электронов, которые находятся на его периферии. Сходство в наших совре-

менных представлениях о строении атома и конституции сгустка золя с его пленкой в высшей степени поразительно. Ядро сгустка является только носителем ничтожной активной пленки, за счет которой совершаются все реакции со сгустком.

Мы можем здесь провести параллель между указанными коллоидными явлениями и теми явлениями, которые были открыты 30 лет тому назад Бухнером, который указал, что явление брожения происходит не вследствие жизнедеятельности ферментов, а вследствие присутствия некоторых веществ, находящихся в них в ничтожном количестве, которые он назвал зимазой. Если действительно разрушить организмы, прервать в них жизнь, то они тем не менее будут вызывать те же процессы брожения органических веществ, какие производят живые ферменты. Организм сам вырабатывает это вещество, сам-же является только его носителем.

Вы знаете, какой полный параллелизм мы находим в различных областях химии, и если физико-химические методы мы будем применять в явлениях катализа, то, несомненно, успех в понимании каталитических реакций будет обеспечен.

Обращаясь теперь к явлениям катализа, мы должны видеть много сходного с явлениями коллоидной химии и адсорбции. Каталитические реакции могут происходить в гомогенной и гетерогенной среде, и эти виды катализа, конечно, будут существенно отличаться друг от друга и потребуют для своего об'яснения различных методов исследования. Вообще надо заметить, что характер каталитических процессов настолько разнообразен, что подыскать какую-нибудь теорию так же невозможно, как нельзя искать общую схему течения разнообразных химических процессов.

В этой речи я не в состоянии касаться даже в общих чертах тех теорий, которые существуют ныне для об'яснения хода каталитических реакций. Я позволю себе обратить ваше внимание только на один вид гетерогенного катализа, который впервые был открыт мною 25 лет тому назад. Я имею в виду дегидрогенизацию алкоголей и дегидратацию алкоголей.

Для об'яснения каталитической дегидрогенизации алко-

голей под влиянием металлов и их окислов, а также дегидратации спиртов под влиянием глинозема мною был высказан взгляд о необходимости искать химизм в явлениях катализа и об'яснять каталитические свойства того или другого вещества при помощи присущих ему химических свойств. С самого начала мною было указано, что введением катализатора мы сильно понижаем температуру, при которой происходит каталитическая реакция. Для течения данной реакции, хотя бы и экзотермической, требуется затрата определенной тепловой энергии, которая нужна и для сообщения импульса для начала реакции, и для того, чтобы катализатор мог проявить свое химическое действие. Одна затрата определенного количества тепловой энергии, как показывают опыты, не вызывает, например, разложения органического вещества; гораздо меньшее количество затраченной тепловой энергии при участии катализатора (неизменяемого по окончании процесса) может вызвать распад органического соединения, а потому естественно является предположение, что катализатор трансформирует тепловую энергию в химическую, что и обуславливает ход процесса при гораздо низшей температуре.

Потенциал химической энергии катализатора при известных условиях может быть очень мал. Катализатор может быть инертным веществом, но если его привести в соприкосновение с определенным веществом, то при известном его физическом состоянии, при известных условиях факторов давления и температуры, при затрате известного количества другой энергии, например, тепловой, можно при посредстве его вызвать химическую реакцию. Оппенгеймер высказывает аналогичный взгляд на фермент, как трансформатор энергии. В своем определении понятия «фермент» он говорит, что своеобразная энергия, материальным субстратом которой является фермент, в состоянии освободить скрытую энергию химического вещества и произвести ее превращение в кинетическую энергию. В химических свойствах глинозема мы должны видеть об'яснение его дегидратирующих каталитических свойств. Глинозем

способен соединяться с водой экзотермически; но, чтобы отнять воду от спирта, нужна определенная температура*).

Но приняв воду, глинозем должен в этот же момент ее отдать, если он будет играть роль катализатора. Чтобы совершить с громадной скоростью такую двойную реакцию, — взять воду и ее отдать, — он должен обладать определенными физическими свойствами. Глинозем должен быть в таком состоянии, что должен обладать максимальной адсорбцией. Согласно теоретических воззрений на явление адсорбции, мы должны придти, согласно взглядам Фарадея, Томсона и за последнее время И. Лангмюра, к допущению существования на поверхности катализатора очень тонких (молекулярных) адсорбированных пленок. «Повидимому, — говорит Лангмюр, — эти пленки состоят из молекул, и обычные (первичные) единицы средства не принимают участия в их образовании. Действующие при адсорбции силы зависят от рассеянного силового поля, существующего около молекул, но здесь не происходит никаких коренных перегрупировок электронов. Силы эти по всей вероятности похожи на те, которые действуют при образовании гидратов». Адсорбция обусловливает только временную задержку молекулы на поверхности между моментом конденсации и моментом испарения. Так как очень сходные по своим физико-химическим свойствам адсорберы не вызывают одних и тех же каталитических процессов, то мы должны признать с несомненностью, что и адсорбируемые пленки ведут себя специфично, а отсюда явствует, что адсорбция зависит от типически химического взаимодействия.

Все высказанные здесь мысли современных физико-химиков мало что прибавляют к тем представлениям, которые слагались четверть века назад при открытии различных видов катализа в органической химии. Если прилагать адсорбцию к об'яснению явления катализа, то, казалось бы, что хорошие адсорберы должны быть хорошими катализаторами, чего на самом деле нет. Два сходных вещества: кремнезем и глинозем

---

*) «Ж. Р. Ф. X. О.», 1903.

очень разно относятся к дегидратации спиртов, несмотря на то, что оба коллоида способны адсорбировать почти одинаковые количества воды.

Нельзя не обратить внимания на то, что современные физико-химики, стремящиеся об'яснить явления катализа при помощи адсорбции, во многом излагают мысли давно уже высказанные, только их перефразируют согласно современным и модным воззрениям на строение атома и молекулы. Если Лангмюр указывает, что адсорбция зависит от типического химического взаимодействия, и что силы, удерживающие на поверхности катализатора адсорбционные пленки, суть силы, которые обуславливают образование гидратов, кристаллогидратов, и т. п., то чем же эти воззрения на явление катализа отличаются от тех мыслей, которые были высказаны мною 25 лет тому назад, когда я находил необходимым об'яснить каталитические реакции при помощи химизма совершаемых здесь процессов, указывая при этом, что глинозем должен обладать особым специфическим свойством, отличающим его от некоторых других, сходных с ним окислов.

Никто не должен оспаривать того, что адсорбция должна играть громадную роль для того, чтобы шел катализ; громадная разробленность катализатора, само собою понятно, сильно ускоряет реакцию, а с размельчением катализатора увеличивается и адсорбация, и тем самым достигаются благоприятные условия для каталитического процесса. Катализ идет на поверхности катализатора, и потому она должна быть подготовлена соответствующим образом для непрерыного хода процесса. Поэтому в высокой степени важны исследования Лангмюра, который в своих опытах обратил внимание на состояние адсорбируемых веществ на поверхности катализатора, и, несомненно, мы подвинемся значительно вперед, если нам удастся подметить связь и зависимость между адсорбционной способностью катализатора, его химическими свойствами и химическими свойствами тел, участвующих в каталитической реакции.

Точно также для об'яснения явления катализа при дегидрогенизацииспиртов при помощи катализаторов железа, цинка,

латуни и их окислов, открытого впервые мною в 1901 году, мы в настоящее время должны считать наиболее вероятной гипотезу, которая базируется также на химизме и предполагет участие в реакции окислов металлов и воды. Сущность моей гипотезы заключается в том, что вода, постоянно находящаяся в действующих телах (влажность в аппарате или в алкоголе), встретив металл, разложится на водород и кислород, который образует окисел металла; эта окись, легко восстановляемая, окислит частицу спирта, обращая альдегид в воду, а сама превратится в металл; вода опять разложится металлом и даст водород и окись металла, которая окислит новую молекулу спирта в альдегид и т. д.

$$Me + H_2\,0 = H_2 + Me\,0$$

$$C_2H_5\,OH + Me\,O = H_2O + CH_3\,COH + Me$$

Два последние уравнения выясняют сущность дела; количество металла будет оставаться постоянным во все время разложения спирта в альдегид; часть же металла, как показывают опыты, будет находиться в виде окисла, часть металла будет в мелкораздробленном состоянии, опсобном адсорбировать воду и ее разлагать. Раз только начался процесс дегидрогенизации спирта, вода будет образовываться за счет окисления спирта окисью металла. Мы имеем, таким образом, два процесса, идущие одновременно: окислительный и восстановительный. И так как процесс альдегидного разложения спирта есть реакция обратимая:

$$CH_3\,CH_2\,OH \rightleftarrows H_2 + CH_3\,COH$$

то об'яснение гидрогенизационного катализа будет исчерпываться приведенными выше двумя уравнениями.

Все тела, выделяющиеся при каталитической гидрогенизации и дегидрогенизации, будут находиться in statu nascendi, и потому указанные промежуточные реакции могут иметь место и совершаться с громадной скоростью. Сабатье и Сандерен, авторы открытия гидрогенизационного катализа, не согласились

с самого начала с предложенной мною гипотезой участия окислов в восстановительном катализе. Они предложили об'яснить гидрогенизацию бензола водородом в присутствии восстановленного никкеля при помощи гипотезы образования водородистых соединений металлов. За последнее время Шленком были произведены опыты получения водородистых соединений с никелем, при чем им было выделено соединение NiH_2. Можно бы думать, что эти опыты Шленка должны были окончательно склонить к признанию гипотезы образования в качестве промежуточных продуктов при гидрировании водородистых металлов, однако, целый ряд соображений все-таки не позволяет принять окончательно эту гипотезу.

Произведенные мною опыты гидрирования с окислами металлов показали, что, при сравнительно малой их редукции, они с большей скоростью гидрогенизируют органические соединения, чем сам восстановленный металл, и целый ряд интереснейших исследований Вильштеттера с выяснением роли кислорода в гидрогенизационном катализе, а также работы Лангмюра заставляют склоняться к принятию гипотезы, по которой гидрогенизации и дегидрогенизация органических соединений должны об'ясняться участием воды и окислов металла. В только что вышедшей книге Вельблинга «Гидрирование» (Kohle, Koks, Teer, Band 8), в которой разбираются все методы гидрирования разнообразных органических соединений приведены все гипотезы, которые были высказаны для об'яснения этого каталитического процесса. Интересным является то, что в конце книги (стр. 97), в главе о теории катализа, автор, приведя взгляды разных исследователей*), делает вывод, что в сфере каталитического процесса мы имеем, по всем вероятиям, равновесие между катализатором-металлом, его окислом и водой, и что между ними происходят реакции, которые были выражены вышеприведенными уравнениями. Таким образом, мы недалеко ушли от тех предположений, которые были высказаны 25 лет тому назад, и хотя они дали

*) B. C. Boswell, Proc. Trans. Roy. Soc. Canada (3) 17, III, 120, 1923.

возможность открыть новые пути по синтезу разнообразных неорганических и органических веществ и предвидеть целый ряд интересных явлений, тем не менее мы нуждаемся в настоящее время в систематических физико-химических исследованиях для более глубокого теоретического изучения работы катализатора и его активности в связи со всеми явлениями, которые могут здесь иметь место: как-то адсорбция, образование молекулярных пленок и т. п. (Лангмюр, Шпитальский, и др.). Работы в этом направлении уже начались, и уже получаются некоторые положительные результаты, но только упорная тонкая работа, и применение методов, подобных приемам коллоидной химии, позволят создать надежную базу для толкования каталитических процессов.

Все виды каталитических реакций: гидрогенизация, дегидрогенизация, изомеризация, полимеризация, конденсация и оксидация были изучены в научных лабораториях в течении последней четверти века. Многочисленные работы, которые были сделаны в этом направлении, выяснили совершенно новые стороны дела, касающиеся хода каталитических процессов при высоких температурах. В высокой степени важным оказалось то обстоятельство, что температуры выше 300°, в присутствии определенного катализатора, не разрушают молекулы органических соединений на случайные осколки, а, наоборот, расщепляют по строго определенному направлению, с образованием ценнейших продуктов. Одно и то же вещество может быть расщеплено под влиянием различных катализаторов по разным направлениям. Гидрогенизация ароматических и непредельных соединений, т. е. каталитическое восстановление водородом, идет сравнительно при низких температурах под влиянием восстановленных металлов, главным образом, никкеля и кобальта.

С самого начала было обращено внимание на то, что в окислительных и восстановительных процессах окислы металлов играют громадную роль, и что в этих реакциях идут одновременно оба процесса — и восстановление, и окисление, подобно биохимическим процессам в живых организмах.

С целью изучения кинетики каталитических процессов были изучены каталитические реакции в замкнутом сосуде (бомбе) при больших давлениях. Эти исследования привели к очень важным выводам: большинство каталитических процессов обратимы, и давление играет колоссальную роль, ускоряя каталитический процесс и позволяя его довести до высокого предела, иногда же до конца. Без давления много-органических соединений нельзя было бы прогидрогенизировать до конца, нельзя было бы провести каталитическую дегидратацию с большим выходом для получения непредельного соединения. Наконец, работы по катализу с органическими соединениями выяснили роль окислов в этих процессах и совместное действие катализаторов, которое находит себе сравнение в совместном действии энзимов и химических соединений в организмах.

Все эти важнейшие выводы, вытекающие из научных исследований, сделанных сначала в России и Франции, а потом и в Германии в течение первого десятка лет, были использованы во вторую половину этой четверти века для получения в заводском масштабе очень важных химических продуктов, которые прежде или вовсе не могли быть получаемы, или же добывались по иным методам с большими затруднениями и по дорогой цене.

Необходимо заметить, что каталитический синтез химических продуктов одинаков, как для органических, так и для неорганических соединений, и базируется на вышеприведенных началах и разница заключается только в интенсивности давления и температуры, которые необходимы для ведения процесса. Главнейшие продукты, которые мы можем получить каталитически заводским путем без давления: этилен и этиловый эфир из этилового спирта; этиловый спирт — восстановлением уксусного альдегида, уксусный альдегид из ацетилена и продукты гидрирования жиров (последний процесс идет лучше и экономичнее под давлением). При участии давления: гидрогенизация ароматических углеводородов, нафталина, фенола, крезола, получение метилового спирта, синтез аммиака из водорода и азота, отверждение жиров.

Другое важное завоевание в современной технике касается

получения метилового спирта (древесного) посредством катализа из окиси углерода и водорода под большим давлением при 400—420 атм. Сырой метиловый спирт, полученный каталитически, содержит до 80% метилового спирта, и в нем отсутствуют альдегид и ацетон; запах сырого спирта указывает, что в нем содержатся высшие спирты. Полученный таким образом метиловый спирт очень дешев и является серьезнейшим конкурентом древесному спирту, полученному при сухой перегонке дерева. Синтез аммиака, метилового спирта, отверждение жиров и т. п. химические заводские процессы сделали переворот в химической индустрии и открыли новые горизонты в вопросах завоевания природы. Исходя из доступных тел органогенов: угля, водорода, кислорода и азота и повсюду распространенных веществ — воды, углекислоты, извести и т. п., — мы в состоянии путем простых химических процессов, владея только таинственными химическими свойствами катализаторов и вводя, только когда необходимо, большие давления, получить самые разнообразные жизненные необходимые вещества. Действительно, синтез аммиака, цианамида, мочевины, углекислого аммония, метилового спирта, формальдегида, этилена, уксусной кислоты и т. п. мы можем произвести только при участии катализаторов и надлежащим образом подобранных факторов температуры и давления. Главнейшие достижения, которые мы имеем за последние годы в деле получения водорода из водяного газа, и из газов коксовых печей, об'ясняются исключительно научными открытиями в области катализа и применения его для синтеза важнейших химических продуктов.

Каталитический способ получения азотистых соединений за последнее время получил такое рентабельное разрешение, что нет почти ни одной страны в мире, где бы не устанавливали в настоящее время синтеза аммиака, — процесса наиболее экономического из всех существующих ныне способов добывания азотистых соединений из азота воздуха. Существующие способы синтеза аммиака базируются на одних и тех же началах: чистые газы, смешанный железный катализатор, высокое

давление; разница только в устройстве бомбы, где ведется процесс, и в величине давления, которое колеблется от 200 атм. до 1000 атм. при температуре 500°.

Приведенные главнейшие достижения химической техники за первую четверть XX века ясно доказывают, что без строго научного исследования каталитических реакций мы не могли бы воспроизвести на химических заводах такие процессы, о которых раньше мы не смели и мечтать.

Из приведенных данных легко виден быстрый переход от научных лабораторных изысканий к производству заводского продукта, и его нельзя сравнить с тем, что имело место на заре развития химической индустрии. Причину такой быстрой реализации научных открытий надо искать несомненно в сложившемся твердом убеждении у людей, стоящих у промышленности, держать полный контакт науки и техники и на заводах иметь научные лаборатории, которые могли бы следить за развитием научной мысли во всем мире и уметь тотчас же проверить и применять новые идеи в заводской практике.

Позвольте же мне в заключение моей речи высказать пожелание, которое может быть тоже до некоторой степени оправданием настоящих юбилейных торжеств.

Все люди, какое бы положение они ни занимали, всегда найдут причину при всевозможных обстоятельствах что-либо себе попросить. Даже такой не от мира сего философ Диоген, и тот попросил, чтобы ему не заслоняли солнца. Да будет же мне, не философу, разрешено высказать и свое пожелание. За последние 3 года мне посчастливилось снова развить свою научную работу и сравнительно много времени проводить в научной лаборатории и работать со своими сотрудниками. Нам удалось получить очень ценные результаты, заинтересовавшие умы и заграничных химиков, при чем некоторые результаты несомненно имеют практический характер.

Конечно, за предоставление мне возможности время от времени работать в химической лаборатории в Ленинграде я должен принести мою горячую благодарность моим дорогим товарищам по Химическому Управлению, потому что этим

увеличивается их нагрузка. Я также должен принести глубокую благодарность и Президиуму ВСНХ СССР и Коллегии Научно-Технического Управления, которые оказали мне существенную помощь, без которой я никоим образом не мог бы сделать всех моих научных открытий за последнее время.

Важнейшая моя просьба будет заключаться в том, чтобы я остатки моих дней мог использовать, главным образом, для научной работы в лабораториях, дабы я мог свой опыт и все свои знания передать моим ученикам, сотрудникам и командированным с заводов инженерам и совместно с ними внедрить полученные результаты в нашу химическую промышленность, в которой так нуждается наш Союз. Что такие полезные для промышленности результаты в нашей совместной работе будут достигнуты, тому доказательством может служить моя тридцатипятилетняя исследовательская научная работа, плодами которой воспользовалась наша, а также и заграничная промышленность.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ: 1917—1921

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

РАБОТА В ПРЕЗИДИУМЕ ВСНХ: 1921—1927

ЧАСТЬ ПЯТАЯ:

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В СССР:
1927—1930.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Цена за 2 тома $8.50

Издание автора

166